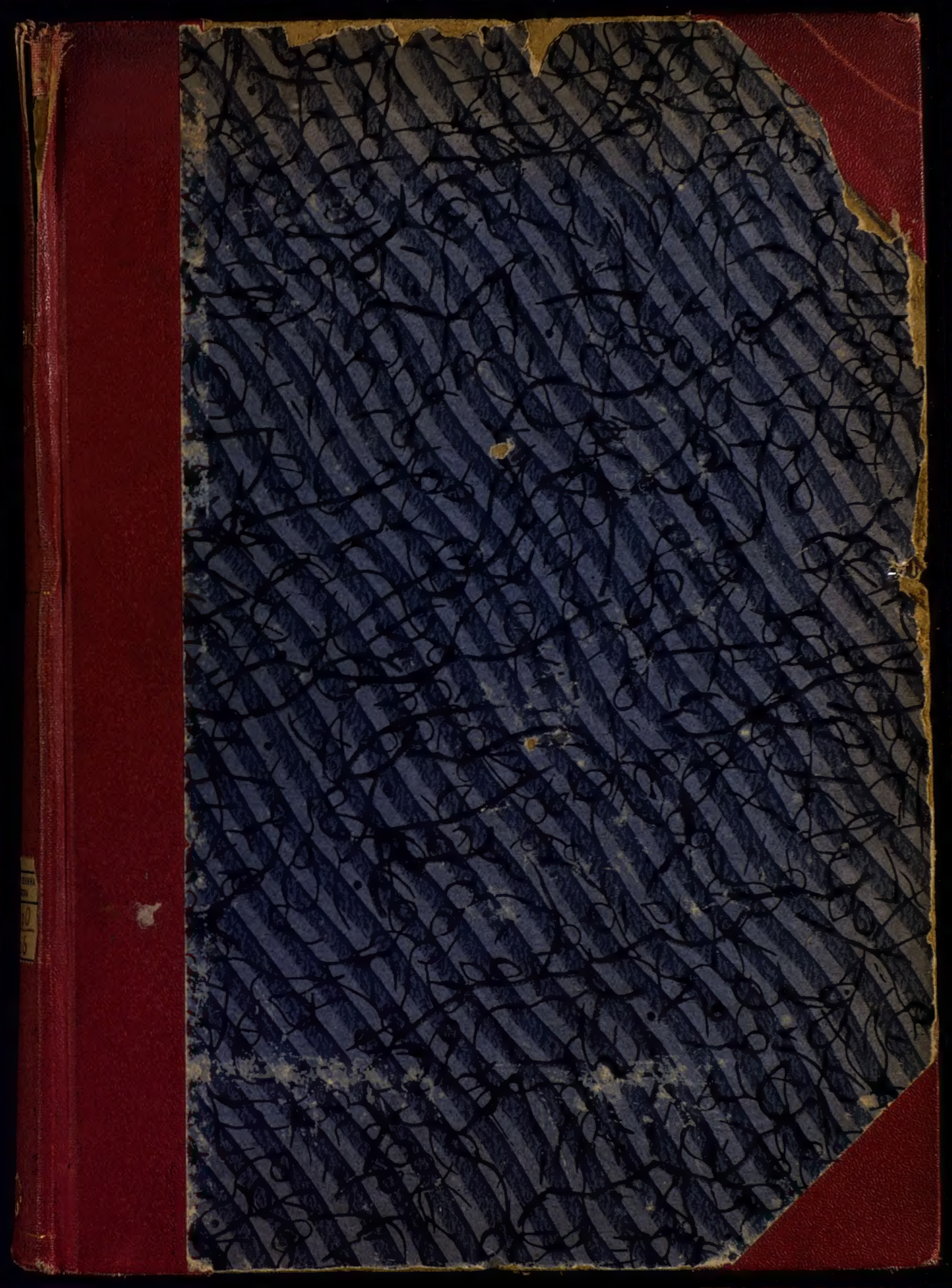
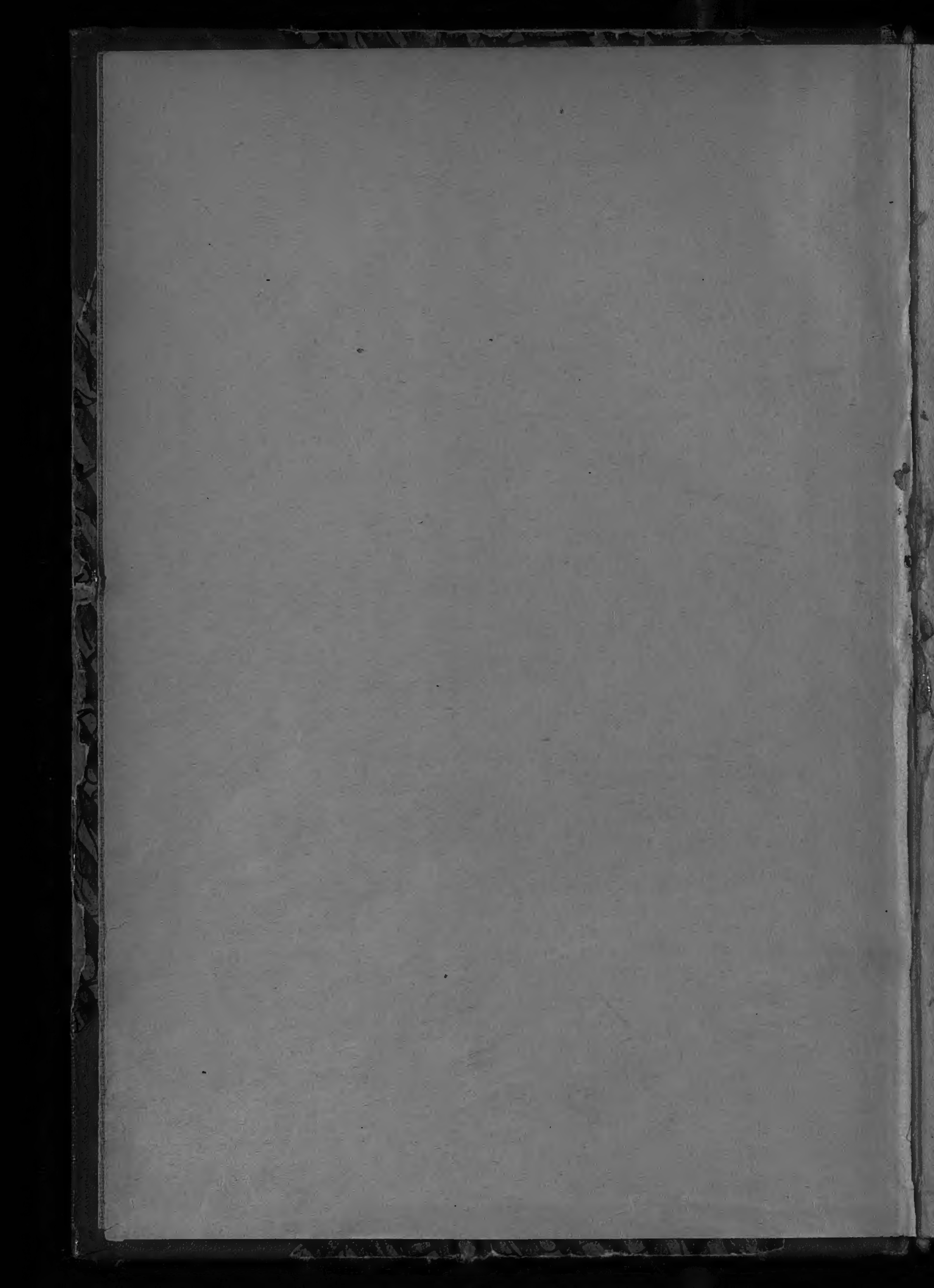

1 марта 1881 года.

ПО НЕИЗДАННЫМЪ МАТЕРІАЛАМЪ.

Съ 40 портретами, рисунками и факсимиле.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „БЫЛОЕ"
Петроградъ, 1918.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Эта книга является отдѣльнымъ оттискомъ журнала «Былое» № 10—11. (1918, книги 4—5, апрѣль—май).

Софья Перовская.

(1854 — 1881).

Софья Львовна Перовская, по своей революціонной дѣятельности и судьбѣ, какъ первая русская женщина, казненная по политическому дѣлу, представляетъ одно изъ немногихъ лицъ, которыя перейдутъ въ исторію.

Съ точки зрѣнія наслѣдственности и вліянія окружающей среды любопытно, что эта аскетка-революціонерка была, по происхожденію, правнучкой Кирилла Григорьевича Разумовскаго, послѣдняго гетмана малороссійскаго, внучкой губернатора въ Крыму, въ царствованіе Александра I, и дочерью губернатора Петербурга, раньше служившаго во Псковѣ.

По случайному стеченію обстоятельствъ, ея обвинителемъ, въ особомъ присутствіи сената по дѣлу 1-го марта 1881 г., является человѣкъ, бывшій въ прошломъ ея товарищемъ дѣтскихъ игръ.

Въ Псковѣ родители ихъ были сослуживцами и жили рядомъ, такъ что дѣти постоянно встрѣчались. [1]) Обвинитель въ своей рѣчи переступилъ границы прокурорскихъ обязанностей и, кромѣ обычныхъ въ этихъ случаяхъ упрековъ кровожадности, бросилъ слово: «безнрственность». Это былъ Н. В. Муравьевъ, впослѣдствіи министръ юстиціи, стражъ закона, попиравшій этотъ законъ, просвѣщенный юристъ, говорившій о судебныхъ уставахъ 1864 г., что ихъ основы—наилучшія изъ до сихъ поръ выработанныхъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ и, тѣмъ не менѣе, потрясающій эти основы. Это былъ Муравьевъ—законникъ, котораго русское правительство посылало въ Парижъ, чтобы добиваться отъ свободной республики нарушенія права и убѣжища, гарантированнаго закономъ этой свободной республики:—выдачи Л. Гартмана, виновника взрыва царскаго поѣзда подъ Москвой 19-го ноября 1879 г. Тотъ Муравьевъ, — служитель нелицепріятнаго правосудія, — о которомъ въ его бытность министромъ шла широкая молва, какъ объ одномъ изъ крупнѣйшихъ взяточниковъ того времени.

Условія дѣтства заронили въ душу Перовской никогда не потухавшіе лучи человѣчности и чувства чести. Въ поколѣніи, отцы котораго пользовались крѣпостнымъ правомъ, крѣпостническіе

---

[1]) Самъ Муравьевъ, послѣ моего ареста, говорилъ мнѣ это.

нравы, съ ихъ заушеніемъ человѣческой личности, вносимые и въ семейныя отношенія, нерѣдко развивали въ дѣтяхъ, въ противовѣсъ отцамъ, протестъ и отвращеніе къ диспотизму. Такъ было и съ Перовской. Ея отецъ, Левъ Николаевичъ Перовскій, былъ крѣпостникъ изъ крѣпостниковъ, оскорблявшій мать своихъ дѣтей не только самолично, но и принуждавшій ребенка—сына оскорблять дѣйствіемъ эту мать, типичную для той эпохи женщину скромной душевной красоты и кротости. Въ тяжелой атмосферѣ семьи Софья Львовна научилась любить человѣка, любить страдающихъ, какъ она любила страдавшую мать, съ которой до послѣднихъ, трагическихъ дней жизни не прерывала сношеній. Во время суда надо мной, надзирательницы дома предварительнаго заключенія разсказывали мнѣ, что во время процесса Перовской, на свиданіяхъ съ матерью, призванной изъ Крыма, Софья Львовна мало говорила. Какъ больное, измученное дитя, тихая и безмолвная, она все время полулежала, положивъ голову на колѣни матери. Два жандарма, день и ночь сидѣвшіе въ камерѣ Перовской, находились тутъ же.

Едва начавъ жить сознательной жизнью, Перовская рѣшила покинуть семью, оставаться въ которой морально ей было невыносимо. Но отецъ не хотѣлъ дать ей отдѣльнаго паспорта и, въ случаѣ ухода, грозилъ вернуть въ отчій домъ черезъ полицію. Перовская не отступила и ушла отъ родителей, скрывшись у своихъ подругъ по аларчинскимъ курсамъ — сестеръ Корниловыхъ. Вмѣстѣ съ одной изъ нихъ — теперешней Александрой Ивановой Морицъ — она судилась потомъ по процессу 193-хъ. Быть можетъ, унаслѣдовавъ отъ матери нѣжную душу, Перовская, какъ членъ кружка чайковцевъ, къ которому принадлежали и Корниловы, весь запасъ женской доброты и мягкости отдала въ качествѣ народницы трудящемуся люду, когда, обучившись фельдшерству, соприкоснулась въ деревнѣ съ этимъ людомъ. Въ воспоминаніяхъ свидѣтелей ея тогдашней жизни говорится, что было что-то матерински-нѣжное въ ея отношеніи къ больнымъ, какъ и вообще къ окружающимъ крестьянамъ. Какое нравственное удовлетвореніе ей давало общеніе съ деревней и какъ трудно было ей оторваться отъ этой деревни, убогой и темной, показываетъ ея поведеніе на воронежскомъ съѣздѣ и колебаніе при распаденіи общества «Земля и Воля» на «Народную Волю» и «Черный Передѣлъ». Тогда мы обѣ—она и я—только что оторвавшіяся отъ деревни, всѣми силами души были еще связаны съ нею. Насъ приглашали къ участію въ политической борьбѣ, звали въ городъ, а мы чувствовали, что деревня нуждается въ насъ, что безъ насъ—темнѣе тамъ. Разумъ говоритъ, что надо встать на тотъ же путь, на которомъ уже стояли наши товарищи, политическіе террористы, упоенные борьбой и одушевленные успѣхомъ. Но чувство говорило другое, настроеніе у насъ было иное, оно влекло въ міръ обездоленныхъ. Конечно, мы не отдавали себѣ отчета, но впослѣдствіи это настроеніе было правильно опредѣ-

лено, какъ стремленіе къ чистой жизни, къ личной святости. Однако, если на воронежскомъ съѣздѣ о насъ, смѣясь, товарищи говорили, что мы сидимъ между двухъ стульевъ, то послѣ нѣкотораго раздумья мы побѣдили свое чувство, свое настроеніе и, отказавшись отъ моральнаго удовлетворенія, которое давала жизнь среди народа, твердо стали рядомъ съ товарищами, политическое чутье которыхъ опередило насъ.

Съ тѣхъ поръ во всѣхъ террористическихъ замыслахъ исполнительнаго комитета партіи «Народной Воли» Перовская занимаетъ первое мѣсто. Это она является привѣтливой простушкой - хозяйкой убогаго домишки на московской окраинѣ, близъ полотна московско-курской жел. дороги, откуда ведется подкопъ для взрыва царскаго поѣзда. Левъ Гартманъ, на имя котораго за 600—700 руб. купленъ домъ, играетъ роль ея мужа—мелкаго желѣзно-дорожнаго служащаго, а она, съ естественной простотой, морочитъ опасныхъ своей любознательностью кумушекъ-сосѣдокъ. Въ рѣшительный моментъ это она остается со Степаномъ Ширяевымъ въ домикѣ, гдѣ долженъ быть сомкнутъ электрическій токъ при приближеніи царскаго поѣзда. О томъ, что царь ѣдетъ, имѣется достовѣрное свѣдѣніе. Перовская во-время дастъ сигналъ, Ширяевъ сомкнетъ токъ, и крушеніе поѣзда совершится...

..... Весь горящій огнями, поѣздъ мчится. Перовская, всегда бдительная, всегда готовая, даетъ сигналъ. Но Ширяевъ! Ширяевъ — растерялся-ли, былъ-ли недостаточно внимателенъ и расторопенъ — Ширяевъ сомкнулъ провода лишь тогда, когда вслѣдъ за яркимъ поѣздомъ послѣдовалъ другой, обыкновенный. Въ немъ были только служащіе: царь Александръ II остался невредимъ.

Затѣмъ, уже послѣ взрыва въ Зимнемъ дворцѣ 5-го февраля 1880 г., взрыва, произведеннаго рабочимъ Халтуринымъ, Перовская лѣтомъ 1880 г. пріѣзжаетъ вмѣстѣ съ Саблинымъ въ Одессу; они устраиваютъ мелочную лавочку на Итальянской улицѣ и вмѣстѣ съ другими членами исполнительнаго комитета ведутъ подкопъ, чтобъ заложить мину въ ожиданіи несостоявшагося проѣзда Александра II изъ Крыма въ Петербургъ.

Наконецъ, въ 1881 г. подготовляется седьмое покушеніе исполнительнаго комитета, подготовляется 1-ое марта, когда императоръ погибаетъ отъ двухъ бомбъ, брошенныхъ террористами.

Конечно, какъ при всякомъ сложномъ замыслѣ, со многими участниками, трудно разграничить, что каждымъ внесено въ общее дѣло,—все же, думается, будетъ только справедливостью сказать: не будь Перовской, съ ея хладнокровіемъ и обдуманностью, фактъ цареубійства могъ и не пасть на этотъ день.

Мы жили тревожной жизнью въ предшествующіе дни: наступалъ третій мѣсяцъ существованія магазина сыровъ на Малой Садовой [1]), въ домѣ Менгденъ. Хозяева магазина, Богдано-

---

[1]) Теперешней Садово-Инженерной.

вичъ и Якимова, съ внѣшней стороны удовлетворяли самымъ строгимъ требованіямъ: рыжая борода лопатой, лицо широкое, простонародное, цвѣта тумпаковаго самовара, какъ, смѣясь, говорилъ о себѣ Богдановичъ, безыскусственная рѣчь, склонная къ шуткѣ, мѣткая и находчивая (за словомъ въ карманъ не полѣзетъ), дѣлали Богдановича извнѣ настоящимъ рядовымъ торговцемъ, а Якимова, съ ея демократической наружностью, подстриженной «чолкой» на лбу и говоромъ на «о», была, какъ нельзя больше, ему подъ-пару. Но насчетъ коммерціи оба были слабы: сосѣдніе торговцы сразу рѣшили, что новопришельцы имъ не конкуренты. Къ тому же денегъ въ январѣ—февралѣ было мало и закупка сыровъ была скудная. Однако эта скудость на первый взглядъ не бросилась въ глаза, какъ я удостовѣрилась въ этомъ, когда, подъ видомъ покупательницы «рокфора», по порученію исполнительнаго комитета, пріѣхала однажды предупредить хозяевъ, что за магазиномъ «слѣдятъ». Но бочки подъ сырье стояли пустыя: онѣ наполнялись землей изъ подкопа, проводившагося подъ улицей, по которой по воскресеньямъ государь ѣздилъ въ Михайловскій манежъ. Неумѣстность торговцевъ, какъ таковыхъ, а можетъ быть слѣжка за кѣмъ-нибудь изъ тѣхъ, кто по ночамъ работалъ въ подкопѣ изъ магазина [1]), но только полиція обратила, наконецъ, вниманіе на это заведеніе. Оно находилось въ полуподвальномъ этажѣ, и полиція пришла подъ предлогомъ санитарнаго осмотра магазина. Дѣло висѣло на волоскѣ: «это что же, сырость?»,—спросилъ приставъ, указывая на слѣды влажности подлѣ одной изъ бочекъ, наполненныхъ сырой землей.— «Масляница—сметану пролили»,—отвѣтилъ Богдановичъ. Загляни приставъ въ кадку, онъ увидалъ бы, какая сметана въ ней была. Въ углу, на полу лежала большая куча вынутой изъ подкопа земли. Сверху ее прикрывала рогожа и былъ наброшенъ половикъ. Достаточно было приподнять ихъ, чтобы открытіе было сдѣлано. Но все миновало, и осмотръ какъ будто даже легализировалъ магазинъ: ничего подозрительнаго въ немъ не найдено. Между тѣмъ, тревожные слухи стали разноситься: полиція—въ ожиданіи какихъ-то событій, за чѣмъ-то слѣдятъ... Нашего хранителя—Клѣточникова, который, по должности помощника дѣлопроизводителя въ III-мъ отдѣленіи, могъ предупреждать насъ объ опасностяхъ, мы уже потеряли: онъ былъ арестованъ еще въ началѣ февраля на квартирѣ Баранникова. И несчастье случилось: 27 февраля, въ меблированныхъ комнатахъ на Невскомъ, былъ арестованъ членъ исполнительнаго комитета Тригони и у него взятъ Желябовъ, тотъ Желябовъ, которому была назначена одна изъ самыхъ важныхъ отвѣтственныхъ ролей въ предполагаемомъ покушеніи на Садовой. Исполнительный комитетъ постановилъ, что взрывъ заложенной мины будетъ главнымъ ударомъ. Его произведутъ не хозяева магазина, которые должны своевременно

[1]) Вѣроятно, за Тригони.

удалиться: другой, особо назначенный членъ комитета, явится въ магазинъ, чтобъ сомкнуть провода электрической батареи. На случай, если взрывъ опередитъ карету государя или опоздаетъ и пропуститъ ее, — Желябовъ, вооруженный кинжаломъ, стоя на улицѣ, долженъ кончить дѣло, независимо отъ 4-хъ бомбометальщиковъ, расположенныхъ для обезпеченія задуманнаго на той же улицѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ магазина, въ тайну котораго, однако, они не были посвящены [4]).

Итакъ, одинъ изъ главарей, энергичный, надежный товарищъ и руководитель метальщиковъ, выпадалъ изъ замысла, и самый магазинъ, благодаря аресту Тригони, каждую ночь посѣщавшаго его для работы въ подкопѣ, подвергнутъ, величайшей опасности.

Среди этихъ обстоятельствъ, 28-го февраля, на другой день послѣ ареста Тригони и Желябова, мы, члены исполнительнаго комитета, на-спѣхъ собрались на моей квартирѣ у Вознесенскаго моста. Присутствовали не всѣ, такъ какъ для оповѣщенія не было времени. Кромѣ меня и Исаева—хозяевъ квартиры — были: Перовская, Анна Павловна Корба, Сухановъ, Грачевскій, Фроленко, Лебедева; быть можетъ, Тихомировъ, Лангансъ — навѣрно не помню. Всего не менѣе 10 человѣкъ. Была суббота. На утро, 1-го марта, въ воскресенье, государь поѣдетъ въ манежъ: подкопъ готовъ, но магазинъ въ опасности, Желябовъ арестованъ, мина въ подкопѣ не заложена, а бомбы не снаряжены. Если не дѣйствовать завтра, магазинъ каждую минуту можетъ быть открытъ полиціей и все рухнетъ. Мину Исаевъ сейчасъ же можетъ заложить, но какъ дѣйствовать, не подкрѣпивъ ее вспомогательными средствами: кинжаломъ и бомбами, которыя не готовы? Вопросъ поставленъ, и мы, безъ колебаній, единодушно говоримъ: «надо дѣйствовать. Завтра, во что бы то ни стало, завтра дѣйствовать»,

Мина должна быть заложена: бомбы должны быть готовы къ утру и, на ряду съ миной или независимо отъ нея, онѣ должны быть пущены въ ходъ.

Было около 3-хъ часовъ дня субботы.

Эту ночь напролетъ у насъ на квартирѣ горѣли лампы и пылалъ каминъ. Не покладая рукъ, работали: Сухановъ, Кибальчичъ и Грачевскій. Къ 8-ми часамъ утра всѣ 4 бомбы были готовы; двѣ первыя унесла Перовская, ночевавшая у насъ, двѣ другія унесъ Кибальчичъ. Ихъ унесли на Телѣжную улицу, на квартиру Геси Гельфманъ и Н. Саблина, мѣсто обычной воскресной встрѣчи метальщиковъ. Перовская, вмѣстѣ съ Желябовымъ руководившая ими и раньше, дала точныя указанія, гдѣ должны встать Рысаковъ, Гриневицкій, Емельяновъ и Тимофей Михайловъ—метальщики.

---

[4]) Благодаря этому, Рысаковъ, предавъ Телѣжную ул., не могъ выдать Садовой.

Въ 10-мъ часу ко мнѣ пришелъ тотъ, который былъ избранъ для того, чтобы, при проѣздѣ царя, сомкнуть въ магазинѣ электрическій токъ [1]). Я съ удивленіемъ увидала, что изъ принесеннаго свертка онъ вынимаетъ колбасу и бутылку краснаго вина и ставитъ на столъ, приготовляясь закусывать. Въ томъ возбужденіи, въ какомъ я находилась послѣ нашего рѣшенія и безсонной ночи, проведенной въ приготовленіяхъ, мнѣ казалось, что ни ѣсть, ни пить невозможно. «Что это...» почти съ ужасомъ спросила я, видя матеріалистическія намѣренія человѣка, обреченнаго почти на вѣрную смерть подъ развалинами отъ взрыва. «Я долженъ быть въ полномъ обладаніи силъ», спокойно отвѣтилъ товарищъ и, невозмутимый, принялся за ѣду. Предъ этимъ отсутствіемъ мысли о возможной гибели, предъ этимъ единственнымъ помышленіемъ, что для выполненія взятой на себя обязанности надо быть въ полномъ обладаніи силъ — я могла лишь безмолвно преклониться.

Царь не поѣхалъ по Садовой. Тутъ Перовская выказала, въ свою очередь, полное самообладаніе. Быстро сообразивъ, что путемъ, по которому государь поѣдетъ обратно, — будетъ набережная Екатерининскаго канала, она измѣнила весь планъ, чтобъ дѣйствовать уже однѣми бомбами. Она обошла метальщиковъ и поставила ихъ на новыя мѣста, условившись о сигналѣ, который она дастъ. Въ началѣ 3-го часа одинъ за другимъ прогремѣли два удара, похожіе на пушечные выстрѣлы: бомба Рысакова разбила карету государя, бомба Гриневицкаго сокрушила императора: смертельно раненые, и царь и метальщикъ черезъ нѣсколько часовъ были бездыханны.

День спасла Перовская и заплатила за него жизнью.

Я познакомилась съ Софьей Львовной въ 1877 году въ Петербургѣ, когда она, какъ подслѣдственная по дѣлу 193-хъ, находилась на порукахъ. Ее привела ко мнѣ Корнилова и оставила ночевать. Ея наружность обратила на себя мое вниманіе: она походила на молодую крестьянскую дѣвушку, въ сорочкѣ деревенскаго покроя, съ небольшой русой косой, свѣтло-сѣрыми глазами и по-дѣтски округленными щеками. Во всемъ ея бѣломъ, миловидномъ личикѣ было много юнаго, простого и напоминающаго ребенка. Этотъ элементъ дѣтскаго въ лицѣ сохранился у нея до конца, несмотря на трагическія минуты, которая она переживала въ мартовскіе дни. Глядя на простоту всей ея внѣшности, никто не подумалъ бы о средѣ, въ которой она родилась и провела дѣтство и отрочество, а общее выраженіе лица, съ мягкими линіями, совсѣмъ не говорило о сильной волѣ и твердомъ характерѣ, которые ей достались, быть можетъ, съ отцовской стороны. Вообще, въ ея натурѣ была и женственная мягкость, и мужская суровость. Нѣжная, матерински-нѣжная, къ

---

[1]) Я не увѣрена, что онъ когда-либо былъ названъ, или самъ назвалъ себя.

людямъ изъ народа, она была требовательна и строга по отношенію къ единомышленникамъ, а къ политическимъ врагамъ—къ правительству—могла быть безпощадной, что приводило почти въ трепетъ Николая Евгеніевича Суханова: его идеалъ женщины никакъ не мирился съ этимъ. Когда кончился процессъ 193-хъ, ея квартира была центромъ, въ которомъ сходились товарищи по суду, но только «протестанты», не признававшіе этого суда и не присутствовавшіе поэтому на засѣданіяхъ его. Сильная личность Мышкина съ его знаменитой рѣчью на судѣ произвели на нее такое впечатлѣніе, что мысль объ освобожденіи его изъ централа харьковской губ. сдѣлалась ея idée fixe. Много энергіи отдала она на попытки осуществленія ея. Самыми близкими и любимыми товарищами Перовской были люди, выдающіеся по своимъ духовнымъ качествамъ, но совершенно непохожіе другъ на друга: одинъ полный блеска, другой—совершенно лишенный его: Желябовъ и Фроленко—«Михайло», какъ она и всѣ товарищи звали его. На воронежскомъ съѣздѣ я впервые встрѣтилась съ этими двумя, и Перовская, знавшая ихъ и до этого, много говорила мнѣ о ихъ превосходныхъ качествахъ, но можно было замѣтить, что какъ ни цѣнитъ она «Михайлу»—Желябовъ прямо восхищаетъ ее.

Перовская, согласно идеаламъ нашей эпохи, была великой аскеткой. Въ одинъ изъ мартовскихъ дней она обратилась ко мнѣ: «найди мнѣ рублей 15 взаймы. Я истратила ихъ на лекарства—это не должно входить въ общественные расходы. Мать прислала мнѣ шелковое sortie de bal, портниха продастъ его, и я уплачу долгъ». До такого ригоризма у насъ, кажется, еще никто не доходилъ. Въ тѣ же памятные дни я познала всю ея деликатность и безкорыстную заботу о товарищахъ. Дѣло состояло въ слѣдующемъ: послѣ ареста Желябова 27 февраля, квартира его и Перовской была тотчасъ же очищена отъ нелегальнаго имущества и покинута. Съ этого дня и до 10 марта, когда Перовскую арестовали близъ Аничкина дворца, она ночевала то у однихъ, то у другихъ друзей. При тогдашнихъ обстоятельствахъ такое неимѣнье своего угла было особенно тягостно и совершенно не вызывалось необходимостью, такъ какъ мы имѣли нѣсколько своихъ общественныхъ квартиръ, гдѣ каждый товарищъ могъ считать себя равноправнымъ хозяиномъ и быть, какъ у себя дома. Вотъ разгадка: въ то время, время диктатуры Лорисъ-Меликова, не уберегшаго императора отъ руки террористовъ, въ Петербургѣ среди полиціи, какъ и среди жителей, поднялась паника. Полиція, недосмотрѣвшая, должна была оправдать себя и подняла все на ноги для отысканія крамолы. Самые зловѣщіе слухи ходили въ перепуганной публикѣ: говорили о повальныхъ ночныхъ обыскахъ не только цѣлыхъ домовъ, но и цѣлыхъ кварталовъ. А мы, народовольцы, одного за другимъ, теряли своихъ членовъ, которыхъ арестовывали неожиданно, на улицѣ или на

квартирахъ, безъ признаковъ какого-либо слѣженія, какъ будто по чьему-то невидимому указанію.

«Вѣрочка, можно остаться у тебя ночевать?»—спросила меня Перовская за день или два до ея ареста. Я смотрѣла на нее съ удивленіемъ и упрекомъ: «какъ это ты спрашиваешь? Развѣ можно объ этомъ спрашивать?» «Я спрашиваю,—сказала Перовская,—потому что, если въ домъ придутъ съ обыскомъ и найдутъ меня—тебя повѣсятъ». Обнявъ ее и указывая на револьверъ, который лежалъ у изголовья моей постели, я сказала: «съ тобой или безъ тебя,—если придутъ, я буду стрѣлять».

Такова была душа Перовской, частица души ея, потому что только частица ея была пріоткрыта мнѣ: въ то спѣшное время мы слишкомъ поверхностно относились къ психологіи другъ друга: мы дѣйствовали, а не наблюдали.

Она была женщина: ей могло быть больно, физически больно. Когда въ черномъ арестантскомъ халатѣ, во дворѣ дома предварительнаго заключенія, ее возвели на колесницу, посадивъ спиной къ лошади и повѣсивъ на грудь доску съ надписью: «цареубійца», то руки ея скрутили такъ туго, что она сказала: «отпустите немного: мнѣ больно».

— После будетъ еще больнѣе, — буркнулъ грубый жандармскій офицеръ, наблюдавшій за всѣмъ поѣздомъ.

Это былъ тюремщикъ Алексѣевскаго равелина, гдѣ, немного спустя, медленной смертью умерщвляли нашихъ народовольцевъ, онъ же—послѣдній комендантъ нашего Шлиссельбурга—Яковлевъ. На Семеновскій плацъ привезли такимъ же образомъ остальныхъ четырехъ первомартовцевъ: Желябова—крестьянина, создателя бомбъ—сына священника Кибальчича, рабочаго Тимофея Михайлова и студента-мѣщанина Рысакова. На эшафотѣ Перовская была тверда всей своей стальной твердостью. Она обняла на прощанье Желябова, обняла бы Кибальчича, обняла бы Михайлова, если бъ было можно. Но не обняла бы Рысакова, который, желая спастись, выдалъ Телѣжную улицу и погубилъ Саблина, застрѣлившагося, погубилъ Гесю Гельфманъ, умершую въ домѣ предварительнаго заключенія, погубилъ Т. Михайлова, котораго привелъ на эшафотъ.

Такъ умерла Перовская, вѣрная себѣ въ жизни и въ смерти.

3-го апрѣля, въ день казни, погода была чудная: небо ясное, солнце лучезарно-весеннее, на улицахъ—полная ростепель. Выйдя изъ дома, случайно я попала въ вагонъ конки, въ которомъ люди возвращались съ Семеновскаго плаца, послѣ зрѣлища. Многія лица были возбужденныя, но не было ни раздумья, ни грусти. Какъ разъ противъ меня сидѣлъ въ синей свиткѣ красавецъ-мѣщанинъ, рѣзкій брюнетъ съ курчавой бородкой и огневыми глазами. Прекрасное лицо было искажено страстью: опричникъ, готовый рубить головы!

Въ Архангельскую ссылку Александра Иванова Морозъ привезла мнѣ гравюру съ картины Сурикова «Боярыня Морозова». Она привезла ее потому, что знала, какое большое мѣсто въ моемъ воображенiи въ Шлиссельбургѣ занимали: личность протопопа Аввакума и страдалица за старую вѣру боярыня Морозова, непоколебимо твердая и вмѣстѣ такая трогательная въ своей смерти отъ голода.

Гравюра производила волнующее впечатлѣнiе. Въ розвальняхъ, спиной къ лошади, въ ручныхъ кандалахъ, Морозову увозятъ въ ссылку, въ тюрьму, гдѣ она умретъ. Ея губы плотно сжаты; на исхудаломъ, красивомъ, но жесткомъ лицѣ—рѣшимость идти до конца; вызывающе поднята рука съ двуперстнымъ крестнымъ знаменiемъ. Кругомъ—народная толпа московской улицы временъ царя Алексѣя Михайловича. Что ни лицо — то другое выраженiе: есть въ толпѣ робкiе, устрашенные, есть немногiе—съ затаеннымъ сочувствiемъ, есть злобно-ликующiе...

Гравюра говоритъ живыми чертами: говоритъ о борьбѣ за убѣжденiя, о гоненiяхъ, о гибели стойкихъ, вѣрныхъ себѣ. Она воскрешаетъ страницу жизни... 3-е апрѣля 1881 г.... Колесницы цареубiйцъ... Софья Перовская... Красавецъ-мѣщанинъ въ синей свиткѣ. Прекрасное лицо, искаженное страстью, лицо опричника, готоваго рубить головы.

Вѣра Фигнеръ.

27/14 февраля 1918 года.

Къ дѣлу 1 марта 1881 года.

Неизданные доклады графа Лорисъ-Меликова, В. К. Плеве, А. В. Комарова.

Событіе 1 марта 1881 года до сихъ поръ представляется не совсѣмъ выясненнымъ и мало изученнымъ. Главнѣйшій фактическій матеріалъ, извѣстный намъ, до самаго послѣдняго времени заключался въ распубликованныхъ въ свое время во всѣхъ русскихъ газетахъ обвинительномъ актѣ по дѣлу 1 марта и отчетѣ о судебномъ засѣданіи особаго присутствія сената, разбиравшаго это дѣло [1]).

Затѣмъ дѣло 1 марта проходило въ процессѣ 20 въ 1882 году и въ процессѣ 17—въ 1883. Обвинительные акты по этимъ процессамъ, весьма важные съ исторической точки зрѣнія, были опубликованы впервые въ «Быломъ» въ 1906 и 1907 годахъ. Здѣсь же были воспроизведены и появившіяся въ свое время уже—только на страницахъ нелегальной прессы—неполные и несвободные отъ ошибокъ отчеты о засѣданіяхъ.

И этихъ данныхъ было бы достаточно для возстановленія—хотя бы и не совершеннаго, не полнаго и не окончательнаго—фактической исторіи событія 1 марта 1881 года;—подъ событіемъ разумѣемъ не только самый актъ 1 марта, но и всю его подготовку и обстановку. Къ удивленію, мы до сихъ поръ не имѣемъ прагматической исторіи дѣла 1 марта, мы не имѣемъ даже попытки составить такую исторію. Всѣ, излагавшіе фактическую исторію, опирались почти исключительно на отчетъ о процессѣ 1 марта, не используя даже значительнаго матеріала обвинительныхъ актовъ, приговоровъ и отчетовъ о засѣданіяхъ процесса 20 и 17.

Акты самихъ процессовъ до самаго послѣдняго времени хранились въ секретныхъ отдѣлахъ секретныхъ архивовъ и были совершенно недоступны для изслѣдователей. Нечего и говорить объ исторической цѣнности матеріаловъ предварительнаго слѣдствія. Но въ архивахъ сохранились и матеріалы, которые въ свое время не были выданы даже въ офиціальное слѣдствіе. Это—акты жандармскихъ дознаній, донесенія. конфиденціальныя разслѣдованія, открытыя признанія, оговоры, выдачи и т. п. Эти документы были, конечно, абсолютно недоступны.

---

[1]) Изъ позднѣйшихъ изданій назовемъ изданіе процесса, съ примѣчаніемъ и статьей Л. Дейча.

Непосредственно для исторіи событія 1 марта и процесса А. И. Желябова имѣютъ значеніе акты процесса, сохранившіеся въ сенатскомъ архивѣ и впервые публикуемые нами въ настоящей книгѣ. Историческая ихъ цѣнность разъяснена въ вступленіи къ этимъ документамъ и не подлежитъ сомнѣнію.

Матеріалы второй категоріи сохранились въ дѣлѣ о злодѣйскомъ преступленіи 1 марта 1881 года департамента полиціи [1]). Здѣсь оказались любопытнѣйшіе и цѣннѣйшіе документы, которые не только не были въ рукахъ изслѣдователей, но о самомъ существованіи которыхъ мы узнаемъ только впервые. Таково, напр., опубликованное впервые нами («Былое», 1907, сентябрь), предсмертное обращеніе Н. И. Кибальчича къ Александру III. Таковы документы, печатаемые въ настоящей книгѣ: написанное Н. И. Рысаковымъ накануне смертной казни, 2 апрѣля 1881 года, послѣднее признаніе, цѣной котораго Н. И. Рысаковъ думалъ купить себѣ жизнь; подлинная записка Н. И. Кибальчича о воздухоплавательномъ аппаратѣ, встрѣтившая высокую оцѣнку со стороны современнаго спеціалиста-ученаго; всеподданнѣйшія записки гр. Лорисъ-Меликова; доклады съ изложеніемъ хода дознанія и слѣдствія, представлявшіеся начальникомъ жандармскаго управленія, генераломъ Комаровымъ, и прокуроромъ с.-петербургской палаты, В. К. Плеве; резолюціи Александра III на этихъ докладахъ и многое другое.

I.

Агентурныя наблюденія за М. Н. Тригони.—Арестъ Тригони, Желябова, Яковенко. (Докладъ гр. Лорисъ-Меликова).—Первое показаніе А. И. Желябова.

Къ концу февраля 1881 года правительство стояло на вѣрномъ пути, въ розыскахъ корней и нитей революціоннаго движенія, и почти держало въ своихъ рукахъ главныхъ вождей партіи. Въ откровенныхъ показаніяхъ Гольденберга (весна 1880 года) правительство получило цѣннѣйшій матеріалъ. Гольденбергъ раскрылъ програму партіи, ближайшія задачи ея, съ цареубійствомъ въ первую голову, и далъ исчерпывающія указанія о лицахъ, предложивъ вниманію III отдѣленія характеристики всѣхъ извѣстныхъ ему революціонеровъ и уяснивъ удѣльный вѣсъ каждаго изъ нихъ въ партіи. Послѣ завершенія процесса 16, правительство нашло новаго предателя въ лицѣ приговореннаго къ смертной казни и затѣмъ помилованнаго Ивана Окладскаго. Если показанія Гольденберга еще хранили печать извѣстнаго принципіальнаго обоснованія, то разоблаченія Окладскаго были чисто фактическими и сводились то къ опознаніямъ, то къ оговорамъ.

---

[1]) Дѣло департамента полиціи—3 дѣлопроизводство, № 79, ч. 1 и 2, 1881 г.—о злодѣйскомъ преступленіи 1 марта 1881 г. Начато 1 марта, кончено 31 августа.

Удѣльный вѣсъ въ партіи Желябова и Перовской былъ извѣстенъ правительству или, по крайней мѣрѣ, розыскнымъ его органамъ. О розыскѣ, напр., Перовской былъ изданъ циркуляръ еще 20 марта 1880 года. На путяхъ Желябова тайная полиція была уже въ концѣ февраля 1881 года. Дѣйствуй департаментъ полиціи энергичнѣе и стремительнѣе, крупнѣйшіе вожди террористовъ были бы арестованы, и цареубійство не имѣло бы мѣста. Главной помѣхой въ розыскахъ было отсутствіе сносной внѣшней агентуры, которая въ то время только заводилась. Такъ, за Тригони было установлено наблюденіе, выяснившее, между прочимъ, и посѣщенія имъ дома № 18 по 1 ротѣ Измайловскаго полка. Но агентъ не смогъ выяснить той квартиры этого дома, въ которой былъ Тригони, ... квартиры, въ которой жили Перовская и Желябовъ.

«Дѣло о злодѣйскомъ преступленіи 1 марта 1881 года» открывается «агентурными свѣдѣніями, собранными до убіенія государя императора 1 марта о лицахъ, способствовавшихъ сему преступленію или нѣсколько прикосновенныхъ къ нему». Эти агентурныя записки содержатъ наблюденія за М. Н. Тригони. Почему слѣдятъ именно за Тригони, пока неясно. Въ первые дни послѣ 1 марта газеты, явно информированныя и инспирированныя розыскными органами, сообщали: «полиція, около 12 февраля, получила изъ-за границы свѣдѣнія, что одинъ изъ вожаковъ революціонной «партіи», извѣстный въ средѣ ея подъ именемъ «Милордъ», направляется въ Петербургъ. Въ скоромъ времени, дѣйствительно, студентъ Тригони (Милордъ) прибылъ въ Петербургъ и, перемѣнивъ двѣ или три квартиры, поселился на Невскомъ проспектѣ въ домѣ г. Лихачева, № 66, въ меблированныхъ комнатахъ г-жи Мессюро, въ квартирѣ № 12» [1]). Самъ М. Н. Тригони вспоминалъ впослѣдствіи, что онъ замѣчалъ слѣжку за собой и особенно сталъ чувствовать ее съ 25 февраля, обративъ вниманіе на сосѣда по квартирѣ, носившаго форму отставного флотскаго капитана» [2]).

По всей вѣроятности, этотъ «капитанъ» и былъ авторомъ сохранившихся агентурныхъ донесеній. Сравнивая ихъ съ аналогичными документами послѣдняго времени стараго режима, нужно сказать, что техника наблюденія была тогда весьма примитивна, несовершенна, а самые агенты внѣшняго наблюденія были еще весьма неопытны. Записки «капитана» невелики по размѣрамъ, и мы приводимъ ихъ цѣликомъ.

24 февраля. Въ квартиру лица, схожаго съ Милордомъ, въ отсутствіе его явился неизвѣстный, тщательно закутанный въ пальто, и тотчасъ же ушелъ. Примѣты его: невысокаго роста, борода рыжеватая, въ круглой шапкѣ. Онъ направился въ Новую улицу, домъ № 10,

---

[1]) Цитировано въ статьѣ В. Я. Богучарскаго: „1 марта 1881 г.—3 апрѣля 1881 года", „Былое", 1906 г., III, и въ его книгѣ: „Изъ исторіи политической борьбы въ 70-хъ и 80-хъ гг. XIX вѣка". М., 1912 г., стр. 69.

[2]) М. Н. Тригони: „Мой арестъ въ 1881 году", „Былое", 1906 г., III, 76—77.

гдѣ до квартиры прослѣдить его было затруднительно; при разспросахъ же швейцара послѣднiй отозвался, что лицо описанныхъ примѣтъ живетъ въ меблированныхъ комнатахъ. Мѣры къ выясненiю званiя этого неизвѣстнаго приняты.

Милордъ, не находившiйся дома при устройствѣ наблюденiя, возвратился въ квартиру свою около 2 часовъ ночи и оставался дома.

25 февраля. Милордъ въ 9½ часовъ утра, выйдя изъ квартиры, направился по Невскому проспекту до дома № 52; у Публичной Библiотеки останавливался подъ предлогомъ провѣрки часовъ; вернулся назадъ къ дому, гдѣ живетъ, входилъ въ мѣняльную лавку; по возвращенiи въ квартиру заплатилъ хозяйкѣ деньги, за симъ направился по Невскому проспекту до Михайловской улицы, повернулъ назадъ по другой сторонѣ проспекта до угла Большой Садовой улицы, оттуда вновь перешелъ на солнечную сторону, остановился у дома № 52 по Невскому, оттуда направился до Литейнаго проспекта, сѣлъ въ вагонъ конно-желѣзной дороги и, доѣхавъ до технологическаго института, пошелъ по Забалканскому проспекту ко 2 ротѣ Измайловскаго полка, по Горновскому переулку въ 1-ю роту; здѣсь и вошелъ въ домъ № 18. Здѣсь мѣстному околодочному надзирателю сообщено о розысканiи, у кого находился Милордъ, такъ какъ слѣдовать за нимъ по двору для обнаруженiя квартиры было невозможно. Пробывъ въ домѣ № 18 около 2½ часовъ, Милордъ направился до технологическаго института, а оттуда по конно-желѣзной дорогѣ до Невскаго и на квартиру; въ квартирѣ оставался часа 2, потомъ пошелъ къ Аничкину дворцу по Фонтанкѣ, Толмазову переулку въ Большую Садовую и опять къ Невскому, гдѣ встрѣтился съ какимъ-то господиномъ, по примѣтамъ тѣмъ самымъ, который къ Милорду, въ отсутствiе его, заходилъ вчера. Переговоривъ съ нимъ 2—3 минуты на улицѣ, направился въ свою квартиру и туда же, спустя 5 минутъ времени, явился также вышеозначенный неизвѣстный. Послѣднiй пробылъ не болѣе ½ часа времени; по выходѣ дошелъ до Малой Садовой, постоянно озираясь, въ виду чего, боясь быть замѣченнымъ, агентъ вынужденъ былъ дальнѣйшее преслѣдованiе прекратить.

Что касается Милорда, онъ вышелъ вновь изъ квартиры минуты двѣ спустя послѣ неизвѣстнаго; направился къ кабинету его величества по Фонтанкѣ, Толмазову переулку, къ памятнику Екатерины, вышелъ на Невскiй по направленiю къ тому дому, гдѣ живетъ, но у Аничкина моста въ толпѣ, при движенiи вагоновъ, потерянъ изъ вида.

Наблюденiе какъ въ квартирѣ, такъ и на улицѣ за Милордомъ и лицами, могущими прiйти къ нему, продолжается.

Паспортъ Милорда находится у квартирной хозяйки и, безъ вѣдома полицiи, выданъ не будетъ; бѣлье и другiя вещи этого лица также остаются въ его квартирѣ, такъ что можно предполагать, что на выѣздъ онъ еще не собирается.

26 февраля. Извѣстная личность вернулась вчера домой въ 11 час. вечера и до сего времени еще спитъ. Къ нему, въ теченiе вечера и ночи, никто не приходилъ [1]).

26 февраля. 1. „Милордъ" (Тригони) вышелъ изъ квартиры около 11 часовъ, направился по Невскому въ Новую улицу, домъ № 4, въ меблированныя комнаты, гдѣ живетъ г-жа Самойлова, имѣющая племянника и племянницу; первый не имѣетъ опредѣленныхъ занятiй, а вторая—студентка. Здѣсь Тригони пробылъ до 2½ часовъ, а по выходѣ направился для обѣда въ кухмистерскую, что въ домѣ № 54 по Невскому, и оттуда, около 4 часовъ пополудни, вернулся домой. На пути въ кухмистерскую, Тригони встрѣтилъ молодого человѣка, о которомъ говорится въ 4 пунктѣ этой записки.

2. Утромъ сего числа была у Тригони какая-то молодая дама, лѣтъ 20, блондинка, лицо круглое, какъ бы опухлое, въ круглой бархат-

---

[1]) Это донесенiе на отдѣльномъ листѣ сохранилось въ дѣлѣ не въ департаментской копiи, а, повидимому, въ оригиналѣ. *Ред.*

ной шляпкѣ съ сѣрымъ перомъ, пальто коричневое съ отдѣлкою въ родѣ котиковой. Она, по выходѣ отъ Тригони, поѣхала до Адмиралтейской площади, и у магазина Даціаро, очевидно, кого-то ожидала съ часъ времени. Перейдя, затѣмъ, къ магазину Бегрова, по Невскому же, встрѣтилась съ 2-мя, повидимому, гимназистками; съ ними отправилась къ Эрмитажу, но какъ таковой былъ закрытъ, то вернулись, посидѣли около Александровскаго сада, пошли въ Исаакіевскій соборъ, очевидно, только для препровожденія времени, и пробыли тутъ болѣе часа. Затѣмъ направились въ 1-ю роту Измайловскаго полка, въ домъ № 18, тотъ самый, гдѣ былъ вчера Тригони, и взошли въ одну изъ квартиръ № 18 или 19, вѣрнѣе, что въ первую, гдѣ на жительствѣ значатся двѣ сестры Меньшагины. Мѣры къ положительному выясненію упомянутой женщины приняты.

3. По приходѣ въ домъ № 18, по 1 ротѣ Измайловскаго полка, дамы, бывшей у Тригони, съ нею на лѣстницѣ встрѣтился мужчина высокаго роста, брюнетъ, въ очкахъ, который и помѣшалъ агенту проводить даму до дверей квартиры. Съ этимъ мужчиною дама проговорила нѣкоторое время, а затѣмъ онъ прослѣженъ въ домъ № 58 по Загородному, въ квартиру № 24, гдѣ прописанъ на жительствѣ еврей Мордухай Фальтовскій. О собраніи подробныхъ свѣдѣній объ этой личности распоряженіе сдѣлано.

4. Молодой человѣкъ, съ которымъ встрѣтился и говорилъ Тригони,—лѣтъ 20, роста ниже-средняго, брюнетъ, лицо желтоватое, на носу рябины отъ оспы, усики маленькіе, безъ бороды, руки грязныя, похожъ на наборщика или кузнеца. Разставшись съ Тригони, онъ направился отъ Аничкина моста къ Знаменской площади, чрезъ Орловскій переулокъ, Греческій проспектъ, чрезъ 6 въ 7 Рождественскую улицу, въ домъ № 17, гдѣ имѣется наблюденіе за сыномъ полковника Филатовымъ, а минутъ чрезъ 20 вышелъ къ прудкамъ, чрезъ Лиговку на Бассейную и въ Басковъ переулокъ, вернулся вновь въ Бассейную и, никуда не заходя, прошелъ чрезъ Литейный пр. на Пантелеймонскую, Моховую, чрезъ Симеоновскій мостъ по Фонтанкѣ до Малаго театра, въ Апраксинъ рынокъ, на Садовую и Гороховую, въ Казанскую, вновь вышелъ на Невскій пр., вернулся тѣмъ-же путемъ и опять прошелъ на Невскій, а затѣмъ на Казанской ул. вошелъ въ домъ № 8, въ подъѣздъ рядомъ съ магазиномъ готовыхъ мужскихъ платьевъ. Кто этотъ молодой человѣкъ—еще не выяснилось.

5. Сего числа получено отъ симферопольскаго губернатора извѣщеніе, что дворянинъ Михаилъ Николаевичъ Тригони живетъ въ Одессѣ и служитъ тамъ присяжнымъ повѣреннымъ; примѣты его сходны съ примѣтами предполагаемаго Милорда. Мать его живетъ въ Севастополѣ, а братъ, Александръ, служитъ въ канцеляріи московскаго генералъ-губернатора. Вслѣдствіе сего шифрованными телеграммами сдѣланы запросы, находятся-ли Александръ и Михаилъ Тригони на мѣстахъ жительства.

6. У Тригони (Милордъ) ожидаютъ сегодня гостей; мѣры къ наблюденію усилены.

27-го февраля наблюденія были ликвидированы. Въ этотъ день были произведены аресты, оказавшіеся весьма чреватыми для народовольцевъ.

Въ меблированныхъ комнатахъ Мессюро (Невскій, д. 66, Лихачева) былъ арестованъ М. Н. Тригони и пришедшій къ нему А. И. Желябовъ.

Въ квартирѣ арестованнаго Макара Тетерки въ этотъ же день былъ арестованъ подъ фамиліей Яковенко—Василій Аполлоновичъ Меркуловъ, которому суждено было открыто выступить въ роли предателя партіи.

Тригони, Желябовъ и Яковенко-Меркуловъ были отправлены въ домъ предварительнаго заключенія.

Объ этихъ арестахъ с.-петербургскій градоначальникъ донесъ 28-го февраля графу Лорисъ-Меликову. Аресты представлялись столь важными, что Лорисъ-Меликовъ счелъ нужнымъ представить Александру II слѣдующій докладъ:

«Всеподданнѣйшимъ долгомъ считаю довести до свѣдѣнія вашего императорскаго величества, что вчерашняго числа вечеромъ арестованы: Тригони (онъ же Милордъ) и сопровождавшее его и не желающее до настоящаго времени назвать себя—другое лицо; при семъ послѣднемъ найденъ въ карманѣ заряженный, большого колибра, револьверъ; хотя, по всѣмъ примѣтамъ, въ личности этой можно предполагать Желябова, но, до окончательнаго выясненія, не беру на себя смѣлость утверждать это.

«Вчера же заарестованъ пришедшій въ квартиру Березова (онъ же Тетерка) неизвѣстный человѣкъ, назвавшійся сначала мѣщаниномъ Ивановымъ, а потомъ Петромъ Андреевымъ Яковенко; при немъ найденъ обоюдо-острый англійскій ножъ съ революціоннымъ девизомъ, экземпляры запрещенныхъ воззваній «Народной Воли», снимки съ печатей разныхъ присутственныхъ мѣстъ и подписей различныхъ должностныхъ лицъ.

«Наблюденіе за остальными, намѣченными въ послѣдніе дни лицами, продолжается и, можно надѣяться, что аресты будутъ продолжаться успѣшно.

«Какъ Тригони, такъ, въ особенности, предполагаемый Желябовъ, категорически отказались, на первыхъ порахъ, отъ дачи всякихъ показаній, при чемъ предполагаемый Желябовъ наотрѣзъ отказывается указать свою квартиру. Къ полудню надѣюсь разъяснить его личность чрезъ Окладскаго, котораго я приказалъ снова доставить ко мнѣ изъ крѣпости.

«Во всякомъ случаѣ могу заранѣе доложить, что какъ Тригони, такъ и его спутникъ занимаютъ весьма серьезное положеніе въ революціонной средѣ».

Въ этомъ донесеніи обращаетъ вниманіе упоминаніе объ Окладскомъ. Лорисъ-Меликовъ говоритъ о немъ, какъ о человѣкѣ, исторія и личность котораго извѣстна царю. Получивъ въ ноябрѣ 1880 года милость—безсрочную каторгу вмѣсто смертной казни—Окладскій постарался заслужить и оправдать эту милость откровенными признаніями, и къ марту 1881 года сталъ уже патентованнымъ предателемъ, подручнымъ III отдѣленія. Въ процессѣ первомартовцевъ Окладскій имѣетъ свою страницу. Но онъ былъ предателемъ не явнымъ, открытымъ, какъ Меркуловъ, а тайнымъ; о его предательствѣ узнали не скоро [1]).

Не успѣлъ Лорисъ-Меликовъ отправить свой докладъ, въ которомъ онъ не рѣшался утверждать тожество арестованнаго гостя Тригони съ разыскиваемымъ Желябовымъ, какъ отъ на-

[1]) См. ниже статью: „Судьба предателя".

чальника с.-петербургскаго губернскаго жандармскаго управленія, генерала Комарова, поступило слѣдующее донесеніе (отъ 28-го февраля 1881 года, № 580):

«27-го февраля, въ 8 часовъ пополудни, арестованъ былъ въ своей квартирѣ называющійся присяжнымъ повѣреннымъ г. Одессы Тригони, вмѣстѣ съ нимъ въ его квартирѣ задержано другое лицо, которое отказалось назвать свою фамилію.

«Послѣ долгаго колебанія, арестованный въ квартирѣ Тригони сознался не только въ томъ, что онъ крестьянинъ Андрей Желябовъ, но и что организовалъ покушеніе на священную особу государя императора въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1879 года, подъ г. Александровскомъ, и самъ смыкалъ цѣпь. Отъ указанія своей квартиры въ Петербургѣ упорно отказался, вѣроятно, для того, чтобы дать возможность скрыться, проживавшей съ нимъ крестьянкѣ Аннѣ Якимовой (Баска). Къ открытію его квартиры мѣры приняты.

«Тригони призналъ себя членомъ революціонной партіи».

Въ тотъ же день былъ пущенъ въ ходъ Иванъ Окладскій, и генералъ Комаровъ отправилъ графу Лорисъ-Меликову дополнительное (отъ 28 февраля, № 585) краткое донесеніе:

«Арестованный 27 февраля Михаилъ Николаевичъ Тригони былъ секретно показанъ Ивану Окладскому, который въ немъ призналъ лицо, носившее въ революціонной средѣ названіе Милорда и Намѣстника».

Въ тотъ же день графъ Лорисъ-Меликовъ отправилъ Александру II новый, собственноручно имъ написанный, докладъ:

«Всеподданнѣйше докладываю вашему императорскому величеству, что арестованный вчера вмѣстѣ съ Тригони сознался, что онъ—Желябовъ, и далъ по этому собственноручное показаніе, которое буду имѣть честь представить вашему величеству при сегодняшнемъ докладѣ».

Собственноручное показаніе Желябова, которое Лорисъ-Меликовъ собирался представить царю, очевидно, то самое, единственное его показаніе, которое находилось въ актахъ дознанія по процессу 16 и было извлечено и присоединено къ актамъ слѣдствія по дѣлу 1 марта. Приводимъ цѣликомъ этотъ замѣчательный документъ, оглашаемый въ печати впервые.

«1881 года, февраля 27 дня, я, отдѣльнаго корпуса жандармовъ подполковникъ Никольскій, на основаніи закона 19 мая 1871 года, въ присутствіи товарища прокурора с.-петербургской судебной палаты А. Ф. Добржинскаго, разспрашивалъ нижепоименованнаго, который показалъ:

«Зовутъ меня Андрей Ивановичъ Желябовъ, отъ роду—30 лѣтъ, вѣроисповѣданія. . . . [1]), крестьянинъ таврической губ., ѳеодосійскаго уѣзда, села Николаевки; служу для освобожденія родины; изъ родныхъ имѣю отца, мать, сестеръ, брата (Александру, Марію, Ольгу, Михаила); всѣ живутъ въ томъ же ѳеодосійскомъ

[1]) Этого пробѣла Желябовъ не заполнилъ.

уѣздѣ; женатъ, имѣю сына; гдѣ находится семейство, не знаю; полагаю, у тестя моего, Яхненко, въ тираспольскомъ уѣздѣ, херсонской губ. Былъ судимъ по процессу 193 и оправданъ. Жилъ на средства изъ фонда для освобожденія народа. Жилъ подъ многими именами; называть ихъ считаю неумѣстнымъ. Признаю свою принадлежность къ партіи Народной Воли. Признаю, что организовалъ александровское покушеніе и смыкалъ батарею, т. е. покушеніе взорвать императорскій поѣздъ 17 ноября 1879 года подъ г. Александровскомъ, гдѣ жилъ тогда подъ фамиліей Черемисова. Настоящей квартиры моей въ Петербургѣ, а равно и знакомыхъ, назвать не желаю. При задержаніи меня взятъ при мнѣ заряженный револьверъ системы Смитъ и Вессона и нѣсколько патроновъ, а также въ запечатанномъ конвертѣ два листа, написанные шифромъ, открыть который, понятно, не желаю. Всему зачеркнутому прошу вѣрить. Взятъ также ключъ. Андрей Желябовъ. Отдѣльнаго корпуса жандармовъ подполковникъ Никольскій, товарищъ прокурора судебной палаты Добржинскій.

II.

Розыскныя телеграммы 1 марта.—Первый допросъ Рысакова.—Выдача конспиративной квартиры.—Предъявленіе трупа.

1 марта былъ убитъ Александръ II. На мѣстѣ былъ схваченъ Рысаковъ, бросившій первую бомбу. И. А. Гриневицкій, бросившій вторую бомбу, былъ убитъ ею вмѣстѣ съ тѣмъ, въ кого онъ мѣтилъ. Его фамилія оставалась нѣкоторое время неизвѣстной.

Первое розыскное распоряженіе, отданное по телеграфу, касалось Михаила Федоровича Фроленко и Анны Васильевны Якимовой. И тотъ, и другая, дѣйствительно, стояли близко къ дѣлу 1 марта, но какъ разъ съ той стороны, которая въ то время была абсолютно неизвѣстна властямъ. А. В. Якимова вмѣстѣ съ Ю. Н. Богдановичемъ была хозяйкой сырной лавки на Садовой, изъ которой велся подкопъ, открытый только 4 марта. М. Ф. Фроленко принималъ участіе въ самомъ подкопѣ.

1 марта была отправлена слѣдующая телеграмма московскому оберъ-полиціймейстеру и московскому генералъ-губернатору:

«Одинъ изъ скрывшихся соучастниковъ сегодняшняго преступленія—Михаилъ Фроленко [1]). Примѣты: роста выше средняго, скорѣе высокаго, блондинъ лѣтъ 27, сутуловатъ, крѣпкаго сложенія, довольно плечистъ, но не полный. Могъ выкрасить волоса и сбрить бороду, которая была у него рѣдкая. Похожъ на простого рабочаго. Прикажите осматривать поѣзда, прибывающіе въ Москву. Вышлите агентовъ экстреннымъ поѣздомъ, который вамъ дадутъ по первому требованію, на что распоряженіе сдѣлано, въ

---

[1]) М. Ф. Фроленко въ теченіе долгаго времени именовался въ офиціальныхъ бумагахъ, какъ М. Ф. Фоменко. Это пошло отъ оговора Гольденберга, который называлъ его Фоменкой.

Клинъ или далѣе, чтобы осмотрѣть почтовый поѣздъ, отсюда вышедшій сегодня безъ осмотра».

Въ телеграммѣ московскому генералъ-губернатору къ цитированнымъ словамъ прибавлено слѣдующее:

«Метательный снарядъ переданъ преступнику разыскиваемой женщиной Акимовой, она же Баска. Примѣты: высокаго роста, блондинка, лѣтъ 25, сегодня скрылась, могла выѣхать».

Роль, приписываемая Якимовой, была выполнена въ дѣйствительности С. Л. Перовской. Тутъ власти ошиблись, какъ неошиблись они, предполагая, что съ А. И. Желябовымъ въ необнаруженной пока квартирѣ жила Якимова, когда на самомъ дѣлѣ жила С. Л. Перовская.

Данныя о женщинѣ, передавшей снарядъ, были получены отъ Н. И. Рысакова. Содержаніе перваго допроса Рысакова было доложено начальникомъ жандармскаго управленія, генераломъ Комаровымъ, графу Лорисъ-Меликову въ слѣдующемъ рапортѣ (отъ 2 марта 1881 г., № 595):

«Посягнувшій 1 сего марта на жизнь священной особы государя императора, тотчасъ послѣ задержанія, былъ подвергнутъ допросу, при чемъ заявилъ, что онъ изъ мѣщанъ города Тихвина, Николай Ивановичъ Рысаковъ, 19 лѣтъ отъ роду, вѣроисповѣданія православнаго, воспитывался первоначально въ вытегорскомъ уѣздномъ училищѣ, а затѣмъ въ череповецкомъ реальномъ училищѣ и съ сентября мѣсяца 1879 года по декабрь 1880 года былъ въ горномъ институтѣ. Сочувствуя революціонному движенію въ духѣ программы Народной Воли, примкнулъ въ январѣ 1881 года къ революціонной партіи, начавъ дѣйствовать среди рабочихъ на разныхъ петербургскихъ фабрикахъ, агитируя побудить ихъ къ открытому возстанію, съ цѣлью политическаго и экономическаго переворота.

«Примкнувши къ партіи, сдѣлался нелегальнымъ и, живя по фальшивому паспорту на имя мѣщанина Макара Егорова Глазова, столкнулся съ однимъ изъ извѣстныхъ въ революціонной средѣ, подъ именемъ «Захара», исповѣдовавшимъ также программу террора. Въ одно изъ такихъ свиданій былъ рѣшенъ вопросъ о покушеніи на жизнь государя императора, при чемъ Рысаковъ далъ согласіе быть исполнителемъ. О способѣ къ покушенію и о планѣ опредѣленныхъ разговоровъ не было, хотя изъ намековъ Захара вывелъ заключеніе, что оно произойдетъ посредствомъ взрыва. Дня за три до покушенія, Рысаковъ видѣлся съ Захаромъ и послѣдній сказалъ, что въ воскресенье, 1 марта, должно произойти покушеніе и назвалъ при этомъ мѣсто, гдѣ долженъ былъ проѣхать государь императоръ: это—правая набережная Екатерининскаго канала; для этого Рысаковъ, долженъ былъ утромъ, 1 марта, отъ 9-ти до 10-ти часовъ утра, прохаживаться по Невскому проспекту отъ угла Новой улицы до вокзала, для полученія снаряда, а въ 12-ть часовъ встрѣтился

съ извѣстнымъ ему также лишь подъ кличкой «Михайло» въ кондитерской Андреева.

«Въ назначенный часъ Рысаковъ получилъ снарядъ отъ незнакомой ему дамы, которая при этомъ его предупредила, чтобы онъ обращался съ нимъ какъ можно осторожнѣе и не выронилъ бы. Дама эта, подойдя къ нему, назвала его Бѣломоромъ, т. е. кличкой, носящей имъ въ революціонномъ кружкѣ.

«Разговаривая съ Михайломъ, онъ упомянулъ, что государь императоръ навѣрное долженъ ѣхать по набережной Екатерининскаго канала, но откуда ему это было извѣстно,—Рысаковъ не знаетъ.

«Въ ожиданіи проѣзда, Рысаковъ вышелъ изъ кондитерской Андреева, не ожидая никакой въ этомъ замыслѣ поддержки, и, встрѣтившись съ государемъ, послѣ минутнаго колебанія, бросилъ снарядъ, не зная вовсе его дѣйствія, но промахнулся, не разсчитавъ времени, направляя же его подъ лошадей въ томъ предположеніи, что его разорветъ подъ самой каретой.

«У Михайла также былъ такой снарядъ, какъ у Рысакова, и онъ, при свиданіи въ кондитерской, сказалъ: «будемъ дѣйствовать». Дѣйствительно, насколько припоминаетъ Рысаковъ, Михайло шелъ впередъ его, также по Екатерининскому каналу, и онъ видѣлъ, уже послѣ того, какъ самъ бросилъ снарядъ, что произошелъ другой выстрѣлъ.

«Съ названнымъ Михайломъ Рысаковъ познакомился черезъ своего товарища по дѣлу, извѣстнымъ ему подъ кличкой «Инвалидъ».

«О чемъ имѣю честь донести вашему сіятельству, докладывая, что къ розысканію скрывшихся злоумышленниковъ тотчасъ приняты самыя энергичныя мѣры».

Итакъ, 1-го марта девятнадцатилѣтній Николай Рысаковъ еще сохранялъ извѣстное самообладаніе. Показаніе его, при видимой откровенности, содержало больше измышленій, чѣмъ указаній на дѣйствительные факты. По имени никто изъ революціонеровъ имъ не былъ названъ, не была названа конспиративная квартира, въ которой онъ получилъ снарядъ. Но выдержки у Рысакова хватило не надолго.

«2-го марта, въ $5^1/_2$ часовъ утра, — извѣщалъ комендантъ с.-петербургской крѣпости директора департамента полиціи,—изъ управленія с.-петербургскаго градоначальника доставленъ въ крѣпость, подъ особымъ конвоемъ, государственный преступникъ, именующій себя мѣщаниномъ новгородской губерніи, г. Тихвина, Николаемъ Ивановымъ Рысаковымъ, который мною принятъ и заключенъ въ отдѣльный казематъ Екатерининской куртины, съ постановкою, по принятому относительно особо важныхъ преступниковъ порядку, внутрь каземата, для охраны отъ покушенія его на жизнь,—одного жандармскаго унтеръ-офицера и одного солдата мѣстной команды». (Донесено отъ 2-го марта, № 163).

Но 2-го марта Рысаковъ уже палъ духомъ. Съ этого дня и

до самой смерти тянется и развертывается нить откровенныхъ показаній, которыя съ каждымъ днемъ становятся все откровеннѣе и откровеннѣе, состязаются одно съ другимъ въ откровенности. Читая ихъ подъ-рядъ, чувствуешь, осязаешь, какъ выворачивалась его душа. Въ концѣ-концовъ она была вывернута на изнанку въ полномъ смыслѣ этого слова. Отъ него ничего не осталось: къ моменту физической смерти Рысаковъ уже давно былъ мертвъ. Умертвилъ его животный страхъ смерти.

Генералъ Комаровъ 3-го марта (№ 608) донесъ въ департаментъ полиціи:

«Государственный преступникъ Николай Ивановичъ Рысаковъ, 2-го сего марта, измѣнилъ прежде данное свое показаніе въ той части, гдѣ онъ указывалъ на полученіе разрывного снаряда на Невскомъ проспектѣ отъ дамы, тогда какъ разрывной снарядъ имъ былъ полученъ 1-го марта на революціонно-конспиративной квартирѣ, находящейся по 1-му участку Александро-Невской части, по Телѣжной улицѣ, но № дома не помнитъ. Мною тотчасъ былъ командированъ маіоръ Шеманинъ, вмѣстѣ съ товарищемъ прокурора Богдановичемъ, въ названный участокъ для провѣрки домовыхъ книгъ и, буде окажется какая-либо квартира сомнительная, то произвести въ ней обыскъ. По разсмотрѣніи домовыхъ книгъ, обратилъ на себя вниманіе домъ № 5, кв. № 5, почему и положено было отправиться въ нее съ обыскомъ.

«По прибытіи въ квартиру, они встрѣчены были вопросомъ, кто тамъ? и на отвѣтъ: «жандармы съ прокуроромъ»,—послышались выстрѣлы, счетомъ шесть. Дверь квартиры была выломана и на полу въ первой комнатѣ оказался застрѣлившимся, выстрѣломъ въ голову, хозяинъ квартиры, котораго званіе еще не обнаружено, а далѣе молодая дѣвушка, не пожелавшая сначала сказать, кто она, но, по предъявленіи ей карточки, оказалась Гельфманъ Гессе (sic! *Ред.*).

«По обыску въ квартирѣ найдены два взрывчатые состава, много прокламацій и нѣсколько новыхъ отъ 1-го марта по поводу совершившагося посягательства на жизнь государя императора Александра II. Гельфманъ Гессе арестована».

Въ тотъ же день генералъ Комаровъ доносилъ о результатахъ предъявленія трупа убитаго бомбой Гриневицкаго:

«По предъявленіи сего числа, ночью, трупа неизвѣстнаго человѣка, умершаго въ придворномъ госпиталѣ отъ ранъ, полученныхъ при посягательствѣ на жизнь въ Бозѣ почившаго государя императора Александра Николаевича, преступнику Николаю Рысакову и Андрею Желябову,—первый изъ нихъ призналъ своего товарища по агитаторской дѣятельности въ средѣ рабочихъ, извѣстнаго ему подъ именемъ Михаила Ивановича, по прозвищу Котикъ, который въ день посягательства 1-го марта былъ съ нимъ на конспиративной квартирѣ, но получилъ-ли онъ разрывной снарядъ, навѣрное не знаетъ; по всей вѣроятности, это есть то лицо, которое бросило второй метательный снарядъ, отъ раз-

рыва котораго скончался государь; Михайло же, о которомъ онъ упоминалъ въ первомъ показаніи, бывшій съ нимъ въ кондитерской Андреева,—другое лицо».

«Желябовъ отъ дачи какихъ-либо объясненій, по предъявленію ему мертваго тѣла, отказался».

Выдачей квартиры на Телѣжной ул. Рысакову похвастаться пришлось наканунѣ смерти. Это была первая выдача, за ней послѣдовали и другія.

III.

Первая очная ставка Рысакова съ Желябовымъ.—Заявленіе Желябова.— Первый докладъ В. К. Плеве.

Со 2-го марта къ дѣлу о цареубійствѣ тѣснѣйшимъ образомъ прикрѣпляется Желябовъ. Въ рапортѣ генерала Комарова отъ 3-го марта (№ 610) находимъ чрезвычайно цѣнныя и любопытныя подробности первой очной ставки Желябова и Рысакова и заявленія Желябова, дополняющія тотъ протоколъ допроса Желябова, который читатель найдетъ среди напечатанныхъ ниже актовъ сенатскаго процесса.

«Квартирная хозяйка Николая Рысакова, Прасковья Ермолина, заявила, что къ Рысакову ходило нѣсколько лицъ, и одно изъ нихъ—по примѣтамъ—указывало на Желябова. Вслѣдствіе такого заявленія Ермолиной, Желябовъ былъ привезенъ изъ дома предварительнаго заключенія и предъявленъ Ермолиной, но она не признала въ немъ лица, посѣщавшаго Рысакова.

«Затѣмъ Рысаковъ и Желябовъ были предъявлены другъ другу, при чемъ они встрѣтились, какъ близкіе знакомые, пожавъ другъ другу руку. На вопросъ Желябову, подъ какою фамиліею ему извѣстенъ былъ предъявленный человѣкъ, онъ отвѣчалъ, что нелегальная его фамилія Глазовъ, а легальная Рысаковъ.

«Затѣмъ Желябовъ обратился къ прокурору палаты съ просьбою объяснить ему, что такое случилось, что его разбудили въ 2 часа ночи; и когда ему объявлено было, что сдѣлано покушеніе на священную жизнь въ Бозѣ почившаго государя императора, тогда Желябовъ съ большою радостью сказалъ, что теперь на сторонѣ революціонной партіи большой праздникъ и что совершилось величайшее благодѣяніе для освобожденія народа, цѣль партіи осуществилась, что со времени казни Квятковскаго и Прѣснякова, дни покойнаго императора были сочтены, за нимъ слѣдили даже и тогда, когда онъ ѣздилъ по институтамъ, и ежели онъ не принялъ дѣйствительнаго участія въ бывшемъ покушеніи, такъ только потому, что былъ лишенъ свободы, а нравственно онъ вполнѣ сочувствуетъ удавшемуся злодѣйству.

«На предложенный ему вопросъ выяснить, какъ форму, такъ и составъ того метательнаго снаряда, который былъ употребленъ для злодѣйскаго умысла противъ государя, онъ отвѣчалъ, что формъ ихъ нѣсколько: есть овальныя и четырехугольной формы;

состава же опредѣлить не можетъ, такъ какъ онъ не техникъ, а для этого въ партіи существуетъ спеціальный техническій комитетъ. Объектомъ всѣхъ террористическихъ дѣйствій партіи былъ въ Бозѣ почившій государь императоръ, какъ главный виновникъ погибели многихъ лучшихъ ея членовъ и какъ составлявшій главную помѣху ихъ дѣйствій, затѣмъ ежели съ восшествіемъ на престолъ е. и. в. государя императора Александра Александровича ожиданія партіи не исполнятъ и она встрѣтитъ такое же противодѣйствіе, то не остановится и въ будущемъ прибѣгать къ такимъ же покушеніямъ и противъ него. Для исполненія террористическихъ цѣлей партіи у нихъ есть организація боевой дружины, состоящая изъ добровольцевъ. Къ дружинѣ этой принадлежитъ и Желябовъ. Въ воскресенье, 1 марта, въ 1 часъ дня, гуляя въ домѣ предварительнаго заключенія, онъ прислушивался, не произойдетъ-ли какого движенія, такъ какъ по воскреснымъ днямъ легче было прослѣживать его поѣздки, зная привычку въ извѣстный часъ отправляться на разводъ» [1]).

Центральное значеніе личности Желябова и его заявленія было оцѣнено и прокуроромъ с.-петербургской судебной палаты В. К. Плеве. Имъ была составлена помѣщаемая ниже записка, предназначавшаяся для графа Лорисъ-Меликова и для новаго монарха. Это—первая въ ряду записокъ по дѣлу 1-го марта, обратившихъ вниманіе Александра III на ихъ автора и создавшихъ ему карьеру. Дѣйствительно, записки или доклады Плеве отличаются яркой сжатостью и выпуклостью, умѣніемъ схватить все самое существенное и отбросить всѣ лишнія детали. Теперь онѣ кажутся намъ простыми, но въ то время разобраться въ грудѣ фактовъ, донесеній, агентурныхъ свѣдѣній и стать на правильный путь—было дѣломъ не легкимъ.

Всѣ записки В. К. Плеве печатаются нами впервые, въ подлинномъ, полномъ видѣ.

Первая записка составлена В. К. Плеве утромъ, 3 марта, послѣ обнаруженія конспиративной квартиры на Телѣжной улицѣ, самоубійства неизвѣстнаго, оказавшагося впослѣдствіи Н. А. Саблинымъ, и ареста Геси Гельфманъ, но до ареста пришедшаго въ 11 часовъ утра на эту квартиру Тимофея Михайлова. Записку эту графъ Лорисъ-Меликовъ лично прочелъ Александру III при докладѣ 3 марта, а на другой день препроводилъ ее царю [2]).

«При изслѣдованіи злодѣйскаго преступленія 1-го сего марта, было обращено вниманіе на то, что событіе это, являясь осу-

---

[1]) Это донесеніе графомъ Лорисъ-Меликовымъ было доложено Александру III 4 марта.

[2]) Препроводительная бумага графа Лорисъ-Меликова отъ 3 марта слѣдующаго содержанія: „всеподданнѣйше представляю вашему императорскому величеству записку прокурора с.-петербургской судебной палаты, прочитанную мной вашему величеству сегодня при всеподданнѣйшемъ докладѣ“. Докладъ Плеве былъ вновь прочитанъ царемъ, ибо на немъ имѣется помѣтка гр. Лорисъ-Меликова: „государь императоръ изволилъ читать 4 марта 1881 года“.

ществленіемъ программы террористической фракціи русской соціально-революціонной партіи, слѣдовало непосредственно за арестомъ нѣкоего Андрея Желябова, участника не только ноябрьскихъ покушеній 1879 г., но и всѣхъ совѣщаній, происходившихъ въ послѣднее время въ средѣ общества по поводу замышляемаго возобновленія террористическихъ мѣропріятій по отношенію къ священной особѣ въ Бозѣ почившаго государя императора.

«Поэтому возникло предположеніе, что арестованный вечеромъ 27 минувшаго февраля Желябовъ участвовалъ въ обсужденіи и окончательномъ установленіи плана послѣдняго преступленія, совершеннаго черезъ 40 часовъ послѣ его задержанія. Такое предположеніе нашло себѣ подтвержденіе въ объясненіяхъ арестованнаго Рысакова, который указалъ на Желябова, какъ на лицо, уговорившее его участвовать въ преступленіи.

«Призванный къ допросу, Желябовъ показалъ слѣдующее: признавая нравственную солидарность съ лицами, посягнувшими на покойнаго государя императора, онъ причисляетъ себя къ участникамъ преступленія, такъ какъ рѣшеніе народовольцевъ возобновить посягательство на жизнь въ Бозѣ почившаго государя, хотя и не успѣло вылиться ко времени ареста его, Желябова, въ окончательный планъ преступленія, тѣмъ не менѣе было вполнѣ подготовлено, ибо для новаго покушенія на священную особу государя была уже сформирована група революціонеровъ, которая, подъ руководствомъ нѣсколькихъ лицъ, въ томъ числѣ и его, Желябова, была вечеромъ 27 февраля настолько близка къ совершенію задуманнаго имъ злодѣйства, что онъ, Желябовъ, находясь подъ стражей и не зная о днѣ, избранномъ для приведенія преступнаго замысла въ исполненіе, въ воскресенье, гуляя по двору тюрьмы, ожидалъ грознаго событія.

«При весьма продолжительныхъ объясненіяхъ съ поименованнымъ Желябовымъ было имъ заявлено, что дѣятельность сообщества, упорно стремящагося къ совершенію государственнаго переворота, хотя и стоитъ внѣ того или другого настроенія общества по отношенію къ правительству, измѣняющагося подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ мѣропріятій власти, тѣмъ не менѣе сообразуется поневолѣ съ направленіемъ сихъ мѣропріятій. При этомъ на предлагавшіеся ему вопросы по поводу продолжительнаго перерыва въ террористическихъ преступленіяхъ, отвѣчалъ: «до казни Квятковскаго и Прѣснякова партія считала себя связанною въ свободѣ дѣйствія, а потому и казнь этихъ лицъ, несмотря на то, что смертью ихъ вырывались, такъ сказать, нервы партіи, была привѣтствована съ восторгомъ, напротивъ—помилованіе раскисшаго Адріана Михайлова было встрѣчено съ «нескрываемымъ чувствомъ досады».

«Вполнѣ согласно съ разсказомъ Желябова о приготовленіяхъ къ преступленію, Рысаковъ объяснилъ, что предварительныя сходки происходили, во-первыхъ, на Симбирской улицѣ, въ квартирѣ смертельно раненаго на мѣстѣ происшествія молодого чело-

вѣка, по прозвищу «Котика» (личность, бросившая второй снарядъ и умершая черезъ 8 часовъ по доставленіи въ больницу); во-вторыхъ, на Телѣжной улицѣ, въ домѣ № 5, откуда въ воскресенье утромъ и были получены метательные снаряды.

«Обыскъ въ этой квартирѣ,—при чемъ хозяинъ ея, отстрѣливаясь отъ прибывшихъ на мѣсто товарища прокурора палаты Добржинскаго и сопровождавшихъ его должностныхъ лицъ, застрѣлился и самъ,—привелъ къ обнаруженію двухъ метательныхъ снарядовъ, повидимому, тождественныхъ съ употребленными въ дѣло 1 марта, и прокламаціи, при семъ прилагаемой. Въ квартирѣ, кромѣ того, арестована молодая женщина, жившая по подложному паспорту. Настоящая ея фамилія Гессе».

IV.

Докладъ гр. Лорисъ-Меликова объ отсрочкѣ суда и смертной казни.— Арестъ Тимофея Михайлова.—Новый оговоръ Рысакова.—Обнаруженіе сырной лавки.—Розыскные курьеры: арестъ въ крѣпостномъ соборѣ.— Раскрытіе фамиліи Саблина.—„Пріятно имѣть такого брата“.

Первоначальнымъ намѣреніемъ властей было немедленное завершеніе слѣдствія по дѣлу 1-го марта, немедленное преданіе военному суду Рысакова и немедленное же приведеніе въ исполненіе смертнаго приговора. Но выдачи Рысакова, множившіяся съ каждымъ днемъ, открытіе конспиративной квартиры Геси Гельфманъ, сначала, а затѣмъ арестъ Перовской затянули слѣдствіе и измѣнили первоначальное предположеніе: передъ судомъ предсталъ не одинъ Рысаковъ, а соціально-революціонная партія. Объ этихъ первоначальныхъ намѣреніяхъ свидѣтельствуетъ слѣдующій замѣчательный докладъ графа Лорисъ-Меликова Александру III, представленный 3 марта:

«Упустилъ доложить в. и. в—у, что по заявленію прокурора судебной палаты и производящихъ дознаніе, въ виду задержанія женщины, а затѣмъ и преступника, поранившаго трехъ полицейскихъ, является потребность отсрочить открытіе суда на нѣкоторое время (2—3 дня); по мнѣнію моему, это тѣмъ болѣе необходимо, что въ пятницу, 6 числа, назначено перенесеніе тѣла въ Бозѣ почившаго государя императора въ Петропавловскую крѣпость, а потому казнь въ этотъ день была бы неумѣстна и, сверхъ того, ни судъ, ни исполненіе приговора не были бы возможны, такъ какъ необходимыя для сего части войскъ должны будутъ участвовать въ печальной церемоніи. По всей вѣроятности, казнь придется отложить до понедѣльника, 9 марта, дабы исполненіе приговора не совпало съ воскреснымъ днемъ».

На этомъ докладѣ Александръ III положилъ резолюцію: «хорошо».

Къ Рысакову, Желябову и Гельфманъ былъ 3-го же марта присоединенъ Тимофей Михайловъ. Объ его арестѣ градоначальникъ доносилъ въ департаментъ полиціи:

«Послѣ производства въ ночь съ 2 на 3 текущаго марта

обыска и задержанія лицъ въ квартирѣ дома № 5, по Телѣжной улицѣ, учреждено за этою квартирою секретное наблюденіе. Утромъ 3 марта сюда явился неизвѣстный человѣкъ, при задержаніи котораго имъ произведены изъ револьвера шесть выстрѣловъ, при чемъ контуженъ помощникъ пристава 1 участка Александро-Невской части, губ. секр. Слуцкій, въ правую сторону груди съ ушибомъ легкихъ, и ранены: городовой полицейскаго резерва Ефимъ Денисовъ въ правый пахъ и агентъ секретнаго отдѣленія съ легкимъ поврежденіемъ наружныхъ покрововъ носа и контузіей правой стороны головы.

«Несмотря, однако-же, на вооруженное сопротивленіе, неизвѣстный человѣкъ, называющій себя Андреевымъ, былъ доставленъ въ секретное отдѣленіе и переданъ въ распоряженіе судебной власти.

Тимофей Михайловъ (Андреевъ) отрицалъ свое отношеніе къ дѣлу 1 марта, но Рысаковъ выдалъ его съ головой. Изложеніе хода слѣдствія находимъ въ слѣдующемъ докладѣ Плеве:

«Вчерашняго числа по дѣлу о преступномъ злодѣяніи 1-го сего марта были обнаружены указанія на участіе въ преступленіи крестьянина смоленской губеніи, сычевскаго уѣзда, деревни Гаврилкова, Тимофея Михайлова, котораго мѣщанинъ Рысаковъ призналъ за человѣка, бывавшаго на сходкахъ членовъ соціалистическаго кружка, на коихъ было обсуждаемо задуманное ими террористическое предпріятіе. По удостовѣренію Рысакова, Михайловъ, кромѣ того, утромъ, въ день катастрофы, находился въ квартирѣ застрѣлившагося Фесенко-Навроцкаго, наканунѣ же ѣздилъ за городъ пробовать пригодность приготовленныхъ для преступленія метательныхъ снарядовъ и, по возвращеніи, передавалъ объ удачномъ исходѣ опыта, такъ какъ одинъ изъ снарядовъ, будучи брошенъ, разорвался при прикосновеніи къ поверхности довольно рыхлаго снѣга.

«Михайловъ, несмотря на оговоръ Рысакова, виновнымъ себя не призналъ, заявивъ, что участіе его въ дѣлахъ соціально-революціоннаго кружка заключалось только въ принадлежности къ составу боевой рабочей дружины.

«Въ теченіе вчерашняго же дня доведено было до свѣдѣнія производящихъ дознаніе, что крестьяне Кобозевы, мужчина и женщина, хозяева сырной лавки, помѣщающейся въ домѣ № 13 по Малой Садовой улицѣ, скрылись изъ занимаемой ими лавки, оставивъ слѣды производившихся у нихъ въ помѣщеніи земляныхъ работъ. Осмотръ лавки привелъ къ убѣжденію, что изъ жилья, смежнаго съ ней, веденъ былъ подъ середину улицы подкопъ, предназначенный для устройства въ немъ мины, взрывающейся при дѣйствіи на нее гальванической батареи, которая осталась въ лавкѣ. Изслѣдованіе подкопа, еще не оконченное по затруднительности и опасности производить работы ночью, къ вечеру вчерашняго числа дало возможность пройти минеру на три сажени отъ начала галлереи до водосточной трубы, гдѣ за-

мѣчено вырѣзанное отверстіе, давшее возможность усмотрѣть заложенныя въ трубу проволоки.

«Необходимо замѣтить, что лавка Кобозева, какъ сообщилъ с.-петербургскій градоначальникъ, обращала на себя и ранѣе вниманіе полиціи, но возникшія по сему поводу сомнѣнія устранены были провѣркою паспорта, оказавшагося настоящимъ, и осмотромъ лавки при участіи техника, каковой осмотръ не далъ никакихъ результатовъ. Дознано, что Кобозевъ въ послѣдній разъ отлучился изъ лавки 3 марта, въ 8 часовъ утра, жена же его скрылась въ теченіе дня.

«Сказанное открытіе, подтверждая важное значеніе для дѣла плана, оказавшагося въ квартирѣ по Телѣжному переулку, вызвало необходимость розыскныхъ дѣйствій по отношенію къ другимъ, указаннымъ на планѣ, мѣстностямъ, изъ числа коихъ особое вниманіе вызвала Манежная площадь, отмѣченная тѣмъ же, что и подкопъ на Малой Садовой, знакомъ [1]).

«Вслѣдствіе сего, въ теченіе минувшей ночи, подъ руководствомъ прокурора окружнаго суда Сабурова и при участіи одиннадцати товарищей прокурора, чинами корпуса жандармовъ и полиціи были осмотрѣны подвальныя помѣщенія домовъ по Манежной площади, а также произведены обыски въ двухъ квартирахъ, изъ коихъ одна, помѣщающаяся въ третьемъ этажѣ, въ домѣ № 29, съ окнами во дворъ, обратила вниманіе, вслѣдствіе родственныхъ отношеній хозяина ея съ лицами административно-ссыльными, другая же потому, что одна изъ комнатъ ея оказалась запертой. Осмотръ подвальныхъ помѣщеній не привелъ ни къ какимъ результатамъ въ смыслѣ выясненія подозрительной отмѣтки на планѣ. Обыски же разсѣяли возникшія сомнѣнія, такъ какъ въ первой изъ указанныхъ выше квартиръ ничего компрометирующаго жильцовъ ея найдено не было, а во второй запертая комната оказалась временнымъ помѣщеніемъ лица, съ извѣстнымъ общественнымъ положеніемъ, предназначеннымъ, повидимому, для свиданія съ женщиной».

Докладъ Плеве былъ представленъ графомъ Лорисъ-Меликовымъ Александру III, 5-го же марта, при слѣдующей запискѣ: «докладъ прокурора судебной палаты всеподданнѣйшимъ долгомъ считаю представить для прочтенія в. и. в—у». На этой запискѣ надпись Александра III: «читалъ», а на самомъ докладѣ, на поляхъ, противъ указанія на произведенный въ февралѣ неудачный осмотръ лавки, царь начерталъ: «это только доказываетъ, какъ недобросовѣстно былъ произведенъ обыскъ».

Слѣдующій докладъ гр. Лорисъ-Меликова, представленный царю 8-го марта, касался курьезнаго эпизода:

«Въ виду распространившихся вчера слуховъ о томъ, что въ числѣ пѣвчихъ печальнаго кортежа проникли въ соборъ

---

[1]) При запискѣ приложенъ планъ сырной лавки и сообщеніе о результатахъ осмотра. Не воспроизводимъ его потому, что въ полномъ видѣ протоколъ осмотра вошелъ въ обвинительный актъ по дѣлу 1 марта. *Ред.*

Петропавловской крѣпости переодѣтыя постороннія лица, всеподданнѣйшимъ долгомъ считаю представить при семъ, для прочтенія в. и. в., донесеніе по сему предмету с.-петербургскаго градоначальника [1]).

Донесеніе градоначальника гласило:

«Вчера, 6-го текущаго марта, получено было секретнымъ путемъ свѣдѣніе, что три лица пріобрѣли для себя пѣвческіе кафтаны для того, чтобы можно было проникнуть въ соборъ Петропавловской крѣпости ко времени перенесенія туда тѣла въ Бозѣ почившаго императора Александра II-го; объ этомъ мною сообщено для зависящихъ распоряженій г-ну коменданту с.-петербургской крѣпости.

«Сего 7-го марта во ввѣренную мнѣ полицію переданъ былъ проникшій въ соборъ въ пѣвческомъ платьѣ крестьянинъ ярославской губерніи рыбинскаго уѣзда, егорьевской волости, деревни Галузино, Егоръ Епифановъ Виноградовъ, а за симъ оказалось, что контушъ данъ ему пѣвчимъ л.-г. гренадерскаго полка, унт.-оф. 6-й роты Владиміромъ Сергѣевымъ, почему задержанъ и сей послѣдній.

«По имѣющимся о Виноградовѣ свѣдѣніямъ, онъ поведенія хорошаго, и дѣлъ о его политической неблагонадежности не производилось; изъ объясненій же его о цѣли переодѣванія въ пѣвческое платье выясняется, что къ тому побуждало его исключительно желаніе видѣть печальную процессію и обрядъ соборнаго служенія. При осмотрѣ Виноградова ничего предосудительнаго не найдено.

«Въ томъ же смыслѣ дано объясненіе унт.-оф. Сергѣевымъ, которое подкрѣпляется тѣмъ фактомъ, что Виноградовъ застигнутъ не въ соборѣ, а въ сторожкѣ.

«Доводя объ изложенномъ до свѣдѣнія вашего сіятельства, имѣю честь присовокупить, что унт.-оф. Сергѣевъ препровожденъ въ распоряженіе командира л.-гв. гренадерскаго полка, а крестьянинъ Виноградовъ арестованъ при полицейскомъ домѣ впредь до особаго распоряженія вашего сіятельства».

Въ докладѣ царю 10-го марта гр. Лорисъ-Меликовъ сообщалъ о двухъ незначительныхъ арестахъ и раскрытіи дѣйствительной фамиліи Фесенко-Навроцкаго, застрѣлившагося въ конспиративной квартирѣ.

Раскрытіе это далось не сразу. Сначала у властей возникло предположеніе, что Фесенко-Навроцкій — въ дѣйствительности Н. С. Тютчевъ, нынѣ здравствующій. Трупъ Фесенко былъ предъявленъ всѣмъ завѣдывающимъ и служащимъ въ тѣхъ петербургскихъ мѣстахъ заключенія, въ которыхъ въ свое время содержался Н. С. Тютчевъ, а также и тѣмъ лицамъ, которыя знали Тютчева по службѣ его на патронномъ заводѣ. Затѣмъ явилась мысль, не Кравчинскій-ли Фесенко? П. А. Черевинъ,

---

[1]) На докладѣ помѣта: «лично возвращ. госуд. имп. графу 8-го марта 81»

бывшій въ то время товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, посѣтилъ сидѣвшаго въ крѣпости пріятеля Кравчинскаго Д. А. Клеменца. Д. А. Клеменцъ, послѣ посѣщенія Черевина, передалъ коменданту крѣпости для врученія Черевину слѣдующую записку: «полковникъ Зыковъ завѣдывалъ «Всемірнымъ путешественникомъ». Я, Клеменцъ, и Кравчинскій въ 1873 и 74 годахъ работали у Зыкова въ качествѣ переводчиковъ. Вѣроятно, Зыковъ помнитъ лицо Кравчинскаго и будетъ въ состояніи сказать, онъ-ли или нѣтъ та личность, которая интересуетъ товарища министра». Любопытно, что Зыковъ нашелъ сходство въ застрѣлившемся съ Кравчинскимъ «въ общихъ чертахъ лица, въ видѣ и цвѣтѣ волосъ», но положительно тожества не удостовѣрилъ. Указанія на тожество Фесенко и Саблина были получены, по глухому заявленію департамента полиціи, отъ одного изъ арестованныхъ преступниковъ, нашедшаго фотографическія карточки, взятыя съ трупа, похожими на Николая Алексѣевича Саблина.

Графъ Лорисъ-Меликовъ докладывалъ царю:

«Долгомъ считаю всеподданнѣйше доложить в. и. в., что въ теченіе 8-го и 9-го сего марта арестованы: 1) при обыскѣ въ Кавалергардской улицѣ дочь священника Елена Подвысоцкая и слушательница женскихъ врачебныхъ курсовъ, вдова дворянина Марія Лихачева, у которой найдена переписка преступнаго содержанія; 2) крестьянинъ Никифоровъ, на котораго подсудимый Рысаковъ указываетъ какъ на одного изъ дѣятелей террористической фракціи.

«Въ послѣдніе дни выяснена личность застрѣлившагося при обыскѣ въ Телѣжной улицѣ и заарестованіи еврейки Гессе Гельфманъ неизвѣстнаго (Новроцкій). Личность эта оказалась бывшимъ студентомъ московскаго университета Николаемъ Алексѣевымъ Саблинымъ, привлекавшимся въ качествѣ обвиняемаго къ дѣлу о 193 лицахъ. Тождественность этой личности установлена предъявленіемъ фотографическаго снимка съ трупа самоубійцы командиру батальона лейбъ-екатеринославскаго гренадерскаго полка подполковнику Саблину, который призналъ въ немъ родного брата».

Александръ III на поляхъ доклада, противъ послѣднихъ строкъ, надписалъ: «пріятно имѣть такого брата».

V.

Арестъ С. Л. Перовской. — Справка о С. Л. Перовской. — Оговоры Рысакова объ агитаціи въ рабочей средѣ и среди учащейся молодежи. — Связи народовольцевъ съ крѣпостной командой. — Арестъ наблюдательнаго отряда. — Агитація среди военныхъ.

Къ 9 марта слѣдствіе было закончено, и обвиняемымъ былъ уже врученъ обвинительный актъ, но 10 марта была арестована С. Л. Перовская. Этотъ арестъ вызвалъ новый приливъ слѣдовательской энергіи и новый потокъ признаній Рысакова.

О С. Л. Перовской въ департаментѣ полиціи имѣлась слѣдующая справка:

«Перовская, Софья Михайловна, дочь действительнаго статскаго советника, она-же Марія Перовская, Марина Семенова Сухорукова, жена саратовскаго мещанина, и Марія Семенова, ярославская мещанка; приметы ея: блондинка, малаго роста, около 22 летъ, одевалась весьма прилично, лицо чистое, красивое, брови темныя, въ разговоре прибавляетъ слово «таки», иметъ малороссійскій акцентъ; привлекалась къ ответственности по общему делу о пропаганде 1875 г. Принадлежала къ кружку чайковцевъ. По делу этому судъ освободилъ Перовскую отъ ответственности, вменивъ ей въ наказаніе предварительное содержаніе подъ стражей; но въ виду ея явнаго участія въ пропаганде, она была предназначена къ высылке въ олонецкую губернію, подъ надзоръ полиціи, 30 іюля 1878 г., но успела скрыться; была вновь задержана въ Москве 24 августа 1878 г. и отправлена въ Петрозаводскъ, 25 того-же августа, со станціи же Волховъ бежала.

«Принимала самое деятельное участіе въ деле о взрыве на московско-курской жел. дороге, 19 ноября 1879 г.; въ купленномъ доме, подъ Москвой, жила подъ видомъ жены саратовскаго мещанина Сухорукова (Гартманъ), называлась Мариной Семеновой и была хозяйкой того дома, изъ котораго была минная галлерея для взрыва.

«Жила въ Петербурге съ 20 мая по 15 іюня 1880 г., подъ видомъ ярославской мещанки, Маріи Семеновой, въ доме № 37 по Большой Подьяческой улице, въ той квартире, где партія террористовъ приготовляла динамитъ, предназначенный для злоумышленныхъ целей.

11-го марта гр. Лорисъ-Меликовъ представилъ Александру III следующій докладъ:

«Долгомъ считаю всеподданнейше доложить в. и. в—у, что 10-го числа, въ 5 часовъ пополудни, на Невскомъ проспекте, противъ памятника императрицы Екатерины II-ой, по указанію девицы Луизы Сундбергъ, задержана околоточнымъ надзирателемъ 1-го участка нарвской части Широковымъ, женщина, проживавшая по 1-й роте Измайловскаго полка съ Андреемъ Желябовымъ, въ доме № 18, квартире № 23, подъ именемъ вдовы Лидіи Антоновой Войновой. Арестованная отказалась назвать свое имя, указать квартиру и вообще дать какія-либо показанія. При осмотре у нея отобраны различныя прокламаціи. По предъявленіи задержанной обоимъ дворникамъ дома № 18 по 1-й роте Измайловскаго полка, а также торговцу табачнаго магазина, все они въ ней признали именно ту женщину, которая жила съ Андреемъ Желябовымъ. По доставленіи ея въ с.-петербургское губернское жандармское управленіе, арестованная въ 11¼ часовъ ночи созналась, что она Софья Львовна Перовская. Какъ известно изъ показанія Гольденберга, личность эта, живя въ Москве, вместе съ Гартманомъ, принимала деятельное участіе въ взрыве 19 ноября 1879 года» [1]).

---

[1]) На докладе гр. Лорисъ-Меликовъ надписалъ: „доложено“.

Немедленно былъ подвергнутъ допросамъ Рысаковъ, который и освѣтилъ роль С. Л. Перовской въ событіяхъ 1 марта.

Генералъ Комаровъ, 13 марта (№ 1017), доносилъ графу Лорисъ-Меликову:

«Вслѣдствіе произведенныхъ допросовъ Николаю Рысакову въ ночь съ 12-го на 13-е число, выяснилось слѣдующее:

«Главною руководительницею злодѣянія 1-го марта была дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника Софья Львовна Перовская. Совершеніе преступленія окончательно рѣшено было 28-го февраля; всю ночь на 1-е марта занимались нѣсколько человѣкъ приготовленіемъ на квартирѣ разрывныхъ снарядовъ, которыхъ къ утру изготовлено было два. Около 10 часовъ утра, 1-го марта, Софья Перовская принесла два разрывныхъ снаряда на конспиративную квартиру, въ Телѣжную улицу, гдѣ уже находились Рысаковъ, Михайловъ, Котикъ, Михайло, квартирная хозяка Гельфманъ и застрѣлившійся, нынѣ признанный, Саблинъ.

«Софья Перовская обратилась къ собравшимся и сказала, что снарядовъ только два, болѣе приготовить не успѣли, надо довольствоваться тѣмъ, что есть; затѣмъ послѣдовало объясненіе плана покушенія и подробная инструкція каждому, какую роль играть и гдѣ находиться. Предполагалось, что въ Бозѣ почившій государь императоръ, отправляясь къ разводу въ Михайловскій манежъ, послѣдуетъ изъ Зимняго дворца по Невскому проспекту, по Малой Садовой и Большой Итальянской улицамъ. Въ этомъ случаѣ Рысаковъ, получивъ разрывной снарядъ, долженъ былъ находиться у памятника императрицы Екатерины, Котикъ и Михайловъ, имѣвшіе также разрывной снарядъ должны были стоять въ публикѣ, на углу Малой Садовой и Итальянской, противъ дома министерства юстиціи, сама Софья Перовская находилась на углу Невскаго проспекта и Малой Садовой.

«О существованіи подкопа Рысакову ничего не было извѣстно.

«Ежели-бы предположеніе ихъ исполнилось, т. е. государь императоръ поѣхалъ по Малой Садовой, то на этой улицѣ долженъ былъ произойти шумъ, на который Рысаковъ долженъ былъ тотчасъ направиться; ежели-бы какимъ-либо случаемъ государь императоръ спасся отъ взрыва подкопа, веденнаго изъ дома графини Менгденъ, что въ концѣ улицы, находившіеся Котикъ и Михайловъ должны были дѣйствовать разрывнымъ снарядомъ. Въ томъ случаѣ, когда путь слѣдованія въ Михайловскій манежъ въ Бозѣ почившій государь императоръ изберетъ другой, то всѣмъ поименованнымъ лицамъ, тотчасъ по проѣздѣ государя, собраться въ Малую Михайловскую улицу, гдѣ, по ранѣе условленному съ Перовской знаку, который заключался въ томъ, что, при встрѣчѣ, она вынетъ носовой платокъ и высморкается, Рысаковъ, Котикъ и Михайловъ должны отправиться на Екатерининскій каналъ и занять тамъ указанныя мѣста: Рысаковъ саже-

ней 15 отъ Инженерной улицы, а Котикъ, по тому же направленію, въ 20-ти или болѣе саженяхъ разстоянія; сама же Перовская, вернувшись на Невскій проспектъ, перейдя Казанскій мостъ, отправилась по другой сторонѣ Екатерининскаго и стояла у Конюшеннаго зданія, противъ Инженерной улицы, наблюдая за выѣздомъ государя императора изъ дворца великой княгини Екатерины Михайловны, съ цѣлію дать знать платкомъ своимъ единомышленникамъ и наблюдать за ихъ исполненіемъ.

«Для большей точности распредѣленій и указанія мѣстъ назначеннымъ лицамъ, Софья Перовская, находясь на конспиративной квартирѣ, начертила планъ, въ копіи при семъ представляемый.

«По предъявленіи сего числа показанія Рысакова Софьѣ Перовской, она подтвердила, что роли лицамъ розданы и планъ рисованъ ею».

Николай Алексѣевичъ Саблинъ.

На этомъ докладѣ помѣтка: «возвращено отъ государя императора 14 марта 1881 гоДа».

Помимо изслѣдованія о самомъ событіи 1 марта, слѣдствіе направилось еще по двумъ направленіямъ къ розысканію корней народовольческой агитаціи среди учащейся молодежи и среди рабочихъ. Матеріалъ, полученный по этимъ двумъ пунктамъ, не вошелъ въ дѣло мартовцевъ, и поэтому краткія, сжатыя донесенія Плеве и Комарова являются весьма цѣнными и вводятъ насъ въ мало изслѣдованныя области исторіи «Народной Воли». 12 марта генералъ Комаровъ (№ 954) донесъ въ департаментъ полиціи:

«При производствѣ дознанія о покушеніи 1-го марта, жертвой котораго палъ въ Бозѣ почившій государь императоръ, между прочимъ, выяснилось, что въ средѣ рабочихъ петербургскихъ фабрикъ ведется пропаганда соціально-революціоннаго характера, что въ этой средѣ являлись, въ качествѣ агитаторовъ, Рысаковъ и Желябовъ, что террористическая партія имѣетъ въ своей организаціи боевую дружину для чисто террористическихъ предпріятій и что составъ этой дружины пополнялся рабочими. Послѣднее обстоятельство находитъ себѣ подтвержденіе въ участіи рабочаго

Михайлова въ покушенiи 1-го марта, каковое дѣянiе было дѣломъ революцiонеровъ-террористовъ.

«Независимо отъ этихъ общихъ указанiй, получено свѣдѣнiе, что Рысаковъ стоялъ близко къ рабочимъ Ивану Гаврилову, Беку, Долбилкину и Егору Андрееву, и что отношенiя эти къ названнымъ лицамъ обусловливались цѣлями революцiонной пропаганды, а потому, признавая необходимымъ принять мѣры: 1) къ выясненiю той пропаганды въ средѣ рабочихъ, проводниками которой являлись Рысаковъ и Желябовъ; 2) къ выясненiю размѣра боевой дружины и 3) къ обнаруженiю какъ ея состава и членовъ, такъ равно и лицъ, въ средѣ которыхъ имѣла мѣсто пропаганда,—по вышеизложеннымъ обстоятельствамъ, приступлено къ производству дознанiя, въ порядкѣ закона 19 мая 1871 г., при чемъ всѣ вышеозначенныя лица арестованы и привлечены въ качествѣ обвиняемыхъ» [1]).

Къ этому времени относится, очевидно, недатированный и неподписанный докладъ, принадлежащiй перу Плеве и содержащiй общiя принципiальныя соображенiя объ исходныхъ точкахъ слѣдствiя:

«При производствѣ переданнаго на разсмотрѣнiе особаго присутствiя правительствующаго сената дознанiя о преступленiи 1-го марта было установлено, что означенное злодѣянiе, будучи задумано и устроено снискавшими себѣ извѣстность дѣятелями террористической фракцiи социально-революцiонной партiи, приведено было въ исполненiе при содѣйствiи завербованныхъ въ недавнее время членовъ партiи, дѣйствовавшихъ, по преимуществу, въ рабочей средѣ.

«Изложенное привлекло вниманiе производящихъ дознанiе на такiя обстоятельства, изслѣдованiе которыхъ могло бы повести къ раскрытiю истиннаго значенiя и размѣровъ существующей въ рабочемъ населенiи столицы социалистической агитацiи, а также и къ обнаруженiю главныхъ агитаторовъ, коими, несомнѣнно, окажутся незадержанные еще до сихъ поръ руководители террористической фракцiи изъ числа лицъ, поименованныхъ въ заявленiи извѣстнаго Гольденберга (Михаилъ Фоменко, Левъ Тихомiровъ, Арончикъ, Кибальчичъ, Татьяна Лебедева, Вѣра Филиппова, Анна Якимова, она же Баска, и другiе).

«Въ виду сего, при разспросахъ Рысакова были выяснены его отношенiя къ рабочимъ, и нѣкоторыя изъ названныхъ имъ лицъ арестованы. Вмѣстѣ съ симъ, къ производству о революцiонномъ движенiи среди рабочихъ было присоединено дознанiе о бывшемъ студентѣ Орловѣ, задержанномъ 3 марта въ кондитерской Исаева по запискѣ, найденной у Тимофея Михайлова, и сознавшемся въ томъ, что онъ былъ однимъ изъ лицъ, дѣйствовавшихъ среди рабочихъ съ революцiонными цѣлями.

---

[1]) На этомъ отношенiи директоръ департамента госуд. полицiи бар. Велiо 13 марта положилъ революцiю: „Завести особое дѣло о 1 марта и соединить въ немъ всѣ бумаги, имѣющiя связь съ этимъ“.

«Разслѣдованіе, направленное по указанному пути, имѣло уже извѣстный успѣхъ. Одинъ изъ арестованныхъ рабочихъ, Бѣляевъ, давъ указанія на пропаганду, существующую въ кружкахъ фабричныхъ мастеровыхъ, удостовѣрилъ участіе въ ней не только нѣкоторыхъ рабочихъ, объ арестованіи коихъ распоряженіе послѣдовало, но и главныхъ дѣятелей террористическаго движенія, какъ, напримѣръ, Александра Михайлова, Желябова и Перовской.

«Состоявшееся 10 марта задержаніе послѣдней и снятые съ нея допросы дали новое подтвержденіе основной мысли, принятой за точку отправленія изслѣдованія, производившагося по поводу ужаснаго событія 1 марта. Сознаніе Перовской въ томъ, что она была однимъ изъ главныхъ дѣятелей преступленія, и послѣдовавшее въ такомъ же смыслѣ заявленіе относительно ея виновности Рысакова убѣждаетъ въ томъ, что виновниками недавно пережитой нами катастрофы были, главнымъ образомъ, лица, замѣшанныя въ прежнихъ покушеніяхъ на жизнь въ Бозѣ почившаго государя императора.

«Найденная при Перовской шифрованная записка [1]), разобранная въ ночь на 12-е марта, послужила доказательствомъ того, что усилія террористовъ въ послѣднее время были направлены, между прочимъ, на устройство рабочихъ кружковъ. Въ названной запискѣ упоминаются фамиліи пяти рабочихъ, ихъ прозвища и лозунги, съ которыми слѣдуетъ къ нимъ обращаться по дѣламъ конспираціи и, кромѣ того, намѣчаются средства для пріобрѣтенія дѣйствительныхъ сношеній, очевидно, въ той же рабочей средѣ.

«Независимо сего въ запискѣ Перовской имѣется указаніе на попытки соціалистовъ завязать сношенія съ лицами, служащими въ комендантскомъ управленіи с.-петербургской крѣпости и при Алексѣевскомъ равелинѣ. Къ послѣднему заключенію приводитъ то соображеніе, что членами соціалистическаго кружка были собраны свѣдѣнія о семейномъ положеніи надзирателей равелина, а также о матеріальномъ ихъ обезпеченіи и свойствахъ характера («оба бѣдны»,—говорится въ запискѣ,—«одинъ храбръ, другой пугливъ»)».

Прямымъ дополненіемъ къ донесенію Комарова является докладъ Плеве отъ 14 марта, на которомъ имѣется надпись Александра III: «читалъ».

«По свѣдѣніямъ, извлеченнымъ изъ записки, найденной у обвиняемой Перовской, приняты двоякія мѣры. Однѣ изъ нихъ направлены къ розыску лицъ, фамиліи коихъ упомянуты въ запискѣ, а другія имѣютъ цѣлью выяснить указанія на писаря комендантскаго управленія Дубровина и жандармовъ Алексѣевскаго равелина Александрова и Исакова.

«Кромѣ розысковъ, производящихся въ столицѣ, обращено вниманіе на с. Иваново-Вознесенскъ, владимірской губерніи, въ виду того, что Иваново упоминается въ запискѣ и рядомъ съ нимъ

---

[1]) Текстъ записки напечатанъ ниже, среди актовъ сенатскаго процесса. *Ред.*

значатся фамиліи Зубкова и учителя Копочинскаго. По сношенію съ начальникомъ владимірскаго жандармскаго управленія оказалось, что учителя Копочинскаго въ с. Иваново-Вознесенскъ нѣтъ, а есть два брата Зубковыхъ. Почему сдѣлано распоряженіе о производствѣ у нихъ обыска и принятіи въ отношеніи ихъ надлежащихъ мѣръ.

«Въ разъясненіе указаній на жандармовъ Исакова и Александрова, а также на писаря Дубровина, были допрошены какъ эти лица, такъ равно и всѣ члены ихъ семействъ, при чемъ не обнаружено никакихъ основаній, дающихъ право подозрѣвать ихъ въ сношеніяхъ съ членами революціонной партіи. Несмотря на то, принимаются мѣры къ выясненію личностей ихъ знакомыхъ и общественнаго положенія послѣднихъ. Въ числѣ знакомыхъ Дубровина оказались два лица, носящія имя Петръ, а такъ какъ въ запискѣ Перовской упоминается о Петрухѣ, чрезъ котораго члены революціонной партіи предполагали сблизиться съ Дубровинымъ, то, поэтому, на знакомыхъ Дубровина, носящихъ имя Петръ, обращено особенное вниманіе, и у одного изъ нихъ, вслѣдъ за розыскомъ его, будетъ произведенъ обыскъ.

«Обвиняемый мѣщанинъ Рысаковъ, продолжая давать откровенныя показанія, объяснилъ, что метательные снаряды были принесены 1 марта утромъ, въ квартиру по Телѣжной улицѣ, техникомъ и Перовской, которая, доставивъ два снаряда, объявила, что больше не успѣли изготовить и что надъ изготовленіемъ принесенныхъ ею работали всю ночь. Далѣе изъ объясненія Рысакова видно, что еще съ осени прошлаго года, онъ, по порученію Перовской, слѣдилъ за проѣздомъ въ Бозѣ почившаго государя императора и отчетъ въ своихъ наблюденіяхъ каждый разъ отдавалъ Перовской. По удостовѣренію Рысакова, чертежъ [1]), найденный въ квартирѣ по Телѣжной улицѣ, былъ составленъ 1 марта, утромъ, Перовской въ упомянутой квартирѣ, съ цѣлью точнаго опредѣленія мѣста дѣйствія каждаго изъ участниковъ злодѣянія; въ числѣ же лицъ, отправившихся для метанія снарядовъ, Рысаковъ называетъ Тимофея Михайлова.

«Независимо отъ изложеннаго, въ послѣднемъ показаніи Рысакова имѣется новое указаніе на молодого человѣка, по имени Аркадія, занимавшагося агитаціей въ средѣ рабочихъ; къ обнаруженію послѣдняго и къ выясненію его личности приняты надлежащія мѣры.

«На ряду со всѣми приведенными данными, получаетъ значеніе отобранное сего числа показаніе студента университета Якубовскаго, арестованнаго въ январѣ сего года по обвиненію въ имѣніи у себя запрещенныхъ изданій. Якубовскій объяснилъ, что найденныя у него гектографированныя изданія и програма революціонной партіи были составлены имъ, посредствомъ гекто-

---

[1]) Копія съ чертежа прилагается. NB. Эта сноска сдѣлана рукой гр. Лорисъ-Меликова. Затѣмъ карандашемъ приписано: Не возвращено.

графа, при участіи студентовъ университета Фермора, Любимскаго и Аркадія Тыркова, при чемъ особенно дѣятельное участіе въ этомъ принималъ Ферморъ. По произведеннымъ розыскамъ, Ферморъ и Тырковъ оказались на жительствѣ въ Петербургѣ, а Любимскій выѣхалъ въ Ковно. Въ виду этого, о производствѣ обыска у Фермора и Тыркова и объ арестѣ ихъ сдѣлано уже распоряженіе; объ арестѣ же Любимскаго сообщено начальнику ковенскаго жандармскаго управленія.

«По нѣкоторымъ даннымъ, есть основаніе подозрѣвать въ Тырковѣ того Аркадія, на котораго указываетъ Рысаковъ, какъ на агитатора въ средѣ рабочихъ, что будетъ вполнѣ провѣрено предъявленіемъ Тыркова Рысакову».

14-же марта Плеве представилъ еще докладъ, возвращенный отъ государя, какъ видно изъ помѣты, 15 марта.

«Сего 14-го марта было произведено изслѣдованіе по нижеслѣдующимъ тремъ дознаніямъ, обращающимъ на себя особое вниманіе: 1) по дознанію о злодѣйскомъ преступленіи 1-го марта, 2) по дѣлу о соціалистической агитаціи въ средѣ рабочаго населенія столицы и 3) по дѣлу о служащихъ при Алексѣевскомъ равелинѣ и въ комендантскомъ управленіи с.-петербургской крѣпости, навлекшихъ на себя подозрѣніе вслѣдствіе оказавшихся на нихъ указаній въ расшифрованной запискѣ Перовской.

«По послѣднему производству получены два свидѣтельскія показанія, удостовѣряющія, что о жандармскомъ унтеръ-офицерѣ Александровѣ и писарѣ Дубровинѣ были собираемы разныя свѣдѣнія какими-то лицами, повидимому, имѣющими отношеніе къ революціонному движенію. Одно изъ названныхъ показаній, данное квартирантомъ Александрова дворяниномъ Исполатовскимъ, указываетъ на то, что въ теченіе послѣдняго времени, при посѣщеніи имъ трактировъ, съ нимъ дважды знакомились какіе-то молодые люди, которые разспрашивали про Александрова. Другое показаніе, полученное отъ прикащика лѣсопильнаго завода купца Бѣляева, мѣщанина Примазова, устанавливаетъ фактъ обращенія къ нему какого-то неизвѣстнаго, съ просьбой познакомить его съ писаремъ Дубровинымъ, который, до поступленія въ военную службу, служилъ прикащикомъ на томъ же лѣсопильномъ заводѣ. Кромѣ того, упомянутый Исполатовскій заявилъ, что, послѣ обыска у Александрова (12-го марта), встрѣтившіеся съ нимъ на улицѣ два молодые человѣка разспрашивали его про обыскъ и арестъ означеннаго унтеръ-офицера.

«По дознанію о соціалистическихъ рабочихъ кружкахъ арестованы трое рабочихъ, показанія которыхъ, быть можетъ, поведутъ къ обнаруженію руководителей сихъ кружковъ.

«Продолжающіеся разспросы Рысакова даютъ все болѣе и болѣе матеріала для разъясненія той настойчивости, съ которою соціалисты стремились къ достиженію задуманнаго ими злодѣянія 1-го марта. Рысаковъ разсказываетъ, что хотя приведеніе въ исполненіе сего преступленія и было рѣшено окончательно въ

недавнее время, тѣмъ не менѣе подготовительныя къ нему дѣйствія были предпринимаемы еще осенью прошедшаго года. Въ ряду этихъ подготовительныхъ дѣйствій имѣло извѣстное значеніе наблюденіе за выѣздами изъ Зимняго дворца въ Бозѣ почившаго государя императора. Руководительницей сего наблюденія была Перовская, получавшая отчеты отъ лицъ, производившихъ таковое, въ квартирѣ слушательницы высшихъ женскихъ курсовъ Елизаветы Оловенниковой, свояченицы содержащагося въ петербургской крѣпости Баранникова (онъ же Тюриковъ и Кошурниковъ). Наблюдателями, по заявленію Рысакова, въ числѣ прочихъ, были: онъ самъ, Оловенникова и студентъ с.-петербургскаго университета, Аркадій Тырковъ, арестованный сегодня ночью вслѣдствіе заявленія студента Якубовскаго о томъ, что Тырковъ передалъ ему на храненіе одно изъ запрещенныхъ сочиненій извѣстнаго эмигранта Лаврова.

«Одновременно съ Тырковымъ арестована Оловенникова».

16-го марта послѣдовалъ новый докладъ Плеве, доложенный 16-го марта Александру III.

«16-го сего марта, при изслѣдованіи дѣятельности студенческаго кружка, были допрошены студенты с.-петербургскаго университета Любимскій и Тырковъ, а также сторонній слушатель того же университета Теръ-Марковозъ. Изъ показаній этихъ лицъ выяснилось, что въ декабрѣ 1880 года нѣкоторые студенты (Ферморъ, Якубовскій, Любимскій и Тырковъ) занимались гектографированіемъ полученной ими, какъ они утверждаютъ, въ университетѣ террористической программы, по которой предположено было поручить учащейся молодежи собирать свѣдѣнія о степени подготовленности различныхъ слоевъ общества къ государственному перевороту. Гектографъ доставленъ былъ названнымъ молодымъ людямъ студентомъ Россиковымъ, который получилъ его отъ Теръ-Маркозова, не знавшаго, будто-бы, о предположеніи Россикова и его товарищей воспользоваться гектографомъ для революціонныхъ цѣлей. Достойно замѣчанія, что почеркъ, которымъ былъ написанъ основной экземпляръ гектографированной программы, тотъ же самый, какимъ написаны были возмутительные листки, разбрасываемые 8-го февраля сего года на университетскомъ актѣ. Студентъ Тырковъ, кромѣ того, былъ разспрашиваемъ по указанію, сдѣланному на него Рысаковымъ, при чемъ, отвергнувъ достовѣрность сего указанія, отказался отъ знакомства съ Перовской и призналъ лишь посѣщенія квартиры Оловенниковой, оговоренной Рысаковымъ въ томъ, что она, вмѣстѣ съ Тырковымъ, занималась въ концѣ прошедшаго года наблюденіемъ за выѣздами въ Бозѣ почившаго государя императора изъ Зимняго дворца. Сводя итоги розыскной и слѣдственной дѣятельности за послѣднія двѣ недѣли, оказывается, что кромѣ обстоятельствъ, выясненныхъ дознаніемъ о пяти лицахъ, преданныхъ суду особаго присутствія правительствующаго сената за совершеніе злодѣйскаго преступленія 1-го марта, она дала въ резуль-

татѣ указанія на нижеслѣдующія проявленія революціонной дѣятельности: 1) на существованіе, въ связи съ главной террористической группою, такъ называемой подгруппы, въ средѣ учащейся молодежи, занимавшейся агитаціонной дѣятельностью и подготовительными работами по организаціи террористическихъ предпріятій и 2) на развитіе агитаціи въ рабочемъ населеніи.

«Къ сожалѣнію, однако, дознаніе по сей отрасли революціонной дѣятельности не дѣлаетъ замѣтныхъ успѣховъ, въ виду того, что по настоящее время остаются неразысканными главные руководители рабочихъ кружковъ, указанные въ запискѣ Перовской».

На слѣдующій день, 17-го марта Плеве представилъ слѣдующій докладъ:

«17-го сего марта въ с.-петербургскомъ губернскомъ жандармскомъ управленіи продолжалось изслѣдованіе обнаруженной соціалистической агитаціи между учащейся молодежью и въ рабочей средѣ, при чемъ для выясненія дѣятельности агитаторовъ въ сей послѣдней были допрашиваемы арестованные въ теченіе послѣднихъ дней сыскною полиціей семь рабочихъ, впрочемъ, не изъ числа тѣхъ, которые указаны въ запискахъ Перовской. Одинъ изъ допрошенныхъ (Карлъ Юрьевъ) сознался въ посѣщеніи сходокъ, устраивавшихся, по агентурнымъ свѣдѣніямъ, въ январѣ сего года въ квартирѣ студента Подбѣльскаго, участника безпорядковъ, происходившихъ въ недавнее время въ с.-петербургскомъ университетѣ.

«Дознаніе объ участіи въ противоправительственной пропагандѣ учащейся молодежи получило новый матеріалъ въ обстоятельствахъ, обнаруженныхъ начальствомъ военно-топографическаго училища 14-го марта и заключающихъ въ себѣ указанія на то, что два юнкера этого училища, Потоцкій и Залѣсскій, хранили въ стѣнахъ училища печатныя и гектографированныя изданія революціоннаго общества, появившіяся въ обращеніи въ послѣднее время, въ томъ числѣ и воззванія по поводу злодѣйскаго преступленія 1 марта.

«При разспросахъ женщины, близкой къ юнкеру Потоцкому, дознано, что упомянутыя противоправительственныя изданія, равно какъ и найденныя въ училищѣ принадлежности гектографа, принесены были Потоцкому и Залѣсскому вольнымъ слушателемъ с.-петербургскаго университета Теръ-Маркозовымъ, арестованнымъ два дня тому назадъ за участіе, принятое имъ въ содѣйствіи распространенію соціалистической программы, гектографированной Тырковымъ и другими лицами.

«Теръ-Маркозовъ призналъ себя виновнымъ въ передачѣ принадлежностей гектографа и запрещенныхъ изданій юнкерамъ Залѣсскому и Потоцкому. Послѣдніе содержатся подъ стражей».

Слѣдствіе было закончено, подсудимые были преданы суду сената, но Рысакова продолжали подвергать все новымъ и новымъ допросамъ, желая опорожнить всю его память и выжать изъ него все, что онъ могъ знать, видѣть и слышать.

18 марта Плеве представилъ слѣдующій докладъ:

«Сего 18 марта въ с.-петербургскомъ жандармскомъ управленіи былъ допрашиваемъ преданный уже суду особаго присутствія правительствующаго сената мѣщанинъ Рысаковъ; выяснились обстоятельства, относящіяся до дѣятельности революціоннаго кружка въ средѣ учащейся молодежи и провѣрялись поступившія отъ полиціи указанія на сомнительную политическую благонадежность нѣсколькихъ лицъ, проживающихъ въ Маріинскомъ дворцѣ.

«Рысаковъ, продолжая свои разоблаченія, показалъ относительно агитаціи въ рабочихъ кружкахъ нижеслѣдующее: агитаціонная рабочая группа, состоявшая изъ лицъ интеллигентныхъ, раздѣлила между собою заводское и фабричное населеніе Петербурга по раіонамъ, при чемъ Петербургская сторона составляла одинъ раіонъ, Васильевскій островъ—другой, Выборгская сторона—третій и т. д. Агентъ агитаціонной группы, получившій въ свое вѣдѣніе извѣстный раіонъ, дѣйствовалъ въ немъ самостоятельно, занимаясь, по преимуществу, ознакомленіемъ рабочихъ съ разными свѣдѣніями по исторіи, политической экономіи и другимъ предметамъ въ квартирѣ, которая нанималась съ революціонными цѣлями на имя какого-либо женатаго рабочаго и въ которой, въ качествѣ квартиранта, устраивался самъ агентъ. Для развитія рабочихъ, кромѣ того, читались газеты, иногда революціонныя, а иногда «Молва» и «Страна». Къ этому Рысаковъ присовокупилъ, что онъ лично, живя въ квартирѣ рабочаго Ивана Гаврилова, агитировалъ на Васильевскомъ островѣ; личность, погибшая на мѣстѣ злодѣйскаго преступленія 1-го марта, дѣйствовала на Выборгской сторонѣ, а Софья Перовская—на Петербургской сторонѣ, куда ходилъ и Желябовъ, въ качествѣ лектора по исторіи. Кромѣ Ивана Гаврилова, въ показаніи Рысакова упоминается еще нѣсколько именъ рабочихъ, содѣйствовавшихъ главнымъ агитаторамъ по вербовкѣ новыхъ лицъ.

«По поводу дѣятельности такъ называемаго студенческаго кружка, были разспрашиваемы: студентъ с.-петербургскаго университета Любимскій и юнкеръ военно-топографическаго училища Залѣсскій, изъ коихъ первый заявилъ, что оттиски гектографированной соціалистической программы были, по изготовленіи ихъ, отнесены въ университетъ студентомъ Ферморомъ, а Залѣсскій удостовѣрилъ, что запрещенныя изданія, какъ оказавшіяся 14 марта въ военно-топографическомъ училищѣ, такъ равно и прежде туда проникавшія, были доставлены вольнымъ слушателемъ университета Теръ-Маркозовымъ и притомъ—въ скоромъ времени послѣ выпуска сихъ изданій въ обращеніе.

«Наконецъ, по поводу полученныхъ отъ полиціи негласныхъ свѣдѣній о томъ, что проживающіе въ Маріинскомъ дворцѣ сыновья лицъ придворной прислуги: Бѣляевъ (домашній учитель) и Степановъ (бывшій студентъ горнаго института) оказываютъ серьезное содѣйствіе революціонному движенію, было сдѣлано распо-

ряженіе о доставленіи названныхъ молодыхъ людей въ жандармское управленіе съ тѣмъ, чтобы предъявить ихъ Рысакову:—не признаетъ-ли онъ въ нихъ дѣятелей революціонной среды. До 12 часовъ ночи, однако, означенныя лица доставлены не были».

19 марта В. К. Плеве доложилъ еще о новыхъ горизонтахъ, которые раскрывались передъ слѣдственной властью новымъ показаніемъ Рысакова:

«19 сего марта обвиняемый Рысаковъ показалъ, что ему приходилось слышать отъ Желябова объ успѣхахъ соціалистической пропаганды не только въ средѣ рабочихъ и учащейся молодежи, но и между военными. Военная группа, по словамъ Желябова, организована лучше рабочихъ кружковъ и снабжаетъ другія революціонныя группы матеріальными средствами. Дѣятелями ея являются вольноопредѣляющіеся, часто находящіеся подъ покровительствомъ офицеровъ-соціалистовъ, а также воспитанники военно-учебныхъ заведеній. Военная среда даетъ пригодный матеріалъ и для агитаціи въ деревнѣ, при чемъ лучшимъ подспорьемъ для агитаторовъ представляются увольняемые въ отставку и отпускъ нижніе чины изъ участвовавшихъ въ турецкой кампаніи, такъ какъ крупныя злоупотребленія начальствующихъ лицъ и невнимательное отношеніе къ солдатамъ возстановило послѣднихъ противъ власти.

«Въ томъ же показаніи Рысакова упоминается о попыткахъ соціалистовъ воспользоваться недовольствомъ государственною властью въ средѣ старообрядцевъ и сообщается, что дѣятели партіи разсчитываютъ еще въ нынѣшнемъ году—рядомъ удачныхъ террористическихъ фактовъ и при содѣйствіи тяжелыхъ экономическихъ условій страны—вызвать народное возстаніе» [1]).

Этотъ оговоръ Рысакова объ агитаціи въ войскахъ былъ дѣломъ чрезвычайной важности для слѣдствія, и графъ Лорисъ-Меликовъ донесъ о немъ спеціальнымъ докладомъ 20 марта. Кстати, онъ присоединилъ сообщеніе и о другомъ, чрезвычайной важности обстоятельствѣ: объ арестѣ много разъ помянутаго Рысаковымъ «Техника», т. е. Кибальчича.

«Всеподданнѣйше представляю вашему императорскому величеству записку прокурора с.-петербургской судебной палаты, составленную на основаніи показаній Рысакова, данныхъ вчерашняго числа, обязываясь присовокупить, однако, что показанія эти основаны исключительно на слышанномъ Рысаковымъ отъ Желябова и потому требуютъ еще дальнѣйшаго подтвержденія.

«Сегодня утромъ доставленъ изъ секретнаго отдѣленія градоначальства задержанный 17 марта на Лиговкѣ извѣстный преступникъ Кибальчичъ, сынъ священника, бывшій студентъ института инженеровъ путей сообщенія, а затѣмъ императорской медико-хирургической академіи, приготовлявшій взрывъ царскаго поѣзда подъ Одессою въ 1879 году. Допрошенный сегодня Ки-

---

[1]) На запискѣ Плеве Александръ III надписалъ: „Читалъ“.

бальчичъ сознался, что онъ—техникъ, изготовлявшій метательные снаряды, которые были брошены 1-го марта и найдены, кромѣ того, въ Телѣжной улицѣ, и что ранѣе сего онъ принималъ участіе въ изготовленіи динамита для всѣхъ покушеній, бывшихъ въ 1879 году, и продолжалъ заниматься тѣмъ же дѣломъ въ 1880 году. Допросъ продолжается. Прокуроръ судебной палаты признаетъ необходимымъ привлечь его, какъ одного изъ главныхъ преступниковъ, къ суду одновременно съ Желябовымъ, Перовскою и другими, для чего приняты всѣ мѣры къ окончанію дознанія не позже завтрашняго дня [1]).

VI.

20—24 марта 1881 г.

О показаніяхъ Н. И. Кибальчича Плеве донесъ въ докладѣ 20 марта:

«20 марта производился допросъ священническаго сына Николая Кибальчича, сознавшагося въ злодѣйскомъ преступленіи 1-го марта. Кибальчичъ, разсказавъ о своемъ участіи согласно съ находившимися уже въ дѣлѣ по сему поводу указаніями, заявилъ, что планъ преступленія разсчитанъ былъ, главнымъ образомъ, на взрывъ въ Малой Садовой улицѣ; метательные же снаряды, въ количествѣ четырехъ, должны были быть брошены только въ случаѣ неудачнаго взрыва, поэтому, когда 1 марта въ Бозѣ почившій императоръ не прослѣдовалъ по Малой Садовой, онъ, Кибальчичъ, стоявшій на Екатерининскомъ скверѣ, сообразилъ, что покушенія не будетъ и отправился домой, такъ что о событіи узналъ вечеромъ изъ газетъ.

«Кибальчичу далѣе извѣстно, что въ настоящее время въ партіи не существуетъ никакихъ приготовленій къ какому-либо террористическому предпріятію, а напротивъ, отъ имени членовъ партіи напечатано или предполагается къ напечатанію письмо къ государю императору, въ коемъ заявляется, что партія окончательно сложитъ оружіе, если будетъ объявлена амнистія».

Чрезъ нѣсколько часовъ послѣ ареста Кибальчича 17 марта, въ его квартирѣ былъ арестованъ М. Ф. Фроленко, назвавшійся Денисомъ Капустинымъ, и въ тотъ же день—А. Б. Арончикъ, назвавшійся Митрофаномъ Золотницкимъ. Дѣйствительная фамилія Дениса Капустина была названа властямъ Иваномъ Окладскимъ или, по типичному выраженію генерала Комарова, «извѣстнымъ арестантомъ Иваномъ». Генералъ Комаровъ 21 марта представилъ слѣдующій докладъ:

«Задержанные по распоряженію секретнаго отдѣла с.-петербургскаго градоначальника 17-го марта на квартирѣ Кибальчича

---

[1]) На докладѣ Александръ III надписалъ: „Записка не приложена, пришлите мнѣ ее“. Затѣмъ имѣется помѣта: „возвр. отъ гр. 6/IV“. Записка Плеве приведена выше. *Ред.*

(Ланской) мѣщанинъ Денисъ Романовъ Капустинъ и 18-го марта, въ своей квартирѣ по Малой Итальянской домъ № 32, какъ знакомый Кибальчича, дворянинъ Митрофанъ Андреевъ Золотницкій, по доставленіи сего числа въ с.-петербургское губернское жандармское управленіе, были предъявлены нѣкоторымъ лицамъ, для возстановленія ихъ настоящихъ званій, и оказалось, что первый, по удостовѣреніи извѣстнаго арестанта Ивана,—Денисъ

Айзикъ Борисовичъ Арончикъ.

Капустинъ,—есть Михаилъ Фоменко, по показанію Гольденберга—замѣчательный дѣятель въ революціонной средѣ, принимавшій участіе въ липецкомъ съѣздѣ, гдѣ былъ избранъ въ члены-распорядители, также принималъ участіе въ устройствѣ мины близъ Одессы, поступивъ сторожемъ на камняхъ, на 14-й верстѣ желѣзной дороги отъ г. Одессы.

«Второй арестованный, дворянинъ Митрофанъ Андреевъ Золотницкій, сознался, что онъ—бывшій студентъ института инженеровъ путей сообщенія, Афанасій Айзикъ Арончикъ, принадле-

жить къ революціонной партіи фракціи террористовъ, обвиняется въ дѣятельномъ участіи по устройству взрыва въ г. Москвѣ 19-го ноября 1879 года съ цѣлью произвести крушеніе императорскаго поѣзда. Оба арестованные, какъ Фоменко, такъ и Арончикъ, отъ дачи показаній отказались».

А Плеве того же 21 марта докладывалъ:

«Сего 21 марта въ с.-петербургскомъ жандармскомъ управленіи окончено дознаніе о Кибальчичѣ. Составленный по сему дознанію обвинительный актъ будетъ внесенъ завтра въ особое присутствіе правительствующаго сената для совокупнаго разсмотрѣнія съ обвинительнымъ актомъ о прочихъ пяти обвиняемыхъ. Предполагается, что особое присутствіе не будетъ поставлено въ необходимость откладывать назначенное на 26 марта засѣданіе по дѣлу, при чемъ такое предположеніе основано на заявленіи Кибальчича о намѣреніи его отказаться отъ предоставленнаго ему по закону семидневнаго срока на избраніе защитника и на вызовъ свидѣтелей.

«Вслѣдъ за арестомъ Кибальчича, с.-петербургскою полиціей задержаны были еще два члена соціально-революціонной партіи, изъ коихъ одинъ, называвшій себя Капустинымъ, былъ арестованъ въ квартирѣ Кибальчича, а другой, именовавшійся Золотницкимъ, навлекъ подозрѣніе тѣмъ, что, незадолго до арестованія Кибальчича, былъ съ нимъ въ публичной библіотекѣ.

«Золотницкій на допросѣ призналъ себя бывшимъ студентомъ института инженеровъ путей сообщенія Арончикомъ, разыскиваемымъ вслѣдствіе предъявленнаго къ нему, по указанію извѣстнаго Гольденберга, обвиненія въ томъ, что участвовалъ въ покушеніи на жизнь въ Бозѣ почившаго государя императора, имѣвшемъ мѣсто 19 ноября 1879 г., въ Москвѣ.

«Именующійся Капустинымъ признанъ, равнымъ образомъ, содержащимся въ с.-петербургской крѣпости ссыльно-каторжнымъ Окладскимъ за разыскиваемаго Михаила Фоменко,—одного изъ главныхъ дѣятелей революціоннаго движенія. Заявленію Окладскаго, до провѣрки его другими данными, не представляется возможнымъ дать безусловную вѣру, такъ какъ примѣты арестованнаго не сходятся съ имѣющимися описаніями примѣтъ Фоменко.

«Оба названныя лица: Арончикъ и предполагаемый Фоменко привлечены къ дознанію о террористахъ, начавшемуся въ ноябрѣ прошедшаго года арестомъ Александра Михайлова».

23 марта Плеве представилъ докладъ, подводящій итоги слѣдствію, съ приложеніемъ списка арестованныхъ. На докладѣ имѣется помѣтка Александра III: «читалъ».

«Въ послѣдніе дни дознаніе,—не ограничиваясь изслѣдованіемъ обстоятельствъ къ изобличенію сына священника Николая Кибальчича, арестованнаго 17 сего марта въ собственной квартирѣ по Лиговкѣ д. № 83,—было посвящено принятію мѣръ къ возможно всестороннему выясненію революціонной пропаганды

въ средѣ фабричныхъ рабочихъ, а также революціоннаго движенія въ средѣ университетской молодежи и воспитанниковъ военно-топографическаго училища [1]).

«По первому изъ упомянутыхъ дознаній, независимо отъ указаній, ранѣе уже обнаруженныхъ и повлекшихъ за собой арестъ 18-ти человѣкъ,—нынѣ установлено, что въ квартирѣ по Большой Дворянской улицѣ, въ домѣ № 33/35, гдѣ лѣтомъ 1880 года проживалъ преданный суду особаго присутствія за злодѣяніе 1-го марта Тимофей Михайловъ, вмѣстѣ съ рабочимъ Алексѣемъ Скворцовымъ, впослѣдствіи, по рекомендаціи послѣдняго, поселились студенты с.-петербургскаго университета Петръ Поповичъ и Гросманъ, а когда Гросманъ оставилъ квартиру, то вмѣсто его съ Поповичемъ проживалъ студентъ университета Паули. Всѣ эти лица поддерживали близкія отношенія съ Скворцовымъ и у нихъ ежедневно происходили сборища. Изъ нихъ Поповичъ уже арестованъ, а къ аресту Гросмана и Паули вмѣстѣ съ симъ приняты мѣры.

«По совокупности тѣхъ свѣдѣній, которыя удалось собрать относительно революціоннаго движенія въ средѣ фабричнаго населенія,—представляется возможнымъ отвести болѣе видное мѣсто слѣдующимъ рабочимъ: Кириллѣ Ильину, Андрею Корявову, Ивану Гаврилову, Алексѣю и Егору Скворцовымъ и Тихону Долбилкину. Всѣ эти рабочіе, ознакомившись съ превратнымъ ученіемъ соціалистовъ, служили орудіемъ для сближенія вожаковъ пропаганды съ фабричнымъ населеніемъ.

«Сего же числа на улицѣ, возлѣ казармы измайловскаго полка, задержанъ крестьянинъ ярославской губерніи Тимофей Красиловъ и при немъ оказался одинъ экземпляръ воззванія исполнительнаго комитета къ императору Александру III-му. По объясненію Красилова,—не имѣющаго никакихъ опредѣленныхъ занятій и своей квартиры,—отобранное у него воззваніе онъ поднялъ въ ночь на 23-е марта на углу Литейнаго и Невскаго проспектовъ около фонаря, гдѣ оно лежало въ видѣ свертка.

«Соціально-революціонное ученіе, занесенное въ среду воспитанниковъ военно-топографическаго училища вольнослушателемъ с.-петербургскаго университета Теръ-Марковымъ, не нашло себѣ, однако, широкаго распространенія. Оно выразилось лишь въ попыткѣ Теръ-Маркозова организовать, чрезъ юнкеровъ, Потоцкаго и Залѣсскаго, кружокъ революціонеровъ-пропагандистовъ, для чего названнымъ юнкерамъ были передаваемы запрещенныя изданія, вслѣдъ за появленіемъ ихъ въ печати. Залѣсскій пытался основать подобный кружокъ и успѣлъ передать нѣсколько номеровъ запрещенныхъ изданій юнкеру Пахомову для продажи

[1]) Сводка данныхъ о дознаніи по дѣлу о пропагандѣ среди рабочихъ сдѣлана въ „Обзорѣ важнѣйшихъ дознаній по дѣламъ о государственныхъ преступленіяхъ, производившихся въ жандармскихъ управленіяхъ имперіи за время съ 1 іюля по 1 октября 1881 года". Перепечатано отсюда въ „Быломъ", 1907, январь.

съ тѣмъ, чтобы вырученныя деньги внести въ революціонный фондъ.

«Независимо отъ всѣхъ вышеприведенныхъ разоблаченій по дознаніямъ послѣдняго времени,—нынѣ же выяснены преступныя отношенія слушательницы женскихъ медицинскихъ курсовъ Надежды Безпаловой къ террористамъ: Колодкевичу и Тригони, почему Безпалова привлечена къ дознанію о террористахъ и заключена подъ стражу.

«При семъ прилагается списокъ лицъ, содержащихся подъ стражей по возникшимъ въ послѣднее время въ Петербургѣ дознаніямъ о государственныхъ преступленіяхъ.

«Списокъ этотъ, составленный по послѣднимъ свѣдѣніямъ, добытымъ указанными дознаніями, заключаетъ въ себѣ нѣсколькихъ руководителей террористическаго движенія, въ томъ числѣ нѣкоего Фоменко (фамилія вымышленная), одного изъ трехъ членовъ, судя по заявленію Гольденберга, распорядительной комиссіи террористическаго сообщества. Фоменко этотъ, именовавшійся также Михайломъ, не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ Михайломъ, о которомъ упоминаетъ Рысаковъ.

«Списокъ лицъ, содержащихся подъ стражей по возникшимъ въ послѣднее время дознаніямъ о государственныхъ преступленіяхъ.

А. По дѣлу террористовъ.

1. Михайловъ Александръ, дворянинъ. 2. Фриденсонъ Григорій, сынъ купца. 3. Баранниковъ Александръ, дворянинъ. 4. Колодкевичъ Николай, дворянинъ. 5. Клѣточниковъ Николай, дворянинъ. 6. Тетерка Макаръ, мѣщанинъ. 7. Тригони Михаилъ, дворянинъ. 8. Желябовъ Андрей, крестьянинъ. 9. Яковенко Василій, мѣщанинъ (Меркуловъ). 10. Рысаковъ Николай, мѣщанинъ. 11. Гельфманъ Геся, мѣщанка. 12. Михайловъ Тимофей, крестьянинъ. 13. Перовская Софья, дворянка. 14. Кибальчичъ Николай, сынъ священника. 15. Арончинъ Айзикъ, мѣщанинъ. 16. Фоменко, неизвѣстнаго званія, онъ же Михайло. 17. Орловъ Иванъ, сынъ священника. 18. Оловенникова Елизавета, дворянка. 19. Тырковъ Аркадій, студентъ с.-петербургскаго университета. 20. Златопольскій, Лео Іоганнъ, мѣщанинъ. 21. Чемоданова Любовь, дочь священника. 22. Безпалова Надежда, слушательница медицинскихъ курсовъ.

Б. По дѣлу о пропагандѣ среди рабочихъ:

1. Гавриловъ Иванъ, мѣщанинъ. 2. Корявовъ Егоръ, горнозаводскій мастеровой. 3. Бекъ Александръ, мѣщанинъ. 4. Долбилкинъ Тихонъ, горнозаводскій мастеровой. 5. Бѣляевъ Александръ, сынъ дьячка. 6. Ильинъ Кириллъ, мѣщанинъ. 7. Іоновъ Исаакъ, мѣщанинъ. 8. Матцъ Василій, мѣщанинъ. 9. Егоровъ Павелъ (онъ же Скворцовъ), крестьянинъ. 10. Рыбаковъ Иванъ, крестьянинъ. 11. Юрьевъ Карлъ, мѣщанинъ. 12. Ивановскій Ни-

колай, личный почетный гражданинъ. 13. Лисицынъ Василій, крестьянинъ. 14. Савельевъ Гордѣй, крестьянинъ. 15. Сундстремъ Александръ, финляндскій уроженецъ. 16. Кузьминъ Василій, крестьянинъ. 17. Золотовъ Василій, сынъ статскаго совѣтника. 18. Поповичъ Петръ, студентъ с.-петербургскаго университета.

В. По дѣлу о революціонномъ движеніи въ средѣ молодежи с.-петербургскаго университета и военно-топографическаго училища:

1. Якубовскій Карлъ, студентъ. 2. Ферморъ Александръ, студентъ. 3. Россиковъ Константинъ, студентъ. 4. Любинскій Павелъ, студентъ, 5. Марковозъ Осипъ, студентъ вольнослушатель. 6. Корзюкъ-Залѣсскій Нарбутъ, юнкеръ. 7. Пахомовъ Василій, юнкеръ. 8. Потоцкій Иванъ, юнкеръ.

24-го марта графъ Лорисъ-Меликовъ утруждалъ вниманіе Александра III докладомъ объ обстоятельствахъ незначительныхъ, но показавшихся весьма важными по первому впечатлѣнію:

«Въ шифрованной запискѣ, найденной у государственнаго преступника Желябова и расшифрованной дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Іессеномъ, упоминаются, между прочимъ, слѣдующія лица: Александръ Ѳедоровичъ Зубковъ, купецъ милліонеръ; проживающій, повидимому, въ г. Ивановѣ-Вознесенскомъ нѣкто Орловъ, находящійся съ нимъ въ сношеніяхъ и на дѣятельность котораго революціонной партіей возлагаются особыя надежды и, наконецъ, Нефедовъ, мелкій литераторъ, черезъ котораго, будто бы, можно добывать средства отъ молодыхъ купчиковъ-либераловъ.

«Вслѣдствіе этого въ Иваново-Вознесенское были немедленно командированы товарищъ прокурора с.-петербургскаго окружнаго суда Богдановичъ и отдѣльнаго корпуса жандармовъ маіоръ Головинъ. Въ то же время, вслѣдствіе полученныхъ свѣдѣній о томъ, что Нефедовъ состоитъ сотрудникомъ московской газеты «Русскій Курьеръ», было телеграфировано московскому оберъ-полицеймейстеру о производствѣ у него обыска и немедленномъ его арестованіи.

«Въ настоящее время маіоръ Головинъ доноситъ по телеграфу объ арестованіи Зубкова, при чемъ, хотя въ бумагахъ его ничего предосудительнаго не обнаружено, но выяснилось, что Зубковъ имѣлъ сношенія съ Орловымъ, пріятелемъ Нечаева. Въ личности, упоминаемой въ запискѣ подъ именемъ Трепова, маіоръ Головинъ предполагаетъ Нечаева, что отчасти подтверждается и часто встрѣчаемомъ въ запискѣ словѣ «равелинъ». По выясненіи адреса Орлова, находящагося въ Москвѣ, маіоръ Головинъ немедленно отправился туда, обыскалъ и арестовалъ его, при чемъ явно преступнаго ничего не обнаружено, но отобрано много бумагъ, разсмотрѣніе которыхъ нынѣ производится.

«Сегодня будетъ снятъ съ него допросъ, о результатахъ ко-

тораго почту долгомъ всеподданнѣйше донести вашему императорскому величеству».

На докладѣ имѣется помѣта Александра III: «Читалъ».

VII.

Показанія Н. Н. Колодкевича. — Арестъ Исаева. — Послѣдняя выдача Рысакова.

Начало апрѣля складывалось весьма удачно для слѣдствія Послѣднія показанія Рысакова дали много матеріала для слѣдствія и вызывали рядъ удачныхъ арестовъ. Прежде чѣмъ перейти къ донесеніямъ объ успѣшныхъ результатахъ предательства, приведемъ, немного нарушая хронологическій порядокъ, сообщенія генерала Комарова о допросѣ Н. Н. Колодкевича, арестованнаго 26-го января. Н. Н. Колодкевичъ, очевидно, со словъ производившихъ слѣдствіе, зналъ объ открытіяхъ, сдѣланныхъ слѣдствіемъ, и пришелъ къ убѣжденію въ безплодности дальнѣйшаго запирательства. Генералъ Комаровъ 2-го апрѣля (№ 1975) доносилъ:

«Допрошенный вчерашняго числа государственный преступникъ Николай Колодкевичъ показалъ, что квартира въ домѣ графа Менгдена, изъ которой предполагалось сдѣлать подкопъ подъ Малую Садовую улицу, была нанята въ началѣ января на имя Кобозева, но назвать лицо, проживавшее подъ этой фамиліей, Колодкевичъ не пожелалъ.

«Въ половинѣ января до дня его арестованія, т. е. до 26-го января, Колодкевичъ принималъ участіе въ работѣ этого подкопа и при немъ была разобрана часть стѣны, по направленію къ улицѣ. Кромѣ него участвовали въ этой работѣ и другія лица, но назвать ихъ онъ не желалъ. Время окончанія подкопа опредѣлено не было, а зависѣло отъ успѣха самой работы. Что же касается другихъ какихъ-либо плановъ и цѣли подкопа, то точнаго ничего при немъ опредѣлено не было.

«Относительно факта покушенія, имѣвшаго мѣсто 1-го марта, по словамъ Колодкевича, это есть продолженіе фактовъ того же рода, имѣвшихъ мѣсто ранѣе этого преступленія.

«По предъявленіи фотографическихъ карточекъ, Колодкевичъ призналъ: 1) Капустина—за лицо, извѣстное ему подъ именемъ Михайлы, настоящая фамилія котораго должна быть Фроленко, но объ участіи его въ одесскомъ предпріятіи объяснить ничего не желаетъ; 2) Перовскую, Кибальчича, Гесю Гельфманъ, Тригони и Оловенникову зналъ подъ настоящими ихъ фамиліями; 3) Рысакова, Арончика и Тыркова встрѣчалъ, но гдѣ, не помнитъ, послѣднихъ двухъ—нѣсколько разъ, а перваго, т. е. Рысакова — одинъ разъ; 4) Тимофея Михайлова — вовсе не зналъ, Андрея Желябова, Вѣру Николаевну Филиппову и Саблина зналъ, послѣдняго очень мало.

«Въ предъявленной ему карточкѣ извѣстнаго подъ именемъ

Котика, призналъ личность, фамилія котораго, если не ошибается, есть Гриневицкій».

Въ этомъ сообщеніи останавливаетъ вниманіе отвѣтъ Колодкевича о Гриневицкомъ. На процессѣ первомартовцевъ 26—29 марта фамилія Гриневицкаго не была названа, онъ оставался Ельниковымъ. Но предположеніе, что Ельниковъ, въ дѣйствительности, является Гриневицкимъ, возникло у властей едва-ли не перваго же марта. По крайней мѣрѣ, въ актахъ предварительнаго слѣдствія по процессу 20 есть отъ 2 марта отношеніе директора технологическаго института о Гриневицкомъ въ отвѣтъ на телеграмму департамента полиціи. Окончательно установлена личность Гриневицкаго только въ апрѣлѣ, какъ видно изъ слѣдующаго донесенія генерала Комарова отъ 23 апрѣля:

Игнатій Іоакимовичъ Гриневицкій.

«При дальнѣйшихъ розыскахъ по обнаруженію настоящаго званія умершаго 1 марта сего года въ придворномъ конюшенномъ госпиталѣ, проживавшаго, какъ оказалось впослѣдствіи, подъ именемъ Ельникова, возникшее предположеніе, основанное на поразительномъ сходствѣ Ельникова съ бывшимъ студентомъ с.-петербургскаго технологическаго института, механическаго отдѣленія (католическаго вѣроисповѣданія), Игнатіемъ Гриневицкимъ, вполнѣ подтвердилось какъ предъявленіемъ его фотографической карточки старшему наблюдателю при учащихся въ с.-петербургскомъ технологическомъ институтѣ надв. сов. Момбелю, такъ и студенту того же института Антону Гавронскому, которые въ карточкѣ, снятой съ Ельникова, признали Игнатія Гриневицкаго, уволеннаго изъ института 1 іюня 1880 г.

«Кромѣ того, фотографическая карточка именовавшагося Ельниковымъ была предъявлена на мѣстѣ родины Гриневицкаго, въ гродненской губ., бѣльскаго уѣзда, въ имѣніи «Гриневичи большіе», какъ роднымъ Гриневицкаго, такъ и лицамъ, знавшимъ его, при чемъ всѣ эти лица, за исключеніемъ отца Гриневицкаго, давшаго уклончивый отвѣтъ, заявили, что предъявленная карточка изображаетъ Игнатія Гриневицкаго».

1 апрѣля генералъ Комаровъ донесъ:

«Государственный преступникъ Николай Рысаковъ въ послѣднихъ показаніяхъ своихъ сдѣлалъ указаніе на какого-то студента, извѣстнаго ему подъ именемъ Аркадія, на обязанности коего лежало слѣженіе за государемъ императоромъ по улицамъ и отданіе затѣмъ отчета о дѣйствіяхъ своихъ Софьѣ Перовской.

«Послѣдствіемъ розысковъ, былъ задержанъ студентъ с.-петербургскаго университета Аркадій Владиміровъ Тырковъ. По предъявленіи его Рысакову, послѣдній призналъ въ немъ именно того студента Аркадія, который слѣдилъ за государемъ императоромъ.

«Спрошенный, вслѣдъ за тѣмъ, Тырковъ отрицалъ всякое свое знакомство и участіе въ преступномъ сообществѣ, а на допросѣ вчерашняго числа заявилъ, что принадлежитъ къ соціально-революціонной партіи фракціи «Народной Воли», познакомившись съ ученіями ея года два тому назадъ. Осенью 1879 года сошелся съ личностями, извѣстными ему подъ именами Ефима Андреевича и Надежды Степановой—членами партіи «Народной Воли».

«Въ ноябрѣ или началѣ декабря мѣсяца 1880 года, Ефимъ Андреевъ предложилъ Тыркову слѣдить за выѣздомъ государя императора, для чего ему было назначено часъ и мѣсто слѣженія, а спустя недѣлю онъ долженъ былъ являться съ отчетомъ въ квартиру, указанную ему Ефимомъ Андреевичемъ (гдѣ эта квартира находится, Тырковъ сказать не желаетъ), и передавать о результатахъ Надеждѣ Степановнѣ, въ лицѣ которой онъ въ настоящее время признаетъ Софью Перовскую. Мѣстомъ обычнаго слѣженія для Тыркова была набережная Невы, отъ Дворцоваго моста до Лѣтняго сада, при чемъ раза два онъ былъ также во время развода и у Михайловскаго манежа.

«Изъ лицъ, слѣдившихъ за государемъ императоромъ, Тырковъ, кромѣ себя, называетъ: Николая Рысакова, Софью Перовскую и лицо, именовавшее себя Иваномъ Михайловичемъ или Михаиломъ Ивановичемъ. Мѣста же, времени, лицъ и способа, которымъ должно было совершиться злодѣяніе 1-го марта, онъ не знаетъ. Объ участіи въ наблюденіи Елизаветы Оловенниковой также не знаетъ, и на вопросъ, не была ли квартира Оловенниковой той квартирой, гдѣ онъ отдавалъ отчетъ Перовской, Тырковъ, не давая прямого отвѣта на этотъ вопросъ, заявилъ, что Перовскую тамъ не встрѣчалъ».

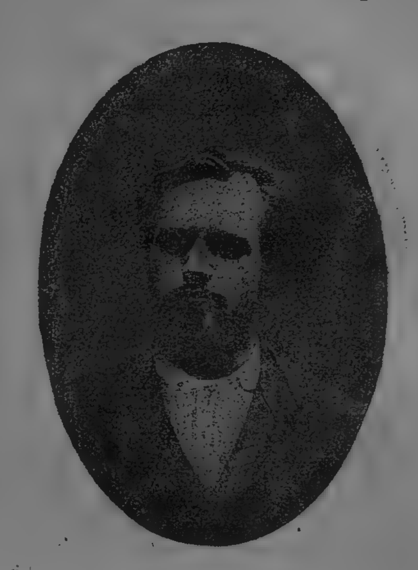
1 апрѣля былъ арестованъ второй техникъ исполнительнаго комитета Г. П. Исаевъ, или, какъ онъ именовался въ департаментскихъ запискахъ, студентъ Гришка. Циркуляръ о розыскѣ «студента 5 курса медико-хирургической академіи Гришки, по фамиліи неизвѣстнаго», былъ изданъ еще 20 марта 1880 года. Зимой и весной 1881 года Исаевъ вмѣстѣ съ В. Н. Фигнеръ были хозяевами знаменитой конспиративной квартиры (Вознесенскій просп., д. 25/76), въ которой были приняты всѣ важнѣйшія рѣшенія этого года и въ ночь на 1 марта были изготовлены

бомбы [1]). Объ арестѣ Исаева градоначальникъ представилъ графу Лорисъ-Меликову докладъ въ тотъ же день, 1 апрѣля:

«При продолженіи розысковъ по дѣлу Желябова и Кибальчича, выяснено было знакомство съ послѣднимъ Золотницкаго, уже задержаннаго, а равно и другихъ подозрительныхъ лицъ, появлявшихся въ частной библіотекѣ отставного генералъ-маіора Комарова.

«Сего числа, при прослѣживаніи за однимъ изъ подозрительныхъ лицъ, называвшимся, какъ говорятъ, Ляминымъ, онъ застигнутъ былъ въ раіонѣ 4-го участка московской части, при встрѣчѣ и таинственныхъ переговорахъ на улицѣ съ темными личностями. При этомъ захвачены только что уволенный изъ лѣсного института сынъ чиновника Николай Гомалицкій, не имѣющій опредѣленнаго мѣста жительства, и другая личность, не объявившая при задержаніи своего имени, при дознаніи же въ секретномъ отдѣленіи оказавшаяся бывшимъ студентомъ медико-хирургической академіи Григоріемъ Исаевымъ, тѣмъ самымъ, который, по показанію Рысакова, свелъ его съ Желябовымъ и состоитъ главнымъ участникомъ въ тайной типографіи и въ тайной же фабрикаціи динамита.

«Квартиры своей Исаевъ не объясняетъ и потому къ разысканію ея приняты мѣры».

Григорій Прокофьевичъ Исаевъ.

А 2 апрѣля градоначальникъ, въ дополненіе къ этому докладу, донесъ:

«Послѣ отправленія записки 1-го сего апрѣля о задержаніи бывшаго студента медико-хирургической академіи Григорія Исаева, въ обнаруженной квартирѣ мѣщанина Лямина произведенъ обыскъ, при которомъ найдены различныя прокламаціи, очевидно, предназначавшіяся для распространенія. Паспортъ Лямина оказался фальшивымъ, и личность, по этому документу проживавшая оказалась бывшимъ студентомъ с.-петербургскаго университета Папіемъ Подбѣльскимъ, тѣмъ самымъ, который нанесъ оскорбленіе дѣйствіемъ бывшему министру народнаго просвѣщенія и

[1]) См. воспоминанія В. Н. Фигнеръ о Г. П. Исаевѣ въ „Голосѣ Минувшаго", 1917, № 9—10 и въ ея показаніяхъ, „Былое", 1917, кн. 4. стр. 70—71.

въ квартирѣ котораго, какъ выяснилось изъ слѣдствія по дѣлу Желябова и Рысакова, устраивались съ преступною цѣлью сходки.

«Исаевъ, Подбѣльскій и Гомалицкій передаются въ распоряженіе с.-петербургскаго губернскаго жандармскаго управленія, а дальнѣйшій розыскъ продолжается».

Въ то время, какъ слѣдили за Исаевымъ и готовились къ его аресту, Рысаковъ, присужденный къ смертной казни, надѣялся еще уйти отъ нея, оказавъ еще одну услугу правительству— выдавъ Исаева. Не зная мѣстожительства Исаева, Рысаковъ предложилъ властямъ пустить его подъ надзоромъ агентовъ по улицамъ Петербурга и разыскать Исаева [1]). Въ награду онъ ждалъ помилованія, но услуги его оказались ненужными; ему, наканунѣ смертной казни, 2 апрѣля, предъявили арестованнаго Исаева, и ему пришлось только удостовѣрить личность Исаева. Объ этой очной ставкѣ наканунѣ смерти, генералъ Комаровъ донесъ уже послѣ повѣшенія Рысакова, 3 апрѣля (№ 2057):

«2-го сего апрѣля казненному нынѣ государственному преступнику Николаю Рысакову былъ предъявленъ задержанный полиціею бывшій студентъ медико-хирургической академіи Григорій Исаевъ, въ которомъ Рысаковъ призналъ своего знакомаго, извѣстнаго ему Григорія. Познакомился съ нимъ, насколько припоминаетъ, чрезъ Кибальчича, а въ декабрѣ прошлаго года Рысаковъ, по предложенію названнаго выше Григорія (Исаева), перевозилъ полученные съ николаевскаго вокзала два ящика, какъ значилось въ накладной, съ зеркалами; въ дѣйствительности же въ нихъ, по словамъ Григорія, находился типографскій станокъ. За отвозомъ этой клади слѣдили: Котъ Мурлыка (Колодкевичъ), Порфирій-Александръ Баранниковъ и Григорій Исаевъ. У Никольскаго рынка, на Большой Садовой, Рысакова встрѣтилъ Исаевъ, который предложилъ ему передать станокъ какой-то барышнѣ, а самъ съ Рысаковымъ вернулся назадъ, такъ что Рысаковъ не знаетъ, куда поѣхалъ извозчикъ съ этою кладью.

«Григорій Исаевъ всегда казался Рысакову какимъ-то утомленнымъ, и руки его, какъ и руки казненнаго Желябова, были испачканы въ чемъ-то черномъ, что дало возможность предполагать Рысакову, что оба они занимались наборомъ шрифта для «Народной Воли».

«Утромъ 1-го марта Григорій Исаевъ долженъ былъ быть въ конспиративной квартирѣ по Телѣжной улицѣ, и Рысаковъ видѣлъ его вмѣстѣ съ какимъ-то маленькимъ рыжеватымъ господиномъ на Невскомъ пр., въ числѣ другихъ лицъ, ожидавшихъ проѣзда государя императора.

«Въ Григоріи Исаевѣ Рысаковъ предполагаетъ помогавшаго технику Кибальчичу устраивать снаряды.

«Изъ квартиръ, въ которыхъ отдавался отчетъ о наблюденіи

---

[1]) См. дальше статью: „Послѣднее признаніе Рысакова".

за проѣздомъ государя императора, Рысаковъ указалъ квартиру студента медико-хирургической академіи, Тычинскаго, по Большой Дворянской улицѣ, домъ № 8, кв. 10. Перовская и Желябовъ были знакомы съ этимъ Тычинскимъ, и послѣдній былъ раза два на очереди для наблюденія.

«Редактированіемъ «Рабочей Газеты» занимались: Желябовъ, Иванъ Орловъ (Козыревъ) и Василій Егоровичъ (Яковенко).

«Студентъ Тычинскій обысканъ и арестованъ, о студентѣ же Коновкинѣ, принадлежащемъ, по словамъ Рысакова, къ мирнымъ террористамъ, полицейскіе розыски до сего времени положительныхъ результатовъ не дали» [1]).

Подробности о первомъ допросѣ студента Подбѣльскаго генералъ Комаровъ изложилъ въ докладѣ департаменту полиціи отъ 6-го апрѣля (№ 2209):

«Допрошенный, при ввѣренномъ мнѣ управленіи, обвиняемый въ студенческихъ безпорядкахъ, происшедшихъ 8-го минувшаго февраля, студентъ с.-петербургскаго университета Папій Подбѣльскій заявилъ, что, тотчасъ послѣ исторіи въ университетѣ, все время жилъ въ С.-Петербургѣ по фальшивому паспорту, на имя мѣщанина Федора Лямина, полученному отъ партіи «Народной Воли» при посредствѣ извѣстнаго ему лишь по имени Ксенофонта Владимировича.

«Въ университетскихъ безпорядкахъ принималъ, по заранѣе обдуманному плану, самое главное участіе, выразившееся въ нанесеніи оскорбленія господину министру народнаго просвѣщенія.

«Имѣя постоянное сношеніе съ партіей «Народной Воли», черезъ посредство Ксенофонта Владимирова и извѣстнаго ему также лишь подъ именемъ Григорія Ивановича (Исаева),—вполнѣ раздѣляетъ террористическія дѣйствія соціально-революціонной партіи, не исключая даже и цареубійства.

«Въ виду изложеннаго Папій Подбѣльскій привлеченъ, въ качествѣ обвиняемаго, и содержится подъ стражею».

На этомъ докладѣ, противъ строкъ о проживательствѣ Подбѣльскаго по фальшивому паспорту, директоръ департамента отмѣтилъ свое отношеніе, надписавъ: «очень мило».

Объ удачныхъ результатахъ розысковъ гр. Лорисъ-Меликовъ довелъ до свѣдѣнія Александра III въ двухъ докладахъ, представленныхъ въ одинъ и тотъ-же день, 5-го апрѣля, и прочитанныхъ царемъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ царскія помѣты на томъ и другомъ докладѣ: «читалъ».

«Долгомъ считаю всеподданнѣйше доложить в. и. в., что со 2-го апрѣля сего года задержаны въ С.-Петербургѣ слѣдующія лица:

---

[1]) Студентъ П. В. Тычининъ, а не Тычинскій, былъ арестованъ 3 апрѣля студентъ Коновкинъ былъ арестованъ позже, въ квартирѣ Коренева, съ прокламаціями.

1) бывшій студентъ медико-хирургической академіи Григорій Исаевъ, (онъ же Гришка), сынъ почталіона, техникъ, работавшій съ Кибальчичемъ, дѣятельный участникъ въ тайной типографіи и въ приготовленіи динамита. Гришка принималъ участіе въ одесскомъ и московскомъ подкопахъ. Квартира Исаева обнаружена 3-го апрѣля, но, къ сожалѣнію, проживавшая съ нимъ неизвѣстная женщина скрылась.

2) студентъ с.-петербургскаго университета Папій Подбѣльскій, сынъ священника, нанесшій оскорбленіе на актѣ въ с.-петербургскомъ университетѣ 8-го февраля бывшему министру народнаго просвѣщенія; онъ признаетъ себя принадлежащимъ къ партіи «Народной Воли» и, какъ сознался, сочувствуетъ цареубійству.

3) вслѣдствіе показаній, данныхъ казненнымъ Рысаковымъ, задержанъ отставной прапорщикъ артиллеріи Фердинандъ Люстигъ съ любовницею своею Татьяною Кузьминою, находившейся давно въ сношеніяхъ съ арестованнымъ сыномъ полковника Богородскаго, бывшаго смотрителя Екатерининской куртины с.-петербургской крѣпости. Люстигъ сознался въ своемъ знакомствѣ съ Желябовымъ и Кибальчичемъ, показавъ, что имѣлъ, по порученію Желябова, типографскій станокъ.

4) студентъ с.-петербургскаго университета Сергѣй Андреевъ Ивановъ, у котораго найдено болѣе 400 экземпляровъ разныхъ прокламацій, брошюръ и переплетный станокъ».

Второй докладъ былъ обстоятельнѣе:

«Свѣдѣнія, полученныя при изслѣдованіи злодѣянія 1-го марта, вызвали рядъ мѣръ къ раскрытію какъ ближайшихъ участниковъ этого преступленія, такъ равно и тѣхъ лицъ, которыя находились въ преступныхъ отношеніяхъ къ главнымъ виновникамъ злодѣянія. Кромѣ того, появленіе въ обращеніи значительнаго количества прокламацій отъ такъ называемаго «исполнительнаго комитета» послужило основаніемъ ко многимъ обыскамъ съ цѣлью обнаруженія составителей и распространителей такихъ прокламацій.

«Производящіяся нынѣ при с.-петербургскомъ жандармскомъ управленіи дознанія представили въ послѣдніе дни обильные результаты, между которыми особенное значеніе получаютъ нижеслѣдующія разоблаченія:

«1-го сего апрѣля задержанъ въ С.-Петербургѣ бывшій студентъ медико-хирургической академіи Григорій Исаевъ, въ которомъ государственный преступникъ Рысаковъ призналъ ближайшаго участника злодѣянія 1 марта. На допросѣ Исаевъ, сознавшись какъ въ этомъ злодѣяніи, такъ и въ участіи въ покушеніи 19 ноября 1879 г. въ Москвѣ, объяснилъ, что вмѣстѣ съ Кибальчичемъ онъ изготовлялъ метательные снаряды и вообще принималъ дѣятельное участіе въ преступленіи 1 марта. Кромѣ того, дознаніемъ вполнѣ установлено участіе Исаева въ покушеніи 19 ноября 1879 года, а также и то, что въ 1880 году онъ былъ

хозяиномъ квартиры по Большой Подъяческой улицѣ, домъ № 37, гдѣ изготовлялся динамитъ для террористическихъ предпріятій революціонной партіи.

«2-го апрѣля получено указаніе, что преступница Перовская принимала отчеты отъ лицъ, слѣдившихъ за выѣздами въ Бозѣ почившаго государя императора въ квартирѣ студента медико-хирургической академіи Тычинина. Вслѣдствіе этого Тычининъ арестованъ и на допросѣ призналъ, что въ декабрѣ прошлаго года въ квартирѣ его собирались неизвѣстныя ему лица для какихъ-то переговоровъ; лицамъ же этимъ онъ уступилъ свою квартиру по просьбѣ одного своего знакомаго. Къ обнаруженію послѣдняго, не названнаго до сего времени Тычининымъ, принимаются надлежащія мѣры.

«27-го прошлаго марта въ казармѣ 8 флотскаго экипажа, расположеннаго въ Кронштадтѣ, былъ отобранъ у унтеръ-офицера Мартенса одинъ номеръ газеты «Земля и Воля». Обстоятельство это послужило поводомъ къ дознанію и къ производству нѣсколькихъ обысковъ въ столицѣ. При обыскѣ, произведенномъ въ ночь на 4 сего апрѣля у студента университета Иванова, найдено около 400 экземпляровъ прокламацій отъ «исполнительнаго комитета», имѣющихъ прямое отношеніе къ злодѣянію 1 марта. По объясненію Иванова, всѣ эти прокламаціи онъ получилъ на храненіе отъ адвоката Вячеслава Венижицкаго, съ которымъ познакомился въ 1879 году, въ Петербургѣ. Къ розыску и задержанію Венижицкаго принимаются мѣры».

Сергѣй Андреевичъ Ивановъ разсказалъ о своемъ арестѣ [1]). На этотъ разъ онъ отдѣлался легко. Онъ былъ въ 1886 году высланъ въ Сибирь и оттуда бѣжалъ. По процессу Г. А. Лопатина былъ присужденъ къ смертной казни и по смягченіи приговора былъ заточенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, откуда вышелъ послѣ 17 октября 1905 года.

IX.

Предательство В. А. Меркулова.

Наконецъ, начало апрѣля ознаменовалось и еще однимъ крупнымъ успѣхомъ слѣдствія: пріобрѣтеніемъ новаго предателя, выступившаго съ открытымъ забраломъ. Такимъ оказался арестованный въ одинъ день съ Желябовымъ, подъ фамиліей Петра Яковенко, рабочій Василій Аполлоновичъ Меркуловъ. Генералъ Комаровъ 9 апрѣля (№ 2394) представилъ графу Лорисъ-Меликову обширное донесеніе:

«Спрошенный, именовавшійся харьковскимъ мѣщаниномъ Петромъ Андреевымъ Яковенко, заявилъ, что онъ — солдатскій сынъ Василій Аполлоновъ Меркуловъ, имѣетъ мать Александру, брата Ивана и сестру Александру, живущихъ, не знаетъ, гдѣ.—Лѣтъ

---

[1]) „Изъ воспоминаній о 1881 годѣ" въ „Быломъ" 1906 г., апрѣль.

12 тому назадъ, мать его, жившая въ деревнѣ Александровкѣ, близъ Одессы, отдала его въ ученіе крестному отцу-рѣзчику, Трофиму Потѣеву, который лѣтъ 7 тому назадъ, оставивъ Одессу, уѣхалъ въ Тифлисъ. Оставшись такимъ образомъ на произволъ судьбы, Меркуловъ, зная отчасти столярно-рѣзное мастерство, поступилъ въ ученіе на мебельную фабрику Шмита и Мишеля въ г. Одессѣ и оставался тамъ до весны 1877 года. Во время жизни у Шмита и Мишеля познакомился случайно съ нѣкіимъ Иваномъ Ивичевичемъ, слесаремъ, а этотъ послѣдній, въ свою очередь, познакомилъ его со своимъ кружкомъ рабочихъ [1]). Это общество рабочихъ собиралось, обыкновенно, лѣтомъ въ саду и занималось чтеніемъ разныхъ запрещенныхъ изданій. Ивичевичъ тогда же познакомилъ Меркулова съ нѣкіимъ Григоріемъ, котораго впослѣдствіи здѣсь же въ Петербургѣ зналъ подъ именемъ Тараса и Желябова. Ивичевичъ познакомилъ Меркулова съ Желябовымъ собственно потому, что, въ случаѣ нужды, онъ могъ обращаться къ Желябову за полученіемъ для себя подложныхъ документовъ и, вообще, за какою-либо помощью. Черезъ Желябова познакомился съ нѣкою Фани Рефертъ, а черезъ нее съ Колодкевичемъ. Это относится къ осени 1879 года. Колодкевичъ въ то время жилъ въ Одессѣ, по Ямской улицѣ, по порученію котораго осенью же Меркуловъ купилъ и свезъ мебель на 14 версту отъ Одессы по желѣзной дорогѣ, въ сторожевую будку и сдалъ ее будочнику Александрову, въ карточкѣ коего, въ настоящее время, признаетъ Капустина (онъ же Фроленко). Будочникъ Александровъ жилъ въ то время съ женщиной, называвшейся Таней. Для какой цѣли Александровъ былъ помѣщенъ будочникомъ, Яковенко (Меркуловъ) не знаетъ. Колодкевичъ, уѣзжая зимой 1879 г. изъ Одессы, познакомилъ Меркулова съ (Николаичемъ) Акимовымъ, арестованнымъ впослѣдствіи въ Одессѣ, а черезъ Николаича Меркуловъ познакомился съ женщиной, именовавшеюся тогда Анною Ивановною, въ карточкѣ которой признаетъ Вѣру Филипповну, урожденную Фигнеръ, а въ Петербургѣ зналъ ее уже подъ именемъ Вѣрочки... Черезъ нее въ Одессѣ Меркуловъ познакомился съ Лео Златопольскимъ и съ Софьей Перовской, а черехъ нихъ—съ Григоріемъ Исаевымъ. Весною 1881 г. Перовская и человѣкъ, изображенный умершимъ на карточкѣ (Саблинъ), устроили въ Одессѣ на Итальянской улицѣ, вблизи Куликова поля, бакалейную лавочку, изъ которой они намѣревались совершить покушеніе на жизнь покойнаго государя императора въ то время, когда е. в., при слѣдованіи въ Крымъ, долженъ былъ проѣзжать по этому пути. Хозяевами лавки были Саблинъ и Перовская, но, заходя въ эту лавку, Меркуловъ встрѣчалъ тамъ Златопольскаго, Филиппову и Исаева... Какимъ способомъ думали сдѣлать покушеніе, Меркулову не извѣстно; не покушались же — полагаетъ — потому, что государь императоръ не проѣзжалъ черезъ Одессу. Въ этотъ же періодъ вре-

---

[1]) Братья Ивичевичи были смертельно ранены при вооруженномъ сопротивленіи въ Кіевѣ 11 февраля 1879 г. *Ред.*

мени Перовская говорила, что намѣревается покуситься на жизнь графа Тотлебена, посредствомъ какого-то снаряда, для чего Исаевъ дѣлалъ какія-то приготовленія, при чемъ ему оторвало пальцы на рукѣ, и покушеніе это не состоялось, а Исаевъ легъ въ городскую больницу. Въ іюнѣ 1880 года Меркуловъ, получивъ отъ Златопольскаго паспортъ на имя мѣщанина Сергѣя Лапина, переѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь же, по указанію Златопольскаго, встрѣтился съ Желябовымъ въ Екатерининскомъ скверѣ и видѣлся также съ Тетеркой, котораго зналъ еще въ Одессѣ, подъ именемъ Макара, былъ также свидѣтелемъ, какъ Желябовъ съ Баранниковымъ и Кибальчичемъ разсказывали, что было-бы удобно произвести покушеніе на жизнь государя императора посредствомъ взрыва какого-то моста на Гороховой улицѣ, но было-ли предпринято для этой цѣли что-либо, не знаетъ... Съ Баранниковымъ и Кибальчичемъ познакомился черезъ Желябова, и перваго изъ нихъ зналъ, подъ кличкою «Порфирія», а второго подъ кличкою «Цилиндра». Зимой 1880 г., по приглашенію Тетерки, ходилъ къ нему на квартиру по Троицкому переулку домъ № 27, гдѣ хозяиномъ былъ онъ, а хозяйкою Геся Гельфманъ... Въ квартирѣ этой былъ типографскій небольшой станокъ, на которомъ печатались газеты и прокламаціи, и тамъ встрѣчалъ: Перовскую, Желябова, Колодкевича, Саблина, Исаева, Кибальчича, а также «Братушку»—типографщика, фамиліи коего не знаетъ (Ивашкевичъ).

«Въ декабрѣ того же года Меркуловъ, по порученію Желябова, возилъ въ Кишиневъ триста рублей для передачи Александрову (Капустинъ), жившему тамъ съ цѣлью сдѣлать подкопъ подъ казначейство или какой-то банкъ, недалеко отъ собора, на площади. Въ работѣ этой Меркуловъ долженъ былъ помочь Александрову, но ни какой работы тамъ не было, такъ какъ подкопъ почему-то не состоялся. Въ Кишиневѣ Александровъ жилъ съ тою же Таней, что и подъ Одессой въ будкѣ. По возвращеніи въ Петербургъ, Меркуловъ узналъ отъ Желябова, что на Малой Садовой открыта лавка на имя Кобозевыхъ и что ему, Меркулову, нужно туда поступить за молодца, но пробылъ всего дня три, такъ какъ по росту не подходилъ къ типу молодцовъ и, притомъ, не умѣлъ рѣзать сыръ. Въ тѣ дни, когда прислуживалъ въ лавкѣ, ничего не зналъ о предполагавшемся взрывѣ, но видѣлъ тамъ заходившихъ въ лавку: Саблина, Кибальчича, Желябова, Котика и Михаила Николаевича или Николая Михайловича, фамилію коего не знаетъ, но признаетъ его въ карточкѣ Тригони.

«Недѣли за двѣ до своего ареста Меркуловъ, Желябовъ, Кибальчичъ, Котикъ, Рысаковъ и Тимофей Михайловъ ѣздили въ Парголово пробовать снаряды; ихъ было два, изъ нихъ одинъ бросилъ Кибальчичъ, а другой Тимофей Михайловъ, но взорвало только одинъ снарядъ, и то слабо. Въ эту-то поѣздку Меркуловъ узналъ, что готовится покушеніе на жизнь государя императора, затѣмъ услышалъ подтвержденіе этого, зайдя, по приглашенію Желябова, на квартиру Саблина и Гельфманъ, по Телѣжной улицѣ,

гдѣ засталъ: Котика, Перовскую, Михайлова, Кибальчича, Желябова и Рысакова.

«Наканунѣ ареста своего, Меркуловъ, по порученію того-же Желябова, носилъ въ лавку Кобозева пустые мѣшки, а въ день ареста, 28 февраля, изъ квартиры Желябова снесъ Кобозеву большую бутыль, зашитую въ мѣшокъ, вѣсомъ фунтовъ десять. Кто былъ Кобозевъ, навѣрное, не знаетъ, но думаетъ, что это былъ вотъ именно человѣкъ, который изображенъ на предъявленной карточкѣ (Юрій Богдановичъ). Женою Кобозева была женщина, которую Перовская называла Баскою (Анна Якимова). Въ разъясненіе личности Кобозева Меркуловъ заявилъ, что онъ весьма хорошо рисуетъ и по ремеслу чертежникъ, имѣетъ брата, служащаго въ какой-то конторѣ на Почтамтск. ул., гдѣ занимаетъ видное мѣсто».

Анна Васильевна Якимова (Кобозева).

13 апрѣля Комаровъ донесъ (№ 2481) о новыхъ разоблаченіяхъ Меркулова:

«Вновь допрошенный, въ разъясненіе нѣкоторыхъ частей предыдущаго показанія, Василій Аполлоновъ Меркуловъ (Яковенко) заявилъ, что въ то время, когда онъ проживалъ въ лавкѣ Кобозевыхъ, однажды ему случилось быть свидѣтелемъ разговора, происходившаго между Кобозевымъ и его сожительницею, что Кобозевы, до переѣзда въ сырный магазинъ на Малой Садовой улицѣ, проживали здѣсь же, въ С.-Петербургѣ, на квартирѣ какого-то оберъ-кондуктора, служащаго на николаевской желѣзной дорогѣ и имѣющаго здѣсь свой домъ или меблированныя комнаты. Съ этимъ оберъ-кондукторомъ, по словамъ Кобозевыхъ, они хорошо были знакомы; Меркуловъ же ни мѣста жительства, ни фамиліи оберъ-кондуктора не знаетъ.

«Слышалъ онъ также отъ Кобозевыхъ, что они предполагали, по выѣздѣ изъ С.-Петербурга, жить или въ Кіевѣ, или въ Одессѣ, и что употребляемая нѣкоторыми изъ лицъ этой партіи кличка Юрка или Юрій—принадлежитъ Кобозеву.

«Кобозевыхъ, кромѣ указанныхъ уже лицъ, посѣщали и

другія, но Меркуловъ, зная лишь одни клички, описываетъ весьма подробно примѣты ихъ.

«Отъ Саблина слышалъ, приблизительно въ январѣ мѣсяцѣ, что онъ давалъ для чтенія писателю Успенскому газету «Народную Волю» и спрашивалъ у Успенскаго его мнѣніе о достоинствѣ той или другой статьи, помѣщенной, какъ думаетъ, въ № 4 «Народной Воли». На этомъ основаніи Меркуловъ заявляетъ, что Саблинъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Успенскимъ и, мо-

Юрій Николаевичъ Богдановичъ.

(Съ портрета, рисованнаго имъ самимъ и находившагося въ 1906 году у г. Крилля).

жетъ быть, квартира Успенскаго служила и даже служитъ пристанищемъ для Кобозевыхъ и другихъ нелегальныхъ лицъ.

«Въ измѣненіе предшествующаго показанія Меркуловъ заявилъ, что отрекомендовалъ его въ лавку Кобозевыхъ не Желябовъ, а какъ теперь припоминаетъ,—Григорій Исаевъ.

«Въ квартирѣ Геси Гельфманъ и Тетерки, по Троицкому переулку, гдѣ помѣщалась типографія, кромѣ уже указанныхъ

Михаилъ Федоровичъ Грачевскій.

лицъ, встрѣчалъ Савелія Златопольскаго (разыскиваемаго циркуляромъ), родного брата Льва Златопольскаго (арестованнаго), и зналъ его подъ кличкой «Савки», а также видѣлъ тамъ Грачевскаго, извѣстнаго между революціонерами подъ кличкой «Птица», приносившаго туда, неизвѣстно для какой цѣли, какія-то жестяныя банки. Меркуловъ Грачевскаго зналъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Одессѣ, когда послѣдній служилъ кочегаромъ или помощникомъ машиниста на одесской желѣзной дорогѣ и посѣщалъ одесскій кружокъ рабочихъ.

«Савку» Златопольскаго также зналъ по Одессѣ, встрѣчая его, обыкновенно, вмѣстѣ съ Колодкевичемъ; по возвращеніи же изъ Кишинева въ С.-Петербургъ, здѣсь его не встрѣчалъ, но зналъ, что онъ жилъ въ Петербургѣ, и слыхалъ, что въ серединѣ зимы «Савка» уѣзжалъ за чѣмъ-то въ Кіевъ. Грачевскаго видѣлъ въ послѣдній разъ во время поѣздки на опытъ пригодности снарядовъ, въ Парголово, при чемъ лица, участвовавшія въ этой поѣздкѣ, собрались въ будкѣ конно-желѣзной дороги, близъ клиники Вилліе, и туда-то Грачевскій принесъ одинъ изъ метательныхъ снарядовъ и передалъ его Кибальчичу, самъ же Грачевскій участія въ поѣздкѣ не принималъ.

«Относительно Григорія Исаева добавляетъ, что видѣлъ его приносившимъ въ квартиру Гельфманъ и Тетерки набранныя статьи или прокламаціи. Наборъ же, какъ полагаетъ,—Исаевъ бралъ изъ той типографіи, гдѣ печаталась «Народная Воля».

«Также передаетъ, какъ слухъ, что гдѣ-то въ концѣ Большой Садовой или близъ Египетскаго моста, кажется, на Могилевской улицѣ, есть конспиративная квартира, куда весьма часто, послѣ общихъ собраній въ трактирахъ, направлялся Грачевскій.

«При этомъ Меркуловъ предлагаетъ свои услуги: ежели ему предоставятъ возможность, то онъ готовъ, подъ строгимъ надзоромъ по отношеніи къ нему полиціи, указать всѣхъ, извѣстныхъ ему лицъ, проживающихъ въ С.-Петербургѣ и принимавшихъ участіе въ покушеніяхъ на жизнь въ Бозѣ почившаго государя императора Александра Николаевича.

Этотъ докладъ жандармскаго генерала былъ прочтенъ Александромъ III. Онъ обратилъ вниманіе на предложеніе Меркулова и сдѣлалъ слѣдующую помѣту, покрытую лакомъ: «надѣюсь, что воспользовались его предложеніемъ». Въ сущ-

ности, эта резолюція была излишня: и безъ нея власти воспользовались бы услугами Меркулова. Какъ видно изъ донесенія коменданта крѣпости отъ 14 апрѣля (№ 304), мѣщ. Петръ Яковенко, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, выданъ жанд. шт.-кап. Соколову «съ исключеніемъ изъ списковъ крѣпости».

Товарищъ министра П. А. Черевинъ обратилъ вниманіе на показаніе Меркулова, относившееся къ Г. И. Успенскому, и тоже помѣтилъ: «сообщить градоначальнику». 16 апрѣля (№ 2259) градоначальникъ былъ извѣщенъ о преступныхъ связяхъ Г. И. Успенскаго съ Н. А. Саблинымъ «на зависящее распоряженіе». Любопытно, что Меркуловъ не ошибся въ своемъ оговорѣ. Н. А. Саблинъ былъ дружески знакомъ съ Г. И. Успенскимъ и дѣйствительно находилъ у него пристанище.

Повидимому, Меркулова, вмѣстѣ съ переодѣтыми членами полиціи, пустили по улицамъ Петербурга и хватали всѣхъ, кого онъ указывалъ. Одной изъ первыхъ его жертвъ былъ Емельяновъ, тотъ самый «Михайло», который появился въ первомъ же показаніи Рысакова, четвертый метальщикъ на Екатерининскомъ каналѣ. Рысаковъ не зналъ его фамиліи и квартиры и потому не могъ его выдать. Въ приводимомъ ниже донесеніи жандармскаго генерала Комарова сказано прямо, что Емельяновъ задержанъ по указанію Василія Меркулова. Любопытно, что въ обвинительномъ актѣ по дѣлу 20, въ томъ числѣ Емельянова и самого Меркулова, нѣтъ указанія на роль Меркулова при арестѣ, а глухо упомянуто: «на основаніи подробно описанныхъ Рысаковымъ примѣтъ «Михайла» или «Сугубаго», этотъ послѣдній былъ разысканъ и 14 апрѣля задержанъ въ своей квартирѣ».

Генералъ Комаровъ 22 апрѣля (№ 2737) доносилъ въ департаментъ полиціи:

«По указанію привлеченнаго къ дѣлу террористовъ, Василія Меркулова (Яковенко), задержанъ былъ сынъ псаломщика Иванъ Емельяновъ, извѣстный, по показанію государственнаго преступника Рысакова, въ кругу революціонеровъ подъ кличкою «Михайла Ивановича Сугубаго».

Иванъ Пантелеймоновичъ Емельяновъ.

«По передачѣ секретнымъ отдѣленіемъ канцеляріи градоначальника 20 сего апрѣля Емельянова, во ввѣренномъ мнѣ управленіи онъ, вчерашняго числа, былъ

допрошенъ, при чемъ показалъ, что въ дѣлѣ покушенія 1 марта сего года, жертвой котораго палъ въ Бозѣ почившій государь императоръ Александръ Николаевичъ, онъ, въ числѣ другихъ участниковъ, имѣлъ также метательный снарядъ, полученный имъ утромъ 1 марта въ конспиративной квартирѣ, съ цѣлью покушенія на жизнь священной особы государя императора.

«1 марта, утромъ, видѣлся съ Рысаковымъ, и затѣмъ, въ ожиданіи проѣзда государя императора въ Михайловскій манежъ, имѣя подъ рукой обвернутый въ бумагу метательный снарядъ, стоялъ на углу Невскаго и Малой Садовой улицы, но такъ какъ е. в. избралъ другой путь, то, по знаку Перовской, лица имѣвшія метательные снаряды, перешли на набережную Екатерининскаго канала, при чемъ Емельяновъ занялъ мѣсто на правомъ углу Инженерной улицы и Екатерининскаго канала, на лѣвомъ, противоположномъ, углу стоялъ казненный Тимофей Михайловъ, а далѣе, по Екатерининскому каналу, Рысаковъ и Котикъ.

Тимоѳей Михайловичъ Михайловъ.

«Въ моментъ перваго взрыва, послѣдовавшаго отъ метательнаго снаряда, брошеннаго Рысаковымъ, Емельяновъ приблизился къ мѣсту совершенія преступленія, а затѣмъ, когда послѣдовалъ второй взрывъ и Емельяновъ увидѣлъ, что цѣль ихъ достигнута, приблизился къ государю императору и, по его словамъ, изъ человѣколюбія—первый помогъ его величеству приподняться.

«Затѣмъ, соединившись вмѣстѣ съ Тимофеемъ Михайловымъ, отправились въ конспиративную квартиру, въ Телѣжную улицу, и оставили тамъ оба метательные снаряды, которые, въ дѣйствительности и были отобраны по обыску въ этой квартирѣ».

Впослѣдствіи, на судѣ, Емельяновъ отказался отъ всѣхъ показаній, данныхъ на слѣдствіи.

X.

Докладъ о показаніяхъ М. Ф. Фроленко.—Раскрытіе Ельникова-Гриневицкаго.—Допросъ Люстига.—Арестъ Суханова.—Допросъ М. Н. Тригони.

17 апрѣля (№ 2590) генералъ Комаровъ донесъ о допросѣ М. Ф. Фроленко:

«Спрошенный сего числа, именовавшій себя Капустинымъ, сознался, что онъ Михаилъ Федоровъ Фроленко, сынъ фельдфебеля, окончившій курсъ въ ставропольской гимназіи, затѣмъ былъ въ Петровской Академіи въ Москвѣ, откуда вышелъ въ 1874 г., не окончивъ курса. Имѣетъ брата и сестру, жившихъ въ Ставрополѣ, что дѣйствительно подтверждается сдѣланнымъ сношеніемъ, ранѣе еще сознанія Фроленко, по которому начальникъ ставропольскаго губернскаго жандармскаго управленія увѣдомилъ, что семейство Фроленко проживало въ Ставрополѣ, но нѣсколько времени тому назадъ выбыло во Владикавказъ.

«По существу предъявленнаго обвиненія, относительно участія въ подготовленіи покушенія, подъ г. Одессою, осенью 1879 года, на жизнь покойнаго государя императора Александра Николаевича, а также въ проживательствѣ для этой цѣли близъ Одессы, въ качествѣ желѣзнодорожнаго сторожа, подъ именемъ Александрова, Фроленко никакихъ объясненій давать не пожелалъ».

Съ Люстигомъ вышло хуже. Въ дѣлѣ сохранился одинъ любопытный документъ, заключительныя строки котораго наводятъ на самыя серьезныя размышленія. Отъ Люстига и Кузьминой не могли добиться показаній, и неизвѣстный авторъ документа дѣлаетъ предположеніе: «может ъ быть, заключеніе болѣе строгое—при непрестанныхъ допросахъ—заставитъ ихъ открыть истину. Надежда, при этомъ, на то, чтобы допросъ ихъ былъ непрерывнымъ». А вотъ и весь документъ цѣликомъ:

«Отставной прапорщикъ кронштадтской крѣпостной артиллеріи Люстигъ и любовница его, мѣщанка Кузьмина, изобличаются въ пріемѣ такъ называемаго желябовскаго типографскаго станка, который, при посредствѣ Григорія Исаева, какъ объяснилъ Рысаковъ, перевозился къ Никольскому мосту и, какъ свидѣтельствуетъ ломовой извозчикъ, сданъ въ двухъ ящикахъ въ квартиру Люстига. Кромѣ сего, кромѣ словеснаго подтвержденія Люстигомъ, что онъ находится въ связи съ Желябовымъ и Кибальчичемъ и что принялъ ящики со станкомъ, онъ и Богородскій, ранѣе арестованный, извѣстны полиціи какъ лица, постоянно знавшія о времени выпуска революціонныхъ изданій, распространявшія эти изданія и по подпискѣ, и отдѣльными номерами, и собиравшія деньги для поддержанія тайной типографіи.

«Люстигъ и Богородскій обвиняются также въ постоянныхъ сношеніяхъ съ политическими арестантами; оба они проникали въ Трубецкой равелинъ: Богородскій, пользуясь родственными связями со смотрителемъ равелина, а Люстигъ—подъ именемъ Николая Николаевича Богородскаго, на котораго похожъ по примѣтамъ.

«Ни Люстигъ, ни Кузьмина ничего объяснять не желаютъ, а, можетъ быть, заключеніе болѣе строгое—при непрестанныхъ допросахъ—заставитъ ихъ открыть истину. Надежда, при этомъ, на то, чтобы допросъ ихъ былъ непрерывнымъ».

Генералъ Комаровъ о допросахъ Люстига доносилъ 23 апрѣля (№ 2767).

«Опрошенный во ввѣренномъ мнѣ управленіи, переданный секретнымъ отдѣленіемъ канцеляріи градоначальника 21 сего апрѣля отставной прапорщикъ кронштадтской крѣпостной артиллеріи Фердинандъ Осиповъ Люстигъ заявилъ, что принадлежитъ къ числу лицъ, желающихъ соціально-революціоннаго переворота, и его революціонная дѣятельность выразилась лишь въ нѣкоторыхъ услугахъ, оказанныхъ имъ партіи: такъ, проживая послѣднее время по Большой Садовой въ домѣ № 69, квартира его служила мѣстомъ, гдѣ лица, принимавшія участіе въ революціонномъ движеніи, могли встрѣчаться; по просьбѣ Желябова, въ ноябрѣ или декабрѣ мѣсяцѣ прошлаго года, дозволилъ привезти въ свою квартиру типографскій станокъ, но лицъ, принимавшихъ участіе въ перевозкѣ этого станка, не называетъ,—говоритъ лишь, что два ящика, въ которыхъ находился типографскій станокъ, были вскорѣ вынесены изъ его квартиры, но кѣмъ и куда, не знаетъ.

«По просьбѣ того же Желябова, получалъ деньги, предназначавшіяся для лицъ, участвовавшихъ въ революціонномъ движеніи, на свое имя, въ періодъ времени съ августа мѣсяца прошлаго года до января мѣсяца сего года. Высылались деньги эти, большею частью, изъ Москвы и Курска по почтѣ и посредствомъ перевода черезъ государственный и международный коммерческій банки, а затѣмъ передавались разнымъ лицамъ, но кому именно, не помнитъ. Сумма полученныхъ денегъ, насколько припоминаетъ, простиралась тысячъ до трехъ.

«При какихъ обстоятельствахъ познакомился съ лицами, раздѣляющими террористическія воззрѣнія, Люстигъ отъ прямого отвѣта уклоняется, назвавъ, впрочемъ, перваго своего знакомаго, Александра Михайлова, а затѣмъ, черезъ посредство его, познакомился и съ другими лицами, какъ-то: Перовскою, Вѣрою Филипповою, Фриденсономъ, Баранниковымъ, Иванчинымъ-Писаревымъ, Богородскимъ, Тригони и другими.

«Никакого участія въ дѣлѣ 1 марта не принималъ, такъ какъ о готовившемся преступленіи ничего не зналъ.

«По отношенію къ Тригони—говоритъ, какъ о сочувствующемъ революціонному движенію, о Богородскомъ, какъ о хорошемъ своемъ знакомомъ, посѣщавшемъ его, но самъ у Богородскаго и въ крѣпости, гдѣ содержатся политическіе арестанты, никогда не бывалъ».

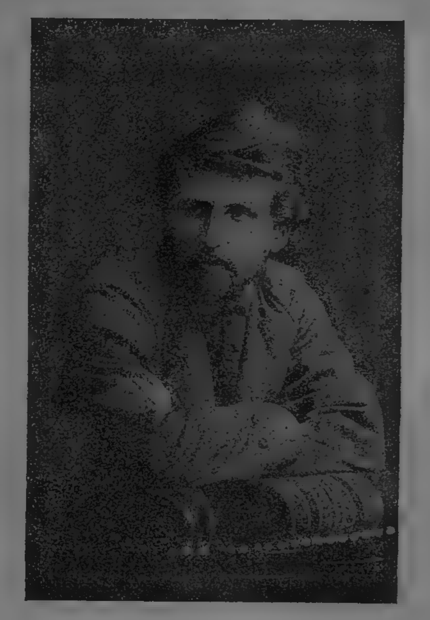
28 апрѣля былъ арестованъ Н. Е. Сухановъ. О первыхъ его показаніяхъ находимъ любопытныя подробности въ донесеніи генерала Комарова въ департаментъ полиціи отъ 29 апрѣля (№ 2979) [1].

«Спрошенный, задержанный полиціею минный офицеръ, лей-

---

[1]) На основаніи этого донесенія, по приказанію В. К. Плеве, который въ это время былъ уже директоромъ департамента полиціи, былъ изготовленъ докладъ для царя.

тенантъ флота Николай Евгеніевичъ Сухановъ, сознался въ томъ, что принадлежитъ къ революціонной партіи, работалъ въ подкопѣ изъ магазина Кобозева, снаряжалъ снарядъ, оказавшійся въ минѣ, и снаряжалъ, вмѣстѣ съ другими, метательные снаряды 28 февраля, но въ какой квартирѣ, сказать не пожелалъ. Бывалъ у Желябова, зналъ Перовскую, Кибальчича, Колодкевича, Фроленко, Исаева и Саблина, что же касается до Ланганса и Юрія Богдановича, карточки коихъ ему были показаны, то по поводу ихъ отказался дать отвѣтъ. Изъ его, однако-же, разговора видно, что онъ хорошо знаетъ Ланганса, но отказывается сказать о немъ потому, что о задержаніи его еще ничего не знаетъ; изъ разсказовъ его также видно, что именно Богдановичъ— былъ Кобозевъ.

Мартынъ Рудольфовичъ Лангансъ.

«Активнаго участія собственно въ день 1 марта не принималъ и въ квартирѣ по Тележной улицѣ и по Троицкому переулку не бывалъ.

«Одна сестра Суханова— задержана съ нимъ въ квартирѣ, но, по его словамъ, она не знаетъ о его революціонной дѣятельности; другая же его сестра, живущая въ Ригѣ съ матерью, арестована, по телеграммѣ отсюда с.-петербургскаго градоначальника, и у нея найдена какая-то серьезная переписка и прокламаціи».

Н. Е. Сухановъ не считалъ нужнымъ не говорить о томъ, что власти, по его убѣжденію, знали о дѣлахъ и лицахъ. Такой тактики держались многіе народовольцы: этимъ объясняется обиліе фактическихъ сообщеній въ ихъ показаніяхъ. Запирался на первыхъ порахъ Н. Е. Сухановъ на вопросы о М. Р. Лангансѣ, потому что онъ, дѣйствительно, не зналъ объ его арестѣ, произведенномъ въ Кіевѣ 23 апрѣля.

Послѣдній въ серіи докладовъ о ходѣ слѣдствія по дѣлу 1 марта, находящихся въ дѣлѣ № 79 за 1881 годъ, относится къ Михаилу Николаевичу Тригони, который, съ момента ареста 27 февраля до конца апрѣля, держался тактики запирательства. Не отрицая своего сочувствія цареубійству, Тригони отказывался отъ всякихъ фактическихъ сообщеній. Личность Тригони весьма

интриговала и интересовала слѣдователей. Объ этомъ свидѣтельствуетъ находящаяся въ дѣлѣ неподписанная записка о Тригони слѣдующаго содержанія [1]):

«Арестованный дѣйствительный студентъ новороссійскаго университета Михаилъ Николаевъ Тригони, 30-ти лѣтъ, человѣкъ,—получившій высшее образованіе, начитанный, обладающій, въ извѣстной степени, даромъ слова, но не обличающій особенно выдающихся природныхъ способностей.

«По рожденію, воспитанію, матеріальнымъ средствамъ и вообще по наружнымъ формамъ принадлежитъ къ средѣ значительно выше той, которая до сихъ поръ поставляла контингентъ лицъ, обвинявшихся въ государственныхъ преступленіяхъ; но это самое указываетъ, что Тригони присталъ къ революціонной средѣ вслѣдствіе глубокаго убѣжденія, а не въ силу какихъ-либо случайныхъ обстоятельствъ. Политическій идеалъ его—правленіе, всецѣло находящееся въ рукахъ народа, который только при подобномъ условіи можетъ пріобрѣсть наибольшую долю свободы и матеріальнаго благосостоянія. Приверженецъ федеративнаго начала, полагая, что самая территорія, въ которой складывается существующее понятіе объ отечествѣ, безразлична для блага народа.

«При этомъ нельзя не замѣтить, что ученіе соціалистовъ съ 1866 года, когда производилось каракозовское дѣло, настолько развилось, что нельзя и сравнить прежнихъ нигилистовъ, не имѣвшихъ достаточно опредѣленныхъ цѣлей, съ нынѣшними анархистами, изъ которыхъ уже многіе поставляютъ, повидимому себѣ, какъ они называютъ, объектомъ, не только разрушеніе, но и созданіе государства на соціальныхъ началахъ, къ сожалѣнію почерпнутыхъ ими изъ современной науки и подкрѣпленныхъ анархическими явленіями послѣдняго десятилѣтія на западѣ Европы.

«Принадлежа, какъ надо полагать, не къ рядовымъ дѣятелямъ преступной среды, а скорѣе къ главнымъ проводникамъ соціальныхъ идей въ кружки учащейся молодежи, онъ упорно отрицаетъ какое-либо участіе свое въ послѣднихъ террористическихъ явленіяхъ, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, и признаетъ цѣлесообразность всѣхъ дѣйствій, которыя вошли въ программу народовольцевъ. Въ этихъ видахъ, онъ упорно отказывается указать на своихъ знакомыхъ, приводя въ свое оправданіе, что самое его арестованіе можетъ принести вредъ лицамъ, которыхъ онъ назвалъ-бы. Точно также, видимо опасаясь послѣдствій, онъ избѣгаетъ дать какой-либо утвердительный отвѣтъ на вопросъ, почему именно у него найдено столь значительное число экземпляровъ № 5 «Народной Воли», говоря лишь, что листки эти ему были принесены единственно для храненія. Одинаково, зна-

---

[1]) На запискѣ помѣта: „возвращ. отъ Гр. (т. е. графа Лорисъ-Меликова) 29 марта“.

комство свое съ Желябовымъ представляетъ не болѣе, какъ слѣдствіемъ товарищескихъ отношеній въ учебныхъ заведеніяхъ, хотя и не отрицаетъ того, что предшествовавшая преступная дѣятельность Желябова и его нелегальное положеніе,—было ему не безъизвѣстно. Скользя по всему, что касается какихъ-либо

Михаилъ Николаевичъ Тригони.

фактовъ, Тригони охотно объясняетъ свои воззрѣнія; такъ, напримѣръ, совершенно соглашаясь, что мысли ихъ едва-ли могутъ быть поняты каждымъ простолюдиномъ отдѣльно,—онъ увѣренъ, что масса усвоитъ себѣ, тѣмъ не менѣе, полезную практичность ихъ ученія и, рано или поздно, примкнетъ къ революціонной

средѣ. По словамъ Тригони, онъ съ дѣтства обладаетъ настойчивостью характера, но на вопросъ: готовъ-ли пожертвовать собою для того дѣла, которому, повидимому, отдавалъ много силъ, онъ отвѣчалъ, что въ этомъ случаѣ скорѣе готовъ припомнить слова Христа: «да минуетъ меня чаша сія».

Одинъ эпизодъ заключенія Тригони въ крѣпости можетъ дать черточку къ его характеристикѣ. Комендантъ крѣпости 10 апрѣля (№ 294) донесъ въ департаментъ полиціи:

«Содержащійся въ крѣпости по обвиненію въ государственномъ преступленіи Тригони 8-го сего апрѣля при разрѣшенномъ ему свиданіи съ матерью имѣлъ желаніе вести съ нею разговоръ по дѣлу заарестованія его, но былъ пріостановленъ. Послѣ чего онъ воспользовался выданной бумагою для письма, которая была дана ему съ предвареніемъ, чтобы не касался въ немъ никакихъ разсужденій объ его арестѣ, и наполнилъ письмо подробными свѣдѣніями по предмету заарестованія его.

«Сообщая объ изложенномъ вашему превосходительству съ препровожденіемъ означеннаго письма, имѣю честь присовокупить, что въ виду существующихъ въ крѣпости правилъ, воспрещающихъ политическимъ арестантамъ писать письма стороннимъ лицамъ, не состоящимъ съ ними въ извѣстной степени родства, и касаться въ письмахъ всякихъ излишнихъ, не относящихся до семейныхъ дѣлъ и охраны ихъ имущества, разсужденій, я приказалъ объяснить объ этомъ каждому изъ нихъ съ предвареніемъ, что въ противномъ случаѣ письма будутъ оставляемы неотправленными».

По этому донесенію послѣдовало слѣдующее распоряженіе директора департамента: «впредь не разрѣшать ему болѣе свиданій и не выдавать болѣе письменныхъ принадлежностей».

Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ держался тактики запирательства М. Н. Тригони. Наконецъ, дальнѣйшее запирательство стало безсмысленнымъ; отъ своихъ слѣдователей онъ, очевидно, выслушивалъ обо всѣхъ ихъ открытіяхъ, арестахъ и фактическихъ свѣдѣніяхъ. О первыхъ его показаніяхъ сообщилъ въ департаментъ государственной полиціи генералъ Комаровъ 1 мая (№ 3050):

«Спрошенный вчерашняго числа Михаилъ Николаевичъ Тригони, послѣ долгаго запирательства, наконецъ, сознался въ томъ, что ему было извѣстно о готовившемся покушеніи 1-го марта на жизнь покойнаго государя императора Александра Николаевича. Сообщилъ объ этомъ ему знакомый его, Андрей Желябовъ (нынѣ казненный), въ концѣ февраля текущаго года. По рекомендаціи же Желябова, познакомился съ Кобозевымъ, имѣвшимъ магазинъ на Малой Садовой улицѣ, бывалъ въ этомъ магазинѣ и однажды вечеромъ участвовалъ въ работѣ по подкопу, но при заложеніи мины, устройствѣ батареи и проводниковъ—участія не принималъ. Кто такой былъ Кобозевъ, не знаетъ, но въ предъявленной карточкѣ Юрія Богдановича — находитъ большое сходство съ нимъ, зналъ

также Фердинанда Люстига, лейтенанта Суханова, но показанія свои о нихъ откладываетъ на будущее время».

Сохранился въ дѣлѣ и пахучій доносъ на родственниковъ Тригони; о немъ нужно упомянуть въ силу особыхъ обстоятельствъ. Доносъ этотъ переданъ въ департаментъ самимъ царемъ, самимъ Александромъ III. На доносѣ его собственноручная помѣта: «получилъ это отъ одной дамы изъ Москвы, которая не желаетъ назвать себя». Почтенная доносительница, оболгавъ всѣхъ родственниковъ Тригони и обвинивъ ихъ въ знаніи умысловъ М. Н. Тригони, заканчиваетъ доносъ слѣдующимъ заявленіемъ:

«Все, что здѣсь мною написано, я написала по приглашенію князя Долгорукаго (московскаго генералъ-губернатора), изъявившаго мнѣ на то волю государя и давшаго мнѣ отъ себя честное слово, что эта бумага, мною написанная, подвергнется строжайшему разсмотрѣнію истины и никѣмъ, кромѣ самого государя императора, въ подлинникѣ прочтена не будетъ».

Князь Долгоруковъ напрасно давалъ честное слово: государь именно подлинникъ доноса и передалъ въ департаментъ полиціи. Доносъ былъ столь вздоренъ, что департаментъ, повидимому, даже не предпринялъ по нему никакихъ дѣйствій.

Мы исчерпали находящіеся въ дѣлѣ департамента полиціи записки, донесенія и доклады по дѣлу 1 марта. Всѣ эти документы даютъ картину борьбы съ «Народой Волей» въ мартѣ—апрѣлѣ 1881 года, сообщая не мало подробностей, не сохраненныхъ другими офиціальными матеріалами. Подлинныя показанія первомартовцевъ, извлеченныя изъ актовъ предварительнаго слѣдствія, читатель найдетъ ниже, на страницахъ настоящей книги.

П. Щ.

Портреты народовольцевъ.

Эта статья В. Н. Фигнеръ была написана по просьбѣ редакціи журнала «Былое», опубликовавшаго на своихъ страницахъ въ 1906—1907 годахъ рядъ портретовъ народовольцевъ, портретовъ, изъ которыхъ многіе воспроизводились тогда впервые.

Въ своихъ замѣткахъ В. Н. Фигнеръ, помимо прямого отвѣта на вопросъ о сходствѣ портретовъ и лицъ, дала еще и не мало цѣнныхъ воспоминаній о дѣятеляхъ «Народной Воли». В. Л. Бурцевъ помѣстилъ замѣтки В. Н. въ заграничномъ «Быломъ» № 7 (Парижъ, 1908). Съ разрѣшенія В. Н., просмотрѣвшей печатный текстъ замѣтокъ, перепечатываемъ ихъ въ настоящей книгѣ «Былого», посвященной народовольцамъ-дѣятелямъ 1-го марта 1881 года. Къ статьѣ В. Н. мы даемъ воспроизведенія тѣхъ портретовъ, которые признаны В. Н. схожими съ оригиналами.

Ред.

Вы просили сообщить, насколько похожи на свои оригиналы портреты народовольцевъ, съ которыми я жила, встрѣчалась и состояла въ организаціи.

Боюсь, чтобы длинный переченъ не получилъ сходства съ описаніемъ примѣтъ въ паспортахъ, и потому ограничусь лишь небольшимъ числомъ.

Первый портретъ, о которомъ слѣдуетъ говорить, конечно, будетъ портретъ С. Л. Перовской.

Этотъ портретъ (помѣщенъ въ «Быломъ» за мартъ 1906 г.) отличается выдающимся сходствомъ, и это единственный портретъ въ мірѣ, который волнуетъ меня каждый разъ, когда я его вижу. Цѣлый рядъ воспоминаній сейчасъ же пробуждается въ памяти, воспоминаній грустныхъ и тяжелыхъ, потому что, прежде всего, вспоминаются послѣдніе дни ея на свободѣ — мартовскіе дни «Народной Воли»...

Лицо Софьи Львовны отличалось необычайной простотой и чрезвычайной привлекательностью. Когда она была въ рубашкѣ, какія носятъ крестьянки, то казалась настоящей деревенской дѣвушкой. Такой показалась она мнѣ въ первый разъ, который почему-то кажется мнѣ чуть ли не первой встрѣчей съ ней, когда она ночевала у насъ въ семьѣ въ 1877 г. въ Петербургѣ, на Прядильной.

Портретъ вполнѣ передаетъ ея моложавое лицо, въ которомъ

было что-то дѣтское, передаетъ и чуть замѣтную складку около губъ, которая мнѣ кажется выраженіемъ настойчивости и упорства, а, можетъ быть, и дѣтскаго каприза. Не видно только ея бѣлой кожи и разлитаго розоваго цвѣта щекъ, характернаго для блондинки.

Доброта сквозила изъ всѣхъ чертъ ея лица, и когда она говорила и улыбалась,—каждаго невольно влекло къ ней.

За все время знакомства она почти не измѣнилась: годы, казалось, проходили для ея наружности безслѣдно; только въ послѣднюю зиму часто можно было подмѣтить выраженіе скорби на миловидныхъ чертахъ ея кругленькаго личика.

Софія Львовна Перовская.

Во время процесса 1-го марта разсказывали, что присяжный повѣренный Спасовичъ все время рисовалъ портретъ Желябова, и когда я развернула мартовскую книжку «Былого» за 1906 г. и увидала помѣщенный тамъ набросокъ, якобы изображающій Андрея Ивановича, то мнѣ сейчасъ же пришло въ голову, что это тотъ самый «портретъ», который рисовалъ Спасовичъ.. Спѣшу сейчасъ же заявить, что съ дѣйствительной наружностью Желябова онъ не имѣетъ ничего общаго [1]).

Въ книжкѣ вы видите довольно худощавое, вытянутое сверху внизъ лицо, на которомъ бросаются въ глаза приподнятыя кверху брови и обнаженные зубы. Всякій, кто видалъ стариннаго письма иконы и гравюры, изображающія божьихъ угодниковъ и старообрядческихъ начетчиковъ, тотчасъ же признаетъ въ немъ этотъ типъ аскета и фанатика, поборовшаго плоть... Ничего подобнаго не было въ Желябовѣ, и если бы, указывая на этотъ портретъ, меня просто спросили, кого онъ мнѣ напоминаетъ, я никогда бы не назвала имени моего товарища по исполнительному комитету.

Андрей Ивановичъ имѣлъ атлетическую фигуру, прекрасно сложенную, а его голова была красивой головой типичнаго рус-

---

[1]) Мы не воспроизводимъ этого карандашнаго наброска, къ которому такъ отрицательно отнеслась В. Н. Фигнеръ. Можемъ только сообщить, что оригиналъ былъ въ свое время полученъ нами отъ П. Я. Дашкова. *Ред.*

Андрей Ивановичъ Желябовъ.

скаго крестьянина. Общее выраженіе всей фигуры и лица была мощь, энергія и сила воли. Сѣрые глаза имѣли выраженіе смѣлости, а когда онъ шутилъ въ товарищеской компаніи, они сыпали искры добродушнаго лукавства и насмѣшливости. Темная, окладистая борода лопатой обрамляла довольно широкое лицо съ смуглымъ румянцемъ, Когда онъ смѣялся, всѣ зубы, ослѣпительно бѣлые, ровные, не очень крупные зубы, совершенно обнажались, и каждый могъ полюбоваться ими. Когда онъ являлся ораторомъ и произносилъ рѣчь, то зачастую его брови были приподняты, и, на мой взглядъ, это портило его.

Жизнерадостность была отличительнымъ свойствомъ Желябова. Это былъ здоровый, крѣпкій и вполнѣ нормальный организмъ. Ни одна нота надломленности не звучала въ немъ. Иногда онъ способенъ былъ дурачиться и шалить, какъ ребенокъ, и безконечной бодростью и энергіей звучало каждое его слово, то же выражало и каждое его движеніе. Черты его лица были правильны и гармонировали съ общимъ характеромъ его тѣлосложенія. Если бы онъ дожилъ до преклонныхъ лѣтъ, онъ, навѣрное, до конца остался бы красавцемъ, такъ какъ подобная наружность съ годами, обыкновенно, мало измѣняется: въ ней все было опредѣленно и закончено.

Когда онъ выходилъ на улицу, то зимой носилъ длинное пальто и шапку и держалъ грудь колесомъ. Мы смѣялись, что онъ въ этомъ видѣ очень походитъ на купца. Настоящее русское лицо дѣлало его на улицѣ довольно незамѣтнымъ, въ комнатахъ же его личность обратила бы на себя вниманіе каждаго. Но въ ней не было рѣшительно ничего утонченнаго: какъ было уже сказано, это былъ прекрасный мужикъ, переработанный образованіемъ и культурой.

Послѣ процесса 1 марта тщетно искали мы гдѣ-нибудь и у кого-нибудь его фотографію: таковой рѣшительно не оказывалось. Указали только на гимназическій портретъ (см. «Былое», августъ 1906 г.), и одинъ художникъ долженъ былъ придѣлать къ нему бороду, чтобы напомнить Желябова зрѣлаго возраста. Къ счастью, это предпріятіе не было выполнено. Этотъ портретъ заключаетъ лишь отдаленный намекъ на нашего лидера 79—81 гг.

и, надо замѣтить, напоминаетъ его гораздо больше, чѣмъ портретъ временъ студенчества, помѣщенный въ августовской книжкѣ «Былого» за тотъ же годъ [1]).

Если когда-нибудь стоило съ досадой отбросить отъ себя книгу, такъ именно мартовскую книгу «Былого» (1906 г.), за помѣщенные тамъ портреты Н. И. Кибальчича и Геси Гельфманъ.

Съ Кибальчичемъ я жила въ Одессѣ, въ 79 г., на общей квартирѣ и постоянно видалась въ Петербургѣ, вплоть до его ареста въ мартѣ 81 г., и положительно поражена была, увидавъ лицо, которое почтенный журналъ выдалъ за Кибальчича. Я прямо отрицаю, чтобы это былъ Николай Ивановичъ, — такого Кибальчича, если онъ когда-либо былъ такимъ,—я не знавала.

Начать съ того, что напечатанный портретъ имѣетъ продолговатыя, рѣзкія черты, и Николай Ивановичъ кажется на немъ брюнетомъ. На дѣлѣ же онъ былъ шатеномъ, и всѣ черты его лица отличались мягкостью. Таково же было и общее выраженіе лица. Довольно жидкая борода его во время нашего знакомства обыкновенно не была выбрита на щекахъ, какъ передастъ портретъ. Словомъ, ни отдѣльныя черты, ни общее выраженіе лица не напоминаютъ мнѣ лица знаменитаго техника исполнительнаго комитета.

Что касается Геси Гельфманъ, то это просто профанація знакомить съ нею публику по достойному коллекцій Ламброзо «преступному типу», который лежитъ передъ нами на 192 стр. журнала «Былого» (мартъ, 1906 г.).

Крошечнаго роста, съ миніатюрными ручками, Геся Гельфманъ имѣла и миніатюрныя черты лица. Но ея лицо, не бывши красивымъ, никогда не было грубымъ, одутловатымъ, какимъ мы его видимъ тутъ. Никогда у нея не было и тупого выраженія лица. Ея лицо дышало добродушіемъ, привѣтливостью, и всегда улыбалось: оно было положительно симпатично, и еще болѣе привлекалъ къ Гесѣ тонкій и звонкій голосокъ ея.

Другой портретъ Геси Гельфманъ въ іюньской книжкѣ «Былого» за 1906 годъ, повторенный

Геся Гельфманъ.

---

[1]) Изъ трехъ портретовъ А. И. Желябова, помѣщенныхъ въ „Быломъ“ 1906 г., мы воспроизводимъ только одинъ, гимназическій. Въ „Быломъ“ онъ былъ данъ во весь ростъ, здѣсь мы даемъ тотъ же портретъ, но поясной. *Ред.*

лек сандръ Дмитріевичъ Михайловъ
(гимназистъ).

Александръ Дмитріевичъ Михайловъ.

въ «Первомъ женскомъ календарѣ» г-жи Аріанъ 1907 г., гораздо болѣе удаченъ. Онъ относится, повидимому, къ періоду до суда 50-ти, происходившаго въ 1877 году, когда Геся была моложе и имѣла болѣе буржуазный видъ. Въ позднѣйшіе годы, когда она отбыла срокъ наказанія въ рабочемъ домѣ (въ Литовскомъ замкѣ) и бѣжала изъ Старой Руссы, куда была сослана, — она уже не носила прически, которую мы видимъ на этомъ портретѣ. На послѣднемъ—ея волосы въ сѣткѣ, спускающейся довольно низко, и костюмъ болѣе изысканъ, чѣмъ та демократическая одежда, которая была свойственна народовольцамъ. Въ общемъ портретъ похожъ на оригиналъ: несомнѣнно, это Геся, но только Геся—хорошо причесанная и нарядная.

Портретъ Александра Михайлова помѣщенъ въ февральской книжкѣ «Былого» 1906 г. Этотъ «хозяинъ» нашей организаціи, бдительное и суровое око, непрестанно оберегавшее безопасность извнѣ и духъ дисциплины внутри ея, былъ бы на портретѣ переданъ удачно, если бы не та дѣланная поза, которую придалъ ему фотографъ. Такъ и видишь, что послѣдній собственными руками повернулъ эту голову вверхъ и вбокъ и сказалъ: «сидите неподвижно». Эта неестественность портитъ все... Лихо закрученные усы на первый взглядъ поражаютъ непріятно, но, надо сказать, что, занимаясь опасными дѣлами, Михайловъ дѣйствительно придавалъ своей наружности фатовскій оттѣнокъ.

Когда онъ жилъ въ саратовской губерніи, въ с. Синенькіе, среди раскольниковъ, въ качествѣ учителя, ежедневно переходившаго изъ одного дома въ другой для очереднаго питанія, его обликъ былъ обликомъ самаго обыкновеннаго крестьянина, или «дворника», какъ мы всѣ тогда его звали.

Александръ Ивановичъ Баранниковъ (юнкеръ).

Большіе сѣрые, влажные глаза Александра Михайлова были полны жизни и ума и напоминали волны моря. Это были въ своемъ родѣ единственные глаза, которыхъ нельзя было забыть, разъ увидавши. Русые волосы немного волнились надъ высокимъ лбомъ, а усы и борода носили чуть-чуть рыжеватый оттѣнокъ. Когда изъ «дворниковъ» онъ превратился въ барина, то костюмъ иза кручиваніе усовъ совершенно измѣнило его простое и скромное лицо, и было довольно курьезно видѣть этого метаморфозированнаго денди. Но глаза остались тѣ же, и для друзей заслоняли остальное. Красота и выразительность этихъ глазъ переданы на портретѣ лишь отчасти. Въ общемъ это все же не живой портретъ Александра Дмитріевича: въ немъ нѣтъ обычнаго для Александра Дмитріевича одушевленія и блеска жизни [1].

Товарищемъ дѣтства Александра Дмитріевича и другомъ въ жизни былъ А. И. Баранниковъ, портретъ котораго мы видимъ въ іюньской книжкѣ «Былого» за 1906 г. Этотъ портретъ, дѣйствительно, похожъ на оригиналъ, но далеко не передаетъ дѣйствительнаго образа Баранникова. Онъ имѣлъ фигуру, выдающуюся по своей стройности и красотѣ, и отличался

Александръ Ивановичъ Баранниковъ.

[1]) Воспроизводимъ два портрета А. Д. Михайлова:, тотъ о которомъ говоритъ В. Н. Фигнеръ, и портретъ Михайлова-гимназиста, появившійся въ „Быломъ“ (1907, февр.). *Ред.*

большой физической силой и цвѣтущимъ здоровьемъ, которыя быстро сломились въ Алексѣевскомъ равелинѣ, гдѣ онъ умеръ отъ цынги. Его красивое лицо, смуглое, матовое, безъ малѣйшаго румянца, волосы цвѣта воронова крыла и черные глаза дѣлали его непохожими на русскаго: его можно было легко принять за «восточнаго человѣка»—всего болѣе—за кавказца. Выраженіе его лица было мрачнымъ, что еще болѣе усиливалось обычной молчаливостью его. Иногда случалось, что исполнительный комитетъ назначалъ для переговоровъ съ кѣмъ-нибудь Желябова вмѣстѣ съ Баранниковымъ. Тогда, въ шутку, мы говорили, что Желябовъ назначается для того, чтобы говорить, а Баранниковъ,—чтобы устрашать. Баранниковъ былъ однимъ изъ самыхъ энергичныхъ и пылкихъ террористовъ. Его фигура и мрачное лицо вполнѣ гармонировали съ рѣшительностью его убѣжденій, и если бы нужно было дать физическое воплощеніе террору, то нельзя было сдѣлать лучшаго выбора, какъ взявъ образъ Баранникова. По смѣлости и отвагѣ это былъ настоящій герой: если кого-нибудь можно назвать ангеломъ мести, такъ именно его. Впечатлѣніе, которое онъ производилъ, было всегда громадно. Таково оно было и на судѣ. По крайней мѣрѣ, относительно Спасовича передавали, что на него глубокое впечатлѣніе произвелъ именно Баранниковъ. Его счастливая наружность обезпечивала ему большой успѣхъ среди женщинъ и въ нѣкоторыхъ онъ вызывалъ настоящее поклоненіе. Но и всѣ вообще къ нему относились съ нѣжностью и любовью [1]).

Смерть этого могучаго, по своему сложенію, человѣка еще въ равелинѣ—чрезвычайно поразила меня. Я никакъ не могла помириться съ тѣмъ, что именно онъ, при его молодости, силѣ и здоровьѣ могъ сойти въ могилу, когда гораздо болѣе слабые пережили первый періодъ заключенія до Шлиссельбурга. Стихотвореніе, написанное мною въ Шлиссельбургѣ въ честь его, хоть немного, но все же рисуетъ этого далеко необыкновеннаго человѣка, прекраснаго какъ физически, такъ и духовно.

НА СМЕРТЬ БАРАННИКОВА.

Зачахъ ты въ страданьяхъ неволи,
Прекрасный, отважный герой.
Заслуживалъ лучшей ты доли,—
Мечталъ ты о смерти иной.

Тебя въ равелинѣ сокрыли,
Сочли неудобнымъ казнить, —
Но жизнь лишь затѣмъ пощадили,
Чтобъ медленной пыткой убить.

---

[1]) Мы воспроизводимъ тотъ портретъ А. И. Баранникова, о которомъ говоритъ В. Н. Фигнеръ. Въ «Быломъ» (1907, февраль) былъ и другой портретъ Баранникова-юноши. Здѣсь мы даемъ еще одинъ портретъ Баранникова-юнкера, нигдѣ до сихъ поръ не воспроизводившійся. *Ред.*

Съ душою отважной и страстной
Для бурь ты былъ созданъ и грозъ.
Погибнуть на битвѣ опасной
Мечту ты въ могилу унесъ.

Ты не былъ апостоломъ слова,
Героемъ болтливой толпы...
Съ душою закала иного
Искалъ ты и жаждалъ борьбы.

Поклоникъ свободы и чести
Въ странѣ милліоновъ рабовъ
Казался ты ангеломъ мести,
Вождемъ непокорныхъ духовъ.

Съ прекраснымъ лицомъ горделивымъ,
Съ рукой, поднятою на месть,
Впередъ ты стремился съ призывомъ:—
Побѣда... Побѣда иль смерть...

Другимъ выдающимся человѣкомъ, не дожившимъ до перевода въ Шлиссельбургъ, былъ Н. Колодкевичъ, портретъ котораго помѣщенъ въ январьской книжкѣ «Былого» 1907 г. Портретъ, несомнѣнно, хорошъ, но Колодкевичъ на немъ красивѣе, чѣмъ былъ въ дѣйствительности. Его чрезвычайно красила роскошная борода, но, надо сказать, что на воронежскомъ съѣздѣ, гдѣ я въ первый разъ встрѣтила его, она была пробрита на подбородкѣ, и это дѣлало его физіономію положительно ужасной. Традиціонный взглядъ, что шпіоны должны имѣть отвратительную наружность, заставилъ меня въ изумленіи остановиться передъ лицомъ этого чудного товарища и человѣка. Я смотрѣла на это лицо положительно съ недовѣріемъ и подозрительностью: на улицѣ я приняла бы его непремѣнно за шпіона. А, между тѣмъ, привыкнувъ, я находила это лицо симпатичнымъ. Оно было чрезвычайно выразительно, нельзя было пройти мимо него и не замѣтить. Прежде всего, бросался въ глаза лобъ, открытый и необыкновенно развитой, съ большими буграми: потомъ, сѣрые глаза, серьезные, суровые: на портретѣ эти глаза смотрятъ прямо и спокойно, обыкновенно же они смотрѣли исподлобья. Громадная черная борода, при этомъ лбѣ и глазахъ, дѣлала его физіономію крайне рѣзкой и поразительной по своей угрюмой мрачности... При ближайшемъ знакомствѣ оказывалось полнѣйшее несоотвѣтствіе между суровой внѣшностью и нѣжной и гуманной душой Колодкевича. Въ воспоминаніяхъ Поливанова о равелинѣ довольно ярко рисуется трогательный образъ этого чуткаго, чистаго человѣка. Общеніе съ нимъ было истиннымъ наслажденіемъ, и это общеніе совершенно измѣняло первоначальное впечатлѣніе. Его внѣшность обнаруживала лишь одну сторону его натуры—энергію и мужественную твердость, а вся доброта и деликатность были скрыты подъ холодной и мрачной оболочкой. Случайно эта

двойственность отразилась и въ шутливыхъ прозвищахъ, которыя ему были даны. Играя словами и намекая на его мрачность, мы называли его Угрюмъ-Бурчеевымъ и Змѣемъ-Горынычемъ, а, съ другой стороны, за свои огромные усы, онъ носилъ ласкательное—Котъ-Мурлыка.

Николай Николаевичъ Колодкевичъ.

Перейду къ портрету Н. Е. Суханова (см. январскую книжку «Былого», 1906 г.). Портретъ рисуетъ его съ самой невыгодной стороны: измученнымъ, худымъ, съ глубокой скорбной складкой около губъ... Между тѣмъ, наружность Суханова была красива и въ высшей степени обаятельна. Очень высокій, стройный, въ шитомъ золотомъ мундирѣ моряка, съ бѣлокурой головой, юношескимъ цвѣтомъ лица и оживленными, сѣрыми глазами—онъ выглядѣлъ мужественнымъ красавцемъ. Но это была красота, проявлявшаяся во всемъ блескѣ, главнымъ образомъ, въ бесѣдѣ: твер-

дый и звучавшій неуклонной прямотой и искренностью голосъ, жесты—энергичные и всегда удачно подчеркивавшіе тѣ или иныя мѣста его рѣчи, плѣняли слушателя. Фигура Суханова и его энергичное лицо чудно гармонировали со всѣмъ, что онъ говорилъ и дѣлалъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ привлекательныхъ людей, которыхъ я когда-либо встрѣчала. Уже первое впечатлѣніе, первый взглядъ, брошенный на него, располагалъ къ нему, и при дальнѣйшемъ знакомствѣ чувство симпатіи и уваженія къ Суханову только росло и укрѣплялось. Но онъ обладалъ одной изъ тѣхъ подвижныхъ физіономій, передать которыя никакая фотографія не въ силахъ,—бумага не запечатлѣваетъ жизни, неуловимой игры чувства и мысли такихъ лицъ. На портретѣ Сухановъ производитъ болѣзненное впечатлѣніе: онъ кажется такимъ нездоровымъ, такимъ утомленнымъ... Хотѣлось бы знать, къ какому періоду относится эта карточка. Быть можетъ, онъ снятъ уже въ тюрьмѣ, гдѣ съ перваго же дня зналъ, что его ожидаетъ. Во всякомъ случаѣ, это не тотъ энергичный и полный одушевленія Сухановъ, который въ кружкѣ моряковъ, стоя среди сотоварищей въ Кронштадтѣ, подчинялъ себѣ окружающихъ, одушевлялъ сходку, и на чей-то вопросъ о правахъ и обязанностяхъ члена партіи «Народной Воли» отвѣчалъ, энергичнымъ жестомъ поднимая и опуская руку, какъ будто—бросая что-то: «Бомба—вотъ ваше право... Бомба—вотъ ваша обязанность»...

Николай Евгеніевичъ Сухановъ.

Однимъ изъ выдающихся по своему интересу портретовъ является портретъ Ю. Н. Богдановича, этого бывшаго владѣльца магазина сыровъ на М. Садовой, умершаго въ 1888 г. въ Шлиссельбургѣ. Этотъ портретъ и очень похожъ, и очень не похожъ [1]). Дѣло въ томъ, что черты лица и доброе, мягкое выраженіе лица запечатлѣны фотографіей вѣрно; но, если судить по портрету, Богдановичъ былъ красивъ. На дѣлѣ же этого не было, и онъ самъ добродушно указывалъ на это качество своего портрета. На карточкѣ онъ вышелъ брюнетомъ, въ дѣйствительно-

[1]) Воспроизводимъ этотъ портретъ. Кромѣ него выше (стр. 59), мы дали воспроизведеніе никогда не воспроизводившагося до сихъ поръ автопортрета Ю. Н. Богдановича. *Ред.*

сти его волосы были свѣтложелтые, окладистая борода—свѣтлорыжей, а цвѣтъ лица—красноватый. Въ общемъ, на фотографіи наружность Богдановича—барская, между тѣмъ, это было совершенно простое, демократическое лицо, которое, какъ нельзя бо-

Юрій Николаевичъ Богдановичъ.

лѣе, подходило къ принятой имъ въ 81 г. роли торговца. Это лицо, вмѣстѣ съ находчивостью и необыкновеннымъ умѣньемъ держаться и говорить по простонародному, послужило главной причиной, почему на его долю выпала эта важная и трудная роль. По отзыву очевидцевъ, въ качествѣ хозяина магазина, за стой-

кой, онъ въ своемъ бѣломъ фартукѣ, былъ восхитителенъ: это былъ настоящій, типичный торговый человѣкъ.

Не отличаясь красотой, наружность Ю. Богдановича была въ высшей степени симпатичной. Она привлекала своимъ мягкимъ и добрымъ выраженіемъ. Его обращеніе было полно простоты, очаровательной задушевности, а рѣчь полна тонкаго юмора. Задушевность была главной отличительной чертой его характера. Его голосъ былъ глубокимъ басомъ, мягкимъ и глубокимъ, вполнѣ гармонировавшимъ со всѣмъ его духовнымъ обликомъ. Колодкевичъ, Сухановъ и Богдановичъ были, на мой взглядъ, людьми самыми выдающимися по своей нравственной чистотѣ, людьми—совершенно идеальными... и это придавало имъ особое, чарующее обаяніе. При встрѣчѣ съ ними чувствовался, какъ мнѣ кажется, не столько дѣятель, сколько чудный человѣкъ. По крайней мѣрѣ, таково было впечатлѣніе, которое всѣ трое производили на меня. Изъ всѣхъ хорошихъ людей, которыхъ я имѣла счастье встрѣчать, эти трое были самыми лучшими.

Понятно, что портретъ Ю. Богдановича не можетъ удовлетворить меня. Онъ мнѣ лишь напоминаетъ его, но и за это можно быть благодарнымъ.

В. Н. Фигнеръ.

Къ портрету В. Н. Фигнеръ.

Въ одномъ изъ старыхъ дѣлъ департамента полиціи сохранился слѣдующій документъ отъ 9 ноября 1882 г.

«Записка для памяти. Въ виду особаго значенія и дѣятельности въ средѣ тайнаго преступнаго сообщества разыскиваемой государственной преступницы Вѣры Филипповой, предполагалось бы помѣстить въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», отъ имени департамента государственной полиціи, объявленіе объ ея розыскѣ, съ приложеніемъ фотографической карточки названной личности. Подобный способъ розыска извѣстныхъ преступниковъ нерѣдко практикуется иностранными полиціями, какъ, напримѣръ, германской и англійской».

На подлинной запискѣ рукою графа Д. А. Толстого надписано: «высочайше разрѣшено 12 ноября въ Гатчинѣ. Гр. Толстой». При запискѣ приложена фотографическая карточка В. Н. Фигнеръ. Нашъ снимокъ сдѣланъ съ этой карточки.

Исполнительный комитетъ партіи «Народной Воли» и учредительное собраніе.

Изъ воспоминаній.

Это было весной 1880 года, на Пасхѣ... Члены исполнительнаго комитета «Народной Воли» обсуждали и разрабатывали вопросъ объ учредительномъ собраніи. Тогда еще были на свободѣ всѣ столпы партіи: Желябовъ, А. Д. Михайловъ, М. Ф. Фроленко, Кибальчичъ, Исаевъ, Колодкевичъ, Т. Ив. Лебедева, Баранниковъ, А. В. Якимова, М. Н. Оловянникова. Я перечислила тѣхъ изъ членовъ исполнительнаго комитета, которые тогда находились въ Петербургѣ и принимали участіе въ сужденіяхъ объ учредительномъ собраніи.

Не совсѣмъ случайно вопросъ этотъ разрабатывался именно весной 1880 г. Зима съ ея чрезвычайно напряженной работой была пережита, а лѣтній періодъ борьбы еще не начинался. Зимніе мѣсяцы были посвящены организаціи только что возникшей осенью 1879 года партіи, увеличенію числа ея членовъ, расширенію ея связей и непосредственной борьбѣ съ самодержавіемъ. Съ этой цѣлью было осуществлено въ ноябрѣ весьма сложное по обстановкѣ и трудное по исполненію покушеніе на царскій поѣздъ. Огромную затрату силъ и энергіи потребовало основаніе партійнаго органа и непрерывное изданіе его.

Часть зимы была употреблена также на установленіе правильныхъ сношеній съ товарищами-эмигрантами, на защиту Гартмана передъ французскимъ правительствомъ, отъ котораго русскія власти требовали выдачи участника въ покушеніи на царскій поѣздъ. Февраль ознаменовался знаменитымъ взрывомъ въ Зимнемъ дворцѣ. Лѣто 1880 года должно было пройти и прошло въ дальнѣйшемъ развитіи партіи, въ основаніи новой и усовершенствованной типографіи, въ подготовкѣ новыхъ ударовъ по самодержавію.

Въ пасхальные дни 1880 года члены комитета физически нѣсколько отдыхали и поэтому имѣли возможность сосредоточить мысли на теоретической части программы партіи. 37 лѣтъ назадъ вопросъ объ учредительномъ собраніи являлся столь отдаленной еще цѣлью, что самый фактъ обсужденія его казался

*

страннымъ и непонятнымъ людямъ, стоявшимъ вдали отъ исполнительнаго комитета. Но великіе друзья народа стремились къ прозрѣнію будущаго.

Я помню незабвенное время, когда нѣсколько дней подъ рядъ не снимался съ очереди вопросъ объ учредительномъ собраніи. Какъ извѣстно, по плану, выработанному тогда исполнительнымъ комитетомъ партіи «Народной Воли», власть, присущая учредительному собранію, основывалась на всенародномъ избраніи его участниковъ. Населеніе, посылавшее въ него своихъ предста-

Анна Павловна Корба-Прибылева.

вителей, должно было знать заранѣе, что всѣ постановленія учредительнаго собранія будутъ обязательны для всей страны.

Между прочимъ, обсуждался случай, какъ поступить партіи, если народъ окажется не достаточно подготовленнымъ, чтобы оцѣнить блага республиканскаго образа правленія, и учредительное собраніе вновь возстановитъ свергнутое партіей самодержавіе. Теперь трудно вспомнить всѣ пренія, возникшія по этому поводу, но они завершились единогласнымъ рѣшеніемъ членовъ комитета: «въ видахъ избѣжанія анархіи въ странѣ, ни въ какомъ случаѣ не нарушать и не умалять верховной власти учредительнаго со-

бранія, а, слѣдовательно, признать даже царское правительство, въ случаѣ, если оно будетъ возстановлено учредительнымъ собраніемъ, но сохранить за партіей право пропаганды республиканской идеи, и это право отстаивать всѣми доступными партіи средствами». Само собой разумѣется, высказывая такое рѣшеніе, члены комитета имѣли въ виду, что выборы въ учредительное собраніе по всей странѣ произойдутъ свободно, безъ всякаго давленія съ чьей бы то ни было стороны, и что выборы не будутъ ни фальсифицированы, ни искажены какимъ-бы то ни было способомъ. При этомъ многими изъ присутствовавшихъ высказывалась увѣренность въ томъ, что народъ, ознакомившись съ сущностью республиканскаго образа правленія, никогда при помощи учредительнаго собранія не захочетъ снова наложить на себя ярмо самодержавія, если оно окажется свергнутымъ партіей «Народной Воли».

Всѣ перечисленные мною члены комитета были тогда молоды. Мало кому изъ нихъ минуло 30 лѣтъ. Обладая огромнымъ запасомъ физическихъ силъ и здоровья, они легко могли-бы дожить до теперешняго времени...

А. Прибылева (Корба).

8 декабря 1917 года.

Кладбище писемъ.

1. А. Д. Михайловъ въ дни ожиданія казни. 2. Послѣднія письма А. И. Баранникова. 3. Послѣднія письма М. В. Тетерки.

Въ архивѣ департамента полиціи сохранилось дѣло «объ исполненіи приговора особаго присутствія правительствующаго сената по дѣлу о 20 лицахъ, обвинявшихся въ государственныхъ преступленіяхъ, и по письмамъ ихъ». При этомъ дѣлѣ хранился запечатанный въ теченіе свыше трехъ съ половиною десятилѣтій пакетъ съ письмами отъ осужденныхъ по этому процессу къ ихъ роднымъ и къ осужденнымъ—отъ ихъ родныхъ. Въ 1917 году пакетъ былъ распечатанъ: въ немъ оказалось 46 писемъ, въ томъ числѣ письма Михайлова, Тетерки, Баранникова, Арончика, Тригони, Морозова, Ланганса, Терентьевой и др. Цѣлое кладбище писемъ! Эти письма были написаны по вступленіи приговора въ законную силу и были задержаны департаментомъ полиціи въ виду запрещенія какой-либо переписки осужденнымъ на каторгу и содержавшимся въ крѣпости. Письма были запечатаны въ пакетъ и похоронены въ дѣлѣ № 77 за 1882 [1]).

Изъ этого собранія писемъ мы выбираемъ письма А. Д. Михайлова, А. И. Баранникова и М. В. Тетерки, какъ наиболѣе интимныя, душевныя, вводящія въ духовный міръ ихъ авторовъ.

---

1. А. Д. Михайловъ въ дни ожиданія казни.

Неизданныя письма.

А. Д. Михайловъ—настолько крупная, настолько яркая фигура въ исторіи «Народной Воли», что каждая написанная имъ строчка должна представлять цѣнность для всѣхъ, интересующихся нашимъ революціоннымъ прошлымъ. Тѣмъ большее вниманіе должны привлечь печатаемыя ниже письма А. Д. Они написаны изъ Петропавловской крѣпости за періодъ съ 10—20

---

[1]) Дѣлопроизводство секретаря, № 77 за 1882 г., начато 12 марта 1882 г. окончено—22 февраля 1883 г., на 63 лл. Помѣтка: „хранить всегда"; пакетъ съ письмами вшитъ на 61 л. На ряду съ этимъ дѣломъ, нами использовано для настоящей замѣтки другое дѣло, тоже „объ исполненіи приговора" по дѣлу 20-ти, но отнесенное къ III дѣлопроизводству (№ тоже 77, ч. I.).

марта 1882 г. Чтобы уяснить значеніе этихъ дней въ жизни А. Д., мы напомнимъ нѣсколько хронологическихъ датъ.

25 февраля 1882 г. былъ объявленъ въ окончательной редакціи приговоръ особаго присутствія правительствующаго сената по дѣлу «20-ти»; А. А. Михайлову и еще девяти его сопроцессникамъ онъ назначалъ смертную казнь. На слѣдующій же день, 26 февраля, А. Д., вмѣстѣ съ большинствомъ другихъ осужденныхъ по этому дѣлу, былъ переведенъ изъ дома предварительнаго заключенія, гдѣ они содержались во время суда, обратно въ Петропавловскую крѣпость, въ Трубецкой бастіонъ. 11 марта окончился двухнедѣльный срокъ со дня объявленія приговора, и послѣдній вступилъ въ законную силу. Оставалось дождаться только утвержденія приговора царемъ,—и это утвержденіе было дано 17 марта, при чемъ царь «милостиво» замѣнилъ смертную казнь безсрочной каторгой всѣмъ осужденнымъ, кромѣ Суханова [1]). 19 марта, около полудня, комендантъ крѣпости, ген. Ганецкій обошелъ камеры осужденныхъ, объявлялъ всѣмъ о воспослѣдовавшей «высочайшей милости». Передъ послѣдними открылся новый, «неизвѣстной продолжительности, періодъ сумрачной жизни»...

Для А. Д. и его товарищей это были дни ожиданія казни, дни подведенія послѣднихъ итоговъ пройденному жизненному пути. Этому подъитоживанію прошлаго и посвящены письма А. Д., похороненныя въ архивномъ дѣлѣ. А. Д. Михайлову въ этомъ запечатанномъ пакетѣ принадлежитъ шесть писемъ; онъ писалъ ихъ: 10 марта—своимъ сестрамъ, 14 марта—своему защитнику во время процесса (нынѣ здравствующему) прис. пов. Е. И. Кедрину, 15 марта—своей двоюродной сестрѣ, Е. Н. Вербицкой, 17 марта—своей крестной матери и теткѣ, А. О. Вартановой, 18 марта—отцу и матери на родину, въ Путивль, 20 марта—имъ же.

Касаться содержанія писемъ мы не станемъ: они сами достаточно говорятъ за себя. Г. В. Плехановъ сказалъ объ А. Д. Михайловѣ, что онъ, подобно лермонтовскому «Мцыри», «зналъ одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть»: этой думой было счастье родины, этой страстью была борьба за ея освобожденіе [2]). Таковъ былъ А. Д. на волѣ, такимъ онъ былъ на судѣ, такимъ онъ остался и въ казематѣ Трубецкого бастіона, въ «полные значенія» въ жизни человѣка послѣдніе дни,—гляди въ глаза вплотную пододвинувшемуся призраку казни. И на казнь онъ смотрѣлъ тоже съ точки зрѣнія лермонтовскаго Мцыри, — съ точки зрѣнія борьбы за освобожденіе родины, съ точки зрѣнія впечатлѣнія, которое казнь и его поведеніе во время казни произведетъ на поколѣнія грядущихъ бор-

---

[1]) См. ниже статью: „Казнь Н. Е. Суханова". *Ред.*

[2]) „Сочиненія Г. В. Плеханова", т. I (1878—1884 гг.), Женева, 1905 г., изд. „Библ. Научн. Соціал.", стр. 122.

цовъ. Только понявъ эту страсть Михайлова, мы можемъ почувствовать всю красоту писемъ А. Д.; въ ожиданіи казни онъ лишь «воинъ, въ ночь передъ давно желанной битвой», и притомъ воинъ знающій, что онъ «одинъ въ полѣ воинъ», и сочетавшій въ себѣ способность къ холодному, отчетливому анализу фактовъ съ горячимъ энтузіазмомъ самопожертвованія...

Отмѣтимъ попутно нѣсколько другихъ, имѣющихъ интересъ для біографа А. Д. мелочей, сохранившихся въ томъ же дѣлѣ архива департамента полиціи.

Въ немъ сохранился рядъ прошеній родныхъ А. Д., хлопотавшихъ о свиданіи съ нимъ послѣ 10 марта: два отъ брата, Митрофана Дмитріевича (поданы 14 и 17 марта), одно отъ тетки, А. О. Вартановой, и два отъ двоюродной сестры, Екат. Ник. Вербицкой. Всѣ они просятъ о разрѣшеніи послѣднихъ свиданій, всѣ «умоляютъ позволить проститься по-человѣчески, безъ рѣшетокъ». На всѣхъ этихъ прошеніяхъ положены однообразныя резолюціи: «въ виду вступленія приговора въ законную силу—отклонить» [1]).

Просьбамъ о свиданій пришли на смѣну обращенныя къ директору департамента полиціи просьбы родныхъ, главнымъ образомъ, отца, сообщить ему, гдѣ его сынъ, что съ нимъ сталось. Глубокая, затаенная скорбь слышна въ нихъ... «Гдѣ теперь находится мой несчастный сынъ — я не знаю, — пишетъ отецъ А. Д. въ прошеніи отъ 30 августа 1882 г.,—не знаю я также и того, что могу-ли я писать къ нему и обратно получать отъ него письма, а потому, какъ страдающій отецъ, я обращаюсь къ вашему превосходительству съ покорнѣйшею просьбой приказать увѣдомить меня, если можно, гдѣ въ настоящее время сынъ мой находится и могу-ли я писать къ нему. Въ моемъ горькомъ положеніи вѣдь только и осталось одно утѣшеніе—это переписка, а видѣть мнѣ его уже не придется, — онъ умеръ для меня. Ваше превосходительство, снизойдите на просьбу старика-отца, и я буду молиться за васъ» [2]).

На прошеніи мы находимъ слѣдующую помѣтку, сдѣланную характернымъ почеркомъ тогдашняго секретаря департамента полиціи—С. Э. Зволянскаго: «подобныя просьбы его превосходительство г. директоръ приказывалъ оставлять безъ отвѣта» и дальше другимъ карандашемъ и другою рукою: «такъ и сдѣлать».

Такъ и было сдѣлано, — и Михайловъ-отецъ не получилъ никакого отвѣта. И нужны были огромныя усилія, рядъ прошеній и личныхъ визитовъ родныхъ А. Д. въ департаментъ полиціи, чтобы добиться—черезъ годъ послѣ суда—полученія хотя-бы

---

[1]) Резолюція на прошеніи брата, М. Д. отъ 17 марта, л. 5.

[2]) О необыкновенно теплыхъ отношеніяхъ Михайлова къ родителямъ см. въ воспоминаніяхъ А. П. Корба — „Былое", 1907, февр., стр. 119—120. См. также автобіографическія замѣтки Михайлова — тамъ-же, 1906, февр., стр. 156—173. Письма Михайлова къ роднымъ — тамъ-же, 1907, февр., стр. 121 и 1917, сентябрь, 210—217.

самаго элементарнаго разъясненія: на прошеніи сестры А. Д.— К. Д. Безмѣновой отъ 7 марта 1883 г. имѣются помѣтки: «первая—лично объясниться дир. деп. пол. Плеве» и вторая—«нился» (т.-е. объяснился). Отвѣтъ былъ полученъ, но какой—изъ дѣла не видно... Во всякомъ случаѣ — не послѣдовало разрѣшенія переписки или какихъ-либо сношеній съ А. Д.

На-ряду съ этими документами въ дѣлахъ департамента полиціи за это время хранятся и документы другого рода, — оффиціальная переписка о судьбѣ осужденныхъ, въ томъ числѣ и А. Д.

Въ дѣлѣ III дѣлопроизводства хранится всеподданнѣйшій докладъ и тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ гр. Игнатьева, отъ 17 марта 1882 г., т.-е. составленный непосредственно послѣ утвержденія приговора царемъ; въ немъ гр. Игнатьевъ предлагаетъ, впредь до открытія Шлиссельбургской тюрьмы (вопросъ о послѣдней былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ еще осенью 1881 г.), содержать осужденныхъ по дѣлу 20-ти въ Петропавловской крѣпости, не отправляя ихъ въ Сибирь. На этомъ докладѣ рукою гр. Игнатьева написана высочайшая резолюція: «высочайшее соизволеніе послѣдовало въ г. Гатчинѣ 20 марта 1882 г.» Къ докладу приложенъ списокъ осужденныхъ по дѣлу, въ которомъ краснымъ карандашемъ отчеркнуты фамиліи лицъ, намѣченныхъ къ заключенію въ Алексѣевскій равелинъ; такихъ фамилій подчеркнуто всего 10, а именно: А. Д. Михайлова, Колодкевича, М. Фроленко, Г. Исаева, Н. Клѣточникова, Баранникова, Тригони, Арончика, Морозова и Ланганса. 26 марта за № 291 департаментомъ отправлено въ крѣпость «совершенно секретное» предписаніе о переводѣ означенныхъ 10 лицъ въ равелинъ. Переводъ былъ произведенъ въ ту же ночь, и уже 27 марта комендантъ крѣпости, ген. Ганецкій, рапортуетъ (за № 188), что означенныя лица «...въ ночь на сіе число при полномъ порядкѣ и тишинѣ, переведены въ Алексѣевскій равелинъ и заключены въ отдѣльности по камерамъ съ содержаніемъ, впредь до подробныхъ указаній, на общемъ основаніи заключенныхъ въ равелинъ»...

Двери Алексѣевскаго равелина за ними захлопнулись плотно, для А. Д.—навсегда...

---

1. Сестрамъ и брату.

10 марта 1882 года. С.-Петербургская крѣпость.

Дорогіе и милые сестры мои и братъ! Обнимаю васъ, родные мои, и крѣпко, горячо цѣлую. Если это послѣдній привѣтъ мой вамъ, то пусть онъ оставитъ навсегда воспоминаніе о любви искренней и глубокой. Жизнь вдали отъ васъ, интересы, чуждые интересамъ семьи, не охладили привязанностей дѣтства и юности. Да и могло-ли быть иначе! Воспоминаніе о семьѣ, о дѣтствѣ всегда говорятъ мнѣ о счастливомъ, давно прошедшемъ времени. Въ нихъ столько мира, любви, дружбы, тихихъ радостей, что уже по одному этому люди, съ которыми связано столь свѣтлое прошлое, навсегда дороги сердцу.

Помимо этого, кровныя чувства всегда сильны были во мнѣ. Знайте же, милые, что много и сильно люблю васъ. На свое горе ясно сознаю, какъ мало я принесъ своей семьѣ, вамъ, мои родные, радостей, какъ мало служилъ ей своими силами, своими способностями. Особенно я считаю себя виноватымъ предъ вами, любыя мои, Клава и Анюта, и не могу себѣ простить того, что я не оказалъ вамъ, по легкомыслію молодости, помощи своими знаніями, въ тѣ періоды, когда могъ это сдѣлать. Я виню себя въ этомъ безъ милости. Только ваша любовь можетъ извинить меня, но и она не сниметъ съ меня горькаго упрека. Существуетъ только одно незначительное, смягчающее мою вину, обстоятельство. Гимназическая жизнь чрезвычайно тяготила меня своими тѣсными рамками. И вотъ, бывало, когда на время вырвешься изъ нея, то не знаешь, что и дѣлать отъ радости. Всего поглощаетъ свободная жизнь, неотразимо влечетъ на лоно любимой природы, упиваешься поэзіей охоты и путешествій. Не хватало силы воли принудить себя взяться за учебники. Къ тому-же, я испыталъ себя въ роли школьнаго учителя въ средѣ старовѣровъ, и не могу не признать себя плохимъ педагогомъ. Нѣтъ никакой любви къ этому дѣлу. Но все это мало оправдываетъ меня. По долгу и по чувствамъ любви, я обязанъ былъ при всякой возможности дѣлиться съ вами, мои милыя, всѣми своими знаніями. Къ сожалѣнію, прошлаго не воротишь. По свойствамъ своего характера, я не былъ расположенъ къ внѣшнему проявленію слишкомъ большой нѣжности къ близкимъ людямъ, но вы всегда встрѣчали сердечно-теплое расположеніе съ моей стороны, ясно знаменующее такія же чувства. Съ ними не могли быть связаны страстныя или порывистыя изліянія сердца, любящаго васъ глубоко и спокойно. Когда случалось необдуманно обижать или огорчать васъ, всегда вслѣдъ за тѣмъ являлось самое мучительное раскаяніе, терзавшее меня самого, вызывавшее еще болѣе нѣжныя чувства къ вамъ. Когда-же, во время моей общественной дѣятельности, силою убѣжденій и обстоятельствъ, приходилось причинять страданія своей семьѣ, то они отражались такою же болью въ моей душѣ и положили тамъ не одинъ неизгладимый слѣдъ. Особенно памятны мнѣ минуты прощанья въ 77 году, въ августѣ мѣсяцѣ, когда я, прогостивши дома одинъ день, послѣ годичной и почти безвѣстной разлуки, опять уѣзжалъ въ Москву для отбыванія ополченской повинности. Папа и мама знали, что я ни въ какомъ случаѣ на войну солдатомъ идти не желаю, знали они также и мой характеръ и понимали, что, если я уклоняюсь отъ войны, то, значитъ, меня поглотило какое-либо другое дѣло, вполнѣ отвѣчающее моимъ общественнымъ стремленіямъ. Ихъ родительское сердце подсказывало имъ, что съ того дня они не могутъ разсчитывать на меня, что теряютъ меня. Любовь не позволяла имъ предвидѣть будущее, да у нихъ и не было никакихъ данныхъ для этого, но чуткое сердце пророчило горе. О, не могу вспомнить безъ душевнаго трепета и слезъ этого прощанія. Я не рыдалъ тогда потому, что рыдали они... Это рождало мужество и желаніе своимъ спокойствіемъ утѣшить. Но когда кровныя узы съ отчаянной болью порвались и я очутился въ дорогѣ, покинулъ родное гнѣздо навсегда и оно скрылось изъ виду, чтобы никогда болѣе не показываться, я чувствовалъ себя окаменѣвшимъ. Ни сознанія, ни ощущеній. Какой-то туманъ предъ глазами. Всѣ нервы въ эти минуты отказались служить. Но моменты невольнаго и страшнаго покоя прошли. Здоровый и свѣжій воздухъ осенняго утра воскресилъ дѣятельность духа, какъ живая возстала сцена разлуки, и

тѣ же болѣзненные звуки, и любимые образы... Настали горчайшія мученія... Прошло четыре съ половиною года и какіе года... но и волны кипучей жизни не смыли ни на іоту тѣхъ ужасныхъ впечатлѣній. И теперь воспоминаніе о нихъ до глубины взволновало мою душу. Какъ большинство другихъ глубочайшихъ душевныхъ движеній, такъ и перечувствованное въ то роковое утро я никому изъ людей не открывалъ. Но теперь, хотя въ блѣдныхъ и немногихъ чертахъ, передаю вамъ, мои дорогіе, чтобы вы могли приблизиться къ пониманію, чего мнѣ стоило оторвать себя отъ семьи, отъ васъ, мои любые. Знаю, сестры и братъ, что и вы меня любите. Это вы доказали мнѣ тысячи разъ и въ важныхъ случаяхъ жизни, и въ мелочахъ. Потому я и обращаюсь съ послѣдними моими желаніями и чувствами къ вамъ, милые, откровенно и съ надеждой, что вы примите во вниманіе ихъ. Главное и сильнѣйшее мое желаніе—облегчить папѣ и мамѣ обрушившееся на нихъ горе—только вы и можете исполнить. Берегите ихъ, развлекайте, утѣшайте, не оставляйте ихъ однихъ въ деревнѣ, пока они не освоятся, не привыкнутъ къ тому, что нельзя измѣнить и въ чемъ можно даже находить и проблески непосредственнаго утѣшенія. Не давайте имъ уходить въ глубь себя, замыкаться. Въ ихъ лѣта такое состояніе чрезвычайно опасно для здоровья. Пусть не бросаютъ хозяйства, напротивъ—убѣждайте ихъ расширить его, хотя временно. Это дастъ возможность имъ убивать дѣятельно время. Старайтесь, чтобы ихъ мысли и чувства чаще останавливались на васъ, на вашей дальнѣйшей судьбѣ, чтобы они ясно ощутили (именно ощутили, почувствовали, а не поняли), что они нужны для васъ, что ихъ счастье можетъ быть связано съ вашей будущностью. Это послѣднее можетъ быть чрезвычайно дѣйствительнымъ средствомъ. Стройте съ ними различные планы своей будущей дѣятельности. Вѣдь и на самомъ дѣлѣ вамъ, милыя Клава и Анюта, необходимо пріобрѣсть самостоятельное положеніе. Вѣдь у васъ нѣтъ сколько-нибудь достаточнаго обезпеченія, кромѣ своихъ головы и рукъ. Теперь, по многимъ причинамъ, какъ нельзя болѣе кстати поднять этотъ вопросъ, чтобы къ осени рѣшить его окончательно. Весну же и лѣто я хотѣлъ бы, чтобы въ деревнѣ кто-либо изъ васъ жилъ вмѣстѣ съ ними, а Кленя отпуститъ туда же своихъ голубятъ нѣжныхъ. Такъ устроились бы къ общему благополучію, пользѣ и здоровью. Милые мои сестры и братъ, если любите меня сильно, то пусть эта любовь и моя равно глубокая привязанность ко всѣмъ вамъ будетъ залогомъ вашей семейной дружбы навсегда. Если одному изъ васъ судьба пошлетъ счастье, дѣлите плоды его между собою поровну. Разлагайте также и бремя несчастья, и навѣрное въ общемъ вы всѣ будете вдвое счастливѣе. Экономическій законъ въ принципѣ приложимъ и въ этомъ случаѣ, ибо счастливому (если онъ не грубый эгоистъ) пріятно услаждать жизнь близкихъ людей; съ другой же стороны, нѣтъ такого несчастья, которое бы въ значительной мѣрѣ не могло быть уменьшено участіемъ и помощью. Только безпомощность и одиночество отравляютъ жизнь людямъ. Вотъ мой *завѣтъ вамъ* [1]). Примите, если любите. Расцѣлуйте за меня горячо тѣ очи, которые долго будутъ лить горькія слезы! Высушите ихъ своими поцѣлуями. Я не могу этого сдѣлать, не могу, не могу!!! Передайте мой сердечный привѣтъ всѣмъ роднымъ поименно (мысленно я всѣхъ перечисляю, но здѣсь мѣста нѣтъ), передайте поцѣлуй друзьямъ дѣтства,

---

[1]) Курсивъ А. Д.

поклонъ знакомымъ и всѣмъ, всѣмъ искреннее желаніе «доли». Осыпаю васъ, родные, милые, дорогіе Кленя, Анюта, Клава и Фаня, поцѣлуями жаркими, жаркими безъ числа и мѣры... что спокоенъ я, это вы знаете. Люблю твоихъ дѣтей, Кленя, какъ своихъ. Прижимаю птенцовъ къ своему сердцу и благословляю.

Вашъ братъ и другъ до конца и тамъ, и тамъ...

А. Михайловъ.

Адресъ: Ея Высокоблагородію Екатеринѣ Николаевнѣ Вербицкой для Клеопатры Дмитріевны Безмѣновой (урожд. Михайловой).

---

2. Е. И. Кедрину [1]).

С. П. крѣпость, 14 марта 1882 года.

Многоуважаемый Евгеній Ивановичъ! Въ вечеръ нашего послѣдняго свиданія, 11 марта, предметъ бесѣды былъ такъ серьезенъ и сложенъ, такъ быстро и неожиданно наступилъ часъ необходимаго окончанія ея, что мнѣ не удалось принести вамъ въ той мѣрѣ, въ какой хотѣлъ бы, своей глубокой сердечной благодарности за оказанную вами помощь. Если она, по конечнымъ результатамъ, не была плодотворна настолько, насколько въ ней проявились благія желанія, знанія и таланты, то причиной тому, безусловно и единственно,—я и мое прошлое. Я убѣжденъ, что едва-ли кто-либо изъ другихъ защитниковъ былъ проникнутъ сознаніемъ долга и чувствами человѣчности такъ, какъ вы. Вѣрьте, я говорю отъ чистаго сердца. Въ личныхъ отношеніяхъ къ людямъ языкъ мой никогда не поворачивался для лжи и лести. Вы, по всему вѣроятію, даже при кратковременномъ нашемъ знакомствѣ, сами замѣтили это. Въ исходѣ дѣла ни вы, ни я не можемъ пенять на себя. Вы сдѣлали все, что могли. Логикой мысли вы боролись съ моими мнѣніями, испробовали всѣ сильно-дѣйствующія на сердце человѣка средства, а вдобавокъ вамъ пришлось еще тратить время и хлопоты для устраненія стѣсненій, создаваемыхъ защитѣ властною рукою. И знаете-ли, Евгеній Ивановичъ, искренно сознаюсь, что во многихъ перипетіяхъ нашего процесса вы остались побѣдителемъ надъ моей волей. Обстановка, въ которой я находился до суда въ теченіе цѣлаго года, все совершившееся за послѣднее время, все перечувствованное — накопили въ душѣ не мало жгучаго матеріала, просившаго исхода. Своимъ добрымъ словомъ вы нейтрализовали его. Вы помогли мнѣ явиться въ послѣднемъ актѣ моей общественной жизни съ необходимымъ спокойствіемъ. Въ этомъ великое значеніе защиты, какъ для правительственныхъ судебныхъ органовъ, такъ и для людей, подлежащихъ ихъ суровой карѣ. Но что же вы могли подѣлать съ фактомъ признанія кліентомъ падающихъ на него обвиненій, съ оживленнымъ участіемъ его въ судебномъ слѣдствіи? Такое поведеніе онъ считалъ нравственнымъ и общественнымъ долгомъ, руководясь желаніемъ возстановить историческую правду. Она такъ необходима тамъ, гдѣ страстности и враждебности могутъ искажать ее, гдѣ отъ искаженія проистекаютъ неисчислимыя послѣдствія. Не могу сокрушаться исходомъ ея. Не могу потому, что всѣ инстинкты и невольныя жизненныя волненія подавляю трезвымъ со-

---

[1]) См. письмо Е. И. Кедрина къ отцу А. Д. Михайлова въ «Быломъ» 1906, февр., стр. 123.

знаніемъ дѣйствительности. Я не могу признать въ себѣ одной только, такъ называемой, «злой воли». Если бы это было такъ, то собственное сознаніе было бы уже для меня смертнымъ приговоромъ. Но я глубоко понимаю, что являюсь только реагентомъ процессовъ общественно-политическаго роста родины. Вредны они или полезны, это вопросъ уже рѣшенный, но, во всякомъ случаѣ, причины ихъ внѣ насъ, и эти-то, недостаточно раскрытыя дѣломъ, но могучія пружины общественной жизни и выдавили въ извѣстную форму наказуемости волю единицъ. Это примиряетъ со всякими неизбѣжными, для судьбы отдѣльныхъ лицъ, послѣдствіями. Сожалѣю объ одномъ, что по независящимъ отъ насъ обоихъ обстоятельствамъ, я не могъ, по окончаніи дѣла, передать вамъ подробно и обстоятельно о своей жизни и дѣятельности, что невозможно было сдѣлать и на судѣ, по спѣшности и поверхности судебнаго слѣдствія. А мнѣ хотѣлось бы сдѣлать это потому, что, при существующей формѣ суда по политическимъ дѣламъ, на присяжнаго защитника невольно смотришь не только какъ на одну изъ заинтересованныхъ сторонъ, но и какъ на исповѣдника совѣсти, стоящаго ближе къ обществу, чѣмъ двѣ другія стороны. Но что-же будешь дѣлать! Небывалое стѣсненіе защиты вопіетъ само за себя. Мнѣ остается только отъ глубины души благодарить васъ, много, много уважаемый Евгеній Ивановичъ, за отношеніе ко мнѣ и къ моему дѣлу. До послѣдняго момента жизни буду съ самою горячей признательностью вспоминать о васъ. Если-бы мои пожеланія, во всей ихъ цѣльности и задушевности, были услышаны судьбой, вы были-бы окружены полнымъ счастіемъ. Желаю же вамъ въ жизни всего хорошаго!.. Остаюсь глубоко уважающій и навсегда благодарный А. Михайловъ.

P. S. Я здоровъ и спокоенъ. Къ своей радости имѣю теперь клочекъ неба и солнца.

Адресъ: Его Высокоблагородію Евгенію Ивановичу Кедрину, защитнику А. Михайлова, присяжному повѣренному с.-петербургской палаты.

---

3. Е. Н. Вербицкой.

15 марта 1882 года. С.-П. крѣпость.

Добрая и милая сестра Катерина Николаевна! Обнимаю и цѣлую васъ горячо. Какъ жаль, что мы не видались; съ вами желалъ бы проститься, расцѣловать и сердечно благодарить за теплое и заботливое дружеское вниманіе ваше, моя дорогая, ко мнѣ. Оно тѣмъ болѣе драгоцѣнно, что связано съ однимъ изъ болѣе тяжелыхъ періодовъ моей жизни. Когда вспомнишь, какую радость приносили мнѣ свиданія съ вами, какъ они оживляли меня, хочется броситься вамъ на шею и осыпать васъ самыми горячими поцѣлуями. Не испытавшему долгаго одиночнаго заключенія совершенно непонятна отрада свиданій съ родными при той обстановкѣ, при которой они происходятъ въ крѣпости. У приходящихъ они, навѣрное, оставляютъ непріятное впечатлѣніе. Но для заключеннаго въ высшей степени дороги. Ощущенія, приносимыя ими, близко подходятъ къ тѣмъ, когда человѣка, находившагося долгое время во тьмѣ, освѣтитъ теплый и яркій лучъ солнца. Вѣдь только въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ посмотришь другъ на друга, да перекинешься нѣсколькими незначительными словами, а между тѣмъ чувствуешь себя проснувшимся отъ оцѣпененія, въ которое погружаетъ полное одиночество и

замкнутые тѣсные каменные своды. Свиданія съ вами, милая, были истинно благодатны для меня. Общественнѣе меня трудно найти человѣка: люди для меня всё, безъ нихъ у меня теряются резоны жизненнаго процесса. Я не созданъ для одиночества и не подготовилъ себя къ нему, да и не могъ-бы подготовить, такъ какъ ни философомъ, ни ученымъ для однихъ отвлеченныхъ цѣлей—я не въ состояніи быть. Годъ въ крѣпости, несмотря на то, что провелъ его въ непрестанномъ чтеніи, кажется мнѣ прожитымъ во снѣ. Среди забытья и безразличнаго состоянія, въ памяти мелькаютъ только тяжелыя видѣнія. Такое состояніе не отражается на здоровьѣ, но погружаетъ въ сонъ силы души. И вотъ здѣсь-то ниточка жизни, эти рѣдкія, мимолетныя свиданія отъ времени до времени пробуждаютъ дремлющія силы и тѣмъ спасаютъ отъ опасныхъ послѣдствій долгаго такого состоянія. Знаете-ли, Катерина Николаевна, благодаря судьбу за всё дарованное ею, я особенно счастливъ тѣмъ, что имѣю такихъ искреннихъ и нѣжныхъ, родныхъ друзей, какъ вы, моя милая. И я высоко цѣню ваше вниманіе, вниманіе тети и кровныхъ родныхъ; и тѣмъ выше и свѣтлѣй мнѣ представляются эти симпатіи, что никто изъ васъ лично мнѣ не обязанъ ничѣмъ, ничего не сдѣлалъ я такого, что вызываетъ заурядныя житейскія привязанности. И даже, напротивъ, ревностное служеніе невѣдомому и непризнанному Богу могло оттолкнуть васъ отъ меня; но этого не произошло, и тѣмъ болѣе святыми являются для меня проявленія вашего добраго расположенія. Передайте мой привѣтъ и поцѣлуй всей вашей семьѣ. Еще съ дѣтства мать поселила во мнѣ привязанность къ своему любимому брату, вашему отцу. Я понялъ и самъ родственную доброту дяди Николая Осиповича и всей вашей семьи, когда, въ первый пріѣздъ въ С.-П. неопытнымъ юношей, встрѣтилъ самый родственный пріемъ и ласку. Чрезвычайно цѣню также хлопоты Николая Осиповича въ технологическомъ институтѣ, при его слабомъ здоровьѣ и преклонныхъ лѣтахъ. Цѣлую крѣпко братьевъ вашихъ Александра и Петра. Сожалѣю, что мало ихъ знаю. Родственныя чувства всегда поддерживали влеченіе сблизиться съ ними. Цѣлую сестеръ вашихъ и меньшаго брата. Пусть пошлетъ судьба вамъ всѣмъ высшее земное счастіе. Передайте дядѣ Александру Степановичу мой горячій поцѣлуй и благодарность за вниманіе. Ну, простите и прощайте, моя милая, моя дорогая сестра Катя, моя добрая утѣшительница.

На всегда вашъ, благодарный и любящій, А. Михайловъ.

Адресъ: Екатеринѣ Николаевнѣ Вербицкой.

---

4. А. О. Вартановой.

17 марта 1882 года, С. П. крѣпость.

Милая, родная тетя Настенька! Мои надежды видѣть васъ еще разъ при личномъ прощальномъ свиданіи, кажется, рушатся. Вторникъ прошелъ, и мы не видѣлись. Сегодняшній день обѣщаетъ быстрый исходъ нашему положенію. И, пожалуй, можетъ быть, завтра еще взглянемъ другъ на друга. Хотѣлось бы расцѣловать васъ, моя родная, и брата. Я совершенно въ нормальномъ, спокойномъ настроеніи духа. Читаю, пишу письма, а болѣе всего живу мыслью среди любимыхъ людей. Не чувствую страстныхъ жизненныхъ влеченій, но и безразличное состояніе чуждо моему теперешнему настроенію. Нѣтъ, я спокоенъ

такъ, какъ человѣкъ, исполнившій свою работу и не обремененный еще новой. Желаю и надѣюсь сохранить такое пріятное спокойствіе до конца. Мысль работаетъ надъ подведеніемъ жизненныхъ итоговъ родственнымъ и личнымъ отношеніямъ. Болѣе общіе уже закончены, и результаты ихъ отрадны для меня. Но въ сферѣ родственныхъ отношеній не могу чувствовать себя такъ же пріятно. Оказывается, я всѣмъ любимымъ людямъ обязанъ и не заплатилъ, съ своей стороны, почти ничѣмъ. Если такое сознаніе, по причинамъ глубокой важности' и не служитъ укоромъ, то, во всякомъ случаѣ, въ немъ много невольно скорбнаго' Такъ, я вспоминаю, дорогая тетя, мою и вашу жизнь. Въ отношеніяхъ вашихъ ко мнѣ—все, все говоритъ сердцу о самой нѣжной любви. Двацать семь лѣтъ назадъ, въ первые моменты моей жизни, вы уже играете для меня важную роль. Въ знаменательномъ христіанскомъ обрядѣ вы даете торжественные обѣты быть мнѣ второю матерью. То, что обыкновенно остается простой формальностью, имѣло для вась буквальное значеніе. Я былъ сыномъ любимой сестры вашей и сталъ дорогъ вамъ. И дѣйствительно, почти полъ жизни я провелъ вмѣстѣ съ вами въ одномъ домѣ, въ одной семьѣ. Въ самыхъ раннихъ воспоминаніяхъ дѣтства вы стоите на ряду съ матерью. Я помню, что любилъ васъ обѣихъ сильно. Но ласки ваши я помню изъ болѣе далекаго прошлаго, чѣмъ ласки матери. Эти послѣднія чаще, ординарнѣе и потому оставляютъ не такіе памятные слѣды. По всему вѣроятію, я былъ сильно отзывчивымъ къ состраданію и впечатлительнымъ ребенкомъ. Съ поразительною живостью вспоминаю теперь нѣсколько сказокъ, которыя вы мнѣ часто разсказывали. Чувства, вызываемыя ими, встаютъ въ воображеніи, какъ недѣлю назадъ имѣвшія мѣсто, а между тѣмъ, мнѣ было тогда не болѣе пяти, семи лѣтъ. Помню, мы часто съ вами оставались наединѣ, среди только спустившагося на землю сумрака вечера, въ вашей комнатѣ. Вы брали меня на руки, и я весь обращался въ слухъ. Вы разсказывали мнѣ нѣжнымъ, задушевнымъ голосомъ о томъ, какъ лиса похищала довѣрчиваго пѣтушка у его брата-котика и какъ тотъ спасалъ его, о дѣвочкѣ, бѣжавшей отъ бабы-яги и др. Хотя эти сказки повторялись изо дня въ день, но производили на меня глубочайшее впечатлѣніе. Не самый разсказъ интересовалъ меня, а мнѣ любо было представлять себя въ положеніи пѣтуха, уносимаго изъ родного и милаго домика, дѣвочки, похищенной бабой-ягой, испытывать ихъ страданіе, ихъ отчаяніе. Я способенъ былъ силой воображенія поставить себя на ихъ мѣсто и въ эти моменты испытывалъ дѣтски глубокую тоску и томленіе, но странно: я чувствовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и наслажденіе. Эти фантастическія ощущенія такъ были сильны, что изъ всѣхъ раннихъ дѣтскихъ воспоминаній сохранили наибольшую свѣжесть. Много другихъ ласкъ и нѣжностей вашихъ мнѣ навсегда памятны. Вообще, съ вашей комнатой связаны почти всѣ дѣтскія радости. Должно быть, въ раннемъ дѣтствѣ я чувствительнѣе все принималъ отъ васъ, чѣмъ отъ матери, хотя любилъ послѣднюю, конечно, сильнѣе. Но она иногда наказывала меня, вы же никогда, а это дѣтьми сильно чувствуется. Для меня несомнѣнно, что вы, своимъ добрымъ и честнымъ характеромъ, имѣли большое вліяніе на образованіе хорошихъ задатковъ во мнѣ. Съ колыбели я былъ окруженъ добрыми, честными и справедливыми людьми. Житейская грязь, мелочныя чувства, злоба, интрига чужды были нашей семьѣ. Потомъ, когда я столкнулся съ жизнью во всей ея наготѣ, понялъ только, что счастливъ своей семьей, что она одна изъ рѣдкихъ русскихъ семей средняго состоянія, такъ какъ въ нихъ, обыкновенно, царитъ кромѣшная

тьма. Вы самоотверженно способствовали, моя дорогая, укрѣпленію началъ, положенныхъ семейною жизнью. Первый годъ гимназической жизни легко могъ бы сильно-отрицательно повліять на меня, попади я одиннадцатилѣтнимъ мальчикомъ въ большой городъ, въ среду чужихъ людей, прямо изъ мирной семейной обстановки. Любовь побудила васъ ѣхать со мною. Подъ вашимъ крыломъ я сберегъ то, что было хорошаго во мнѣ, и научился бороться съ нечистыми жизненными вѣяніями. Помощь, оказанная вами при первыхъ шагахъ моей самостоятельной жизни въ положеніи гимназиста, чрезвычайно велика и имѣла большое значеніе для меня. Она подготовила къ послѣдующей одинокой жизни среди чужихъ, въ Новгородсѣверскѣ. Научившись, подъ вашимъ руководствомъ, отстаивать свои, ранѣе пріобрѣтенныя понятія, я, хотя и тяготился одиночествомъ, но не боялся уже его. Среда, тѣсно связанная съ гимназіей и учениками, въ которую я попалъ въ Новгородсѣверскѣ, сразу стала для меня антипатична. Въ ней я не видалъ ничего, похожаго на мою семейную жизнь, и вмѣстѣ съ тѣмъ она окружала со всѣхъ сторонъ. Въ нее входили и учителя гимназіи, и квартирные хозяева, и товарищи-гимназисты. На всѣхъ ихъ лежалъ отпечатокъ чего-то непріятнаго, холоднаго, злого. Я ощущалъ тяжесть того, что впослѣдствіи ясно понялъ, чему сознаніе нашло общія причины. Меня тяготила безпринципность, холодный эгоизмъ, грубость, безчеловѣчность окружавшихъ людей. Плохо бы пришлось, если бы я ранѣе не сталкивался съ чужими людьми, когда жилъ съ вами въ Кіевѣ. А теперь я уже умѣлъ, до нѣкоторой степени, сравнивать и оцѣнивать свои мысли и поступки съ тѣмъ, что видѣлъ въ другихъ. Я понялъ, что вокругъ меня скверная жизнь, отъ которой надо сторониться. Научился заглядывать въ себя и пополнять недостатокъ хорошихъ людей идеалами. Меня мучила потребность имѣть возлѣ себя близкаго, хорошаго, любимаго человѣка, на которомъ сосредоточивались бы лучшія чувства и мысли. Но такого не было. И, вотъ какъ-то невольно, безсознательно закралась въ душу привязанность къ образу одной незнакомой дѣвочки, который представлялся мнѣ подобіемъ ангела. Это чистое чувство до нѣкоторой степени заполняло отсутствіе близкихъ людей и мирило съ жизнью среди недобрыхъ людей и непривлекательныхъ нравовъ. Оно внесло въ тяготившую меня гимназическую жизнь свѣтлую полосу, оно согрѣвало меня въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Перечувствовавъ непріятную тяжесть одиночества, я легко принималъ къ сердцу такое же положеніе другихъ и сталъ стремиться облегчать его. И такъ, моя милая, вы видите, что поддержка ваша въ первый годъ гимназической жизни поставила меня прочно на почвѣ борьбы съ житейской пошлостью, такъ что и одинокая жизнь потомъ уже не могла вредно вліять на меня и даже, напротивъ, пробудила чистыя, рыцарскія чувства. Надолго насъ судьба разлучила послѣ жизни въ Кіевѣ, но теперь, въ нелегкій періодъ жизни, вы опять стараетесь быть возлѣ меня, хотя сколько-нибудь облегчить мое положеніе. Милая и дорогая моя, все, что вы сдѣлали для меня, и сердце мое—говорятъ мнѣ, что вы исполнили обѣтъ крестной матери въ полномъ, возвышенномъ смыслѣ. Вы были для меня второю матерью. Но заплатилъ-ли я вамъ чѣмъ-либо?! Я люблю и любилъ васъ сильно—вотъ и вся моя плата! Но вѣдь вы приносили для меня жертвы! А я ничего, ничего!! Это горько и больно сознавать!! Одна надежда на вашу святую любовь, которая не требуетъ возмездія. Милая, родная моя, примите горячую любовь и объятія отъ благодарнаго племянника и духовнаго сына. Пусть хотя сколько-нибудь это запла-

титъ за все сдѣланное для меня. Цѣлую бѣднаго Василія Ивановича. Отъ души сожалѣю о его болѣзни и желаю выздоровленія. Пусть живетъ еще долго, вѣдь онъ молодъ. Цѣлую-же васъ, дорогая и милая тетка и мать, крѣпко, крѣпко! Весь вашъ Александръ Михайловъ. Цѣлую всѣхъ родныхъ и брата. Цѣлую Александра Степановича, цѣлую Катю и ея семью. Цѣлую Анну и всѣхъ сестеръ.

Адресъ: Екатеринѣ Николаевнѣ Вербицкой для Анастасіи Ѳсиповны Вартановой.

---

5. Матери и отцу.

1882 года 18 марта. С.-П. крѣпость.

Милые, много-любимые папа и мама. Цѣлую васъ много разъ, обнимаю съ горячей любовью. Умоляю васъ, во имя всего дорогого, не скучайте, не предавайтесь безнадежной тоскѣ, не надрывайте свои силы. Во имя вашей любви ко мнѣ прошу обратить всѣ сильныя чувства и надежды на сестеръ и брата. Они при васъ и имѣютъ большее право на ваше вниманіе и заботы. Они во много разъ болѣе заслуживаютъ памяти о нихъ, чѣмъ я. Понимаю, что многолѣтней кровной привязанности невозможно произвольно вырвать изъ сердца, но охладите ее болѣе горячими чувствами къ другимъ дѣтямъ. Это и разумно, и справедливо, и возможно. Вы бы побывали въ моемъ сердцѣ, заглянули въ душу. Я знаю, васъ болѣе всего мучитъ мысль, что я страдаю, что я несчастливъ. Повѣрьте, ваше родительское воображеніе преувеличиваетъ все это, по крайней мѣрѣ, въ десять разъ. Все это время я имѣлъ свиданія съ сестрой, тетей и братомъ. Они приходили со слезами, а уходили со смѣхомъ. Они были обрадованы, утѣшены тѣмъ, что видѣли. Невозможно не вѣрить ихъ общему впечатлѣнію. Разъ, два я могъ бы еще принять веселый, оживленный видъ, но вѣдь я видался съ ними въ продолженіе этого мѣсяца много разъ, выходилъ къ нимъ иногда, даже не зная, зачѣмъ меня вызываютъ въ пріемную, и всегда они встрѣчали меня въ одномъ и томъ же настроеніи. Конечно, я не скажу, чтобы я былъ вполнѣ счастливъ. Лишеніе свободы большое горе, разлука съ дорогими людьми и друзьями не меньшее. Но изъ всѣхъ созданій природы, человѣкъ — самый выносливый, самый способный сживаться со всякими условіями жизни. Привыкаешь и къ неволѣ, и къ одиночеству, такъ что ни то, ни другое не причиняютъ постоянныхъ страданій. Въ моемъ положеніи многія горькія чувства затихаютъ скорѣе, чѣмъ при жизни среди людей. Я увѣренъ, что вы мучитесь гораздо болѣе, чѣмъ я, и много, много милліоновъ испытываютъ на волѣ болѣе тяжелое положеніе, чѣмъ я въ неволѣ. Если бы не было страданій, зависящихъ отъ условій жизни на волѣ, не было бы и самой неволи. Не смотрите, дорогіе, вполнѣ отрицательно на мое положеніе. Это будетъ ошибка съ вашей стороны. Среди однообразной, бѣдной радостями жизни, согрѣваютъ меня блаженныя, глубокія чувства, я въ нихъ нахожу свое счастіе. Душевное спокойствіе, отсутствіе сомнѣній и вѣра въ будущее помогаютъ переносить и крупныя и мелкія неудобства и лишенія. Давно привыкъ я условія личной жизни отодвигать на второй планъ и подчинять ихъ высшимъ внутреннимъ побужденіямъ. Если я не въ разладѣ съ своимъ внутреннимъ міромъ, мнѣ легко переносить самыя отвратительныя условія жизни. Теперь же обстановка,

въ которой я нахожусь, сравнительно еще очень, очень удовлетворительная. Я не могу пенять на нее ни въ какомъ смыслѣ. Помѣщеніе, въ которомъ я живу, хорошее, свѣтлое. Я пользуюсь вдоволь своей провизіей, денегъ имѣю достаточно. Гуляю каждый день, читаю, пишу письма. Обидъ никакихъ не испытываю. Чего же еще болѣе! Къ будущему, наступитъ-ли оно завтра или чрезъ недѣлю, я совершенно готовъ. Оно меня не пугаетъ ни мало, чтобы ни сулило. Во всякомъ исходѣ есть свои пріятныя стороны. Не скучайте-же, мои любые; развѣ можно убиваться, когда самый предметъ горя находится въ положеніи, его удовлетворяющемъ, въ положеніи, съ которымъ онъ мирится. Мнѣ непріятно, очень непріятно и больно было вмѣшательство папы въ мое дѣло. Но съ совершившимся ничего не подѣлаешь. Да проститъ васъ судьба! Безъ числа цѣлую васъ, безпредѣльно-любимые. Остаюсь навсегда вашъ сынъ Александръ Михайловъ.

Адресъ: Дмитрію Михайловичу Михайлову. Путивль, курской губ.

---

6. Роднымъ.

20 марта 1882 года. С.-П. крѣпость.

Милые родные мои! Судьба нѣсколько измѣнила ожидавшійся мною исходъ, открывъ еще, неизвѣстной продолжительности, періодъ для моей жизни. Государь, своею волею и иниціативою, замѣнилъ мнѣ смертную казнь безсрочной каторгой. Много ранѣе полученія этого письма вѣсть о совершившемся дойдетъ до васъ, мои дорогіе. Радость ваша будетъ велика: вы такъ сильно любите меня, такъ страстно желаете думать о мнѣ, какъ о живомъ,—ибо съ жизнью вяжутся самыя невозможныя надежды. Радуюсь и я горячо вашему утѣшенію. Согласенъ также что, какъ нѣтъ тьмы безъ доли свѣта, такъ нѣтъ жизни безъ проблеска надеждъ. У васъ, навѣрное, является справедливое желаніе знать, какъ провелъ я послѣдніе дни. Слова «послѣдніе дни» въ жизни человѣка всегда полны рокового значенія, хотя очень и очень часто на самомъ дѣлѣ эти дни проходятъ безъ чего-либо значительнаго для переживавшаго ихъ. Для меня послѣдніе дни, обратившіеся теперь въ преддверіе новой, сумрачной жизни, также не принесли съ собою новыхъ чувствъ и впечатлѣній. Что болѣе характерно въ нихъ, тѣмъ подѣлюсь съ вами.

Вамъ уже, мои милые, извѣстно, что мысль о возможности близкой смерти мнѣ далеко не нова. Еще на волѣ для меня, какъ для большинства изъ насъ, было время сложныхъ душевныхъ процессовъ, болѣе или менѣе продолжительныхъ, послѣ которыхъ обыкновенно окончательно складывается человѣкъ въ такомъ или иномъ смыслѣ. Путь, по которому шелъ я послѣдніе два, три года моей общественной дѣятельности, требуетъ, чтобы предварительно была окончена эта психическая работа. Въ связи съ ней необходимо рѣшаешь и вопросъ о своей жизни, рѣшаешь, конечно, въ томъ смыслѣ, что отказываешься отъ своего «я» и въ настоящемъ, и въ будущемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ пріучаешь себя и къ мысли о смерти. Каждый случай смерти близкихъ людей, кромѣ различныхъ другихъ вліяній, имѣетъ еще таинственное свойство манить въ міръ дорогихъ тѣней. Кромѣ сознательныхъ, идейныхъ влеченій, въ душѣ зарождаются влеченія психо-симпатическія,—глубокія и сильныя. Они помогаютъ удивительно примиряться съ мыслью о смерти. Примиренный съ нею, попалъ я въ условія неволи, и здѣсь, въ продолженіе 15 мѣсяцевъ, успѣлъ еще болѣе привыкнуть къ ней. Здѣсь проис-

ходили последніе процессы борьбы съ инстинктами жизни. Особенно памятна мнѣ весна и лѣто 81 года. Приходилось побороть врожденную любовь къ простору, къ свѣту, къ природѣ, къ небу, ясному, голубому небу. Борьба эта не легка! Она, вмѣстѣ съ условіями жизни, сильно разстроила мнѣ нервы, которые не поддавались ничему другому: ни потрясающему горю, ни всеохватывающей радости, ни величайшей опасности. Но наступили осень и зима и принесли мнѣ покой, а съ нимъ возвратилась и упругость нервовъ. Съ мыслью о смерти я уже окончательно примирился, всѣ влеченія, не соотвѣтствующія дѣйствительности, наконецъ, умолкли. Двухмѣсячный судебный періодъ оживилъ меня, вызвалъ всѣ таившіяся нервныя силы и чувства. Это счастливое время, я его никогда не забуду. Пріятно даже подъ страхомъ десяти смертей говорить свободно, исповѣдать свои убѣжденія, свою лучшую вѣру. Пріятно спокойно взглянуть въ глаза людямъ, въ рукахъ которыхъ твоя участь. Тутъ есть великое нравственное удовлетвореніе. Можетъ быть, не многіе согласятся со мною, но я готовъ еще разъ отдать жизнь свою за такихъ нѣсколько дней. Процессъ возвратилъ мнѣ, хотя на короткое время, жизнь полною грудью, всѣми силами души, и если бы меня уже не было теперь, я умеръ бы по своему счастливымъ. Понятно, что я ждалъ исполненія приговора совершенно спокойно. Приближеніе къ роковому дню не измѣняло и въ малой степени обыкновеннаго настроенія. Даже рѣдко приходило на мысль, что я одной ногой нахожусь въ могилѣ. А когда и думалъ объ этомъ, то какъ-то черезчуръ по философски, въ духѣ словъ пѣсни: «а смерть придетъ, помирать будемъ». Это происходило отъ привычки къ извѣстной мысли. Нѣсколько разъ, однако, возбужденное почему-либо воображеніе рисовало картину послѣднихъ часовъ и минутъ, картину полную трагизма. Тогда я чувствовалъ сильный подъемъ духа, доходившій до экстаза. Теперь это дѣло прошлое, и я могу сказать, что это въ высшей степени блаженное состояніе. Особенно ажитированно я провелъ нѣсколько часовъ вечера въ четвергъ, 18 числа. Мнѣ неизвѣстно было движеніе дѣла о представленіи приговора на высочайшее усмотрѣніе. Зналъ только, что докладъ будетъ въ среду, 17 марта. Поэтому я могъ предполагать, что исполненіе приговора возможно уже съ утра четверга. Прошла среда, наступилъ четвергъ, но ничто не возбуждало ожиданія, да и не было наклонности къ нему. Но въ теченіе четверга я рѣшилъ, что если будетъ исполненіе смертныхъ приговоровъ, то непремѣнно въ пятницу. Рѣшеніе было чисто логическое, чувства не играли въ немъ никакой роли. Въ четвергъ я написалъ письмо папѣ и мамѣ, а вечеромъ, часовъ до одиннадцати, читалъ. Потомъ сталъ ходить, размышляя, отъ-нечего дѣлать, о завтрашнемъ днѣ. Мнѣ странно казалось, что не предлагаютъ священника, ибо, судя по прошлому, это дѣлалось обыкновенно съ вечера. «Неужели и завтра не будетъ исполненія?.. Но тогда когда-же будетъ?! Неужели въ вербную субботу?» Вообще, я не зналъ, что думать. Постепенно мысли перешли къ вѣроятному завтрашнему печальному кортежу и повели къ сильному возбужденію. Я воображалъ себя среди товарищей, такъ же спокойно смотрящихъ въ очи смерти, мнѣ представлялось мое душевное состояніе въ самомъ радужномъ свѣтѣ. Въ ушахъ звучали тѣ вдохновенныя пѣсни, которыя пѣвались въ кругу друзей. Отрадныя картины и милые образы, мелодіи и чудные аккорды, оставшіеся въ памяти, и, наконецъ, предстоящее завтра,— все это наполнило душу ярко, живо, предметно. Я чувствовалъ себя такъ, какъ долженъ чувствовать воинъ въ ночь передъ давно желанной битвой. Я нахо-

*

дился въ состоянiи величайшаго вдохновенiя. Порывъ души всецѣло вливался въ музыку чувствъ и звуковъ. Мнѣ страстно хотѣлось пѣть. Мотивы любимыхъ пѣсенъ невольно переходили въ невѣдомыя мелодiи, въ нихъ отражалось вдохновенiе. Будь я музыкантъ, я былъ-бы въ тѣ минуты композиторомъ. Такое всеохватывающее и всевластное состоянiе духа находитъ не часто и скоро уходитъ, но его минуты незабвенны. Невольно вѣришь въ присутствiе въ человѣкѣ того огня неба, который самопожертвованно похитилъ Прометей и сообщилъ людямъ. Въ памятный вечеръ, къ часу ночи насталъ для меня полный покой. Я находилъ себя готовымъ къ послѣднимъ минутамъ, но теченiе мыслей было самое обыкновенное, прiятное и разнообразное. Скоро я легъ спать и безмятежно, крѣпко заснулъ. Ни сновъ, ни тревожныхъ пробужденiй, ничего не было въ ту ночь. Часовъ въ 8 утра, въ пятницу, я всталъ въ такомъ-же настроенiи, какъ и легъ. Обыкновенный дневной порядокъ одиночнаго заключенiя ничѣмъ не нарушался. Не измѣнялось и мое душевное состоянiе. Я былъ убѣжденъ, однако, что въ тотъ день выяснится окончательно наше положенiе. Но казней я въ тотъ день не ждалъ, не видя ни въ чемъ предвѣстiя, которое навѣрное открыла-бы привычка къ наблюдательности. Часовъ въ $11^1/_2$ утра вошелъ въ мою камеру комендантъ въ сопровожденiи какого-то гражданскаго чиновника и смотрителя. Я въ это время ходилъ и, увидѣвъ гостей, раскланялся съ ними. Между комендантомъ и мной произошелъ слѣдующiй разговоръ: «Вамъ извѣстенъ приговоръ?»—«Да, извѣстенъ»—«Какой?»—«По отношенiю ко мнѣ?.. Я приговоренъ къ смерти».—«Ну, такъ государь высочайшимъ своимъ милосердiемъ даровалъ вамъ жизнь и повелѣлъ сослать въ каторжныя работы безъ срока. Молитесь Богу!!» Послѣднiя слова произнесены были съ большимъ чувствомъ. Затѣмъ комендантъ быстро ушелъ, и я остался самъ съ собою. Первыми мыслями были: радъ или не радъ этому важному извѣстiю, и если не радъ, то почему? Говоря чистую правду, я принялъ эту, благую для каждаго человѣка вѣсть совершенно равнодушно. Это произошло потому, что мнѣ не сообщили объ участи близкихъ товарищей, а я все время находился въ такомъ настроенiи, что могъ искренно порадоваться только сохраненiю ихъ жизни. Меня лично смерть не пугала, а иногда даже просто манила, но представленiе о смерти ихъ дѣйствовало тяжело, подавляюще. Очень можетъ быть, что каждый изъ насъ находился въ такомъ положенiи, и это очень естественно. Своя смерть можетъ приносить удовлетворенiе, но смерть друга, товарища, просто человѣка и даже врага, вселяетъ только тяжелыя чувства. И меня съ первыхъ минутъ начала мучить неизвѣстность: что сталось съ товарищами? Равнодушiе къ извѣстiю перешло въ томительную тревогу. Случай усилилъ ее и довелъ до состоянiя пытки. Чрезъ раскрытыя форточки долетѣли до слуха звуки военнаго марша. Очевидно было присутствiе войскъ въ крѣпости. Явилось ужасное предположенiе, что въ тѣ минуты совершаются казни... И бездыханные трупы мелькнули въ воображенiи... Безпомощность, величайшiя муки неизвѣстности, безпощадная горечь душили меня. Я глубоко сокрушался, что не съ ними. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать. Звать смотрителя и просить сообщить о происходящемъ? Но, во-первыхъ, ему теперь не до меня, а во-вторыхъ, если комендантъ ничего не сказалъ, не скажетъ и онъ. Прислуга и подавно ничего не скажетъ. Безпомощность полная! Долго я находился въ такомъ убiйственномъ состоянiи. Часы тянулись медленно. Но я ничего не узналъ и вечеромъ, и на другой день, и теперь ничего не знаю. Если я теперь немного и успокоился, то все-таки тя-

желая неизвѣстность давитъ меня. Я не теряю надежды, что намъ сообщатъ приговоръ въ верховной санкціи. Печальная дѣйствительность лучше такой неизвѣстности. Я все-таки радъ тому, что теперь съ васъ, мои милые, мои дорогіе, снято тяжелое бремя безнадежнаго и неутѣшнаго горя. Не печальтесь и обо мнѣ! Я буду стараться по возможности, насколько позволяютъ условія жизни, сохранить здоровье. А о душевномъ моемъ состояніи еще болѣе не безпокойтесь. Я увѣренъ, что оно будетъ попрежнему спокойное. Я человѣкъ выносливый и приспособляющійся ко всякимъ условіямъ. Кромѣ того, въ чувствахъ и въ воспоминаніяхъ находится матерьялъ на много лѣтъ жизни. И такъ, утѣшьтесь и да будетъ съ вами миръ, счастіе и любовь навсегда!! Мое сердце будетъ такъ-же съ вами вѣчно! Если будетъ возможно, буду писать вамъ. Письмо Клепи изъ Москвы, отъ 15 марта, получилъ 20 марта. Благодарю ее, мою любую и милую сестру, за ея жаркія и сердечныя письма. Они меня безконечно радовали и навсегда останутся памятны отъ слова до слова. Ея любовь и утѣшенія неоцѣненны, и только судьба можетъ наградить ее за нихъ. Цѣлую горячо и страстно Анну и всѣхъ сестеръ. Цѣлую мною любимаго Фаню. Осыпаю поцѣлуями папу и маму. Да проститъ ихъ любовь горе, причиненное мною! Цѣлую всѣхъ родныхъ, шлю привѣтъ знакомымъ. Я писалъ вамъ письма слѣдующія, въ мартѣ мѣсяцѣ: отъ 3-го папѣ и мамѣ въ Путивль, а также имъ отъ 18-го. Сестрамъ чрезъ Катю отъ 5 и 10, Катѣ отъ 15, тетѣ чрезъ Катю отъ 17. Получили-ли вы ихъ? Жаль, что вы не пишете мнѣ.—Ну, простите же, мои любые. Не поминайте лихомъ. Еще разъ цѣлую васъ всѣхъ. Навсегда вашъ Александръ Михайловъ, 21 м.

Адресъ: Екатеринѣ Николаевнѣ Вербицкой для Клеопатры Дмитріевны Безмѣновой, ур. Михайловой.

---

2. Послѣднія письма А. И. Баранникова.

Три письма А. И. Баранникова, присужденнаго по дѣлу 20-ти въ 1882 г. къ безсрочной каторгѣ и погибшаго въ Алексѣевскомъ равелинѣ, адресованы: первое — отъ 14 марта, въ домъ предварительнаго заключенія, Елизаветѣ Николаевнѣ Оловенниковой, вначалѣ привлеченной по этому дѣлу 20-ти, но потомъ устраненной изъ него вслѣдствіе душевнаго заболѣванія; второе, приложенное къ первому письму, тоже отъ 14, къ сестрѣ Оловенниковой, Наталіи Николаевнѣ, заботившейся объ А. И. во время его содержанія въ домѣ предварительнаго заключенія (во время суда); Марія Николаевна, о которой упоминается въ послѣднемъ письмѣ — третья сестра Оловенникова — М. Н. Полонская-Ошанина; третье письмо—отъ 20 марта—сестрѣ А. И., Надеждѣ Ивановнѣ Якубовичъ, въ г. Путивль, курской губ., и, наконецъ, послѣднее — брату А. И., Василію Ивановичу Баранникову, въ г. Рущукъ (Болгарія), гдѣ онъ служилъ начальникомъ артиллерійскаго склада.

---

14 марта 1882 г.

Сначала удивлялся, потомъ злился, наконецъ началъ безпокоиться, но все это ни къ чему не вело: вы продолжали молчать. Съ сентября и до половины января я не имѣлъ объ васъ никакихъ свѣдѣній. Масса предположеній, одно хуже другого, являлось въ моей головѣ, но дѣйствительность, признаюсь, превзошла самыя мрачныя изъ нихъ. Что съ вами, дорогая кузина, зачѣмъ такъ скоро свалились вы, зачѣмъ..., зачѣмъ...., и пр.? Эхъ, вы, молодые люди, то-ли дѣло мы, старики! Посмотрите, какими молодцами всѣ выглядимъ до сихъ поръ!!. Поудержусь, впрочемъ, отъ такого рода замѣчаній,—Господь васъ знаетъ, какъ вы еще отнесетесь къ нимъ, — обращусь прямо къ дѣлу. Предварительное замѣчаніе. Я никогда не рѣшился-бы безпокоить васъ этимъ четвертымъ своимъ письмомъ (не получивши предварительно отвѣта на три предыдущія), если-бы необходимость не заставила меня сдѣлать это. Дѣло, видите-ли, вотъ въ чемъ. Ваша сестра, Наталья Николаевна, нѣсколько дней тому назадъ передала для меня деньги. Тюремныя правила требуютъ, чтобы я извѣстилъ ее о полученіи, но такъ-какъ адресъ вашей сестры мнѣ неизвѣстенъ, а она его не оставила, то я и осмѣливаюсь покорнѣйше просить васъ прилагаемое при семъ письмо передать въ ея руки. Еще одна просьба (не слишкомъ-ли много!). Въ переплетной мастерской дома предв. заключ. находится, или, по крайней мѣрѣ, находилась моя книга—Бокль. Если она уже готова, а это несомнѣнно, то попросите кого-нибудь изъ начальства мнѣ ее переслать. Низкій поклонъ и пр. знаки глубокаго уваженія шлетъ вамъ вашъ покорнѣйшій слуга и вмѣстѣ все еще вашъ А. Баранниковъ. Отвѣтите-ли вы?

P. S. Если вамъ почему-либо не передадутъ приложенія къ сему письму, то пришлите мнѣ адресъ Наталіи Николаевны: я отправлю тогда къ ней.

Адресъ: Елизаветѣ Николаевнѣ Оловенниковой. Здѣсь, Шпалерная, д. предв. закл.

---

14 марта 1882 г.

Многоуважаемая и вмѣстѣ добрѣйшая Наталья Николаевна! Слѣдовать заповѣдямъ Христа, конечно, очень похвально, но и тутъ, мнѣ кажется, должны быть извѣстны границы. Когда вы хотите, напримѣръ, облегчить положеніе заключеннаго въ темницѣ, то нельзя сообразоваться только съ безконечной добротой вашего сердца, а нужно принимать во вниманіе еще и отношеніе этого заключеннаго къ вещественнымъ выраженіямъ вашихъ стремленій къ спасенію. Я съ удовольствіемъ принималъ въ продолженіе 2-хъ недѣль произведенія бр. Елисѣевыхъ, Рабона и др., съ благодарностью взялъ переданныя вами 25 р, но вы этимъ не ограничились и... пересолили. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ было очень, очень непріятно получить отъ васъ еще разъ деньги и бѣлье (!!), а между тѣмъ отказаться отъ нихъ я уже не могъ, потому что узналъ о нихъ только на второй или на третій день послѣ того, какъ вы ихъ принесли. Подумайте-же, Наталья Николаевна, о моемъ нехорошемъ настроеніи и не ухудшайте его. Видите-ли, стоитъ-ли послѣ этого заботиться о людяхъ, когда они... такіе невѣжи: вмѣсто благодарностей посылаютъ еще выговоры! Посовѣтуйте Любовь Даниловнѣ похлопотать о формальномъ разводѣ. Бракъ мой съ Марьей Николаевной, какъ я узналъ, не можетъ считаться законнымъ, а потому устроить это будетъ не трудно, у нея-же, да и вообще у васъ, благодаря этому, цѣлая гора съ плечъ свалится: не придется считать

въ числѣ своихъ родственниковъ лишеннаго всѣхъ правъ состоянія и пр. Признайтесь, непріятно вѣдь это? А засимъ, позвольте мнѣ выразить вамъ и вашему семейству свое глубокое уваженіе, благодарность и пр.

А. Баранниковъ.

P. S. Деньги 100 р. я получилъ 11 сего марта.

---

20 марта 1882 года.

Нѣсколько дней тому назадъ получилъ, дорогія сестры, ваше письмо. Нехорошее впечатлѣніе произвело оно на меня. «Столько надеждъ возлагалось на тебя и вдругъ!»... вотъ нотка, которая звучитъ въ каждомъ вашемъ словѣ. Но неужели же вы до сихъ поръ все еще продолжали питать тѣ «розовыя», но—увы—несбыточныя надежды, которыя наполняли восторгомъ 7—8 лѣтъ тому назадъ сердце моей жизни; неужели вы все еще разсчитывали видѣть меня въ красныхъ штанахъ, въ генеральскомъ мундирѣ, со шпорами на ногахъ...; неужели, наконецъ, не ясно для васъ было, что я пошелъ по другой совсѣмъ дорогѣ, по дорогѣ, которая, рано или поздно, а должна была привести меня на скамью подсудимыхъ?? Если, несмотря на все, что случилось со мной въ послѣдніе годы, несмотря на мои весьма и весьма недвусмысленныя письма, въ которыхъ я подготовлялъ васъ къ грядущему, если, говорю, несмотря на все это, вы продолжали пребывать при своихъ прежнихъ мечтаніяхъ, то мнѣ остается только удивляться, да еще развѣ посовѣтовать теперь, по крайней мѣрѣ, оставить эти мечты и примириться уже не съ грядущимъ, а съ совершившимся. Оставимъ, впрочемъ, это: слишкомъ ужъ надоѣло писать постоянно одно и то-же, кстати и другая тема наготовѣ—праздники. Во-первыхъ, исполнимъ христіанскій обычай и похристосуемся, во-вторыхъ, примите мое поздравленіе съ этимъ праздникомъ и, какъ водится, пожеланіе провести его въ мирѣ, любви и согласіи; въ-третьихъ, передайте мое поздравленіе и троекратный поцѣлуй дорогой мамѣ, Виктору Александровичу, племянницамъ, всѣмъ роднымъ и знакомымъ. Погода въ Петербургѣ прекрасная, совершенно весенняя, кажется, сегодня вскрылась Нева; думаю такъ потому, что слышалъ пушечные выстрѣлы и пр., и пр. Прощайте, всего хорошаго, цѣлую васъ всѣхъ, вашъ А. Баранниковъ. Маша, продолжаешь-ли ты читать, окончила-ли Соловьева, занимаешься-ли въ прогимназіи? Надя, знаю, погружена въ хозяйство. Какъ здоровье мамы? Радуюсь, что ты, Надежда, наконецъ поправилась. Денегъ мнѣ не присылайте, меня ихъ теперь много.

Путивль, курской губ., Надеждѣ Ивановнѣ Якубовичъ.

---

20 марта 1882 г.

Дорогой братъ! Еще 11 числа получилъ повѣстку о деньгахъ, но письма почему-то до сихъ поръ еще нѣту. Терпѣніе, впрочемъ, одно изъ лучшихъ качествъ человѣческаго характера, а потому я терпѣливо ожидаю. Но зачѣмъ ты мнѣ такъ много прислалъ, что я съ ними буду дѣлать? Больше, пожалуйста, не присылай никогда, а за эти большое спасибо! Послѣднее письмо отправилъ 2 марта, не писалъ до сихъ поръ въ ожиданіи твоего письма, но, какъ видишь, не дождался. Поздравляю васъ всѣхъ съ праздникомъ, каждаго трижды.

цѣлую, желаю въ продолженіе его (да и вообще) радоваться и веселиться. Аминь. Въ этомъ письмѣ, по настоящему, нужно было-бы окончить изложеніе нашего процесса, которое я началъ 2 марта, но, право, въ немъ ты не встрѣтишь ничего интереснаго; съ моей стороны были короткіе отвѣты, въ которыхъ я говорилъ объ участіи своемъ въ томъ или другомъ дѣлѣ, даже и при предъявленіи обвиненія въ принадлежности къ тайному сообществу мнѣ не пришлось излагать цѣлей и средствъ партіи Народной Воли, такъ какъ раньше меня на тотъ-же вопросъ отвѣчали пять моихъ товарищей; я присоединялся только къ заявленію этихъ послѣднихъ. Оставляю, поэтому,—да и потому еще, что извлеченіе изъ обвин. акта помѣщено въ Прав. Вѣстн., какъ писала сестра,—процессъ въ сторонѣ. Скажу лучше нѣсколько словъ о своихъ странствованіяхъ, о мѣстахъ, которыя посѣщалъ, о положеніяхъ, въ которыхъ былъ... Если бы писать объ этомъ подробно, то получилось-бы нѣчто въ родѣ Одиссеи, съ тою, конечно, разницей, что главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ-бы не Уллисъ, а А. И. Баранниковъ; чудеснаго-же и невѣроятнаго было-бы столько-же. Оставилъ я училище, какъ тебѣ извѣстно, въ концѣ апрѣля 76 г. Съ дорожной сумкой, въ которой находились 2 тетради съ замѣтками, въ рукахъ, съ веселой улыбкой на лицѣ, съ безчисленными надеждами въ сердцѣ спускался я въ 3 часа пополудни, 27 апрѣля, по парадной лѣстницѣ 1-го в. п. училища. Съ товарищами, при помощи которыхъ я устраивалъ этотъ побѣгъ, все было условлено раньше, такъ что, когда я пришелъ къ нимъ, мнѣ уже было приготовлено платье, въ которое я переодѣлся, чемоданчикъ, паспортъ (фальшивый, конечно), деньги и пр. Въ 9 ч. вечера того-же 27 апрѣля, я сидѣлъ уже въ вагонѣ Николаевской ж. дороги, который двигался по направленію къ Москвѣ. Нигдѣ не останавливаясь, доѣхалъ я до Ростова на Дону, гдѣ въ то время былъ сборный пунктъ для всѣхъ новичковъ, имѣющихъ намѣреніе отправиться «въ народъ». Недолго прожилъ я въ Ростовѣ, всего какую-нибудь недѣлю, и, переодѣвшись,—теперь уже въ лапти и сермягу,—отправился въ этотъ самый народъ. Все лѣто 76 года я терся такимъ образомъ среди пришлыхъ рабочихъ, которые наводняютъ лѣтомъ весь югъ, работалъ на пристани, нагружая и разгружая барки, плоты, вагоны; на рыбныхъ ловляхъ, гдѣ чуть было не утонулъ, въ качества косаря и пр. Побывалъ въ Таганрогѣ, Новочеркасскѣ, Ейскѣ, Бердянскѣ, Маріуполѣ, Мелитополѣ; при переходахъ изъ одного города въ другой, ночевать приходилось подъ открытымъ небомъ, гдѣ-нибудь въ сторонкѣ отъ большой дороги, во ржи, въ пшеницѣ, подъ телеграфными столбами. Днемъ солнце безпощадно жгло меня своими лучами, ночью еще безпощаднѣе кусали комары, непривычная обувь до крови растирала ноги, мѣшокъ, въ которомъ находились двѣ-три рубашки, свитка, да еще кое-что, оттягивалъ плечи... Эхъ, время, время, счастливое время! Какъ, несмотря на все это, хорошо жилось тогда, какъ легко дышалось, какимъ восторгомъ наполнялась по временамъ душа!! Эхъ, господа, если-бы кто-нибудь изъ васъ могъ заглянуть тогда въ мою душу, съ какой радостью, думаю я, промѣнялъ-бы онъ свое прочное, обезпеченное положеніе на полное случайностей, неудобствъ. Волненіе мѣшаетъ окончить. Цѣлую тебя. А. Баранниковъ. Елизавету Петровну и Соню цѣлую. Пишите.

Адресъ: Вас. Ив. Баранникову, начальнику рущукскаго артиллерійскаго склада.

---

3. Послѣднія письма М. В. Тетерки.

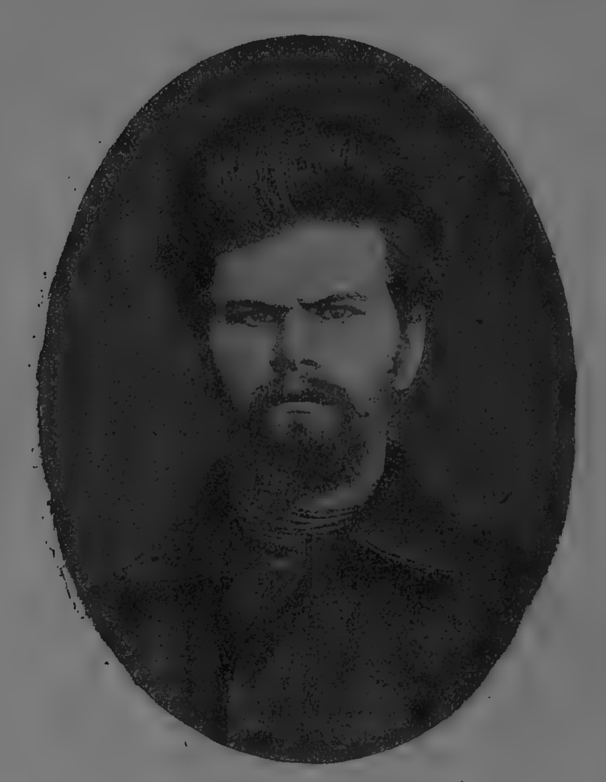
Въ нашихъ матеріалахъ по исторіи революціоннаго движенія почти совершенно отсутствуютъ данныя для характеристики Макара Васильевича Тетерки,—одного изъ тѣхъ десяти народовольцевъ, которые были приговорены къ смертной казни по дѣлу 20-ти въ 1882 г. Бывшій одесскій рабочій, участникъ рабочихъ революціонныхъ кружковъ, затѣмъ одинъ изъ рядовыхъ дѣятелей «Народной Воли», на долю котораго выпадали порою крайне серьезныя и отвѣтственныя, но всегда внѣшне малозамѣтныя порученія въ организаціи террористическихъ актовъ тѣхъ лѣтъ (попытка взрыва моста на Екатерининскомъ каналѣ и др.),—онъ какъ-бы совершенно позабытъ оставшимися въ живыхъ участниками движенія тѣхъ лѣтъ. Почти всѣ мемуары обходятъ его полнымъ молчаніемъ,—рѣдко, рѣдко кто удѣлитъ ему нѣсколько фразъ. Намъ до сихъ поръ не знакомъ его портретъ,—о внѣшности его мы знаемъ лишь по краткому описанію ея въ «отчетѣ о процессѣ 20-ти народовольцевъ»: «средняго роста, худощавый, лицо сморщенное, съ жидкой бородкой и усами, всклокоченные волосы, одѣтъ въ тулупѣ, разсказываетъ спокойно, стараясь выражаться болѣе изысканнымъ, сравнительно съ простонароднымъ, языкомъ» (Былое 1906 г. № 2, стр. 244 [1]). Едва-ли не меньше мы знаемъ о М. В., какъ о человѣкѣ; только краткое изложеніе его отвѣтовъ на судѣ, да пощечина, данная имъ въ залѣ суда предателю Меркулову, грязью облившему все революціонное движеніе, — пощечина, объяснить значеніе которой судъ Тетеркѣ не позволилъ,—даютъ нѣсколько штриховъ къ его характеристикѣ: рисуется образъ простого, сравнительно слабо развитого рабочаго, но искренняго и преданнаго, сознательно преданнаго революціонера.

Мы печатаемъ два письма М. В. Эти первыя, появляющіяся въ печати письма М. В., только подкрѣпляютъ и усиливаютъ то впечатлѣніе, которое оставляетъ поведеніе Тетерки на судѣ. Они написаны—первое 11 марта, въ день вступленія приговора въ законную силу, когда М. В. съ часу на часъ ждалъ, что его поведутъ на казнь; второе — 20 марта — на другой день послѣ объявленія о замѣнѣ казни безсрочною каторгою. Такіе дни для всѣхъ осужденныхъ всегда бывали самыми тяжелыми, тягостными днями, и многіе, очень многіе ихъ тяжести не выдерживали, гнулись подъ нею. Перебирая дѣла архива департамента полиціи, часто наталкиваешься на слѣды такихъ паденій,—порою въ отношеніи лицъ, о которыхъ раньше трудно было-бы допустить подобную мысль. Изъ нихъ мы узнаемъ, что, стоя лицомъ къ лицу съ призракомъ смерти, согнулись и пали Сухановъ, Шевыревъ, Левъ Златопольскій, Стефановичъ и многіе, многіе другіе. На фонѣ этихъ паде-

---

[1]) Мы воспроизводимъ сохранившійся въ собраніи редакціи „Былого“ портретъ М. В. Тетерки съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, такъ какъ В. Н. Фигнеръ, которой мы показывали портретъ, не нашла въ немъ большого сходства. *Ред.*

ній съ тѣмъ большею красотою вырисовывается образъ малограмотнаго рабочаго М. В. Тетерки. Его письма полны грубѣйшими ошибками,—онъ пишетъ: «смѣртная казьнь», «въ стретитъ» (вмѣсто «встрѣтить»), они написаны заскорузлымъ почеркомъ,—видно, что водившіе рукою пальцы не привыкли къ этой работѣ, и мысли въ нихъ выражены нескладными, порою плохо понятными фразами.

Макаръ Васильевичъ Тетерка.

Но зато сами мысли могли-бы сдѣлать честь любому изъ наиболѣе крупныхъ революціонеровъ той эпохи...

Дальнѣйшая судьба М. В. извѣстна: изъ Трубецкого бастіона, откуда писаны печатаемыя письма, онъ былъ переведенъ въ Алексѣевскій равелинъ, нѣсколько позднѣе, чѣмъ другіе осужденные по этому дѣлу, а именно въ ночь съ 25 на 26 іюня 1882 г. (донесеніе коменданта Ганецкаго отъ 26 іюня 1882 г., за № 346), гдѣ и скончался.

Письма М. В. мы печатаемъ безъ какихъ-либо измѣненій, исправивъ только грамматическія ошибки. Оба они адресованы въ г. Одессу: «Семену Романовичу Петрову. Большой вокзалъ, главныя мастерскія, чернорабочему».

С.-Петербургъ, 11 марта 1882 г., 8 час. вечера.

Дорогіе родители, здравствуйте. Я получилъ отъ васъ писанное 4-го марта письмо и спѣшу отвѣтить на него. Почему письмо написала Надя и почему вы ничего о ней не сказали, и кто вамъ писалъ ко мнѣ такое уклончивое письмо? Почему вы не описали мнѣ о своемъ несчастіи? Зачѣмъ вы не описали мнѣ все какъ есть, а все сочинили и уклонились отъ правды. Вѣдь это ужасно! Написать цѣлый листъ бумаги и ничего не сказать о себѣ! Вы пишете, неужели мать и отецъ меня заставляли входить съ молодыми людьми въ шайки? Дорогая матушка, вы меня никогда не заставляли. Потомъ: я васъ обрадовалъ, попался туда, гдѣ самые разбойники свѣта Божьяго. Матушка, я вамъ этого ничего не писалъ, я ничего не говорилъ, что вы мнѣ худое наставленіе давали. А я что думалъ полагалъ себѣ, что скрылся и васъ забылъ, но Богъ услышалъ вашу молитву, я нигдѣ не скрылся и Богъ меня наказалъ, да, Богъ меня наказалъ, но зачѣмъ опять молиться, чтобы Онъ опять помиловалъ меня? Или вы пишете, что письмо (вамъ, роднымъ, писалъ, вы его изорвали), что же я буду дѣлать, я только и могу вамъ написать вмѣсто того, другое, но прошу васъ не рвите и это, потому что оно послѣднее, да, это послѣднее письмо я вамъ пишу, и вотъ почему: уже пришелъ срокъ приводить приговоръ въ исполненіе. Матушка, вотъ почему я хотѣлъ узнать какъ вы живете, а вамъ кто-то писалъ мнѣ наставленія и разную ерунду. Я вамъ писалъ уже, что меня обвинили въ государственномъ преступленіи, т. е. я былъ участникомъ въ 2-хъ покушеніяхъ на жизнь покойнаго государя; 25-го февраля былъ прочтенъ въ особомъ присутствіи правительствующаго сената приговоръ, въ которомъ 10 человѣкъ приговорено къ смертной казни, въ томъ числѣ и я; 26-го февраля меня перевезли въ крѣпость, а нынче, въ четвергъ, 11-го марта, кончился двухнедѣльный кассаціонный срокъ; вотъ почему я не могу, матушка, быть оправданъ, а вы мнѣ еще пишете разное поученіе передъ смертью, но прошу прощенія, если въ чемъ обидѣлъ или не такъ сказалъ, мнѣ очень было непріятно, что отъ меня скрыли правду и ничего не отвѣтили на мое письмо, что съ Надей; о какихъ вы грѣхахъ говорите, но довольно для меня все понятно: это, матушка, во всемъ виновата бѣдность и тяжелый трудъ, который заставлялъ васъ пить, да что и говорить, въ чемъ вы могли найти себѣ отраду, я тогда совсѣмъ не понималъ, но теперь для меня все ясно, какъ Божій день; что вамъ еще писать? Вы, знаете, мнѣ нынче опять праздникъ, ко мнѣ пріѣзжалъ мой защитникъ и я съ нимъ говорилъ минутъ 25-ть, онъ мнѣ напомнилъ, что кассаціонный срокъ кончается и не буду-ли я подавать на высочайшее имя просьбу о дарованіи мнѣ жизни, но такъ какъ я не имѣю человѣческаго права, потому что жизнь моя не отъ меня зависитъ, а зависитъ отъ того, какъ будетъ поступлено со всѣми 10-ю человѣками, т. е. которые приговорены къ смерти. Вы просите увѣдомить васъ, гдѣ я буду находиться? Я не знаю. Прошу, не вините никого въ моей винѣ, я самъ не ребенокъ, а потому не сваливайте ни на ка-

кія шайки и молодыхъ людей. Попросите для памяти мою фотографію. Прошу еще простить, если въ чемъ обидѣлъ. Посылаю вамъ всѣмъ, т. е. матери, отцу, и Надѣ горячій поцѣлуй, жму крѣпко руку и низкій поклонъ. Прощайте. Остаюсь любящій васъ Макаръ Тетерка. Я душой спокоенъ, а чему быть, того не миновать.

С.-Петербургъ, суббота, 20 марта.

Здравствуйте, дорогіе родители. Первымъ долгомъ спѣшу увѣдомить васъ въ томъ, что вчера, т. е. въ пятницу 11-ть часовъ дня комендантъ крѣпости объявилъ мнѣ слѣдующее:

«Знаете вы свой приговоръ?».

«Да, знаю»,—сказалъ я.

«Какой?».

«Смертная казнь»,—отвѣтилъ я коменданту.

«Государь императоръ даровалъ вамъ жизнь, съ замѣной безсрочной каторгой; молитесь Богу».

Я спросилъ,—кому еще дарована жизнь?—у его превосходительства, т. е. я хотѣлъ спросить: сколькимъ человѣкамъ государь даровалъ жизнь. Но его превосходительство мнѣ отвѣтилъ, что это не мое дѣло. Желаю вамъ весело встрѣтить Свѣтлое Воскресеніе и провести его тихо, но съ радостью. Когда будете писать, то, пожалуйста, опишите, какъ вы живете и что съ Надей, пишите, пожалуйста, всю домашнюю жизнь. Прощайте покуда, вашъ любящій сынъ Макаръ Васильевичъ Тетерка.

Напишите: получили-ли вы мою карточку?

Казнь Н. Е. Суханова.

Архивные документы [1]).

25 февраля 1882 г. въ особомъ присутствіи правительствующаго сената былъ объявленъ въ окончательной формѣ приговоръ по дѣлу 20-ти народовольцевъ; десять изъ обвиняемыхъ—Михайловъ, Колодкевичъ, Клѣточниковъ, Сухановъ и др.—были присуждены къ смертной казни. Кассаціонную жалобу подалъ лишь Клѣточниковъ; какъ и слѣдовало ожидать, она была отклонена. 11 марта приговоръ вступилъ въ законную силу. 17 марта состоялся докладъ министра юстиціи Набокова царю; резолюція царя, въ изложеніи министра юстиціи, гласила (беремъ ее изъ посланнаго того же 17 марта, за № 1495, министерствомъ юстиціи увѣдомленія на имя министра внутреннихъ дѣлъ Игнатьева):

«На лишеніе осужденныхъ: Михайлова, Колодкевича, Тригони, Баранникова, Суханова, Терентьевой, Лебедевой, Люстига и Клѣточникова всѣхъ правъ состоянія, а послѣдняго, сверхъ сего, и ордена Св. Станислава 3-ей степени и на смягченіе наказанія Фриденсону и Люстигу, сообразно ходатайству особаго присутствія правительствующаго сената, послѣдовало въ 17-й день сего марта высочайшее его императорскаго величества соизволеніе [2]).

«Вмѣстѣ съ тѣмъ государю императору благоугодно было высочайше повелѣть: смертную казнь для осужденныхъ къ ней Михайлова, Колодкевича, Фроленко, Исаева, Емельянова, Тетерки, Лебедевой, Якимовой и Клѣточникова замѣнить безсрочными каторжными работами, не распространяя таковаго смягченія участи на осужденнаго Суханова, какъ совершившаго тяжкія государственныя преступленія въ бытность на службѣ лейтенантомъ флота, при чемъ опредѣленную приговоромъ особаго присутствія для сего осужденнаго смертную казнь черезъ повѣшеніе высочайше повелѣно замѣнить разстрѣляніемъ въ Кронштадтѣ, съ возложеніемъ всѣхъ, по исполненію сего, въ установленномъ порядкѣ, распоряженій на кронштадтскаго военнаго губернатора».

Работа по приведенію утвержденнаго приговора закипѣла.

Въ тотъ же день увѣдомленіе министерства юстиціи отъ министра внутреннихъ дѣлъ было переслано въ департаментъ государственной полиціи; на бумагѣ находимъ положенную

---

[1]) По дѣлу департамента полиціи „Объ исполненіи приговора особаго присутствія правительствующаго сената по дѣлу о 20-ти лицахъ, обвинявшихся въ государственныхъ преступленіяхъ“, III дѣлопр., 1882 г., № 77, ч. I.

[2]) Особое присутствіе ходатайствовало о замѣнѣ данной имъ Люстигу и Фриденсону: 20-ти лѣтней каторги—первому 4-хъ, второму—10-ти-лѣтней.

17 марта слѣдующую резолюцію тогдашняго директора департамента В. К. Плеве:

«Коменданту для объявленія 9-ти осужденнымъ (о Сухановѣ уже сообщено)».

«О Сухановѣ» дѣйствительно торопились съ «сообщеніемъ»: распоряженіе коменданту Петропавловской крѣпости И. С. Ганецкому объ объявленіи остальнымъ осужденнымъ резолюціи царя отправлено 18 марта (съ предложеніемъ объявить въ теченіе «завтрашняго дня»), а о Сухановѣ «сообщено» въ тотъ же день, когда состоялась резолюція царя,—17 марта. Это «сообщеніе» (№ 267) коменданту гласитъ:

«Милостивый государь, Иванъ Степановичъ! За вступленіемъ приговора особаго присутствія правительствующаго сената объ отставномъ лейтенантѣ Сухановѣ, коимъ онъ приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни, въ законную силу, министръ юстиціи повергалъ сего числа на высочайшее е. и. в—а воззрѣніе какъ упомянутый выше приговоръ въ той его части, которая касается лишенія Суханова правъ состоянія, такъ равно и ходатайство осужденнаго о помилованіи, при чемъ на сіе послѣднее соизволенія государя императора не послѣдовало.

«Сообщая о семъ вашему высокопревосходительству, имѣю честь покорнѣйше просить васъ, м. г., объявить объ этомъ арестанту Суханову въ теченіе завтрашняго дня, допустить къ нему для послѣдняго прощанія его мать, въ томъ случаѣ, если съ его или съ ея стороны къ вамъ, м. г., поступятъ о томъ ходатайства.

«Къ сему долгомъ считаю присовокупить, что арестантъ Сухановъ долженъ быть въ ночь на 19 марта переданъ въ распоряженіе начальника с.-петербургскаго губернскаго жандармскаго управленія генералъ-маіора Комарова, который имѣетъ представить вамъ особое предписаніе департамента государственной полиціи, коимъ ему поручается доставить осужденнаго Суханова на мѣсто казни.

Примите и пр. В. Плеве».

Соотвѣтствующее распоряженіе на имя начальника петербургскаго губернскаго жандармскаго управленія послано было 18 марта (за № 271); въ этомъ распоряженіи, подписанномъ самимъ В. К. Плеве, скрѣпленномъ за дѣлопроизводителя С. Э. Зволянскимъ и удостовѣренномъ тит. сов. В. Потаповымъ, указывалось, что «исполненіе надъ Сухановымъ смертнаго приговора черезъ разстрѣляніе назначено на утро 19 сего марта въ г. Кронштадтѣ, при чемъ всѣ распоряженія по приведенію онаго въ исполненіе возложены на кронштадтскаго военнаго губернатора», и только «доставленіе осужденнаго въ Кронштадтъ къ 8 час. утра 19 марта» возложено на начальника губернскаго жандармскаго управленія.

19 марта въ 4 час. утра Сухановъ былъ «сданъ начальнику с.-петербургскаго губернскаго жандармскаго управленія ген.-маіору

Комарову» (увѣдомленіе коменданта крѣпости отъ 19 марта за № 324). Комаровъ, очевидно, въ согласіи съ преподанными ему устно инструкціями, о ходѣ событій извѣщаетъ департаментъ телеграммами, каковыхъ въ дѣлѣ хранится двѣ; первая—посланная на имя В. К. Плеве 19 марта, въ 7 ч. 10 м. утра, изъ Ораніенбаума гласитъ:

«Доѣхалъ во время благополучно ѣду дальше генералъ Комаровъ». Вторая, также на имя Плеве, послана уже изъ Кронштадта въ 9 ч. 30 м. того же 19 марта:

«Приговоръ исполненъ въ восемь три четверти утра въ порядкѣ спокойно генералъ Комаровъ».

Въ тотъ же день, 19 марта, департаментъ полиціи посылаетъ офиціальное увѣдомленіе о состоявшейся казни исполняющему обязанности прокурора при особомъ присутствіи правительствующаго сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ. Генералъ-маіоръ Комаровъ, вернувшись въ Петербургъ, 20 марта краткой офиціальной бумагой (за № 190) подтверждаетъ исполненіе порученія «въ точности».

Самого Н. Е. Суханова уже нѣтъ въ живыхъ, но дѣло его еще продолжаетъ причинять нѣкоторыя безпокойства департаменту государственной полиціи.

Прежде всего встаетъ вопросъ, какъ быть съ вещами Н. Е. Суханова. 23 марта комендантъ крѣпости сообщаетъ въ департаментъ полиціи (за № 350), что «послѣ казненнаго государственнаго преступника Николая Суханова остались въ крѣпости вещи, поименованныя въ прилагаемой при семъ описи». Въ этой описи значатся: шапка, пальто, сюртукъ, брюки, жилетъ, пенснэ, галоши, 5 рубашекъ и т. д., а также старый кожаный кошелекъ, часы открытые серебряные, одна книга; какая, не указано. Комендантъ запрашиваетъ, какъ поступить съ этими вещами, прибавляя, что «по принятому порядку вещи казненныхъ, какъ то: платье, бѣлье и проч. не цѣнныя вещи опредѣлено подвергать сожженію, а деньги и цѣнные предметы выдавать родственникамъ по правамъ наслѣдства». На этой бумагѣ рукою Зволянскаго начертана резолюція: «Часы въ департаментъ, прочее уничтожить». Въ соотвѣтствіи съ этой резолюціей составленъ отвѣтъ коменданту крѣпости, посланный департаментомъ полиціи 25 марта (за № 1115). 30 марта часы эти комендантомъ, при бумагѣ за № 371, были препровождены въ департаментъ.

О судьбѣ вещей Н. Е. Суханова, повидимому, узнаетъ его мать—Ольга Суханова; по крайней мѣрѣ, она, въ отличіе отъ другихъ родителей, хлопочетъ о выдачѣ ей не всѣхъ вещей ея сына, а однихъ только часовъ. Посланное ею въ началѣ апрѣля того же 1882 г. на имя директора департамента полиціи письмо гласитъ:

«Прошу покорнѣйше ваше превосходительство возвратить мнѣ въ память часы моего сына Николая, если возможно, чѣмъ

меня обяжете къ глубокой благодарности. Вдова врача Ольга Суханова. Рига, 6 апрѣля 1882 г. Мѣстожительство имѣю: Рига, Марштальштрасе, домъ Ратманна Ланге, № 8».

Согласно правиламъ, существовавшимъ въ департаментѣ полиціи, цѣнныя вещи, оставшіяся послѣ казненныхъ, подлежали возврату роднымъ, поэтому В. К. Плеве распоряжается удовлетворить просьбу матери Суханова. На письмѣ положена резолюція: «Г. директоръ изволилъ разрѣшить выдачу часовъ. И. д. секретаря Зволянскій».

Однако въ департаментѣ возникаютъ нѣкоторыя сомнѣнія,—не будутъ ли использованы часы для какихъ-либо анти-правительственныхъ цѣлей. Поэтому, одновременно съ посылкою часовъ на имя начальника лифляндскаго губернскаго жандармскаго управленія А. И. Лакса, В. К. Плеве шлетъ послѣднему письмо, въ которомъ проситъ выдать часы матери Суханова, но прибавляетъ:

«Вмѣстѣ съ симъ я считаю не лишнимъ просить ваше превосходительство разъяснить при этомъ г-жѣ Сухановой, что, снизойдя на просьбу ея о возвращеніи часовъ, я вполнѣ разсчитываю на то, что часы эти будутъ служить ей лишь исключительной памятью о сынѣ и, находясь у нея, не пріобрѣтутъ характеръ вещи, связанной съ той преступной дѣятельностью, которая погубила Николая Суханова». Какъ свидѣтельствуетъ расписка матери, часы были выданы ей 20 апрѣля 1882 г., причемъ, какъ сообщаетъ г.-м. Лаксъ, «сдѣлано было ей соотвѣтствующее внушеніе, согласное съ указаніемъ, сообщеннымъ мнѣ вашимъ превосходительствомъ».

Кромѣ вещей казненнаго, заботы департаменту причиняла и его могила. Въ дѣлѣ хранится слѣдующій документъ—отношеніе начальника спб. губернскаго жандармскаго управленія, знакомаго уже намъ г.-м. Комарова, отъ 12 апрѣля 1882 г. (за № 262).

«Помощникъ мой, находящійся въ г. Кронштадтѣ, рапортомъ своимъ отъ 10 числа сего апрѣля мѣсяца за № 69 донесъ мнѣ, что на могилѣ казненнаго государственнаго преступника Суханова, на дняхъ поставленъ большой деревянный бѣлый крестъ съ надписью: «Николаю Суханову», а самая могила украшена вѣнками. Крестъ этотъ поставленъ, по просьбѣ матери Суханова, сторожемъ православнаго кладбища, Яковомъ Николаевымъ. О чемъ департаменту государственной полиціи имѣю честь донести».

Какова была дальнѣйшая судьба креста и могилы—изъ дѣла не видно. Имѣющіеся на этой послѣдней бумагѣ г. Комарова помѣтки говорятъ только, что департаментъ полиціи былъ ею сильно встревоженъ: на ней мы находимъ двѣ резолюціи, обѣ положенныя рукою самого Плеве,—первая гласитъ: «Прошу объясниться А. В. Комарову», а вторая, позднѣйшая: «При объясненіи даны (личныя) указанія».

Сообщилъ *Б. Н.*

Проектъ воздухоплавательнаго аппарата Н. И. Кибальчича.

Защитникъ Н. И. Кибальчича—В. Н. Герардъ—въ своей рѣчи, въ особомъ присутствіи сената, характеризуя своего подзащитнаго, сказалъ: «когда я явился къ Кибальчичу, какъ назначенный ему защитникъ, меня прежде всего поразило, что онъ былъ занятъ совершенно инымъ дѣломъ, ничуть не касающимся настоящаго процесса. Онъ былъ погруженъ въ изысканіе, которое онъ дѣлалъ о какомъ-то воздухоплавательномъ снарядѣ; онъ жаждалъ, чтобы ему дали возможность написать свои математическія изысканія объ этомъ изобрѣтеніи. Онъ ихъ написалъ и представилъ по начальству».

Самъ Кибальчичъ закончилъ свое послѣднее слово заявленіемъ о своемъ изобрѣтеніи: «по частному вопросу я имѣю сдѣлать заявленіе на счетъ одной вещи, о которой уже говорилъ мой защитникъ. Я написалъ проектъ воздухоплавательнаго аппарата. Я полагаю, что этотъ аппаратъ вполнѣ осуществимъ. Я представилъ подробное изложеніе этого проекта съ рисунками и вычисленіями. Такъ какъ, вѣроятно, я уже не буду имѣть возможности выслушать взгляда экспертовъ на этотъ проектъ и вообще не буду имѣть возможности слѣдить за его судьбою, и возможно предусмотрѣть такую случайность, что кто-нибудь воспользуется этимъ моимъ проектомъ, то я теперь публично заявляю, что проектъ мой и эскизъ его, составленный мною, находится у г. Герарда».

О проектѣ Кибальчича много говорили и писали въ иностранныхъ газетахъ, но онъ остался необнародованнымъ. Авторъ воспоминаній о Н. И. Кибальчичѣ, появившихся въ 1882 году, писалъ: «что касается его проекта воздухоплавательной машины, то, если не ошибаюсь, онъ состоялъ въ слѣдующемъ: всѣ нынѣ употребляемые двигатели (паръ, электричество и т. д.) не достаточно сильны для того, чтобы направлять воздушные шары. Идея Кибальчича состояла, кажется, въ томъ, чтобы замѣнить существующіе двигатели какимъ-нибудь взрывчатымъ веществомъ, вводимымъ подъ поршень. Сама по себѣ, эта идея, насколько мнѣ извѣстно, не нова; но здѣсь важны подробности: какое вещество вводится, при какихъ условіяхъ и т. д. Будетъ, конечно, очень жаль, если инквизиторская ревность правительства заставитъ его сражаться даже съ мертвымъ врагомъ и похоронитъ вмѣстѣ съ

нимъ его, можетъ быть, въ высшей степени важное изобрѣтеніе. Но всего вѣроятнѣе, конечно, что оно будетъ просто украдено,— благо протеста съ того свѣта никто не услышитъ.

«Знающіе Кибальчича не могутъ удивляться его философски-спокойной кончинѣ. Онъ не былъ ни на іоту боевымъ человѣкомъ, онъ не способенъ былъ поднять руку на себѣ подобное существо, онъ не могъ быть и хладнокровнымъ въ такую минуту, когда приходится сражаться. Но, при его глубокомъ убѣжденіи въ правотѣ своего дѣла, при его способности сливаться всей душой съ любимой идеей, онъ, конечно, могъ спокойно глядѣть въ глаза смерти, болѣе спокойно, чѣмъ большинство другихъ людей. И наканунѣ смерти, его, какъ извѣстно, тревожила только судьба его проекта воздухоплаванія, какъ Архимеда— судьба его круговъ» [1]).

Судьба проекта Кибальчича такова:

26 марта 1881 года (№ 1617) начальникъ жандармскаго управленія, генералъ Комаровъ, доносилъ въ департаментъ государственной полиціи: «въ удовлетвореніе ходатайства обвиняемаго въ государственномъ преступленіи сына священника Николая Кибальчича, проектъ его о воздухоплавательномъ приборѣ при семъ представить честь имѣю».

На этомъ донесеніи сдѣланы двѣ помѣты: «пріобщить къ дѣлу о 1 марта» и «давать это на разсмотрѣніе ученыхъ теперь едва-ли будетъ своевременно и можетъ вызвать только неумѣстные толки». Во избѣжаніе неумѣстныхъ толковъ, проектъ Кибальчича былъ вложенъ въ конвертъ, запечатанъ и подшитъ къ дѣлу.

Этотъ конвертъ оставался при дѣлѣ запечатаннымъ долго... 36 лѣтъ. Только въ августѣ 1917 года дѣло было обрѣтено въ архивѣ департамента полиціи, пакетъ былъ вскрытъ, и проектъ появляется на свѣтъ впервые на страницахъ «Былого».

Но Кибальчичу сказали, что проектъ его передадутъ на разсмотрѣніе ученыхъ, и онъ ждалъ ихъ отвѣта, ихъ суда. Кончался мартъ мѣсяцъ, до смертной казни оставалось два дня, и Н. И. Кибальчичъ рѣшился утруждать 31 марта «его сіятельство господина министра внутреннихъ дѣлъ» слѣдующимъ прошеніемъ:

«По распоряженію вашего сіятельства, мой проектъ воздухоплавательнаго аппарата переданъ на разсмотрѣніе техническаго комитета. Не можете-ли, ваше сіятельство, сдѣлать распоряженіе о дозволеніи мнѣ имѣть свиданіе съ кѣмъ-либо изъ членовъ комитета по поводу этого проекта не позже завтрашняго утра, или, по крайней мѣрѣ, получить письменный отвѣтъ экспертизы, раз-

---

[1]) „Николай Ивановичъ Кибальчичъ, Лондонъ 1882 г.“ (Сборъ въ пользу краснаго креста „Народной Воли“, 24 стр.). На 3-ьей стр. указано въ примѣчаніи издателя: „рукопись получена изъ редакціи „Народной Воли“. Эта брошюра перепечатана вновь партіей с.-р.—„Русскій революціонеръ. Николай Ивановичъ Кибальчичъ. Типографія партіи с.-р. 1903“. Въ этомъ изданіи добавлены выдержки изъ отчета о процессѣ 1 марта, относящіяся къ Кибальчичу, и статья Е. К. Брешковской: „Встрѣча съ Кибальчичемъ“. *Ред.*

сматривавшей мой проектъ, тоже не позже завтрашняго дня. Прошу еще ваше сіятельство дозволить мнѣ предсмертное свиданіе со всѣми моими товарищами по процессу или, по крайней мѣрѣ, съ Желябовымъ и Перовской».

Нечего и добавлять, что предсмертныя просьбы Кибальчича были оставлены безъ послѣдствій.

Черезъ тридцать семь лѣтъ проектъ Кибальчича становится общимъ достояніемъ. Воспроизводимъ его совершенно точно. Вслѣдъ за проектомъ помѣщаемъ статью современнаго спеціалиста по исторіи и теоріи воздухоплаванія, инженера Н. А. Рынина, статью, въ которой читатель найдетъ высокую оцѣнку творческой идеи Кибальчича.

П. Щ.

Проэктъ воздухоплавательнаго прибора.

Бывшаго студента института инженеровъ путей сообщенія [1]), Николая Ивановича Кибальчича, члена русской соціально-революціонной партіи.

Находясь въ заключеніи, за нѣсколько дней до своей смерти. я пишу этотъ проэктъ. Я вѣрю въ осуществимость моей идеи, и эта вѣра поддерживаетъ меня въ моемъ ужасномъ положеніи.

Если же моя идея, послѣ тщательнаго обсужденія учеными спеціалистами, будетъ признана исполнимой, то я буду счастливъ тѣмъ, что окажу громадную услугу родинѣ и человѣчеству. Я спокойно тогда встрѣчу смерть, зная, что моя идея не погибнетъ вмѣстѣ со мной, а будетъ существовать среди человѣчества, для котораго я готовъ былъ пожертвовать своей жизнію. Поэтому я умоляю тѣхъ ученыхъ, которые будутъ разсматривать мой проэктъ, отнестись къ нему какъ можно серьезнѣе и добросовѣстнѣе и дать мнѣ на него отвѣтъ какъ можно скорѣе.

Прежде всего считаю нужнымъ замѣтить, что, будучи на свободѣ, я не имѣлъ достаточно времени, чтобы разработать свой проэктъ въ подробностяхъ и доказать его осуществимость математическими вычисленіями. Въ настоящее же время, я, конечно, не имѣю возможности достать нужные для этого матеріалы. Слѣдовательно, эта задача—подкрѣпленіе моего проэкта математическими вычисленіями—должна быть сдѣлана тѣми экспертами, въ руки которыхъ попадетъ мой проэктъ. Кромѣ того, я не знакомъ съ той массой подобныхъ же проэктовъ, которая появилась за послѣднее время, т. е., вѣрнѣе сказать, мнѣ извѣстны приблизительно идеи этихъ проэктовъ, но неизвѣстны тѣ формы, въ какихъ изобрѣтатели думаютъ осуществить свои идеи. Но, насколько мнѣ извѣстно, моя идея еще не была предложена никѣмъ.

Въ своихъ мысляхъ о воздухоплавательной машинѣ, я прежде

---

[1]) Въ институтѣ былъ принятъ на I-й курсъ 19 сентября 1871 г.; уволенъ былъ съ III курса по прошенію 25 августа 1873 г. *Прим. ред.*

всего остановился на вопросѣ: какая сила должна быть употреблена, чтобы привести въ движеніе такую машину. Разсуждая a priori, можно сказать, что сила пара здѣсь не пригодна. Я не помню точно, какой процентъ тепловой энергіи, переданный пару нагрѣваніемъ, утилизируется въ видѣ работы, но знаю, что этотъ процентъ весьма невеликъ. Между тѣмъ, паровая машина громоздка сама по себѣ и требуетъ много угольнаго нагрѣванія для приведенія въ дѣйствіе. Поэтому я думаю, что какія бы приспособленія ни были придѣланы къ паровой машинѣ, — въ родѣ крыльевъ, подъемныхъ винтовъ и пр., — паровая машина не въ состояніи поднять самое себя на воздухъ.

Въ электродвигателяхъ гораздо бо́льшая доля переданной энергіи утилизируется въ видѣ работы, но для большого электродвигателя нужна опять-таки паровая машина. Положимъ, что паровая и электродвигательная машины могутъ быть установлены на землѣ, а гальваническій токъ можетъ по проволокамъ, на подобіе телеграфнымъ, передаваться воздухоплавательному прибору, который скользя, такъ сказать, особой металлической частью по проволокамъ, получаетъ ту силу, которою можно привести въ движеніе крылья или другія подобныя приспособленія снаряда. Не берусь утверждать, что подобное устройство летательнаго снаряда возможно, но если бы оно и было возможно, то, во всякомъ случаѣ, оно было бы неудобно, дорого и не представляло бы никакихъ преимуществъ передъ движеніемъ по рельсамъ.

Многіе изобрѣтатели основываютъ движеніе воздухоплавательныхъ снарядовъ на мускульной силѣ человѣка, какъ напримѣръ, докторъ Арендтъ. Беря типомъ устройство своихъ проэктируемыхъ машинъ—птицу, они думаютъ, что можно устроить такія приспособленія, которыя, будучи приведены въ движеніе собственной силой воздухоплавателя, позволятъ ему подниматься и летать по воздуху. Я думаю, что если и возможно устроить такого типа летательное приспособленіе, то оно все-таки будетъ имѣть характеръ игрушки и серьезнаго значенія имѣть не можетъ.

Какая же сила примѣнима къ воздухоплаванію? Такой силой, по моему мнѣнію, являются медленно горящія взрывчатыя вещества.

Въ самомъ дѣлѣ, при горѣніи взрывчатыхъ веществъ образуется болѣе или менѣе быстро большое количество газовъ, обладающихъ, въ моментъ образованія, громадной энергіей. Я не помню въ точности, какую работу, если выразить ее въ килограммометрахъ, производитъ воспламененіе 1 фунта пороху, но, если не ошибаюсь, 1 фунтъ пороху, будучи взорванъ въ землѣ, можетъ выбросить земляную глыбу, вѣсящую 40 пудовъ. Словомъ, никакія другія вещества въ природѣ не обладаютъ способностью развивать въ короткій промежутокъ времени столько энергіи, какъ взрывчатыя.

Но какимъ образомъ можно примѣнить энергію газовъ, образующихся при воспламененіи взрывчатыхъ веществъ, къ какой-

либо продолжительной работѣ? Это возможно только подъ тѣмъ условіемъ, если та громадная энергія, которая образуется при горѣніи взрывчатыхъ веществъ, будетъ образовываться не сразу, а въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго промежутка времени.

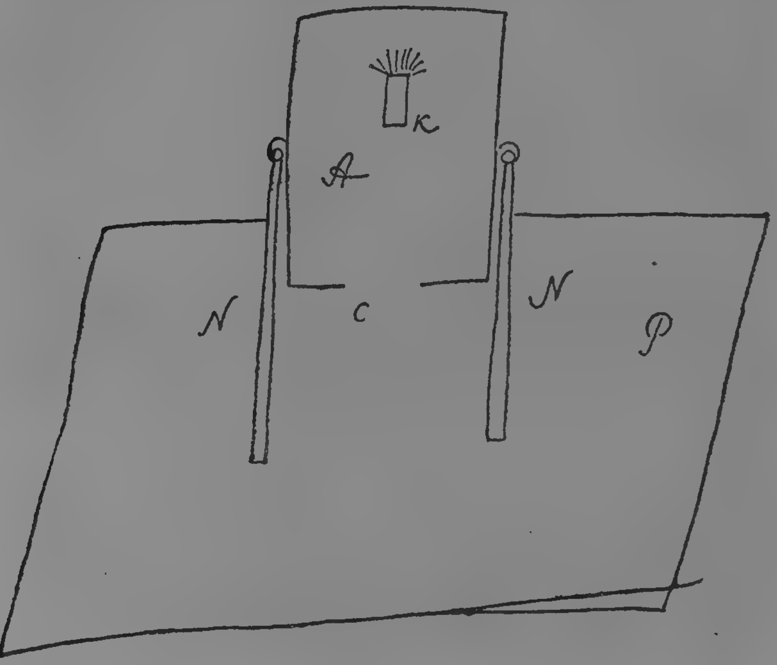
Если мы возьмемъ фунтъ зернистаго пороха, вспыхивающаго при зажиганіи мгновенно, спрессуемъ его подъ большимъ давленіемъ въ форму цилиндра, и затѣмъ зажжемъ одинъ конецъ этого цилиндра, то увидимъ, что горѣніе не сразу охватитъ цилиндръ, а будетъ распространяться довольно медленно отъ одного конца къ другому и съ опредѣленной скоростью. Скорость распространенія горѣнія въ прессованномъ порохѣ опредѣлена изъ многочисленныхъ опытовъ и составляетъ 4 линіи въ секунду.

На этомъ свойствѣ прессованнаго пороха основано устройство боевыхъ ракетъ. Сущность этого устройства состоитъ въ слѣдующемъ. Въ жестяный цилиндръ, закрытый съ одного основанія и открытый съ другого, вставляется плотно цилиндръ изъ прессованнаго пороха, имѣющій по оси пустоту въ видѣ сквозного канала; горѣніе прессованнаго пороха начинается съ поверхности этого канала и распространяется въ теченіе опредѣленнаго промежутка времени къ наружной поверхности прессованнаго пороха; образующіеся при горѣніи пороха газы производятъ давленіе во всѣ стороны, но боковыя давленія газовъ взаимно уравновѣшиваются, давленіе же на дно жестяной оболочки пороха, не уравновѣшенное противоположнымъ давленіемъ (такъ какъ въ эту сторону газы имѣютъ свободный выходъ), толкаетъ ракету впередъ по тому направленію, на которомъ она была установлена въ станкѣ до зажиганія. Траэкторія полета ракеты составляетъ параболу, подобно траэкторіи ядеръ, выпущенныхъ изъ орудій.

Представимъ себѣ теперь, что мы имѣемъ изъ листового желѣза цилиндръ, извѣстныхъ размѣровъ, закрытый герметически со всѣхъ сторонъ и только въ нижнемъ днѣ своемъ заключающій отверстіе извѣстной величины. Расположимъ по оси этого цилиндра кусокъ прессованнаго пороха цилиндрической же формы и зажжемъ его съ одного изъ основаній (черт. 1); при горѣніи образуются газы, которые будутъ давить на всю внутреннюю поверхность металлическаго цилиндра, но давленія на боковую поверхность цилиндра будутъ взаимно уравновѣшиваться, и только давленіе газовъ на закрытое дно цилиндра не будетъ уравновѣшено противоположнымъ давленіемъ, такъ какъ съ противоположной стороны газы имѣютъ свободный выходъ—черезъ отверстіе въ днѣ. Если цилиндръ поставленъ закрытымъ дномъ кверху, то, при извѣстномъ давленіи газовъ, величина котораго зависитъ съ одной стороны отъ внутренней емкости цилиндра, а съ другой—отъ толщины куска прессованнаго пороха, цилиндръ долженъ подняться вверхъ.

Я не имѣю подъ руками данныхъ, которыя позволили бы

хотя приблизительно опредѣлить, какое количество прессованнаго пороха должно сгорѣть въ единицу времени для того, чтобы при данныхъ извѣстныхъ размѣрахъ цилиндра и извѣстной величинѣ его тяжести, образующіеся при горѣніи пороха газы могли бы оказать на дно цилиндра такое давленіе, которое уравновѣсило бы силу тяжести цилиндра. Но я думаю, что на практикѣ такая задача вполнѣ разрѣшима, т. е. что при данныхъ размѣрахъ и вѣсѣ цилиндра можно, употребляя цилиндрическіе куски прессованнаго пороха извѣстной толщины, достигнуть того, что давле-

Черт. 1.

ніе газовъ на дно будетъ уравновѣшивать тяжесть цилиндра. Реальнымъ подтвержденіемъ этого могутъ служить ракеты. Въ настоящее время изготовляются такія ракеты, которыя могутъ поднять до пяти пудовъ разрывного снаряда. Правда, примѣръ ракеты не совсѣмъ подходитъ сюда, такъ какъ ракеты отличаются такой громадной быстротой полета, которая немыслима для воздухоплавательнаго прибора. Но эта быстрота происходитъ оттого, что въ ракеты помѣщаютъ значительныя количества прессованнаго пороха и, притомъ, поверхность горѣнія его велика. Если же требуется гораздо меньшая быстрота полета вверхъ, то

и количество пороха, сгорающаго въ единицу времени, должно быть гораздо меньше. Я въ точности не знаю, нужно ли для соблюденія условія медленности и правильности горѣнія заключать прессованный порохъ въ плотно прилегающую къ нему оболочку? Но если бы заключеніе въ оболочку и было необходимо, то это все-таки не помѣшало бы употребленію прессованнаго пороха для устройства аппарата.

Итакъ, вотъ схематически описаніе моего прибора:

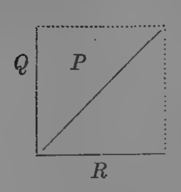
Въ цилиндрѣ *A*, имѣющемъ въ нижнемъ днѣ отверстіе *C*, устанавливается по оси, ближе къ верхнему дну, пороховая свѣчка *K* (такъ буду я называть цилиндрики изъ прессованнаго пороха). Цилиндръ *A*, посредствомъ стоекъ *N*—*N*, прикрѣпленъ къ средней части платформы *P*, на которой долженъ стоять воздухоплаватель. Для зажиганія пороховой свѣчки, а также для устанавливанія новой свѣчки на мѣста сгорѣвшей (при томъ, конечно, не должно быть перерыва въ горѣніи) должны быть придуманы особые автоматическіе механизмы. Такъ, для установленія пороховыхъ свѣчей, по мѣрѣ ихъ сгоранія, самымъ подходящимъ автоматическимъ приспособленіемъ было бы приспособленіе, приводимое въ движеніе часовымъ механизмомъ—вслѣдствіе правильности сгоранія пороховыхъ свѣчей. Но я не коснусь здѣсь этихъ приспособленій, такъ какъ все это легко можетъ быть разрѣшено современной техникой.

Представимъ теперь, что свѣча *K* зажжена. Черезъ очень короткій промежутокъ времени цилиндръ *A* наполняется горячими газами, часть которыхъ давитъ на верхнее дно цилиндра, и если это давленіе превосходитъ вѣсъ цилиндра, платформы и воздухоплавателя, то приборъ долженъ подняться вверхъ. Замѣтимъ, кстати, что въ подниманіи прибора вверхъ будетъ участвовать не одна только сила давленія пороховыхъ газовъ: горячіе газы, наполняющіе цилиндръ *A*, имѣютъ меньшій удѣльный вѣсъ, чѣмъ вѣсъ вытѣсненнаго ими воздуха, поэтому, на основаніи аэростатическаго закона, приборъ долженъ сдѣлаться легче на разницу въ вѣсѣ воздуха, наполнявшаго цилиндръ *A*, и вѣсѣ пороховыхъ газовъ въ немъ. Слѣдовательно, здѣсь встрѣчается также и то выгодное обстоятельство, которое въ аэростатѣ составляетъ причину поднятія. Давленіемъ газовъ приборъ можетъ подняться очень высоко, если величина давленія газовъ на верхнее дно будетъ все время поднятія превышать тяжесть прибора. Если же желаютъ остановиться на извѣстной высотѣ, въ неподвижномъ состояніи, то для этого нужно вставить менѣе толстыя пороховыя свѣчи, такъ, чтобы давленіе образующихся газовъ какъ разъ уравновѣшивало бы тяжесть прибора.

Такимъ путемъ воздухоплавательный приборъ можетъ быть поставленъ—по отношенію къ воздушной средѣ—въ такомъ же положеніи, какъ неподвижно стоящее судно — по отношенію къ водѣ. Какимъ же образомъ можно двинуть теперь нашъ аппаратъ въ желаемомъ направленіи? Для этого можно предложить два способа.

Можно употребить второй, подобный же цилиндръ, установленный только горизонтально и съ обращеннымъ не въ низъ, а въ сторону отверстіемъ въ днѣ. Если въ такой цилиндръ вставить подобное же приспособленіе съ пороховыми свѣчками и зажечь свѣчку, то газы, ударяясь въ дно цилиндра, заставятъ летѣть приборъ по тому направленію, куда обращено дно. Для того же, чтобы горизонтальный цилиндръ можно было устанавливать въ какомъ угодно направленіи, онъ долженъ имѣть движеніе въ горизонтальной плоскости. Для опредѣленія направленія можетъ служить компасъ точно также, какъ и для плаванія на водѣ.

Но мнѣ кажется, что можно ограничиться и однимъ цилиндромъ, если устроить его такимъ образомъ, чтобы онъ могъ быть наклоняемъ въ вертикальной плоскости, а теперь могъ бы имѣть конусообразное вращеніе. Наклоненіемъ цилиндра достигается, вмѣстѣ, и поддерживаніе аппарата въ воздухѣ, и движеніе въ горизонтальномъ направленіи. Такъ, положимъ, что сила давленія газовъ на дно цилиндра выражается графически черезъ P; разложимъ эту силу на составляющія Q и R (черт. 2). Если сила Q какъ разъ равняется тяжести прибора, то онъ будетъ летѣть въ горизонтальной плоскости, движимый силой R. Слѣдовательно, цилиндръ долженъ быть наклоненъ на столько, чтобы летѣніе происходило въ горизонтальной плоскости. Для того же, чтобы летѣніе происходило въ опредѣленномъ направленіи, нужно конусообразнымъ поворачиваніемъ цилиндра установить ось его въ этомъ направленіи.

Черт. 2.

Но при двухъ цилиндрахъ достигается, мнѣ кажется, бóльшая правильность полета и бóльшая устойчивость аппарата. Дѣйствительно, при двухъ цилиндрахъ колебанія всего аппарата меньше отклоняютъ аппаратъ отъ желаемаго направленія, чѣмъ при одномъ. Кромѣ того, при одномъ цилиндрѣ труднѣе достигнуть такой скорости, какъ при двухъ.

Что же касается вообще до устойчивости, то, мнѣ кажется, она будетъ достаточна, въ виду того, что цилиндры расположены выше тяжелыхъ частей аппарата и при томъ такимъ образомъ, что центръ тяжести, по крайней мѣрѣ одного изъ нихъ, напр. верхняго, находится на одной отвѣсной линіи съ центромъ тяжести аппарата. Впрочемъ, для устойчивости могутъ быть придуманы какіе-нибудь регуляторы движенія въ видѣ крыльевъ и т. п.

Для того, чтобы аппаратъ опустился на землю, нужно вставлять пороховыя свѣчки постепенно все меньшаго діаметра, и тогда аппаратъ также будетъ постепенно опускаться.

Въ заключеніе замѣчу, что, по моему мнѣнію, не одинъ прессованный порохъ можетъ служить для этой цѣли. Существуетъ много медленно горящихъ взрывчатыхъ веществъ, въ составъ которыхъ входятъ тоже селитра, сѣра и уголь, какъ и

въ порохъ, но только въ другой пропорціи или съ примѣсью еще другихъ веществъ. Можетъ быть, какой-нибудь изъ этихъ составовъ окажется еще удобнѣе прессованнаго пороха.

Вѣрна или невѣрна моя идея—можетъ рѣшить окончательно лишь опытъ. Изъ опыта же можно лишь опредѣлить необходимыя соотношенія между размѣрами цилиндра, толщиной пороховыхъ свѣчей и вѣсомъ поднимаемаго аппарата. Первоначальные опыты могутъ быть удобно произведены съ небольшими цилиндриками даже въ комнатѣ.

1881 года 23 марта.

О проектѣ воздухоплавательнаго прибора системы Н. И. Кибальчича.

Помѣщенная выше статья Н. И. Кибальчича представляетъ интересъ для исторіи развитія воздухоплавательныхъ аппаратовъ тяжелѣе воздуха.

Въ основу проекта авторомъ положенъ принципъ «ракеты», т. е. прибора, относящагося къ типу «реактивныхъ двигателей».

Въ этихъ двигателяхъ, напоминающихъ извѣстное изъ физики Сегнерово колесо, необходимая для передвиженія аппарата энергія доставляется взрывами какого-либо вещества, при чемъ продукты взрыва—газы, вырываясь изъ прибора наружу черезъ отверстіе, сообщаютъ прибору движеніе въ сторону, противоположную выходу газа, благодаря своему давленію или «реакціи» на стѣнку, противоположную отверстію.

Н. Кибальчичъ, учитывая необходимость использовать громадную энергію взрыва не сразу, а постепенно, предлагаетъ примѣнять съ этой цѣлью прессованный порохъ (или другое взрывчатое вещество), который онъ помѣщаетъ въ желѣзный цилиндръ съ отверстіемъ въ одномъ днищѣ. Къ цилиндру, при помощи стоекъ, прикрѣпляется платформа, на которой располагается воздухоплаватель.

Кромѣ того, авторъ учитываетъ еще и то обстоятельство, что цилиндръ, наполненный горячими газами, будетъ обладать еще добавочной подъемной силой, благодаря разности вѣсовъ въ одномъ и томъ же объемѣ газа и вытѣсненнаго имъ воздуха. Дальнѣйшія детали управленія приборомъ ясны изъ статьи Кибальчича.

Въ общемъ, Кибальчичъ даетъ лишь идею устройства и дѣйствія прибора, не подтверждая практическую осуществимость его ни разсчетами, ни конструктивными чертежами—недостатокъ, свойственный многимъ, недостаточно технически образованнымъ изобрѣтателямъ.

Отмѣтимъ здѣсь попутно главнѣйшіе недостатки подобныхъ двигателей, препятствующіе пока ихъ практическому осуществленію: 1) быстрое нагрѣваніе стѣнокъ цилиндра и трудность ихъ охлажденія, 2) трудность регулировки эффекта взрыва, 3) значительная быстрота сгоранія смѣси и, въ связи съ этимъ, необходимость брать въ полетъ большое количество ея, 4) значи-

тельный вѣсъ цилиндровъ, 5) въ частности, въ проектѣ Кибальчича, большое сопротивленіе движенію представляетъ платформа, на которой располагается воздухоплаватель и т. д.

Мнѣ неизвѣстно въ точности, кѣмъ была изобрѣтена ракета, по идеѣ которой Кибальчичемъ былъ составленъ его проектъ, и была ли кѣмъ-нибудь до Кибальчича предложена идея примѣненія принципа ракеты къ движенію летательнаго аппарата.

Повидимому, еще Жюль-Вернъ въ одномъ изъ своихъ романовъ даетъ продставленіе о воздушномъ кораблѣ реактивнаго типа. По крайней мѣрѣ, на этотъ романъ есть ссылка въ статьяхъ К. Ціолковскаго [1]) и Вегнера [2]).

Мнѣ этого романа найти не удалось. Не смѣшиваютъ-ли оба упомянутыхъ автора полетъ въ ядрѣ на луну, описанный въ извѣстномъ романѣ Жюль-Верна «Вокругъ луны», полетъ, основанный на эффектѣ выстрѣла изъ пушки, съ «реактивнымъ» полетомъ, идея котораго совсѣмъ другая.

Если это такъ, то, насколько мнѣ удалось разобраться въ русскихъ и иностранныхъ сочиненіяхъ по воздухоплаванію, за Н. И. Кибальчичемъ долженъ быть установленъ пріоритетъ въ идеѣ примѣненія реактивныхъ двигателей къ воздухоплаванію, въ идеѣ, правда, практически еще не осуществленной, но въ основѣ правильной и дающей заманчивыя перспективы въ будущемъ, въ особенности, если мечтать о межпланетныхъ путешествіяхъ.

Записка Кибальчича помѣчена 23 марта 1881 года. Интересно отмѣтить здѣсь упоминаніе о проектѣ Кибальчича въ вышедшей недавно въ Лондонѣ книгѣ: «Aerial Russia» By Lieut.-Col. B. Roustam—Bek. 1916. Авторъ, на стр. 12, пишетъ: «зародышъ русской авіаціи слѣдуетъ отнести къ началу царствованія императора Александра III, который наслѣдовалъ въ 1881 году своему убитому отцу. Говорятъ, что одинъ изъ убійцъ Александра II-освободителя, искусный инженеръ и математикъ Кибальчичъ (Kibaltich), будучи заключенъ въ Петропавловской крѣпости, разрабатывалъ проектъ воздушнаго корабля. Послѣ казни Кибальчича этотъ проектъ былъ представленъ на усмотрѣніе военнаго министра, генерала Ванновскаго, который сильно заинтересовался этимъ проектомъ».

Мы знаемъ теперь, что проектъ Кибальчича не вышелъ изъ стѣнъ департамента полиціи и дальнѣйшаго движенія не получилъ, и лишь теперь, спустя 37 лѣтъ, появляется впервые въ свѣтъ.

Послѣ Кибальчича ту же идею разрабатывалъ К. Ціолков-

---

[1]) К. Ціолковскій. „Изслѣдованіе міровыхъ пространствъ реактивными приборами" въ „Вѣстникѣ Воздухоплаванія", 1911, № 9.

[2]) „Реакціонный летательный аппаратъ" въ „Воздухоплавателѣ", 1909, стр. 449.

скій, первыя печатныя статьи котораго о реактивныхъ двигателяхъ относятся къ 1903 году (Научное обозрѣніе, № 5). Аналогичный приборъ былъ предложенъ французомъ Лореномъ, который даже взялъ во Франціи патентъ на свое изобрѣтеніе (за № 390256) въ 1909 году (см. журналъ «L'Aérophile», 1909, p. 464). Нѣкоторые разсчеты, относящіеся къ подобному двигателю, даны Рене Арну въ журналѣ «L'Aérophile», 1 mai, 1909.

Въ 1911 году шведскій полковникъ Унге примѣняетъ тотъ же принципъ для воздушной торпеды—рода бомбы, которая должна летѣть по принципу ракеты, вращаться и взрываться, попадая въ цѣль.

Схематическій проектъ реактивной летательной машины по тому же принципу былъ составленъ А. Гороховымъ въ 1911 году (журналъ «Воздушный Путь» 1911 г. № 2). Довольно подробные разсчеты и описаніе устройства реактивныхъ двигателей даетъ К. Ціолковскій въ своей вышеупомянутой статьѣ (Вѣстникъ Воздухоплаванія, №№ 19, 20, 21).

Развитіе этой работы сдѣлано К. Ціолковскимъ въ статьѣ: «Изслѣдованіе міровыхъ пространствъ реактивными приборами». Калуга. 1914 г. Повидимому, эта же идея заинтересовала извѣстнаго русскаго изслѣдователя въ области аэродинамики Д. П. Рябушинскаго, какъ намъ это пришлось слышать отъ него на торжественномъ засѣданіи 24 апрѣля 1914 года въ основанномъ имъ аэродинамическомъ институтѣ, въ Кучинѣ (близъ Москвы). Наконецъ, заслуживаетъ вниманія книга Я. Перельмана: «Межпланетныя путешествія», 1915 г., въ которой авторъ дѣлаетъ критику всѣхъ фантастическихъ проектовъ достичь сосѣднихъ планетъ и наибольшее вниманіе обращаетъ именно на реактивные двигатели, какъ на единственные, по его мнѣнію, при помощи которыхъ, можетъ быть, удастся осуществить эту мечту.

Инженеръ *Н. Рынинъ.*

23 марта 1918 г.

Конституція графа Лорисъ-Меликова.

Матеріалы для ея исторіи.

Въ началѣ 1890-хъ годовъ при посредствѣ Н. А. Бѣлоголоваго издана была «Фондомъ русской вольной прессы» въ Лондонѣ брошюра подъ заглавіемъ: «Конституція графа Лорисъ-Меликова»; съ тѣхъ поръ эта брошюра нѣсколько разъ перепечатывалась за границею, при чемъ къ берлинскому ея изданію 1904 г. приложены были обнародованныя въ томъ же году въ «Освобожденіи» П. Б. Струве (№ 25) частныя письма Лорисъ-Меликова, сообщенныя кн. Григ. Волконскимъ. Въ 1906 г. брошюра эта была переиздана и въ Россіи. Въ составленіи ея, какъ мы слышали, принялъ участіе покойный М. М. Ковалевскій; помѣщенные же въ ней документы были заимствованы изъ матеріаловъ, сообщенныхъ самимъ гр. Лорисъ-Меликовымъ пользовавшему его д-ру Бѣлоголовому.

Въ брошюрѣ разсказано, что послѣ смерти Лорисъ-Меликова (умеръ 12 декабря 1888 г. въ Ниццѣ) присланъ былъ изъ Парижа одинъ изъ чиновъ русскаго посольства для наложенія печатей на его письма и бумаги. Затѣмъ, часть этихъ опечатанныхъ документовъ была переслана въ Петербургъ, имп. Александру III, и нынѣ поступила въ государственный архивъ среди бумагъ, вывезенныхъ въ теченіе весны и лѣта 1917 г. изъ Аничкова дворца. Съ другой стороны, въ 1890 г. въ тотъ же государственный архивъ положенъ былъ на храненіе запечатанный пакетъ съ слѣдующею на немъ надписью Александра III: «Хранить этотъ пакетъ въ государственномъ архивѣ и не вскрывать безъ особаго приказанія. 2 ноября 1890 г.—А.». Въ 1905 г., при разработкѣ учрежденія Государственной Думы, пакетъ этотъ былъ вытребованъ изъ государственнаго архива бывшимъ императоромъ Николаемъ II и лишь 23 ноября 1906 г. въ Царскомъ Селѣ возвращенъ имъ, уже вскрытымъ, завѣдывавшему его библіотеками покойному В. В. Щеглову, который помѣстилъ его въ рукописное отдѣленіе императорскихъ библіотекъ въ Зимнемъ дворцѣ; съ передачею рукописнаго отдѣленія въ государственный архивъ, этотъ пакетъ вернулся въ мѣсто первоначальнаго своего храненія. Содержитъ онъ, какъ значится на обложкѣ, «дѣло по канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ—по всеподданнѣйшей запискѣ министра внутреннихъ дѣлъ—объ учрежденіи въ С.-Петербургѣ двухъ подготовительныхъ и общей комиссій». То же дѣло, подъ

такою же обложкою, но въ видѣ черновыхъ оттисковъ, съ нѣкоторыми, однако, добавленіями и съ замѣтками самого Лорисъ-Меликова, оказалось и среди опечатанныхъ бумагъ послѣдняго, поступившихъ изъ личнаго его архива на разсмотрѣніе Александра III, а нынѣ, какъ сказано выше, переданныхъ въ государственный архивъ. Такимъ образомъ, можно въ настоящее время по двумъ аналогичнымъ дѣламъ возстановить документальную исторію того, что принято называть «конституціей гр. Лорисъ-Меликова».

Изданная впервые въ Лондонѣ, брошюра объ этой конституціи содержитъ, въ сущности, только одинъ официальный документъ, имѣющій прямое отношеніе къ ней; это—приложенный къ всеподданнѣйшему докладу Лорисъ-Меликова Александру III отъ 6 марта 1881 г. проектъ правительственнаго сообщенія по поводу намѣченной реформы. Всѣ же остальные документы, напечатанные въ упомянутой брошюрѣ, хотя и связаны съ вопросомъ объ установленіи начатковъ народнаго представительства въ Россіи, представляютъ собою лишь мнѣнія отдѣльныхъ лицъ, поданныя Лорисъ-Меликову за время его управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и оказавшіяся въ его бумагахъ; таковы записки С. С. Полякова (по еврейскому вопросу), Б. Н. Чичерина, А. Д. Градовскаго, маркиза Велепольскаго и префекта парижской полиціи Андріэ; здѣсь же приведено и письмо имп. Вильгельма I къ Александру III съ совѣтами относительно условій установленія представительнаго строя. Отсылая читателя для ознакомленія съ этими документами къ указанной брошюрѣ, мы печатаемъ лишь тѣ официальныя бумаги, которыя имѣются въ обоихъ упомянутыхъ дѣлахъ канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ. Слѣдуетъ, однако, оговориться, что часть этихъ бумагъ была напечатана, безо всякихъ комментарій, въ январьской книгѣ «Русскаго Архива» за 1916 г. по имѣвшимся въ редакціи журнала копіямъ, повидимому, поступившимъ изъ бумагъ статсъ-секретаря Каханова; по крайней мѣрѣ, на нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣются его замѣчанія. Я, тѣмъ не менѣе, считаю возможнымъ перепечатать здѣсь уже опубликованные «Русскимъ Архивомъ» документы, такъ какъ только на основаніи подлинныхъ дѣлъ можно дать имъ тѣ объясненія, которыя необходимы для ихъ уразумѣнія и которыхъ не достаетъ въ публикаціи «Русскаго Архива».

Заканчивая свою брошюру «Конституція гр. Лорисъ-Меликова», авторъ ея пишетъ: «взамѣнъ всѣхъ ожиданій, русское общество, неповинное въ судьбѣ царя-освободителя, получило со стороны его наслѣдника монаршее увѣреніе въ недовѣріи и нежеланіи поручить эту заботу общественнаго обновленія. Такъ кончилась эта скромная попытка примиренія культурныхъ классовъ съ бюрократіей и абсолютизмомъ; такъ устраненъ былъ единственный путь къ мирному развитію русскаго народа и завершенію тѣхъ реформъ, начало которымъ было положено 19 февраля 1861 года». Манифестъ 29 апрѣля 1881 г., которымъ воз-

вѣщена была рѣшимость царя поддерживать начала самодержавія, какъ встарь, и положенъ былъ предѣлъ всякимъ толкамъ о конституціи, раскрылъ новую страницу въ государственной жизни Россіи, ознаменованную послѣдовательною реакціей, недовѣріемъ къ обществу и расцвѣтомъ бюрократическаго режима. Лишь четверть вѣка спустя, русская жизнь сдвинулась съ пути, который былъ предначертанъ ей этимъ роковымъ манифестомъ, сдвинулась послѣ ряда тяжелыхъ испытаній, путемъ революціоннымъ, вырвавшимъ изъ рукъ власти первую уступку напору общественныхъ силъ. Происшедшія на нашихъ глазахъ недавнія событія явились второю волною этого напора, болѣе грозною, чѣмъ первая, болѣе глубоко захватившею всѣ слои русскаго народа; какъ пойдетъ дальше развитіе русской государственности, трудно угадать, но, переносясь мыслью къ событіямъ 1881 года, мы должны признать, что послѣдняя возможность, которая открывалась царской власти въ Россіи для мирнаго разрѣшенія конфликта между нею и народомъ, конфликта, повлекшаго за собой паденіе царизма, была устранена Александромъ III возвращеніемъ на старый, много разъ испытанный путь русскаго полицейско-бюрократическаго абсолютизма. Въ сознаніи своей правоты, Александръ III самонадѣянно написалъ на докладѣ Лорисъ-Меликова по поводу предположеннаго привлеченія представителей общественности къ предварительной разработкѣ законопроектовъ (докум. № 2): «слава Богу, этотъ преступный и спѣшный шагъ къ конституціи не былъ сдѣланъ, и весь этотъ фантастическій проектъ былъ отвергнутъ въ Совѣтѣ Министровъ весьма незначительнымъ меньшинствомъ» [1]). Думалъ-ли Александръ III, когда писалъ эти слова, что въ нихъ онъ начерталъ смертный приговоръ царской власти въ Россіи? То, что онъ признавалъ «преступнымъ» и «спѣшнымъ», было какъ разъ то самое, безъ чего невозможно было дальнѣйшее мирное развитіе русской государственности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и благоденственное и мирное житіе русской верховной власти. Упорство послѣдней, въ отстаиваніи своей неограниченности, съ тѣхъ поръ, болѣе чѣмъ когда-либо раньше, вошло въ плоть и кровь ея, и лишь революціонныя выступленія общества могли заставить ее отказаться отъ намѣченной Александромъ III линіи поведенія. А между тѣмъ, если и была когда-либо возможность мирнымъ, не насильственнымъ путемъ ввести въ Россіи конституціонный образъ правленія, то именно въ началѣ 1881 г., когда во главѣ правительства стоялъ человѣкъ, искренно, казалось, увѣровавшій въ пользу привлеченія общественныхъ силъ къ государственному строительству, хотя бы въ той скромной формѣ, какъ это было предположено. Трагическая смерть Александра II не положила сразу предѣла надеждамъ Ло-

---

[1]) Эти слова написаны были, вѣроятно, не въ 1881 г., а при передачѣ дѣла въ государственный архивъ, т. е. въ 1890 г., и, повидимому, имѣли цѣлью служить назиданіемъ и предостереженіемъ преемникамъ.

рисъ-Меликова; но уже съ самаго воцаренія Александра III другія вліянія воздѣйствовали на новаго монарха въ смыслѣ коренной перемѣны направленія внутренней политики его отца. Эти вліянія, но главнымъ образомъ обнаружившееся нежеланіе самого Александра III слѣдовать по намѣченному Лорисъ-Меликовымъ пути, вызвали уходъ послѣдняго съ занимаемаго имъ поста, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и крушеніе той системы управленія, проводникомъ которой онъ былъ.

Опубликованіе документовъ, касающихся «конституціи» Лорисъ-Меликова, слѣдуетъ начать съ доклада, представленнаго послѣднимъ имп. Александру II еще за 10 мѣсяцевъ до выступленія его съ предложеніемъ о созывѣ представителей земствъ и городовъ въ законосовѣщательныя комиссіи.

12 февраля 1880 г. Лорисъ-Меликовъ былъ назначенъ главнымъ начальникомъ верховной распорядительной комиссіи, имѣвшей цѣлью положить предѣлъ покушеніямъ на государственный и общественный строй и внести успокоеніе въ общество, взволнованное дѣятельностью анархическихъ партій. Взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ (5 февраля 1880 г.) послужилъ толчкомъ къ образованію этой комиссіи [1]). 11 апрѣля того-же года Лорисъ-Меликовъ представилъ, «исключительно для личнаго свѣдѣнія» императора, всеподданнѣйшій докладъ (докум. № 1), въ которомъ излагалъ свои выводы за два мѣсяца управленія имъ верховною распорядительною комиссіей [2]).

Въ этомъ докладѣ онъ ставитъ вопросъ о введеніи народнаго представительства лишь для того, чтобъ опровергнуть самую мысль о своевременности его; онъ считаетъ установленіе представительнаго строя не только не полезнымъ, но и прямо вреднымъ. Съ одной стороны, при неудовлетворенности общественныхъ круговъ внутреннею политикою правительства, явилась бы

---

[1]) Слѣдуетъ отмѣтить, что въ учрежденіи верховной распорядительной комиссіи сыгралъ роль будущій императоръ Александръ III: при обсужденіи мѣръ охраны государя и водворенія спокойствія въ обществѣ, 8 февраля 1880 г., „цесаревичъ,—пишетъ въ своемъ дневникѣ Валуевъ,—предлагалъ невозможную верховную слѣдственную комиссію съ диктаторскими, на всю Россію распространенными, компетенціями“ (Вѣст. Евр., 1907 г., январь, стр. 248). То, что Валуевъ признавалъ „невозможнымъ“, осуществилось нѣсколько дней спустя, указомъ 12 февраля 1880 г. объ учрежденіи верховной распорядительной комиссіи, съ предоставленіемъ „диктаторскихъ полномочій“ ея главному начальнику—гр. Лорисъ-Меликову. Что наслѣдникъ живо интересовался дѣятельностью комиссіи, видно изъ печатаемой ниже записки Лорисъ-Меликова къ нему и его помѣты на ней, относящейся, очевидно, къ верховной распорядительной комиссіи (докум. № 13). Записка эта сохранилась среди бумагъ Лорисъ-Меликова, опечатанныхъ у него послѣ его смерти.

[2]) Обширныя выдержки изъ этого доклада приведены Татищевымъ въ его біографіи Александра II (Спб. 1903 г., т. II, стр. 636—643), изъ числа документовъ, сообщенныхъ автору ст.-секр. Кахановымъ (см. тамъ-же, прим. на стр. 650). Мы печатаемъ его полностью, въ виду того, что имѣющіяся на немъ помѣты Александра II не были еще опубликованы.

опасность, что «всѣ жалобы, всѣ сѣтованія, всѣ разнообразныя желанія принесены были бы съ собою представителями и предъявлены правительству съ критикой на всѣ его дѣйствія въ такія минуты, когда оно не въ состояніи опровергнуть критику указаніемъ на внутреннее благоустройство и относительный порядокъ въ разныхъ частяхъ управленія». Съ другой стороны, установленіе народнаго представительства имѣло бы въ данный моментъ видъ вынужденной обстоятельствами уступки. Вывести Россію изъ переживаемаго кризиса можетъ только твердая самодержавная воля, но эта задача не можетъ быть исполнена однѣми карательными и полицейскими мѣрами. Лорисъ-Меликовъ намѣчаетъ тѣ мѣры, которыя могутъ внести порядокъ въ управленіе и успокоеніе въ умахъ, и въ числѣ ихъ указываетъ на необходимость привлеченія дворянства, земства и городовъ къ разработкѣ вопросовъ, касающихся мѣстныхъ нуждъ, но не по выборамъ самихъ общественныхъ учрежденій, а по избранію правительствомъ изъ ихъ среды наиболѣе свѣдущихъ и благонадежныхъ лицъ, съ тѣмъ, чтобы правительствомъ же была преподана имъ заранѣе программа подлежащихъ обсужденію дѣлъ. Александръ II противъ этого мѣста доклада написалъ: «Съ этимъ я совершенно согласенъ».

Вотъ въ какихъ скромныхъ рамкахъ рисовалось Лорисъ-Меликову въ началѣ 1880 г. возможное привлеченіе общественныхъ силъ къ участію въ правительственной работѣ. Это было не болѣе, какъ простое приглашеніе «свѣдущихъ людей» въ помощь правительству, приглашеніе, осуществленное впослѣдствіи подъ указаннымъ названіемъ, въ министерство гр. Игнатьева. Прошло 10 мѣсяцевъ со времени представленія Лорисъ-Меликовымъ упомянутаго всеподданнѣйшаго доклада. За это время въ служебномъ положеніи Лорисъ-Меликова совершились двѣ крупныя перемѣны: 6 августа 1880 г. верховная распорядительная комиссія была закрыта, по его собственному представленію, въ виду признаннаго имъ наступленія успокоенія въ обществѣ, а въ то же время онъ назначенъ былъ управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ (15 ноября утвержденъ въ званіи министра). Документы, за время управленія Лорисъ-Меликовымъ министерствомъ, еще большею частью не опубликованы, и трудно поэтому установить, когда именно и по какимъ соображеніямъ онъ разошелся съ собственнымъ своимъ докладомъ отъ 11 апрѣля 1880 г. въ отношеніи тѣхъ мѣропріятій, какія онъ предложилъ Александру II провести въ послѣдніе дни его царствованія.

Нѣтъ сомнѣнія, что опытъ верховной распорядительной комиссіи раскрылъ Лорисъ-Меликову ту пропасть, которая лежала между правительствомъ и даже самыми благонамѣренными кругами общества. Начавъ свою «диктатуру сердца» съ цѣлаго ряда облегченій полицейско-бюрократическаго гнета, онъ долженъ былъ скоро убѣдиться, что эти частичныя поправки къ господствующему режиму не оказываютъ никакого вліянія на развитіе обще-

ственной самодѣятельности, что нужно привлечь само общество къ государственному строительству, дабы возложить и на него отвѣтственность за успѣхъ этого строительства. Пресса стала все смѣлѣе выражать истинныя чаянія общества, направленныя всѣ въ одну точку; и въ этомъ также Лорисъ-Меликовъ не могъ не усмотрѣть признака серьезнаго общественнаго движенія, которое требовало исхода.

Враги Лорисъ-Меликова обвиняли его въ легкомысліи и въ исканіи дешевой популярности. Уже послѣ его паденія Валуевъ произнесъ надъ нимъ такой суровый приговоръ: «графъ Лорисъ-Меликовъ, въ чаду выпавшаго ему случая, подъ вліяніемъ непривычной ему салонной лести и по наущенію своихъ главныхъ Эгерій, г.г. Абазы и Каханова, вообразилъ, что энциклопедическая задача (преобразованія Россіи) ему по плечу и что для ея разрѣшенія нужно было только пріобрѣсти личную популярность, хотя бы и самыми неразборчивыми средствами... Государь сначала не замѣтилъ совершившагося передвиженія кулисъ верховной комиссіи. Впослѣдствіи же гр. Лорисъ-Меликовъ беззастѣнчиво пользовался другими вліяніями для поддержанія своего авторитета (здѣсь, вѣроятно, слѣдуетъ разумѣть вліяніе морганатической супруги Александра II, кн. Юрьевской, съ которою Лорисъ-Меликовъ поддерживалъ самыя тѣсныя отношенія); онъ эксплуатировалъ нравственное и умственное утомленіе того, кто себя ему неосмотрительно ввѣрилъ» [1]). «Исторія напишетъ странную исторію о министерствѣ гр. Лорисъ-Меликова,—писалъ тотъ же Валуевъ еще въ декабрѣ 1880 г.—не желалось бы ощущать то, что онъ долженъ ощущать уже теперь, а въ особенности то, что онъ неизбѣжно ощутитъ позже, когда увидитъ послѣдствія» [2]). Если въ этихъ отзывахъ о Лорисъ-Меликовѣ и звучитъ нота раздраженія опытнаго бюрократа и законника противъ временщика, «диктатора», какимъ на самомъ дѣлѣ являлся Лорисъ-Меликовъ за краткое время своего пребыванія у власти, то имъ нельзя, въ то-же время, отказать въ проницательности и мѣткости: отличительная черта проектовъ и мѣропріятій Лорисъ-Меликова—ихъ непродуманность и легковѣсность, при всей несомнѣнной чуткости автора ихъ къ потребностямъ момента. Неудивительно поэтому, что идея объ установленіи представительнаго строя въ Россіи была легко усвоена Лорисъ-Меликовымъ, какъ только либеральныя мѣры его, какъ главнаго начальника верховной распорядительной комиссіи, вызвали въ широкихъ кругахъ ожиданіе коренной реформы государственнаго строя. Кромѣ того, онъ зналъ, что идея такой реформы не чужда самому Александру II, что не далѣе, какъ за мѣсяцъ до его назначенія главою верховной комиссіи, въ декабрѣ 1879 и въ

---

[1]) Дневникъ гр. Валуева въ Вѣстн. Евр., 1907 г., январь, стр. 251.

[2]) Тамъ-же, мартъ, стр. 25. Другіе рѣзкіе отзывы Валуева о Лорисъ-Меликовѣ—см. тамъ-же, февраль, стр. 456, мартъ, стр. 5 и др.

январѣ 1880 гг., вопросъ о представительствѣ обсуждался, по почину самаго императора, въ особомъ совѣщанiи, при чемъ въ основу обсужденiя положены были проекты Валуева 1863 г. и в. кн. Константина Николаевича 1866 г. Если весною 1880 г. Лорисъ-Меликовъ высказался, тѣмъ не менѣе, противъ введенiя представительнаго строя, то осенью того же года онъ уже заговорилъ иначе. А. И. Кошелевъ въ своихъ запискахъ сообщаетъ, что въ разговорѣ его съ Лорисъ-Меликовымъ осенью 1880 г. послѣднiй сказалъ ему, что «на созванiе земской думы онъ никакъ не надѣялся получить соизволенiе государя, но онъ имѣлъ въ виду собрать общую, довольно многочисленную комиссiю изъ выборныхъ отъ земствъ, а гдѣ таковыя еще не образованы, изъ лицъ, приглашенныхъ правительствомъ» [1]).

Въ концѣ января 1881 г. Лорисъ-Меликовъ и выступилъ съ проектомъ такой «общей комиссiи». Въ первомъ документѣ, относящемся къ этому мѣропрiятiю,—всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 28 января 1881 г. (докум. № 2),—Лорисъ-Меликовъ указываетъ, что принятыми съ начала его «диктатуры» мѣрами достигнуто успокоенiе тревожнаго состоянiя общества и возбуждена готовность служить государю «для завершенiя великаго дѣла государственныхъ реформъ», предпринятыхъ съ первыхъ же дней вступленiя Александра II на престолъ. Такимъ настроенiемъ слѣдуетъ воспользоваться; для завершенiя реформъ имѣется много не использованныхъ еще вѣдомствами матерiаловъ, которые имѣютъ быть пополнены назначенными въ сентябрѣ 1880 г. сенаторскими ревизiями; но освѣщенiе всѣхъ этихъ данныхъ не будетъ достаточнымъ безъ практическихъ указанiй людей, близко знакомыхъ съ мѣстными условiями и потребностями. Въ виду этого «призванiе общества къ участiю въ разработкѣ необходимыхъ для настоящаго времени мѣропрiятiй есть именно то средство, какое и полезно и необходимо для дальнѣйшей борьбы съ крамолою». Въ апрѣлѣ 1880 г., какъ мы видѣли, Лорисъ-Меликовъ признавалъ это средство не только не полезнымъ, но и вреднымъ.

Докладъ 28 января 1881 г. есть основной документъ для исторiи такъ называемой «конституцiи» гр. Лорисъ-Меликова [2]). Въ немъ содержатся всѣ главныя черты ея, не подвергавшiяся существеннымъ измѣненiямъ при послѣдующемъ обсужденiи проекта. Въ настоящее время намъ кажутся поразительно скромными тѣ рамки, какiя предполагалось отвести для будущаго

---

[1]) Цитирую по С. Сватикову: „Общественное движенiе въ Россiи“, ч. II, стр. 128.

[2]) Докладъ 28 января 1881 г. былъ напечатанъ въ 1905 г. въ изданной министерствомъ внутреннихъ дѣлъ офицiальной запискѣ подъ заглавiемъ: „Предположенiя высшаго правительства о привлеченiи избранныхъ отъ населенiя лицъ къ законосовѣщательной дѣятельности“. Въ томъ же году онъ былъ перепечатанъ въ „Вѣстникѣ Права“, № 9, въ статьѣ Берманьскаго: „Конституцiонные проекты царствованiя Александра II“.

представительства, которое врядъ-ли можетъ быть даже названо «народнымъ»; и, однако, въ свое время, этотъ робкій шагъ къ конституціи былъ признанъ Александромъ III «преступнымъ» и «спѣшнымъ»; вокругъ проекта Лорисъ-Меликова загорѣлась отчаянная борьба придворныхъ и бюрократическихъ вліяній, которая привела къ побѣдѣ реакціонныхъ началъ, наложившихъ свой отпечатокъ на послѣдующую четверть вѣка государственной жизни Россіи. Отголоскомъ этой борьбы являются весьма цѣнныя для исторіи первыхъ дней царствованія Александра III письма К. П. Побѣдоносцева къ Е. Ѳ. Тютчевой, напечатанныя въ «Русскомъ Архивѣ» 1907 г.; я ниже приведу изъ нихъ нѣкоторыя выписки, объясняющія закулисную исторію эпохи, не нашедшую отраженія въ печатаемыхъ нами офиціальныхъ бумагахъ; такую же, если не большую, цѣнность имѣютъ и свидѣтельства уже цитированнаго мною дневника гр. Валуева, освѣщающаго событія еще съ новой стороны [1]).

1 февраля 1881 г. Лорисъ-Меликовъ посѣтилъ Валуева и сообщилъ ему о желаніи государя, чтобы онъ участвовалъ въ совѣщаніи, которое должно состояться у государя для обсужденія представленной имъ, Лорисъ-Меликовымъ, записки. «Ближній бояринъ (какъ называлъ Лорисъ-Меликова Валуевъ) мнѣ ее вчера (2 февраля) прислалъ. Монументъ посредственности умственной и нравственной; при наивно-циничномъ самовосхваленіи, при грубомъ кажденіи государю и грубомъ изложеніи разной лжи, прежняя мысль о какихъ-то редакціонныхъ комиссіяхъ изъ призывныхъ экспертовъ». Того-же 2 февраля Лорисъ-Меликовъ особымъ письмомъ (докум. № 3) увѣдомилъ Валуева о назначеніи его въ составъ совѣщанія для обсужденія его проекта. Предварительное разсмотрѣніе послѣдняго состоялось 4 февраля, въ Зимнемъ дворцѣ, въ присутствіи Александра II; въ совѣщаніи приняли участіе: наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ, великій князь Константинъ Николаевичъ, предсѣдатель комитета министровъ гр. П. А. Валуевъ, главноуправляющій II-мъ отдѣленіемъ собственной е. в. канцеляріи кн. С. Н. Урусовъ, министръ двора гр. А. В. Адлербергъ, финансовъ—А. А. Абаза, юстиціи—Д. Н. Набоковъ и внутреннихъ дѣлъ—гр. Лорисъ-Меликовъ. Вотъ какъ описываетъ Валуевъ это совѣщаніе: «читалась самимъ гр. Лорисъ-Меликовымъ его записка. Затѣмъ обсуждалась. Нельзя было вчера ставить себѣ вопросъ: qui donc trompe-t-on ici? Отвѣтъ давался заранѣе. Нельзя было также не замѣтить, до какой степени decipi placet. Дѣло кончилось всеобщимъ одобреніемъ предположеній министра внутреннихъ дѣлъ, съ обычными неопредѣленными оговорками насчетъ «предосторожностей», «деталей» и пр., и порученіемъ разсмотрѣть эти де-

---

[1]) Заимствую показанія дневника Валуева изъ статей П. Е. Щеголева: „Изъ исторіи конституціонныхъ вѣяній 1879—1881 гг.“ въ декабрской книгѣ „Былого“ за 1906 г., стр. 276—284, и „Послѣ 1 марта 1881 г.“ въ мартовской книгѣ „Былого“ за 1907 г., стр. 290—299.

тали и установить эти предосторожности въ совѣщаніи изъ тѣхъ же лицъ, кромѣ государя, подъ моимъ предсѣдательствомъ. Michel I-er (Лорисъ-Меликовъ) спросилъ меня, въ полголоса, нельзя-ли прибавить Сольскаго, какъ редактора, чему я весьма обрадовался, потому что мой трудъ сократится. Такъ и состоялось». Въ результатѣ этого разговора «въ полголоса» Лорисъ-Меликовымъ было отправлено 5 февраля печатаемое ниже (докум. № 4) «совершенно конфиденціальное» письмо къ Д. М. Сольскому, бывшему въ то время государственнымъ контролеромъ, съ приглашеніемъ его участвовать въ обсужденіи возбужденнаго министромъ внутреннихъ дѣлъ вопроса.

Первое засѣданіе «особаго совѣщанія» подъ предсѣдательствомъ Валуева состоялось у наслѣдника въ Аничковскомъ дворцѣ 9 февраля. «...Совѣщаніе было жалко, но безобидно,—пишетъ по поводу его Валуевъ,—всякое разумное сужденіе было невозможно. Рамки, понятія, формулы—все условно. Истины ни на алтынъ. Пониманіе ограниченное. Сольскій, при своемъ умѣ, прежде всего канцеляристъ. Дѣло на заднемъ планѣ: на первомъ—какъ бы редактировать что бы то ни было постановлено. Кн. Урусовъ думаетъ только о томъ, какъ бы что уторговать или отторговать. Набоковъ блѣденъ, но разсудителенъ въ общемъ итогѣ. Гр. Адлербергъ блѣднѣе всякой блѣдности. Для него совѣщаніе вродѣ барщины, подлежащей отсидѣнію. Онъ и отсидѣлъ. И мы—правительство!» Второе засѣданіе особаго совѣщанія происходило тамъ же 14 февраля. Вотъ что записалъ о немъ Валуевъ: «вечеромъ заключительное совѣщаніе у цесаревича. Пришелъ журналъ, редактированный Сольскимъ и въ которомъ, mirabile dictu, въ началѣ повторяется все самовосхваленіе ближняго боярина, даже фраза о молодежи, въ виду университетскихъ безпорядковъ... Все, имъ предпринятое, предпринято для оглашенія подъ своею фирмою, и вчера онъ поэтому особенно настаивалъ на оглашеніи. Наивно-неглупый Сольскій добродушно возражалъ, не замѣчая тщеты всѣхъ своихъ соображеній. Кн. Урусовъ и гр. Адлербергъ попытались кое-гдѣ пощипать; но и это, конечно, оказалось напраснымъ: они ничего не отщипали».

Журналъ особаго совѣщанія былъ подписанъ всѣми участниками его 16 февраля 1881 г. (докум. № 5). Какъ видно изъ его содержанія, мысль о созывѣ представителей земствъ и городовъ въ законосовѣщательное учрежденіе («общую комиссію») была имъ въ принципѣ одобрена, и лишь въ самый способъ выполненія этой мысли были внесены нѣкоторыя несущественныя измѣненія сравнительно съ первоначальнымъ проектомъ Лорисъ-Меликова. На журналѣ особаго совѣщанія имп. Александръ II на слѣдующій же день послѣ его представленія, 17 февраля 1881 г., написалъ резолюцію: «Исполнить». Этою резолюціей юридически санкціонировался новый строй, Россія получала нѣчто вродѣ представительства. Событіе 1 марта надолго отодвинуло фактическое осуществленіе представительнаго строя, предрѣшен-

наго 17 февраля. Александръ II, кладя указанную резолюцію на журналѣ особаго совѣщанія, отдавалъ себѣ ясный отчетъ относительно значенія предпринимаемаго имъ шага. Есть извѣстіе, что во время своихъ совѣщаній съ министрами по поводу проекта Лорисъ-Меликова, онъ сказалъ: «намъ предлагаютъ не что иное какъ собраніе нотаблей Людовика XVI. Не забывайте послѣдствій... тѣмъ не менѣе, если вы считаете это полезнымъ для страны, я не буду противиться». По другому извѣстію, Александръ II назвалъ предложенный Лорисъ-Меликовымъ созывъ представителей земствъ и городовъ «генеральными штатами». [1]).

Несмотря на «совершенную конфиденціальность» созыва особаго совѣщанія, слухи о готовящейся реформѣ проникли въ публику; ожидалось обнародованіе акта о конституціи 19 февраля, въ годовщину восшествія Александра II на престолъ, и манифеста объ освобожденіи крестьянъ — 26 февраля, въ день рожденія наслѣдника. Въ газетахъ появились статьи, намекавшія на возможность перемѣны курса, и выдержки изъ иностранной печати по поводу ожидавшейся перемѣны. За границею совершенно откровенно говорилось о возможности установленія конституціи въ Россіи: такъ, «Russische Correspondenz» (Берлинъ) въ сообщеніи отъ 28 февраля (12 марта н. ст.) довольно точно изложила исторію проекта Лорисъ-Меликова: «17 февраля,—писала она,—состоялось засѣданіе комитета министровъ (слѣдуетъ разумѣть: особаго совѣщанія), подъ предсѣдательствомъ е. в. государя императора. На этомъ засѣданіи обсуждались въ высшей степени важныя реформы, которыя, однако, не были еще утверждены государемъ. Мы упомянули также о томъ, что на русское общество, убѣжденное въ предстоящихъ важныхъ реформахъ, не произвело непріятнаго впечатлѣнія то обстоятельство, что 19 февраля не было обнародовано указа о какихъ-либо преобразованіяхъ, котораго оно ожидало 26 февраля, въ день рожденія наслѣдника цесаревича. Надежды общества были не безосновательны. Хотя ни 19-го, ни 26-го не обнародовано ожидавшагося указа, тѣмъ не менѣе, со времени засѣданія 17 февраля, государь императоръ утвердилъ указъ, которымъ повелѣвается созваніе извѣстнаго числа депутатовъ изъ разныхъ губерній. На основаніи этого указа въ 36 губерніяхъ, въ которыхъ введены земскія учрежденія, должны были избрать депутатовъ, которые имѣли собраться въ Петербургѣ. Для остальныхъ губерній, каковы: остзейскія провинціи, Польша и юго-западныя провинціи и др.,—должны были послѣдовать особые царскіе указы. Первая задача этого собранія должна была заключаться въ обсужденіи результатовъ сенаторскихъ ревизій и въ разработкѣ, на основаніи ихъ, законопроектовъ для устраненія обнаруженныхъ злоупотребленій. Указъ, какъ мы узнаемъ, не былъ утвержденъ до

---

[1]) Leroy-Beaulieu, L'empire des tsars et les Russes, t. II, p. 609—610.

19 февраля и не былъ обнародованъ въ этотъ день, чтобы ему не придавали особенно важнаго значенія».

Въ письмѣ Побѣдоносцева къ Е. Ѳ. Тютчевой, отъ 3 марта онъ сообщаетъ ей то, что слышалъ еще до кончины Александра II: «при покойномъ государѣ — пишетъ онъ — было уже три засѣданія о какомъ-то совѣщательномъ собраніи: одно въ Зимнемъ и два въ Аничковскомъ дворцѣ. Я не участвовалъ. Цесаревичъ не заявлялъ возраженій, но сказалъ Лорисъ-Меликову сообщить мнѣ протоколъ. Лорисъ-Меликовъ объявилъ мнѣ о томъ двѣ недѣли тому назадъ и при мнѣ получилъ протоколъ, хотѣлъ прислать его въ тотъ же день и не присылалъ до сихъ поръ». [1]). Немного времени спустя, 11 марта, тотъ же Побѣдоносцевъ, возвращаясь къ повѣствованію о предшествовавшихъ 1-му марта событіяхъ, разсказываетъ Тютчевой: «не помню, писалъ-ли я вамъ прежде о замыслахъ Лорисъ-Меликова и К° облагодѣтельствовать Россію конституціей или началомъ ея посредствомъ вызова депутатовъ со всей Россіи. Совѣтниками его были профессоры и журналисты. Меня онъ не спрашивалъ, ибо заранѣе зналъ мое мнѣніе. Были уже засѣданія, одно у государя и два у цесаревича. Всѣ (!) согласились на сей разъ, что это дѣло невинное и благодѣяніе для Россіи, коего вся Россія ждетъ. Цесаревичъ еще 17 февраля приказалъ ему сообщить мнѣ проектъ, и Лорисъ-Меликовъ сказалъ мнѣ объ этомъ, но не прислалъ проекта. Все уже было подготовлено. 2 марта назначенъ быть у государя (Александра II) совѣтъ министровъ для окончательнаго рѣшенія, а между тѣмъ Лорисъ-Меликовъ заготовилъ торжественную публикацію объ этомъ, которая должна была появиться въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» 5-го числа. И вдругъ эта катастрофа!». [2]).

Упоминаемая Побѣдоносцевымъ «торжественная публикація» есть предназначенное для напечатанія въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» офиціальное сообщеніе (докум. № 6), въ которомъ излагаются основныя черты намѣченной реформы. Это сообщеніе было составлено по приказанію Александра II, данному Лорисъ-Меликову въ день утвержденія имъ журнала особаго совѣщанія, т. е. 17 февраля. Изъ опубликованнаго въ «Русскомъ Архивѣ» текста этого сообщенія видно, что оно было написано М. С. Кахановымъ, бывшимъ въ то время товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ. Въ примѣчаніи къ этому документу Кахановъ указываетъ, что проектъ правительственнаго сообщенія, одобренный Александромъ II, былъ предположенъ къ докладу (совѣту министровъ) 4 марта, а возвращенъ былъ съ высочайшимъ одобреніемъ 1 марта въ 12½ ч. дня. [3]). Съ своей стороны Валуевъ

---

[1]) Русскій Архивъ 1907 г., кн. II, стр. 90.

[2]) Рус. Архивъ 1907 г., кн. II, стр. 93.

[3]) Рус. Архивъ 1916 г., кн. I, стр. 21. Этотъ же часъ указанъ въ докладѣ Лорисъ-Меликова Александру III отъ 6 марта (докум. № 8).

такъ повѣствуетъ о судьбѣ этого сообщенія: «проектъ извѣщенія былъ составленъ 1 марта. [1]) Утромъ государь прислалъ за мной, чтобы передать проектъ объявленія, составленный въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, съ порученіемъ сказать о немъ мое мнѣніе, и, если я не буду имѣть возраженій, созвать совѣтъ министровъ въ среду, 4-го числа. Я давно, очень давно не видѣлъ государя въ такомъ добромъ духѣ, и даже на видъ такъ здоровымъ и добрымъ (бодрымъ?). Въ 3-мъ часу я былъ у гр. Лорисъ-Меликова (чтобы его предупредить, что я возвратилъ проектъ государю безъ замѣчаній), когда раздались роковые взрывы...». То, что передаетъ Валуевъ въ своемъ дневникѣ, дополняется печатаемою ниже всеподданнѣйшею запискою его Александру II, отъ того же 1 марта 1881 г., при коей онъ возвращалъ данный ему для ознакомленія проектъ правительственнаго сообщенія (докум. № 7).

Нѣкоторыя извѣстія о дѣйствіяхъ, въ связи съ предполагавшеюся реформою, Александра II и его преемника въ самый день 1 марта нашли себѣ отголосокъ въ иностранной литературѣ о Россіи. Точность этихъ извѣстій отчасти опровергается документами, но они не безынтересны, какъ отраженіе ходившихъ слуховъ о «конституціи» Лорисъ-Меликова. Викторъ Лафертэ, авторъ надѣлавшей въ свое время много шума книги: «Alexandre II. Détails inédits sur sa vie intime et sa mort» (Женева, 1882 г.), книги, составленной почти исключительно на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ автору морганатическою супругою Александра II кн. Юрьевскою, разсказываетъ, что 1 марта императоръ намѣревался утромъ посѣтить Лорисъ-Меликова, чувствовавшаго себя не совсѣмъ здоровымъ; въ этомъ желаніи видѣть своего министра сказалось, по мнѣнію Лафертэ, и предчувствіе и нетерпѣніе передать ему важный документъ, только что имъ подписанный и подлежавшій на слѣдующій день обнародованію. Очевидно, рѣчь идетъ здѣсь о проектѣ правительственнаго сообщенія. Однако, нѣсколькими строками ниже авторъ передаетъ, что Александръ II отдалъ этотъ документъ Лорисъ-Меликову, явившемуся, несмотря на нездоровье, во дворецъ, послѣ чего зашелъ къ своей женѣ и уѣхалъ на разводъ въ Михайловскій манежъ [2]). Въ своемъ трудѣ «L'Empire des tsars et les Russes», какъ и въ позднѣйшемъ своемъ очеркѣ объ Александрѣ III [3]), Леруа-Болье сообщаетъ, что въ самый день 1 марта Лорисъ-Меликовъ спросилъ у новаго государя, долженъ-ли онъ слѣдовать указаніямъ, даннымъ ему покойнымъ императоромъ по вопросу объ опубликованіи правительственнаго сообщенія на слѣдующій день, 2 марта. На самомъ дѣлѣ, такого распоряженія Алоксандромъ II не было сдѣлано;

---

[1]) Это не вполнѣ точно: составленъ былъ проектъ раньше, а 1 марта онъ былъ одобрѣнъ Александромъ II, съ тѣмъ, чтобы 4-го онъ былъ обсужденъ въ совѣтѣ министровъ.

[2]) V. Laferté. Alexandre II, pp. 23—24.

[3]) An. Leroy Beaulieu. Etudes russes et européennes, p. 1897, pp. 92—93.

предполагалось лишь 4 марта созвать совѣтъ министровъ для предварительнаго обсужденія проекта сообщенія. На вопросъ Лорисъ-Меликова Александръ III отвѣчалъ: «ничего не мѣняй въ приказаніяхъ моего отца, пусть это будетъ его завѣщаніемъ». Но въ теченіе ночи у новаго императора явились сомнѣнія: исполнить посмертную волю родителя—значило связать себя на все предстоящее царствованіе. Онъ среди ночи послалъ Лорисъ-Меликову приказъ задержать обнародованіе документа, будто бы уже набиравшагося въ типографіи «Правительственнаго Вѣстника», а послѣ того новыя вліянія, преимущественно Побѣдоносцева и Каткова, окончательно отдалили его отъ задуманнаго его отцомъ шага. По поводу этого разсказа Леруа-Болье слѣдуетъ замѣтить, что въ новомъ проектѣ правительственнаго сообщенія, составленномъ послѣ 1 марта, вся заключительная его часть дѣйствительно написана въ духѣ тѣхъ словъ, какія Леруа-Болье вложилъ въ уста Александра III; если эти слова были переданы французскому писателю самимъ Лорисъ-Меликовымъ, что вполнѣ возможно, то свидѣтельство это получаетъ особый интересъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ объясняется и увѣренный тонъ, которымъ написана заключительная часть правительственнаго сообщенія и въ которомъ какъ бы не допускается мысли о возможности какого-либо отступленія новаго императора отъ его намѣренія исполнить волю отца.

Намѣченное на 4 марта обсужденіе проекта правительственнаго сообщенія было отложено. 6 марта Лорисъ-Меликовъ при особой докладной запискѣ (докум. № 8) представилъ Александру III новый проектъ сообщенія, видоизмѣненный вслѣдствіе событія 1 марта (докум. № 9). На докладной запискѣ Лорисъ-Меликова императоръ надписалъ: «Проектъ составленъ очень хорошо», а на поляхъ той-же записки помѣтилъ: «О созывѣ совѣта министровъ переговорю съ вами». Какъ выясняется изъ примѣчанія къ напечатанному въ «Русскомъ Архивѣ» тексту этого проекта, и онъ, такъ же, какъ и первый проектъ, составленъ былъ Кахановымъ [1]).

Въ револютивныхъ своихъ частяхъ этотъ проектъ не представляетъ разницы съ первымъ; указанія на порядокъ созыва подготовительныхъ и общей комиссій и на кругъ вѣдѣнія ихъ оставлены во второмъ проектѣ безъ измѣненій. Но значительно отличается второй проектъ отъ перваго во вступительной и въ указанной выше заключительной его частяхъ; послѣдняя вся написана заново. Послѣ событія 1 марта нельзя было оставить въ текстѣ правительственнаго сообщенія всю ту «хвастливую фразеологію» (какъ выразился Валуевъ), которою ослѣплялъ себя и другихъ Лорисъ-Меликовъ, выставляя на видъ «успокоеніе общества и возстановленіе порядка», и которая получила 1 марта такое «громовое опроверженіе», по выраженію того же Валуева.

---

[1]) „Рус. Архивъ“ 1916 г., кн. I, стр. 26.

Съ другой стороны, нужно было дать понять обществу, что новый государь твердо рѣшилъ исполнить волю своего отца, «какъ достойное всей его жизни прощаніе его съ своимъ народомъ», а потому оказалось необходимымъ прибавить къ проекту то заключеніе, которое можетъ быть самимъ Александромъ III было внушено Лорисъ-Меликову въ день 1 марта, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ совершившагося цареубійства. Однако, и измѣненною редакціей правительственнаго сообщенія остался недоволенъ главный противникъ Лорисъ-Меликова, Побѣдоносцевъ. Описывая Е. Ѳ. Тютчевой засѣданіе 8 марта 1881 г., онъ съ негодованіемъ разсказываетъ ей, что «они (Лорисъ-Меликовъ и К°) имѣли безстыдство въ этомъ объявленіи теперь оставить всѣ тѣ же мотивы, которые были помѣщены въ прежнемъ: что повсюду водворено спокойствіе, крамола подавлена, ссыльные возвращены и проч.». Что касается заключительной части проекта объявленія, то и въ отношеніи ея Побѣдоносцевъ выражаетъ сомнѣніе, чтобы новый государь считалъ «священнымъ долгомъ исполнить завѣтъ отца своего», какъ сказано въ проектѣ [1]).

7 марта Валуевъ получилъ распоряженіе созвать совѣтъ министровъ на слѣдующій день, 8 марта. Это историческое засѣданіе извѣстно намъ по тремъ описаніямъ участниковъ его: по напечатанному въ І-й книгѣ «Былого» за 1906 г., стр. 189—194, разсказу не названнаго по имени государственнаго дѣятеля [2]), по дневнику гр. Валуєва («Былое» 1906 г., декабрь, стр. 281—284) и по повѣствованію Побѣдоносцева въ письмѣ его къ Тютчевой (Русскій Архивъ 1907 г., кн. II, стр. 93—95). Краткая замѣтка объ этомъ же засѣданіи имѣется кромѣ того въ упомянутомъ выше примѣчаніи Каханова къ тексту правительственнаго сообщенія, напечатанному въ «Русскомъ Архивѣ» 1916 г.; замѣтка эта написана, вѣроятно, со словъ Лорисъ-Меликова [3]).

Какое значеніе придавалось засѣданію участниками его, видно изъ словъ Валуева, которыми онъ начинаетъ свой разсказъ о днѣ 8 марта: «о засѣданіи совѣта,—пишетъ онъ,—можно было бы написать цѣлую книгу». Анонимный авторъ воспоминанія объ этомъ засѣданіи заканчиваетъ свое описаніе его словами: «послѣдствіемъ этого историческаго засѣданія явилась вся внутренняя

---

[1]) „Рус. Архивъ" 1907 г., кн. II, стр. 94.

[2]) По сообщенію редакціи „Былого", разсказъ этотъ заимствованъ изъ записокъ госуд. секретаря Е. А. Перетца.

[3]) По составленіи настоящаго очерка авторъ имѣлъ возможность ознакомиться съ печатаемою въ настоящей книгѣ „Былого" записью В. А. Бильбасова о разговорѣ его съ Лорисъ-Меликовымъ по поводу засѣданія 8 марта. Къ извѣстіямъ Бильбасова слѣдуетъ отнестись съ осторожностью, такъ какъ они являются лишь пересказомъ слышаннаго отъ третьяго лица, но, тѣмъ не менѣе, они представляютъ значительный интересъ, въ особенности въ вопросѣ о послѣдовательномъ ходѣ событій послѣ 1 марта въ связи съ созывомъ совѣта министровъ на 8 марта. Самое описаніе засѣданія во многомъ отличается отъ трехъ доселѣ извѣстныхъ разсказовъ о немъ, но это объясняется тѣмъ, что вдохновителемъ Бильбасова являлось главное заинтересованное въ дѣлѣ лицо, Лорисъ-Меликовъ.

политика Александра III» [1]). Такъ оно представлялось современникамъ, такъ же должно оно быть оцѣнено и потомствомъ. Но этотъ результатъ засѣданія 8 марта сказался не сразу: Александръ III предпочелъ не лишать до времени сторонниковъ «конституціи» Лорисъ-Меликова надежды на достиженіе ихъ цѣли и продолжалъ держаться того выжидательнаго положенія, которое онъ себѣ усвоилъ въ первые два мѣсяца своего царствованія.

Если вѣрно то, что въ первый моментъ послѣ смерти Александра II онъ, не задумываясь, хотѣлъ дать ходъ уже утвержденному покойнымъ императоромъ проекту, то недѣлю спустя онъ уже успѣлъ взглянуть на дѣло спокойнѣе и опредѣлить свое отношеніе къ нему. Поэтому, открывая засѣданіе 8 марта, онъ заявилъ, что «вопросъ не слѣдуетъ считать предрѣшеннымъ» [2]). Побѣдоносцевъ также сообщаетъ, что «государь, объявивъ, въ чемъ дѣло, прибавилъ, что оно не рѣшено еще покойнымъ, что оно сомнительно и что проситъ всѣхъ говорить не стѣсняясь» [3]). То же самое записываетъ въ своемъ дневникѣ и Валуевъ: «государь просилъ всѣхъ присутствовавшихъ высказаться вполнѣ «правдиво», ничѣмъ не стѣсняясь, и даже не считая дѣла по существу предрѣшеннымъ». Существа дѣла и коснулись всѣ члены совѣщанія, потому что первоначально предположенный къ обсужденію вопросъ исключительно о своевременности опубликованія правительственнаго сообщенія, «въ виду явнаго колебанія государя по этому существу, немедленно улетучился», по выраженію Валуева [4]). Я полагаю, однако, что со стороны Александра III особаго колебанія въ выборѣ пути, которымъ слѣдовало итти, не было уже и ко времени созыва засѣданія, 8 марта. Правда, онъ одобрилъ представленный ему Лорисъ-Меликовымъ 6 марта проектъ правительственнаго сообщенія, но одобрилъ онъ только его форму («онъ составленъ весьма хорошо»), не высказавшись по существу его. 8-го же марта онъ поставилъ вопросъ на обсужденіе по существу во всей его широтѣ, но самъ только намеками обнаружилъ свой собственный взглядъ на него. Валуевъ впослѣдствіи прибавилъ къ своему описанію засѣданія 8 марта такое замѣчаніе: «хотя государь и предоставилъ всѣмъ высказаться, самъ не высказываясь, но явно было, что его личное мнѣніе уже установилось на точкѣ зрѣнія Побѣдоносцева, заранѣе объяснившагося и согласившагося съ гр. Строгановымъ» [5]).

Всѣ описанія засѣданія 8 марта совпадаютъ въ главныхъ чертахъ въ отношеніи изложенія внѣшней стороны хода засѣданія, но глубоко разнятся между собою въ тонѣ и въ оцѣнкахъ происшедшаго на засѣданіи въ зависимости отъ личныхъ взглядовъ

---

[1]) „Былое" 1906 г., январь, стр. 199.
[2]) Тамъ же, стр. 194.
[3]) Рус. Архивъ 1907 г., кн. II, стр. 94.
[4]) Былое 1906 г., декабрь, стр. 282.
[5]) Тамъ же, стр. 284.

каждаго изъ авторовъ. Наиболѣе безпристрастное изложеніе дѣла даетъ авторъ разсказа, помѣщеннаго въ январьской книгѣ «Былого» 1906 г., но глубокая пропасть лежитъ между отзывами Валуева и Побѣдоносцева. Чтобы оцѣнить эту разницу, достаточно указать на то, что Побѣдоносцевъ называетъ рѣчь Валуева «отвратительною», а Валуевъ называетъ рѣчь Побѣдоносцева «невозможною».

Животрепещущимъ памятникомъ засѣданія 8 марта является впервые печатаемое нынѣ письмо Побѣдоносцева къ Лорисъ-Меликову, бережно сохраненное послѣднимъ среди бумагъ его, поступившихъ послѣ его смерти въ Аничковъ дворецъ (докум. № 10). Письмо написано въ самый день засѣданія; оно все дышетъ еще «возбужденіемъ нынѣшняго утра» [1]), все проникнуто переживаніями обнаружившагося между обѣими партіями конфликта. И, однако, оно не можетъ не оставить страннаго впечатлѣнія: называть Лорисъ-Меликова «достопочтеннѣйшимъ графомъ», свидѣтельствовать ему «душевное уваженіе и преданность», сожалѣть, что сказанныя утромъ слова могли оставить въ немъ «чувство личнаго неудовольствія» противъ автора письма,—все это мало вяжется съ тономъ всего того, что писалъ тотъ же Побѣдоносцевъ Тютчевой о томъ же Лорисъ-Меликовѣ и въ эти же самые дни. «Фокусникъ», «азіатецъ», человѣкъ, «ведущій Россію къ гибели»,—вотъ эпитеты, которыми онъ награждаетъ своего политическаго противника въ письмахъ, предназначенныхъ для близкаго ему лица, въ которыхъ онъ поэтому могъ выражаться съ полной искренностью. Врядъ-ли онъ съ такою же искренностью могъ писать Лорисъ-Меликову 8 марта; но и обвинять его въ особомъ маккіавелизмѣ, въ какой-то нарочитой двойственности поведенія нѣтъ также основаній, прежде всего потому, что не видно причинъ, какія заставляли бы его играть какую-либо двуличную роль въ отношеніи Лорисъ-Меликова; онъ высказался слишкомъ прямо и рѣзко въ засѣданіи 8 марта противъ замысла Лорисъ-Меликова; искать у него поэтому расположенія или пытаться смягчить впечатлѣніе сказаннаго имъ—было бы излишне. Остается предположить, что свое письмо Побѣдоносцевъ написалъ подъ вліяніемъ довольно естественнаго чувства досады на собственную несдержанность. Можетъ быть, на другой день послѣ засѣданія онъ раскаялся въ томъ, что написалъ свое письмо, и дорого далъ бы, чтобъ его вернуть; но когда онъ его писалъ, онъ, повидимому, находился еще весь во власти пережитаго имъ «возбужденія» и послѣдовалъ первому порыву сердца, не взвѣсивъ того, какъ онъ могъ быть истолкованъ его адресатомъ.

Рядомъ съ письмомъ Побѣдоносцева слѣдуетъ поставить и краткую записку Д. А. Милютина къ Лорисъ-Меликову, сохранившуюся также въ бумагахъ послѣдняго (докум. № 11). Она писана шесть дней спустя послѣ засѣданія 8 марта; въ заклю-

---

[1]) Засѣданіе началось въ 2 ч. дня.

чительныхъ строкахъ ея проглядываетъ сознаніе всей неясности создавшагося положенія.

Въ засѣданіи 8 марта не было вынесено опредѣленнаго рѣшенія относительно дальнѣйшаго хода разсмотрѣнія поставленнаго на очередь дѣла, лучше сказать—не было вынесено никакого рѣшенія. «Было повелѣно составить особое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ графа Лорисг,—записалъ Кахановъ,—«но оно составлено не было» [1]). Это извѣстіе не вполнѣ сходится съ тѣмъ, что сообщаютъ Побѣдоносцевъ и Валуевъ. Первый изъ нихъ пишетъ: «Государь (въ засѣданіи 8 марта) рѣшилъ, что дѣло это слишкомъ сложное и важное, чтобы рѣшать его теперь; надобно еще разсмотрѣть подробно въ особой комиссіи и потомъ въ комитетѣ министровъ, но только съ тѣмъ, чтобы учрежденіе не имѣло политическаго характера... Слышно, что будетъ комиссія подъ предсѣдательствомъ великаго князя Владиміра» [2]). Больше всего подробностей сообщаетъ Валуевъ: «кн. Урусовъ,—пишетъ онъ,—предложилъ возвратить дѣло для новаго обсужденія въ комитетъ министровъ. Самъ государь замѣтилъ, что можно его вновь обсудить и въ какомъ-нибудь спеціальномъ совѣщаніи. Эту мысль поддерживалъ Сольскій. Государь спросилъ гр. Строганова, приметъ-ли онъ на себя предсѣдательство въ такомъ совѣщаніи; гр. Строгановъ уклонился отъ предсѣдательства, но предложилъ быть членомъ. Окончательнаго повелѣнія о совѣщаніи и его составѣ не состоялось, и засѣданіе кончилось, слѣдовательно, pas même en queue de poisson. Такой полный фіаско министра внутреннихъ дѣлъ, въ такомъ дѣлѣ и при всѣхъ усиливающихъ фіаско обстоятельствахъ, рѣшаетъ совершенно, на мой взглядъ, вопросъ о его дальнѣйшемъ значеніи и вліяніи» [3]).

Сопоставленіе приведенныхъ извѣстій вскрываетъ любопытную подробность, характеризующую отношеніе самого Александра III къ вопросу. Неопредѣленность въ рѣшеніи дальнѣйшей судьбы проекта Лорисъ-Меликова была допущена Александромъ III, повидимому, сознательно, какъ способъ избавиться отъ категорическаго отклоненія проекта и не выдать своего собственнаго взгляда на дѣло. Предложенная кн. Урусовымъ передача дѣла на обсужденіе комитета министровъ, предсѣдателемъ котораго былъ Валуевъ, высказавшійся 8 марта за принятіе проекта и бывшій самъ авторомъ болѣе радикальнаго проекта 1863 года, вновь пересматривавшагося въ началѣ 1880 года, не могла быть уже по этому одному принята Александромъ III. Валуевъ, повидимому, этого тогда не замѣтилъ, такъ искусно скрылъ Александръ III свое истинное отношеніе къ вопросу. Въ крайне неопредѣленной формѣ императоръ выдвинулъ вслѣдъ за предложеніемъ Урусова свое контръ-предложеніе—поручить раз-

---

[1]) „Рус. Архивъ“ 1916 г., кн. I, стр. 26.
[2]) Тамъ же, 1907 г., кн. II, стр. 95.
[3]) „Былое“ 1906 г., декабрь, стр. 283.

смотрѣніе дѣла особому совѣщанію или комиссіи, и тутъ же обратился къ явному противнику проекта Лорисъ-Меликова, гр. Строганову, съ предложеніемъ взять на себя предсѣдательство въ этомъ совѣщаніи. Вслѣдъ за отказомъ Строганова онъ никакого «окончательнаго повелѣнія» объ образованіи совѣщанія не далъ, избѣгая и въ этомъ случаѣ какого-либо категорическаго рѣшенія непріятнаго для него вопроса.

Въ брошюрѣ о «конституціи гр. Лорисъ-Меликова» приведено извѣстіе, будто-бы «рѣшеніе утвердить проектъ» Лорисъ-Меликова вызвало въ Александрѣ III такое «успокоеніе», что онъ послѣ засѣданія 8 марта выразилъ свое настроеніе словами: «съ плечъ точно гора свалилась»; такъ передавалъ впослѣдствіи самому Лорисъ-Меликову вел. кн. Владиміръ Александровичъ, проведшій въ обществѣ царя вторую половину дня слѣдовавшую за засѣданіемъ [1]). Это извѣстіе представляется очень сомнительнымъ, несмотря на авторитетность его происхожденія. Во-первыхъ, никакого «рѣшенія утвердить проектъ» не было вынесено; все дѣло было отложено до новаго обсужденія въ какомъ-то проблематическомъ совѣщаніи, составъ и президіумъ котораго даже не были намѣчены. Во-вторыхъ, и самыя слова Александра III, если они были имъ произнесены, могли быть неправильно истолкованы слышавшимъ ихъ великимъ княземъ: можетъ быть, вовсе не потому почувствовалъ императоръ успокоеніе и заявилъ: «съ плечъ точно гора свалилась», что онъ утвердилъ проектъ Лорисъ-Меликова, чего на самомъ дѣлѣ и не было, а потому, что ему, наоборотъ, удалось избѣгнуть его утвержденія и свести на «нѣтъ», закончить «en queue de poisson» затѣянное Лорисъ-Меликовымъ дѣло. Всѣ извѣстія объ отношеніи Александра III къ какой-либо реформѣ въ духѣ приближенія къ представительному строю сходятся на томъ, что онъ, какъ сторонникъ сильной власти, иниціаторъ образованія верховной распорядительной комиссіи, несочувственно смотрѣлъ на всякаго рода попытки въ этомъ направленіи еще въ бытность свою наслѣдникомъ. 9 января 1880 г. онъ опредѣленно высказался въ присутствіи своего отца противъ принятія проекта Валуева 1863 года. «Присутствовавшій цесаревичъ,—пишетъ Валуевъ,—явно недоброжелателенъ всякому органическому измѣненію status quo и всякій «конституціонализмъ» считаетъ гибельнымъ. Явно также, что онъ весьма невѣрно освѣдомленъ о настроеніи въ имперіи, считая конституціонныя стремленія исключительно столичными бреднями, и притомъ не имѣлъ яснаго понятія о моихъ предположеніяхъ и не зналъ, что я еще въ прошломъ году высказалъ во всеподданнѣйшей запискѣ, que le mot «constitution» ne devait même pas être prononsé» [2]). Этотъ же взглядъ вел. князь Александръ Александровичъ высказалъ и

---

[1]) Конституція гр. Лорисъ-Меликова, Берлинъ, 1904 г., стр. 91.

[2]) „Былое“ 1906 г., декабрь, стр. 266—267.

нѣсколько дней спустя, въ одномъ изъ совѣщаній, въ коемъ обсуждались записки Валуева и вел. князя Константина Николаевича; онъ заявилъ, «что ничего дѣлать не слѣдуетъ, потому что призванные представители сословій будутъ неудобные крикуны» [1]).

Принимая во вниманіе эти не подлежащія какому-либо сомнѣнію извѣстія, мы должны будемъ признать, что сообщаемое со словъ в. кн. Владиміра Александровича выраженіе Александра III отнюдь не можетъ быть сочтено признакомъ его согласія на проектъ Лорисъ-Меликова. Напротивъ того, вчитываясь въ его слова и разсматривая его дѣйствія въ засѣданіи 8 марта, мы ясно видимъ, въ какую сторону клонились его симпатіи. Немедленному проявленію ихъ помѣшали, повидимому, только сознаніе неупроченности его на престолѣ, въ связи съ возможностью новыхъ выступленій революціонныхъ силъ, и необходимость подобрать себѣ единомышленныхъ съ нимъ сотрудниковъ, послѣ избавленія отъ доставшихся ему по наслѣдству отъ прошлаго царствованія.

Эта отсрочка въ разрѣшеніи стоявшаго на очереди важнѣйшаго вопроса государственной жизни Россіи въ желательномъ для новаго императора духѣ и породила ту атмосферу слуховъ и колебаній, которыми ознаменованы ближайшіе, послѣ воцаренія Александра III, мѣсяцы. Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ еще вѣрили или хотѣли вѣрить, что почва не вовсе ушла изъ подъ ногъ Лорисъ-Меликова; отсюда—сообщаемый Кахановымъ слухъ о назначеніи послѣдняго предсѣдателемъ совѣщанія по разсмотрѣнію составленнаго имъ проекта «конституціи». Побѣдоносцевъ, съ своей стороны, передаетъ другой слухъ—о предсѣдательствѣ вел. князя Владиміра въ этомъ же совѣщаніи. Валуевъ, подводя итогъ событіямъ, послѣдовавшимъ за историческимъ засѣданіемъ 8 марта, пишетъ: «въ теченіе всего періода царствованія, съ 8 марта по 29 апрѣля, противоположныя теченія скрещивались около государя, и на первый взглядъ могло казаться, что то одно, то другое брало верхъ. Графъ Лорисъ-Меликовъ продолжалъ, такъ сказать, наружно играть прежнюю роль; но, въ сущности, онъ утратилъ свое руководящее или рѣшающее значеніе. Безпрерывно обнаруживались отрывочныя вліянія Побѣдоносцева и гр. Воронцова, преимущественно по части личныхъ назначеній и анормальной независимости дѣйствій, предоставлявшейся разнымъ лицамъ [2]).

Въ этой атмосферѣ неустойчиваго равновѣсія, кажется, только одинъ человѣкъ зналъ, къ чему онъ идетъ,—и это былъ Александръ III. Сознательно кончивъ засѣданіе 8 марта совершенно неопредѣленнымъ пожеланіемъ, или даже только предпо-

---

[1]) Дневникъ Валуева отъ 22 янв. 1880 г.—въ Вѣстн. Евр. 1907 г., январь, стр. 240.

[2]) П. Е. Щеголевъ: „Послѣ 1 марта 1881 года“, „Былое“ 1907 г., мартъ, стр. 291.

ложеніемъ, созвать новое совѣщаніе для разсмотрѣнія лорисъ-меликовскаго проекта, онъ такъ же сознательно продолжалъ держать своихъ министровъ въ полномъ невѣдѣніи относительно того, «какою дорогою мы пойдемъ и кто кому попутчикъ», по выраженію Милютина, пока не призналъ моментъ подходящимъ, чтобъ открыть свои карты. Въ теченіе мѣсяца слишкомъ, онъ не заводилъ рѣчи о созывѣ новаго совѣщанія, имъ же самимъ предложеннаго, хотя казалось, что нельзя было въ ближайшемъ же будущемъ обойтись безъ разрѣшенія разъ поставленнаго вопроса. Но не колебанія воли императора, чѣмъ обыкновенно объясняютъ этотъ періодъ неопредѣленности правительственнаго курса и современники, какъ Валуевъ, и позднѣйшіе историки, а сознательное выжиданіе Александромъ III благопріятной минуты для рѣшенія предстоящей задачи въ желательномъ для него смыслѣ заставляло его оттягивать это рѣшеніе, сколько возможно.

О созывѣ совѣщанія Александръ III заговорилъ вновь съ Лорисъ-Меликовымъ лишь около 10 апрѣля. Это видно изъ начальныхъ строкъ представленнаго 12 апрѣля Лорисъ-Меликовымъ всеподданнѣйшаго доклада (докум. № 12). «Ваше императорское величество,—пишетъ здѣсь Лорисъ-Меликовъ,—изволили сообщить мнѣ, что вамъ, государь, благоугодно вскорѣ созвать особое совѣщаніе для установленія будущей правительственной программы и для указанія того, что предстоитъ дѣлать и какъ дѣлать. Пользуясь остающимся промежуткомъ времени, считаю долгомъ всеподданнѣйше повергнуть на монаршее благовоззрѣніе нѣкоторыя соображенія мои по этому предмету». Въ этомъ докладѣ, какъ видно уже и изъ приведенныхъ строкъ, нѣтъ больше рѣчи о «конституціи» Лорисъ-Меликова, какъ таковой; въ немъ ни однимъ словомъ не упоминается и о проектѣ правительственнаго сообщенія, составившаго предметъ страстныхъ преній въ засѣданіи 8 марта; вся эта затѣя молчаливо признается какъ бы уже похороненною. Но вопросу о представительствѣ Лорисъ-Меликовъ въ своемъ докладѣ посвящаетъ, тѣмъ не менѣе, исключительное вниманіе. Докладъ распадается на двѣ части: въ первой онъ касается задачъ преобразовательной дѣятельности правительства, которыхъ насчитано девять главныхъ, а именно: 1) объединеніе полиціи, 2) преобразованіе мѣстной администраціи, 3) преобразованіе училищной части, 4) регулированіе закономъ положенія о печати, 5) пересмотръ нѣкоторыхъ частей земскаго и городового положеній, 6) пересмотръ крестьянскихъ положеній, 7) мѣры къ устраненію хозяйственнаго разстройства крестьянъ, 8) организація народнаго продовольствія и 9) преобразованіе податной и паспортной системы. Во второй же, наиболѣе существенной, части доклада, Лорисъ-Меликовъ касается необходимыхъ условій для выполненія предстоящихъ правительству задачъ, и таковыхъ усматриваетъ два: 1) единство правительства и программы внутренней политики и 2) привлеченіе общественныхъ представителей къ предварительной разработкѣ и выполненію реформъ. Для

достиженія первой цѣли необходимо договориться всѣмъ министрамъ между собою и установить общую программу политики, обязательную для каждаго изъ нихъ, иными словами—составить однородный «кабинетъ», отвѣтственный передъ монархомъ. Второе условіе, выдвинутое Лорисъ-Меликовымъ, рисуется ему въ еще болѣе скромныхъ рамкахъ, чѣмъ въ первоначально утвержденномъ Александромъ II предположеніи привлечь общественныя силы къ разработкѣ проектовъ законовъ. Въ докладѣ 12 апрѣля уже проводится различіе между проектами, которые подлежали бы разсмотрѣнію совмѣстно съ выборными представителями общества, и такими, которые могли бы быть проведены безъ ихъ участія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Лорисъ-Меликовъ считаетъ нужнымъ успокоить императора въ томъ отношеніи, что тутъ не кроется никакого ограниченія самодержавной власти, а только санкціонируется и упорядочивается то, что уже есть на дѣлѣ, а именно—вліяніе общественнаго мнѣнія на законодательную дѣятельность «центральной бюрократіи». Эта оговорка сама по себѣ очень характерна: въ своихъ представленіяхъ Александру II, по поводу созыва выборныхъ отъ земствъ и городовъ, Лорисъ-Меликовъ не считалъ нужнымъ прибѣгать для защиты своей мысли къ аргументу о неприкосновенности самодержавной власти; но для Александра III понадобилось опереться и на этотъ доводъ, чтобы предупредить его неминуемое возраженіе въ этомъ смыслѣ противъ предложенной мѣры.

Докладъ гр. Лорисъ-Меликова подвергся обсужденію въ созванномъ 21 апрѣля въ Гатчинѣ совѣщаніи. Объ этомъ совѣщаніи мы имѣемъ свидѣтельства двухъ лицъ: одно—участника его Побѣдоносцева, другое—не участвовавшаго въ немъ, но собравшаго обстоятельныя о немъ свѣдѣнія, Валуева. Кромѣ того, на экземплярѣ доклада 12 апрѣля, сохранившемся среди бумагъ Лорисъ-Меликова, послѣдній написалъ краткую замѣтку о совѣщаніи въ Гатчинѣ и о результатахъ его (докум. № 12).

Вотъ что пишетъ Побѣдоносцевъ въ письмѣ къ Тютчевой [1]: «21 апрѣля созвали насъ въ Гатчину, къ государю; т. е. меня, Лориса, Абазу, Милютина, Николаи, вел. князя Владиміра [2]), Набокова. Государь исключилъ Валуева, Урусова; хотѣлъ исключить Набокова, но я убѣдилъ его, что нельзя исключать министра юстиціи, пока онъ остается въ своемъ званіи. Мы поѣхали въ 9 ч. утра, въ одномъ вагонѣ. Всѣ сидѣли по угламъ. Мои непріятели не говорили со мною, а лишь между собою. Засѣданіе собрано было для того, чтобы министры объяснили государю, что же они хотятъ дѣлать, въ какомъ духѣ управлять и какія мѣры предпринимать. Лорисъ за нѣсколько дней все твердилъ, что необходимо раньше сговориться между собою; однако, этого сговора не было, а только Лорисъ совѣщался съ Абазою особымъ

---

[1]) Рус. Архивъ 1907 г., кн. II, стр. 98—99.
[2]) Въ Рус. Архивѣ проставлены на мѣстѣ имени только буквы NN.

заговоромъ. Пріѣхали, вошли, сѣли въ кружокъ около государя. Онъ обратился ко всѣмъ съ краткою рѣчью и сталъ вызывать на объясненія, по очереди. Пошли рѣчи, состоявшія изъ фразъ, въ коихъ сквозила все та же двусмысленная нота. Говорили о необходимости единства, о необходимости, чтобы министры пользовались полнымъ довѣріемъ государя. Лорисъ говорилъ, сколько предстоитъ впереди организацій по разнымъ частямъ, и между прочимъ произнесъ такую нелѣпую фразу, что и христіанство-де совершенствуется, тѣмъ болѣе государственныя учрежденія должны совершенствоваться. Абаза произнесъ фразистую рѣчь. Милютинъ до того заговорился, что повторилъ пріемъ передовыхъ статей петербургскихъ газетъ, т. е. заявилъ, яко бы вся бѣда отъ того, что реформы покойнаго государя остановились на полдорогѣ. Къ послѣднему обратились ко мнѣ. Я заявилъ, что нельзя не согласиться, въ общемъ смыслѣ, со всѣмъ, что говорили остальные о единодушіи, о довѣріи, о необходимости организовать многое дезорганизованное; но надо имѣть въ виду потребность настоящей минуты: всѣ ждутъ и находятся въ томительной неизвѣстности; ждутъ, чтобы правительство заявило себя рѣшительно дѣйствіями, не оставляющими сомнѣнія въ томъ, чего оно хочетъ и чего никакъ не допуститъ. Потомъ я оговорилъ, въ смыслѣ недоразумѣнія, и фразу Лориса, и фразу Милютина, выведя и то, и другое на чистую воду: начала христіанства вѣчны, но осуществленіе ихъ правдою въ жизни безгранично, и въ этомъ смыслѣ реформа внутренняя никогда не останавливается. Тутъ Абаза вздумалъ обидѣться и сталъ возражать противъ меня очень ѣдко; но раздраженіе заставило его наговорить глупостей, которыя мнѣ не трудно было опровергнуть. Тутъ же говорилъ вел. князь Владиміръ въ томъ смыслѣ, что о конституціи-де и думать и говорить нечего, что надобно, однако, дѣлать что-нибудь, что всѣ, повидимому, согласны въ существенномъ, а разногласія происходятъ единственно отъ несущественныхъ недоразумѣній. Кончено такъ: милыя дѣти, будь между вами миръ и любовь, но при томъ вы должны собираться и совѣщаться между собою, чтобы согласиться опредѣлительно, что хотите предпринять и дѣлать; а на слѣдующей недѣлѣ пріѣдете ко мнѣ сказать, что вы придумали. Какъ только мы вышли изъ комнаты, точно очарованіе спало. Между министрами показалась внезапная оттепель. Абаза едва не бросился на шею ко мнѣ: такъ радъ, что недоразумѣніе кончилось... Они ѣхали туда въ страхѣ: не прогонятъ-ли ихъ, вернулись въ торжествѣ невообразимомъ и стали говорить, что одержали блестящую побѣду. Надъ кѣмъ это? Надо мною или надъ государемъ? Пароль данъ такой, что я посрамленъ и побѣда одержана надо мною».

Таковъ разсказъ Побѣдоносцева. Въ немъ слѣдуетъ обратить вниманіе на указаніе его, что онъ посовѣтовалъ Александру III пригласить на совѣщаніе министра юстиціи Набокова, вопреки намѣренію самого императора не приглашать его.

Значитъ, Побѣдоносцевъ заранѣе говорилъ съ Александромъ III объ этомъ совѣщаніи, намѣчалъ съ нимъ его составъ, обсуждалъ его програму. Вѣроятно, по его наущенію не былъ вызванъ на гатчинское совѣщаніе Валуевъ, который, какъ опытный бюрократъ, отмѣтилъ это обстоятельство въ своемъ дневникѣ, назвавъ его «вторымъ себѣ предостереженіемъ»; первое заключалось въ весьма холодномъ рескриптѣ ему по случаю исполнившагося 17 апрѣля 50-лѣтія его службы; и здѣсь Валуевъ заподозрѣлъ участіе Побѣдоносцева: «рескриптъ заурядный, безъ всякой приписи,—пишетъ онъ,—и даже передѣланный—кажется, при содѣйствіи Побѣдоносцева, — чтобы его сдѣлать позауряднѣе противъ проектированнаго государственнымъ секретаремъ Перетцемъ». [1]) Свой разсказъ о совѣщаніи 21 апрѣля Валуевъ основываетъ на сообщенныхъ ему Абазою свѣдѣніяхъ: «по словамъ Абазы,—пишетъ онъ, — въ Гатчинѣ происходило слѣдующее: рѣчь шла о томъ, что сильное правительство должно быть единодушнымъ, и слѣдовательно нужно нѣчто въ родѣ «кабинета»; нужно, чтобы министры прямо докладывали государю только по предметамъ своего спеціальнаго вѣдѣнія, а по всѣмъ общимъ вопросамъ предварительно между собою совѣщались и соглашались, а въ случаѣ несоглашенія испрашивали высочайшаго указанія. Далѣе нужно, чтобы министры, по своимъ убѣжденіямъ несогласные съ внесенными мѣропріятіями, уходили, а въ случаѣ неухода были увольняемы. Однимъ словомъ, говорилъ мнѣ Абаза, «tout a été fortement souligné et le résultat a dépassé l'attente». Между прочимъ Абаза прямо говорилъ о невозможности писать и ссылаться на какія-нибудь газеты какимъ-нибудь министрамъ за спиною своихъ товарищей, — прямое указаніе на Побѣдоносцева и «Московскія Вѣдомости». Вообще Абаза понимаетъ результатъ въ смыслѣ побѣды надъ Побѣдоносцевымъ. Государь, по словамъ Абазы, d'un air grave, mais calme, поддался на все это, но сказалъ, что «не нужно особаго предсѣдателя, что «они» должны собираться у «кого-нибудь» и что ихъ «совѣщанія» должны происходить помимо обычныхъ дѣлъ комитета министровъ». Засимъ, въ концѣ совѣщанія оказалось, что къ гг. министрамъ наличнымъ присоединялся tacite вел. князь Владиміръ. Сіе оказалось во фразѣ съ его стороны съ мѣстоименіемъ «мы». На лицо были: гр. Лорисъ-Меликовъ, Абаза, гр. Игнатьевъ, Набоковъ, баронъ Николаи, Побѣдоносцевъ и гр. Милютинъ. Имъ предоставлено приглашать и министра путей сообщенія, когда сочтутъ нужнымъ, и государственнаго контролера. Князь Урусовъ и принцъ Ольденбургскій (главноначальствующіе) признаны не изъ нужныхъ. Въ концѣ-концовъ гр. Лорисъ-Меликовъ и Абаза чрезвычайно довольны». [2]).

Къ этому описанію съ чужихъ словъ Валуевъ добавляетъ

---

1) «Былое» 1907 г., мартъ, стр. 295.
2) «Былое» 1907 г., мартъ, стр. 296.

свои заключенія, изъ которыхъ видно, насколько проницательно судилъ о положеніи опытный сановникъ, не увлекшійся, подобно Абазѣ, одною видимостью успѣха. «Изъ всего этого оказывается, по моему мнѣнію — пишетъ онъ, — «что мы только вступили въ новый кругъ недоразумѣній. 1) Государь не имѣетъ яснаго понятія о томъ, чтò желалось и чтò рѣшено. Онъ, между прочимъ, сказалъ: «вы соберетесь раза два въ недѣлю, а потомъ я васъ вновь соберу». Ergo—предполагалось съ его стороны, что какой-нибудь arcanum (секретъ) будетъ найденъ in continenti (немедленно). Между тѣмъ, члены совѣщанія имѣли преимущественно въ виду нѣчто вродѣ новаго постояннаго устройства въ механизмѣ дѣлъ. 2) Государь отдѣлялъ комитетъ министровъ отъ «кабинета», между тѣмъ они весьма мало помышляли объ отдѣльности комитета. 3) Государь счелъ предсѣдателя «кабинета» ненужнымъ и придалъ ему вел. князя Владиміра, а члены совѣщанія били на предсѣдателя и помышляли о великомъ князѣ. 4) Кромѣ того, въ совѣщаніи была рѣчь о будущемъ участіи «земскихъ людей», о надобности или ненадобности какого-нибудь манифеста и т. п., но всѣ эти вопросы остались пока неразрѣшенными. Однимъ словомъ, кромѣ мысли объ особомъ, такъ сказать, руководящемъ или привилегированно-довѣренномъ отдѣлѣ министерства, составленномъ изъ излюбленныхъ людей, никакая другая мысль не установилась. Далѣе видно, что графъ Лорисъ-Меликовъ нѣсколько отдѣльно отъ Абазы билъ на роль premier'a, но пока цѣли не достигъ. [1]).

Валуевъ вѣрно вскрылъ дефекты гатчинскаго совѣщанія въ отношеніи ясности взаимнаго пониманія между большинствомъ министровъ и императоромъ. Но вопросъ въ томъ, не была-ли эта неясность плодомъ сознательнаго нежеланія Александра III опредѣленно высказаться въ данномъ случаѣ, какъ и въ засѣданіи 8 марта, за ту или иную оріентировку своей внутренней политики. Мы думаемъ, что направленіе ея было уже предрѣшено имъ, что онъ нашелъ горячую поддержку въ этомъ отношеніи въ Побѣдоносцевѣ и «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и что только обстоятельства заставили его еще помедлить немного съ открытымъ обнаруженіемъ его истинныхъ намѣреній въ области внутренняго управленія. Это, впрочемъ, не заставило себя долго ждать. Александръ III не понялъ или, лучше сказать, не захотѣлъ понять, что разумѣли министры подъ словами «кабинетъ» или «единство правительства», по выраженію доклада Лорисъ-Меликова отъ 12 апрѣля; онъ искусно обошелъ вопросъ объ установленіи такого «единства», призвавъ министровъ посовѣщаться между собою, такъ сказать, домашнимъ образомъ, безъ опредѣленнаго предсѣдателя, безъ заранѣе намѣченныхъ функцій и круга вѣдѣнія такого совѣщанія; между тѣмъ, Лорисъ-Меликовъ и его партія разумѣли постоянное учрежденіе, имѣвшее цѣлью установить

---

[1]) «Былое» 1907 г., мартъ, стр. 296—297.

дѣйствительное единство дѣйствій всѣхъ министровъ и въ средѣ котораго такія явленія, какъ Побѣдоносцевъ съ его особой политикой, шедшей въ разрѣзъ съ остальными, не могли бы имѣть мѣста [1]).

Нѣтъ необходимости непремѣнно предполагать, что намѣренія Лорисъ-Меликова были вызваны только личными счетами съ Побѣдоносцевымъ, что исключительно противъ него и его единомышленниковъ былъ направленъ проектъ установленія «кабинетской» системы управленія. Такая система диктовалась общею программою Лорисъ-Меликова, ибо призывъ къ участію представителей земствъ и городовъ въ законодательной дѣятельности правительства долженъ былъ повлечь за собою, какъ бы скромно ни было это участіе на первыхъ порахъ, объединеніе политики всѣхъ министровъ, т.-е. установленіе «кабинета»; это и произошло въ 1905 г., когда, одновременно съ введеніемъ народнаго представительства, созданъ былъ, какъ логическое его послѣдствіе, единый кабинетъ въ видѣ совѣта министровъ съ особымъ предсѣдателемъ. Но, повидимому, Побѣдоносцевъ истолковалъ выступленія Лорисъ-Меликова въ его докладѣ и Абазы въ его рѣчи въ гатчинскомъ совѣщаніи, какъ направленныя лично противъ него дѣйствія. «Пароль данъ такой, что я посрамленъ и побѣда одержана надо мною», желчно замѣчаетъ онъ въ концѣ своего разсказа о совѣщаніи 21 апрѣля. Враги торжествуютъ побѣду, пьютъ здоровье и поздравляютъ другъ друга на обѣдѣ у Е. Н. Нелидовой [2]). Этой «побѣды» Побѣдоносцевъ не могъ простить своимъ «непріятелямъ»: наступилъ послѣдній актъ борьбы за власть и за будущее направленіе внутренней политики Россіи.

Вотъ какъ разсказываетъ Побѣдоносцевъ о происхожденіи манифеста 29 апрѣля 1881 г. въ письмѣ къ Тютчевой, которое должно быть отнесено къ 27 апрѣля [3]): «По Петербургу пущенъ слухъ, что будетъ какое-то единое министерство, управляющее Россіей по большинству голосовъ, и Лорисъ—первый министръ. Дамы пошли ѣздить по городу. Къ намъ пріѣзжали развѣдывать, но мы заперлись на два вечера и никого не принимали. Но у государя чутье вѣрное. Ему не понравилось, что говорили Лорисъ, Абаза, Милютинъ, о чемъ онъ написалъ мнѣ на другой день послѣ засѣданія (21 апрѣля), которое произвело на него «самое грустное

---

[1]) Это видно и изъ замѣтки, написанной Лорисъ-Меликовымъ на черновомъ экземплярѣ доклада отъ 12 апрѣля; онъ здѣсь такъ формулировалъ постановленія совѣщанія: „послѣдовало повелѣніе его величества, чтобы отнынѣ гг. министры собирались еженедѣльно, одинъ или два раза (смотря по надобности), и обсуждали бы совмѣстно тѣ вопросы, которые каждый изъ министровъ имѣлъ доложить государю императору. Великому князю разрѣшено принимать участіе въ этихъ засѣданіяхъ“ (Докум. № 12).

[2]) „Рус. Архивъ“ 1907 г., кн. II, стр. 99.

[3]) Въ „Рус. Архивѣ“ письмо помѣчено 29-мъ апрѣля вечеромъ, но и по содержанію, и по указанію на то, что оно пишется въ день рожденія вел. кн. Георгія Александровича (27-го апрѣля), оно должно быть отнесено къ этому послѣднему числу.

впечатлѣніе». Принялся я за работу—писать для него манифестъ. Я знаю, что онъ самъ хотѣлъ этого и говорилъ министрамъ; но они возражали, что не нужно, что надо подождать. Третьяго дня (25 апрѣля) я кончилъ и остался доволенъ; жена тоже. Взвѣсилъ каждое слово. Вчера (26 апрѣля) отправилъ къ нему съ объяснительнымъ письмомъ, убѣждая не совѣтоваться ни съ кѣмъ и издать манифестъ въ Петербургѣ, въ день парада. Въ 3 часа ночи приносятъ телеграмму. Государь пишетъ, что вполнѣ доволенъ проектомъ и зоветъ пріѣхать въ 2 часа. Сегодня (27 апрѣля) рожденіе Георгія Александровича. Я засталъ еще обѣдню и послѣ завтрака просидѣлъ почти полтора часа у государя. Онъ очень доволенъ, нѣсколько разъ читалъ, и съ императрицей; точно обрадовался выходу изъ положенія. «Что же,—говоритъ онъ,— я нѣсколько разъ говорилъ имъ; но они все говорятъ, что не надо». Онъ не хотѣлъ съ ними совѣтоваться. Ему пріятно было думать, какой для нихъ будетъ сюрпризъ. «Вотъ,—говорилъ онъ,— а эти строки очень имъ не понравятся, гдѣ сказано: вѣруя въ истину и силу самодержавной власти». На другой день хотѣлъ онъ переслать манифестъ Набокову для напечатанія и выпустить 29 числа, въ день парада, когда онъ пріѣдетъ въ Петербургъ» [1]).

Все въ этомъ разсказѣ въ высшей степени характерно: и увѣщаніе Побѣдоносцева не совѣтоваться ни съ кѣмъ, и нежеланіе самого Александра III совѣтоваться съ министрами, и радость его «выходу изъ положенія», и предвкушаемое имъ удовольствіе отъ того, какимъ «сюрпризомъ» явится для его же министровъ обнародованіе въ тайнѣ отъ нихъ составленнаго манифеста. Свидѣтельство Побѣдоносцева, независимо отъ воли автора и вопреки ей, является яркимъ обвинительнымъ актомъ противъ Александра III: ни въ чемъ такъ откровенно, какъ здѣсь, не сказался взглядъ русскаго монарха на свою власть надъ Россіей, какъ на власть вотчинника надъ своей землей вмѣстѣ съ населяющими ее крѣпостными людьми. Этою властью онъ, одинъ онъ можетъ распоряжаться, не совѣтуясь ни съ кѣмъ, не предувѣдомивъ никого о своихъ намѣреніяхъ, даже вопреки ясно выраженному ему мнѣнію большинства его сотрудниковъ. Сѣмя, сѣявшееся Побѣдоносцевымъ съ первыхъ дней новаго царствованія, упало на благодарную и подготовленную почву; съ удивительной легкостью, даже легкомысліемъ, все зданіе будущаго государственнаго устройства, проектировавшееся Лорисъ-Меликовымъ, разсыпалось отъ одного почерка пера человѣка, руководствовавшагося не разумнымъ обсужденіемъ пользъ и нуждъ государства, а психологіей крѣпостного помѣщика. Но именно та легкость, съ которою Александръ III пошелъ на предложенный ему Побѣдоносцевымъ «выходъ изъ положенія», доказываетъ, что самъ онъ слишкомъ хорошо зналъ, чего хотѣлъ; нуженъ

---

[1]) „Рус. Архивъ“ 1907 г., кн. II, стр. 100—101.

былъ лишь толчекъ извнѣ и указаніе способа этого выхода, чтобы сразу заставить его согласиться на предложенную Побѣдоносцевымъ мѣру.

Манифестъ 29 апрѣля былъ доставленъ наканунѣ, 28-го, министру юстиціи Набокову для распубликованія. Побѣдоносцевъ такъ описываетъ произведенное имъ на министровъ впечатлѣніе: «Вчера (28 апрѣля) собрали насъ вечеромъ къ Лорисъ-Меликову на совѣщаніе. Пріѣхалъ и вел. кн. Владиміръ. Пріѣхалъ Набоковъ и привезъ извѣстіе о манифестѣ. Оно поразило министровъ, какъ громомъ. Никто не зналъ. Послѣ засѣданія, когда уѣхалъ в. кн. Владиміръ, Абаза въ волненіи открылъ еще совѣщаніе. Говорятъ, есть какой-то манифестъ. Что это значитъ? Кто писалъ его? Я отозвался, сказавъ, что писалъ по приказанію государя. Положеніе было тяжкое. Я чувствовалъ, что меня проклинаютъ. Лорисъ, особливо Абаза, не умѣли сдержать досады. Абаза дрожащимъ голосомъ заявилъ, что это обида, что этого невозможно было ожидать послѣ того *соглашенія* (онъ еще выразился *контракта*), въ которое государь вступилъ съ министрами; что онъ, съ своей стороны, не можетъ оставаться, и въ пятницу будетъ просить объ увольненіи. Я вскорѣ ушелъ, но часть ихъ осталась. Я долго не могъ заснуть. Думалъ, и ни въ чемъ не могъ упрекнуть себя. Эти люди ведутъ къ гибели. Государь не вступалъ съ ними ни въ какое соглашеніе, и претензія ихъ странная. Неужели русскій государь не можетъ прямо, не совѣщаясь съ министрами, обратиться къ народу съ открытымъ словомъ, въ коемъ не задѣта ни одна отрасль управленія? Неужели не можетъ онъ, безъ совѣта, заявить народу о своей самодержавной власти? А въ настоящемъ случаѣ пора было, ибо всѣ, одни съ восторгомъ, другіе съ ужасомъ, ждали манифеста о конституціи. Вся Россія въ смятеніи. Необходимо было прекратить всѣ толки твердымъ словомъ. Имя мое въ ушахъ всей здѣшней интеллигенціи съ проклятіемъ, съ пѣною у рта «отверзоша на мя уста своя». [1]).

Валуевъ, уже почти удаленный отъ дѣлъ, лишь послѣ обнародованія манифеста разузналъ исторію его неожиданнаго появленія. 30 апрѣля онъ записалъ въ своемъ дневникѣ: «манифестъ, самъ по себѣ, въ комментаріяхъ не нуждается. Этотъ первый актъ du «cabinet homogène» (однороднаго кабинета) сохранитъ навсегда историческое значеніе». Такимъ образомъ, Валуевъ вначалѣ полагалъ, что манифестъ есть произведеніе всего «кабинета». На слѣдующій день онъ признается, что «ничего не можетъ понять въ происходящемъ» и, наконецъ, 2 мая записываетъ то, что въ дѣйствительности произошло вечеромъ, 28 апрѣля: «во вторникъ вечеромъ, наканунѣ парада, «гомогенный» кабинетъ собрался при вел. кн. Владимірѣ у гр. Лорисъ-Меликова. Министръ юстиціи пріѣхалъ поздно и молчалъ. Около полуночи великій

---

[1]) „Рус. Архивъ“ 1907 г., кн. II, стр. 99—100.

князь уѣхалъ. Тогда Набоковъ заявилъ о манифестѣ. Какой манифестъ? Общее изумленіе. Набоковъ предъявляетъ бумагу.— Откуда? — Отъ Побѣдоносцева. Печатается. Завтра будетъ разосланъ.—Затѣмъ перекрестные вопросы и бурная сцена, въ которой, какъ говорятъ, министръ финансовъ совершенно выходилъ изъ себя, предлагая всѣмъ коллективно подать въ отставку, съ экстреннымъ поѣздомъ ѣхать въ Гатчину и пр. и пр.... Гр. Игнатьевъ оказался болѣе, чѣмъ сомнительнымъ; онъ стоялъ разными ногами въ разныхъ лагеряхъ. Гр. Милютинъ относился къ дѣлу хладнокровно, а Побѣдоносцеву пришлось выслушать непріатныя рѣчи... Dessous de cartes слѣдующій: Побѣдоносцевъ выписалъ себѣ на помощь изъ Москвы Каткова. Манифестъ написанъ ими. Заодно съ ними были градоначальникъ Барановъ и Островскій, который очень доволенъ манифестомъ. Гр. Игнатьевъ, повидимому, участвовалъ за кулисами». Къ этимъ свѣдѣніямъ Валуевъ еще прибавилъ тѣ, которыя дополнительно получилъ отъ Набокова: «черновой манускриптъ былъ присланъ министру юстиціи отъ государя. Набоковъ увѣдомилъ о томъ гр. Лорисъ-Меликова еще въ теченіе дня (хотя, повидимому, графъ Лорисъ-Меликовъ не читалъ увѣдомленія); затѣмъ текстъ манифеста читалъ гр. Лорисъ-Меликовъ и Абаза (про себя) еще во время засѣданія, при вел. кн. Владимірѣ; но сдѣлался предметомъ толковъ и сценъ только послѣ его ухода. Государь говорилъ Набокову 30-го, при докладѣ, что онъ нѣсколько разъ требовалъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ проекта манифеста или объявленія въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», но гр. Лорисъ - Меликовъ уклонялся... Въ Гатчинѣ, говорятъ, очень довольны тѣмъ, «qu'on a retrouvé le самодержавіе». Замѣчательно наивная (или ненаивная) смѣлость элукубраціи Каткова въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» о «Царѣ и Народѣ», живой связи между ними, 100 милліонахъ и одномъ государѣ и пр. и пр. — какъ будто возможны, безъ посредствующаго механизма, прямыя сношенія между 100 милліонами и однимъ властелиномъ, какъ будто наше нынѣшнее положеніе не есть результатъ самодержавнаго правительствованія и какъ будто d'avoir un seul maître (имѣть одного господина) за все вознаграждаетъ». [1]).

Заключительныя слова замѣтки Валуева только намѣчаютъ тѣ послѣдствія, къ какимъ усвоенный Александромъ III съ 29 апрѣля 1881 г. курсъ долженъ былъ привести. Въ другомъ лагерѣ эти послѣдствія были формулированы гораздо болѣе ясно и широко. Въ показаніяхъ, данныхъ въ 1883 г. Вѣрою Фигнеръ послѣ ея ареста [2]), мы находимъ въ ея сужденіяхъ о послѣдствіяхъ событія 1-го марта слѣдующій выводъ: «что же касается того, что 1-е марта не привело къ практическимъ результатамъ, въ смыслѣ экономическаго и политическаго переустройства Рос-

---

[1]) «Былое» 1907 г., мартъ, стр. 297—299.

[2]) «Былое» 1917 г., октябрь: «Изъ автобіографіи Вѣры Фигнеръ», стр. 78—79.

сіи, то это вполнѣ справедливо. Но, не будучи въ состояніи совершить это переустройство силами революціонными, партія никогда не разсматривала верховную власть въ ея совершенной (современной?) организаціи силою, способною искренно взять на себя починъ въ этомъ дѣлѣ; правда, она ждала уступокъ, послабленій, прекращенія реакціи, доли свободы, которая сдѣлала бы существованіе сноснымъ, мирную дѣятельность возможной; въ этомъ она ошиблась, что весьма печально и худо, но худо не для одной революціонной партіи, а для народа, и для общества, для имущественныхъ классовъ и для бюрократіи, для всего государства и для главы его; худо потому, что влечетъ въ будущемъ новыя катастрофы, новыя политическія и соціальныя смуты. Едва-ли въ настоящее время въ Россіи найдется много людей, которые вѣрили бы въ мирное преуспѣваніе своего отечества и спокойное житіе своего монарха, а если нѣтъ этой вѣры, нѣтъ увѣренности, то будущее сумрачно и тревожно. Не буду касаться его,—въ свое время оно скажетъ свое слово!».

Этотъ прогнозъ осуществился на нашихъ глазахъ.

Кн. Н. В. Голицынъ.

Приложенія.

№ 1.

Всеподданнѣйшій докладъ графа Лорисъ-Меликова отъ 11 апрѣля 1880 г. съ резолюціями имп. Александра II.

Вверху 1-й страницы доклада имп. Александромъ II написано:

„Благодарю за откровенное изложеніе твоихъ мыслей, которыя почти во всемъ согласны съ моими собственными. Вижу съ удовольствіемъ, что ты вполнѣ понялъ тяжелую обузу, которую я на тебя возложилъ. Да поможетъ тебѣ Богъ оправдать мое довѣріе".

«Два мѣсяца тому назадъ, вашему императорскому величеству благоугодно было призвать меня къ обязанностямъ главнаго начальника верховной распорядительной комиссіи по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія.

Не безъ колебанія приступалъ я къ многотрудной задачѣ, выполненіе которой возлагалось на меня монаршими волею и довѣріемъ.

Вступая въ новую сферу дѣятельности, я не скрывалъ отъ себя ни ея трудностей, ни отвѣтственности предъ вами и предъ Россіею. Я не могъ не сознавать, что положеніе дѣлъ достигло того предѣла, далѣе котораго идти некуда. Неприкосновенность убѣжища, святость домашняго очага, уважаемая даже дикарями, была нарушена неслыханнымъ въ исторіи событіемъ 5 февраля. Царь русской земли, повелитель 90 милл. подданныхъ, не могъ считать себя безопаснымъ въ собственномъ своемъ жилищѣ...

Самая необычайность положенія ясно указывала, что обыкновенныхъ мѣръ недостаточно. Еще менѣе могъ я разсчитывать на единичныя свои усилія, какими бы благими намѣреніями они не были одушевлены. Твердо убѣжденный, что только въ тѣсномъ союзѣ съ людьми благомыслящими, при ихъ сочувственной помощи, возможно достиженіе успѣха, я въ первый же день вступленія въ новыя обязанности обратился къ жителямъ столицы, приглашая ихъ оказать мнѣ поддержку. Дѣйствительность показала, что я не ошибся въ своихъ ожиданіяхъ: сотни людей всякихъ профессій, общественныхъ положеній и состояній откликнулись на мой призывъ. Масса полученныхъ мною со всѣхъ концовъ Россіи писемъ, проектовъ, записокъ, указывающихъ мѣры къ исцѣленію недостатковъ нашего общественнаго строя, свидѣтельствуетъ, что значительная часть русскаго общества сознаетъ ненормальность условій настоящаго времени и тревожно ищетъ выхода на путь мирнаго и законнаго развитія и преуспѣянія.

Заявленія эти служатъ также доказательствомъ того въ высшей степени благотворнаго впечатлѣнія, какое произвело появленіе высочайшаго вашего императорскаго величества указа отъ 12 февраля. Указъ этотъ долженъ былъ убѣдить злоумышленниковъ въ твердомъ рѣшеніи правительства положить во что бы то ни стало предѣлъ ихъ покушеніямъ. Онъ возбудилъ надежды благомыслящихъ элементовъ общества и отчасти успокоилъ ихъ, намѣтивъ рѣшимость правительства не останавливаться на однѣхъ мѣрахъ внѣшняго свойства.

Произведенное указомъ 12 февраля впечатлѣніе не есть случайное и отнюдь не должно быть скоропреходящимъ. Въ этомъ впечатлѣніи вырази-

лась не только исторически выработавшаяся завѣтная черта русскаго народа— довѣріе къ мудрымъ предначертаніямъ своего государя, но и упованіе, что тотъ монархъ, который вѣрною рукою поставилъ Россію въ такую, тяжкую для нея, годину на путь процвѣтанія, столь же твердо и рѣшительно укажетъ исполнителямъ его воли на способы къ избавленію той же Россіи отъ встрѣченныхъ ею на этомъ пути искуственныхъ преградъ. Такія чувства—лучшій залогъ для будущаго, и ими нельзя не дорожить. Съ ними не страшны для государственной власти въ Россіи ни лжеученія запада, ни доморощенные безумцы. Но чувствамъ этимъ должно быть дано удовлетвореніе, насколько это въ настоящее время возможно, иначе проникшая въ государственный организмъ язва будетъ все болѣе и болѣе захватывать здоровыя его части, тѣсно связанныя между собою.

Для этого, по мнѣнію моему, прежде всего надлежитъ уяснить себѣ разнородныя явленія, порожденныя общимъ теченіемъ государственной жизни, въ связи ихъ между собою и съ прошедшимъ государства, и отдѣлить въ нихъ случайное отъ неизбѣжнаго. Только такое сознательное отношеніе къ этимъ явленіямъ можетъ указать на дѣйствительныя средства къ уврачеванію болѣзни.

Призванный къ исполненію задачи, возложенной указомъ 12 февраля на верховную распорядительную комиссію и на главнаго ея начальника, я посвятилъ истекшіе съ того времени два мѣсяца на принятіе, съ одной стороны, неотложныхъ мѣръ къ объединенію и усиленію охранительной дѣятельности въ мѣстѣ пребыванія вашего величества, съ другой—къ подробному, по возможности, изученію разнородныхъ причинъ, приведшихъ насъ къ настоящему затруднительному положенію, къ разъясненію настроенія общества, равнодушное отношеніе котораго къ происходившимъ событіямъ во многомъ парализовало принимавшіяся до сихъ поръ мѣры, и, наконецъ, къ изысканію тѣхъ способовъ, кои могли бы служить къ достиженію желаемой цѣли—возстановленія потрясеннаго порядка.

Смѣю надѣяться, что положенныя за это время основанія къ объединенію разрозненной донынѣ дѣятельности полицейскихъ и жандармскихъ чиновъ повсемѣстно въ имперіи принесутъ свою пользу; что болѣе цѣлесообразное устройство розыскной части въ столицѣ и усиленіе въ ней полицейскихъ средствъ дадутъ ожидаемые результаты; что болѣе быстрое движеніе дознаній по государственнымъ преступленіямъ и болѣе внимательное отношеніе къ нимъ подлежащихъ лицъ и учрежденій, наряду съ установленіемъ возможно единообразныхъ основаній административной высылки и съ предстоящимъ, согласно всемилостивѣйшему вашего императорскаго величества соизволенію, пересмотромъ лицъ поднадзорныхъ, особенно изъ учащейся молодежи, съ цѣлью предоставить право продолжать прерванное образованіе тѣмъ изъ нихъ, кои сознали уже свои заблужденія и исправились въ поведеніи и нравственности,—всѣ эти мѣры, вмѣстѣ взятыя, приведутъ къ большему числу открытій и уменьшатъ количество часто, къ сожалѣнію, справедливыхъ жалобъ на непростительную медленность и неразумный произволъ. Не стану утруждать вниманія вашего, государь, изложеніемъ всѣхъ подробностей, но беру на себя смѣлость удостовѣрить, что и впредь буду неуклонно слѣдовать системѣ, принятой мною въ этомъ отношеніи съ высочайшаго одобренія вашего величества.

Переходя за симъ къ другой сторонѣ своей дѣятельности, считаю все-

подданнѣйшимъ долгомъ откровенно высказать нѣкоторыя соображенія и вытекающіе изъ нихъ выводы.

Время особаго усиленія соціалистическихъ ученій въ западной Европѣ совпало съ тѣмъ временемъ, когда общественная жизнь въ Россіи находилась въ періодѣ великихъ преобразованій, ознаменовавшихъ славное царствованіе вашего величества. Ученія эти находили здѣсь, какъ и вездѣ, единичныхъ послѣдователей, но число таковыхъ не могло быть велико и вліяніе ихъ не было замѣтно на первыхъ порахъ. Внутри государства не существовало удобнаго для нихъ класса земледѣльческаго и фабричнаго пролетаріата, а созданная реформами жизнь занимала и во многомъ удовлетворяла умственныя силы развитыхъ элементовъ общества; подроставшее же поколѣніе, такъ называемая, учащаяся молодежь не могла не помнить прежнихъ порядковъ и съ довѣріемъ относилась къ будущему. Никогда и, можетъ быть, нигдѣ сила правительственной власти не выражалась блистательнѣе и торжественнѣе, какъ въ то время, и никогда составныя части русскаго общества не были одушевлены болѣе сознательною приверженностью къ лицу своего монарха. Прочность такого настроенія зависѣла отъ хода самихъ преобразованій, отъ правильной ихъ постановки, отъ урегулированія и непрерывнаго пополненія ихъ. При продолжительности же этого настроенія, законный порядокъ, приноровленный къ потребностямъ времени и историческимъ условіямъ Россіи, успѣлъ бы настолько укорениться, что предстоявшая неизбѣжная борьба началъ порядка съ нарождавшимися лжеученіями не могла бы сопровождаться особенною опасностью для государственнаго строя.

Къ сожалѣнію, не таковъ былъ общій ходъ дѣла. Новые порядки создали во многихъ отрасляхъ управленія новое положеніе для представителей власти, требовавшее другихъ знаній, другихъ пріемовъ дѣятельности, иныхъ способностей, чѣмъ прежде. Истина эта не была достаточно усвоена, и далеко не всѣ органы власти заняли подлежащее имъ мѣсто [1]).

Ложно понятое ими назначеніе свое въ общемъ государственномъ строѣ повело къ ряду нарушеній прямыхъ обязанностей и къ взаимнымъ столкновеніямъ. Неизбѣжныя ошибки, часто увлеченье, еще чаще неумѣнье приноровиться къ новымъ порядкамъ и руководить обстоятельствами и людьми—вызывали отдѣльные прискорбные факты, изъ которыхъ стали выводиться общія заключенія въ невыгоду новыхъ началъ, проведенныхъ въ жизнь. Разнообразіе взглядовъ, проявившееся въ обществѣ, проникло и въ правительственныя вліятельныя сферы, гдѣ также стали образовываться подобіе партій, стремившихся провести въ дѣло свои убѣжденія при каждомъ удобномъ случаѣ. Затаенная борьба увлекала мнѣнія въ крайности. Одни стремились не только къ урегулированію реформъ, но къ упраздненію ихъ неизбѣжныхъ послѣдствій. Другіе стали на ихъ стражу, защищая съ одинаковою горячностью основныя ихъ начала и неизбѣжные недостатки. Самыя умѣренныя попытки урегулировать дѣйствія реформъ и пополнить недостатки законодательства по нетронутымъ еще отраслямъ управленія встрѣчались съ противодѣйствіемъ, явнымъ или скрытымъ, и оставались безъ движенія. Такая участь постигла предуказанные высочайшею волею многіе вопросы первой важности. Безчисленный рядъ комиссій, безконечныя безплодныя переписки раздражали общественное мнѣніе и не удовлетворяли

---

[1]) «Это правда» (замѣчаніе имп. Александра II на поляхъ).

никого. Все тонуло въ канцеляріяхъ, и застой этотъ отражался на дѣятельности вновь созданныхъ учрежденій.

Крестьянское дѣло, послѣ кипучей дѣятельности первыхъ дней, вошло въ общую колею, и неподвижность въ улучшеніи слабыхъ его сторонъ породила такую обособленность несовершеннаго крестьянскаго управленія, которая могла казаться полезною лишь въ первые дни великой реформы.

Новые суды, созданные при недостаточныхъ полицейскихъ порядкахъ, стали въ изолированное отъ общаго строя положеніе, не смягчаемое нисколько вліяніемъ прокуратуры, далеко не усвоившей себѣ надлежащаго значенія. Личный составъ судебныхъ учрежденій неосторожно-критическимъ, а часто непріязненнымъ отношеніемъ къ окружающимъ его порядкамъ, и въ особенности публичное обнаруженіе на судѣ прискорбной неправильности дѣйствій многихъ административныхъ лицъ, усилили подобное же отношеніе къ этимъ порядкамъ въ другихъ общественныхъ слояхъ. Адвокатура заняла мѣсто, непонятное для простого ума и затронула многія, молчавшія до того струны.

Духовенство продолжало, за рѣдкими исключительными явленіями, коснѣть въ невѣжествѣ и мало по малу лишалось и того вліянія, какое имѣло прежде. Оно отовсюду систематически устранялось, приходы закрывались, духовныя семинаріи оставались прежними бурсами.

Значеніе дворянства, какъ сословія, мало поддерживаемое, постепенно стушевывалось.

Земство, привлекшее сначала лучшія силы мѣстнаго населенія, не могло остаться долго на той же высотѣ, при отсутствіи средствъ къ болѣе широкому исполненію мѣстныхъ задачъ и при недостаткѣ оживляющей правительственной поддержки.

Городское самоуправленіе рѣдко гдѣ встрѣтило на первыхъ же шагахъ сочувственное отношеніе администраціи къ своимъ нуждамъ и правамъ.

Кромѣ того, общія потребности населенія возрастали, а между тѣмъ цѣнность бумажнаго рубля упала, цѣнность продуктовъ увеличилась, появились новые налоги.

Всѣ возбужденныя подобными явленіями неудовольствія и болѣе или менѣе основательныя разочарованія, при остановкѣ въ движеніи насущныхъ вопросовъ, указанныхъ уже вашимъ величествомъ къ разрѣшенію, усиливали съ каждымъ годомъ число недовольныхъ и уменьшали устойчивость почвы подъ началами государственнаго порядка. Параллельно съ этимъ увеличивалась рознь въ дѣйствіяхъ правительственныхъ учрежденій, призванныхъ къ охраненію порядка, а вліяніе соціальныхъ лжеученій росло.

Народившееся за это время молодое поколѣніе не было уже свидѣтелемъ дореформенныхъ неустройствъ; точка отправленія его ожиданій была уже не та, что для прежнихъ поколѣній, и воспріимчивость къ впечатлѣніямъ отъ окружающей жизни была сильнѣе. Необходима была рука твердая, но не жестокая, руководимая не исключительно сухой системою, но и извѣстною долею сердечности, чтобы сдержать наружныя проявленія горячки учащейся молодежи, чтобы направить изъ нея полезныхъ и надежныхъ дѣятелей для будущаго. Къ несчастію, въ эту эпоху руководство учебными вѣдомствами не было сопутствуемо описанными чертами, что тѣмъ болѣе прискорбно, что руководящая власть былъ вооружена новою учебною системою и новыми уставами среднихъ учебныхъ заведеній, не имѣвшими за собою поддержки общественнаго мнѣнія. Чтобы

возбудить эту поддержку, необходима была извѣстная мягкость пріемовъ и формъ.

Противоположный способъ привелъ къ еще большему раздраженію общественнаго мнѣнія, и масса молодежи, враждебно отнесшаяся къ предъявленнымъ къ ней требованіямъ, встрѣтила въ семьѣ и въ обществѣ не осужденіе, а сочувствіе. Молодые люди, перекочевывая изъ одного учебнаго заведенія въ другое и не успѣвая кончить научной подготовки, не приспособленные къ труду и къ практической дѣятельности, стали выбрасываться школою въ жизнь и стали искать исхода въ дѣятельности внѣ закона, пополняя собою рядъ послѣдователей соціальныхъ ученій. Семья и общество, мало знакомыя, говоря вообще, съ сущностью этихъ лжеученій и подъ впечатлѣніемъ чувствъ неудовлетворенности общимъ ходомъ дѣлъ, отнеслись равнодушно къ проявленіямъ крайнихъ теорій. Не находя себѣ отпора или даже авторитетныхъ порицателей, теоріи эти, схватываемыя безъ критики и клочками, загнѣздились въ цѣлыхъ кружкахъ и начали проявляться наружу.

Первыя подобныя проявленія были признаны за болѣзненные наросты, а не за выраженіе органической болѣзни, требующей внимательнаго изученія, и въ особенности мѣръ для сокращенія ея эпидемическихъ свойствъ. Сообразно сему и мѣры были приняты исключительно полицейскаго характера: обыски, аресты, административная высылка, военный судъ. Исключительно карательные пріемы, принятые одиночно и не въ связи съ мѣрами положительнаго свойства, не излечили зла, а народили новую массу недовольныхъ, тѣмъ болѣе, что при разрозненности и торопливости дѣйствій правительственныхъ властей допускались смѣшеніе анархическихъ и революціонныхъ теорій съ простымъ критическимъ отношеніемъ къ той или другой сторонѣ существующаго порядка или простымъ нарушеніемъ учащейся молодежью дисциплинарныхъ правилъ. Въ этомъ смѣшеніи часто упускались крайніе анархисты.

Обращаясь къ настоящимъ ожиданіямъ русскаго общества, не смѣю скрыть предъ вашимъ императорскимъ величествомъ, что ожиданія эти самаго разнообразнаго свойства и основываются, болѣе или менѣе, на личныхъ воззрѣніяхъ и завѣтныхъ желаніяхъ каждаго. Здѣсь встрѣчаются ожиданія того или другого частнаго улучшенія или отдѣльнаго облегченія; пожеланія о возбужденіи усиленной правительственной дѣятельности къ исправленію выразившихся опытомъ недостатковъ въ различныхъ сферахъ управленія и къ разрѣшенію намѣченныхъ уже вашимъ императорскимъ величествомъ важныхъ вопросовъ; убѣжденія о необходимости скорѣйшаго возвращенія отъ чрезвычайныхъ мѣръ къ законному порядку; мнѣнія о своевременности коренныхъ измѣненій въ центральныхъ органахъ правительственной власти. За сѣтованіями о тяжести солянаго налога или круговой поруки, объ упадкѣ нашего курса и т. п. частныхъ предметахъ, идутъ серьезныя указанія на распущенность порядка по разнымъ вѣдомствамъ, на деморализацію чиновнаго люда, на чрезмѣрное отягченіе нашего бюджета. За единогласными жалобами на недостатки нашего духовенства слѣдуютъ еще болѣе единогласные упреки тому направленію, которое получило учебное вѣдомство, возбудившее противъ себя и государственныхъ сановниковъ, и духовенство, и дворянство, и учебное сословіе, и земство, и города, однимъ словомъ всѣхъ, кромѣ лично заинтересованныхъ въ продолженіи существующаго направленія. Наконецъ, слѣдуютъ предположенія объ образованіи народнаго представительства въ формахъ, заимствован-

ныхъ съ запада, или на началахъ древне-русскихъ, или, наконецъ, призывомъ представителей земства въ составъ государственнаго совѣта.

Останавливаюсь, прежде всего, на послѣдне-указанныхъ предположеніяхъ.

По глубокому моему убѣжденію, никакое преобразованіе, въ смыслѣ этихъ предположеній, не только не было бы нынѣ полезно, но, по совершенной своей несовременности, вредно. Народъ о нихъ не думаетъ и не понялъ бы ихъ. Образованнные слои, изъ которыхъ въ томъ или другомъ видѣ явились бы представители, находятся теперь, какъ мною очерчено выше, въ положеніи неудовлетворенности. Всѣ жалобы, всѣ сѣтованія, всѣ разнообразныя желанія принесены были бы съ собою представителями и предъявлены правительству вмѣстѣ съ критикой на всѣ его дѣйствія въ такія минуты, когда оно не въ состояніи опровергнуть критику указаніемъ на внутреннее благоустройство и относительный порядокъ въ разныхъ частяхъ управленія. Самая мѣра имѣла бы видъ вынужденной обстоятельствами и такъ была бы понята и внутри государства, и за границею. Совершенно убѣжденъ, что если бы подобная мѣра входила даже, въ той или другой формѣ, въ великодушныя предначертанія ваши, всемилостивѣйшій государь, то нынѣ она была бы несвоевременна [1]).

Нельзя упускать изъ виду ту непреложную истину, что опыты въ крупныхъ реформахъ не должны быть допускаемы, такъ какъ отнятіе разъ данныхъ правъ влечетъ за собою крайне опасныя послѣдствія. Увѣренъ, что если Россія и переживаетъ теперь тяжелый кризисъ, то вывести ее изъ этого кризиса всего доступнѣе твердой самодержавной волѣ прирожденнаго государя. Но, государь, по глубокой преданности вамъ, дерзаю всеподданнѣйше высказать, что задача эта не можетъ быть исполнена только карательными и полицейскими мѣрами. Необходимы и такія мѣропріятія, которыя доказали бы народу и образованнымъ слоямъ русскаго общества, что сердце самодержавнаго монарха исполнено и нынѣ тѣми же чувствами всеобъемлющей любви и благости, какія переполняли его 25 лѣтъ тому назадъ. Доказать то, что есть, не трудно, но терять времени уже нельзя. Теперь, какъ послѣ крымской войны, оставившей Россію въ положеніи, быть можетъ, еще болѣе натянутомъ, чѣмъ нынѣ, всѣ взоры, всѣ надежды и упованія любящей и мыслящей Россіи устремлены на священную особу вашего величества. Необходимы, рядомъ съ мѣрами непоколебимой строгости къ злоумышленникамъ, и мѣры, которыя отняли бы почву изъ подъ вредныхъ лжеученій и укрѣпили бы ее для законнаго порядка. Тогда оживленная вновь Россія сумѣетъ побороть тѣ хаотическіе призраки, какіе выставляютъ въ туманной дали лжепророки новаго времени. Безъ этого одни злодѣи будутъ смѣнять другихъ, оставляя за собою ядъ для будущихъ поколѣній.

При такой общей точкѣ зрѣнія на насущную потребность минуты необходимо, по моему убѣжденію, для охраненія государственнаго порядка и общественнаго спокойствія:

1) идти твердо и рѣшительно въ дѣлѣ преслѣдованія злоумышленниковъ, но не смѣшивать съ ними людей, виновныхъ лишь въ проступкахъ, не имѣющихъ прямого соотношенія къ соціально-революціоннымъ проявленіямъ [2]).

---

[1]) «Это и мое убежденіе» (замѣчаніе имп. Александра II на поляхъ).

[2]) «Да» (замѣчаніе имп Александра II на поляхъ).

2) всемѣрно стремиться къ установленію полнаго единства дѣйствій всѣхъ органовъ правительственной власти, призванныхъ къ борьбѣ съ преступными лжеученіями. Сюда относятся дѣлаемыя уже распоряженія, съ всемилостивѣйшаго вашего императорскаго величества одобренія, къ объединенію, сосредоточенію и усиленію дѣятельности разнаго рода полицій (городской, уѣздной, жандармской и сыскной) и направительное руководство министерствомъ юстиціи личнаго состава судебныхъ учрежденій, а въ особенности прокуратуры, безъ чего успѣхъ мѣропріятій полицейскихъ будетъ затрудненъ [1]).

3) съ постепеннымъ достиженіемъ указанныхъ въ предыдущихъ пунктахъ цѣлей, стремиться къ возвращенію отъ чрезвычайныхъ мѣръ къ законному теченію дѣлъ [2]).

4) побудить правительственныя учрежденія и лица къ болѣе внимательному отношенію къ выразившимся насущнымъ потребностямъ населенія и къ его представителямъ. Нельзя не оказывать благорасположеннаго участія къ нуждамъ духовенства, къ дѣятельности земства, къ потребностямъ городовъ. Слѣдуетъ дать ходъ такимъ предположеніямъ первостепенной важности, кои давно уже намѣчены высочайшею волею вашего императорскаго величества и осуществленіе коихъ останавливается въ канцеляріяхъ и всякаго рода комиссіяхъ [3]).

Къ числу ихъ относятся, между многими другими, возвышеніе нравственнаго уровня духовенства, реформа податная, дарованіе правъ раскольникамъ, пересмотръ паспортной системы [4]), облегченіе крестянскихъ переселеній въ малоземельныхъ губерніяхъ, преобразованіе губернскихъ административныхъ учрежденій [4]), установленіе отношеній нанимателей къ рабочимъ, наконецъ, надлежащее руководство періодическою печатью, имѣющею у насъ своеобразное вліяніе, неподходящее подъ условія западной Европы, гдѣ пресса является лишь выразительницею общественнаго мнѣнія, тогда какъ у насъ она вліяетъ на самое его формированіе. Полезно и, по мнѣнію моему, необходимо, въ видахъ успокоенія правильными занятіями возбужденныхъ умовъ, жаждущихъ дѣятельности, привлекать дворянство, земства и города къ участію въ такихъ вопросахъ, которые близко касаются мѣстныхъ нуждъ. Участіе это желательно не предоставлять выборамъ самихъ общественныхъ учрежденій, но власть всегда можетъ намѣчать изъ среды ихъ наиболѣе свѣдущихъ и благонадежныхъ лицъ, труды и знанія которыхъ не могутъ не принести пользы при разработкѣ экономическихъ, хозяйственныхъ и финансовыхъ вопросовъ, по заранѣе преподанной программѣ и въ ея предѣлахъ; [5]) и

5) возстановить утраченное учебнымъ вѣдомствомъ довѣріе всѣхъ сословій и всѣхъ слоевъ общества, конечно, не касаясь коренныхъ основъ учебной системы. Не колеблясь, докладываю вамъ, государь что необходимыя для этого измѣненія въ личномъ составѣ управленія учебнымъ вѣдомствомъ будутъ встрѣчены съ величайшимъ сочувствіемъ всею Россіею. Безъ этихъ измѣненій

---

[1]) «Да» (тоже).
[2]) «Да» (тоже).
[3]) «Да» (тоже).
[4]) Подчеркнуто имп. Александромъ II.
[5]) «Съ этимъ я совершенно со—ъ», т. е. «согласенъ» (замѣчаніе имп. Александра II на поляхъ).

успѣхъ принимаемыхъ мѣръ будетъ парализоваться новыми наслоеніями вредныхъ элементовъ, тревожныхъ для настоящаго и грозныхъ для будущаго.

Направленіе вѣдомствъ зависитъ, преимущественно, отъ лицъ, стоящихъ во главѣ ихъ. Задача ихъ — быть точными исполнителями благихъ предначертаній вашего величества на счастье Россіи и ея народовъ. Велика ихъ отвѣтственность передъ потомствомъ и глубоко должно быть сознаніе ихъ въ томъ, что они слуги своего дѣла и что одна изъ существеннѣйшихъ ихъ цѣлей есть привлеченіе сердецъ къ источнику власти въ Россіи. Въ тяжкія минуты государственной жизни, подобныя переживаемымъ нынѣ, они болѣе чѣмъ когда либо должны стоять на высотѣ своего призванія по складу способностей и по любви къ управляемымъ [1]).

Предназначая настоящую записку исключительно для личнаго свѣдѣнія вашего императорскаго величества и для усвоенія руководящихъ началъ, которыхъ я долженъ держаться въ дальнѣйшей моей дѣятельности, я дерзнулъ повергнуть въ ней къ стопамъ вашимъ съ полнымъ чистосердечіемъ и откровенностью воззрѣнія мои на настоящее положеніе дѣлъ и на тѣ мѣры, которыя, по мнѣнію моему, высочайшимъ указомъ 12 февраля возложены на верховную распорядительную комиссію и на меня, какъ главнаго ея начальника. Дозвольте же, государь, мнѣ, давнишнему слугѣ вашему еще до воцаренія вашего на прародительскій престолъ, съ такою же откровенностью выразить мысли мои до конца. Верховная распорядительная комиссія призвана волею вашего величества для охраненія государственнаго порядка и общественнаго спокойствія. Для выполненія столь обширной и сложной задачи она не можетъ и не должна ограничиваться только изысканіемъ и приведеніемъ въ исполненіе мѣръ чисто полицейскаго характера. Возстановленіе потрясеннаго порядка и прочное огражденіе спокойствія требуютъ мѣропріятій государственныхъ, часть которыхъ перечислена выше.

Разработка этихъ мѣропріятій будетъ составлять предметъ заботливости подлежащихъ министерствъ и другихъ высшихъ установленій. Но возбужденіе вопросовъ, соприкасающихся къ очерченной мною программѣ охраненія государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, и обсужденіе своевременности предположенныхъ съ этою цѣлью мѣръ должны входить въ кругъ дѣятельности верховной распорядительной комиссіи [2]). Затѣмъ сношеніе по симъ предметамъ съ подлежащими вѣдомствами и, въ потребныхъ случаяхъ, испрошеніе указаній вашего императорскаго величества принадлежали бы къ кругу обязанностей главнаго начальника означенной комиссіи [3]).

Исполнивъ долгъ вѣрноподданнаго и изложивъ взглядъ мой на порученное мнѣ дѣло, буду ожидать указаній вашего императорскаго величества [3]).

Генералъ-адъютантъ, графъ Лорисъ-Меликовъ.

11 апрѣля 1880 г.

---

[1]) „Справедливо, но не легко ихъ найти" (замѣчаніе имп. Александра II на поляхъ)
[2]) «Да» (замѣчаніе имп. Александра II на поляхъ).
[3]) «Да» (замѣчаніе имп. Александра II на поляхъ).
[3]) «Ты найдешь ихъ въ моихъ отмѣткахъ» (тоже).

№ 2.

Всеподданнѣйшій докладъ министра внутреннихъ дѣлъ графа, М. Т. Лорисъ-Меликова, отъ 28 января 1881 г. [1]).

Наверху первой страницы доклада рукою имп. Александра III написано:

„Слава Богу, этотъ преступный и спѣшный шагъ къ конституціи не былъ сдѣланъ, и весь этотъ фантастическій проектъ былъ отвергнутъ въ совѣтѣ министровъ весьма незначительнымъ меньшинствомъ.—*А*."

Въ февралѣ минувшаго года вашему императорскому величеству благоугодно было возложить на меня обязанности по званію главнаго начальника верховной распорядительной комиссіи, учрежденной для охраненія государственнаго порядка и возстановленія общественнаго спокойствія. Затѣмъ, въ августѣ того же года, по упраздненіи верховной распорядительной комиссіи, ваше императорское величество соизволили призвать меня къ управленію министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, на попеченіи коего лежитъ поддержаніе внутренняго порядка въ государствѣ. Возлагая на меня столь трудныя обязанности въ тяжкую для Россіи минуту, ваше величество соизволили преподать мнѣ указанія на необходимость, для успѣшнаго выполненія порученной мнѣ задачи, принятія мѣръ, направленныхъ не только къ строгому преслѣдованію вредныхъ проявленій соціальнаго ученія и къ твердому упроченію правительственной власти, временно поколебленной прискорбными событіями минувшихъ лѣтъ, но, главнымъ образомъ, и къ возможному удовлетворенію законныхъ потребностей и нуждъ населенія. Дѣйствуя съ того времени въ предуказанномъ мнѣ вашимъ величествомъ направленіи и являясь лишь неуклоннымъ исполнителемъ намѣреній вашихъ, государь, могу засвидѣтельствовать нынѣ предъ вашимъ величествомъ, что первые шаги по этому, предначертанному высочайшею волею, пути принесли уже замѣтную пользу: постепенное возвращеніе государственной жизни къ правильному ея теченію удовлетворяетъ въ значительной степени внутреннимъ стремленіямъ благомыслящей части общества и укрѣпляетъ временно поколебленное довѣріе населенія къ силѣ и прочности правительственной власти въ Россіи. Объединеніе дѣйствій правительственныхъ органовъ, охраняющихъ государственный и общественный порядокъ; облегченіе участи административно высланныхъ, особенно изъ среды учащейся молодежи; внесеніе болѣе сердечнаго участія въ руководство учебною частью въ имперіи; усиленное вниманіе правительства къ мѣстнымъ земскимъ нуждамъ въ широкомъ объемѣ, выразившееся какъ въ удовлетвореніи нѣкоторыхъ ходатайствъ, оставлявшихся прежде безъ движенія, такъ и въ назначеніи сенаторскихъ ревизій съ главнѣйшею цѣлью изученія сихъ нуждъ; отмѣна ненавистнаго для народа соляного налога; предпринятый пересмотръ неудовлетворяющаго своей цѣли законодательства о печати—оказали и оказываютъ благотворное вліяніе на общество въ смыслѣ успокоенія тревожнаго состоянія онаго и возбужденія вѣрноподданнической готовности служить вамъ, государь, всѣми своими силами для завершенія великаго дѣла государственныхъ реформъ, предпринятаго вами съ первыхъ же дней восшествія вашего на прародительскій престолъ.

---

[1]) Напеч. въ „Русск. Архивѣ" 1916 г., кн. 1-я, стр. 5—12.

Смѣю всеподданнѣйше доложить вашему императорскому величеству, что, въ видахъ прочнѣйшаго установленія порядка, такимъ настроеніемъ необходимо воспользоваться. Великія реформы царствованія вашего величества, вслѣдствіе событій, обусловленныхъ совмѣстными съ ними, но не ими вызванными проявленіями ложныхъ соціальныхъ ученій, представляются до сихъ поръ отчасти не законченными, а отчасти не вполнѣ согласованными между собою. Кромѣ того, многіе первостепенной государственной важности вопросы, давно уже предуказанные державною волею, остаются безъ движенія въ канцеляріяхъ разныхъ вѣдомствъ. Для закончанія реформъ и для разрѣшенія стоящихъ на очереди вопросовъ, въ центральныхъ управленіяхъ имѣется уже много матеріаловъ, добытыхъ опытомъ прошедшихъ лѣтъ и пріуготовительными работами. Сенаторскія ревизіи, имѣющія главною своею цѣлью изслѣдованіе настоящаго положенія провинціи и мѣстныхъ потребностей, должны внести богатый вкладъ въ эти матеріалы и уяснить мѣстными данными то направленіе, какое для успѣха дѣла необходимо будетъ дать предстоящимъ преобразовательнымъ работамъ центральныхъ учрежденій, но и эти данныя, при окончательной разработкѣ ихъ, несомнѣнно окажутся недостаточными, безъ практическихъ указаній людей, близко знакомыхъ съ мѣстными условіями и потребностями.

Въ виду изложеннаго нельзя, по моему убѣжденію, не остановиться на мысли, что призваніе общества къ участію въ разработкѣ необходимыхъ для настоящаго времени мѣропріятій есть именно то средство, какое и полезно, и необходимо для дальнѣйшей борьбы съ крамолою. Существенно важнымъ и подлежащимъ зрѣлому обсужденію представляется при этомъ лишь способъ осуществленія этой мысли.

Обращаясь къ изысканію этого способа, обязываюсь, прежде всего, вновь выразить предъ вашимъ императорскимъ величествомъ, что, по глубокому моему убѣжденію, для Россіи немыслима никакая организація народнаго представительства въ формахъ, заимствованныхъ съ запада; формы эти не только чужды русскому народу, но могли бы даже поколебать всѣ основныя его политическія воззрѣнія и внести въ нихъ полную смуту, послѣдствія коей трудно и предвидѣть. Равнымъ образомъ, мнѣ представляется далеко не своевременнымъ и высказываемое нѣкоторыми приверженцами старинныхъ формъ россійскаго государства предложеніе о пользѣ образованія у насъ земской думы или земскаго собора. Наше время настолько удалилось отъ періода указываемой старинной формы представительства, по измѣнившимся понятіямъ и взаимнымъ отношеніямъ составныхъ частей русскаго государства и современному географическому его очертанію, что простое возсозданіе древняго представительства являлось бы трудно осуществимымъ и, во всякомъ случаѣ, опаснымъ опытомъ возвращенія къ прошедшему.

При такомъ воззрѣніи на высказываемыя въ средѣ нѣкоторой части общества мнѣнія о необходимости прибѣгнуть къ представительнымъ формамъ, для поддержанія порядка въ Россіи, и признавая, что мнѣнія эти составляютъ лишь выраженіе созрѣвшей потребности служить общественному дѣлу, мнѣ представляется наиболѣе практическимъ способомъ дать законный исходъ этой потребности въ порядкѣ, испытанномъ уже по мудрымъ указаніямъ вашего величества, при разработкѣ крестьянской реформы. Порядокъ этотъ слѣдуетъ, конечно, примѣнить къ потребностямъ и задачамъ настоящей минуты.

Исходя изъ этого основного начала и принимая во вниманіе, что на

мѣстахъ имѣются нынѣ уже постоянныя учрежденія, способныя представить свѣдѣнія и заключенія по вопросамъ, подлежащимъ обсужденію высшаго правительства, мнѣ казалось бы, что слѣдуетъ остановиться на учрежденіи въ С.-Петербургѣ временныхъ подготовительныхъ комиссій, на подобіе организованныхъ въ 1858 году редакціонныхъ комиссій, съ тѣмъ, чтобы работы этихъ комиссій были подвергаемы разсмотрѣнію съ участіемъ представителей отъ земства и нѣкоторыхъ значительнѣйшихъ городовъ.

Составъ такихъ подготовительныхъ комиссій могъ бы быть опредѣляемъ каждый разъ высочайшимъ указаніемъ изъ представителей центральныхъ правительственныхъ вѣдомствъ и приглашенныхъ, съ высочайшаго соизволенія, свѣдущихъ и благонадежныхъ служащихъ и неслужащихъ лицъ, извѣстныхъ своими спеціальными трудами въ наукѣ или опытностью по той или другой отрасли государственнаго управленія или народной жизни.

Предсѣдательство въ комиссіяхъ должно бы принадлежать особо назначеннымъ, по высочайшему довѣрію, лицамъ изъ числа высшихъ государственныхъ дѣятелей. Въ составъ комиссій войдутъ и ревизующіе сенаторы, по окончаніи ими ревизій.

Число комиссій должно бы быть ограничено на первое время двумя по главнымъ отраслямъ, къ которымъ могутъ быть отнесены предметы ихъ занятій: административно-хозяйственные и финансовые. Каждая комиссія могла бы подраздѣляться на отдѣлы или подкомиссіи.

Кругъ занятій административно-хозяйственной комиссіи могли бы составить нижеслѣдующіе предметы вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ, одновременно или въ послѣдовательномъ порядкѣ:

а) преобразованіе мѣстнаго губернскаго управленія, въ видахъ точнаго опредѣленія объема правъ и обязанностей онаго, и приведеніе административныхъ учрежденій въ надлежащее соотвѣтствіе съ учрежденіями судебными и общественными и потребностями управленія;

б) дополненіе, по указаніямъ опыта, положеній 19 февраля 1861 года и послѣдующихъ по крестьянскому дѣлу указаній, соотвѣтственно выяснившимся потребностямъ крестьянскаго населенія;

в) изысканіе способовъ: 1) къ скорѣйшему прекращенію существующихъ донынѣ обязательныхъ отношеній бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ къ своимъ помѣщикамъ и 2) къ облегченію выкупныхъ крестьянскихъ платежей въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ опытъ указалъ на крайнюю ихъ обременительность;

г) пересмотръ положеній земскаго и городового, въ видахъ пополненія и исправленія ихъ по указаніямъ прошедшаго времени;

д) организація продовольственныхъ запасовъ и вообще системы народнаго продовольствія и

е) мѣры по охраненію скотоводства.

Предметы занятій финансовой комиссіи (вопросы: податной, паспортный и другіе) подлежали бы опредѣленію вашимъ императорскимъ величествомъ по всеподданнѣйшему докладу министра финансовъ, основанному на предварительномъ соглашеніи съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ предметовъ вѣдомства обоихъ названныхъ министерствъ находятся въ тѣсной между собою связи.

На обязанности комиссій лежало бы составленіе законопроектовъ въ тѣхъ предѣлахъ, кои будутъ имъ указаны высочайшею волею.

За симъ составленныя подготовительными комиссіями законопроекты подлежали бы, по указанію верховной власти, предварительному внесенію въ общую комиссію, имѣющую образоваться подъ предсѣдательствомъ особо назначеннаго высочайшею волею лица изъ предсѣдателей и членовъ подготовительныхъ комиссій, съ призывомъ выборныхъ отъ губерній, въ коихъ введено положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, а также отъ нѣкоторыхъ значительнѣйшихъ городовъ, по два отъ каждой губерніи и города; при чемъ, въ видахъ привлеченія дѣйствительно полезныхъ и свѣдущихъ лицъ, губернскимъ земскимъ собраніямъ и городскимъ думамъ должно быть предоставлено право избирать таковыхъ не только изъ среды гласныхъ, но и изъ другихъ лицъ, принадлежащихъ къ населенію губерніи или города [1]).

Изъ губерній, гдѣ земскія учрежденія еще не открыты, могли бы быть призваны лица, по указанію мѣстной власти.

Для занятій общей комиссіи могло бы быть назначено крайнимъ срокомъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ.

Разсмотрѣнные и одобренные или исправленные общею комиссіею законопроекты подлежали бы внесенію въ государственный совѣтъ, съ заключеніемъ по онымъ министра, къ вѣдомству коего относится предметъ новаго законопроекта, при чемъ, для облегченія государственнаго совѣта въ предстоящихъ ему работахъ, быть можетъ вашему величеству благоугодно будетъ повелѣть призвать и въ составъ его, съ правомъ голоса, нѣсколько, отъ 10 до 15, представителей отъ общественныхъ учрежденій [2]), обнаружившихъ особенныя познанія, опытность и выдающіяся способности.

Работа не только подготовительныхъ, но и общей комиссій должна бы имѣть значеніе исключительно совѣщательное и ни въ чемъ не измѣняющее существующаго нынѣ порядка возбужденія законодательныхъ вопросовъ и разсмотрѣнія ихъ въ государственномъ совѣтѣ.

Установленіе изложеннаго выше и испытаннаго уже съ успѣхомъ порядка предварительной разработки важнѣйшихъ вопросовъ, соприкасающихся къ интересамъ народной жизни, не имѣетъ ничего общаго съ западными конституціонными формами. За верховною властью сохраняется всецѣло и исключительно право возбужденія законодательныхъ вопросовъ въ то время и въ тѣхъ предѣлахъ, какіе верховная власть признаетъ за благо указать.

Приглашенію членовъ, избираемыхъ общественными учрежденіями, будетъ предшествовать составленіе новаго законопроекта подготовительными комиссіями изъ чиновъ правительственныхъ, при участіи лишь нѣкоторыхъ, особо извѣстныхъ правительству, постороннихъ лицъ. Весь личный составъ подготовительныхъ комиссій войдетъ въ составъ общей комиссіи и будетъ разъяснять и поддерживать выработанные проекты. Эта обязанность будетъ лежать на предсѣдателяхъ подготовительныхъ комиссій, въ качествѣ помощниковъ предсѣдателя общей комиссіи.

Самый составъ общей комиссіи будетъ каждый разъ предуказываемъ высочайшею волею, при чемъ комиссія будетъ получать право заниматься лишь предметами, предоставленными ея разсмотрѣнію.

---

[1]) Послѣднія двѣ строки отчеркнуты карандашемъ на поляхъ и противъ нихъ поставленъ вопросительный знакъ.

[2]) Послѣднія строки, со словъ: «и въ составъ его», отчеркнуты карандашемъ на поляхъ и противъ нихъ поставленъ вопросительный знакъ.

Но, предварительно приведенія всѣхъ изложенныхъ выше предположеній въ окончательное исполненіе, мнѣ казалось бы необходимымъ нынѣ же сдѣлать распоряженіе, чтобы имѣющіеся въ разныхъ департаментахъ и другихъ центральныхъ учрежденіяхъ всѣхъ вѣдомствъ матеріалы, имѣющіе соотношеніе къ перечисленнымъ выше вопросамъ, кои будутъ подлежать обсужденію подготовительныхъ комиссій, были собраны, приведены въ порядокъ и извѣстную систему и сгруппированы по однороднымъ предметамъ. Трудъ этотъ въ каждомъ отдѣльномъ учрежденіи долженъ быть возложенъ на наиболѣе способныхъ и дѣльныхъ чиновъ подлежащихъ вѣдомствъ, при чемъ начальство этихъ вѣдомствъ можетъ, буде пожелаетъ, приглашать для участія въ такихъ пріуготовительныхъ работахъ и постороннихъ лицъ, кои своею опытностью и научными познаніями могли бы способствовать ихъ успѣху. На окончаніе этихъ работъ долженъ быть назначенъ срокъ, совпадающій съ окончаніемъ сенаторскихъ ревизій, при чемъ каждому отдѣльному вѣдомству, независимо отъ собранія и группировки имѣющихся въ его вѣдѣніи матеріаловъ, могло бы быть предоставлено передавать въ подготовительныя комиссіи результаты своихъ трудовъ не только въ видѣ сырыхъ матеріаловъ, но и основанныя на нихъ формулированныя предложенія, въ формѣ проектовъ законоположеній. По приблизительнымъ соображеніямъ такія пріуготовительныя работы, по разработкѣ данныхъ и матеріаловъ, какъ имѣющихся въ различныхъ учрежденіяхъ, такъ и тѣхъ, кои доставлены будутъ ревизующими сенаторами, могутъ быть совершенно закончены къ осени текущаго года и переданы въ подготовительныя комиссіи. По открытіи тогда же въ нихъ занятій, дѣятельность ихъ должна быть ведена съ такимъ расчетомъ, чтобы созывъ общей комиссіи, съ участіемъ общественныхъ представителей, могъ послѣдовать въ началѣ будущаго года, по окончаніи сессій губернскихъ земскихъ собраній.

Между тѣмъ, такое учрежденіе можетъ дать правильный исходъ замѣтному стремленію общественныхъ силъ къ служенію престолу и отечеству, неминуемо внесетъ въ народную жизнь оживляющее начало и предоставитъ правительству возможность пользоваться опытностью мѣстныхъ дѣятелей, ближе стоящихъ къ народной жизни, нежели чиновники центральныхъ управленій.

Соображенія эти, въ связи съ возбужденными въ благомыслящей части общества радостными ожиданіями дальнѣйшаго развитія великодушно предначертанныхъ вашимъ императорскимъ величествомъ преобразованій, не могутъ не заслуживать самаго серьезнаго вниманія. Позволяю себѣ повергнуть предъ вами, государь, глубокое мое убѣжденіе, что неудовлетвореніе приведеннымъ выше ожиданіямъ въ настоящее время будетъ неминуемо имѣть послѣдствіемъ, если не полное охлажденіе, то, по меньшей мѣрѣ, равнодушіе къ общественному дѣлу, представляющія, какъ указалъ прискорбный опытъ недавно истекшихъ лѣтъ, самую удобную почву для успѣха анархической пропаганды.

Если ваше императорское величество соизволите раздѣлять высказанныя мною мысли, то, по одобреніи вами изложенныхъ въ настоящей запискѣ предположеній, не благоугодно-ли будетъ повелѣть обсужденіе способа приведенія ихъ въ исполненіе поручить разсмотрѣнію нѣсколькихъ лицъ по избранію вашего императорскаго величества?

Генералъ-адъютантъ графъ Лорисъ-Меликовъ.

28 января 1881 г. С.-Петербургъ.

№ 3.

Проектъ письма графа Лорисъ-Меликова къ графу П. А. Валуеву

Милостивый государь графъ Петръ Александровичъ.

Экземпляръ представленной мною государю императору записки имѣю честь препроводить къ вашему сіятельству для прочтенія. Сколько мнѣ извѣстно, его императорское величество предполагаетъ въ среду, 4 февраля, подвергнуть означенную записку разсмотрѣнію при участіи вашего сіятельства. Примите увѣреніе и проч.

2 февраля 1881 года.

№ 4.

Письмо графа Лорисъ-Меликова къ Д. М. Сольскому.

Совершенно конфиденціально.

Милостивый государь Дмитрій Мартыновичъ.

По поводу представленной мною государю императору всеподданнѣйшей записки, его императорскому величеству благоугодно было всемилостивѣйше повелѣть: пригласить ваше высокопревосходительство къ участію, въ качествѣ члена, въ особомъ совѣщаніи, составленномъ для обсужденія означенной записки, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя комитета министровъ, статсъ-секретаря, д. т. с. графа Валуева, изъ членовъ: ихъ императорскихъ высочествъ государя наслѣдника цесаревича и государя великаго князя Константина Николаевича, главноуправляющаго II отдѣленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи, статсъ-секретаря, д. т. с. князя Урусова, и министровъ: императорскаго двора, финансовъ, юстиціи и внутреннихъ дѣлъ.

О таковой высочайшей волѣ долгомъ считаю сообщить вашему высокопр-ву, обязываясь присовокупить, что о времени занятій совѣщанія вы изволите получить особое извѣщеніе отъ предсѣдателя онаго. Примите увѣреніе и проч.

№ 447. 5 февраля 1881 г.

№ 5.

Журналъ особаго совѣщанія, созваннаго для обсужденія докладной записки министра внутреннихъ дѣлъ [1]).

Наверху первой страницы рукою имп. Александра II написано:

Исполнить.

С.-Петербургъ. 17 февраля 1881 г.

Вашему императорскому величеству благоугодно было возложить на особое совѣщаніе ближайшее обсужденіе представленной вамъ министромъ внутреннихъ дѣлъ всеподданнѣйшей докладной записки о привлеченіи представителей общественныхъ учрежденій къ участію въ разработкѣ нѣкоторыхъ мѣропріятій и законодательныхъ предположеній.

Генералъ-адъютантъ, графъ Лорисъ-Меликовъ всеподданнѣйше предста-

---

1) Напеч. въ Русск. Архивѣ 1916 г., кн. 1-я, стр. 12—21.

вляетъ вашему императорскому величеству, что, призвавъ его, въ тяжкую для Россіи минуту, къ управленію министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, на попеченіи коего лежитъ поддержаніе внутренняго порядка въ государствѣ, ваше величество преподали ему указанія на необходимость, для успѣшнаго выполненія порученной ему задачи, принятія мѣръ, направленныхъ не только къ строгому преслѣдованію вредныхъ проявленій соціальнаго ученія и къ твердому упроченію правительственной власти, временно поколебленной прискорбными событіями минувшихъ лѣтъ, но, главнымъ образомъ, и къ возможному удовлетворенію законныхъ потребностей и нуждъ населенія. Дѣйствовавъ съ того времени въ предуказанномъ вашимъ величествомъ направленіи, министръ внутреннихъ дѣлъ свидѣтельствуетъ, что первые шаги по этому предначертанному высочайшею волею пути принесли уже замѣтную пользу: постепенное возвращеніе государственной жизни къ правильному ея теченію удовлетворяетъ, въ значительной степени, внутреннимъ стремленіямъ благомыслящей части общества и укрѣпляетъ временно поколебленное довѣріе населенія къ силѣ и прочности правительственной власти въ Россіи. Объединеніе дѣйствій правительственныхъ органовъ, охраняющихъ государственный и общественный порядокъ; облегченіе участи административно высланныхъ, особенно изъ среды учащейся молодежи; внесеніе болѣе сердечнаго участія въ руководство учебною частію въ имперіи; усиленное вниманіе правительства къ мѣстнымъ земскимъ нуждамъ въ широкомъ объемѣ, выразившееся какъ въ удовлетвореніи нѣкоторыхъ ходатайствъ, оставлявшихся прежде безъ движенія, такъ и въ назначеніи сенаторскихъ ревизій съ главнѣйшею цѣлью изученія сихъ нуждъ; отмѣна ненавистнаго для народа солянаго налога; предпринятый пересмотръ неудовлетворяющаго своей цѣли законодательства о печати—оказали и оказываютъ благотворное вліяніе на общество въ смыслѣ успокоенія тревожнаго состоянія онаго и возбужденія вѣрноподданнической готовности служить вамъ, государь, всѣми своими силами для завершенія великаго дѣла государственныхъ реформъ, предпринятаго вами съ первыхъ же дней восшествія вашего на прародительскій престолъ.

По мнѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, въ видахъ прочнѣйшаго установленія порядка, такимъ настроеніемъ необходимо воспользоваться. Великія реформы царствованія вашего величества, вслѣдствіе событій, обусловленныхъ совмѣстными съ ними, но не ими вызванными, проявленіями ложныхъ соціальныхъ ученій, представляются до сихъ поръ отчасти не законченными, а отчасти не вполнѣ согласованными между собою. Кромѣ того, многіе первостепенной государственной важности вопросы, давно уже предуказанные державною волею, остаются безъ движенія въ канцеляріяхъ разныхъ вѣдомствъ. Для закончанія реформъ и для разрѣшенія стоящихъ на очереди вопросовъ, въ центральныхъ управленіяхъ имѣется уже много матеріаловъ, добытыхъ опытомъ прошедшихъ лѣтъ и приуготовительными работами. Сенаторскія ревизіи, имѣющія главною своею цѣлью изслѣдованіе настоящаго положенія провинціи и мѣстныхъ потребностей, должны внести богатый вкладъ въ эти матеріалы и уяснить мѣстными данными то направленіе, какое для успѣха дѣла необходимо будетъ дать предстоящимъ преобразовательнымъ работамъ центральныхъ учрежденій; но и эти данныя, при окончательной разработкѣ ихъ, несомнѣнно окажутся недостаточными безъ практическихъ указаній людей, близко знакомыхъ съ мѣстными условіями и потребностями.

Въ виду изложеннаго нельзя, по убѣжденію графа Лорисъ-Меликова, не остановиться на мысли, что призваніе общества къ участію въ разработкѣ необходимыхъ для настоящаго времени мѣропріятій есть именно то средство, какое и полезно, и необходимо для дальнѣйшей борьбы съ крамолою. Существенно важнымъ и подлежащимъ зрѣлому обсужденію представляется при этомъ лишь способъ осуществленія этой мысли.

Будучи убѣжденъ, что для Россіи немыслима никакая организація народнаго представительства въ формахъ, заимствованныхъ съ запада, и что, равнымъ образомъ, далеко несвоевременно высказываемое нѣкоторыми приверженцами старинныхъ формъ предположеніе о пользѣ образованія у насъ земской думы или земскаго собора, министръ внутреннихъ дѣлъ замѣчаетъ, что высказываемыя въ средѣ нѣкоторой части общества мнѣнія о необходимости прибѣгнуть къ представительнымъ формамъ составляютъ лишь выраженіе созрѣвшей потребности служить общественному дѣлу, а наиболѣе практическимъ способомъ дать законный исходъ этой потребности представлялся бы порядокъ, испытанный уже, по мудрымъ указаніямъ вашего величества, при разработкѣ крестьянской реформы, съ примѣненіемъ его, конечно, къ потребностямъ и задачамъ настоящей минуты.

Исходя изъ этого основного начала и принимая во вниманіе, что на мѣстахъ имѣются нынѣ уже постоянныя учрежденія, способныя представить свѣдѣнія и заключенія по вопросамъ, подлежащимъ обсужденію высшаго правительства, слѣдовало бы остановиться на учрежденіи въ С.-Петербургѣ временныхъ подготовительныхъ комиссій, съ тѣмъ, чтобы работы этихъ комиссій были подвергаемы разсмотрѣнію съ участіемъ представителей отъ земства и нѣкоторыхъ значительнѣйшихъ городовъ.

Составъ такихъ подготовительныхъ комиссій могъ бы быть опредѣляемъ, каждый разъ, высочайшимъ указаніемъ изъ представителей центральныхъ правительственныхъ вѣдомствъ и приглашенныхъ съ высочайшаго соизволенія свѣдущихъ и благонадежныхъ лицъ, извѣстныхъ своими спеціальными трудами въ наукѣ или опытностью по той или другой отрасли государственнаго управленія или народной жизни. Въ составъ комиссій входили бы и ревизующіе сенаторы, по окончаніи ими ревизій.

Число комиссій должно бы, по мнѣнію генералъ-адъютанта графа Лорисъ-Меликова, быть ограничено на первое время двумя по главнымъ отраслямъ, къ которымъ могутъ быть отнесены предметы изъ занятій: административно-хозяйственные и финансовые.

Каждая комиссія могла бы подраздѣляться на отдѣлы или подкомиссіи.

Кругъ занятій административно-хозяйственной комиссіи могли бы составить нижеслѣдующіе предметы вѣдомства внутреннихъ дѣлъ, одновременно или въ послѣдовательномъ порядкѣ:

а) преобразованіе мѣстныхъ управленій въ губерніяхъ, въ видахъ точнаго опредѣленія объема правъ и обязанностей оныхъ, и приведеніе административныхъ учрежденій въ надлежащее соотвѣтствіе съ учрежденіями судебными и общественными и потребностями управленій;

б) дополненіе, по указаніямъ опыта, положеній 19 февраля 1861 года и послѣдующихъ по крестьянскому дѣлу узаконеній, соотвѣтственно выяснившимся потребностямъ крестьянскаго населенія;

в) изысканіе способовъ къ скорѣйшему прекращенію существующихъ до-

нынѣ обязательныхъ отношеній бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ къ своимъ помѣщикамъ;

г) пересмотръ положеній земскаго и городового, въ видахъ пополненія и исправленія ихъ по указаніямъ прошедшаго времени;

д) организація продовольственныхъ запасовъ и вообще системы народнаго продовольствія и

е) мѣры по охраненію скотоводства.

Предметы занятій финансовой комиссіи (вопросы: податной, паспортный и другіе) подлежали бы опредѣленію вашимъ императорскимъ величествомъ по всеподданнѣйшему докладу министра финансовъ, основанному на предварительномъ соглашеніи съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ предметовъ вѣдомства обоихъ названныхъ министерствъ находятся въ тѣсной между собою связи.

На обязанности комиссій лежало бы составленіе законопроектовъ въ тѣхъ предѣлахъ, кои будутъ имъ указаны высочайшею волею.

За симъ составленные подготовительными комиссіями законопроекты подлежали бы, по указанію верховной власти, предварительному внесенію въ общую комиссію, имѣющую образоваться подъ предсѣдательствомъ особо назначеннаго высочайшею волею лица изъ предсѣдателей и членовъ подготовительныхъ комиссій, съ призывомъ выборныхъ отъ губерній, въ коихъ введено положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, а также отъ нѣкоторыхъ значительнѣйшихъ городовъ, по два отъ каждой губерніи и города; при чемъ, въ видахъ привлеченія дѣйствительно полезныхъ и свѣдущихъ лицъ, губернскимъ земскимъ собраніямъ и городскимъ думамъ должно быть предоставлено право избрать таковыхъ не только изъ среды гласныхъ, но и изъ другихъ лицъ, принадлежащихъ къ населенію губерніи или города.

Изъ губерній, гдѣ земскія учрежденія еще не открыты, могли бы быть призваны лица по указанію мѣстной власти.

Для занятій общей комиссіи могло бы быть назначено крайнимъ срокомъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ.

Разсмотрѣнные и одобренные или исправленные общею комиссіею законопроекты подлежали бы внесенію въ государственный совѣтъ съ заключеніемъ по онымъ министра, къ вѣдомству коего относится предметъ новаго законопроекта.

Работы не только подготовительныхъ, но и общей комиссіи, должны бы имѣть значеніе исключительно совѣщательное и ни въ чемъ не измѣняющее существующаго нынѣ порядка возбужденія законодательныхъ вопросовъ и разсмотрѣнія ихъ въ государственномъ совѣтѣ.

Предварительно приведенія всѣхъ изложенныхъ выше предположеній въ окончательное исполненіе, министръ внутреннихъ дѣлъ считаетъ необходимымъ нынѣ же сдѣлать распоряженіе, чтобы имѣющіеся въ разныхъ департаментахъ и другихъ центральныхъ учрежденіяхъ всѣхъ вѣдомствъ матеріалы, имѣющіе соотношеніе къ перечисленнымъ выше вопросамъ, кои будутъ подлежать обсужденію подготовительныхъ комиссій, были собраны, приведены въ порядокъ и извѣстную систему и сгруппированы по однороднымъ предметамъ. На окончаніе этихъ работъ долженъ бы быть назначенъ срокъ, совпадающій съ окончаніемъ сенаторскихъ ревизій, при чемъ каждому отдѣльному вѣдомству, независимо отъ собранія и группировки имѣющихся въ его вѣдѣніи матеріаловъ, могло бы

быть предоставлено передавать въ подготовительныя комиссіи результаты своихъ трудовъ не только въ видѣ сырыхъ матеріаловъ, но и основанныя на нихъ формулированныя предложенія, въ формѣ проектовъ законоположеній.

По приблизительнымъ соображеніямъ, такія пріуготовительныя работы, по разработкѣ данныхъ и матеріаловъ, какъ имѣющихся въ различныхъ учрежденіяхъ, такъ и тѣхъ, кои доставлены будутъ ревизующими сенаторами, могутъ быть совершенно закончены къ осени текущаго года и переданы въ подготовительныя комиссіи. По открытіи тогда же въ нихъ занятій, дѣятельность ихъ должна быть ведена съ такимъ расчетомъ, чтобы созывъ общей комиссіи, съ участіемъ общественныхъ представителей, могъ послѣдовать въ началѣ будущаго года, по окончаніи сессій губернскихъ земскихъ собраній.

Въ заключеніе своего всеподданнѣйшаго доклада генералъ-адъютантъ графъ Лорисъ-Меликовъ замѣчаетъ, что предлагаемое имъ учрежденіе можетъ дать правильный исходъ замѣтному стремленію общественныхъ силъ къ служенію престолу и отечеству, внесетъ въ народную жизнь оживляющее начало и предоставитъ правительству возможность пользоваться опытностью мѣстныхъ дѣятелей, ближе стоящихъ къ народной жизни, нежели чиновники центральныхъ управленій; неудовлетвореніе же въ настоящее время возбужденныхъ въ благомыслящей части общества ожиданій будетъ неминуемо имѣть послѣдствіемъ, если не полное охлажденіе, то, по меньшей мѣрѣ, равнодушіе къ общественному дѣлу, представляющія, какъ указалъ прискорбный опытъ недавно истекшихъ лѣтъ, самую удобную почву для успѣха анархической пропаганды.

Разсмотрѣвъ, согласно высочайшему повелѣнію вашего императорскаго величества, вышеизложенныя соображенія министра внутреннихъ дѣлъ, совѣщаніе считаетъ обязанностью доложить вамъ, государь, что оно всецѣло присоединяется къ взгляду генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова на проявившіяся уже благія послѣдствія тѣхъ мѣръ, какія, по высочайшимъ вашего величества указаніямъ, были приняты въ послѣдніе 12 мѣсяцевъ, а также раздѣляетъ и мысли его относительно того пути, котораго предстояло бы нынѣ держаться, дабы, развивая и усовершая предначертанныя вашимъ императорскимъ величествомъ преобразованія, скрѣпить благотворную связь между правительствомъ и лучшими силами общества. Одобряя, вслѣдствіе того, въ общемъ видѣ предположенія министра внутреннихъ дѣлъ, совѣщаніе признаетъ особую важность за тѣми изъ нихъ, которыя относятся къ учрежденію *общей комиссіи*, съ участіемъ выборныхъ представителей отъ земства и нѣкоторыхъ городовъ. Все, что касается состава, созыва и порядка дѣйствій этой комиссіи потребуетъ, по убѣжденію совѣщанія, самаго тщательнаго обсужденія и подробнаго опредѣленія. Но приступать къ этимъ подробностямъ нынѣ едва-ли еще удобно, ибо многія стороны дѣла могутъ вполнѣ выясниться лишь по мѣрѣ исполненія тѣхъ подготовительныхъ дѣйствій, которыя должны предшествовать созыву общей комиссіи. Посему совѣщаніе полагаетъ ограничиться теперь установленіемъ лишь главнѣйшихъ по настоящему дѣлу положеній, предоставивъ дальнѣйшее развитіе ихъ послѣдующему времени.

Обсуждая съ этой точки зрѣнія предположенія министра внутреннихъ дѣлъ, совѣщаніе остановилось на слѣдующихъ частныхъ вопросахъ:

По предположенію министра внутреннихъ дѣлъ число подготовительныхъ

комиссій должно быть ограничено на первое время двумя. Совѣщаніе полагаетъ, что удобнѣе было бы числа ихъ нынѣ не предрѣшать, такъ какъ оно должно, до нѣкоторой степени, обусловиться количествомъ и родомъ тѣхъ вопросовъ и предположеній, которые будутъ подлежать обсужденію комиссій.

Затѣмъ, не слѣдовало бы также предрѣшать, что всѣ члены подготовительныхъ комиссій входятъ въ составъ общей комиссіи. Нѣкоторыя изъ лицъ, участвовавшихъ въ подготовительныхъ комиссіяхъ, могутъ, несомнѣнно съ пользою, быть назначены постоянными членами въ комиссіи общей; другихъ же достаточно приглашать въ оную лишь при обсужденіи тѣхъ проектовъ, въ разработкѣ которыхъ они участвовали. Въ этомъ отношеніи удобнѣе оставить за правительствомъ полный просторъ дѣйствій.

Переходя къ прочимъ предположеніямъ о составѣ общей комиссіи, совѣщаніе находитъ, что избраніе въ оную выборныхъ въ одинаковомъ числѣ (по два) по всѣмъ губерніямъ и значительнѣйшимъ городамъ, не соотвѣтствовало бы рѣзкому различію въ пространствѣ и особенно въ населенности нашихъ губерній и городовъ. Посему предпочтительнѣе казалось бы опредѣлить, что выборные отъ земскихъ собраній назначаются по одному или по два отъ губерніи; отъ городскихъ же думъ—по два въ столицахъ и по одному въ другихъ значительныхъ городахъ.

Вопросъ о призваніи въ составъ комиссіи лицъ изъ окраинъ имперіи, какъ-то: Сибири, Закавказья и губерній царства польскаго, по мнѣнію совѣщанія, можетъ быть оставленъ открытымъ и подлежать ближайшему соображенію при подробной разработкѣ настоящихъ предположеній.

Равнымъ образомъ осторожнѣе было бы теперь же не опредѣлять съ точностью срока (два мѣсяца) для занятій общей комиссіи.

На основаніи вышеизложеннаго и во всемъ остальномъ соглашаясь съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, совѣщаніе положило: представить на высочайшее усмотрѣніе вашего императорскаго величества, благоугодно ли будетъ вашему величеству повелѣть:

1) сдѣлать нынѣ же распоряженіе, чтобы находящіеся въ разныхъ министерствахъ и другихъ центральныхъ учрежденіяхъ матеріалы, имѣющіе отношеніе къ перечисленнымъ въ запискѣ министра внутреннихъ дѣлъ вопросамъ, были собраны, сгруппированы по однороднымъ предметамъ и приведены въ такой порядокъ, въ какомъ, по усмотрѣнію подлежащаго министра, они могли бы съ удобствомъ быть подвергнуты соображенію означенныхъ ниже подготовительныхъ комиссій;

2) на окончаніе этихъ (п. 1) работъ назначить срокъ, совпадающій съ окончаніемъ сенаторскихъ ревизій. По представленію же сенаторами добытыхъ изъ ревизіи данныхъ, дополнить ими собранные въ центральныхъ учрежденіяхъ матеріалы и установить тѣ вопросы и предположенія, которые въ теченіе осени могли бы быть внесены въ подготовительныя комиссіи;

3) подготовительныя комиссіи учреждать изъ чиновъ правительственныхъ вѣдомствъ и приглашенныхъ, съ высочайшаго соизволенія, свѣдущихъ и благонадежныхъ лицъ, извѣстныхъ своими спеціальными трудами въ наукѣ или опытностью по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія или народной жизни. На обязанность сихъ комиссій возложить составленіе законопроектовъ въ тѣхъ предѣлахъ, кои будутъ указаны высочайшею волею;

4) составленные подготовительными комиссіями законопроекты, пред-

варительно внесенія установленнымъ порядкомъ въ государственный совѣтъ, передавать, по высочайшему повелѣнію, на обсужденіе общей комиссіи, учреждаемой на слѣдующихъ основаніяхъ;

5) общая комиссія, подъ предсѣдательствомъ лица, непосредственно избраннаго высочайшею властью, составляется:

а) изъ назначенныхъ по высочайшему повелѣнію къ постоянному присутствованію въ оной лицъ, принимавшихъ участіе въ работахъ подготовительныхъ комиссій;

б) изъ выборныхъ отъ губерній, въ коихъ введено положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, и отъ нѣкоторыхъ значительнѣйшихъ городовъ, и

в) изъ назначенныхъ особымъ порядкомъ членовъ отъ тѣхъ мѣстностей, въ коихъ положеніе о земскихъ учрежденіяхъ не дѣйствуетъ;

6) отъ губерній, въ коихъ введено положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, избирается въ составъ общей комиссіи по одному или по два члена, сообразуясь съ населеніемъ губерніи. Избраніе предоставляется губернскимъ земскимъ собраніямъ;

7) члены отъ значительнѣйшихъ городовъ избираются городскими думами: въ столицахъ по два, въ прочихъ городахъ по одному;

8) губернскимъ земскимъ собраніямъ и городскимъ думамъ предоставляется избирать членовъ общей комиссіи какъ изъ среды гласныхъ, такъ и изъ другихъ лицъ, принадлежащихъ къ населенію губерніи или города;

9) порядокъ и условія назначенія въ общую комиссію представителей отъ мѣстностей, въ коихъ положеніе о земскихъ учрежденіяхъ не дѣйствуетъ, имѣютъ быть опредѣлены особо;

10) члены подготовительныхъ комиссій, не назначенные къ постоянному участію въ занятіяхъ общей комиссіи, присутствуютъ въ ней, съ правомъ голоса, при обсужденіи тѣхъ законопроектовъ, въ составленіи которыхъ они участвовали;

11) для занятій общей комиссіи назначается опредѣленный срокъ;

12) работы общей комиссіи имѣютъ значеніе совѣщательное. Учрежденіемъ ея не измѣняется существующій нынѣ порядокъ возбужденія законодательныхъ вопросовъ и окончательнаго ихъ обсужденія.

Разсмотрѣнные общею комиссіею законопроекты вносятся установленнымъ порядкомъ въ государственный совѣтъ подлежащими министрами, съ изложеніемъ и собственнаго заключенія министра.

Графъ Петръ Валуевъ. — Цесаревичъ Александръ.
Графъ Александръ Адлербергъ.
Князь Сергій Урусовъ. — Константинъ.
А. Абаза.
Графъ М. Лорисъ-Меликовъ.
Дмитрій Набоковъ.
Дмитрій Сольскій.

16 февраля 1881 года.

№ 6.

Проектъ правительственнаго сообщенія [1]).

При учрежденіи верховной распорядительной комиссіи по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, именнымъ высочайшимъ

[1]) Напеч. въ „Русск. Архивѣ“ 1916 г., кн. 1-я, стр. 21—26.

указомъ отъ 12 февраля минувшаго 1880-го года было выражено, что чрезвычайная мѣра эта вызвана твердымъ рѣшеніемъ державной воли положить предѣлъ безпрерывно повторявшимся покушеніямъ дерзкихъ злоумышленниковъ поколебать въ Россіи государственный и общественный порядокъ. Этимъ рѣшеніемъ и послѣдовавшими затѣмъ высочайшими указаніями главному начальнику означенной комиссіи—опредѣлилось самое направленіе ея дѣятельности, заключавшейся одновременно въ строгомъ и неуклонномъ преслѣдованіи вредныхъ проявленій анархическихъ лжеученій и въ изысканіи тѣхъ путей, коими государственная жизнь могла быть возвращена къ правильному и законному ея теченію. Высочайше предуказанными средствами къ достиженію этой двойной цѣли были, съ одной стороны, объединеніе дѣйствій правительственныхъ органовъ, имѣющихъ ближайшимъ назначеніемъ своимъ охраненіе государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, а съ другой—точное разслѣдованіе степени распространенія вредныхъ лжеученій, пагубными проявленіями своими пріостановившихъ было дальнѣйшее развитіе реформъ, предпринятыхъ на благо Россіи съ первыхъ же дней восшествія государя императора на прародительскій престолъ.

До истеченія 6 мѣсяцевъ со времени учрежденія верховной комиссіи, главный начальникъ оной могъ уже свидѣтельствовать предъ государемъ императоромъ о видимо успѣшныхъ послѣдствіяхъ исполненія высочайшихъ предначертаній къ успокоенію общества и возстановленію порядка и о томъ, что анархическія лжеученія, проявляющіяся въ прискорбныхъ уклоненіяхъ отдѣльныхъ личностей отъ священныхъ обязанностей вѣрноподданныхъ сыновъ отечества, не успѣли, однакоже, проникнуть въ глубь русскаго общества и русскаго народа, представляющихъ надежныя опоры государственному порядку въ Россіи. Главный начальникъ верховной распорядительной комиссіи могъ заявить, что при всѣхъ случаяхъ его обращенія къ содѣйствію общественныхъ силъ, таковое обращеніе было встрѣчаемо полнѣйшею готовностью служить цѣлямъ порядка и завершенія великихъ преобразованій, предпринятыхъ въ настоящее царствованіе.

Именной высочайшій указъ 6 августа 1880 года возвѣстилъ Россіи, что государь императоръ соизволилъ признать возможнымъ закрыть верховную распорядительную комиссію, съ сосредоточеніемъ охранительной власти въ государствѣ въ постоянномъ правительственномъ органѣ—министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Вслѣдъ за тѣмъ, его императорскому величеству благоугодно было поручить особо призваннымъ для сего сенаторамъ произвести ревизію нѣсколькихъ губерній разныхъ полосъ Россіи, съ главнѣйшею цѣлью изслѣдовать настоящее положеніе губерній и пополнить современными данными имѣющіеся у центральнаго правительства матеріалы по многимъ весьма существеннымъ вопросамъ, разрѣшеніе коихъ давно уже поставлено высочайшею волею на очередь, но движеніе коихъ было задержано, къ сожалѣнію, тревожными проявленіями послѣдняго времени.

Нынѣ министръ внутреннихъ дѣлъ всеподданнѣйше докладывалъ 28 января 1881 года государю императору, что ближайшее ознакомленіе его съ учрежденіями и дѣлами ввѣреннаго ему министерства приводитъ къ убѣжденію, что если сенаторскія ревизіи и внесутъ богатый вкладъ въ имѣющіеся уже въ центральномъ управленіи матеріалы по многимъ подлежащимъ разрѣшенію вопросамъ и обновятъ ихъ свѣжими мѣстными данными, то, тѣмъ не менѣе

матеріалы эти, при окончательной ихъ разработкѣ, должны быть пополнены практическими указаніями людей, ближе знакомыхъ съ мѣстными условіями и потребностями.

По своему вѣдомству министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ на высочайшее благовоззрѣніе слѣдующіе, стоящіе, между прочимъ, на очереди, вопросы:

а) преобразованіе мѣстныхъ управленій въ губерніяхъ, въ видахъ точнаго опредѣленія объема правъ и обязанностей оныхъ и приведеніе административныхъ учрежденій въ надлежащее соотвѣтствіе съ учрежденіями судебными и общественными и потребностями управленій;

б) дополненіе, по указаніямъ опыта, положеній 19 февраля 1861 года и послѣдующихъ по крестьянскому дѣлу узаконеній, соотвѣтственно выяснившимся потребностямъ крестьянскаго населенія;

в) пересмотръ положеній земскаго и городового, въ видахъ пополненія и исправленія ихъ по указаніямъ прошедшаго времени;

г) организація продовольственныхъ запасовъ и вообще системы народнаго продовольствія, и

д) мѣры по охраненію скотоводства.

По другимъ вѣдомствамъ представленіе на высочайшее благоусмотрѣніе поставляемыхъ на очередь вопросовъ будетъ предстоять подлежащимъ министрамъ.

Государь императоръ, слѣдуя влеченіямъ своего любвеобильнаго сердца и желая явить новый знакъ монаршаго довѣрія къ своимъ вѣрноподданнымъ, по разсмотрѣніи соображеній министра внутреннихъ дѣлъ въ особомъ совѣщаніи изъ высочайше назначенныхъ къ тому лицъ, всемилостивѣйше соизволилъ одобрить основную мысль относительно пользы и своевременности привлеченія мѣстныхъ дѣятелей къ совѣщательному участію въ изготовленіи центральными учрежденіями законопроектовъ по тѣмъ вопросамъ, которые признаны будутъ его величествомъ подлежащими нынѣ разрѣшенію, въ видахъ развитія и усовершенія высочайше предначертанныхъ преобразованій. Для практическаго осуществленія всемилостивѣйшей воли, относительно скрѣпленія указаннымъ путемъ плодотворной связи между правительствомъ и лучшими силами общественными, государь императоръ изволилъ избрать порядокъ, испытанный уже, по указаніямъ его величества, при разработкѣ крестьянской реформы, съ примѣненіемъ онаго къ потребностямъ и задачамъ настоящаго времени. Пріемля во вниманіе, что на мѣстахъ уже имѣются нынѣ постоянныя и при томъ всесословныя учрежденія, способныя представлять свѣдѣнія и заключенія по вопросамъ, подлежащимъ обсужденію высшаго правительства, его величество соизволилъ остановиться на учрежденіи въ С.-Петербургѣ **временныхъ подготовительныхъ комиссій**, съ тѣмъ, чтобы работы этихъ комиссій, предварительно внесенія ихъ на обсужденіе государственнаго совѣта въ установленномъ закономъ порядкѣ, были подвергаемы разсмотрѣнію въ **общей комиссіи** съ совѣщательнымъ участіемъ представителей отъ земства и нѣкоторыхъ значительнѣйшихъ городовъ.

Въ видахъ установленія главнѣйшихъ положеній по сему дѣлу, его императорскому величеству благоугодно было высочайше повелѣть:

1) сдѣлать нынѣ же распоряженіе, чтобы находящіеся въ разныхъ министерствахъ и другихъ центральныхъ учрежденіяхъ матеріалы, имѣющіе отношеніе къ перечисленнымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ вопросамъ, были со

браны, сгруппированы по однороднымъ предметамъ и приведены въ такой порядокъ, въ какомъ, по усмотрѣнію подлежащаго министра, они могли бы съ удобствомъ быть подвергнуты соображенію подготовительныхъ комиссій;

2) на окончаніе этихъ (п. 1) работъ назначить срокъ, совпадающій съ окончаніемъ сенаторскихъ ревизій. По представленіи же сенаторами добытыхъ изъ ревизіи данныхъ, дополнить ими собранные въ центральныхъ учрежденіяхъ матеріалы и установить тѣ вопросы и предположенія, которые въ теченіе осени могли бы быть внесены въ подготовительныя комиссіи;

3) подготовительныя комиссіи учреждать изъ чиновъ правительственныхъ вѣдомствъ и приглашенныхъ, съ высочайшаго соизволенія, свѣдущихъ, служащихъ и неслужащихъ, лицъ, извѣстныхъ своими спеціальными трудами въ наукѣ или опытностью по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія или народной жизни. На обязанность сихъ комиссій возложить составленіе законопроектовъ въ тѣхъ предѣлахъ, кои будутъ указаны высочайшею волею;

(4 составленные подготовительными комиссіями законопроекты, предварительно внесенія установленнымъ порядкомъ въ государственный совѣтъ, передавать по высочайшему повелѣнію на обсужденіе общей комиссіи, учреждаемой на нижеслѣдующихъ основаніяхъ;

5) общая комиссія, подъ предсѣдательствомъ лица, непосредственно избраннаго высочайшею властью, составляется: а) изъ назначенныхъ по высочайшему повелѣнію къ постоянному присутствованію въ оной лицъ, принимавшихъ участіе въ работахъ подготовительныхъ комиссій; б) изъ выборныхъ отъ губерній, въ коихъ введено положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, и отъ нѣкоторыхъ значительнѣйшихъ городовъ, и в) изъ назначенныхъ особымъ порядкомъ членовъ отъ тѣхъ мѣстностей, въ коихъ положеніе о земскихъ учрежденіяхъ не дѣйствуетъ;

6) отъ губерній, въ коихъ введено положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, избирается въ составъ общей комиссіи по одному или по два члена, сообразуясь съ населеніемъ губерніи. Избраніе предоставляется губернскимъ земскимъ собраніямъ;

7) члены отъ значительнѣйшихъ городовъ избираются городскими думами: въ столицахъ по два, въ прочихъ городахъ по одному;

8) губернскимъ земскимъ собраніямъ и городскимъ думамъ предоставляется избирать членовъ общей комиссіи какъ изъ среды гласныхъ, такъ и изъ другихъ лицъ, принадлежащихъ къ населенію губерніи или города;

9) порядокъ и условія назначенія въ общую комиссію представителей отъ мѣстностей, въ коихъ положеніе о земскихъ учрежденіяхъ не дѣйствуетъ, имѣютъ быть опредѣлены особо;

10) члены подготовительныхъ комиссій, не назначенные къ постоянному участію въ занятіяхъ общей комиссіи, присутствуютъ въ ней, съ правомъ голоса, при обсужденіи тѣхъ законопроектовъ, въ составленіи которыхъ они участвовали;

11) для занятій общей комиссіи назначается опредѣленный срокъ; и

12) работы общей комиссіи имѣютъ значеніе совѣщательное. Учрежденіемъ ея не измѣняется существующій нынѣ порядокъ возбужденія законодательныхъ вопросовъ и окончательнаго ихъ обсужденія. Разсмотрѣнные общею комиссіею законопроекты вносятся установленнымъ порядкомъ въ государственный совѣтъ подлежащими министрами, съ изложеніемъ и собственнаго заключенія министра.

За установленіемъ державною волею государя императора сихъ главныхъ положеній, въ ближайшемъ будущемъ предстоитъ опредѣлить требуемыя означеннымъ высочайшимъ повелѣніемъ подробности, касательно состава, созыва и порядка дѣйствій учреждаемыхъ комиссій; а между тѣмъ центральныя учрежденія немедленно приступять къ собранію и разработкѣ матеріаловъ по вопросамъ, кои будутъ подлежать обсужденію въ подготовительныхъ комиссіяхъ.

№ 7.

Всеподданнѣйшая записка предсѣдателя комитета министровъ, графа П. А. Валуева:

Всеподданнѣйше представляю обратно вашему императорскому величеству проектъ правительственнаго объявленія, составленный, на мой взглядъ, весьма хорошо.

При семъ всеподданнѣйше докладываю, что распоряженіе о созывѣ совѣта министровъ, по указаніямъ вашего величества, на среду, въ $1^1/_2$ часа пополудни, сдѣлано.

Статсъ-секретарь графъ Валуевъ.

1 марта 1881 года.

№ 8.

Всеподданнѣйшій докладъ министра внутреннихъ дѣлъ, графа М. Т. Лорисъ-Меликова отъ 6 марта 1881 г.

На первой страницѣ сверху написано рукою императора Александра III:

Проектъ составленъ очень хорошо.

На поляхъ той же страницы написано рукою императора Александра III:

О созывѣ Совѣта Министровъ переговорю съ вами.

Всеподданнѣйше представляя, во исполненіе высочайшей воли вашего императорскаго величества, проектъ опубликованія по предмету порядка разсмотрѣнія нѣкоторыхъ состоящихъ на очереди къ разрѣшенію вопросовъ, поставляю долгомъ испрашивать высочайшихъ указаній, когда именно благоугодно будетъ повелѣть назначить засѣданіе совѣта министровъ для выслушанія сего проекта.

Вмѣстѣ съ тѣмъ представляю на благовоззрѣніе вашего величества переданную мнѣ въ Бозѣ почившимъ государемъ императоромъ, 1-го марта, въ $12^1/_2$ часовъ пополудни, записку статсъ-секретаря графа Валуева, докладывавшаго о сдѣланномъ распоряженіи относительно созыва совѣта министровъ на среду, 4-го марта.

Генералъ-адъютантъ гр. Лорисъ-Меликовъ.

6 марта 1881 года.

№ 9.

2-й проектъ правительственнаго сообщенія [1]).

28-го минувшаго января министръ внутреннихъ дѣлъ всеподданнѣйше докладывалъ въ Бозѣ почившему государю императору нѣкоторыя соображенія

---

1) Напеч. въ «Русск. Архивѣ» 1916 г., кн. 1-я, стр. 26—31, и въ книгѣ: «Конституція гр. Лорисъ-Меликова», Берлинъ, 1904 г., стр. 79—90.

свои относительно дальнѣйшихъ правительственныхъ мѣропріятій по высочайше предуказанному пути въ дѣлѣ возвращенія государственной жизни къ правильному и законному ея теченію, нарушенному безпрерывно повторявшимися, въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, покушеніями дерзкихъ злоумышленниковъ противъ государственнаго порядка и общественнаго спокойствія въ Россіи. Министръ внутреннихъ дѣлъ свидѣтельствовалъ при этомъ, что разслѣдованіе степени распространенія анархическихъ лжеученій, пріостановившихъ было пагубными проявленіями своими спокойное развитіе преобразованій, предпринятыхъ на благо Россіи съ первыхъ же дней восшествія императора Александра II на прародительскій престолъ, приводитъ къ увѣренности въ томъ, что лжеученія эти, выражаясь въ прискорбныхъ уклоненіяхъ отдѣльныхъ личностей отъ священныхъ обязанностей вѣрноподданныхъ сыновъ отечества, не успѣли, однако, проникнуть въ глубь русскаго общества и русскаго народа, представляющихъ надежныя опоры государственному порядку въ Россіи. По заявленію министра внутреннихъ дѣлъ, во всѣхъ случаяхъ обращенія его къ содѣйствію общественныхъ силъ, такое обращеніе было встрѣчаемо полнѣйшею готовностью служить цѣлямъ порядка и завершенія великихъ преобразованій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, министръ внутреннихъ дѣлъ всеподданнѣйше докладывалъ, что если производимыя нынѣ въ нѣсколькихъ губерніяхъ разныхъ полосъ имперіи сенаторскія ревизіи и внесутъ богатый вкладъ въ имѣющіеся уже въ центральномъ управленіи матеріалы по многимъ, подлежащимъ разрѣшенію, вопросамъ и обновятъ ихъ свѣжими мѣстными данными, то, тѣмъ не менѣе, матеріалы эти, при окончательной ихъ разработкѣ, должны быть пополнены практическими указаніями людей, ближе знакомыхъ съ мѣстными условіями и потребностями.

По своему вѣдомству министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ на высочайшее благовоззрѣніе слѣдующіе, стоящіе, между прочимъ, на очереди вопросы:

а) преобразованіе мѣстныхъ управленій въ губерніяхъ, въ видахъ точнаго опредѣленія объема правъ и обязанностей оныхъ, и приведеніе административныхъ учрежденій въ надлежащее соотвѣтствіе съ учрежденіями судебными и общественными и потребностями управленій;

б) дополненіе, по указаніямъ опыта, положеній 19 февраля 1861 года и послѣдующихъ по крестьянскому дѣлу узаконеній, соотвѣтственно выяснившимся потребностямъ крестьянскаго населенія;

в) пересмотръ положеній земскаго и городоваго, въ видахъ пополненія и исправленія ихъ по указаніямъ прошедшаго времени; и

г) организація продовольственныхъ запасовъ и вообще системы народнаго продовольствія.

Въ Бозѣ почившій государь императоръ, слѣдуя влеченіямъ своего любвеобильнаго сердца и желая явить новый знакъ монаршаго довѣрія къ своимъ вѣрноподданнымъ, по разсмотрѣніи соображеній министра внутреннихъ дѣлъ въ двухъ бывшихъ засѣданіяхъ [1]) изъ высочайше назначенныхъ къ тому лицъ, всемилостивѣйше соизволилъ одобрить основную мысль относительно пользы и своевременности привлеченія мѣстныхъ дѣятелей къ совѣщательному участію въ изготовленіи центральными учрежденіями законопроектовъ по тѣмъ

[1]) Засѣданія 9 и 14 февраля въ Аничковскомъ дворцѣ; первое засѣданіе (4 февраля въ Зимнемъ дворцѣ), очевидно, не принято здѣсь въ соображеніе, ибо оно носило характеръ предварительнаго обмѣна мнѣній и только послѣ него было конституировано «особое совѣщаніе».

вопросамъ, которые признаны будутъ высочайшею волею подлежащими нынѣ разрѣшенію, въ видахъ развитія и усовершенія высочайше предначертанныхъ преобразованій. Для практическаго осуществленія всемилостивѣйшей воли, относительно скрѣпленія указаннымъ путемъ плодотворной связи между правительствомъ и лучшими силами общественными, въ Бозѣ почившій императоръ изволилъ избрать порядокъ, испытанный уже, по высочайшимъ указаніямъ, при разработкѣ крестьянской реформы, съ примѣненіемъ онаго къ потребностямъ и задачамъ настоящаго времени. Пріемля во вниманіе, что на мѣстахъ уже имѣются нынѣ постоянныя и притомъ всесословныя учрежденія, способныя представлять свѣдѣнія и заключенія по вопросамъ, подлежащимъ обсужденію высшаго правительства, въ Бозѣ почившій императоръ соизволилъ остановиться на учрежденіи въ С.-Петербургѣ временныхъ подготовительныхъ комиссій, съ тѣмъ, чтобы работы этихъ комиссій, предварительно внесенія ихъ на обсужденіе государственнаго совѣта въ установленномъ закономъ порядкѣ, были подвергаемы совѣщательному разсмотрѣнію въ общей комиссіи, съ участіемъ представителей отъ земства и нѣкоторыхъ значительнѣйшихъ городовъ.

Въ видахъ установленія главнѣйшихъ положеній по сему дѣлу, въ Бозѣ почившему императору благоугодно было въ 17 день минувшаго февраля высочайше повелѣть:

(Далѣе слѣдуютъ 12 пунктовъ положенія о подготовительныхъ и общей комиссіяхъ, содержащихся въ первомъ проектѣ правительственнаго сообщенія— см. выше, стр. 175—176—и повторенныхъ во второмъ проектѣ безъ измѣненія).

За установленіемъ сихъ главныхъ положеній, предстояло, согласно высочайшимъ указаніямъ, опредѣлить въ ближайшемъ будущемъ требуемыя означеннымъ повелѣніемъ подробности касательно состава, созыва и порядка дѣйствій предположенныхъ комиссій; а между тѣмъ центральныя учрежденія обязывались немедленно приступить къ собранію и разработкѣ матеріаловъ по вопросамъ, кои будутъ подлежать обсужденію въ подготовительныхъ комиссіяхъ [1]).

Въ тотъ же 17 день февраля въ Бозѣ почившій государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ министру внутреннихъ дѣлъ: изготовить, въ видѣ правительственнаго сообщенія, для напечатанія въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», оповѣщеніе во всеобщее свѣдѣніе о принятомъ всемилостивѣйшемъ рѣшеніи.

Проектъ оповѣщенія былъ изготовленъ и, по предварительномъ одобреніи, возвращенъ въ Бозѣ почившимъ императоромъ министру внутреннихъ дѣлъ 1-го марта въ 12$^1/_2$ часовъ пополудни, при объявленіи высочайшей воли, чтобы проектъ, до его напечатанія, былъ выслушанъ въ засѣданіи совѣта министровъ въ среду, 4 марта.

Но судьбы Божіи неисповѣдимы, и чрезъ два часа послѣ этого многознаменательнаго повелѣнія императоръ Александръ II, посвятившій всѣ дни свои на благо Богомъ ввѣренныхъ ему народовъ, окончилъ свой царственный подвигъ, смертельно пораженный святотатственными убійцами.

Вступивъ на прародительскій престолъ, преемникъ державнаго мученика, Императоръ Александръ III, обрѣлъ, въ завѣщанной ему предками любви къ

---

[1]) На этихъ словахъ кончается проектъ перваго правительственнаго сообщенія.

народному благу, великую рѣшимость твердо слѣдовать по пути, предуказанному въ Бозѣ почившимъ незабвеннымъ родителемъ.

Усматривая въ нелицемѣрныхъ проявленіяхъ всенародной скорби вящшее доказательство неразрывной сердечной связи, всегда, по волѣ Предвѣчнаго, соединявшей въ Россіи государя съ его подданными и всегда проявлявшейся съ особою силою въ тяжкія годины испытаній, государь императоръ Александръ III, при указаніи на необходимость неуклоннаго преслѣдованія дерзкихъ покусителей на государственный порядокъ и общественное спокойствіе, всемилостивѣйше соизволилъ выразить, что гнусныя злодѣянія преступной горсти безумныхъ отверженцевъ русской земли не въ силахъ побороть въ его сердцѣ рѣшимости исполнить въ точности родительскій завѣтъ любви на благо ввѣренной ему Богомъ имперіи.

Руководясь такимъ рѣшеніемъ, его императорское величество высочайше соизволилъ повелѣть принять къ точному исполненію изложенную выше священную волю своего державнаго родителя, какъ достойное всей его жизни прощаніе его съ своимъ народомъ. При этомъ его величеству благоугодно было указать министру внутреннихъ дѣлъ, чтобы самый порядокъ опубликованія во всеобщее свѣдѣніе высочайшаго по сему предмету повелѣнія былъ тотъ-же, какой предуказанъ въ Бозѣ почившимъ императоромъ Александромъ II.

№ 10.

Письмо К. П. Побѣдоносцева къ графу М. Т. Лорисъ-Меликову.

Въ возбужденіи нынѣшняго утра не пришлось сказать съ вами ни слова, достопочтеннѣйшій графъ Михаилъ Таріеловичъ. Но мнѣ было бы очень прискорбно, когда бы слова, сказанныя мною сегодня въ засѣданіи, оставили въ васъ чувство личнаго противъ меня неудовольствія. Мои мысли давно вамъ извѣстны, и въ эту торжественную, руковую минуту (sic) я почиталъ своимъ долгомъ высказать всю свою правду о великомъ государственномъ дѣлѣ. Мнѣнія и взгляды могутъ разниться, но въ такія минуты каждый долженъ говорить по крайнему разумѣнію своей совѣсти и разсудка.

Душевно уважающій и преданный К. Побѣдоносцевъ.

8 марта 1881.

№ 11.

Записка графа Д. А. Милютина къ графу Лорисъ-Меликову.

Благодарю отъ всего сердца за довѣренное сообщеніе возвращаемыхъ при семъ приложеній. Печальная перспектива!

Вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе; необходимо сколь можно безъ отлагательства разъяснить: какою дорогою мы пойдемъ и кто кому попутчикъ.

Преданный душевно Д. Милютинъ.

14 марта 1881 г.

№ 12.

Всеподданнѣйшій докладъ гр. Лорисъ-Меликова отъ 12 апр. 1881 г.

Ваше императорское величество изволили сообщить мнѣ, что вамъ, государь, благоугодно вскорѣ созвать особое совѣщаніе, для установленія будущей

правительственной программы и для указанія того, что предстоитъ дѣлать и какъ дѣлать. Пользуясь остающимся промежуткомъ времени, считаю долгомъ всеподданѣйше повергнуть на монаршее благовоззрѣніе нѣкоторыя соображенія мои по этому предмету.

Задачи правительственной дѣятельности достаточно уже выяснились и главнымъ образомъ заключаются въ слѣдующемъ:

1. Объединеніе полиціи. Необходимо создать на мѣстахъ твердую и стройную власть. Для этого нужно объединить существующія нынѣ двѣ полиціи, сосредоточивъ ее въ рукахъ губернатора и подчинивъ ему отдѣльныя жандармскія управленія. Воспользоваться отличнымъ контингентомъ жандармскихъ унтеръ-офицеровъ для преобразованія совершенно неудавшагося учрежденія урядниковъ.

2. Преобразованіе мѣстной администраціи. Упростить и удешевить мѣстную администрацію. Надлежитъ, по возможности, объединить дѣйствія разныхъ административныхъ учрежденій и устранить нынѣ возникающія между ними пререканія; уменьшить число отдѣльныхъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, изъ коихъ каждое имѣетъ свою особую процедуру и особо оплачивается; усилить власть мѣстной администраціи для окончательныхъ разрѣшеній заурядныхъ текущихъ дѣлъ, не стѣсняя ее представленіями о мелочахъ центральнымъ вѣдомствамъ. Объединивъ администрацію, слѣдуетъ точно опредѣлить отношенія ея къ учрежденіямъ судебнымъ и общественнымъ.

3. Преобразованіе училищной части. Преобразовать нашу школу. Университетамъ дать устройство, удовлетворяющее интересамъ ученой и учебной дѣятельности, но обезпечивающее также и интересы общественнаго порядка; организовать помощь матеріальнымъ нуждамъ учащихся, но не давать имъ такихъ правъ, какихъ не имѣютъ и взрослые граждане. Обратить вниманіе на болѣе равномѣрное распредѣленіе высшихъ школъ, дабы устранить излишнее скопленіе массы молодежи въ столицахъ. Программу и курсъ гимназій соразмѣрить съ силами учениковъ, чтобы уменьшить массу вредныхъ для себя и для общества недоучекъ. Съ тою же цѣлію создать для недостаточнаго класса людей школы, въ которыхъ дѣти ихъ могли бы получать въ теченіе 6 или 7 лѣтъ законченное въ извѣстной степени профессіональное образованіе для практической жизни. Господствующая у насъ классическая система, требующая почти 12-ти-лѣтняго курса и неизбѣжныхъ денежныхъ затратъ, оказывается слишкомъ обременительною для недостаточныхъ родителей. Ввести грамотность въ народѣ и образовать для него учителей. Наконецъ, отмѣнивъ отдѣльное завѣдываніе спеціальными школами различныхъ вѣдомствъ, сосредоточить все управленіе училищною частію въ одномъ вѣдомствѣ и точно опредѣлить его отношенія по народному образованію къ общественнымъ учрежденіямъ.

4. Регулированіе закономъ положенія о печати. Безотлагательно и окончательно рѣшить вопросъ о положеніи печати, дабы положить конецъ существующему нынѣ весьма неудовлетворительному порядку. Необходимо закономъ точно опредѣлить ея положеніе: обезпечить ей гласность и спокойное обсужденіе общественныхъ вопросовъ, но прекратить безнаказанное возбужденіе страстей и глумленіе надъ личностями, практикуемое съ корыстною цѣлью нѣкоторыми органами печати.

5. **Пересмотръ нѣкоторыхъ частей земскаго и городоваго положеній.** Устроить болѣе равномѣрное между различными классами населенія распредѣленіе представительства въ земскихъ и городскихъ учрежденіяхъ и обезпечить правильный порядокъ производства выборовъ. Оживить и расширить дѣятельность общественныхъ учрежденій въ разрѣшеніи мѣстныхъ хозяйственныхъ дѣлъ и точно опредѣлить отношенія общественныхъ учрежденій къ администраціи.

6. **Пересмотръ крестьянскихъ положеній.** Пересмотрѣть оказавшееся неудовлетворительнымъ положеніе 27 іюня 1874 г. объ устройствѣ мѣстныхъ учрежденій, завѣдующихъ крестьянами, о чемъ уже, по порученію правительства, начать подготовительныя работы въ земствахъ и мѣстныхъ крестьянскихъ присутствіяхъ. Преобразовать возбуждающее постоянныя нареканія общественное крестьянское управленіе.

7. **Мѣры къ устраненію хозяйственнаго разстройства крестьянъ.** Въ виду постоянно усиливающагося экономическаго разстройства крестьянъ, въ однѣхъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ крестьянская земля оцѣнена на выкупъ слишкомъ дорого и не стоитъ назначенныхъ за нее выкупныхъ платежей, понизить эти платежи (о чемъ министромъ финансовъ уже составлена работа); въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ земля хороша, но ея слишкомъ мало для удовлетворенія крестьянскихъ нуждъ, регулировать переселеніе излишка крестьянскаго населенія въ многоземельныя мѣстности, предоставить имъ на прочныхъ условіяхъ казенныя свободныя земли, а также устроить крестьянамъ кредитъ на покупку земель у частныхъ владѣльцевъ, облегчивъ при этомъ порядокъ перечисленія крестьянъ на новыя мѣста жительства и нотаріальныя издержки на укрѣпленіе покупаемыхъ земель. Въ возможной скорости одновременно перевести всѣхъ остающихся еще временно обязанными крестьянъ на выкупъ, въ видѣ общей правительственной мѣры.

8. **Организація народнаго продовольствія.** Организовать возстановленіе истощенныхъ продовольственныхъ запасовъ и вообще систему народнаго продовольствія, дабы избѣжать повторенія нынѣшнихъ громадныхъ затратъ на него изъ государственнаго казначейства.

9. **Преобразованіе податной и паспортной системы.** Отмѣнить подушную подать и пересмотрѣть состоящую въ связи съ нею паспортную систему. Организовать, взамѣнъ отмѣняемыхъ, новые налоги на всесословныхъ и болѣе справедливыхъ основаніяхъ.

Я намѣтилъ лишь главныя изъ предстоящихъ правительству задачъ, и при томъ въ самыхъ общихъ чертахъ. Дополненіе этого перечня и детальное разъясненіе будетъ зависѣть отъ подлежащихъ министровъ.

Необходимыя условія для выполненія предстоящихъ правительству задачъ:

1. **Единство правительства и программы внутренней политики.** Но для успѣшнаго выполненія всѣхъ этихъ задачъ требуются два условія: первое необходимое условіе составляетъ единство правительства и программы внутренней политики, отъ правильной постановки которой будетъ въ значительной степени зависѣть и внѣшнее значеніе наше, а равно укрѣпленіе довѣрія къ нашимъ финансамъ.

Не смѣю скрыть, что до настоящаго времени не было у насъ, въ строгомъ смыслѣ слова, ни единства, ни опредѣленной программы. Въ одно и то же время разными министерствами управляли лица различныхъ направленій, и каждый по своему вѣдомству дѣйствовалъ отдѣльно отъ другихъ. Въ общихъ законодательныхъ вопросахъ отъ такого столкновенія противуположныхъ стремленій выходило не спокойное среднее направленіе, а безпрестанные порывы то въ ту, то въ другую сторону. Въ управленіи между министерствами велись хроническія распри, напр.: между вѣдомствами внутреннихъ дѣлъ и финансовъ—по питейному дѣлу; внутреннихъ дѣлъ и юстиціи—по отношеніямъ суда къ администраціи и проч. Бывали примѣры, что одинъ министръ по своему вѣдомству принимаетъ мѣру и даже вводитъ цѣлую систему, осуждаемую всѣми остальными министрами, какъ было, и весьма долго и недавно, по учебному вѣдомству.

При такой разнородности центральнаго правительства нельзя надѣяться установить порядокъ на мѣстахъ, и распри между министерствами будутъ служить лучшею пищею антиправительственной оппозиціи. Прежде всего необходимо образовать однородное, согласное между собою правительство. Министры должны договориться между собою по важнѣйшимъ вопросамъ и установить общую программу внутренней политики, безусловно обязательную для каждаго изъ нихъ. Отдѣльной власти министра предоставляются лишь частныя распоряженія, но нельзя допускать, подъ собственною отвѣтственностью министра, отступленія отъ программы, которое можетъ затруднить цѣлое правительство. Въ важныхъ случаяхъ совѣтъ министровъ долженъ быть облеченъ правомъ требовать разъясненія у министровъ о принятыхъ имъ мѣрахъ. Государю императору нужно имѣть предъ собою не отдѣльныя мнѣнія министровъ, а общую программу внутренней политики. Принятіе или непринятіе программы всецѣло зависитъ отъ верховной власти. Если программа не удостоится монаршаго одобренія или выполненіе ея не поведетъ къ успѣху, державная воля государя императора укажетъ измѣненія въ программѣ или же замѣнитъ личный составъ министровъ новымъ, но тоже однороднымъ.

2. Привлеченіе общественныхъ представителей къ предварительной разработкѣ и выполненію реформъ. Второе необходимое условіе для успѣшнаго выполненія предстоящихъ правительству задачъ составляетъ привлеченіе выборныхъ представителей общественныхъ учрежденій къ участію въ совѣщательномъ обсужденіи или въ подготовительной разработкѣ нѣкоторыхъ, особенно важныхъ, правительственныхъ законопроектовъ. Одни изъ вышеисчисленныхъ вопросовъ, чисто правительственные, такого участія вовсе не допускаютъ, напр., вопросъ о печати, объединеніе полиціи. Другіе вопросы допускаютъ оное не во всемъ объемѣ, а только въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, наприм., вопросы о податяхъ. Выбора вопросовъ, подлежащихъ обсужденію съ участіемъ общественныхъ представителей, равно какъ степени и формы этого участія, я не предрѣшаю. Это должно войти въ общую программу и зависѣть отъ утвержденія верховной власти; но заранѣе слѣдуетъ предвидѣть, что со многими важнѣйшими вопросами, особенно экономическими, центральная бюрократія, безъ опроса и участія лицъ, ближе знающихъ народныя нужды и разнообразіе мѣстныхъ условій, не въ силахъ будетъ справиться. Она давно уже сама сознаетъ свое незнаніе и боится разрѣшенія общихъ мѣръ; оттого многіе капитальные, первостепенной важности вопросы, наприм.,

о паспортахъ, о крестьянскихъ переселеніяхъ, лежатъ десятки лѣтъ безъ движенія или плодятъ только переписку. Изъ болѣе частныхъ распоряженій, нерѣдко съ наилучшими намѣреніями, но при незнаніи народныхъ нуждъ или мѣстныхъ условій, принимаются такія мѣры, которыя возбуждаютъ общія на мѣстахъ жалобы, и ихъ приходится отмѣнять.

Цѣлый рядъ реформъ прошлаго царствованія—крестьянская, земская, городская—вызвалъ стремленіе къ общественной дѣятельности, которое проситъ удовлетворенія. Привлеченіе общественныхъ представителей къ участію въ подготовительныхъ законодательныхъ работахъ, имѣющихъ значеніе только совѣщательное, не только не составляетъ ограниченія самодержавной власти, отъ которой всецѣло зависитъ утвердить, измѣнить и вовсе отвергнуть проектъ, но даже, въ сущности, не составитъ ничего новаго, а только правильно организуетъ то, что уже на дѣлѣ существуетъ. Проектирующая законы центральная бюрократія и теперь находится подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія. Нерѣдко законопроекты составляются подъ вліяніемъ проектовъ частныхъ лицъ, газетныхъ толковъ, журнальныхъ статей, отдѣльныхъ постановленій одного, двухъ земскихъ собраній; но это общественное мнѣніе отрывочное, случайное, поддѣланное журналами. Вызванный имъ законъ оказывается нерѣдко непрактичнымъ или одностороннимъ, возбуждаетъ критику, ходатайства другихъ земствъ, и его приходится измѣнить вскорѣ послѣ его изданія. Правильное же призваніе общественныхъ представителей дастъ возможность власти до утвержденія закона напередъ узнать дѣйствительное общественное мнѣніе и избавитъ ее отъ необходимости послѣдующихъ измѣненій, а общество оградитъ отъ законодательныхъ сюрпризовъ и, удовлетворяя его стремленію къ общественному служенію, возбудитъ въ немъ чувство солидарности съ правительствомъ и нравственной отвѣтственности за издаваемые законы.

Наконецъ, казалось бы полезнымъ обсудить и установить въ программѣ привлеченіе общественныхъ учрежденій и ихъ чиновъ къ возможно большему участію и въ самомъ выполненіи на мѣстахъ нѣкоторыхъ предстоящихъ мѣръ, напр., по организаціи переселеній, кредита для крестьянъ и проч. Это избавитъ правительство отъ необходимости набирать и оплачивать цѣлую армію мѣстныхъ чиновниковъ, безъ увѣренности ихъ живого участія къ дѣлу. Привлеченіе же общественныхъ учрежденій установитъ солидарную съ правительствомъ отвѣтственность общества и за самый ходъ преобразованій.

12 апрѣля 1881 г.

Замѣтка графа Лорисъ-Меликова.

Совѣщаніе состоялось 22 апрѣля [1]), въ Гатчинѣ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ государя императора. Присутствовали: вел. князь Владиміръ; министры: военный—гр. Милютинъ; финансовъ—Абаза; внутреннихъ дѣлъ—гр. Лорисъ-Меликовъ; юстиціи—Набоковъ; государственныхъ имуществъ—гр. Игнатьевъ, народнаго просвѣщенія—бар. Николаи; государственный контролеръ—Сольскій [2]) и оберъ-прокуроръ св. синода—Побѣдоносцевъ. Совѣщаніе длилось два часа. Послѣдовало повелѣніе его величества, чтобы отнынѣ г.г. министры собирались еженедѣльно одинъ или два раза (смотря по надоб-

---

[1]) Не 22-го, а 21-го апрѣля (1881 г.).

[2]) Это не точно: Сольскій въ совѣщаніи не участвовалъ.

ности) и обсуждали бы совмѣстно тѣ вопросы, которые каждый изъ министровъ имѣлъ доложить государю императору. Великому князю разрѣшено принимать участіе въ этихъ засѣданіяхъ.

Первое засѣданіе состоялось вечеромъ 28 апрѣля, а на слѣдующее утро опубликованъ былъ совершенно неожиданно для г.г. министровъ знаменитый манифестъ отъ 29 апрѣля. Вслѣдъ за появленіемъ манифеста министры внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и военный обратились съ просьбами къ государю объ увольненіи ихъ отъ занимаемыхъ должностей.

№ 13.

Записка графа Лорисъ-Меликова наслѣднику великому князю Александру Александровичу.

Всеподданнѣйшій докладъ мой, представленный сего числа государю императору и высочайше утвержденный, при семъ имѣю честь представить на воззрѣніе вашего императорскаго высочества. Соблаговолите, по прочтеніи, приказать мнѣ возвратить для соотвѣтственныхъ распоряженій.

Генералъ-адъютантъ, графъ Лорисъ-Меликовъ.

26-го февраля (1880 г.).

На этой запискѣ вел. князь Александръ Александровичъ написалъ нижеслѣдующее:

Искренно радуюсь успѣху въ этомъ дѣлѣ и совершенно раздѣляю вашъ взглядъ. Иначе быть не могло и ничего бы нэ вышло путнаго отъ вашей комиссіи, а теперь съ Богомъ впередъ.

А.

№ 14.

Секретный циркуляръ графа Лорисъ-Меликова губернаторамъ.

Секретно. Циркулярно.

27 марта 1881 г. № 1387.

Господину начальнику губерніи.

Горестное событіе 1-го сего марта повергло въ ужасъ всю Россію. Но поразившій Россію ударъ вызвалъ не неизбѣжные во всякой другой странѣ безпорядки, а всеобщее рыданіе по въ Бозѣ почившемъ царѣ и выраженія искреннихъ вѣрноподданническихъ чувствъ къ его царственному преемнику. Такое отношеніе къ ужасному событію доказываетъ глубокую, присущую русскому народу, вѣру въ царя, какъ Богомъ даннаго блюстителя своей земли и блага своихъ подданныхъ.

Понятно, что всѣ стремленія зараженныхъ ложными ученіями злодѣевъ, стремящихся ниспровергнуть государственный порядокъ въ Россіи, направлены на поколебаніе этой вѣры народа въ своего государя. Понятно, что священнѣйшая обязанность вѣрныхъ подданныхъ, а тѣмъ болѣе лицъ, принадлежащихъ къ составу правительства,—поддержать эту спасительную для Россіи народную вѣру.

Этимъ объясняются проявляющіяся мѣстами одиночныя попытки злонамѣренныхъ лицъ распространять вредные слухи о томъ, будто новое царствованіе принесетъ съ собою возвращеніе къ крѣпостному праву, о томъ, что

убійцы царя—дворяне, недовольные освобожденіемъ крестьянъ, и т. п. нелѣпости. Высказанными же общими мыслями надлежитъ руководствоваться въ принятіи мѣръ къ успокоенію умовъ. Слѣдуетъ дѣйствовать крайне осторожно, чтобы не возбуждать народнаго воображенія, но пользоваться каждымъ отдѣльнымъ случаемъ для объясненія, что благость царева и неизсякаемая любовь его величества къ народу всегда присуща русскому государю, и что злодѣйство совершено преступниками-отщепенцами отъ всего русскаго и ничего не имѣющаго (sic) по чувствамъ общаго ни съ однимъ изъ коренныхъ сословій русскаго государства.

Руководствуясь изложеннымъ, ваше превосходительство имѣете обращать самое тщательное вниманіе на всякій отдѣльный слухъ и на всякое отдѣльное нарушеніе порядка, возстановляя истину соотвѣтствующими объясненіями и нарушенный порядокъ принятіемъ надлежащихъ осторожныхъ мѣръ лично и чрезъ лицъ вполнѣ надежныхъ и понимающихъ значеніе переживаемыхъ Россіею дней. Я увѣренъ, что ваше превосходительство приложите къ дѣламъ этого рода все необходимое вниманіе и должныя осмотрительность и спокойствіе, дѣйствуя совокупно съ многочисленными благонадежными элементами русскаго общества.

О каждомъ отдѣльномъ случаѣ, заслуживающемъ вниманія, покорно прошу извѣщать меня, доводя одновременно до моего свѣдѣнія о принятыхъ вами, согласно вышеизложенному, мѣрахъ.

Подписалъ: министръ внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютантъ,
графъ Лорисъ-Меликовъ.

Скрѣпилъ: за правителя канцеляріи Н. Безобразовъ.

Совѣтъ министровъ 8 марта 1881 года.

Разсказъ графа Лорисъ-Меликова В. А. Бильбасову.

О. Я. Фейгина передала мнѣ нѣкоторыя бумаги, оставленныя покойнымъ историкомъ В. А. Бильбасовымъ, съ разрѣшеніемъ обнародовать тѣ изъ нихъ, которыя представляютъ общій интересъ. Въ числѣ этихъ бумагъ находится нѣсколько конвертовъ со вложенными въ нихъ дневниками В. А. Бильбасова за разное время. На одномъ изъ такихъ конвертовъ рукой В. А. надписано: «Дневникъ, мартъ 1881»; въ немъ содержится печатаемая ниже запись разговора В. А. съ графомъ М. Т. Лорисъ-Меликовымъ 12 марта 1881 г. Въ этомъ разговорѣ графъ Лорисъ-Меликовъ передавалъ В. А. обстоятельства, при которыхъ, въ первые дни царствованія Александра II, обсуждался проектъ государственной реформы, съ легкой руки М. М. Ковалевскаго, автора извѣстной лондонской брошюры 1893 г. [1]), получившей наименованіе «конституціи Лорисъ-Меликова».

Запись разговора В. А. Бильбасова, въ то время бывшаго фактическимъ редакторомъ «Голоса», представляетъ существенный интересъ, прибавляя нѣсколько важныхъ подробностей къ тому, что ранѣе было извѣстно о событіяхъ первыхъ дней царствованія Александра III. Само собой разумѣется, при оцѣнкѣ ея значенія для историка, не надо терять изъ виду, что событія излагаются въ ней не очевидцемъ, а лишь со словъ очевидца, притомъ ближе всего заинтересованнаго въ совершавшемся. Но передача того, какъ воспринималъ Лорисъ-Меликовъ эти событія или того, какъ онъ хотѣлъ представить ихъ руководителю самой вліятельной въ то время петербургской газеты, представляетъ, сама по себѣ, независимо отъ точности изложенія фактовъ, большой историческій интересъ.

Сопоставляя центральную часть разсказа графа Лорисъ-Меликова, посвященную преніямъ въ совѣтѣ министровъ 8 марта 1881 г., съ двумя обнародованными до сихъ поръ версіями этихъ преній, слѣдуетъ отмѣтить, что передача ихъ Лорисъ-Меликовымъ не сходится съ версіей, обнародованной «Былымъ» въ его первой книгѣ за 1906 г. (стр. 189 и сл.); напротивъ того, она

---

[1]) М. М. Ковалевскій говорилъ пишущему эти строки, что брошюра: «Конституція графа Лорисъ-Меликова», изданная фондомъ русской вольной прессы въ Лондонѣ, писана имъ. Манера изложенія не оставляетъ въ этомъ никакого сомнѣнія.

близка къ версіи, напечатанной «Русскимъ Архивомъ» въ кн. II, за 1906 г. (стр. 445 и сл.). Бартеневъ снабдилъ эту вторую версію такимъ указаніемъ: «Современная запись, со словъ одного изъ участвовавшихъ въ этомъ засѣданіи, доставленная въ «Русскій Архивъ». П. Е. Щеголевъ замѣтилъ, что Бартеневъ впалъ въ ошибку, такъ какъ, оказывается, версія «Русскаго Архива» есть всего на всего списокъ съ неточной и плохо освѣдомленной корреспонденціи, помѣщенной въ 1881 г. въ заграничномъ журналѣ «Общее Дѣло» (Щеголевъ. Изъ исторіи «конституціонныхъ» вѣяній за 1879—1881 гг., «Былое» 1906, кн. 12, стр. 281).

Въ свѣтѣ разсказа В. А. Бильбасова версія «Общаго Дѣла», а затѣмъ «Русскаго Архива», пріобрѣтаетъ бо́льшее значеніе, чѣмъ ей ранѣе можно было придавать. Очевидно, она представляетъ собой тотъ разсказъ, который о засѣданіи совѣта министровъ 8 марта хотѣлъ пустить по свѣту графъ Лорисъ-Меликовъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы этотъ разсказъ былъ вполнѣ точенъ. Напротивъ того, есть рядъ свидѣтельствъ, что версія «Былого» лучше передаетъ содержаніе преній, чѣмъ версія графа Лорисъ-Меликова. Въ самомъ дѣлѣ, если обратиться къ письму К. П. Побѣдоносцева Е. Ѳ. Тютчевой, 11 марта 1881 г. («Русскій Архивъ» 1907, кн. II, стр.93), то окажется, что Побѣдоносцевъ передаетъ въ немъ свою рѣчь несравненно ближе къ тому, какъ эта рѣчь изложена въ версіи «Былого», чѣмъ въ версіи Лорисъ-Меликова. Но, съ другой стороны, нельзя терять изъ виду, что и первая версія отнюдь не полна. Изъ указаннаго письма К. П. Побѣдоносцева слѣдуетъ, что въ числѣ говорившихъ на засѣданіи были, между прочимъ, Валуевъ и Абаза, участіе которыхъ въ преніяхъ было очень замѣтнымъ. То же подтверждаетъ и дневникъ Валуева (выдержка у Щеголева, ук. статья, стр. 281 и сл.). Ни той, ни другой изъ этихъ рѣчей въ записи «Былого» нѣтъ. Въ версіи графа Лорисъ-Меликова переданъ общій смыслъ заявленій двухъ этихъ лицъ, чѣмъ существенно дополняется картина совѣта. Затѣмъ въ версіи «Былого» какъ бы отсутствуетъ въ преніяхъ самъ графъ Лорисъ-Меликовъ. Въ записи В. А. Бильбасова, со словъ самого графа, общее содержаніе и, отчасти, даже форма его рѣчи переданы достаточно ясно.

Словомъ, печатаемая ниже выдержка изъ дневника В. А. Бильбасова, мнѣ кажется, не безполезна для реконструкціи памятнаго засѣданія 8 марта 1881 г.

Бар. Б. Э. Нольде.

Изъ дневника В. А. Бильбасова, мартъ 1881 г.

Совѣтъ министровъ 8 марта 1881 г.

Первый совѣтъ министровъ въ новое царствованіе, подъ предсѣдательствомъ государя императора, возбуждалъ въ обществѣ большой интересъ. Въ воскресенье же стало извѣстно, что

въ совѣтѣ обсуждалось высочайше утвержденное уже покойнымъ государемъ предложеніе гр. Лорисъ-Меликова созвать «редакціонную комиссію» изъ выборныхъ людей отъ земствъ, городовъ и дворянства для обсужденія государственныхъ вопросовъ, но результатъ обсужденія до вечера оставался неизвѣстнымъ. Въ понедѣльникъ, 9 марта, Н. С. Абаза сообщилъ мнѣ, со словъ гр. Лорисъ-Меликова, буквально слѣдующее: «слава Богу, проектъ прошелъ; сдѣланы три замѣчанія: одно чисто редакціонное и два скорѣе въ пользу проекта». Между тѣмъ, въ городѣ пошли слухи очень тревожные. Говорили, что реакціонная партія одержала верхъ и что государь и слышать не хочетъ о созывѣ редакціонной комиссіи; прибавляли, что гр. Лорисъ-Меликовъ остался въ позорномъ меньшинствѣ и что будто бы вновь подалъ по этому поводу въ отставку.

Въ такомъ положеніи были слухи, когда въ четвергъ, 12 марта, около 7 часовъ вечера, во время обѣда, слуга доложилъ, что пріѣхалъ чиновникъ отъ гр. Лорисъ-Меликова и требуетъ меня видѣть немедленно. Я бросилъ тетерку и вышелъ въ залу, гдѣ встрѣтилъ Ф. А. Романченко.—«Графъ проситъ васъ пожаловать немедленно».—«Хорошо, сейчасъ заложатъ лошадь, и я явлюсь».—«Графъ проситъ сію же минуту. Экипажъ у меня есть. Поѣдемте немедленно».

Черезъ пять минутъ я былъ у графа. Романченко дорогою предварилъ меня, что графъ спокоенъ и попрежнему остритъ и шутитъ.

Графъ встрѣтилъ меня очень мило, но прежде всего напомнилъ мнѣ свое предчувствіе въ послѣднее наше свиданіе, когда онъ, прощаясь со мною, сказалъ: «подумай только: какой-нибудь мальчишка игрушечнымъ револьверомъ можетъ разрушить всѣ мои планы!» Теперь онъ встрѣтилъ меня словами: «ну что, сколько лѣтъ пережито съ тѣхъ поръ, какъ мы не видѣлись! Въ эти двѣ недѣли не игрушечный револьверъ, а динамитъ все перевернулъ, и еще Богъ знаетъ, чѣмъ все это окончится». Упомянувъ о мотивахъ, побудившихъ его «прервать мой обѣдъ», онъ, предложивъ папироску, сталъ разсказывать о первомъ совѣтѣ министровъ, бывшемъ 8 марта.

Еще во вторникъ, 3 марта, графъ предложилъ его величеству обнародовать указъ о редакціонной комиссіи. Государь выслушалъ его спокойно. — «Ваше величество! 1-е марта потрясло всю Россію; въ разныхъ направленіяхъ, но всѣ взволнованы. Вы можете легко успокоить умы: вашъ родитель подписалъ уже указъ,—обнародуйте его, и новыя благословенія всей Россіи осѣнятъ вашъ путь и облегчатъ ваше сыновнее сердце». Его величество прочелъ указъ, нашелъ его «великолѣпнымъ» и обѣщалъ на другой же день созвать совѣтъ министровъ. Прошла среда. Въ четвергъ вечеромъ, послѣ панихиды, гр. Лорисъ-Меликовъ замѣтилъ, что государь уже не такъ охотно говоритъ о созывѣ редакціонной комиссіи; въ пятницу, 6 марта, онъ возобновилъ раз-

говоръ, при чемъ долженъ былъ уже сказать его величеству, между прочимъ: «вашъ покойный родитель въ теченіе 25 лѣтъ пріучалъ народъ забыть о полицейскомъ государствѣ; мало-по-малу онъ велъ его къ общественной самодѣятельности, призывая представителей общества къ обсужденію земскихъ, городскихъ, судебныхъ дѣлъ; теперь настало время передать обществу хотя бы частицу дѣлъ государственныхъ. Если же ваше величество думаете повести народъ въ другую сторону, опять къ полицейско-административной опекѣ, вы приготовите себѣ бурное царствованіе, полное случайностей». Государь убѣдился и созвалъ совѣтъ министровъ на воскресенье, 8 марта, въ 2 часа пополудни.

Совѣтъ открылся чтеніемъ трехъ документовъ: а) предложенія гр. Лорисъ-Меликова созвать редакціонную комиссію изъ выборныхъ всѣхъ губерній, на которомъ рукою покойнаго государя написано: «согласенъ» (с — нъ); б) указа правительствующему сенату, подписаннаго государемъ 1 марта, въ 11 часовъ 30 минутъ и в) указа тому же сенату, который предстояло подписать новому государю. Чтеніе длилось болѣе часа, при чемъ лицо государя оставалось совершенно спокойнымъ, что и не удивительно — онъ давно уже зналъ и по нѣскольку разъ читалъ эти бумаги. По окончаніи чтенія его величество предложилъ желающимъ и имѣющимъ, что сказать, заявить свое мнѣніе.

Побѣдоносцевъ, оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода, говорилъ первымъ. Онъ льстиво и неискренно преклонялся передъ волею покойнаго государя, но находилъ, что приведеніемъ ея въ исполненіе надо обождать. По его мнѣнію, указъ, во многомъ вносящій совершенно новыя для народа понятія объ отношеніяхъ подданныхъ къ власти, управляемыхъ къ управителямъ, не только не успокоитъ умы, но породитъ новыя волненія. «Намъ и безъ того волненій довольно, — надо сперва ихъ успокоить». Народъ ждетъ отъ государя твердой, властной руки, способной укрѣпить расшатанное внутреннее управленіе, а не умалять эту власть предоставленіемъ обществу давать свой отзывъ по вопросамъ, въ которыхъ прежде его мнѣніе вовсе не спрашивалось. Теперь только духовенство и наставляетъ еще народъ на путь истины; народный нашъ учитель зараженъ нигилизмомъ столько же, сколько и прикасающіеся къ крестьянину земскіе люди; только священникъ учитъ народъ быть вѣрнымъ Богу, царю и отечеству. Если священникъ увидитъ, что кромѣ царя есть еще какое-то собраніе, онъ перестанетъ говорить народу о царѣ, и народъ совсѣмъ забудетъ царя. «Вотъ два соображенія, по которымъ я полагаю рановременнымъ ту капитальную реформу, которая предлагается».

Маковъ, министръ почтъ и телеграфовъ, проситъ у его величества позволить ему вовсе не обсуждать предложенной реформы: — «еще не прошло и недѣли, какъ я присягалъ быть вѣрнымъ государю «самодержавному»; въ прочитанномъ же

проектѣ принципъ самодержавія попирается ногами». Онъ не хочетъ сказать этимъ ничего дурного о составителѣ проекта, но очиталъ бы себя нарушившимъ присягу, еслибъ сталъ теперь сбсуждать вопросъ объ ограниченіи самодержавія...

Рѣчь Л. С. Макова была прервана гр. Лорисъ-Меликовымъ, который протестовалъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ противъ «недостойнаго» обвиненія. Проектъ одобренъ покойнымъ государемъ и внесенъ на обсужденіе самимъ императоромъ; оба эти лица самодержцами были, самодержцами и остались. Въ проектѣ нѣтъ и мысли объ ограниченіи самодержавія.—«Я воспитанъ, государь, иначе, чѣмъ люди, выросшіе въ канцеляріяхъ: еслибъ я только замѣтилъ въ комъ-нибудь желаніе ограничить самодержавіе, я его убилъ бы; еслибъ я не могъ убить его, я убилъ бы себя. Всѣ тѣ вопросы, которые предположено отнести къ вѣдѣнію редакціонной комиссіи, обсуждаются и нынѣ обществомъ—въ земскихъ, городскихъ и дворянскихъ собраніяхъ; но рѣшаются они въ канцеляріяхъ. Пусть же будутъ они вынесены на свѣтъ Божій и рѣшаются не наемными людьми, служащими за жалованье, а людьми, выбранными землею».

Маковъ, въ свое оправданіе, указываетъ на «разнузданную» печать, которая такъ же, какъ и онъ, поняла проектъ созыва редакціонной комиссіи и давно уже требуетъ конституціи, стремясь, вмѣстѣ съ нигилистами, разрушить государство.

Абаза, министръ финансовъ, произнесъ блестящую рѣчь въ защиту предложенія. Рядомъ историческихъ фактовъ, взятыхъ изъ послѣднихъ двухъ столѣтій, онъ доказывалъ, что покойный государь продолжалъ то, что началъ Петръ Великій и дополняли Екатерина II и Александръ I. Перечисливъ реформы покойнаго государя, онъ доказалъ, что созывъ редакціонной комиссіи (вѣрнѣе—подготовительной) есть самая слабая реформа, что всѣ предыдущія были сильнѣе: онѣ носили революціонный характеръ, какъ напр., освобожденіе крестьянъ; эта же реформа только заканчиваетъ дѣло, начатое положеніями о земскихъ учрежденіяхъ и городовымъ.—«Я слышалъ здѣсь страшное обвиненіе: говорили, будто проектъ, подлежащій разсмотрѣнію, посягаетъ на самодержавіе. Это обвиненіе взволновало меня, но не удивило — у насъ многіе еще, даже хорошо знакомые съ земскими учрежденіями, судебными уставами и другими реформами, не понимаютъ смысла ихъ. Канцеляризмъ заѣдаетъ насъ: мы выросли въ немъ, имъ воспитались и съ нимъ такъ сжились, что всякое живое, свѣжее слово, сказанное выборными людьми земли русской, намъ противно. Мы даже боимся его, и довольно основательно — оно раскроетъ наши грѣхи и не дастъ намъ возможности грѣшить въ будущемъ. Я слышалъ здѣсь заявленіе, будто теперь не время заниматься подобными реформами. Когда же время? Не рано, а поздно обсуждаемъ мы этотъ вопросъ: еслибъ покойный государь обнародовалъ указъ хотя бы 19 февраля, онъ прожилъ бы послѣднюю недѣлю среди ликованій народа, всѣми благословляе-

мый, а, можетъ быть, не случилось бы и страшнаго несчастія 1-го марта. Начать царствованіе подписаніемъ лежащаго здѣсь указа—значитъ сразу укрѣпить самодержавіе на многіе вѣка и привлечь на главу самодержца благословеніе милліоновъ, говорящихъ на сотняхъ языковъ, и любовь всей имперіи, въ которой солнце никогда не заходитъ».

Милютинъ, министръ военный, заявилъ, что покойный государь въ послѣдніе дни часто говорилъ о предстоящей реформѣ и всегда видѣлъ въ ней лучшій залогъ благосостоянія государства; объ ограниченіи самодержавія ни разу не поднималась и рѣчь. «Только здѣсь,—сказалъ ораторъ,—впервые услышалъ я подобное замѣчаніе и глубоко о немъ сожалѣю». Онъ доказывалъ, что принципъ самодержавія сильнѣе всего развитъ въ войскахъ («и во всякомъ случаѣ, сильнѣе, чѣмъ на телеграфной проволокѣ и въ почтовомъ ящикѣ»), тѣмъ не менѣе, онъ видитъ въ предлагаемой реформѣ только продолженіе той, которая надѣла солдатскій ранецъ на всѣхъ молодыхъ людей, достигшихъ 21 года. Въ заключеніе гр. Милютинъ сказалъ: «какъ военный министръ, я не буду уже переживать тѣхъ тяжелыхъ минутъ, когда, какъ три года назадъ, русская армія своимъ штыкомъ, выкованнымъ въ странѣ абсолютизма, расчищала путь для конституціи Болгаріи и Румеліи, когда, какъ нынѣ, мы покоряемъ текинцевъ для того только, чтобъ вмѣсто ихъ сердарей поставить своихъ исправниковъ».

Гр. Валуевъ, предсѣдатель комитета министровъ, обратилъ вниманіе на значеніе предлагаемой реформы для западной Европы. Онъ доказывалъ, что Россія не имѣетъ еще права называться европейскою державою, что недовѣріе Европы къ намъ совершенно понятно: намъ чужды учрежденія, безъ коихъ Европа не понимаетъ государственной жизни. Россіи нельзя идти назадъ. Россія не можетъ ожидать какого-то иного пути, чѣмъ тотъ, какимъ шли всѣ исторіи человѣчества. Если мы дорожимъ западноевропейскою цивилизаціей, намъ слѣдуетъ подражать учрежденіямъ западныхъ государствъ, а не деспотіямъ восточныхъ странъ. «Говорятъ, русское общество, русскій народъ не дозрѣли еще до самостоятельной дѣятельности; я спрошу: былъ-ли англійскій народъ развитѣе русскаго, когда, 500 лѣтъ назадъ, пользовался уже свободными учрежденіями»?

Гр. Лорисъ-Меликовъ отвѣтилъ, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, на обвиненіе печати въ разнузданности и доказывалъ, что печать въ послѣдній годъ создала сенаторскія ревизіи, возстала противъ расхищенія государственнаго достоянія, указала правительству много золъ и служила лучшею охранительницею законовъ, нарушителей которыхъ она клеймила и позорила.

Результатъ поданныхъ мнѣній: за—гр. Лорисъ-Меликовъ, Милютинъ, Валуевъ и Адлербергъ, гг. Абаза, Сольскій, Сабуровъ, Гирсъ и Набоковъ (9); противъ—Побѣдоносцевъ, Маковъ, гр. Строгановъ, кн. Ливенъ и г. Посьетъ (5).

Государь всталъ, поблагодарилъ всѣхъ. «И такъ, господа, большинство высказалось въ томъ смыслѣ, чтобъ предложеніе о созывѣ подготовительной комиссіи изъ выборныхъ всѣхъ сословій было, для блага государства, приведено въ исполненіе. Я согласенъ съ большинствомъ и желаю, чтобъ указъ отнесъ эту новую реформу къ памяти нашего родителя, которому она принадлежитъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ изготовитъ указъ согласно замѣчаніямъ, нами сдѣланнымъ».

Всѣ, стоя, выслушали слова государя, который крѣпко пожалъ руку гр. Лорисъ-Меликова и долго благодарилъ его. Затѣмъ государь просилъ всѣхъ министровъ не входить къ нему съ докладами и не испрашивать высочайшихъ повелѣній по поводу ничтожныхъ и мелочныхъ вопросовъ. «Разрѣшеніе такихъ вопросовъ должно принадлежать гг. министрамъ. Въ этомъ смыслѣ долженъ быть измѣненъ нынѣшній порядокъ».

Засѣданіе совѣта закрыто въ 4 часа 45 м. пополудни.

Зданіе у Цѣпного моста.

Книга для записи арестованныхъ при III отдѣленіи и департаментѣ полиціи за 1880—83 г.г.

I.

Это «зданіе у Цѣпного моста» получило громкую извѣстность съ момента учрежденія указомъ 3-го іюля 1826 г. III отдѣленія собственной его величества канцеляріи.

Съ 1827 г. главнымъ начальникомъ и руководителемъ III отдѣленія въ его двухсторонней дѣятельности (искорененія крамолы и злоупотребленій властей) являлся шефъ только что учрежденнаго корпуса жандармовъ.

По общераспространенной легендѣ, вмѣсто инструкціи, императоръ Николай I передалъ первому шефу жандармовъ, ген. Бенкендорфу, только свой платокъ... Шефъ долженъ былъ утирать имъ слезы невинно пострадавшимъ и незаслуженно обиженнымъ...

Но не въ «утираніи слезъ» тутъ было дѣло!

Въ исторію III отдѣленіе перешло съ репутаціей тайнаго судилища, искоренявшаго крамолу, а отнюдь не учрежденія, «утиравшаго слёзы» незаслуженно обиженныхъ.

Весьма скоро это учрежденіе создало себѣ незавидную репутацію какой-то привилегированной «съѣзжей», гдѣ даже сѣкутъ (не исключая и дамъ!), но при этомъ соблюдается абсолютная тайна сего отеческаго вразумленія.

Разсказывали, что допрашиваемый въ «комиссіи» при III отдѣленіи помѣщался на извѣстномъ квадратѣ паркета; если словесныя внушенія воспринимались провинившимся туго, то нажималась спеціальная пружина, виновный проваливался въ открывшійся люкъ до пояса, и надъ провалившейся его частью совершалась экзекуція, при чемъ сѣкуторы не могли, конечно, видѣть лица своей жертвы.

Такого рода слухи циркулировали въ кругахъ молодежи еще въ 60-хъ г.г. и даже въ началѣ 70-хъ. И. А. Худяковъ, въ своей «Автобіографіи» утверждаетъ, что 24 апрѣля 1866 г. слѣдователи заявили ему, будто царь «требуетъ отъ него немедленнаго сознанія», а то приказано «объявить его внѣ законовъ, пытать и затѣмъ разстрѣлять черезъ шесть дней военнымъ судомъ». Худяковъ повѣрилъ возможности пытки и, подъ вліяніемъ этой мысли, далъ

ложное показаніе на Штутина (предварительно Худякова избили! [1]).

Пишущему эти строки разсказывалъ и Ник. Петр. Гончаровъ [2]), что когда его, еще совсѣмъ зеленымъ юношей, привели въ первый разъ на допросъ въ «комиссію» и допрашивавшій пригласилъ его подойти поближе къ столу, за которымъ засѣдали члены комиссіи, то онъ, Гончаровъ, сомнѣваясь въ устойчивости пола, хотя и повиновался, но подошелъ къ столу не прямо, а съ краю его, а на повторенное предложеніе подойти еще поближе, сталъ внимательно всматриваться въ полъ, все-же не вступая на указываемое мѣсто, что это бросилось въ глаза членамъ комиссіи, которые, понявъ, наконецъ, опасенія юноши, сначала, видимо, возмутились, а затѣмъ разразились хохотомъ, добродушно попенявъ Гончарову за подобное недовѣріе къ ихъ учрежденію, руководствующемуся «только законными средствами»...

Но насколько порою въ этой «комиссіи» допросы производились настойчиво и продолжительно (чтобы не сказать—пристрастно!), автору однажды пришлось убѣдиться на примѣрѣ Н. И. Кибальчича.

Въ октябрѣ 1875 г. меня арестовали по первому дѣлу Николая Ивановича, обвинявшагося въ передачѣ у себя на родинѣ «Сказки о 4-хъ братьяхъ» отставному солдату. Дѣло въ томъ, что Кибальчичъ проживалъ это лѣто у своего брата-доктора, вмѣстѣ съ студентомъ м.-хир. академіи Н. С. Тютчевымъ, какъ значилось въ увольненіи этого лица, выданномъ изъ м.-х. ак. (это лицо не было обнаружено ни тогда, ни послѣ). Осенью я получилъ своевременно свое увольненіе обратно, перемѣнилъ его на соотвѣтствующій билетъ, т. ч. мнѣ не представлялось затрудненія доказать, что въ кіевской губ. проживалъ не я (т. к. я провелъ лѣто въ симбирск. губ.), увольненія же своего никому не давалъ...

Мнѣ была дана очная ставка съ Н. И. Кибальчичемъ, на которой онъ и подтвердилъ, въ концѣ концовъ, что въ кіевской губ. съ нимъ жилъ не я, а кто-то другой, выдававшій себя за студ. Т.

Когда меня ввели на очную ставку въ «комиссію», то меня поразила внѣшность Кибальчича: этотъ уравновѣшенный человѣкъ, ничѣмъ невозмутимый хохолъ, былъ блѣденъ, какъ полотно, глаза его блуждали и по лицу его спадали крупныя капли пота; даже его смятая рубашка была, видимо, вся влажная... Очевидно, его допрашивали уже не одинъ часъ, не давая ни минуты опомниться... Только этимъ я и объяснилъ себѣ его состояніе крайняго утомленія и какъ бы растерянности. Сначала онъ даже призналъ свое знакомство со мною, что было бы для меня при данныхъ условіяхъ подавляющей уликой, и только послѣ кате-

---

[1]) Ив. Александр. Худяковъ: „Опытъ автобіографіи". Женева, 1882 г. Стр. 131 и сл.

[2]) Судился впослѣдствіи и сосланъ былъ на поселеніе въ в. Сибирь въ 1872 г. Вернулся въ Евр. Россію послѣ револ. 1905 г.

горическаго моего протеста и отрицанія, онъ отказался, видимо недоумѣвая, отъ своего первоначальнаго заявленія.

Только тутъ я впервые и уразумѣлъ, какимъ бываетъ настоящій допросъ въ «комиссіи» III отдѣленія!

Съ Пантелеймоновской ул. въ III отдѣленіе вели желѣзныя рѣшетчатыя ворота. Они находились (какъ и теперь) въ самомъ углу загиба, дѣлаемаго улицей, и вели узкимъ проѣздомъ подъ арку, гдѣ, съ лѣвой ея стороны, былъ подъѣздъ «комиссіи». Послѣдняя помѣщалась во второмъ этажѣ длиннаго двухэтажнаго зданія, существующаго и въ настоящее время.

Пройдя вышеупомянутую арку и тотчасъ-же за нею завернувъ направо, арестованные, сопровождаемые всегда двумя (а иногда и четырьмя) жандармами съ обнаженными саблями (по старому уставу—одинъ впереди и другой сзади), проходили, между экипажными сараями — слѣва и какимъ-то одноэтажнымъ длиннымъ зданіемъ —справа, подъ слѣдующую арку и вступали, наконецъ, на другой дворъ, гдѣ, съ правой его стороны, нѣсколько наискось, находилось трехэтажное зданіе, съ желѣзными рѣшетками на окнахъ. Вдоль этого зданія круглыя сутки ходилъ часовой-жандармъ. Это и была столь извѣстная тюрьма въ «зданіи у Цѣпного моста», куда, на протяженіи почти полувѣка, сажали людей, только что арестованныхъ или привозимыхъ (непремѣнно въ каретѣ, съ отпущенными шторами) для допросовъ и очныхъ ставокъ въ «комиссіи» изъ крѣпости, Литовскаго замка, а впослѣдствіи и изъ вновь выстроеннаго дома предварительнаго заключенія.

Въ нижнемъ этажѣ этой тюрьмы помѣщалась кордегардія, а во второмъ и третьемъ этажахъ находились камеры для заключенныхъ. Проникнуть въ каждый этажъ возможно было только черезъ единственную массивную дверь изъ желѣзныхъ прутьевъ, за которою стоялъ особый часовой - жандармъ, отпиравшій эту дверь имѣвшимся у него ключемъ. Когда вы входили, наконецъ, въ корридоръ, то слѣва вы видѣли глухую стѣну, а справа находились 4 двери изолированныхъ камеръ. Въ дверяхъ этихъ не было столь извѣстныхъ по новымъ тюрьмамъ «глазковъ»: верхняя ихъ часть была просто стеклянная. Часовой-жандармъ, проходя взадъ и впередъ по корридору, видѣлъ такимъ образомъ все, что дѣлаетъ заключенный въ своей камерѣ. Если мимо заключеннаго нужно было проводить другого заключеннаго, то на это время дверь закрывалась темно-зеленой шторой, приспособленной для этого со стороны корридора у каждой двери.

Камеры были довольно большія, хорошо отапливались. Въ каждой было по два окна, замазанныхъ бѣлой краской, а чтобы заключенный не могъ выкинуть что-либо черезъ форточку—существовала, помимо наружной рѣшетки, еще внутренняя проволочная сѣтка. Форточку открывать разрѣшалось самому заключенному, но смотрѣть въ нее, для чего необходимо было встать на подоконникъ, не позволялось. Иногда, впрочемъ, заключен-

ному удавалось, незамѣтно отъ часового, быстро заглянуть въ форточку, услышавъ, что кого-то приводятъ или уводятъ, и тогда сидѣвшимъ во 2-мъ этажѣ возможно было даже увидѣть товарища-заключеннаго. Автору, напримѣръ, удалось такимъ способомъ увидѣть всѣхъ арестованныхъ по одному дѣлу съ нимъ въ мартѣ 1878 г., а также и всѣхъ арестованныхъ на улицѣ послѣ процесса Вѣры Ивановны Засуличъ.

Стѣны камеръ были окрашены охрой—снизу былъ темный бордюръ, какъ и въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Въ нихъ помѣщались: желѣзная кровать, съ хорошимъ, мягкимъ волосянымъ матрасомъ и двумя подушками, двумя простынями и байковымъ одѣяломъ, деревянный, небольшой столъ, съ ящикомъ, и деревянный-же стулъ. Этимъ и ограничивалась вся меблировка камеры. При пріемѣ заключенные переодѣвались во все казенное (халатъ давался тонкаго сукна—офицерскій), а собственное платье, бѣлье и всѣ вещи отбирались; даже папиросы у арестованнаго отбирались и взамѣнъ выдавался десятокъ (или два) казенныхъ, съ соотвѣтствующимъ количествомъ спичекъ. Долго сидѣвшимъ выдавались также и книги для чтенія, но какое это было разрозненное старье! Мнѣ, напримѣръ, удалось въ 75 и 78 гг. получить только нѣсколько книжекъ «Морского Сборника» и «Русскаго Вѣстника, начала 60-хъ гг., и болѣе ничего въ библіотекѣ не было!

Пища давалась сносная. Утромъ подавали два стакана чая съ 2 кусками сахара и 5 коп. булкой, обѣдъ состоялъ изъ трехъ блюдъ, которыя, повидимому, пріобрѣтались въ какомъ-либо сосѣднемъ трактирѣ (мясо было мелко нарѣзано, такъ какъ ни ножа, ни вилки не давалось); вечеромъ полагалось также 2 стакана чая съ такою же булкой. Въ общемъ — было сытно. Чернаго хлѣба давалось, сколько потребуется. На время умыванія, по утрамъ, въ камеру приносилось все необходимое. Прогулокъ и бани совсѣмъ не полагалось. Былъ-ли при этой тюрьмѣ докторъ, пишущему неизвѣстно.

Не разрѣшалось заключеннымъ имѣть въ камерѣ и писчія принадлежности, и указанія «Книги» въ отдѣльныхъ случаяхъ, что онѣ выданы арестованому, говорятъ объ исключительномъ его положеніи въ этой тюрьмѣ.

Арестованнаго со всѣми его вещами приводили въ назначенную ему камеру, гдѣ онъ и переодѣвался во все казенное, а дежурный жандармскій офицеръ составлялъ тутъ-же опись его вещамъ и деньгамъ, занося ее въ «Книгу для записи арестованныхъ при III отдѣленіи»; въ сдачѣ и пріемѣ вещей заключенному предлагалось собственноручно расписываться. Личнаго, унизительнаго обыска, какъ онъ практиковался, напримѣръ, въ Петропавловской крѣпости, при III отдѣленіи, насколько я могу судить по собственному опыту въ 1875 и 1878 гг., не производилось.

Дежурные офицеры, смѣняясь по утрамъ, ежедневно обходили камеры и задавали заключеннымъ вопросъ: не имѣется-ли

съ ихъ стороны какихъ-либо заявленій? Насколько мнѣ извѣстно, къ заключеннымъ въ камеру, помимо дежурныхъ офицеровъ, никто не пропускался, кромѣ шефа жандармовъ. Но и онъ посѣщалъ заключенныхъ только въ исключительныхъ случаяхъ. Напримѣръ, меня посѣтилъ и посидѣлъ минутъ 10 генералъ Мезенцовъ.

Я объясняю это тѣмъ, что мой отецъ занималъ въ то время (въ 1878 г.) довольно высокій постъ въ деп. удѣловъ, почему Мезенцовъ и могъ, или лично, или на случай возможнаго вопроса царя, заинтересоваться сыномъ служащаго въ мин. импер. двора. При этомъ Мезенцовъ задалъ мнѣ довольно нескромный вопросъ: зачѣмъ я, студентъ изъ состоятельной среды, служилъ на патронномъ заводѣ табельщикомъ? Я дипломатически отвѣтилъ, что очень интересуюсь рабочимъ вопросомъ, изучить который исключительно по книгамъ—нѣтъ возможности. Мезенцовъ возразилъ, что въ такое смутное время студентамъ не слѣдовало-бы поступать на заводы, а лучше было-бы утолять свои научные интересы только литературой... Онъ покачалъ головой, и мнѣ уже казалось, что онъ задастъ мнѣ еще болѣе нескромный вопросъ объ убійствѣ одного изъ агентовъ III отдѣленія, и я приготовился было къ рѣзкому отвѣту, но онъ круто перемѣнилъ разговоръ, сказавъ, что моему отцу разрѣшено свиданіе со мной, а затѣмъ спросилъ: доволенъ-ли я пищей, не надо-ли чего-либо, напр., кофе, сигаръ? Хотя я и очень любилъ сигары, но, будучи въ тѣ годы строгимъ ригористомъ въ отношеніяхъ со всякимъ начальствомъ, я, къ своему сожалѣнію, вынужденъ былъ, поблагодаривъ Мезенцова, отказаться отъ нихъ, подъ предлогомъ, что сигаръ я еще не курю...

II.

Въ архивѣ департамента полиціи сохранилась «Книга для записи арестованныхъ при III отдѣленіи».

Въ «Книгѣ» этой 46 прошнурованныхъ и пронумерованныхъ листовъ, и она обнимаетъ періодъ въ три года, съ 16 мая 1880 г. по 17 мая 1883 г., т. е. время наибольшаго расцвѣта дѣятельности «Народной Воли» и начала ея упадка.

Въ эту книгу дежурные офицеры вписывали, по порядку рубрикъ: званіе, имя и фамилію арестованнаго, откуда и кѣмъ онъ доставленъ, перечень вещей и сумму денегъ, отобранныхъ у арестованнаго, время доставленія и отправки заключеннаго, куда и кѣмъ онъ отправленъ. Затѣмъ имѣются еще три графы: расписка заключеннаго въ сдачѣ вещей, въ пріемѣ ихъ и «особыя отмѣтки».

Въ «Книгѣ» имѣются поэтому автографы многихъ лицъ съ громкими въ революціи именами, есть и автографы предателей и ренегатовъ. Есть и «неизвѣстные»: нѣкоторые дѣйствительно въ то время еще неизвѣстные жандармской полиціи, но многіе изъ «неизвѣстныхъ» были ей хорошо извѣстны и записывались такъ, только ради различныхъ спеціальныхъ соображеній.

Судя по «Книгѣ», всѣхъ камеръ (или «комнатъ», по терминологіи ея) было 13, но въ томъ зданіи, во второмъ и третьемъ этажахъ котораго сидѣлъ авторъ, имѣлось всего 8 камеръ. Гдѣ находились недостающія 5 камеръ—въ настоящее время опредѣлить нѣтъ возможности, такъ какъ самого зданія этой старой тюрьмы уже не существуетъ, и на мѣстѣ ея воздвигнута большая четырехъэтажная пристройка къ главному фасаду б. деп. полиціи, значительно выдавшаяся въ глубь двора, по сравненію со старымъ зданіемъ.

Всѣхъ, содержащихся въ теченіе трехъ лѣтъ, было 94 человѣка, но изъ этого числа нѣкоторые сидѣли по нѣскольку разъ, такъ что всего содержалось 84 чел. [1]).

Главный контингентъ заключенныхъ составляли только что арестованные въ С.-Петербургѣ или доставленные изъ провинціи, подвергавшіеся первоначальнымъ допросамъ въ такъ называемой «комиссіи», которая въ тѣ годы вела дознанія о государственныхъ преступленіяхъ.

Обыкновенно такихъ арестованныхъ, если они не склонны были къ откровеннымъ показаніямъ, держали при III отдѣленіи недолго: 2—3 дня, рѣдко съ недѣлю или нѣсколько болѣе.

Слѣдующую категорію составляли революціонеры, вступившіе въ какія-либо компромиссныя соглашенія съ властями: дававшіе откровенныя показанія или писавшіе для властей раз-

---

[1]) По нѣскольку разъ сидѣли: Влад. Дриго—2 р., Левъ Златопольскій—3 р Н. Рысаковъ—2 р., неизвѣстный (Окладскій)—3 р., баронъ Штромбергъ—2 р.. Яковъ Стефановичъ—3., лейтенантъ Буцевичъ—2 р. Въ хронологической послѣдовательности были заключены слѣдующія лица:

Аверіанъ Богдановъ (16/v 80 г.), Александра Семен. Ивановская (Малышева), Екат. Мих. Трощанская, Елиз. Петр. Дурново, Филаретъ Спир. Ковригинъ, Оттонъ Рицци (итальянск. поддани.), Л. Кобылянскій, Ал-й Ник. Ульяновъ, Евг. Петр. Александрова, Вас. Степ. Праотцевъ (будущ. секр. сотр.), Андрей Корнѣевичъ Прѣсняковъ, Ст. Гр. Ширяевъ, Ал-й Слободинъ, Кирикъ Филипп. Рыбка, Вл. Вас. Дриго, Алекс. Малиновская, Георгій Зурабовичъ Канановъ, Екат. Саланика, Ек. Конст. Барнаэусъ, Густавъ Адольф. Шульцъ, Конст. фонъ Дауэ (русск. поддани.), Н. Н. Сергѣевъ, Ел. Н. Ковальская, Ник. Павл. Щедринъ, Ив. Андр. Щербинъ, Ос. Фом. Бѣлявскій, Ал. И. Баранниковъ, Макаръ Тетерка, Ник. Вас. Клѣточниковъ, Лео Іоганнесъ Соломоновъ Златопольскій, Н. И. Рысаковъ, А. И. Желябовъ, неизвѣстный (Меркуловъ?), С. Л. Перовская, Ал. Дубровинъ, М. Н. Тригони, Ник. Ив. Кибальчичъ, М. Ф. Фроленко, Ал-й Егор. Скворцовъ, Ал-дръ Георг. Гельмерсенъ, Ант. Вик. Босяцкій, Як. Петлицкій, Н. И. Паули, Ал-дръ Ив. Родзевичъ, лейт. Августъ Ант. Гласко, лейт. Ал-дръ Павл. баронъ Штромбергъ, неизвѣстный (22/v отправл. въ крѣпость), М. Ланганса, Л. Терентьева, Фед. Семеновъ, Ник. Кони (сс. пос. енис. губ.), неизвѣстный (по распор. мин. вн. дѣлъ.—отправл. въ пріемный покой литейн. части 14/x 81 г.), Ник. Еф. Орѣшковъ, Мих. Огрызко (Я. Стефановичъ—„запечатанный“), Вас. Сем. Уховъ, Игн. Ветцель, Леон. Никушкинъ, Конст. Пентусовъ, Ив. Фридольф. Лямпе, Мих. Бармалеевъ, Ал-дръ Вик. Буцевичъ, маіоръ Н. Тихоцкій, Над. Беззпалова, Ник. Вас. Гильченко, Хаимъ Дворкевичъ, отст. офиц. Литвиновъ, Пав. Алексѣев. Сикорскій, Ник. Плат. Вукотичъ, „Затушеванный“ (Окладскій), П. Поливановъ, Ник. Зенниковъ (изъ Ср. Колымска), Елена Протасова, А. В. Буцевичъ, В. Н. Фигнеръ, Арк. Вл. Тырковъ, отст. шт. кап. Липпоманъ, подпор. Тихановичъ, Ал-дръ Мушкинъ, поруч. Рогачевъ, Л.... (Л. Ф. Мирскій), Аполлонъ Карелинъ княжна Марія Шервашидзе, Мих. Кайсаровичъ Кипіани, Степ. Чрелаевъ, поруч., г. Шепелевъ.

ныя «исторіи революціоннаго движенія», докладныя записки о «причинахъ» возникновенія его и о «мѣрахъ» къ его искорененію, или-же «проекты» соціальнаго оздоровленія общества (Л. Златопольскій). Такихъ лицъ за этотъ періодъ было всего 3—4 чел.; нѣкоторыя изъ нихъ содержались по нѣскольку разъ.

Къ этому разряду заключенныхъ принадлежатъ Праотцевъ и Дриго.

Съ 23 по 30 іюля 1880 г. сидѣлъ привезенный «изъ Москвы» (изъ Саратова—*Н. Т.*) нотаріусъ Василій Степановичъ Праотцевъ; онъ отправленъ былъ затѣмъ въ домъ предварительнаго заключенія. Это тотъ самый Праотцевъ, который былъ затѣмъ секретнымъ сотрудникомъ и эмигрантомъ въ Парижѣ и Ю. Америкѣ.

Къ той-же категоріи принадлежитъ и Владиміръ Васильевичъ Дриго, сидѣвшій въ этой тюрьмѣ дважды, въ августѣ 1880 г.

О немъ А. Д. Михайловъ сказалъ на судѣ:

«Онъ заключилъ съ III отдѣленіемъ условіе, по которому онъ обязался способствовать разысканію извѣстныхъ ему соціалистовъ, а III отдѣленіе обѣщало оставить ему состояніе Лизогуба. Дриго старательно выполнялъ свое обязательство, какъ агентъ III отдѣленія, но III отдѣленіе измѣнило ему такъ же вѣроломно, какъ онъ измѣнилъ Лизогубу, и отдало его, по миновеніи въ немъ надобности, въ руки военнаго суда, продержавъ предварительно болѣе полугода подъ арестомъ».

Дриго былъ осужденъ по «процессу 16-ти» 1880 г. къ ссылкѣ на житье въ томскую губ., гдѣ и умеръ.

О Я. Стефановичѣ и Л. Златопольскомъ будетъ сказано ниже.

Къ третьей, самой незначительной категоріи, принадлежатъ уже упомянутые доносчики, привезенные изъ Сибири. Ихъ было всего двое.

Николай Кони, уголовный сс. поселенецъ изъ енисейской губ., сидѣлъ съ 10 октября по 3 ноября 1881 г. Исторія его доноса о готовившемся цареубійствѣ интересна лишь по случайному совпаденію съ датой 1-го марта. Онъ сдѣлалъ доносъ передъ 1-мъ марта, но мѣстныя власти, зная Кони, какъ человѣка, ничьимъ довѣріемъ не пользовавшагося, на заявленіе его никакого вниманія не обратили. Послѣ 1-го марта, когда объ этомъ доносѣ узнали въ Петербургѣ, мѣстнымъ властямъ былъ сдѣланъ строжайшій нагоняй, а самого Кони выписали въ Петербургъ, но тоже вскорѣ вынуждены были убѣдиться, что вся эта исторія—не болѣе, какъ мыльный пузырь.

Другой административно-ссыльный изъ Ср. Колымска, котораго, по сибирской терминологіи, почему-то и въ «Книгѣ» именуютъ «политическимъ преступникомъ», Николай Зенниковъ (въ «Книгѣ» записанъ «Зеньковъ»). Онъ далъ обширныя показанія о всѣхъ своихъ знакомыхъ и, главнымъ образомъ, объ адресахъ,

пароляхъ и явкахъ, которыми пользовались политическіе при побѣгахъ изъ Сибири.

Кое-что въ его разоблаченіяхъ—плодъ его собственной фантазіи или перепутанныя имъ свѣдѣнія изъ случайно подслушанныхъ разговоровъ товарищей по этапамъ и ссылкѣ (лично Зенниковъ довѣріемъ не пользовался), но нѣкоторыя его данныя все-же были цѣнны жандармамъ; какъ разъ въ это время производилось слѣдствіе объ общесибирской организаціи, имѣвшей цѣлью способствовать побѣгамъ политическихъ изъ Сибири. Какъ извѣстно, заложили основанія этой организаціи Ю. Богдановичъ и Ив. Калюжный, а затѣмъ и В. Дебагорій-Мокріевичъ.

Зенниковъ содержался при департаментѣ полиціи болѣе двухъ мѣсяцевъ—съ 5 ноября 1882 г. по 9 января 1883 г.

Передъ отправкой психически больныхъ въ психіатрическую лѣчебницу въ Казань и при возвращеніи оттуда выздоровѣвшихъ, заключенныхъ также проводили черезъ тюрьму при деп. пол., вѣроятно, чтобы лично убѣдиться въ дѣйствительности болѣзни или выздоровленія преступника.

Такъ, 6 сентября 1880 г. была привезена и на другой день отправлена въ Казань осужденная по дѣлу Мезенцова Ал. Малиновская. Она была, повидимому, такъ больна, что у нея даже не отбирались ея вещи; и подписи ея поэтому не имѣется. 7 марта 1883 г. привезенъ былъ изъ Казани выздоровѣвшій первомартовецъ Арк. Вл. Тырковъ и на слѣд. день увезенъ въ д. пр. закл., откуда онъ и былъ отправленъ по высоч. повелѣнію въ г. Минусинскъ, въ безсрочную административную ссылку, которая уже при Николаѣ II ограничена была двадцатилѣтней...

Освобождавшійся изъ Алексѣевскаго равелина и отправляемый на Кару (что являлось дѣломъ совершенно исключительнымъ въ эти годы!), Левъ Филипповичъ Мирскій также побывалъ при деп. пол. Его привезли 13 апрѣля 1883 г. и увезли на слѣдующій день въ крѣпость, записавъ въ «Книгѣ» только иниціалъ его имени—Л . . . . . ., съ отмѣткой, что вещи казенныя.

Не записанъ былъ по фамиліи и Поливановъ, предназначенный къ заточенію въ Алексѣевскомъ равелинѣ, но его подпись въ сдачѣ вещей имѣется. Просидѣлъ онъ въ департаментской тюрьмѣ, въ камерѣ № 2, съ 27 по 29 октября 1882 г. и отправленъ былъ затѣмъ въ Трубецкой бастіонъ крѣпости, а оттуда, спустя двѣ недѣли, онъ переведенъ былъ въ Алексѣевскій равелинъ.

Тогда же, съ 25 октября по 31 декабря 1882 г., сидѣлъ въ этой тюрьмѣ и Иванъ Окладскій.

Слѣдуетъ отмѣтить еще двухъ «неизвѣстныхъ», фамиліи которыхъ установить пока не удалось. Одинъ изъ нихъ, прошедшій черезъ тюрьму 22 мая 1881 г. (изъ «комиссіи»—въ крѣпость), былъ, повидимому, простолюдиномъ, т. к. изъ одежды имѣлъ лишь пальто, шапку, рубаху и шаровары, да сапоги, а другой, привезенный 14 октября 1881 г., въ 12 ч. 45 м. ночи, по

распоряженію мин. внутр. дѣлъ штабсъ-капитаномъ Веселаго, былъ одѣтъ весьма изысканно въ сюртучную пару, цилиндръ и пр. Онъ имѣлъ золотые очки, часы, серебряный портсигаръ, 24 р. 40 коп. денегъ. По распоряженію В. К. Плеве въ тотъ же день, въ 1 ч. 10 м. дня, этотъ неизвѣстный былъ отправленъ въ пріемный покой ближайшей литейной части. Доставленъ-ли онъ былъ уже больнымъ или раненымъ, или съ нимъ что-либо случилось въ тюрьмѣ деп. полиціи—свѣдѣній нѣтъ.

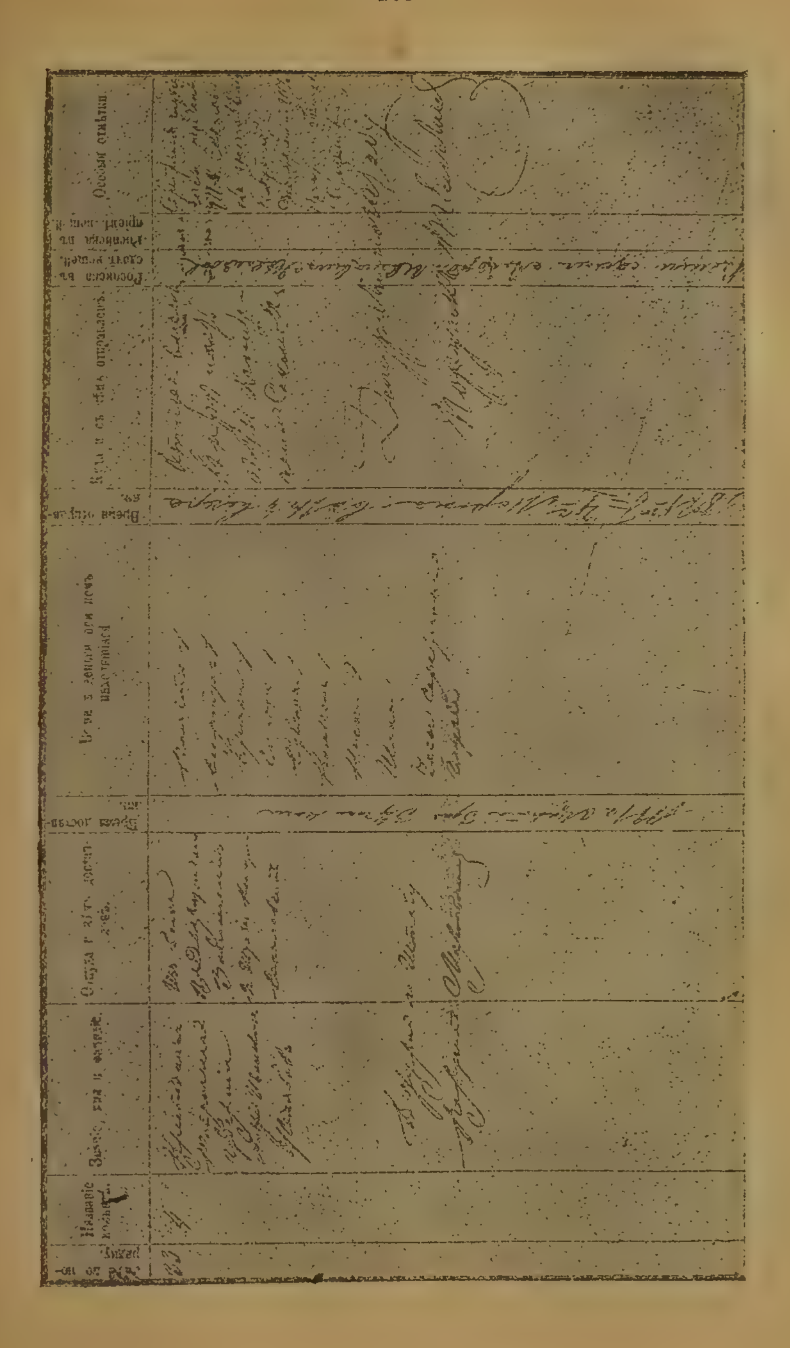
III.

25-го іюля 1880 г. привезенъ былъ Андрей Карнѣевичъ Прѣсняковъ, арестованный наканунѣ на Вас. О., на улицѣ, и оказавшій при этомъ вооруженное сопротивленіе. Въ «Книгѣ» отмѣчено, что сюртукъ его «снизу оторванъ», также какъ и «половина воротничка рубашки»—очевидно это результаты борьбы Прѣснякова съ арестовавшими его сыщиками. На другой день Прѣсняковъ отправленъ былъ въ крѣпость. А. К. Прѣсняковъ, по профессіи слесарь, слушалъ ранѣе курсъ въ петербургскомъ учительскомъ институтѣ, который бросилъ, чтобы цѣликомъ отдаться революціонной работѣ среди петербургскихъ рабочихъ. Весьма скоро онъ пріобрѣлъ среди нихъ большую популярность и успѣшно сталъ организовывать вмѣстѣ съ С. Халтуринымъ и К. Иванайненомъ, а потомъ съ Ник. Павл. Щедринымъ, все новые и новые кружки на разныхъ заводахъ Петербурга. Но тутъ его дѣятельность встрѣтилась съ вражеской, съ агентурой III отдѣленія. Прѣсняковъ, со всѣмъ пыломъ своей энергичной натуры, отдался тогда борьбѣ съ шпіонствомъ, и уже лѣтомъ 1877 г. отъ его руки палъ шпіонъ Шарашкинъ; имъ же былъ убитъ 4 февраля 1880 г. Жарковъ, выдавшій типографію «Чернаго Передѣла». Послѣ Шарашкина Прѣсняковъ занялся двумя другими агентами—Бѣлановымъ и нѣкіемъ «Ковломъ», но уничтожить ихъ ему помѣшалъ его арестъ въ началѣ 1878 г. Этого «истребителя шпіоновъ» III отдѣленіе тогда, очевидно, еще не доцѣнило, и потому онъ попалъ не въ крѣпость и даже не въ домъ предв. закл., а сначала въ спасскую [1]), а затѣмъ въ коломенскую часть. Прѣсняковъ тотчасъ же воспользовался этимъ, и весьма быстро были налажены правильныя сношенія съ нимъ.

Организація «Земли и Воли» рѣшила устроить его побѣгъ и поручила организацію его А. А. Квятковскому и пишущему эти строки. Квятковскій въ это время былъ кучеромъ знаменитаго «Варвара», стоявшаго въ «Русскомъ Татерсалѣ». Побѣгъ возможно было совершить только въ тѣ дни, когда заключенныхъ водили въ торговую баню, такъ какъ при части своей бани не было. Затрудненіе состояло въ томъ, что заранѣе, до «дня бани», никому изъ заключенныхъ не сообщалось, кого именно поведутъ въ баню.

---

[1]) Гдѣ его избилъ собственноручно ея смотритель.

№ по порядку.	Названіе комнаты.	Званіе, имя и фамилія.	Откуда и кѣмъ доставленъ.	Время доставленія.	Вещи и деньги при немъ находившіяся.	Время отправленія.	Куда и съ кѣмъ отправленъ.	Росписка въ сдачѣ вещей.	Росписка въ пріемѣ вещей.	Особыя отмѣтки.
23	4	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]

Въ «банные» дни мы прiѣзжали на «Варварѣ» къ части и останавливались у рыбнаго садка, стоявшаго какъ разъ противъ подъѣзда въ часть. Я, какъ «баринъ», входилъ въ садокъ и что-либо долженъ былъ покупать тамъ; на мнѣ же лежала обязанность пройти затѣмъ во дворъ части и незамѣтно взглянуть на рѣшетку одной изъ камеръ третьяго этажа, гдѣ сидѣлъ Андрей. Онъ всегда былъ на окнѣ, но условный знакъ появился лишь однажды.

Въ этотъ день мнѣ вновь пришлось вернуться въ садокъ и согласиться, наконецъ, на несуразно высокую цѣну живой стерляди. Но, пока ее вылавливали, въ баню провели не Андрея, а кого-то другого... Такъ мы съ Квятковскимъ разъ 5—6 вынуждены были покупать совершенно зря рыбу, которую, впрочемъ, весьма одобряла его жена—Екатерина Константиновна—пока, наконецъ, я не былъ случайно арестованъ 1 марта. Моя функцiя—принять и защитить при побѣгѣ Андрея—перешла къ Хотимскому, которому и удалось, наконецъ, 16 апрѣля счастливо помочь Прѣснякову вскочить въ пролетку [1]).

Приговоромъ в. окр. суда 30-го октября 1880 г. Прѣсняковъ былъ признанъ виновнымъ въ покушенiи взорвать императорскiй поѣздъ подъ Александровскомъ 18-го ноября 1879 г., въ вооруженномъ сопротивленiи при арестѣ и пр. и присужденъ къ смертной казни.

4 ноября 1880 г. Квятковскiй и освобожденный имъ изъ тюрьмы Прѣсняковъ были повѣшены на лѣвомъ фасѣ Iоанновскаго равелина Петропавловской крѣпости, тамъ же («на кронверкѣ»), гдѣ въ 1826 г. повѣшены были декабристы. [2]).

Степанъ Григорьевичъ Ширяевъ, техникъ по взрывчатымъ веществамъ, изучавшiй эту спецiальность за границей, арестованъ былъ въ Петербургѣ, 4-го декабря 1879 г. Въ тюрьму при III отд. онъ былъ привезенъ, какъ отмѣчено, «изъ Москвы», 27-го iюля 1880 г. Очевидно, его возили въ Москву, а, можетъ быть, и далѣе, на югъ,

---

[1]) М. Р. Поповъ („Изъ моего революцiоннаго прошлаго", стр. 299, въ „Быломъ", 1907 г., № 5), говоритъ, что Прѣсняковъ бѣжалъ изъ Литовскаго замка. Память измѣнила М. Р—чу: Прѣсняковъ бѣжалъ изъ коломенской части, что у Египетскаго моста.

[2]) А. В. Прибылевъ, возвращаясь къ себѣ на Кронверкскiй пр. съ Бол. Дворянской ул., рано утромъ 4 ноября 1880 г., видѣлъ на крѣпостной стѣнѣ, правѣе воротъ, возвышавшуюся висѣлицу и двухъ уже повѣшенныхъ въ саванахъ, уже висѣвшихъ неподвижно... За нѣсколько дней до казни Прѣсняковъ написалъ на бумажкѣ отъ папиросной гильзы нѣсколько словъ къ тому изъ товарищей, кто найдетъ эту записку. Записку и маленькiй кончикъ карандаша онъ спряталъ въ воротъ своего крѣпостнаго халата. Въ немъ и нашелъ эту записку въ 1883—84 гг. Степанъ Александровичъ Андржейковичъ, передававшiй мнѣ ея содержанiе. Буквально я его теперь не помню, кромѣ одной фразы, съ которой она начиналась: „Пишу съ тоски, въ ожиданiи окончательнаго рѣшенiя"... Затѣмъ Андрей Карнѣевичъ сообщалъ, что бодръ духомъ и сидитъ въ каторжномъ корридорѣ (камеры №№ 31—36), проситъ передать его послѣднiй привѣтъ товарищамъ на волю и пожеланiя успѣшной борьбы и побѣды. Таково было содержанiе записки. Андржейковичъ, прочтя и выучивъ наизусть это краткое завѣщанiе Прѣснякова, заложилъ его снова въ халатъ...

№№ по порядку.	Названіе гонца.	Званіе, имя и фамилія.	Откуда и кѣмъ посланъ.	Время пріѣзда.	Вещи и деньги при немъ находящіяся.	Время отъѣзда.	Куда и съ кѣмъ отправленъ.	Росписка въ ...	Росписка въ пріемѣ ...	Особыя отмѣтки.
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	

т. к. онъ обвинялся и въ покушеніи подъ Александровскомъ и подъ Москвой, 19-го ноября 1879 г. Смертная казнь, вынесенная ему приговоромъ в. окр. суда по тому-же процессу 16-ти, была замѣнена вѣчной каторгой, и въ ноябрѣ 1880 г. онъ заключенъ былъ, какъ четвертый узникъ (Шевичъ, Нечаевъ, Л. Мирскій), въ Алексѣевскій равелинъ. Нечаевъ въ это время уже распропагандировалъ гарнизонъ равелина, и ему недоставало лишь адреса для организаціи правильныхъ сношеній съ исполнительнымъ комитетомъ Народной Воли. Ширяевъ далъ этотъ адресъ, направивъ переписку своему гимназическому товарищу, студенту медико-хирургической академіи, тоже саратовцу, какъ и Ширяевъ, Евгенію Дубровину, и такимъ образомъ сношенія установились.

Лѣтомъ или осенью 1881 г. Ширяевъ умеръ въ томъ-же равелинѣ при обстоятельствахъ, до сихъ поръ еще не вполнѣ выясненныхъ. По словамъ С. Г. Нечаева, Ширяевъ умеръ 16-го сентября 1881 г., когда у него уже развилась чахотка. Въ этотъ день онъ былъ въ какомъ-то «странномъ, возбужденномъ» состояніи, «вскакивалъ на столъ, какъ въ горячечномъ бреду, говорилъ что-то такое, наконецъ громко закричалъ и упалъ мертвый». Нечаевъ предполагалъ, что Ширяева «отравили, давъ ему какого-то возбуждающаго», чтобы «выпытать какія-то свѣдѣнія»... Мы не знаемъ, правда-ли это; не мѣшаетъ, впрочемъ, прибавить, что къ очень многому изъ сообщавшагося Нечаевымъ исп. к-ту, съ очевидной цѣлью, чтобы это сообщаемое попало въ печать и произвело извѣстное впечатлѣніе, слѣдуетъ относиться съ большимъ сомнѣніемъ. По другой версіи Ширяевъ, съ цѣлью самоубійства, поставилъ на столъ табуретъ и, наложивъ на него всѣ имѣвшіяся у него книги, взобрался на это сооруженіе и бросился головой внизъ, разбивъ себѣ черепъ объ полъ... Существуетъ и еще одна версія смерти Ширяева, она основана на разсказахъ солдатъ гарнизона Алексѣевскаго ревелина, сосланныхъ въ в. Сибирь. Провѣрить эту версію пока еще не удалось...

Ширяевъ сидѣлъ при III отд. всего два дня, и 29 іюля 1880 г. былъ переведенъ въ крѣпость.

Николай Васильевичъ Клѣточниковъ принятъ былъ въ тюрьму въ 6 час. вечера, 29 января 1881 г., только на другой день послѣ ареста, изъ «комиссіи», гдѣ его, очевидно, до этого времени допрашивали. 8 февраля его перевели въ крѣпость.

Клѣточниковъ, присужденный по процессу 20 къ безсрочной каторгѣ, посаженъ былъ послѣ суда въ Алексѣевскій равелинъ и предназначался къ заточенію въ Шлиссельбургѣ, но не дожилъ до перевода туда и умеръ отъ цынги 13 іюля 1883 г.

Поливановъ («Алексѣевскій равелинъ») говоритъ о Клѣточниковѣ: «Соколовъ («Иродъ»—смотритель Алекс. рав., а затѣмъ Шлиссельбургской крѣпости) отлично зналъ Клѣточникова, когда тотъ былъ столоначальникомъ III отд... Это обстоятельство обостряло злобу Ирода. Какъ и всѣ, Клѣточниковъ заболѣлъ цынгой, но въ болѣе тяжелой формѣ, чѣмъ у нѣкоторыхъ другихъ.

Возмущенный, что его все-таки заставляютъ есть постную пищу, онъ началъ голодать, требуя молока и бѣлаго хлѣба. Голодалъ дней 9—10, но потомъ Иродъ, который заходилъ къ нему послѣ раздачи обѣда, садился, со словами: «ѣшь!—не уйду, пока не будешь ѣсть!», какъ-то сумѣлъ заставить его ѣсть. Поѣвши два дня, Клѣточниковъ сталъ голодать снова и, хотя ему дали требуемое, организмъ его такъ уже былъ подточенъ болѣзнью, что онъ умеръ, чуть-ли не черезъ недѣлю послѣ полученія молока».

Александръ Ивановичъ Баранниковъ поступилъ 28 января 1881 г., какъ «неизвѣстный», и расписался въ сдачѣ и полученіи вещей фамиліей Алафузова [1]).

Николай Ивановичъ Рысаковъ поступилъ 2 марта, въ 4 ч. дня, изъ Петропавловской крѣпости и возвращенъ былъ туда-же 4 марта, въ $11^1/_4$ веч., т. к. предполагалось тотчасъ-же судить его. Характерно, что арестованный доставленъ былъ въ «комиссію» безъ шапки, которая, впрочемъ, уже имѣлась, когда Рысакова привезли вторично 12 марта, въ 3 часа ночи. На этотъ разъ Рысаковъ содержался здѣсь до 4 ч. ночи 24 марта, когда его перевезли въ домъ предв. заключенія.

Андрей Ивановичъ Желябовъ поступилъ 3 марта, въ $3^3/_4$ часа ночи, изъ дома предварительнаго заключенія, куда онъ былъ помѣщенъ послѣ ареста 27 февраля, т. к. тогда власти еще не знали о его руководящей роли въ партіи и организаціи новаго цареубійства.

Николай Васильевичъ Клѣточниковъ.

Послѣ признаній Рысакова, Желябова тотчасъ-же, ночью, перевезли изъ д. пр. закл. и доставили въ «комиссію», гдѣ онъ и сдѣлалъ свое извѣстное заявленіе о своемъ участіи въ организаціи цареубійства 1-го марта.

4-го марта, въ $11^1/_4$ ч. вечера, Желябовъ отправленъ былъ въ крѣпость (для предполагавшагося суда), при чемъ его сопровождалъ туда впослѣдствіи снискавшій столь печальную извѣст-

---

[1]) См. письма А. И. Баранникова въ настоящей книгѣ „Былого“.

ность шт.-кап. Соколовъ — будущій смотритель Алексѣевскаго равелина и Шлиссельбурга («Иродъ»).

Расписки Желябова въ полученіи своихъ вещей въ «Книгѣ» нѣтъ (есть толька отмѣтка, что его серебр. часы переданы ш.-к. Соколову): его, повидимому, прямо съ допроса отправили въ крѣпость, не заводя въ камеру № 4, гдѣ онъ содержался со 2-го марта.

Софья Львовна Перовская была арестована 10 марта 1881 г., на Невскомъ просп. Въ камеру № 1, какъ значится въ «Книгѣ», ее посадили ночью на 11 марта, въ 4 часа пополуночи, а до этого времени ее, очевидно, продержали на допросѣ въ «комиссіи». Доставилъ ее тотъ-же шт-кап. Соколовъ. Собственной ея подписи въ сдачѣ вещей въ «Книгѣ» нѣтъ, есть только перечень отобранныхъ у нея предметовъ: пальто, золотое кольцо, пенснэ, запонки къ рукавчикамъ изъ 20 и 5 коп. серебряныхъ монетъ и воротниковая маленькая вуалька. Всѣ эти вещи обратно получила уже не сама С. Л., а ея мать, Варвара Степановна.

Въ тотъ-же день, 11 марта, въ 6 ч. вечера, С. Л. Перовская была отправлена въ крѣпость (вѣроятно для предъявленія кому-либо), но въ тотъ же вечеръ, въ $8^3/_4$ часовъ, ее вернули обратно и вновь водворили въ той-же камерѣ, гдѣ С. Л. и просидѣла до суда. Въ д. пр. закл. ее увезли 24 марта, въ 3 ч. 25 дня. Такимъ образомъ свое извѣстное письмо къ матери, датированное 22 марта, С. Л. очевидно писала тутъ-же, въ камерѣ № 1.

Въ связи съ взятыми у С. Л. Перовской адресами подругъ распропагандированныхъ Нечаевымъ равелинскихъ солдатъ, арестованъ былъ 12 марта и содержался при деп. до 20 марта 81 г. унтеръ-офицеръ комендантскаго упр. Александръ Дубровинъ. Отправленъ онъ былъ въ д. пр. закл. Арестъ этотъ не помѣшалъ равелинцамъ сноситься послѣ этого съ исп. ком. еще болѣе года.

Въ связи съ дѣломъ 1-го марта въ числѣ заключенныхъ значится «неизвѣстный», который доставленъ былъ изъ крѣпости 2-го марта, въ 4 ч. дня, а 3-го марта, въ $11^1/_2$ дня, увезенъ былъ обратно, но въ 4 ч. того-же дня его вновь вернули и снова посадили въ камеру № 2 (рядомъ съ Рысаковымъ), въ которой, до отправки въ крѣпость, онъ и просидѣлъ до 9 ч. вечера 4-го марта. Особенность его записи въ «Книгѣ» состоитъ въ томъ, что въ рубрикѣ «вещи и деньги» и пр. ничего не обозначено, т. е. арестанта не переодѣвали во всё казенное и собственныхъ его вещей у него не отбирали. Это произошло потому, что собственныхъ вещей у него и не было, и онъ доставленъ былъ одѣтымъ во всё казенное. Слѣдовательно, это былъ одинъ изъ осужденныхъ по предыдущимъ процессамъ, содержавшійся въ крѣпости, и потому онъ хорошо былъ извѣстенъ жандармамъ.

Намъ извѣстно теперь изъ слѣдственнаго производства по дѣлу 1-го марта, что подъ именемъ этого «неизвѣстнаго» фигурировалъ Иванъ Окладскій, о которомъ впереди особая рѣчь.

Другой «неизвѣстный» доставленъ былъ 8 марта, въ 12 ча-

совъ ночи, судя по записи изъ «комиссіи», и на другой день, въ 3 часа дня, препровожденъ былъ въ крѣпость. Онъ имѣлъ собственныя вещи, такъ что это не былъ кто-либо изъ осужденныхъ уже, какъ И. Окладскій. Возможно, что это былъ Василій Меркуловъ.

Черезъ три дня послѣ этого «неизвѣстнаго» привезенъ былъ изъ крѣпости, въ 3 часа ночи, 12 марта, Мих. Ник. Тригони.

Обратно въ крѣпость Тригони увезенъ былъ 21 марта, въ 2 ч. дня.

Въ тотъ-же день, въ только что покинутую имъ камеру № 4 посаженъ былъ «Денисъ Капустинъ», т. е. Мих. Фед. Фроленко, арестованный 17-го марта, въ квартирѣ Н. И. Кибальчича.

М. Фроленко отправленъ былъ въ крѣпость, но въ «Книгѣ» не указано, когда именно.

Николай Ивановичъ Кибальчичъ былъ арестованъ 17-го марта, на своей квартирѣ, по Лиговкѣ, 83, а въ «Книгѣ» отмѣченъ прибывшимъ только въ 6½ час. веч. 20 марта. Онъ заключенъ былъ въ камерѣ № 2, рядомъ съ Перовской, но въ камерахъ первомартовцевъ день и ночь дежурили часовые, такъ что, очевидно, сосѣдямъ снестись другъ съ другомъ было невозможно. Въ домъ предварительнаго заключенія Кибальчичъ отправленъ былъ въ 10½ ч. утра 24 марта.

Съ 2-го по 31 мая 1881 г. содержался въ заключеніи лейтенантъ Александръ Павловичъ баронъ Штромбергъ, о непосредственномъ участіи котораго въ дѣлѣ 1-го марта власти въ это время еще не знали. Штромбергъ былъ сосланъ вслѣдствіе этого администр. порядкомъ въ г. Верхоленскъ, ирк. губ. Но когда участіе его въ цареубійствѣ 1-го марта 81 г. было установлено оговорами разныхъ лицъ, Штромберга вернули изъ Сибири, и по процессу В. Н. Фигнеръ онъ былъ приговоренъ къ смертной казни и казненъ одновременно съ Рогачевымъ, въ 1884 г., въ Шлиссельбургѣ.

Помимо только что перечисленныхъ участниковъ 1-го марта въ зданіи у Цѣпного моста находилась также въ это время часть тѣла погибшаго при взрывѣ 1-го марта Игнатія Іохимовича Гриневецкаго.

Лѣтъ семь спустя, когда я впервые вновь встрѣтился съ Дм. Ал. Клеменцомъ, онъ разсказалъ мнѣ инцидентъ, который произвелъ на него очень тягостное впечатлѣніе...

Черезъ нѣсколько дней послѣ 1-го марта Клеменца привезли изъ крѣпости въ III отдѣленіе, но ввели не въ «комиссію» и не въ тюрьму, а въ какой-то неотапливаемый сарай, находящійся на дворѣ отдѣленія. Туда-же явились чины прокуратуры и жандармскіе офицеры. Послѣ этого ему предъявлена была заспиртованная въ банкѣ голова неизвѣстнаго ему молодого человѣка, съ многочисленными пораненіями всего лица.

Послѣдовалъ вопросъ: «знаете-ли вы кто это?»—Нѣтъ, не знаю.—«Вы знаете Ник. Серг. Тютчева?»—Да, мы были зна-

комы.—«Не онъ-ли это?» Клеменцъ подтвердилъ, что это не я, и тогда ему сообщили о событіи 1-го марта и что предъявляемый ему неизвѣстный бросилъ роковую бомбу, отъ взрыва которой погибли Александръ II и самъ бросившій ее.

Слухъ объ этомъ предположеніи жандармовъ о фамиліи «неизвѣстнаго» проникъ тогда-же и въ газеты. Въ «Голосѣ» (№ 68) было помѣщено извѣстіе, что погибшій при взрывѣ «неизвѣстный» оказался такимъ-то, бѣжавшимъ изъ в. Сибири.

Хотя Клеменцу жандармы, повидимому, и повѣрили, но запросъ въ Читу и въ Баргузинъ,—нахожусь-ли я на мѣстѣ?—все-же былъ сдѣланъ [1]).

IV.

П. С. Поливановъ разсказываетъ, что 27 октября 1882 г. его привезли изъ Саратова въ Петербургъ и помѣстили въ арестантскомъ отдѣленіи, при III отдѣленіи, у Цѣпного моста [2]).

«Проходя мимо двери № 1, я былъ удивленъ тѣмъ, что она была не только заперта, но и запечатана. Замокъ былъ обвязанъ бичевкой, концы которой были припечатаны къ четвертушкѣ бумаги»—сообщаетъ Поливановъ. «Ничего подобнаго ни у меня, ни у моего сосѣда въ № 3 не было, и кто сидѣлъ въ № 1,—я и до сихъ поръ не знаю. На слѣдующій день я убѣдился, что всякій разъ, когда заходили къ этому таинственному узнику, при этомъ присутствовалъ офицеръ, лично взламывавшій печать и снова запечатывавшій замокъ». Къ этому узнику,—говоритъ Поливановъ,—заходили послѣ всѣхъ, и однажды онъ даже отчетливо слышалъ, какъ офицеръ спросилъ жандарма: «а сургучъ у тебя есть?»—Точно такъ, в. бл.!—, послышался отвѣтъ.

Поливановъ нѣсколько разъ пытался стукомъ вызвать на разговоръ узника въ № 1, но къ его зову послѣдній оставался глухъ...

Несмотря на чрезвычайную точность всѣхъ описаній П. С. Поливанова, картинно рисующихъ жизнь заключенныхъ въ Трубецкомъ бастіонѣ и особенно въ Алексѣевскомъ равелинѣ, этотъ его разсказъ о какомъ-то «таинственномъ узникѣ»—о какой-то своеобразной «Желѣзной Маскѣ» царствованія Александра III—вызывалъ у читателя если не сомнѣнія, то, во всякомъ случаѣ, нѣкоторый скептицизмъ...

Въ настоящее время разсказанный Поливановымъ эпизодъ можетъ считаться доказаннымъ благодаря нашей «Книгѣ». Теперь мы знаемъ, что въ указываемое время въ камерѣ № 1 сидѣлъ извѣстный Я. В. Стефановичъ...

---

[1]) По странной случайности, за нѣсколько дней до 1-го марта мой отецъ въ проѣхавшей мимо него конкѣ, увидѣлъ молодого человѣка, котораго онъ принялъ за меня. Это сильно встревожило его, а извѣстіе въ „Голосѣ" (которое онъ опровергъ въ слѣдующемъ-же №) окончательно подавило. Мое письмо вскорѣ полученное изъ Баргузина, успокоило, наконецъ, старика.

[2]) П. Поливановъ „Алексѣевскій равелинъ". Отрывокъ изъ воспоминаній. Изд. Вл. Распопова. 1905 г.

№№ по ряду	Названіе комнаты	Званіе, имя и фамилія	Откуда и кѣмъ доставленъ	Время доставл.	Вещи и деньги при немъ находившіеся	Время отправл.	Куда и съ кѣмъ отправленъ	Росписка въ сдачѣ вещей	Росписка въ пріемѣ вещей	Особыя отмѣтки
60	1.	[illegible] Огрызко [illegible]	Изъ Москвы [illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]

На стр. 60 «Книги» записано, что 18-го февраля 1882 г. былъ принятъ и посаженъ въ комнату № 1 дворянинъ Михаилъ Огрызко, доставленный изъ Москвы по распоряженію деп. гос. полиціи. «Вещи сдалъ М. Огрызко» — значится въ рубрикѣ сдачи вещей, которыхъ у арестованнаго оказалось столько, что опись ихъ не умѣстилась въ рубрикѣ, а захватила еще двѣ другихъ.

3-го іюня того-же года, при передачѣ арестованнаго пор. Кандыбѣ для доставленія его въ крѣпость, всѣ эти вещи получилъ Яковъ Стефановичъ.

Итакъ, въ этотъ первый разъ Стефановичъ содержался при деп. гос. полиціи болѣе $3^1/_2$ мѣсяцевъ. Какъ мы увидимъ дальше, Стефановичъ послѣ этого еще дважды сидѣлъ въ той-же камерѣ, и второй разъ онъ содержался въ ней болѣе 8 мѣсяцевъ.

Чѣмъ-же было вызвано столь необычно длительное пребываніе этого заключеннаго въ тюрьмѣ при деп. полиціи?

Самъ Яковъ Васильевичъ неоднократно разсказывалъ впослѣдствіи товарищамъ по этапамъ и по Карѣ, что ему поручено было директоромъ деп. полиціи В. К. Плеве написать «Исторію революціоннаго движенія»; онъ принялъ это предложеніе и, пользуясь доставлявшимися ему матеріалами и текущими дѣлами изъ деп. полиціи, написалъ эту «Исторію». Поэтому ему и пришлось такъ долго (почти все время предварительнаго заключенія, а также и послѣ суда, до отправки въ Сибирь) просидѣть при деп. полиціи. Конечно, такого рода историческая работа въ достаточной степени объясняетъ столь долгое заключеніе Я. Стефановича при департ. полиціи... Къ сожалѣнію, въ нашемъ распоряженіи пока еще нѣтъ самого историческаго труда Стефановича, почему мы и лишены пока возможности судить, насколько Стефановичъ былъ объективенъ, какъ онъ утверждалъ товарищамъ, при изложеніи и, главное, при освѣщеніи событій, и не были-ли сдѣланы имъ выводы, полезные для политическаго сыска. Почему именно ему, а не любому интеллигентному человѣку, Плеве поручилъ исполнить эту компилятивную работу? Мы пока этого не знаемъ, но намъ извѣстно изъ собственноручныхъ писемъ самого Стефановича, что въ это именно время онъ не только писалъ «Исторію», но и велъ съ В. К. «разговоры» и «переговоры» о способахъ прекратить терроръ...

Вотъ результатъ одного изъ извѣстныхъ намъ «разговоровъ»:

Э. С. (Э. А. Серебряковъ) сообщилъ, со словъ покойной М. Н. Ошаниной-Баранниковой (урожд. Оловенниковой), виднаго члена исполнительнаго комитета Народной Воли, жившей въ 80 гг. въ Парижѣ подъ фамиліей М. Н. Полонской, слѣдующій эпизодъ:

«Въ Москвѣ, между прочимъ, были арестованы Стефановичъ, Булановъ (Анатолій, *Н. Т.*), Юрій Богдановичъ и др. М. Н. и Богдановичъ жили въ это время на одной квартирѣ (по Садовой ул., въ д. Бычкова, подъ фамиліей Прозоровскихъ. *Н. Т.*); они замѣтили за собою слѣженіе. М. Н., поднимаясь по лѣстницѣ, замѣтила, какъ изъ-за стоявшаго тамъ шкафа выглядывала фигура

сыщика, а въ стоящемъ во дворѣ кучерѣ узнала начальника московской охраны. Они съ Богдановичемъ рѣшили убраться изъ квартиры и благополучно ушли. Прошло дня два-три, никто квартиры не трогалъ, и Богдановичъ рѣшилъ, что онъ успѣетъ еще разъ зайти на квартиру и сможетъ забрать тамъ кое-что, что ему казалось цѣннымъ. Его отговаривали, но онъ все-таки пошелъ и былъ тамъ арестованъ». («Былое», 1907 г., іюнь, «Къ исторіи партіи Народной Воли». «Показанія» М. Н. Полонской. Съ пред. Э. С.).

Въ этомъ же Парижѣ, на улицѣ Boulard, существовалъ до революціи 1917 г. (а, можетъ быть, существуетъ и теперь?) архивъ центральнаго комитета партіи с.-р. Въ немъ сохранялась также часть архива «Н. Воли». Въ числѣ документовъ ея архива имѣются нѣсколько обширныхъ писемъ Я. Стефановича, которыя онъ писалъ, сидя при деп. полиціи, Л. Дейчу, жившему въ то время за границей. Благодаря счастливой для исторіи случайности, письма эти получались не Л. Дейчемъ, а Л. Тихомировымъ и М. Н. Ошаниной, почему они и сохранились до сего времени въ архивѣ п. с.-р. Подробно излагая свои переговоры и разговоры съ Плеве и сдѣланныя ему предложенія, Стефановичъ, между прочимъ, писалъ, что въ разговорѣ съ Плеве онъ какъ-то проговорился, подтвердивъ, что подъ именемъ Прозоровскаго скрывается Ю. Богдановичъ (Кобозевъ)... При этомъ «разговорѣ», если мнѣ не измѣняетъ память, Плеве обѣщалъ ему, Стефановичу, что живущая съ Богдановичемъ женщина арестована не будетъ...

Нужно-ли прибавлять, что авторъ чигиринской мистификаціи крестьянъ, «революціонеръ», объяснявшій въ письмахъ къ пріятелю свое вступленіе въ члены Народной Воли намѣреніемъ извнутри взворвать партію и дать и н о е направленіе ея дѣятельности, авторъ «Исторіи революц. движенія», написанной ad usum д-та полиціи и пр. и пр., что такой человѣкъ н е м о г ъ въ «разговорѣ» съ Плеве невольно проговориться? Всѣ, знавшіе Стефановича [1]), такой «обмолвки» съ его стороны допустить не могутъ.

Въ результатѣ такихъ «разговоровъ въ деп. полиціи» Стефановичъ, членъ партіи Нар. Воли и иниціаторъ чигиринскаго тайнаго братства крестьянъ, вмѣсто б е з с р о ч н о й каторги, къ которой его приговорило особое присутствіе сената, попалъ всего на 4 года каторги, тогда какъ судившіеся «по чигиринскому дѣлу въ Кіевѣ» Малавскій и Ю. Круковская т о л ь к о з а т о, ч т о о н и «о ч и с т и л и» к в а р т и р у С т е ф а н о в и ч а, осуждены были: Малавскій на 16 лѣтъ, а Ю. Круковская на 14 лѣтъ каторжныхъ работъ [2]).

---

[1]) Въ это время ему было уже 30 л., и зеленымъ юношей онъ давно уже пересталъ быть.

[2]) Характерно также отношеніе защитника Я. Стефановича, прис. пов. Кедрина, къ своему кліенту. Его первая рѣчь въ защиту Буцевича являлась панегирикомъ подсудимому, вторая-же—въ защиту Стефановича—была „сухимъ перечнемъ фактическихъ опроверженій обвиненія и на слушателей скорѣе произвела впечатлѣніе вынужденной защиты... и какъ бы указывала на отсутствіе

Въ обвинительномъ актѣ по процессу «о 17 лицахъ» (1883 г.), въ которомъ судились Ю. Богдановичъ и Я. Стефановичъ, указано, что Стефановичъ былъ арестованъ 6 февраля 82 г. и затѣмъ изложены обстоятельства его ареста. Непосредственно вслѣдъ за тѣмъ въ томъ-же актѣ сказано: «вслѣдъ за симъ въ Москвѣ былъ произведенъ рядъ арестовъ выдающихся членовъ сообщества. Первымъ арестованъ... Юрій Богдановичъ (10-го марта)... Проживавшая вмѣстѣ съ Богдановичемъ, подъ именемъ его жены, неизвѣстная женщина (?), успѣла скрыться. Вскорѣ затѣмъ, 23 марта, были открыты квартиры» (И. Калюжный и Н. Смирницкая) и т. д.

Находятся-ли эти дальнѣйшіе аресты тоже въ связи съ «разговорами» Стефановича съ В. К. Плеве, изъ обвинительнаго акта не видно.

Увезенный 3 іюня 1882 г. вечеромъ въ Петропавловскую крѣпость, уже черезъ недѣлю Стефановичъ вновь появляется при департаментѣ полиціи, но 10 іюня онъ значится принятымъ уже «изъ дома предвар. заключенія». Итакъ, въ теченіе одной недѣли онъ содержался и въ крѣпости, и въ домѣ предв. заключенія, чтобы замаскировать его постоянное заключеніе при деп. полиціи?

На этотъ разъ Стефановичъ содержался при деп. полиціи вплоть до суда (происходившаго съ 28 марта по 5 апрѣля 1883 г.). Въ домъ пр. закл. онъ увезенъ былъ 26 марта 1883 г.

Особенность его содержанія на этотъ разъ отмѣчена въ «Книгѣ» примѣчаніемъ: «вещи при арестованномъ». Такой льготой пользовался въ этой тюрьмѣ изъ политическихъ только одинъ Стефановичъ, если не считать рѣдкихъ исключеній, когда заключеннымъ женщинамъ, съ разрѣшенія дир. деп. полиціи, позволялось имѣть въ камерахъ нѣкоторыя части ихъ туалета, а писавшимъ «покаянныя» или «проекты»,—имѣть писчія принадлежности.

Изъ уголовныхъ заключенныхъ Кони тоже имѣлъ при себѣ, въ камерѣ, свои вещи.

Это второе заключеніе Стефановича при деп. полиціи и отмѣтилъ П. С. Поливановъ, разсказавъ, что неизвѣстный ему узникъ сидѣлъ въ камерѣ № 1, запечатанный сургучной печатью!

Стефановичъ, вступившій въ соглашеніе съ директоромъ деп. пол. [1]), понятно, не могъ въ то же время сноситься съ

у него большихъ симпатій къ клієнту" (А. В. Прибылевъ. „Процессъ 17 лицъ 1883 г."—„Былое", № 11, 1906 г.).

[1]) Передъ арестомъ Стефановичъ хотѣлъ повторить свой чигиринскій опытъ съ подложными манифестами, имѣя въ виду раскольниковъ. Нѣкоторые практическіе шаги въ этомъ отношеніи были имъ уже приняты. Этимъ проектомъ высшія сферы очень заинтересовались, а въ частности мин. вн. дѣлъ гр. Игнатьевъ и Плеве. Мы передадимъ впослѣдствіи подробности этого эпизода, еще совершенно неизслѣдованнаго въ печати. *Н. Т.*

другими заключенными, не желая, конечно, обнаруживать своего длительнаго пребыванія при деп. полиціи, но Поливанову все это было неизвѣстно, и онъ неоднократно пытался перестукиваться съ таинственнымъ сосѣдомъ. Какъ мы уже говорили, сосѣдъ не откликался...

Департаментъ полиціи, понимая, что собственные интересы заставятъ Стефановича изолироваться отъ другихъ заключенныхъ, запечатывая его, имѣлъ цѣлью предупредить сношенія не съ ними, а съ часовыми-жандармами, съ которыми, вслѣдствіе долговременности заключенія, Стефановичъ могъ завязать болѣе близкія отношенія и пытаться черезъ нихъ, минуя офиціальный контроль, пересылать письма на волю.

Съ формальной-же стороны, чтобы не шокировать самолюбія нужнаго департаменту заключеннаго явно выраженнымъ ему недовѣріемъ, предлогомъ подобной изоляціи могло быть выставлено желаніе д-та сохранить тайну документовъ и дѣлъ, довѣряемыхъ «историку революціи».

Во всякомъ случаѣ, въ данныхъ условіяхъ «запечатываніе» Стефановича могло практиковаться только съ его согласія, хотя-бы и молчаливаго.

Третій разъ Яковъ Стефановичъ появился въ той-же камерѣ уже послѣ суда: онъ привезенъ былъ 20 апрѣля 1883 г. изъ дома предв. закл. и увезенъ туда-же 30-го того-же мѣсяца. При какихъ условіяхъ онъ сидѣлъ эти 10 дней, свѣдѣній у насъ пока нѣтъ. Извѣстно только, что кромѣ «Исторіи» онъ написалъ еще и «Записку объ эмиграціи».

Вскорѣ послѣ этого Стефановичъ отправленъ былъ на Кару. Въ періодъ первой революціи онъ опубликовалъ свои карійскія воспоминанія — «Дневникъ карійца». Въ нихъ авторъ, слѣдуя обычному настроенію и психологіи большинства ренегатовъ, желчно относится ко всему, чему ранѣе поклонялся, а сотоварищей-каторжанъ пытается опошлить и загрязнить...

Вернувшись послѣ 1905 г. въ европ. Россію изъ ссылки, Стефановичъ уже не принималъ непосредственнаго участія въ общественной жизни; онъ велъ уединенную жизнь на родинѣ, въ кіевской губ., гдѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ и умеръ.

---

30 января 1881 г. привезенъ былъ въ первый разъ въ деп. полиціи арестованный наканунѣ, на квартирѣ Колодкевича, мѣщанинъ, б. технологъ, Левъ (Лео) Солом. Златопольскій. Его продержали здѣсь до 7 февраля и отправили затѣмъ въ домѣ предварительнаго заключенія.

Вторично Лео Златопольскій попалъ въ тюрьму при деп. полиціи «по распоряженію директора деп. гос. полиціи» уже изъ крѣпости, 16 января 1882 г., одѣтый въ «арестантское платье». 21 января онъ былъ перевезенъ въ домѣ предв. закл.; судился Лео

Златопольскій въ особомъ присутствіи сената 9—15 февраля того-же года, по «процессу 20-ти».

Почему онъ былъ въ арестантскомъ костюмѣ еще до суда—остается невыясненнымъ, а причина его привоза, передъ самымъ судомъ, въ деп. полиціи—будетъ ясна изъ дальнѣйшаго.

Наконецъ, въ третій разъ Лео Златопольскій былъ привезенъ въ тюрьму при деп. полиціи уже осужденнымъ на 20 лѣтъ каторжныхъ работъ, 2 марта 1882 г., и по распоряженію Плеве ему «выданы были въ камеру письменныя принадлежности».

Посаженъ онъ былъ въ камеру № 4 и писалъ тамъ свой проектъ новой соціальной организаціи общества, а въ это-же время, въ камерѣ № 1, Я. Стефановичъ писалъ свою «Исторію революціоннаго движенія»...

Сущность этого проекта Златопольскаго мы изложимъ ниже, теперь-же скажемъ, что Златопольскаго держали въ этотъ разъ при деп. полиціи до 27 мая, когда, по распоряженію директора деп. пол., онъ былъ отправленъ «къ мѣсту назначенія», т. е. въ крѣпость. На Кару Златопольскій пошелъ въ партіи 1883 г., а до этого его продержали еще годъ въ Петропавловской крѣпости.

Къ нему деп. полиціи не отнесся такъ отечески мягко, какъ къ Стефановичу, и понятно почему: онъ не давалъ въ руки жандармовъ полезныхъ для сыска данныхъ.

Въ архивѣ б. деп. полиціи найдено «Дѣло № 29»—1882 г. «По заявленію государственнаго преступника Лео Златопольскаго»—начато оно 15 января и окончено 11 августа 1882 г. На обложкѣ надпись: «хранить всегда».

15 января 1882 г. комендантъ крѣпости переслалъ директору деп. полиціи прошеніе Л. Златопольскаго о «желаніи его передать словесно директору деп. полиціи свѣдѣнія о современномъ соціально-революціонномъ движеніи».

Переведенный на другой же день въ тюрьму при деп. пол. Златопольскій, послѣ разговора съ Плеве, принялся излагать свой проектъ соціальнаго оздоровленія, и результатомъ его работы явилась записка: «Идейные люди»—на 15 полулистахъ, которую онъ и передалъ 21 января Плеве, послѣ чего сейчасъ-же былъ отправленъ, но уже не въ крѣпость, а въ домъ предварительнаго заключенія.

Отсюда, 29 января, Златопольскій въ дополненіе къ «Идейнымъ людямъ» написалъ докладную записку, касающуюся взводимаго на него обвиненія. Ссылаясь на обвинительный актъ и приводимый въ немъ оговоръ его Гольденбергомъ, Златопольскій говоритъ, что со словъ его защитника ему извѣстно, что въ этомъ оговорѣ Гольденбергъ показывалъ о Савеліи Златопольскомъ, но обвинительный актъ почему-то не упомянулъ объ этомъ, а приписалъ обвиненіе ему, Льву Златопольскому.

Затѣмъ Златопольскій отрицаетъ свою тождественность съ «механикомъ Львомъ», участникомъ, по оговору В. Меркулова, въ приготовленіяхъ осенью 1879 г. въ г. Одессѣ къ цареубійству.

Онъ говоритъ, что, по понятнымъ мотивамъ, не можетъ назвать того, кто фигурируетъ подъ этой кличкой, но увѣренъ, что это лицо само назоветъ себя, когда узнаетъ, что другому приписываются его дѣянія. Узнать же это лицо можетъ только послѣ обнародованія судебнаго слѣдствія предстоящаго процесса.

Такимъ образомъ, ему, Златопольскому, остается ждать приговора, и на судѣ онъ не можетъ даже по существу оправдываться. Если-же «механикъ Левъ» и послѣ суда не сдѣлаетъ соотвѣтствующаго заявленія, то онъ, Златопольскій, будетъ считать себя въ правѣ не хранить молчанія, ибо по своимъ убѣжденіямъ онъ не террористъ.

Слѣдующее заявленіе Златопольскаго датировано 17-мъ февраля и послано имъ изъ дома пр. закл. уже послѣ суда, приговорившаго его къ 20 годамъ каторги.

«Приговорили меня, — пишетъ онъ, — не къ смертной казни, гораздо снисходительнѣе, чѣмъ бы слѣдовало по буквѣ закона. Но, конечно, особое присутствіе имѣло на это и основаніе и право». Далѣе онъ выражаетъ вновь увѣренность, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ новый политическій процессъ «покажетъ полную его невиновность», и онъ, Златопольскій, будетъ реабилитированъ и освобожденъ. Между прочимъ, тутъ же Златопольскій говоритъ о какомъ-то другомъ «проектѣ», поданномъ имъ на высочайшее имя. Проекта этого въ дѣлѣ нѣтъ.

На другой день Златопольскаго вновь привезли въ деп. пол., гдѣ онъ вновь бесѣдовалъ съ Плеве о своемъ «проектѣ». Изъ новаго заявленія Златопольскаго, отъ 27 февраля, посланнаго уже изъ крѣпости, куда наканунѣ онъ привезенъ былъ изъ д. пр. закл., видно, что Плеве поручилъ ему изложить этотъ проектъ письменно.

Онъ спрашиваетъ о «размѣрѣ времени», коимъ можно располагать для удовлетворительнаго исполненія предпринятаго труда и проситъ снабдить его «департаментскими конвертами» для предупрежденія предварительной цензуры. Срокъ для окончанія этой работы—около мѣсяца, а такъ какъ условія крѣпости (темнота помѣщенія, отсутствіе стула, неудобоваримая пища и пр.) не соотвѣтствуютъ успѣшности работы, то онъ проситъ перевести его въ департаментъ.

Нужно удивляться, что̀ именно могло заинтересовать Плеве въ «проектѣ» Златопольскаго, являющагося одной изъ многочисленныхъ варіацій на тему, разработанную въ извѣстномъ романѣ Беллами, тѣмъ болѣе, что Златопольскій держалъ себя, видимо, корректно, никого не выдавая и текущихъ дѣлъ не касаясь. Фактъ тотъ, что Златопольскій уже на слѣдующій день былъ вновь въ тюрьмѣ при департаментѣ пол., гдѣ и писалъ свой «проектъ» цѣлыхъ три мѣсяца... 27 мая, въ своемъ заявленіи директ. деп. пол., онъ пишетъ, что «получивъ разрѣшеніе не стѣсняться временемъ», онъ началъ свой трудъ и увидѣлъ, что, вмѣсто предполагавшихся 5—6 печ. листовъ, его сочиненіе займетъ листовъ

30... Исполненная имъ половина труда потребовала трехъ мѣсяцевъ, вторая половина потребуетъ еще больше... Приложено и оглавленіе этого труда—«Основаніе раціональной системы общественно-экономической дѣятельности» и общее введеніе—на 14 полулистахъ. Въ заключеніе Златопольскій проситъ директора принять его «въ свободную минуту». Повидимому, эти 30 печ. листовъ и болѣе 3-хъ мѣсяцевъ возымѣли обратное дѣйствіе, и долготерпѣніе Плеве, ничего практическаго изъ Златопольскаго не извлекшаго, на этотъ разъ лопнуло, ибо въ тотъ же день его перевезли въ крѣпость, вмѣстѣ съ его «трудомъ».

30-го іюля комендантъ сообщилъ Плеве, что Л. Златопольскій «желаетъ заявить о чемъ-то важномъ». Златопольскаго снова вызвали въ деп. пол., но уже не спѣшно на этотъ разъ, а 12 августа, и послѣ пріема его у Плеве его въ тотъ же день отвезли обратно, въ крѣпость.

Очевидно къ этому времени всякій интересъ къ его «проекту» уже испарился въ жандармскомъ вѣдомствѣ!

По существу этотъ трудъ Златопольскаго, какъ мы уже упомянули, ничего интереснаго и новаго собою не представляетъ; въ рисуемой имъ будущей, возможной, по его мнѣнію, идилліи всѣ довольны: и рабочій, и крестьянинъ, и капиталистъ и... само правительство, поэтому не имѣетъ быть мѣста и террору, этой bête noire русскаго правительства передъ предстоявшей коронаціей Александра III.

Попытка Плеве, предпринятая имъ въ эти годы при помощи многочисленныхъ, намѣчавшихся имъ эмиссаровъ (Стефановича, О. Любатовичъ, Николадзе и др.) вступить въ соглашеніе съ Народной Волей ради временнаго прекращенія террора, не удалась ему и въ иной сферѣ: для него, какъ практика, стоящаго исключительно на злободневной почвѣ, «проектъ» Златопольскаго, очевидно, являлся не болѣе, какъ навязчивой мыслью кабинетнаго теоретика-идеалиста.

Л. Златопольскій умеръ на поселеніи, въ г. Читѣ, въ февралѣ 1907 г.

Апрѣль 1918 г. *Н. Тютчевъ.*

Судьба Ивана Окладскаго.

1.

Среди таинственныхъ страницъ «Книги для записи арестованныхъ при III отдѣленіи» одна останавливаетъ вниманіе нарочитой и сугубой таинственностью. На страницѣ 39-ой мы находимъ характернѣйшую запись, воспроизведеніе которой мы прилагаемъ къ нашей статьѣ.

Имя и фамилія заключеннаго, вписанныя въ первую рубрику, какъ это и полагалось, дежурнымъ поруч. Кондыревымъ, а также собственноручная расписка арестанта въ сдачѣ имъ вещей,—на слѣдующій день, по распоряженію директора деп. гос. полиціи (В. К. Плеве), были настолько тщательно «затушеваны» чернилами, что даже фотографическимъ способомъ не поддаются возстановленію, и прочтены, слѣдовательно, быть не могутъ.

Бросается въ глаза также и то, что при доставленномъ изъ крѣпости заключенномъ препровождены были также и всѣ его вещи, до провизіи и табаку включительно.

Помимо перечисленныхъ въ пріемной вѣдомости, были еще и другія какія-то его вещи, полученныя изъ деп. гос. полиціи и сданныя таинственному узнику при передачѣ его—по приказу директора д-та В. К. Плеве—извѣстному сотруднику Судейкина Янковскому. Узникъ просидѣлъ при III отдѣленіи тоже необычно долго, и былъ сданъ Янковскому только въ 6 час. вечера 31-го декабря, подъ новый годъ. Это тоже что-то выходящее изъ нормы, т. к. даже и III отдѣленіе въ торжественные дни свои текущія дѣла прекращало.

Все это въ совокупности указываетъ, что, вопреки нормальнымъ условіямъ тюрьмы при III отдѣленіи, таинственный узникъ оканчивалъ свои тюремныя мытарства этой тюрьмой, а не начиналъ ихъ ею, какъ это бывало съ другими.

Кто же этотъ таинственный заключенный «безъ имени», сидѣвшій въ комнатѣ № 4?

2.

Въ «процессѣ 16-ти террористовъ» [1]), разбиравшемся петербургскимъ военно-окружнымъ судомъ 25—30 октября 1880 г., въ

[1]) См. „Процессъ шестнадцати террористовъ“ (1880 г.). Подъ ред. В. Бурцева. Русск. Истор. Библіотека, № 3. Петербургъ, 1906 г.

№№ по ряду.	Названіе комнатъ.	Званіе, имя и фамилія.	Откуда и кѣмъ доставленъ.	Время доставки.	Вещи и деньги при немъ находящіяся.	Время отправки.	Куда и съ кѣмъ отправленъ.	Росписка въ сдачѣ вещей.	Росписка въ пріемѣ вещей.	Особыя отмѣтки.
77	4	[redacted]	Изъ Управленія [illegible] Канцеляріи [illegible]	23 Октября в 9 часов вечера	Полотенце — 1, Сюртукъ — 1, [illegible] — 1, [illegible] — 4, [illegible] — 1, [illegible] — 1, [illegible] — 2, [illegible] — 1, Брюки — 1, [illegible] — 1, Табаку коробокъ — 3, [illegible] — 3 короб., Сахару — 3 фунта, Чаю — ¼ фунта, [illegible] — 2, [illegible] 50 [illegible]	1888 года, Ноября 3го дня въ 6 [illegible]	По предписанію Директора Департамента Полиціи [illegible] Начальнику [illegible] [illegible]	[redacted]	[illegible]	[illegible]
	Распоряженіе [illegible] Директоръ Д-та Госуд. Полиціи приказалъ [illegible] фамилію арестованнаго 23 Октября 1888 г. [illegible] [illegible]									

числѣ главныхъ обвиняемыхъ (въ цареубійствѣ) былъ Иванъ Федоровичъ Окладскій, державшійся на судѣ весьма гордо и даже дерзко, явно бравируя положеніемъ человѣка, которому грозитъ смертная казнь...

И. Ф. Окладскій—мѣщанинъ псковской губ.—воспитывался въ уѣздномъ училищѣ, но курса его не окончилъ. По профессіи онъ былъ до ареста слесаремъ. Арестованъ въ Петербургѣ 4-го іюля 1880 г. По оговору извѣстнаго Гольденберга Окладскій принималъ непосредственное участіе, осенью 1879 г., въ покушеніи взорвать императорскій поѣздъ подъ г. Александровскомъ, екатеринославской губ.

На предварительномъ слѣдствіи Окладскій призналъ, что «въ началѣ октября 1879 г., въ бытность свою въ Харьковѣ, онъ, по предложенію Гольденберга, согласился принять участіе въ работахъ по устройству взрыва динамитомъ полотна жел. дороги, подъ Александровскомъ, при обратномъ слѣдованіи царя изъ Крыма въ Петербургъ. Означенное согласіе имъ дано было послѣ того, какъ Гольденбергу удалось убѣдить его, что дѣятельность соціалистовъ возможна будетъ только тогда, когда начнется другое царствованіе. Онъ приступилъ къ изготовленію для динамита мѣдной трубы, при чемъ въ этой работѣ ему помогалъ рабочій Николай [1]), которому о назначеніи этой трубы ничего извѣстно не было; по окончаніи этой работы онъ отправился въ г. Александровскъ и поселился на отдѣльной квартирѣ. Вскорѣ по пріѣздѣ онъ, вмѣстѣ съ Тихоновымъ и «Борисомъ» (Желябовымъ), приступилъ къ заложенію мины подъ полотно жел. дороги, просверливъ отверстіе въ насыпи и введя затѣмъ туда сдѣланную имъ мѣдную трубу, наполненную динамитомъ. При этомъ динамита оказалось недостаточно, и часть трубы была наполнена пескомъ. За нѣсколько минутъ до проѣздка императорскаго поѣзда онъ, подъѣхавъ на телѣгѣ, вмѣстѣ съ «Борисомъ» и Тихоновымъ, къ тому мѣсту, гдѣ находились концы проволоки, досталъ ихъ изъ земли и передалъ «Борису»; затѣмъ, вложивъ въ батарею цинковыя и угольныя пластинки, сталъ наблюдать за приближеніемъ поѣзда, и когда надъ миной прошло нѣсколько вагоновъ, онъ далъ сигналъ «Борису» [2]), при чемъ хотя послѣдній тотчасъ же сомкнулъ цѣпь, взрыва не послѣдовало. Послѣ неудавшагося взрыва спираль Румкорфа, проволока и батарея были переданы имъ на храненіе въ г. Харьковѣ воспитаннику Александру Сыцянко».

На судѣ, на вопросъ предсѣдательствующаго о вѣроисповѣданіи, Окладскій заявилъ, что его вѣроисповѣданіе «соціалистическо-революціонное»; засимъ онъ призналъ себя членомъ Народной Воли и подтвердилъ, что участвовалъ въ попыткѣ взор-

[1]) Хрущевъ. Осужд. въ 1880 г. въ каторжныя работы по кіевскому проц. Въ 1882 г. арест. былъ вмѣстѣ съ И. Мышкинымъ во Владивостокѣ, послѣ побѣга съ Кары. *Н. Т.*

[2]) Закричавъ: „жарь“! *Н. Т.*

вать поѣздъ. «Но если взрывъ не произошелъ, то это не отъ меня зависѣло»,—прибавилъ подсудимый. Признавъ, что о покушеніи при помощи взрыва ему извѣстно было еще въ Харьковѣ, Окладскій старался на судѣ даже выгородить Прѣснякова, котораго Гольденбергъ оговаривалъ, что онъ участвовалъ въ предварительныхъ совѣщаніяхъ въ Харьковѣ и въ самомъ покушеніи подъ Александровскомъ.

Въ своей рѣчи Окладскій сказалъ: «въ дѣлѣ, по которому я обвиняюсь, нѣтъ свидѣтельскихъ показаній, которыя уличали-бы меня въ томъ, что я, дѣйствительно, пытался взорвать императорскій поѣздъ. Есть одно показаніе Гольденберга, въ которомъ онъ говоритъ, что одна труба сдѣлана мною, и что я принималъ въ этомъ участіе; но онъ не подтверждаетъ своего показанія фактами, такъ что оно совершенно голословно. Для обвиненія меня существуетъ лишь мое собственное сознаніе, которое, однако, мною было дано не потому, чтобы я раскаивался и желалъ облегчить свою участь, о чемъ я никогда и не думалъ». «Затѣмъ,—говорится въ отчетѣ о «процессѣ 16-ти»,—подсудимый сталъ излагать столь неумѣстныя разсужденія, что предсѣдатель призналъ нужнымъ лишить его слова».

Въ послѣднемъ своемъ словѣ Окладскій сказалъ: «я не прошу и не нуждаюсь въ смягченіи своей участи; напротивъ, если судъ смягчитъ свой приговоръ относительно меня, я приму это за оскорбленіе»!

Итакъ, поведеніе Окладскаго на слѣдствіи и на судѣ было весьма гордое.

Но, ничто не вѣчно подъ луною! В. Л. Бурцевъ, говоря о дальнѣйшей судьбѣ обвинявшихся въ «процессѣ 16-ти», объ Окладскомъ писалъ: «еще хуже кончилъ Окладскій: въ 1881 г. онъ подалъ прошеніе о помилованіи, далъ показанія, и его выпустили на свободу... Онъ жилъ гдѣ-то на Кавказѣ...» О томъ, что Окладскій давалъ впослѣдствіи откровенныя показанія и что онъ жилъ затѣмъ на Кавказѣ, извѣстно было еще ранѣе, въ концѣ 80 гг.

Но почему и какъ онъ попалъ на Кавказъ,—свѣдѣній объ этомъ до сихъ поръ не имѣлось.

3.

Въ архивѣ б. департамента полиціи найдено два дѣла «о секретномъ сотрудникѣ д-та полиціи Иванѣ Александровичѣ Петровскомъ». Вначалѣ вопросъ идетъ о высочайшемъ пожалованіи ему личнаго, а затѣмъ потомственнаго почетнаго гражданства и, наконецъ, о назначеніи ему пенсіи. Мы разскажемъ перипетіи этого любопытнаго дѣла потомъ, а теперь приведемъ «справку» о «Петровскомъ», приложенную къ дѣлу № 135 (секретаря) за 1903 г.

«Справка» эта была составлена въ октябрѣ 1902 г. особымъ

отдѣломъ (секретнымъ) д-та полиціи по просьбѣ 1-го дѣлопроизводства того-же д-та, но не была въ послѣдній передана, а была лишь пришита къ «дѣлу И. А. Петровскаго», такъ что тайна о «Петровскомъ» не вышла за предѣлы самаго секретнѣйшаго отдѣленія самого секретнаго учрежденія царской администраціи.

Справка. «Негласный сотрудникъ департамента полиціи, Иванъ Александровичъ Петровскій, личный почетный гражданинъ, происходитъ изъ мѣщанъ [1]). 30 октября 1880 г. рѣшеніемъ с.-петербургскаго военно-окружнаго суда, за государственное преступленіе, приговоренъ къ смертной казни чрезъ повѣшеніе. Наказаніе это въ ноябрѣ 1880 г., по монаршему милосердію замѣнено безсрочной каторгой.

Затѣмъ, такъ какъ Петровскій подъ вліяніемъ убѣжденій лицъ, производившихъ дознаніе, вступилъ на путь полной откровенности и сообщилъ весьма цѣнныя для правительства свѣдѣнія, то ему каторга была замѣнена сперва (24 іюня 1881 г.) ссылкой на поселеніе въ вост. Сибирь, а затѣмъ (15 октября 1882 г.) ссылкою на Кавказъ [2]). Наконецъ, 11 сентября 1891 г. Петровскому, во вниманіе значительныхъ его заслугъ по раскрытію государственныхъ преступленій, всемилостивѣйше даровано было полное помилованіе съ представленіемъ званія личнаго почетнаго гражданина и настоящихъ имени, отчества и фамиліи.

Благодаря указаніямъ и содѣйствію Петровскаго были обнаружены:

1) въ 1880 г. двѣ конспиративныя квартиры въ С.-Петербургѣ, изъ коихъ въ одной помѣщалась тайная типографія, а въ другой изготовлялся динамитъ, а также заложенная подъ Каменнымъ мостомъ, на Гороховой ул., мина—двѣ гуттаперчевыя подушки съ динамитомъ и приспособленіями для взрыва, и

2) въ 1881 г. личности задержанныхъ послѣ злодѣйскаго преступленія 1 марта злоумышленниковъ были обнаружены, главнымъ образомъ, при негласномъ предъявленіи ихъ Петровскому.

На Кавказѣ Петровскій старался также, по мѣрѣ возможности, быть полезнымъ мѣстному жандармскому управленію.

Послѣдовательность направленія дѣятельности Петровскаго, на пути преданнаго отношенія къ правительству, послужила основаніемъ къ вызову его въ 1889 г. съ Кавказа въ С.-Петербургъ, гдѣ онъ и оправдалъ оказанное ему довѣріе тѣмъ, что успѣшно завязалъ связи съ нѣкоторыми дѣятелями спб. революціоннаго кружка Истоминой и, кромѣ того, обнаружилъ главныхъ дѣятелей революціонной пропаганды среди заводскихъ рабочихъ въ С.-Петербургѣ.

Петровскій, со времени дарованія ему въ 1891 г. званія

---

[1]) Не указано какого города или мѣстечка, какъ это обычно дѣлается.

[2]) Послѣ этого вскорѣ и переведенъ былъ изъ крѣпости въ III отд. таинственный узникъ.

личнаго почетнаго гражданства, выслужилъ требуемый по закону 10-ти-лѣтній срокъ и потому можетъ быть представленъ къ награжденію званіемъ потомственнаго почетнаго гражданина, но не въ обычномъ порядкѣ, чрезъ наградной комитетъ, а по установившейся для такихъ лицъ особой практикѣ—путемъ особаго всеподданнѣйшаго доклада министра внутреннихъ дѣлъ».

По даннымъ этой «справки» легко установить, кто такой Иванъ Петровскій.

30 октября 1880 г. с.-петербургскій военно-окружный судъ вынесъ приговоръ по «процессу 16-ти», при чемъ къ смертной казни приговорены были: Александръ Александровичъ Квятковскій, Андрей Карнѣевичъ Прѣсняковъ, Степанъ Григорьевичъ Ширяевъ, Яковъ Тихоновичъ Тихоновъ и Иванъ Федоровичъ Окладскій. Первые двое были казнены 4-го ноября того же года въ Іоанновскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости [1]), а Ширяева, Тихонова и Окладскаго царь помиловалъ 2-го ноября, замѣнивъ имъ смертную казнь безсрочной каторжной работой; С. Ширяевъ умеръ въ Алексѣевскомъ равелинѣ, 16 сентября 1881 г.; Я. Тихоновъ умеръ на Карѣ, лѣтомъ 1882 г.; въ живыхъ остался лишь И. Окладскій, такъ гордо заявившій на судѣ: «я не прошу и не нуждаюсь въ смягченіи моей участи; напротивъ, если судъ смягчитъ свой приговоръ относительно меня, я приму это за оскорбленіе»... Онъ и есть, слѣдовательно, И. А. Петровскій—ревностный секретный сотрудникъ д—та полиціи до... 1917 года!

Окладскій, повидимому, тотчасъ же послѣ приговора принесъ свою повинную...

Двѣ конспиративныя квартиры, обнаруженныя имъ, находились: одна на Большой Подъяческой, 37, кв. 27, гдѣ приготовлялся динамитъ (тамъ жили: Гр. Исаевъ, А. Якимова и Т. Лебедева), и вторая—по Подольской, 11, кв. 21, гдѣ одно время помѣщалась тайная типографія; въ ней работали М. Грачевскій, П. С. Ивановская и Людмила Терентьева. Въ ней-же одно время проживалъ, кажется, и Н. Кибальчичъ. Обнаружены были эти квартиры, впрочемъ, уже тогда (во второй половинѣ января 1881 г.), когда онѣ были оставлены революціонерами.

Возникаетъ вопросъ, какъ могъ знать объ этихъ квартирахъ Окладскій, арестованный еще въ іюлѣ 1880 г.?

Косвенное указаніе имѣется и на это въ одномъ запросѣ, сдѣланномъ 26 ноября 1881 г., за № 9791, комендантомъ Петропавловской крѣпости директору д—та полиціи В. К. Плеве.

Комендантъ крѣпости ген.-лейт. Ганецкій сообщаетъ, что 25 октября имъ принята отъ шт.-капитана Домашнева дочь колл. ассессора Ольга Любатовичъ и, согласно письма В. Плеве отъ 10 ноября (О. Любатовичъ арестована была въ Москвѣ, 6-го ноя-

[1]) См. „Народная Воля", № 4—5 декабря 1880 г. „По поводу процесса 16-ти".

бря), заключена въ отдѣльный казематъ Екатерининской куртины [1]).

Затѣмъ ген. Ганецкій спрашиваетъ: «прошу увѣдомить, слѣдуетъ-ли переводить изъ Трубецкаго бастіона въ сосѣдній съ Любатовичъ казематъ преступника Ивана Окладскаго съ дозволеніемъ, въ случаѣ ихъ желанія, войти между собою въ сношеніе?»—Плеве положилъ резолюцію на семъ запросѣ: «Увѣдомить, что да».

Изъ этой переписки видно, что Окладскаго подсаживали въ сосѣди къ нужному для д—та заключенному, который, какъ лично знакомый съ Окладскимъ еще по волѣ, конечно, довѣрялъ ему, по старой памяти, и поэтому былъ съ нимъ откровененъ.

Повидимому, адреса конспиративныхъ квартиръ и стали извѣстны Окладскому благодаря кому-либо изъ сосѣдей, которымъ его новая роль предателя не была еще извѣстна въ это время.

Мины подъ Каменнымъ мостомъ, на Гороховой ул., заложены были, въ началѣ лѣта 1880 г., въ видѣ двухъ гуттаперчевыхъ подушекъ, наполненныхъ гремучимъ студнемъ и опущенныхъ на дно Екатерининскаго канала. Проводы были прикрѣплены къ плоту, стоявшему около моста. Взорвать мину предполагалось во время проѣзда царя съ царскосельскаго вокзала въ Зимній дворецъ. Съ этой цѣлью въ назначенный день Макаръ Тетерка долженъ былъ, неся на себѣ корзину, наполненную картофелемъ, со скрытою въ немъ гальваническою батареей, спуститься къ плоту и начать промывать картофель, а Желябовъ долженъ былъ, въ моментъ проѣзда царя черезъ мостъ, произвести взрывъ.

Покушеніе не удалось вслѣдствіе того, что царь выѣхалъ въ Ливадію прямо изъ Царскаго села, не заѣзжая въ Петербургъ.

Послѣ этого рѣшено было выловить обратно гуттаперчевыя подушки, во избѣжанія случайнаго несчастья, но попытка эта террористамъ не удалась, т. к. употребленные для вылавливанія якоря оказались слишкомъ короткими.

Вотъ эту-то мину и выдалъ, какъ оказывается, Окладскій. «Неизвѣстные», задержанные послѣ 1 марта, также показывались, какъ оказывается, «негласно» Окладскому, и имена ихъ были обнаружены «главнымъ образомъ» при его участіи.

Обыкновенно такое опознаніе «неизвѣстнаго» производилось въ крѣпости, въ домѣ предварительнаго заключенія слѣд. образомъ: къ глазку въ двери подводился сыщикъ или предатель, и осматривалъ заключеннаго, не подвергаясь риску быть имъ узнаннымъ, т. к. кромѣ его глаза заключенный ничего увидѣть не могъ [2]).

---

[1]) Въ эту куртину сажали заключенныхъ съ цѣлью изолировать ихъ отъ содержащихся въ Трубецкомъ бастіонѣ. Такъ, туда сажали нѣкоторыхъ товарищей во время голодовокъ въ 1878 и 79 гг.; тамъ же повѣсился Гольденбергъ и тамъ же сидѣла А. В. Якимова съ груднымъ ребенкомъ.

[2]) О роли Окладскаго въ слѣдствіи по дѣлу 1 марта см. въ настоящей книгѣ, въ статьѣ: „Къ дѣлу 1 марта“. *Ред.*

После этого, уже на Кавказѣ, Окладскій (подъ фамиліей Александрова?) работалъ въ желѣзнодорожномъ депо, кажется, въ Тифлисѣ или Александрополѣ, и «старался быть полезнымъ» жандармамъ, какъ говорится въ «справкѣ». Нѣсколько его «крестниковъ» разновременно попадали въ сибирскую ссылку, въ концѣ 80 гг., послѣ знакомства съ «Александровымъ»... Къ концу 80 гг. въ сибирской ссылкѣ уже достовѣрно извѣстно было, что Окладскій живетъ на Кавказѣ, подъ фамиліей Александрова.

О дѣятельности Окладскаго въ 1889—90 гг. въ Петербургѣ имѣются нѣкоторыя указанія въ докладахъ директора деп. полиціи П. Н. Дурново м-ру внутр. дѣлъ. Доклады эти передавались послѣднимъ Александру III, и на каждомъ изъ нихъ имѣется знакъ разсмотрѣнія или даже царскія замѣчанія. Доклады представляютъ собою резюме «розыска» за извѣстное время, и въ нихъ излагаются планы и предположенія, какъ наилучше обставить дѣло о покушеніи и захватить преступниковъ съ поличнымъ... За эти годы главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ секретной агентурѣ является Ландезенъ-Гекельманъ, но фигурируетъ также и, такъ называемый, «нашъ техникъ», т. е. Окладскій.

Первый разъ онъ упоминается 11 февраля 1890 г. Очевидно въ это время «техникъ», уже выписанный ad hoc съ Кавказа, отрекомендованъ былъ кружку Истоминой Ландезеномъ, незадолго до этого побывавшимъ въ Петербургѣ.

Въ докладѣ значится:

«Что касается нашего «техника», то до сего времени къ нему никто не являлся, чѣмъ, несомнѣнно, доказывается чрезвычайная осторожность здѣшней компаніи».

14 марта 90 г. докладывается:

«Въ теченіи (sic) этого времени и нашъ «техникъ» начинаетъ выступать на сцену. 20 февраля, болѣе нежели чере ъ мѣсяцъ послѣ отъѣзда Ландезена, къ «технику» явился студентъ Бруггеръ, квартира котораго служила мѣстомъ свиданія Ландезена съ Фойницкимъ. Бруггеръ заявилъ, что одна дама очень интересуется съ нимъ познакомиться, бесѣдовалъ о рабочихъ и пригласилъ его придти 4 марта къ себѣ. Въ назначенный день «техникъ» посѣтилъ Бруггера, который снабдилъ его революціонными книжками и просилъ «техника» раздать эти книжки рабочимъ. Серіозныхъ разговоровъ не было, и Бруггеръ выразилъ намѣреніе посѣтить «техника» въ пятницу, 16 марта.—«Я, можетъ быть, приду не одинъ»,—прибавилъ онъ».

«Такъ какъ я могу видѣться съ «техникомъ»,—продолжаетъ П. Н. Дурново,—только у себя на квартирѣ, то мнѣ приходится избѣгать частыхъ свиданій, ибо квартира моя извѣстна очень многимъ, и «техникъ» легко можетъ попасться. Поэтому онъ весьма благоразумно, не имѣя ничего существеннаго, и воздерживался приходить ко мнѣ до самыхъ послѣднихъ дней».

«Въ заключеніе обязываюсь присовокупить,—говоритъ П. Н.

Дурново, — что аресты въ тѣхъ случаяхъ, когда свѣдѣнія исходятъ отъ лица, стоящаго въ ближайшихъ сношеніяхъ съ революціонерами, приходится, очевидно, откладывать до тѣхъ поръ, пока не попадется какая-нибудь прямая нить отъ извѣстныхъ уже фактовъ къ людямъ, задѣтымъ исключительно секретными указаніями».

Далѣе въ докладѣ слѣдуетъ наглядный примѣръ, какъ было въ аналогичномъ случаѣ недавно поступлено съ двумя студентами, которыхъ долго не трогали, поджидая постороннихъ указаній на нихъ.

Въ докладѣ 26 апрѣля 90 г. сказано:

«На прошлой недѣлѣ, въ пятницу, къ «технику» явилась какая-то молодая женщина, объявившая, что она пришла отъ Егора Егоровича Бруггера. Послѣ общихъ разговоровъ о положеніи революціоннаго дѣла, она заявила, что послѣдовательное совершеніе террористическихъ фактовъ представляется единственнымъ способомъ успѣшной борьбы съ правительствомъ. По ея словамъ, люди для этого есть и еще будутъ. Способы покушеній должны зависѣть отъ обстоятельствъ, но снаряды, наполненные панкластитомъ, представляются наиболѣе удобными. Никакихъ опредѣленныхъ указаній она «технику» не давала, видимо стараясь выяснить себѣ его убѣжденіе. Въ заключеніе она просила увѣдомить Бруггера, если «техникъ» перемѣнитъ квартиру.

«По предъявленіи «технику» фотографической карточки Истоминой, онъ призналъ въ ней вышеупомянутую женщину».

Въ докладѣ 10 мая 1890 г. сообщается: «Передъ отъѣздомъ (въ Пензу) Истомина писала «технику», прося его придти съ ней повидаться, но вслѣдствіе недоразумѣнія, свиданье не состоялось. «Техникъ» продолжаетъ поддерживать сношенія съ Бруггеромъ, который намѣренъ познакомить его съ другими лицами. Слѣдующее свиданіе назначено на воскресенье, 13 мая».

Слѣдуетъ отмѣтить, что, начиная съ 19 апрѣля, доклады подписываются уже министромъ внутр. дѣлъ Ив. Дурново и лично имъ докладываются царю.

Къ концу мая 90 г. всѣ лица, принадлежавшія къ кружку Истоминой и Фойницкаго были арестованы, и дальнѣйшихъ свѣдѣній о провокаторской дѣятельности И. Окладскаго въ докладахъ уже не встрѣчается.

Долголѣтнія важныя услуги Окладскаго-«Петровскаго» д-ту полиціи, о которыхъ зналъ самъ царь, несомнѣнно, заслуживали поощренія и награды.

Въ «дѣлѣ», къ сожалѣнію, отсутствуютъ всеподданнѣйшіе доклады министра внутреннихъ дѣлъ о дарованіи «Петровскому» званія личнаго почетнаго гражданина (11 сентября 1891 г.) и потомственнаго почетнаго гражданина (31 іюля 1903 г.). Сохранились лишь ихъ конверты. Самое «дѣло» начинается докладной запиской П. Н. Дурново министру вн. дѣлъ, въ которой министръ предупреждается имъ, что редакція посылаемаго на его подпись

рапорта въ сенатъ о высочайшемъ пожалованіи Петровскому личнаго поч. гражданства составлена по личному соглашенію П. Н. Дурново съ герольдмейстеромъ (Ник. Ив. Непорожневымъ).

Несмотря, однако, на это «соглашеніе», имѣвшее, конечно, въ виду избѣжать необходимость представлять документы, удостовѣряющіе личность «Петровскаго», съ выдачей послѣднему грамоты на званіе личнаго почетнаго гражданина вышла все же заминка.

Въ указѣ сената (23 октября 1891 г.) было сказано, «что если бы (Петровскій) пожелалъ получить свидѣтельство на личное почетное гражданство, то онъ обязанъ представить въ сенатъ... (гербовыя пошлины).. и метрическое свидѣтельство, которымъ-бы удостовѣрялась его личность»...

Выдавая весьма часто своимъ секретнымъ сотрудникамъ и агентамъ подложные паспорты, д-тъ полиціи не рѣшался заняться подлогами и такихъ документовъ, какъ метрическія свидѣтельства.

Необходимо было обойти это препятствіе, и къ герольдмейстеру Непорожневу командируется дѣлопроизводитель д-та полиціи Семякинъ. Въ результатѣ, «согласно преподаннымъ Н. И. Непорожневымъ указаніямъ», «Петровскій» подалъ прошеніе о выдачѣ ему свидѣтельства на пожалованное званіе не въ сенатъ, а въ д-тъ полиціи, который и препроводилъ его прошеніе г. герольдмейстеру при своемъ отношеніи (за № 4626), съ представленіемъ всѣхъ пошлинъ и гербоваго сбора и съ просьбой «препроводить свидѣтельство въ д-тъ полиціи для выдачи просителю».

При этомъ д-тъ удостовѣрялъ, что И. А. Петровскій есть именно то лицо, въ отношеніе котораго послѣдовало высочайшее повелѣніе 11 октября 1891 г.

Этимъ избѣгнутъ былъ непріятный вопросъ о метрическомъ свидѣтельствѣ «Петровскаго».

Послѣ этого свидѣтельство «Петровскому» герольдмейстеръ препроводилъ въ д-тъ полиціи, и оно было передано тамъ П. Н. Дурново, о чемъ и сдѣлана на препроводительной бумагѣ надпись. Послѣдній, какъ мы видѣли, велъ личныя сношенія съ «Петровскимъ» и, очевидно, лично передалъ ему это свидѣтельство.

Прошло послѣ этого одиннадцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ Петровскій командировался съ розыскными цѣлями въ разныя мѣста Россіи, и вотъ онъ снова подаетъ докладную записку своему непосредственному начальнику, завѣдующему секретными сотрудниками, его превосходительству Леониду Александровичу Ратаеву; въ этой запискѣ «Петровскій» проситъ Ратаева ходатайствовать передъ г. директоромъ д-та полиціи о предоставленіи ему званія потомственнаго почетнаго гражданина. На удовлетвореніе просьбы послѣдовало согласіе сначала директора департамента полиціи, затѣмъ министра внутреннихъ дѣлъ и, наконецъ, бывшаго царя (31 іюля 1903 года).

28 августа состоялся указъ сената, въ которомъ о метрическомъ свидѣтельствѣ «Петровскаго» уже не упоминалось, а требовалось лишь удостовѣреніе личности его, «выданное начальствомъ

настоящаго или бывшаго мѣста служенія его, или мѣстной полиціей».

Такое удостовѣреніе и выдано было 7-го сентября «Петровкому» д-мъ полиціи, гдѣ онъ глухо обозначенъ былъ «служащимъ въ д-тѣ полиціи». Удостовѣреніе вручено на этотъ разъ было самому Петровскому, который лично и получилъ изъ д-та герольдіи грамоту на потомственное почетное гражданство.

Характерна еще слѣдующая подробность: уже вручивъ Петровскому удостовѣреніе о личности, сенаторъ Дурново, завѣдывавшій въ то время д-мъ полиціи, сообщилъ 11 сентября градоначальнику объ объявленіи Петровскому о высочайшей милости (Петровскій жилъ тогда по Таракановскому пер., въ д. № 6) и о порядкѣ полученія имъ грамоты, удостовѣренія о личности и проч.,—однимъ словомъ всего того, что уже было исполнено самимъ д-мъ полиціи.

На этомъ «дѣло объ И. А. Петровскомъ» и заканчивается.

Черезъ нѣсколько лѣтъ ему начали выдавать пенсію, достигшую въ послѣдніе годы 150 р. въ мѣсяцъ.

Послѣдній разъ Петровскій получилъ ее изъ д-та полиціи передъ самой февральской революціей... Итого 37 лѣтъ секретнаго сотрудничества!

Н. Тютчевъ.

Показанія первомартовцевъ.

Изъ актовъ предварительнаго слѣдствія.

«Дѣло о совершенномъ 1 марта 1881 года злодѣяніи, жертвою коего палъ въ Бозѣ почившій государь императоръ Александръ Николаевичъ», разбиралось 26—29 марта 1881 года въ засѣданіи особаго присутствія правительствующаго сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ. На скамьѣ подсудимыхъ находились Н. И. Рысаковъ, Т. М. Михайловъ, Геся Гельфманъ, Н. И. Кибальчичъ, С. Л. Перовская, А. И. Желябовъ. Процессъ округлялся постепенно. Первая мысль была судить военнымъ судомъ одного Рысакова; но сразу же къ Рысакову былъ присоединенъ Желябовъ, потребовавшій суда надъ собой именно по дѣлу 1 марта. 3 марта къ дѣлу были пріобщены Геся Гельфманъ и Тимоѳей Михайловъ. Къ 10 марта былъ готовъ обвинительный актъ, но арестъ С. Л. Перовской 10 марта вновь отдалилъ моментъ и вызвалъ составленіе новаго обвинительнаго акта. Когда 17 марта былъ арестованъ Н. И. Кибальчичъ, о немъ былъ составленъ дополнительный обвинительный актъ.

Процессъ по дѣлу 1 марта проходилъ при открытыхъ дверяхъ. Обвинительный актъ и стенографическіе отчеты о засѣданіяхъ были печатаемы въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» и газетахъ, еженедѣльныхъ и ежемѣсячныхъ изданіяхъ. Въ послѣднихъ отчетъ о засѣданіяхъ прилагался цѣликомъ. Одно изъ наиболѣе полныхъ и исправныхъ изданій процесса было приложено, между прочимъ, къ «Историческому Вѣстнику» (140 страницъ въ два столбца). Отчетомъ о засѣданіи исчерпывалось все, что русское общество знало о процессѣ. Акты дознанія и предварительнаго слѣдствія оставались, конечно, неизвѣстными обществу. Все производство по дѣлу 1 марта, прошедши черезъ сенатъ, было заключено въ обложки, пронумеровано, прошнуровано и сдано на долгіе годы въ архивъ. Только революція 1917 года, раскрывшая передъ нами двери секретнѣйшихъ архивовъ, дала доступъ и къ дѣлу 1 марта, сохранившемуся въ сенатскомъ архивѣ.

Дѣло 1 марта, находящееся въ сенатскомъ архивѣ, заключается: 1) въ производствѣ особаго присутствія правительствующаго сената—3 тома, 2) въ дознаніи о покушеніи 1 марта—1 томъ, 3) въ двухъ дѣлахъ судебнаго слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ—томы производства II и III, 4) въ дѣлѣ судебнаго слѣдователя III участка г. С.-Петербурга—т. IV, 5) въ дознаніи о

подкопѣ на М. Садовой улицѣ—т. V, 6) въ дознаніи по обвиненію Перовской—т. VI, 7) въ дознаніи о Н. И. Кибальчичѣ—т. VII, 8) въ дознаніи о разслѣдованіи о состояніи здоровья Рысакова, и 9) въ приложеніяхъ (дополнительная переписка) къ т. I дознанія.

Первостепенную историческую цѣнность во всемъ сенатскомъ производствѣ представляютъ подлинныя показанія привлеченныхъ къ дѣлу 1 марта. Правда, фактически содержаніе извлечено изъ нихъ и взято въ обвинительный актъ, но и съ этой стороны показанія даютъ не мало любопытнѣйшихъ дополненій и подробностей. Главная же ихъ цѣнность—въ попыткахъ освѣтить случившееся, уяснить смыслъ его и открыть не на страницахъ подпольной печати, а гласно открыть передъ судомъ мотивы содѣяннаго. Составитель обвинительнаго акта оставилъ въ сторонѣ эту часть показаній и сознательно не воспользовался ею, такъ какъ въ его разсчеты не входило выясненіе идейной стороны терроризма. Поэтому-то обращеніе къ подлиннымъ показаніямъ, даннымъ во время предварительнаго слѣдствія, представляется дѣломъ значительнаго историческаго интереса.

Размѣры журнала не позволяютъ намъ, конечно, воспроизвести сохранившееся въ сенатѣ производство по дѣлу 1 марта въ полномъ видѣ, и мы вынуждены ограничиться воспроизведеніемъ самой интересной и важной части производства—показаній привлеченныхъ къ дѣлу. Мы приводимъ всѣ, находящіяся въ сенатскомъ дѣлѣ, показанія Н. И. Рысакова, Желябова, Перовской, Кибальчича, Тимоѳея Михайлова и Геси Гельфманъ.

Показанія Рысакова занимаютъ исключительное положеніе, значительно превосходя по объему (чуть не въ четыре раза) взятыя въ совокупности показанія остальныхъ подсудимыхъ. Рысаковъ со второго же допроса сталъ давать откровенныя показанія. А затѣмъ его стали подвергать допросамъ почти ежедневно. Его допрашивали во время предварительнаго слѣдствія; его продолжали допрашивать по окончаніи слѣдствія по дѣлу 1 марта, по врученіи обвинительнаго акта; его допрашивали во время суда, послѣ суда, послѣ произнесенія приговора въ окончательной формѣ; послѣдній допросъ съ него снимали чуть не за пять минутъ до отправленія на мѣсто казни. Допрашивалъ его товарищъ прокурора судебной палаты А. Ф. Добржинскій, незадолго до этого переведенный въ Петербургъ изъ Одессы, гдѣ онъ вошелъ въ славу, какъ искусный вымогатель оговоровъ и признаній. Особенно знаменитъ онъ сталъ, послѣ того какъ ему удалось обработать Гольденберга. Эта обработка создала ему карьеру, и одновременно съ переводомъ Гольденберга изъ Одессы въ Петербургъ, въ Петропавловскую крѣпость, Добржинскій былъ тоже переведенъ въ Петербургъ, какъ единственный человѣкъ, который пользовался довѣренностью Гольденберга. Вотъ этотъ испытанный уловитель душъ и былъ приставленъ къ 19-лѣтнему Рысакову. Добржинскій разработалъ Рысакова до тла, опустошивъ его память и его душу. Когда увозили Рысакова на эшафотъ,

власть могла съ чистой совѣстью сказать себѣ: «Рысаковъ сказалъ все, что онъ зналъ, сказалъ больше того, что онъ зналъ». Для слѣдственной власти онъ былъ отнынѣ безполезенъ. Слѣдователя интересовала только фактическая сторона показаній Рысакова, интересовали только оговоры; психологическая мотивировка, изъясненія души, теоретическія обоснованія были не нужны слѣдователю, но для полученія фактическихъ данныхъ слѣдователь занимался и этой стороной дѣла; онъ дѣлалъ видъ, что онъ интересуется дѣломъ не въ силу требованій законной кары, а тоже по соображеніямъ моральнымъ, соціальнымъ и политическимъ. Слѣдователю нужно было одно: собрать улики для отправленія на каторгу, на эшафотъ, а онъ внушалъ допрашиваемому, что отъ той или иной системы отвѣтовъ зависитъ перемѣна внутренней политики, проводилъ часы въ бесѣдахъ на темы метафизическія.

Въ показаніяхъ Рысакова—два слоя: надъ слоемъ оговора идетъ надстройка теоретическая. Торопясь, путаясь, возвращаясь по нѣскольку разъ къ одной и той же темѣ, Рысаковъ стремится уяснить слѣдователю, себѣ самому, тѣмъ, кто будетъ читать, почему онъ, оговаривающій, занимался революціонной дѣятельностью. Эта надстройка надъ фактическимъ остовомъ показаній представляетъ выдающійся интересъ—и притомъ особаго рода, не столько историческій, сколько психологическій. Ради психологическаго интереса къ показаніямъ Рысакова, хранящимся въ дѣлѣ 1 марта, присоединяемъ любопытнѣйшія показанія, извлеченныя нами изъ актовъ процесса 20.

Не многословны показанія Желябова; выразительныя въ своей краткости и яркости, они прекрасно рисуютъ его образъ, его настроеніе во время суда. Содержательны фактически и характерны для личности автора показанія С. Л. Перовской и Н. И. Кибальчича. Самыя краткія и скудныя показанія даны Гесей Гельфманъ. Незначительны показанія Тимоѳея Михайлова.

Съ внѣшней стороны показанія представляютъ протоколы допросовъ. При воспроизведеніи мы опускаемъ трафаретное начало протоколовъ слѣдующаго содержанія: «такого-то года, мѣсяца, дня, я, отдѣльнаго корпуса жандармовъ такой-то, на основаніи закона 19 мая 1871 года, въ присутствіи товарища прокурора такого-то разспрашивалъ нижепоименованнаго, который показалъ. Зовутъ меня такъ-то». Дальше слѣдуетъ показаніе, которое допрашиваемый писалъ собственноручно и которое скрѣплено подписью его и производившихъ допросъ. Наибольшее количество допросовъ по дѣлу 1 марта произведено отд. корп. жанд. подполковникомъ Никольскимъ и товарищемъ прокурора с.-петербургской судебной палаты А. Ф. Добржинскимъ. При нѣкоторыхъ допросахъ присутствовалъ В. К. Плеве, бывшій прокуроромъ палаты, и Н. В. Муравьевъ. Всѣ случаи отступленія отъ трафаретной формы—не собственноручная запись показаній, присутствіе на допросѣ всѣхъ иныхъ чиновъ, кромѣ подполковника Никольскаго

и тов. прок. Добржинскаго—оговариваются нами въ примѣчаніяхъ. Кромѣ допросовъ на основаніи закона 19 мая 1871 года привлеченнымъ къ дѣлу были вчинены допросы въ общемъ порядкѣ судебнымъ слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ при с.-петербургскомъ окружномъ судѣ И. Ф. Книримомъ. Нѣкоторые изъ привлеченныхъ обращались къ властямъ съ заявленіями и прошеніями, которыя также воспроизводятся нами. Особенно любопытны заявленія Желябова. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ показанія дополнены и иными документами, извлеченными изъ дѣла. Показанія расположены нами по лицамъ, въ хронологическомъ порядкѣ. Показанія Рысакова поставлены впереди не только потому, что ими открывается слѣдственное производство, но и потому, что они давали исходную точку для показаній остальныхъ привлеченныхъ къ дѣлу.

I.

Показанія Н. И. Рысакова [1]).

I. Протоколъ № 10. 1881 года, марта, 1 дня, я отдѣльнаго корпуса жандармовъ подполковникъ Никольскій на основаніи закона 19-го мая 1871 года, въ присутствіи товарища прокурора спб. суд. палаты А. Ф. Добржинскаго разспрашивалъ нижепоименованнаго, который показалъ:

Зовутъ меня Николай Ивановъ Рысаковъ. Отъ роду имѣю 19 л., вѣроисповѣданія православнаго. Происхожденіе и народность изъ мѣщанъ г. Тихвина, новгородской губерніи; русскій. Званіе жилъ по паспорту вятскаго мѣщанина Макара Егорова Глазова. Мѣсто рожденія и мѣсто постояннаго жительства родился въ бѣлозерскомъ уѣздѣ, новгородской губерніи, арбозерской волости, на лѣсопильномъ заводѣ Курдюкъ; съ января сего года живу въ Петербургѣ и последнюю квартиру имѣлъ на углу 9 ул. Песковъ и Мытнинской д. № не помню, кв. 17. Занятій никакихъ. Средства къ жизни жилъ въ послѣднее время на средства рабочей организаціи. Семейное положеніе холостъ, имѣю брата Федора и трехъ сестеръ Александру, Любовь и Екатерину; всѣ они живутъ на заводѣ Громова, въ олонецкой губерніи. Экономическое положеніе родителей отецъ Иванъ Сергѣевъ и мать Матрена Николаева живутъ на лѣсопильномъ заводѣ Громова въ олонецкой губ., вытегорскаго уѣзда, гдѣ отецъ мой служитъ управляющимъ заводомъ. Живетъ на получаемое жалованье. Мѣсто воспитанія и на чей счетъ воспитывался прежде въ вытегорскомъ уѣздномъ училищѣ, а затѣмъ въ череповецкомъ реальномъ училищѣ, на собственныя средства, а съ сентября 1879 года былъ въ горномъ институтѣ по декабрь 1880 года. Причина неокончанія курса, въ случаѣ выхода изъ заведенія, съ указаніемъ самого заведенія окончилъ курсъ въ череповецкомъ реальномъ училищѣ по механико-техническому отдѣленію въ 1878 году. Былъ-ли заграницей, гдѣ и когда именно не былъ. Привлекался ли ранѣе къ дознаніямъ, какимъ и чѣмъ они окончены не привлекался. На предложенные мнѣ вопросы отвѣчаю:

Къ революціонной партіи я примкнулъ въ началѣ января 1881 г., т. е. началъ дѣйствовать среди рабочихъ на разныхъ петербургскихъ фабрикахъ при

---

[1]) Протоколъ перваго допроса воспроизводится полностью. Разрядкой набраны напечатанныя на протокольномъ бланкѣ строки рубрикъ. Пробѣлы заполнены подполковникомъ Никольскимъ самое показаніе (со словъ: „на предложенные мнѣ вопросы отвѣчаю") написано собственноручно Рысаковымъ.

поддержкѣ партіи, а до того съ сентября 1879 г. пропагандой не занимался,—сталкивался съ рабочими, обучая ихъ грамотѣ. Сочувствовалъ же я русскому революціонному движенію въ духѣ программы «Народной Воли» еще до поступленія моего въ горный институтъ. Агитируя между рабочими, я побуждалъ ихъ къ открытому возстанію съ цѣлью политическаго и экономическаго переворота. Примкнувши къ партіи, я сдѣлался нелегальнымъ и сталъ жить по паспорту на имя Макара Егорова Глазова, который получилъ, пока не помню, отъ кого и при какихъ обстоятельствахъ. Обстоятельства же, заставившія меня сдѣлаться нелегальнымъ, слѣдующія: я замѣтилъ слѣженіе полиціи за мной по поводу обыска, бывшаго у меня, почему я предполагалъ, что меня могутъ выслать; обыскъ же былъ произведенъ у моего квартирнаго хозяина, съ которымъ я не имѣлъ никакихъ столкновеній и фамиліи котораго не помню. Это было по Среднему проспекту, на Васильевскомъ островѣ, нумера дома и квартиры не помню. Будучи уже нелегальнымъ, я познакомился съ человѣкомъ, котораго мнѣ назвали Захаромъ. Мы имѣли продолжительный разговоръ о рабочемъ дѣлѣ, который окончился тѣмъ, что для успѣшнаго рабочаго движенія необходима, по крайней мѣрѣ, охрана его отъ шпіоновъ, т. е. кромѣ агитаціи нужно посредствомъ террористическихъ дѣйствій защищать наше дѣло отъ покушеній его разстроить. Я былъ, какъ и въ то время, такъ и теперь, вполнѣ согласенъ съ этой мыслью, такъ-какъ терроризмъ признаю за одно изъ средствъ, способствующихъ дѣлу—открытому возстанію. Въ то же время, т. е. свиданіе, у насъ зашелъ разговоръ о покушеніи на жизнь государя императора. Я высказалъ свои мысли, стараясь доказать, что открытое возстаніе невозможно по иниціативѣ самого народа, что онъ настолько обезсиленъ и разъединенъ, что не встанетъ вслѣдствіе неудовольства существующимъ порядкомъ до тѣхъ поръ, пока не явится смѣлый и рѣшительный предводитель, какими въ прошлое время были самозванцы. Этотъ предводитель есть соціально-революціонная партія «Народная Воля». Когда же онъ сказалъ, что не откажусь-ли я отъ какихъ-либо террористическихъ дѣйствій, то я отвѣтилъ, что «нѣтъ». Онъ прибавилъ, что на крупныя террористическія дѣйствія нужно, кромѣ желанія, еще нѣкоторое революціонное прошлое. Въ ту минуту я таковаго не имѣлъ, а потому не могъ разсчитывать, чтобы партія предложила мнѣ что-либо. Я не считалъ свое прошлое, полное только отчасти агитаціей, за такое, которое служило бы достаточной гарантіей за мою революціонную надежность. Поэтому я и не рѣшался спрашивать про задуманное партіей, считая это нескромнымъ, да при томъ и не думалъ, чтобы партія довѣрилась мнѣ настолько, чтобы могла безбоязненно открывать свои планы. Поэтому я спокойно, попрежнему, занимался организаціей рабочихъ кружковъ.

Дѣло по организаціи велось довольно успѣшно, что, кажется, и было причиной новаго свиданія съ Захаромъ. Такихъ свиданій было нѣсколько, однако не больше четырехъ. Въ одно изъ послѣднихъ свиданій онъ упомянулъ о частныхъ арестахъ и сказалъ, что нужно торопиться. Кажется, въ это же свиданіе зашелъ разговоръ уже рѣшительный о покушеніи на жизнь государя. Я свое согласіе далъ. О способахъ къ покушенію, о планѣ разговоровъ не было опредѣленныхъ; приблизительно я узналъ, что покушеніе произведется посредствомъ взрыва, но какъ?—я себѣ не могъ представить. Дня за три или за два до факта покушенія я видѣлся съ нимъ и онъ мнѣ въ общихъ чертахъ указалъ, что должно произойти, такъ что мнѣ нужно было

знать только мѣсто дѣйствія, чтобы играть роль въ покушеніи. Захаръ имѣетъ средній ростъ, плотное тѣлосложеніе, французскую русую бородку, русые волосы и больше ничего не припомню, носитъ теплое пальто и фуражку. Въ послѣднее время я познакомился чрезъ моего товарища по дѣлу, прозвище его Инвалидъ, съ человѣкомъ высокаго роста, названнаго мнѣ Михаиломъ, при чемъ было прибавлено: «впрочемъ, это все равно». Его отрекомендовали мнѣ, сакъ товарища по дѣлу. Онъ былъ въ пальто, бороды и усовъ не было; очковъ не носилъ. Мнѣ хотѣлось хорошенько столковаться по такому важному дѣлу, но говорили, что нѣтъ на это времени. Поэтому пришлось ограничиться указаніемъ мѣста, гдѣ долженъ былъ проѣхать государь. Это правая набережная Екатерининскаго канала. Мнѣ тутъ же, или какъ нибудь иначе, хорошенько опять-таки не помню, сказали, чтобы въ воскресеніе, т. е. сегодня, 1-го марта, утромъ къ 9—10 ч. я прохаживался по Невскому проспекту отъ угла Новой улицы до вокзала для полученія снаряда, а въ 12 ч. встрѣтился бы съ Михаиломъ, назначена была кондитерская Андреева. Снарядъ я получилъ отъ незнакомой мнѣ брюнетки въ темномъ пальто и черномъ платкѣ, которой меня, навѣрное, указали, такъ-какъ я встрѣтилъ человѣкъ 3—4, съ которыми встрѣчался раньше по рабочему дѣлу. Съ Михаиломъ, вслѣдствіе ожиданія, я ни о чемъ почти не сговаривался, только онъ подтвердилъ мнѣ, что извѣстіе о проѣздѣ по Екатерининскому каналу вѣрно. Я ушелъ и началъ прохаживаться въ ожиданіи проѣзда около условнаго мѣста, вовсе не ожидая поддержки. Встрѣтившись съ государемъ я, послѣ минутнаго колебанія, бросилъ снарядъ, не зная вовсе его дѣйствія, но промахнулся и былъ отброшенъ къ рѣшеткѣ. Когда я былъ поднятъ взявшими меня 3 солдатами и 1 полицейскимъ, то увидѣлъ, что государь подошелъ и что-то сказалъ, затѣмъ отошелъ къ каретѣ; я послѣ этого отдалъ свой револьверъ и ножикъ набросившемуся на меня военному.

Съ Захаромъ о принятіи мною участія въ покушеніи на жизнь государя императора я заговорилъ въ первый разъ недѣли 2—3 тому назадъ, а съ Михаиломъ уже опредѣленно по этому поводу я говорилъ только сегодня въ 12 часовъ дня, когда уже у меня былъ снарядъ. О томъ, что я долженъ сегодня быть на Невскомъ для встрѣчи съ женщиной, мнѣ сказали или Захаръ, или инвалидъ, или блондинка, но кто именно изъ нихъ—хорошо не помню. Встрѣтился я съ этой женщиной сегодня въ 9½ ч. утра и тутъ она мнѣ передала снарядъ, сказавъ при этомъ, чтобы я съ нимъ обращался осторожнѣе и не выронилъ. Больше ничего я съ ней не говорилъ. Подойдя же ко мнѣ, она назвала меня Бѣломоромъ, т. е. такъ, какъ меня прозывали въ революціонномъ кружкѣ. Откуда Михаилъ зналъ, что государь будетъ проѣзжать по Екатерининскому каналу, я не знаю, но мнѣ онъ сказалъ опредѣленно отправиться на Екатерининскій каналъ для дѣйствія. Сегодня мнѣ Михаилъ ничего не говорилъ, что будетъ дѣйствовать, но у него былъ такой же снарядъ, какъ и у меня, такъ какъ я видѣлъ у него этотъ снарядъ въ рукахъ, когда мы были въ кондитерской Андреева, изъ чего, а также изъ того, что и раньше мнѣ называли его товарищемъ по предпріятію, я заключаю, что и онъ могъ дѣйствовать. Когда я шелъ по Екатерининскому каналу, то мнѣ кажется, что впереди себя на далекомъ разстояніи я видѣлъ Михаила. Брошенный мною снарядъ разорвало и произошелъ выстрѣлъ, а послѣ того, какъ уже меня задержали, раздался другой выстрѣлъ. Данный мнѣ женщиной за-

рядъ былъ завернутъ въ бѣлый носовой платокъ и въ такомъ видѣ я его носилъ до момента покушенія подъ лѣвой рукой поверхъ платья, съ платкомъ же и бросилъ. Бросая зарядъ, я стоялъ на панели аршина на 4 отъ экипажа государя императора. Направляя его подъ лошадей въ томъ предположеніи, что его разорветъ подъ самой каретой и что лошади могутъ растоптать снарядъ.

II. 2 марта [1]). Захаръ, о которомъ я говорилъ въ моемъ вчерашнемъ показаніи, есть именно то самое лицо, которое мнѣ вчера было предъявлено и котораго вы называете Андреемъ Желябовымъ. Настоящей его фамиліи я до вчерашняго дня не зналъ, а извѣстенъ онъ мнѣ былъ подъ именемъ Захара, какъ онъ назывался въ средѣ рабочихъ, которымъ читалъ лекціи, о чемъ я знаю отъ нѣкоторыхъ рабочихъ. Кромѣ того въ средѣ интеллигентныхъ революціонеровъ его иногда называли «бородачъ» и «папаша». Съ Захаромъ я познакомился въ началѣ этого учебнаго года у студента Урсыновича съ цѣлью вступить въ рабочую организацію, такъ какъ агитировать въ одиночку почти безполезно. Разговоръ на квартирѣ упомянутаго студента не касался прямой цѣли ни моего, ни его прихода, а выйдя на улицу, уже толковали о нашей цѣли. При содѣйствіи революціонной организаціи я получилъ возможность дѣйствовать болѣе широко, болѣе осмысленно и даже болѣе плодотворно, чѣмъ прежде. Мой успѣхъ, быть можетъ, служилъ причиной того, что въ январѣ мѣсяцѣ текущаго года я былъ приглашенъ неизвѣстнымъ мнѣ человѣкомъ членомъ въ рабочую организацію. Свиданіе состоялось на квартирѣ у легальныхъ лицъ, какъ мнѣ говорили, по 7-й ротѣ измайловскаго полка, хозяевъ квартиры я не видалъ, нумера дома и квартиры не помню, такъ какъ былъ проведенъ туда Андреемъ Желябовымъ, который, представивъ меня, ушелъ. Я остался одинъ на одинъ съ незнакомымъ человѣкомъ, который далъ мнѣ свѣдѣнія о цѣли, составѣ и средствахъ рабочей организаціи. О средствахъ онъ говорилъ потому, что я былъ тогда нелегальный и, какъ агитаторъ, могъ разсчитывать на матеріальную поддержку партіи. Какъ фамилія хозяина этой квартиры, я не знаю.

Со времени приглашенія меня членомъ организаціи, я бывалъ на ея собраніяхъ, которыя были разъ или два въ трактирѣ, а два или три раза у меня, что можетъ подтвердить моя хозяйка. Во время собраній шелъ разговоръ о чисто спеціальныхъ, агитаціонныхъ вопросахъ и иногда о террористическихъ дѣйствіяхъ, какъ способствующихъ оживленію рабочаго движенія и охраняющихъ его.

Личности не намѣчались, но вообще вредными были признаны для рабочей организаціи шпіоны безъ указанія на особенно назойливыхъ, потому-что такихъ въ виду не имѣлось. Иногда съ собраній съ Захаромъ мы уходили вмѣстѣ и тогда велся разговоръ о покушеніи на жизнь государя императора, но такъ общо, что ничего опредѣленнаго о способахъ и мѣстѣ дѣйствія вынести изъ него было нельзя. Онъ говорилъ, что всѣ средства уже испробованы,—остается путь открытаго нападенія. Я съ этой мыслью былъ вполнѣ согласенъ, и она нравилась мнѣ больше, чѣмъ всѣ прежніе способы, и я даже почему-то вообразилъ, что покушеніе будетъ съ обыкновеннымъ оружіемъ въ рукахъ. Эти разговоры, хотя и не новые (ихъ пропагандировала и до этого

[1]) Трафаретное начало протоколовъ въ дальнѣйшемъ воспроизведеніи опускается. Черненькимъ шрифтомъ обозначена дата допроса и протокола. *Ред.*

«Народная Воля»), велись недѣли за двѣ, за три до покушенія, не указывалось и на время. А такъ какъ положеніе дѣлъ было достаточно спокойно, то по спокойнымъ же разсужденіямъ я заключалъ о фактѣ, какъ отдаленномъ. Только за послѣднее время, за недѣлю или полторы до совершенія покушенія 1-го марта 1881 года, я замѣтилъ въ дѣйствіяхъ своихъ товарищей нѣкоторую лихорадочность, что объяснялось тѣмъ, что начались частые и усиленные аресты. «Нужно спѣшить»—сказалъ Захаръ мнѣ на одномъ изъ свиданій и получивъ мое согласіе на участіе въ покушеніи, онъ началъ говорить о способахъ совершенія покушенія. Я узналъ, что дѣйствіе будетъ произведено посредствомъ взрыва, посредствомъ какого-нибудь метательнаго снаряда. На предыдущей недѣлѣ, т. е. до 1-го марта мы встрѣчались раза два по трактирамъ, при чемъ я получилъ отъ него взятый у меня ножъ, узналъ о мѣстѣ дѣйствія. Захаръ мнѣ сказалъ, что у меня будетъ товарищъ по дѣлу, съ которымъ меня познакомитъ въ скоромъ времени и съ которымъ мы должны будемъ дѣйствовать въ воскресенье на Екатерининскомъ каналѣ, а до этого онъ свелъ меня на конспиративную квартиру, объяснивъ, что въ ней можно укрыться послѣ факта. Думая, что онъ не желаетъ дать мнѣ знать адресъ квартиры, на тотъ случай если я буду арестованъ, я его не спросилъ объ адресѣ, а поэтому его не могу сказать. Намъ отворилъ дверь мужчина, одѣтый въ пальто, и указалъ на одну изъ комнатъ, какъ не занятую. Утромъ въ какой-то изъ среднихъ дней недѣли, въ четвергъ или пятницу, онъ познакомилъ меня съ товарищемъ по дѣлу въ трактирѣ, котораго назвалъ Михаиломъ, прибавивъ при этомъ, что «это впрочемъ все равно». Разговоръ во время свиданія велся о предстоящемъ фактѣ, опять было упомянуто о времени и мѣстѣ дѣйствія и даже о способахъ, но дѣйствительно въ очень общихъ чертахъ. Какъ я замѣтилъ, Захаръ вовсе не былъ научнымъ образомъ знакомъ съ метательнымъ снарядомъ, только приблизительно зналъ его дѣйствіе, почему мы не могли точно сообразить, какъ долженъ быть направленъ ударъ, и порѣшили кидать подъ переднія ноги лошадямъ, потому что экипажъ можетъ накатиться на самый снарядъ, а стало быть ударъ будетъ самый вѣрный. При чемъ, не надѣясь на его силу, мы думали, что первый снарядъ вѣрнѣе всего убьетъ лошадей, такъ какъ они его растопчутъ. Тутъ же были назначены свиданія на слѣдующіе дни, именно на воскресенье и понедѣльникъ. Въ воскресенье въ 9 ч. утра, или въ 9$^{1}/_{2}$, что было еще, я долженъ былъ отправиться за снарядомъ на конспиративную квартиру, а въ 12 ч. дня въ кондитерскую Андреева на свиданіе съ Михаиломъ. Захаръ совѣтовалъ намъ безъ особенной нужды на квартиру не ходить, такъ какъ она можетъ пригодиться, а частыя посѣщенія могутъ навлечь подозрѣніе. Этимъ объясняется и то, что я былъ на квартирѣ всего 2 раза. Въ воскресенье утромъ я, прійдя, получилъ снарядъ, завернутый въ бѣлый платокъ. Онъ лежалъ на диванѣ, и присутствовавшія лица, ихъ было человѣка 3, кромѣ меня, обращались съ нимъ очень осторожно. Только одинъ изъ нихъ, ушедшій сейчасъ же послѣ моего прихода, обращался съ нимъ, какъ съ знакомымъ ему. На мой вопросъ о способѣ приготовленія такихъ снарядовъ, оставшіеся люди отозвались незнаніемъ, впрочемъ указали мнѣ на то, что съ нимъ нужно обращаться осторожно и держать крышкой кверху, чтобы чего-то не испортить. Оттуда я ушелъ въ кондитерскую, встрѣтивъ по дорогѣ ту брюнетку, о которой говорилъ въ первомъ показаніи, но такъ какъ она мнѣ незнакома, то я ей не кланялся.

При встрѣчѣ съ Михаиломъ я узналъ, что государь навѣрное будетъ въ манежѣ, а стало-быть будетъ проѣзжать по Екатерининскому каналу.

Вслѣдствіе понятной ажитаціи мы больше ни о чемъ не толковали. Я, не долго еще посидѣвъ, ушелъ. ихаилъ, какъ я уже говорилъ, имѣлъ тоже что-то въ рукахъ, не помню во что завернутое, а такъ какъ вещь въ его рукахъ по формѣ вполнѣ походила на мой снарядъ, то я и заключилъ, что такой же снарядъ онъ получилъ раньше или позже меня—я его ожидалъ въ кондитерской минутъ около 20-ти. Въ конспиративной квартирѣ другихъ снарядовъ не видалъ, именно въ той комнатѣ, въ которую я зашелъ. Выйдя изъ кондитерской, я походилъ по улицамъ, стараясь быть къ 2-мъ часамъ на каналѣ, какъ сказалъ еще прежде Захаръ въ свиданіе мое съ нимъ и Михаиломъ. Около двухъ часовъ я былъ на углу Невскаго и канала, а до этого времени ходилъ или по Невскому, или по смежнымъ улицамъ, чтобы по напрасну не обращать на себя вниманіе полиціи, находящейся по каналу. По каналу я ходилъ около получаса, замедляя шагъ; идя по направленію отъ Конюшеннаго моста къ Невскому по панели канала, я встрѣтилъ государя между мостомъ и той улицей, изъ которой онъ выѣхалъ; поровнявшись съ нимъ я бросилъ свой снарядъ, отъ взрыва котораго былъ отброшенъ къ рѣшеткѣ и задержанъ тамъ 3-мя солдатами и однимъ полицейскимъ. Мой взрывъ, повидимому, не причинилъ вреда, потому что государь подошелъ ко мнѣ и что-то сказалъ, погрозивши. Затѣмъ я отдалъ свой револьверъ и полученный мною ножъ военному и услышалъ новый взрывъ. Ходя по каналу, я не замѣтилъ никого изъ своихъ товарищей, хотя публики совсѣмъ не было, только предъ взрывомъ незадолго я видѣлъ вдали человѣка, похожаго по росту и тѣлосложенію на Михаила, чего впрочемъ завѣрять не могу, такъ какъ идущій былъ на довольно значительномъ разстояніи, да притомъ мое вниманіе было обращено на показывающіеся экипажи и на публику, могущую быть на каналѣ, почему, напримѣръ, я не замѣтилъ и солдатъ, взявшихъ меня, видѣлъ только полицейскаго и еще въ нѣкоторомъ разстояніи мальчика, везущаго что-то, тюфякъ кажется, на который я, побѣжавъ, и наткнулся. Про существованіе техническаго комитета мнѣ ничего неизвѣстно, хотя одно изъ лицъ, встрѣтившихся со мною на конспиративной квартирѣ, по моему мнѣнію, знаетъ техническую сторону дѣла. Это именно тотъ человѣкъ съ французской бородкой, который мнѣ объяснилъ на конспиративной квартирѣ въ мое посѣщеніе въ присутствіи 2—3 лицъ устройство снаряда, при чемъ не касался химическаго состава тѣлъ, въ него входящихъ. Онъ принесъ съ собой 3—4 стеклянныхъ пустыхъ трубки, хлопчато-бумажныя нитки, загорающіяся отъ дѣйствія сѣрной кислоты, и еще какія-то взрывчатыя соединенія. Устройство предполагаемаго снаряда онъ предлагалъ на наше разсмотрѣніе, и поэтому не настаивалъ, чтобы имъ проэктируемые были приняты и пущены въ дѣло. При мнѣ онъ объяснилъ устройство 2-хъ системъ. Я ихъ опишу по возможности подробно:

1-я система. Цилиндрическая металическая банка наполнена стеклянными запаянными трубками съ сѣрной кислотой, расположенными по краямъ банки. Трубочки обертываются загорающимся веществомъ и заключены въ гутаперчевыя трубки, дабы огонь не могъ передаться взрывчатому веществу, которое загорается отъ огня, а не взрываетъ—гремучему студню. Огонь отъ нитокъ переходитъ въ запалъ, зажигаетъ тамъ какое-то соединеніе (названія не помню), которое, вспыхивая, отодвигаетъ гвоздикъ, находящійся въ той-же мѣдной

трубочкѣ, гвоздикъ царапаетъ гремучую ртуть, которая взрываетъ и уже взрывъ гремучей ртути передается гремучему студню, который отъ взрыва взрываетъ.

2-я система. Вмѣсто массы стекляныхъ трубокъ берется только двѣ: одна идетъ въ вертикальномъ, другая въ горизонтальномъ направленіи. По срединѣ трубокъ прикрѣпляется свинцовый грузъ, трубки заключены въ мѣдную оправу, обмотаны тѣми же нитками и соединены съ запаломъ. Остальное все такъ же устроено, какъ и въ первой системѣ. Для дѣйствія 2-я система удобнѣе, потому что трубка ломается грузомъ, поэтому я предпочелъ ее. Техникъ предлагалъ еще нѣкоторыя приспособленія въ родѣ дистанціонныхъ трубокъ или ручныхъ гранатныхъ терокъ, но въ снарядѣ моемъ этихъ приспособленій не было, что, впрочемъ, понятно, такъ какъ эти приспособленія требуютъ большаго хладнокровія.

О малыхъ снарядахъ, какъ о средствахъ самозащиты, я ничего сказать не могу—были ли они, или нѣтъ, но я такого не имѣлъ. Желаніе имѣть ихъ высказано было кѣмъ-то изъ присутствующихъ. О томъ, какъ читалъ техникъ свои поясненія съ чертежами, я могу только думать. Думаю, однако, что не всѣмъ вмѣстѣ, а для удобства и конспиративности слушатели разбивались на группы. Къ устройству снарядовъ я прибавлю, что опытовъ на квартирѣ производимо не было, потому что при взрывѣ бываетъ звукъ очень сильный, по устройство банки объяснялось помощью чертежей, а также при посредствѣ металлической банки изъ подъ конфектъ, какъ мнѣ казалось, сжигалось, между прочимъ, порошкообразное вещество, которое предназначалось для нитокъ. Какимъ образомъ прикрѣплялась крышка, я въ точности не знаю и на своемъ снарядѣ не видѣлъ, потому что не развязывалъ платка, въ которомъ онъ былъ завернутъ. При разговорѣ съ Захаромъ и другими лицами я услышалъ, что необходимо было-бы имѣть своихъ лошадей для болѣе удобнаго и успѣшнаго терроризированія, но Захаръ объяснилъ, что несмотря на полезность такихъ извощиковъ или лошадей, какъ напр., «Варваръ», имѣть въ настоящее время своихъ извощиковъ неудобно. При задержаніи меня найдено: 1) заряженный шестикамерный револьверъ, который мнѣ предъявленъ 2-го марта съ 6-ю зарядами. Револьверъ этотъ пріобрѣтенъ мною въ провинціи у частнаго человѣка; 2) тотъ именно ножъ въ мѣдныхъ ножнахъ съ вырѣзанными на оныхъ якоремъ, двумя мечами и короной, который я получилъ при свиданіи отъ Захара; 3) записная книжка въ желтой оберткѣ и фальшивый билетъ отъ вятскаго мѣщанскаго старосты за № 786 на имя вятскаго мѣщанина Макара Егорова Глазова, полученный мною при переходѣ въ нелегальное состояніе, отъ кого не помню; 4) платокъ носовой, ремень, кошелекъ съ деньгами 3 р. 45 к. и двумя ключами отъ чемодана и комода. Предъявлены мнѣ теперь также вещи: 1) рубашка съ металлическими запонками и портянки съ моей мѣткой Н. Р., 2) кабура отъ револьвера, 3) обертка отъ посылки съ адресомъ: Николаю Васильевичу Попову въ магазинъ Невскій проспектъ, отъ Анны Петровны Енька-Доровской, 4) рецептъ на имя Петрова и сигнатурка съ зачеркнутой фамиліей, 5) начатое письмо, начинающееся словами «при васъ съ вами не наговоришься вдоволь...» на листкѣ бумаги выписка изъ статьи «Цѣль и реформа податной системы», начатое чтеніе для рабочихъ: «Святы-ли законы?», стихотвореніе: «Когда придетъ то времячко, когда (приди желанное)?», неоконченная (по случаю ареста) рукопись: «Задачи рабочей боевой организаціи», объяснительная записка программы рабочихъ членовъ партіи «На-

родной Воли», выписка изъ прочитанныхъ книгъ и журнальныхъ статей, 2 листа бумаги со статьей, начинающейся словами «мужикъ скосилъ траву съ луга...», №№ 2 и 3 «Листка Народной Воли» по экземпляру; 1 экземпляръ програмы рабочихъ членовъ партіи Народной Воли; обертка отъ плана С.П.-бурга и желѣзисто-синеродистый кали для добыванія берлинской лазури. Въ записной моей книжкѣ находятся записи, которыя не имѣютъ никакого значенія.

4 марта. Котикъ, или Михаилъ Ивановичъ, и Михаилъ суть разныя лица. На предъявленномъ мнѣ трупѣ я узналъ Котика, съ которымъ познакомился мѣсяца $1^1/_2$—2 тому назадъ. Онъ былъ членомъ народной группы, въ которую я былъ приглашенъ въ январѣ мѣсяцѣ текущаго года. Съ Михаиломъ же я познакомился не задолго до 1 марта, видѣлся съ нимъ всего два раза по дѣлу о покушеніи на жизнь государя императора. По поводу организаціи революціоннаго движенія между рабочими поясняю слѣдующее: рабочая организація, о которой я упоминалъ въ своихъ предъидущихъ показаніяхъ, преслѣдовала слѣдующія свои задачи: агитацію среди рабочихъ, редактированіе «Рабочей Газеты» и, наконецъ, охрану рабочихъ отъ лицъ, стремящихся разстроить революціонное движеніе, которыхъ мы называемъ шпіонами. Въ редактированіи газеты я не участвовалъ и состава редакціи не знаю, въ агитаціонную группу я былъ приглашенъ членомъ въ январѣ мѣсяцѣ. Цѣль агитаціонной группы была—руководить рабочее движеніе. Для большей системы и правильности, каждый членъ группы вѣдалъ дѣло своего района, т. е. заводилъ связи по заводамъ, группировалъ рабочихъ въ кружки и сводилъ кружки съ учителями для пропаганды, читалъ лекціи болѣе опредѣлившимся рабочимъ по исторіи Россіи, по исторіи движенія соціализма въ Россіи и въ Западной Европѣ и, наконецъ, подготовлялъ рабочихъ къ открытому возстанію, стараясь организовывать лучшихъ рабочихъ въ особыя центральныя группы, которыя въ горячую минуту могли бы встать во главѣ движенія и поддержать его. Почти рядомъ съ агитаціонной группой стоялъ террористическій отдѣлъ, членами котораго были или члены агитаціонной группы, какъ Котикъ, Желябовъ и я, или же сознательные революціонеры изъ среды рабочихъ, не входящіе въ агитаціонную группу, какъ Тимофей Михайловъ. Составъ же агитаціонной группы былъ нѣсколько больше,—въ него входили: Желябовъ, Котикъ, женщина, мнѣ неизвѣстная, но которую я назвалъ въ первомъ моемъ показаніи блондинкой, инвалидъ и я. Покушеніе на жизнь государя императора не было задумано террористическимъ отдѣломъ рабочей организаціи, оно было только ей предложено и притомъ въ такой формѣ, что я былъ вправѣ заключить, 1) что мысль о покушеніи принадлежитъ Исполнительному Комитету, 2) что самое исполненіе врядъ-ли будетъ возложено на кого-либо изъ членовъ террористическаго отдѣла рабочей организаціи, потому что для этого требовалось революціонное прошлое, поэтому давшіе согласіе на покушеніе, должны были, по всей вѣроятности, охранять и помогать покушенію, а въ случаѣ надобности защитить товарищей и наконецъ 3) что покушеніе будетъ сдѣлано кѣмъ-либо изъ видныхъ дѣятелей—революціонеровъ, т.-е. членомъ Исполнительнаго Комитета. При этомъ показаніи я долженъ еще прибавить о времени составленія террористическаго отдѣла. Въ то время, когда я былъ приглашенъ въ агитаціонную группу, террористическаго отдѣла не существовало и надобности въ немъ, кажется, было не видно, потому что агитація шла успѣшно и нападокъ

на наше движеніе не было, особенно чувствительныхъ. Террористическая группа образовалась тогда, когда пошли между насъ и рабочихъ тревожные слухи объ арестахъ рабочихъ—радикаловъ, образовалась стало быть въ февралѣ мѣсяцѣ. Приглашеніе принять участіе въ покушеніи было сдѣлано недѣли за двѣ до 1-го марта Андреемъ Желябовымъ, утвердительно на него отвѣчали Тимофей Михайловъ и я, Котикъ же, хотя и изъявилъ свое согласіе, но на него мы не разсчитывали, тѣмъ болѣе, что агитаціонная группа могла значительно уменьшиться и, стало быть, и рабочее движеніе остановиться, или пойти слабѣе, а въ такое время, когда покушеніе должно было совершиться, нужно было больше усилій, чтобы удержать за собой все прежде сдѣланное и воспользоваться новымъ настроеніемъ умовъ. Такъ какъ я былъ болѣе знакомъ съ Михайловымъ, какъ рабочимъ - радикаломъ, то могъ думать, что онъ будетъ товарищемъ. Какъ и въ прежнихъ моихъ показаніяхъ я утверждаю, что о планахъ ничего не зналъ, а поэтому могъ въ то время только гадательно судить о способѣ дѣйствій. На послѣдней уже недѣлѣ происходили собранія съ цѣлью ознакомленія съ предстоящимъ дѣйствіемъ партіи. Во вторникъ или среду собралась агитаціонная группа и обсуждала рабочія дѣла исключительно, но такъ какъ составъ ея былъ неполный, то, не рѣшая многихъ вопросовъ, перешли къ ближайшему дѣйствію—къ покушенію. Михайлова на этомъ собраніи, понятно, не было. Послѣ этого на конспиративной квартирѣ велись обсужденія, что было, кажется, въ среду, о метательныхъ снарядахъ, разбирались двѣ вышеупомянутыя мною во второмъ показаніи системы снарядовъ подъ руководствомъ техника. На обсужденіи присутствовали я, Котикъ и Михайловъ. Тутъ происходило все то, что написано въ предыдущемъ моемъ показаніи. Еще могу прибавить ко 2-му моему показанію, что въ субботу подъ руководствомъ техника снарядъ, не заряженный гремучимъ студнемъ, былъ испробованъ за городомъ въ пустынномъ мѣстѣ, гдѣ не было людей. На этой пробѣ были: техникъ, Котикъ, я и Михайловъ, который и кидалъ снарядъ. Снарядъ оказалъ надлежащее дѣйствіе, ибо его отъ не особенно сильнаго удара о снѣжную дорогу разорвало.

Въ воскресенье 1 марта, когда я пришелъ на конспиративную квартиру за снарядами, я видѣлъ Котика и Михайлова, а также, кажется, и техника. Имѣли-ли вышепоименованныя лица снаряды, были-ли таковые снаряды на конспиративной квартирѣ, я ничего сказать не могу, потому что не помню, какъ не помню и того, кто уходилъ или приходилъ въ то время, когда я тамъ былъ и кто ушелъ раньше. Я уже видѣлъ тотъ самый снарядъ, который я получилъ. Я взялъ его съ дивана. На предъявленный мнѣ вопросъ, гдѣ именно помѣщалась конспиративная квартира и не помѣщалась-ли она по Телѣжной улицѣ, отвѣчаю, что дѣйствительно она помѣщалась по Телѣжной улицѣ, номера дома и квартиры не знаю, онъ былъ вторымъ или третьимъ отъ угла. Сколько комнатъ въ этой квартирѣ, я не знаю, я знаю только двѣ изъ нихъ, въ которыхъ и былъ раза два. Бывая въ квартирѣ по Телѣжной улицѣ, я, изъ предметовъ, обратившихъ мое вниманіе, видѣлъ только тѣ, которые назвалъ во второмъ моемъ показаніи. Точно времени, когда я познакомился съ Тимофеемъ Михайловымъ, я опредѣлить не могу, но приблизительно за мѣсяцъ, но гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ не помню, квартиры его не зналъ, но онъ бывалъ у меня раза три. Большею частію я встрѣчался съ нимъ на свиданіяхъ для того, чтобы принять тѣ связи, которыя

онъ заводилъ среди рабочихъ, но связей этихъ я принять не могъ по очень многимъ причинамъ, частью потому, что не имѣлъ времени. По поводу боевой дружины, членомъ которой состоялъ я и которая была сформирована Желябовымъ, я заявляю: цѣль боевой дружины я представлялъ себѣ одну—охрану рабочаго дѣла отъ шпіоновъ, какъ чисто спеціальную. Другія цѣли вносить въ условія нашей организаціи не представлялось необходимымъ и даже отчасти невозможнымъ. Рабочая боевая организація не могла, напр., убить Мезенцова, или кого-либо изъ должностныхъ лицъ, какъ не вредящихъ нашему дѣлу прямо, она не могла и не должна была по своимъ условіямъ раскидываться, а должна была сохранять извѣстную систему. Затѣмъ выборъ лицъ, подлежащихъ мщенію организаціи, не долженъ былъ выходить за предѣлы, опредѣленные цѣлью—охрана движенія отъ шпіоновъ—по крайней мѣрѣ, организація не могла самостоятельно намѣтить такое лицо, потому что могла, по незнанію всѣхъ условій революціоннаго движенія, повредить ему, т. е. движенію. Скажу даже больше—она не имѣла права на дѣятельность, выходящую за предѣлы ея спеціальности. Служила-ли рабочая организація контингентомъ для выбора нѣкоторыхъ ея членовъ, по крайней мѣрѣ, на другія цѣли, какъ, напр., на покушеніе 1 марта, я отвѣтить утвердительно не могу. «Для выработки характеровъ», для помощи, поддержки вспомогательный комитетъ, по моему мнѣнію, чрезъ одного изъ своихъ членовъ могъ обратиться въ организацію съ такимъ запросомъ и, стало быть, вызвать «добровольцевъ»—одно это названіе указываетъ на то, что добровольцы изъ рабочей организаціи призываются для дѣла, которое въ ихъ цѣль не входитъ, таково было дѣло 1-го марта 1881 г. Отобранный у меня ножъ или кинжалъ и револьверъ я носилъ для самозащиты на случай обыска или нападенія на меня, ножъ я получилъ незадолго до покушенія и, кажется, отъ Желябова, что впрочемъ хорошо не помню. Предъявленный мнѣ сейчасъ человѣкъ, есть тотъ самый Тимофей Михайловъ, о которомъ я говорилъ выше. Квартиры тѣхъ рабочихъ, у которыхъ я агитировалъ, я назвать не желаю.

IV. 5 марта. Предъявленную мнѣ сейчасъ женщину, которую вы называете Гесей Гельфманъ, я видѣлъ на прошлой недѣлѣ мимоходомъ въ конспиративной квартирѣ, на Телѣжной улицѣ, но какъ ея фамилія или кличка, я не зналъ, потому что прежде съ ней никогда не встрѣчался, и это не та брюнетка, о которой я говорилъ въ первомъ моемъ показаніи. Назвать извѣстныхъ мнѣ рабочихъ, съ которыми я встрѣчался при пропагандѣ, я не желаю. Во дворцѣ принца Лейхтенбергскаго я никогда не жилъ. Съ Халтуринымъ я не знакомъ и гдѣ онъ находится, мнѣ неизвѣстно. О денежныхъ средствахъ партіи я точныхъ свѣдѣній не имѣю, послѣдніе два мѣсяца я жилъ на средства изъ фонда партіи, которыя получалъ отъ Желябова, въ размѣрѣ не болѣе 30 р. въ мѣсяцъ. До перехода въ нелегальное положеніе я получалъ отъ конторы г. Громовъ и К° по 30 р. въ мѣсяцъ, у котораго отецъ мой служитъ на заводѣ въ олонецкой губерніи. Кажется, за недѣлю до перехода моего въ нелегальное положеніе, партія нуждалась въ денежныхъ средствахъ, и Желябовъ спросилъ меня, не могу-ли я достать денегъ; въ виду этого, я написалъ письмо къ кассиру Громова съ просьбой выдать мнѣ содержаніе за три мѣсяца впередъ, указывая, что деньги эти нужны для поѣздки на практическія занятія. Деньги были мнѣ выданы и я отдалъ Желябову рублей около 50-ти.

V. Протоколъ № 10. 1881 года, марта 6 дня. Судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ при с.-петербургскомъ окружномъ судѣ И. Ф. Кни-

римъ допрашивалъ нижепоименованнаго, въ качествѣ обвиняемаго, и онъ показалъ: зовутъ меня Николай Ивановъ Рысаковъ, 19 лѣтъ отъ роду, православный, мѣщанинъ гор. Тихвина, воспитывался въ Вытегрѣ въ уѣздномъ училищѣ, въ Череповцѣ въ реальномъ училищѣ и затѣмъ поступилъ въ горный институтъ, гдѣ былъ на второмъ курсѣ; подъ судомъ не былъ. Я признаю себя виновнымъ въ взрывѣ, произведенномъ 1 марта с. г. на набережной Екатерининскаго канала, но мнѣ представляется, что отъ моего взрыва никто изъ частныхъ лицъ не пострадалъ. Кто производилъ второй взрывъ, я не знаю; я никого на набережной не видѣлъ, но въ Маломъ Котикѣ, котораго я видѣлъ уже мертвымъ, признаю я того человѣка, котораго я встрѣчалъ въ конспиративной квартирѣ, въ домѣ № 5 по Телѣжной улицѣ, но не знаю, получилъ-ли и онъ снарядъ изъ этой квартиры. Человѣкъ, котораго я зналъ подъ именемъ Захара и котораго, какъ мнѣ здѣсь уже сказали, зовутъ Желябовымъ, пригласилъ меня принять участіе въ покушеніи 1 марта, на что я согласился. Утромъ 1 марта я былъ на конспиративной квартирѣ, гдѣ находились кромѣ меня человѣка два или три. Въ этой квартирѣ были, кажется, Михайловъ и Котикъ. Я вошелъ въ эту квартиру черезъ кухню, и въ гостиной на диванѣ лежалъ динамитный снарядъ, завернутый въ бѣлый платокъ. Кто-то указалъ мнѣ на этотъ снарядъ, я взялъ его и пошелъ въ кондитерскую Андреева, на Невскомъ проспектѣ, для свиданія съ какимъ-то человѣкомъ, котораго называли Михайломъ и который долженъ былъ быть мнѣ товарищемъ по взрыву. Этотъ Михаилъ не Котикъ, а выше послѣдняго ростомъ. Кто онъ, я не знаю. Я пошелъ одинъ на набережную Екатерининскаго канала и бросилъ снарядъ, должно быть, вслѣдъ за каретой государя императора. Гесю Гельфманъ, жившую въ конспиративной квартирѣ, я не знаю, и видѣлъ ее только разъ, мелькомъ, въ этой квартирѣ. Кто принималъ участіе въ приготовительныхъ работахъ, изготовленіи зарядовъ и т. д., не знаю. Мѣщанинъ Николай Ивановъ Рысаковъ. Суд. слѣд. Книримъ.

VI. 8 марта. Я, социалистъ-революціонеръ, желаю этимъ показаніемъ объяснить причины, побудившія меня принять участіе въ покушеніи 1-го марта на жизнь государя императора. Партія «Народной Воли» однимъ изъ средствъ для достиженія экономическаго и политическаго переворота считаетъ и терроръ. Терроръ, по понятію партіи, имѣетъ сначала значеніе о х р а н я ю щ е е для революціоннаго движенія, до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока не окрѣпнетъ среди народа мысль о возможности и необходимости переворота. Ясно, что въ это время, переходное, если такъ его можно назвать, партія должна «высоко держать свое знамя и доставить ему обаяніе», т. е. партія должна изъ себя представлять для народа силу, могущую поддержать и защитить народныя требованія. Обаяніе это, обаяніе силы, дается, по мнѣнію партіи, только терроромъ. Когда же сила есть, народъ въ ней увѣрился, то охраняющее значеніе террора становится узкимъ — партія уже сама можетъ вызывать на борьбу своихъ враговъ, тогда какъ прежде она только принимала вызовы, выражавшіеся въ правительственномъ террорѣ (смертная казнь, административныя высылки безъ суда, ссылка на каторгу по суду—военному безъ особенно вѣскихъ доказательствъ—по отношенію къ партіи и многія разорительныя мѣропріятія для крестьянства — по отношенію къ народу, какъ напр., пресловутый институтъ урядниковъ). Партія, задумавъ послѣднее покушеніе, руководствовалась, большею частію, тѣми же мотивами, какіе служили ей и прежде, въ прежнихъ покушеніяхъ, частью же желала привести въ

исполненіе приговоръ исполнительнаго комитета—это вопросъ чести партіи—и, наконецъ, частью желала сама перейти въ наступательное дѣйствіе, потому что чувствовала себя на это сильною. По словамъ одного изъ лицъ, принадлежавшихъ къ партіи дѣйствія, я могу заключить это. Въ одномъ изъ разговоровъ со мной, Захаръ мнѣ сказалъ: «мы теперь сильнѣе прежняго, а поэтому не будемъ задирать, какъ безсильные», т. е. партія не находитъ нужнымъ вести прежній терроръ, когда, напр., убивала шпіона, не особенно ей вредящаго. Поэтому партія могла разсуждать объ исполненіи своего приговора, какъ о фактѣ, долженствующемъ совершиться, не указывая, однако, на время и выбирая для совершенія покушенія лицъ, имѣющихъ за собой революціонное прошлое. Врядъ-ли, однако, партія хотя за недѣлю до покушенія оставалась вѣрною своему понятію о своихъ силахъ, потому что въ дѣйствіяхъ ея сказалась спѣшность и на сцену выступили люди безъ революціоннаго прошлаго. Я объясняю это массой арестовъ, о которыхъ я слышалъ за послѣднее время и которые, должно полагать, разстроили нѣсколько планы партіи, а также, пожалуй, убавили вѣру, хотя немного, въ свои силы. Я былъ приглашенъ недѣли за двѣ до факта къ участію въ немъ, какъ доброволецъ, и я согласился. Выясню теперь причины, побудившія меня дать согласіе. Террористическія дѣйствія русской революціонной партіи носятъ на себѣ всегда характеръ таинственности, почему, ради ихъ исполненія, я не могу имъ вполнѣ сочувствовать, потому что открытыя дѣйствія мнѣ болѣе по душѣ. Но на участіе свое въ этомъ покушеніи я далъ свое согласіе по слѣдующимъ основаніямъ:

1) я не раздѣляю съ партіей того понятія о силѣ, которое она имѣетъ нынѣ. Эта сила должна быть составлена и народъ долженъ видѣть въ ней не только силу, готовую помогать ему, чему онъ можетъ развѣ только вѣрить, но онъ долженъ и сознавать единство цѣли и понимать эту цѣль, т. е. переворотъ экономическій и политическій. Я не говорю, весь народъ, но, по крайней мѣрѣ, народная интеллигенція, напр., рабочіе городскихъ заводовъ и хотя бы часть сельскихъ жителей, способная проникаться соціальными ученіями, какою я признаю крестьянъ, идущихъ на отхожіе промыслы, по весьма понятнымъ причинамъ. Иначе, при наступательныхъ дѣйствіяхъ, партія сама не разберется въ томъ, что произойдетъ. Развѣ можетъ движеніе имѣть смыслъ для народа, если народъ знаетъ только отрицательную сторону жизни, но не знаетъ, чего онъ добьется, кто его враги, кто его друзья? Общее мнѣніе теперь таково, что народъ не любитъ господъ, не любитъ интеллигентныхъ, а развѣ настоящіе соціалисты не изъ интеллигенціи? Впрочемъ слѣдуетъ обратиться къ многочисленнымъ французскимъ революціямъ, чтобы видѣть, къ чему онѣ повели. Возможно безформенное движеніе, чего избави Богъ.

2) Два года до этого я былъ уже сознательнымъ зрителемъ борьбы между настоящимъ строемъ, который я называю либеральнымъ, и соціалистическимъ, и я сочувствовалъ соціалистическому строю. Въ этомъ году я принялъ активное участіе въ борьбѣ, начавъ агитацію среди рабочихъ. Я изъ всей борьбы и изъ наблюденій надъ нею вынесъ слѣдующее резюме: революціонеры хотятъ путемъ открытаго возстанія перемѣнить строй жизни. И они у цѣли, потому что верховная власть, ихъ личный врагъ, ради прежнихъ покушеній, а, стало быть, правительство, не желаетъ видѣть въ нихъ, т. е. соціалистахъ, людей, дѣйствующихъ часто съ тактомъ, почти всегда сознательно, людей съ своею честью, съ нравственностью, съ своею любовью къ народу,

почему правительство дѣлаетъ огромную ошибку, закрывая себѣ и всему обществу глаза, отвлекая отъ насъ вниманіе презрительнымъ къ намъ отношеніемъ. Всѣ прежнія мѣропріятія, направленныя на соціалистовъ, ложились тяжелымъ гнетомъ на народъ, оказывая тѣмъ самымъ намъ большую услугу и давая все бо́льшую и бо́льшую пищу и почву террору. Я беру для примѣра болѣе яркое мѣропріятіе, которое принесло бо́льшій вредъ правительству въ деревнѣ—это институтъ урядниковъ. Если бы партія «Народной Воли» направила свой терроръ противъ нихъ, то она въ скоромъ бы времени заслужила сочувствіе крестьянъ, и вопросъ о баррикадахъ былъ бы ближе къ концу. Но кто поручится, что деревенскій терроръ и не сорганизовался бы, а онъ былъ бы гораздо страшнѣе всего предыдущаго, что носило на себѣ террористическій характеръ. Однимъ словомъ, прежнія времена были времена непониманія другъ друга, и это непониманіе давало пищу террору. Правительство въ 24 часа расправлялось съ пойманнымъ соціалистомъ, его мысли, его ученія изучало только III-е отдѣленіе, а общество, даже вся либеральная его часть относилась къ соціализму, какъ къ чему-то безнравственному. Въ литературѣ только одному Цитовичу и Незлобину было позволено вести полемику съ нами. Читающая и мыслящая публика никакъ не могла допустить, чтобы соціализмъ лежалъ и въ русской почвѣ, она порѣшила, что онъ наносный и жалѣла несчастныхъ увлеченныхъ мальчиковъ.

Эти условія, если серьезно надъ ними вдуматься, могли произвести дѣйствительно нѣчто очень ужасное въ будущемъ, что пугало даже и самихъ террористовъ. Вспомните наивнаго Гольденберга, который думалъ прекратить терроръ, выдавъ всѣхъ террористовъ. Но вѣдь не мы виною въ террорѣ, т. е. вина не ляжетъ всею своею тяжестью на насъ, а только частью, не мы подготовили условія, дающія пищу террору. Вспомните 60-е годы, когда мирныхъ пропагандистовъ крестьяне сами вязали, и посмотрите на восьмидесятые, когда рабочіе и крестьяне пропитываются крамолой: прежде были времена мирныя, даже симпатичныя на вашъ взглядъ, а теперь времена тяжелыя, условія для революціонеровъ гораздо худшія, а плоды... обильнѣе. Повѣрьте, что нынѣ страшно натянутыя условія для существованія. Соціалистъ носилъ свое право, если образно выразиться, въ дулѣ револьвера. Для блага всего народа, для устраненія возможной дикой, безформенной битвы за что-то нужно было покончить съ этимъ временемъ непониманія другъ друга. Но какъ покончить? Выдать партію дѣйствій? Да вѣдь то, что она партія дѣйствій—не привилегія ея. Я и въ деревнѣ слышалъ, что «и у насъ найдутся хорошіе люди, которые этихъ (урядниковъ) подчистятъ». Ужъ и въ деревнѣ слышались изрѣдка отзывы въ пользу дѣйствій изъ-за угла. Создайся деревенскій терроръ, деревня могла бы служить контингентомъ для выбора лицъ въ летучій отрядъ. Пойти на сдѣлку съ правительствомъ, какъ думалъ Гольденбергъ и сдѣлалъ, но отвѣтомъ послужила смерть двухъ революціонеровъ и еще болѣе тяжкая участь трехъ «помилованныхъ», это для соціалистовъ. Во внутренней же политикѣ были какія-то мѣропріятія, вродѣ: посулили обѣщать, но и только, т. е. ничего устраняющаго тяжелыя времена и еще болѣе тяжелыя послѣдствія отъ нихъ. Ждать перемѣны верховной власти? Но это значило, что только растягивать эти тяжелыя времена и доводить положеніе дѣлъ до кризиса при настоящей всеобщей голодовкѣ, при всеобщей вѣрѣ въ черный передѣлъ или «слушной часъ», вѣрѣ, уничтожаемой самимъ царемъ, а стало быть, еще

болѣе, по настоящему положенію дѣлъ, натягивающимъ безъ того натянутыя струны.

Оставалось, значитъ, одно — это новое покушеніе на жизнь государя императора, по возможности, удачное. Приготовленія къ этому покушенію уже велись, какъ видно, партіей, и когда мнѣ предложено было для обстрѣлки, для выработки характеровъ примкнуть къ числу лицъ нападающихъ, я не отказался, но, напротивъ, согласился, рвался, какъ говорилъ Желябовъ. Разумѣется, я не обращалъ вниманія на такое заявленіе, что только 20 шансовъ провалиться, что это иллюзія, что придется дѣйствовать и т. д. Я, какъ человѣкъ, составившій себѣ опредѣленное понятіе о положеніи дѣлъ изъ личнаго своего знакомства съ городскими рабочими, не гнушающимися баррикадъ, съ деревенскими обывателями, не чуждающимися подчистить урядника, рѣшился дѣйствовать и рѣшился не противъ совѣсти, потому что я и теперь, сидя въ крѣпости, надѣюсь, что если время непониманія не прошло безвозвратно, то оно находится въ колеблющемся состояніи: стоитъ взглянуть новому правителю на соціалиста не какъ на злодѣя, а какъ на человѣка, добивающагося блага народу, и это время прошло. Значитъ, кончился и терроръ, потому что уничтожены условія, дающія ему пищу. Вѣдь, право, не ради же личнаго своего удовольствія терроризируетъ соціалистъ - революціонеръ, вѣдь не одѣвается же онъ въ мантію ужаснаго человѣка, чтобы порисоваться предъ обществомъ, когда рисовка ему эта стоитъ жизни? Значитъ, жизнь такова, таковы условія ея, что родился терроръ.

Изъ этого моего показанія, я думаю, видно, что причины, побудившія меня принять участіе въ покушеніи, не совсѣмъ солидарны съ причинами, побудившими партію на покушеніе. Я рѣшился на покушеніе потому, что: 1) желалъ прекращенія террористическихъ дѣйствій, мѣшающихъ мирной пропагандѣ; 2) желалъ мирной пропаганды для того, чтобы народъ сознательно заявилъ свои требованія, для чего баррикады не необходимы, для чего не нужно и пролитія крови, перебитія половины однихъ для блага другихъ, желалъ, чтобы народъ въ своихъ требованіяхъ заявилъ свои нужды, устроилъ жизнь по своему усмотрѣнію, по своимъ понятіямъ, которыя во многихъ чертахъ — чисто соціалистическаго характера, какъ напр., понятіе о трудѣ, наслѣдствѣ, какъ и о правахъ на собственность, земельная община, рабочая артель; желалъ, чтобы партія «Народной Воли» не считала бы своихъ ученій исключительно вѣрными и могущими пролить благо и не старалась бы устроить новую жизнь по своему идеалу, а если вызвалась быть другомъ народа, то училась бы у него и учила его, не отталкивая отъ участія въ новой жизни и прочія фракціи и учрежденія; 3) при томъ я зналъ, что мирная пропаганда не возможна при императорѣ Александрѣ II, который есть личный врагъ соціалистовъ, что мысль о мирной пропагандѣ при немъ есть совершенно безполезная и наивная иллюзія; 4) зналъ также, что экономическое положеніе настоящихъ двухъ лѣтъ и, по крайней мѣрѣ, будущаго третьяго есть очень исключительное, тяжелое. Тяжесть эта увеличивалась еще правительственными мѣрами, направленными на искорененіе крамолы. Положеніе это таково, что достаточно нѣсколькихъ усилій, чтобы революціонное движеніе началось, этому вѣрили и вѣрятъ многіе, то что это было бы за движеніе? Даже мы, закоренѣлые злодѣи, и тѣ пугались его. Партія въ силахъ его разжечь, но не въ силахъ остановить или даже направить къ желанной цѣли. Народъ—эта сознательная, жи-

вая сила, продѣлала бы бунтъ, на подобіе глуповцевъ Щедрина. Я же лично сомнѣваюсь, могла-ли партія, не пріобрѣвшая въ народѣ добраго имени, руководить имъ, сумѣла-ли она оставшимся братьямъ дать благо, коротко сказать—имѣла-ли она нравственное право начать движеніе, за конецъ котораго не отвѣчала, потому что, хотя «политическое развитіе и пріобрѣтается на баррикадахъ», но все-таки это очень слабое доказательство на право руководить движеніемъ. Поэтому я желалъ устранить причины, вызывающія экономическій терроръ, вѣрнѣе деревенскій безформенный бунтъ, безформенный, потому, что цѣль борьбы народомъ еще не сознана; 5) я былъ увѣренъ что императоръ Александръ II не пойдетъ на солидныя сдѣлки съ народомъ, не уничтожитъ въ скоромъ времени гибельныхъ мѣръ противъ крамолы, т. е. оставитъ почву для деревенскаго террора, обѣщающаго развиться въ движеніе, потому что онъ былъ личный врагъ соціалистовъ.

Отношенія мои къ Желябову я могу формулировать такъ: Желябовъ считалъ меня своимъ воспитанникомъ, но я не вполнѣ въ мысляхъ подчинялся ему. Такъ, до послѣдняго времени я не считалъ себя народовольцемъ, въ чемъ онъ и упрекнулъ меня. Партію «Народной Воли» я не считалъ за такую, которая бы давала свое имя всѣмъ, хотя бы и отчасти раздѣляющимъ ея убѣжденія, но за извѣстный, опредѣленный составъ лицъ, въ число которыхъ можно быть только приглашеннымъ для извѣстной революціонной дѣятельности, т. е. я не признавалъ, чтобы «Народная Воля» вполнѣ обнимала всѣ революціонные пути и служила бы знаменемъ каждаго, желающаго переворота тѣмъ или другимъ путемъ. Однимъ словомъ, по моему мнѣнію, это была партія, а не революціонное знамя.

Относительно фактической стороны дѣла 1-го марта я прибавлю слѣдующее: утромъ 1-го марта, получивъ снарядъ, я отправился на Невскій, при чемъ мнѣ на конспиративной квартирѣ сказали, чтобы я былъ около памятника Екатерины и, услышавъ звукъ на Малой Садовой, отправился бы по направленію къ этой улицѣ, но я, послѣ встрѣчи съ Михаиломъ въ кондитерской, хотя и былъ на Невскомъ довольно долгое время, но указаніе это позабылъ, а пошелъ на Екатерининскій каналъ, куда мнѣ указали идти не помню гдѣ и кто, т. е. на конспиративной квартирѣ, или въ кондитерской услышалъ отъ Михаила. О подкопѣ на Малой Садовой мнѣ не извѣстно и, когда говорили о звукѣ, долженствовавшемъ быть на Малой Садовой, то я предполагалъ, что онъ произойдетъ отъ снаряда.

VII. 9 марта. На предложенные мнѣ вопросы о составѣ, средствахъ и прямыхъ цѣляхъ боевой дружины я отвѣчаю слѣдующее: я вступилъ въ рабочую организацію приблизительно въ началѣ января мѣсяца. Организація эта была уже раньше сформирована, такъ что я вступилъ членомъ въ готовую, сформированную, кѣмъ—мнѣ неизвѣстно. Приглашеніе состоялось на квартирѣ у лицъ легальныхъ, какъ мнѣ это показалось, и лицомъ мнѣ неизвѣстнымъ вполнѣ, должно быть по рекомендаціи Желябова, о чемъ я уже упоминалъ въ одномъ изъ своихъ предыдущихъ показаній. Цѣль этой организаціи мною тоже была объяснена—это агитація среди рабочихъ, значитъ, цѣль ея одинаковая съ задачами боевой дружины. Въ февралѣ мѣсяцѣ, кажется, къ рабочей организаціи прибавился еще террористическій отдѣлъ, сформированный Желябовымъ, о чемъ также я упоминалъ прежде. Какое отношеніе онъ имѣлъ къ боевой дружинѣ или исполнительному комитету, я сказать затрудняюсь, по-

тому что это не было выяснено въ то время, но какъ я теперь увидѣлъ изъ показаній Желябова, онъ долженъ былъ примыкать къ комитету, составлять одно изъ его развѣтвленій съ вполнѣ опредѣленною задачею: охранять рабочее движеніе отъ шпіоновъ.

Если допустить существованіе иныхъ организацій, кромѣ рабочей, напр. военной, сельской или какихъ-либо иныхъ и предположить, что и въ этихъ организаціяхъ существуютъ террористическіе отдѣлы, то значеніе террористическаго отдѣла въ рабочей организаціи и отношеніе его къ исполнительному комитету выясняется довольно хорошо. Террористическій отдѣлъ рабочей организаціи относится къ исполнительному комитету, какъ подгруппа относится къ группѣ. Отсюда уже ясно вытекаетъ, что цѣль террористическаго отдѣла каждой организаціи должна быть точно опредѣлена самимъ отношеніемъ отдѣла къ комитету; такъ, отдѣлъ рабочей организаціи защищаетъ рабочее движеніе отъ шпіоновъ, но не можетъ. напр., въ селѣ или городѣ терроризовать лицъ должностныхъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ рабочему движенію, хотя бы мѣшающихъ сельскому движенію. Исполнительный комитетъ можетъ пригласить «добровольцевъ» на такое дѣло, которое не принадлежитъ какой-либо одной организаціи, а есть дѣло всей партіи, каково, напр. дѣло 1-го марта.

Полнѣйшая конспиративность практикуется въ организаціяхъ по весьма понятному поводу. Члены одного отдѣла не знаютъ всѣхъ своихъ товарищей по имени или фамиліи, не знаютъ ихъ квартиръ и т. д., потому что при соблюденіи такихъ условій невозможно, чтобы лицо арестованное могло выдать своихъ товарищей, хотя бы даже желало этого. Конспиративность идетъ и далѣе: одна организація не знаетъ даже о существованіи другой. Поэтому я не могу точно сказать на вопросъ: существуетъ-ли военная организація, при томъ же по агитаціонному дѣлу такъ много занятій, что невозможно заниматься такими вопросами, какъ данный, да при томъ предлагать подобные вопросы было бы и нескромно. Узнать существованіе хотя бы военной организаціи возможно только при столкновеніи по общему съ нею дѣлу и то человѣку, имѣющему за собой революціонное прошлое, чтобы онъ могъ внести свой опытъ въ нее. Человѣкъ же, не удовлетворяющій такому условію, знакомился бы съ лицами изъ иныхъ организацій, какъ съ частными, что-ли, лицами, которыхъ бы ему рекомендовали: «зовите такъ-то, впрочемъ это все равно» чѣмъ, уже устраняется возможность разспрашивать, что и кто онъ. О существованіи сельской организаціи могу сказать только то, что агитація въ деревнѣ ведется, но подчинена-ли она извѣстной системѣ или нѣтъ, этого не знаю, но, обращая вниманіе на сельскія условія, я почти могу утверждать, что сельской организаціи нѣтъ; есть-ли терроръ сельскій, не знаю, но что могъ быть и даже кѣмъ-то проектировался, это утверждаю; проектировался въ формѣ летучаго отряда.

Еще меньше я знаю о членахъ исполнительнаго комитета, о составѣ его, потому что только около двухъ мѣсяцевъ, какъ былъ приглашенъ членомъ рабочей организаціи, и не больше трехъ недѣль прошло со времени образованія террористическаго отдѣла, который еще ничѣмъ не заявилъ своего существованія, значитъ, не было такихъ дѣлъ, по которымъ бы пришлось сталкиваться съ комитетомъ, да если бы и была надобность, то мнѣнія исполнительнаго комитета передавались бы отдѣлу рабочей организаціи кѣмъ-либо изъ членовъ окмитета, входящимъ и въ террористическій отдѣлъ рабочей организаціи, пря-

нѣе было бы это дѣлать человѣку, сформировавшему отдѣлъ. Поэтому точныхъ данныхъ о боевой дружинѣ я дать не могу, но приблизительно заключаю, что составъ ея не великъ, въ настоящее время въ С.-Петербургѣ врядъ-ли имѣется больше 20 человѣкъ. Это я заключаю изъ тѣхъ немногихъ указаній, которыя мнѣ удалось услышать мимоходомъ, напр. изъ того, что органъ «Народная Воля» печатается спеціалистами, которые, кромѣ этого, больше ничѣмъ не занимаются по недостатку времени, а органъ, между тѣмъ, выходитъ очень рѣдко. Другихъ болѣе вѣскихъ указаній не знаю. Изъ лицъ, принадлежащихъ къ боевой дружинѣ, я кромѣ тѣхъ, которыхъ называлъ въ предыдущихъ моихъ показаніяхъ, другихъ не знаю.

Изъ предъявленныхъ мнѣ сейчасъ лицъ, которыхъ вы называете: 1) Александромъ Михайловымъ, 2) Клѣточниковымъ, 3) Веселовскимъ (онъ же Тетерка), я—не знаю, но о первомъ изъ нихъ слышалъ отъ Желябова слѣдующее: послѣ ареста Михайлова Желябовъ говорилъ, что Михайловъ и Поливановъ одно и то же лицо. По поводу же самаго его ареста, Желябовъ сказалъ: «всему бываетъ конецъ». Называемыхъ вами 1) Баранниковымъ, 2) Колодкевичемъ и 3) Яковенко я знаю при слѣдующихъ условіяхъ: Баранникова зналъ подъ именемъ Порфирія, и однажды, кажется, въ концѣ января, когда я проходилъ по Конногвардейскому бульвару съ Желябовымъ, къ послѣднему подошелъ Порфирій, но о чемъ они говорили, не слыхалъ, а видимо было, что они встрѣтились здѣсь на свиданіи. Послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора съ Желябовымъ, Порфирій ушелъ отъ насъ. Колодкевича видѣлъ въ январѣ, но гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ не припомню, а помню, что ему кто-то говорилъ не ходить куда-то, потому что тамъ кого-то арестовали. Какъ называли Колодкевича, не знаю и прозвища Кота-Мурлыки не слыхалъ. Яковенко я встрѣчалъ въ послѣднее время въ кухмистерской Детроа на Казанской улицѣ, и, кажется, при этой встрѣчѣ присутствовалъ техникъ. Послѣднее мнѣ кажется только, но навѣрное сказать не могу. Я Яковенко раньше не зналъ, а заговорилъ съ нимъ у Детроа, только потому, что онъ сидѣлъ за столомъ съ техникомъ или съ кѣмъ-то другимъ изъ моихъ знакомыхъ. Принадлежитъ-ли кто изъ нихъ къ боевой дружинѣ, не знаю.

День 28-го февраля я провелъ слѣдующимъ образомъ. Съ 10 ч. у. до 4-хъ пополудни я, Михайловъ, техникъ и Котикъ ходили пробовать снарядъ, для чего я встрѣтился съ ними по заранѣе состоявшемуся условію, на углу Невскаго и Михайловской, гдѣ мы сѣли въ конку и доѣхали до Смольнаго института, а затѣмъ, перейдя Неву, отправились за городъ. Возвратившись, я часовъ до 6-ти или позже ходилъ по городу безъ опредѣленной цѣли, а затѣмъ пошелъ къ знакомымъ студентамъ, гдѣ пробылъ до 11 часовъ, затѣмъ отправился домой ночевать, что было рекомендовано и прежде, потому что полиція слѣдитъ за тѣмъ, ночуютъ-ли дома жильцы.

VIII. 11 марта. Въ предъявленной мнѣ сейчасъ женщинѣ, которую вы называете Софьей Перовской, я признаю ту самую блондинку, о которой я говорилъ въ моихъ предыдущихъ показаніяхъ. Фамиліи ея или клички я до сегодняшняго дня не зналъ, впрочемъ, кажется, ее звали Софьей Павловой. Ее я встрѣчалъ у Михаила Ивановича (Котика) и знаю, что она входила въ агитаціонную группу рабочихъ. Кромѣ того, я видѣлъ ее въ воскресенье, 1 марта, утромъ, въ квартирѣ по Тележной улицѣ, но не помню, принесла-ли она туда снаряды. Теперь припоминаю, что дѣйствительно, въ воскресенье,

1 марта, идя по Михайловской улицѣ на Екатерининскій каналъ, гдѣ вмѣстѣ со мною Михаилъ, также со снарядомъ въ рукахъ, мы встрѣтили предъявленную мнѣ сегодня блондинку, которая, при видѣ насъ, сморкалась въ бѣлый платокъ, что, какъ мнѣ припоминается, было знакомъ, что слѣдуетъ идти на Екатерининскій каналъ. Я долженъ сказать, что вообще о всемъ происходившемъ въ воскресенье въ подробностяхъ у меня осталось не много въ памяти, а потому, если я и не указываю нѣкоторыхъ подробностей, то потому лишь, что не помню ихъ точно. У меня сохранилось также не отчетливо представленіе о томъ, что происходило на Екатерининскомъ каналѣ, когда я бросилъ снарядъ, а поэтому не могу припомнить, произнесъ-ли я фразу «посмотримъ еще, слава-ли Богу», послѣ того, какъ сказали, что государь императоръ, слава Богу, невредимъ. Послѣ задержанія меня я очутился въ такомъ положеніи, что трудно было наблюдать за всѣмъ происходящимъ. Припоминаю еще, что недѣли за двѣ до 1-го марта я, по приглашенію Желябова, былъ на какой-то конспиративной квартирѣ въ Троицкомъ переулкѣ. Номера дома не помню, но домъ этотъ находится съ правой стороны переулка, идя отъ Невскаго. Нужно пройти по переулку, затѣмъ пройти пустое мѣсто и затѣмъ недалеко отъ этого мѣста домъ бѣлый съ уступами и желѣзными воротами; дворъ вымощенъ асфальтомъ и квартира помѣщается во дворѣ, въ самомъ верхнемъ этажѣ, кажется № 23 или 25. Входъ въ уголъ, налѣво отъ воротъ. Былъ я въ этой квартирѣ всего одинъ или два раза, гдѣ встрѣчалъ Желябова, Тимофея Михайлова, Котика, какого-то рабочаго Михаила и еще кого-то, но кого—не припомню. Помню, что когда я былъ на этой квартирѣ въ послѣдній разъ, то Желябовъ говорилъ, чтобы туда больше не ходить, потому что квартиры этой не будетъ, такъ какъ хозяева оставляютъ ее, но кто были хозяева, я не знаю, хотя въ квартирѣ этой, равно какъ и на Телѣжной улицѣ, нужно было спрашивать Борисова. Кромѣ того, въ этой квартирѣ былъ условленный знакъ въ окнѣ, заключающійся въ томъ, что одна половина окна была закрыта занавѣской, что означало, что входить въ квартиру можно безопасно. Николай Ивановъ Рысаковъ.—

Въ предъявленномъ мнѣ сейчасъ человѣкѣ я признаю того Николая Ивановича Рысакова, о которомъ говорила въ моемъ сегодняшнемъ показаніи. Софья Львовна Перовская [1]).—

IX. 12 марта [2]). Припоминая фактическую сторону всѣхъ обстоятельствъ дѣла, относящихся къ 1 марту 1881 года, я считаю необходимымъ добавить слѣдующее: утромъ 1-го марта, около 9 часовъ утра, я пришелъ на конспиративную квартиру для полученія снаряда и для объясненія плана покушенія. Въ то же время, приблизительно, пришли Котикъ, насколько помню теперь, Михаилъ и, кажется, Тимофей Михайловъ. Послѣ этого пришла и Софья Перовская, принесшая въ рукахъ довольно большой узелъ—это были снаряды. Она принесла ихъ, во всякомъ случаѣ, не больше двухъ. Гдѣ она ихъ развязала, я не помню: кажется, что въ угловой комнатѣ, гдѣ мы сидѣли всѣ. Прійдя, она сказала: «вотъ, братцы, и снаряды, только ихъ не много—не успѣли еще наготовить, можетъ быть, еще принесутъ,—нужно довольствоваться малымъ». Затѣмъ она начала объяснять планъ дѣйствія, начертавъ на конвертѣ

---

1) Запись С. Л. Перовской—собственноручная. *Ред.*

2) Показаніе дано подполковнику Никольскому. Товарищъ прокурора, очевидно, не присутствовалъ, такъ какъ его фамилія не значится въ заголовкѣ и подъ протоколомъ. *Ред.*

приблизительно мѣстность. Предполагалось, по ея словамъ, слѣдующее: государь обыкновенно проѣзжаетъ въ манежъ такъ: по Невскому проспекту, заворачиваетъ по Малой Садовой, по Большой Итальянской—въ манежъ. По Малой Садовой есть уже пунктъ, гдѣ ждутъ его, а поэтому нужно занять углы Невскаго, Садовой и Б. Итальянской. По Невскому проспекту должны быть двое, одинъ у памятника Екатерины, другой на углу Садовой и Невскаго, на томъ углу, который ближе къ адмиралтейству. На углу же М. Садовой и Б. Итальянской могутъ находиться также два лица, но только на одномъ углу, гдѣ позволяютъ стоять публикѣ, и притомъ не вмѣстѣ. Эти мѣста она указывала кружками, при чемъ не дала никакого объясненія относительно пункта на Малой Садовой. Когда государь будетъ въѣзжать на Малую Садовую, то лица, имѣющія снаряды, должны приблизяться къ угламъ Садовой, не входя, однако, въ нее. Находящимся у манежа знакомъ будетъ служить то, что навстрѣчу государю поѣдетъ жандармскій офицеръ. Затѣмъ на Малой Садовой будетъ слышанъ звукъ, т. е. произойдетъ взрывъ, какъ я думалъ, отъ такого-же метательнаго снаряда, который врученъ былъ и мнѣ и устройство котораго объясняли ранѣе. Звукъ служитъ сигналомъ входить въ М. Садовую. «Если же государь,—продолжала она пояснять,—по какимъ-либо причинамъ, не поѣдетъ по Садовой, то, братцы, вы уже дѣйствуйте на Екатерининскомъ каналѣ». Государь изъ манежа заѣзжаетъ въ Михайловскій дворецъ, пробываетъ тамъ около $1/4$ часа и ѣдетъ къ себѣ во дворецъ по Екатерининскому каналу. Значитъ, если онъ заѣдетъ во дворецъ, то мы успѣемъ пройти на каналъ и произвести покушеніе. Но иногда случалось, что онъ не заѣзжалъ, а проѣзжалъ прямо домой, въ такомъ случаѣ нечего ходить на каналъ и подвергаться опасности быть замѣченнымъ. Чтобы узнать, слѣдуетъ-ли ходить на каналъ, нужно условиться въ встрѣчѣ. Она рѣшила, что, если ничего на Малой Садовой не произойдетъ, то встрѣтиться по Михайловской улицѣ, при чемъ она вынетъ носовой платокъ и высморкается, что покажетъ, что нужно идти на каналъ. Въ этомъ состоялъ планъ покушенія. Затѣмъ она сказала, чтобы мы сами распредѣлили мѣста стоянія, на что мы не согласились. Тогда она сказала, что болѣе опасный пунктъ представляетъ Манежная площадь, поэтому необходимо, чтобы тамъ находились люди, давно знакомые съ собой, которые надѣялись бы другъ на друга, потому что отъ взрыва на М. Садовой, если онъ будетъ почему-либо неудаченъ, можно думать, что государь по инерціи, желая избѣжать опасности, поѣдетъ къ Манежной площади, а, стало быть, приблизится къ тѣмъ, которые заняли этотъ пунктъ. Трудно думать, чтобы онъ вернулся, что возможно было бы, если въ такую минуту извощикъ кареты способенъ что-либо соображать; вѣрнѣе, что онъ погонитъ лошадей впередъ. Я не могъ удовлетворить этому условію, потому что не былъ знакомъ до дружбы ни съ Котикомъ, ни съ Михаиломъ, ни съ Тимофеемъ Михайловымъ. Этотъ пунктъ могъ занять Котикъ съ Тимофеемъ, какъ лица, давно знакомыя и уже освоившіяся другъ съ другомъ. Поэтому Котикъ вызвался туда, я взялъ мѣсто у Екатерининскаго памятника, и Михаилъ по противоположной сторонѣ Невскаго, на углу Садовой. Пришедшій въ это время техникъ и принесшій, какъ мнѣ казалось, тоже снаряды, сказалъ, что это иллюзія только, что намъ со снарядами придется дѣйствовать. Съ Софьей Перовской по спѣшности (нужно было торопиться выходить) не было опредѣленныхъ разговоровъ о приготовленіи снарядовъ. Она только сказала, что матеріалу и времени не хватило на приготовленіе достаточнаго количества. «Всю

ночь работали нѣсколько человѣкъ и то еще не успѣли»,—пояснила она, причемъ не дала никакихъ указаній относительно квартиры, а также лицъ, приготовлявшихъ снаряды. Затѣмъ, что произошло, показано уже мною въ прежнихъ протоколахъ. Относительно свиданія въ кондитерской Андреева добавлю, что если я показывалъ о чемъ невѣрно, то это неумышленно за послѣднее время. Сказавъ въ первую горячую минуту это и находясь въ такомъ умственномъ и нравственномъ состояніи, въ которомъ трудно припомнить истинное и отличить его отъ лжи. Сказанное въ горячую минуту запечатлѣлось въ моемъ мозгу, и я способенъ былъ считать его за истинно происшедшее. Впрочемъ, эта ложь настолько незначительна, что если-бы была и умышленной, то на основаніи ея трудно упрекнуть меня въ недобросовѣстности или умышленномъ извращеніи истины. По словамъ Перовской видно было, что она ѣхала со снарядами на извощикѣ до Тележной улицы и думаю, что привезла не болѣе двухъ или трехъ именно отъ возможной опасности отъ сотрясенія, если бы ихъ больше, какъ бы она ихъ не держала. По поводу названныхъ вами сейчасъ разныхъ фамилій [1]), какъ-то: Бобковъ, Дубровинъ, Исаковъ, Николай Александровичъ, Копачинскій, Зубковъ Кириллъ, а также разныхъ кличекъ, какъ-то: дьяконъ, попадья, горохъ, пѣтухъ, молотокъ, пила, ярославецъ, портной, конфета и щука, а также условленныхъ паролей, я могу объяснить слѣдующее: лицъ подъ названными фамиліями я не знаю, но какъ-то въ разговорѣ, въ квартирѣ Котика, я слышалъ упоминалось Перовской-ли или же Котикомъ имя «Кириллъ» и вмѣстѣ съ этимъ кличка «пила» полагаю, что кличка относилась къ Кириллу, какому-то рабочему. Кромѣ того, давая уроки ариѳметики рабочимъ на Голубевскомъ заводѣ, Егору и Ивану, осенью, повидимому, братьямъ, фамилій которыхъ не знаю, я слышалъ, что они называли кого-то изъ рабочихъ ярославцемъ, добавляя, что ярославецъ во время стачки на томъ же заводѣ, осенью прошлаго года, будто-бы больше всѣхъ говорилъ съ начальствомъ въ защиту рабочихъ; ни имени, ни фамиліи ярославца я не знаю, и также и лично его не видалъ. Личностей же подъ вышеуказанными фамиліями и кличками я не знаю и не слышалъ что-бы кого-либо называли той или другой кличкой изъ вышеупомянутыхъ, равнымъ образомъ не слышалъ, чтобы къ кому-либо изъ рабочихъ относились съ тѣмъ или другимъ паролемъ, которые мнѣ теперь прочитаны. Къ этому могу добавить, что въ слѣженіи за проѣздомъ государя императора въ его поѣздкахъ по городу я также принималъ участіе, хотя весьма короткое время, вмѣстѣ съ нѣкоторымъ Арсеніемъ или Аркадіемъ, повидимому, студентомъ, съ которымъ меня познакомила Перовская, но не помню, гдѣ именно. Отчеты въ нашихъ дѣйствіяхъ мы съ Арсеніемъ отдавали Перовской, кажется, на Б. Дворянской или Монетной улицѣ, гдѣ собирались всѣ слѣдившіе, въ томъ числѣ какая-то барышня Лиза, Макаръ, кажется, студентъ, Котикъ и еще нѣсколько лицъ, которыхъ не знаю. Собирались мы въ комнатѣ, очевидно, принадлежащей студенту, но гдѣ она была, я не знаю ни номера дома, ни квартиры, ни названія улицы, потому что меня приводилъ Арсеній или Аркадій, съ которымъ для этой цѣли уславливались встрѣчаться въ кондитерской Андреева. Мнѣ ничего неизвѣстно о томъ, чтобы Перовская или кто-либо изъ членовъ партіи завелъ или предполагалъ завести сношенія съ кѣмъ-либо изъ служащихъ

---

[1]) Этотъ вопросъ былъ предложенъ по содержанію расшифрованной записки, найденной у Перовской, см. ниже, въ ея показаніяхъ. *Ред.*

въ крѣпости ради какихъ-либо цѣлей. Котикъ же мнѣ какъ-то говорилъ, что у нихъ есть связи въ Иваново-Вознесенскѣ, владимірской губерніи, съ рабочими, но съ кѣмъ именно, не знаю.

X. 13 марта. Въ разъясненіе всѣхъ обстоятельствъ какъ предшествующихъ покушенію на жизнь покойнаго государя, такъ и самаго покушенія перваго сего марта, прошу приложить къ настоящему протоколу показаніе мое, составленное мною собственноручно заявленіе (на 9 страницахъ), заключающее въ себѣ всѣ тѣ свѣдѣнія, какія я упомнилъ, относящіяся къ покушенію. По поводу отобранныхъ при моемъ задержаніи сигнатурки пантелеймоновской аптеки, на выписку лекарства и вещества въ кусочкахъ, завернутаго въ бумажку объясняю:

1) Страдая хроническимъ трипперомъ, я, прійдя однажды на квартиру знакомаго мнѣ студента Лазинскаго, увидѣлъ у него банку съ лекарствомъ, сигнатурка котораго давала понять, что оно предназначено для излеченія триппера. Я взялъ банку съ лекарствомъ для пользованія, унесъ ее домой, а сигнатурку, оторвавъ и зачеркнувъ на ней собственноручно фамилію Лазинскаго, носилъ въ карманѣ.

2) По поводу же порошка, или вещества въ кусочкахъ, поясняю: это есть желѣзисто-синеродистый кали, который я взялъ, кажется, въ лабораторіи горнаго института въ началѣ настоящаго учебнаго года чрезъ какого-то студента старшаго курса для слѣдующей цѣли: желѣзисто-синеродистый кали съ хлористымъ желѣзомъ ($Fe_2 Cl_6$) даетъ берлинскую лазурь, поэтому однимъ изъ этихъ веществъ можно писать тайныя письма, читая ихъ при посредствѣ другаго, для чего другимъ реактивомъ стоитъ помазать по написаннымъ строкамъ, и невидныя до того буквы синѣютъ.

Предъявленная мнѣ въ настоящее время банка съ 3-мя трубками внутри, изъ которыхъ 2—вертикальная и горизонтальная—припаяны, а третья виситъ на стопинѣ, заключенной въ гуттаперчевую трубку, есть именно такой же, только разряженный снарядъ, какой я получилъ на конспиративной квартирѣ и какіе были розданы остальнымъ лицамъ, принимавшимъ участіе въ покушеніи (былъ предъявленъ одинъ изъ разряженныхъ снарядовъ, найденныхъ въ кв. № 5, домъ № 5, на Телѣжной ул. [1]).

XI. Заявленіе мѣщанина города Тихвина Николая Иванова Рысакова [2]). 10-го марта 1881 года я, мѣщанинъ города Тихвина Николай Ивановъ Рысаковъ, получилъ обвинительный актъ, которымъ предаюсь суду особаго присутствія правительствующаго сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ. Указываю, прежде всего, на неточности, вкравшіяся въ обвинительный, актъ, должно быть при его печатаніи: на страницѣ 14, 7-я строка сверху: «было условлено заранѣе, въ кондитерской Андреева съ Михайловымъ». Я встрѣтился не съ Михайловымъ, но, какъ писано въ моихъ всѣхъ предыдущихъ показаніяхъ, съ «Михаиломъ», котораго, кажется, я и видѣлъ по Екатерининскому каналу въ отдаленіи; на стр. 13... б) «образовавшаяся среди рабочихъ лишь въ февралѣ 1881 г. боевая дружина рабочихъ или террористическій отдѣлъ для охраненія движенія и рабочихъ отъ

---

[1]) Слова въ скобкахъ написаны Никольскимъ. *Ред.*

[2]) Заявленіе датировано 13 марта и было подано послѣ составленія перваго обвинительнаго акта (см. введеніе). *Ред.*

шпіоновъ, въ составъ которой, по предположенію Рысакова, входило не болѣе 20 человѣкъ». Въ террористическій отдѣлъ рабочей организаціи входило не болѣе 5—6 лицъ, о чемъ я и говорилъ прежде, что я зналъ, но не предполагалъ; изъ нихъ только одинъ или два были рабочіе, а остальные—интеллигентныя лица, занимающіяся агитаціей среди рабочихъ. Когда же господинъ товарищъ прокурора А. Ф. Добржинскій предлагалъ мнѣ вопросы о боевой дружинѣ, то я, предположивъ, что достаточно выяснилъ въ прежнихъ своихъ показаніяхъ составъ и цѣли рабочей боевой дружины, отнесъ вопросы господина Добржинскаго къ исполнительному комитету, даже указывалъ на печатаніе органа «Народная Воля» (тогда какъ рабочая организація имѣетъ свой спеціальный органъ «Рабочая Газета»), какъ на явленіе, дающее понятіе о малочисленности боевой дружины. Далѣе на страницѣ 12; 20 и 21 строки снизу: «что почеркъ Рысакова имѣетъ сходство, хотя и въ измѣненномъ видѣ, съ адресами на 105 конвертахъ». Въ этихъ конвертахъ, какъ видно изъ обвинительнаго акта, разсылались прокламаціи отъ «исполнительнаго комитета. 1-го марта 1881 г. Типографія Народной Воли. 2 марта 1881 года» по городу Санктъ-Петербургу. Я положительно отрицаю участіе свое въ надписываніи конвертовъ. Я могъ бы принять участіе въ надписываніи конвертовъ 27—28-го февраля, но я думаю, что въ это время до совершенія покушенія не производилось такихъ дѣяній, какъ отпечатаніе прокламацій, подписываніе конвертовъ, и т. д. потому — масса отобранныхъ заготовленныхъ конвертовъ до покушенія могла бы полицію, если бы та какъ-нибудь нечаянно даже наткнулась на партію конвертовъ, предупредить о чемъ-то замышляемомъ соціалистами, а сопоставляя роль найденныхъ конвертовъ въ прежнихъ дѣлахъ съ найденною ихъ массою, полиція начала бы зорко слѣдить и оберегать всѣ тѣ мѣста, которыя могутъ представить изъ себя опасные пункты, напр., домъ гр. Менгдена. Я полагаю и увѣренъ, что такъ бы разсуждали опытные революціонеры, а поэтому отношу время надписыванія конвертовъ къ вечеру, ночи 1-го марта и утру 2-го марта, т. е. думаю, что параллельно съ изготовленіемъ прокламацій изготовлялись и конверты. Но, какъ суду извѣстно, я въ это время былъ арестованъ, а поэтому не могъ принять участія въ надписываніи конвертовъ. Далѣе все, что имѣется въ обвинительномъ актѣ, я признаю справедливымъ и достовѣрнымъ, поэтому не имѣю надобности въ новыхъ свидѣтеляхъ, кромѣ уже привлеченныхъ.

Я желаю еще выяснить покушеніе 1-го марта, объяснить многое, что въ обвинительномъ актѣ или обойдено молчаніемъ, или только упомянуто вскользь. Желаю это сдѣлать по слѣдующимъ причинамъ: 1) чтобы правительство и общество видѣли ту силу, ту партію, которая стремится произвести экономическій и политическій переворотъ, поняли бы ее, составили бы о ней самое вѣрное представленіе. Это необходимо для того, чтобы оба враждебные лагеря могли вести разумную борьбу, при которой будетъ меньше и крови, и озлобленія, а больше логики и, поэтому, уступокъ; 2) цѣлый рядъ покушеній на жизнь государя Александра II завершился новымъ покушеніемъ, болѣе удачнымъ, чѣмъ предыдущія. По этому уже одному фактъ этотъ требуетъ поясненія со стороны лицъ, его произведшихъ, чтобы видѣть и понимать эту цѣль покушеній, провести между ними логическую связь, опредѣлить въ нихъ активное участіе исполнительнаго комитета, а также и прочихъ боевыхъ дружинъ, составляющихъ его вѣтви. Это необходимо для того, чтобы отдать пе-

режитый періодъ террора на судъ исторіи, на судъ будущихъ поколѣній. Я, что знаю, изложу со своей стороны вполнѣ правдиво, если же гдѣ вкрадется неточность, то она не будетъ умышленною; 3) желаю выяснить причины, побудившія меня принять участіе въ покушеніи, дабы доказать суду, что я не слѣпое орудіе Желябова или даже всей партіи «Народной Воли», что я имѣлъ свои мотивы, вполнѣ отличные отъ мотивовъ партіи. Я бы желалъ, чтобы и мои товарищи прониклись желаніемъ освѣтить, по возможности, фактъ покушенія 1-го марта 1881 г., потому, что только при содѣйствіи ихъ я могу своимъ показаніемъ нарисовать полную картину, потому что мнѣ многое неизвѣстно изъ предыдущаго.

Я соціалистъ по своимъ убѣжденіямъ, но не такой чистый соціалистъ, какъ ученые соціалисты. Свои соціалистическія убѣжденія я почерпнулъ изъ крестьянства, убѣжденія эти правильно сформировались только за послѣдніе 2 года, когда я сумѣлъ ихъ подвести подъ извѣстныя уже въ наукѣ формулы. Я убѣжденъ въ томъ, что вся масса страданій низшаго класса всякаго государства, что дѣленіе всякаго народа на два весьма непохожихъ другъ на друга лагеря—имущихъ и неимущихъ, что порабощеніе неимущихъ имущими и т. д. происходитъ отъ существующаго строя, который я называю либеральнымъ. Еще великая французская революція обѣщалась пролить благо на землю посредствомъ такъ называемаго либерализма. Либерализмъ проповѣдуетъ свободную конкуренцію, свободная конкуренція влечетъ за собой индивидуальную борьбу въ экономическомъ строѣ, что, наконецъ, создаетъ капиталъ, дѣлаетъ капиталистами небольшую кучку лицъ, держащихъ въ порабощеніи у себя массы неимущихъ, т. е. такихъ, которымъ не везетъ въ этой борьбѣ за кусокъ хлѣба. Либерализмъ оказался, очевидно, съ перваго же шага утопіей, но онъ впрочемъ съ перваго же шагу и позабылъ о томъ, что хотѣлъ, только ради вѣжливости въ обращеніи онъ оставилъ на своемъ языкѣ сладкія слова: любовь къ народу, равенство, братство, свобода. Либеральный строй имѣетъ защитника и поддержку въ политическомъ строѣ почти всѣхъ европейскихъ государствъ, а также и въ нашемъ. Въ настоящее время ведется борьба между либеральнымъ и соціалистическимъ строями, ведется съ попеременнымъ успѣхомъ, но общее впечатлѣніе таково, что соціалистическими ученіями все болѣе и болѣе проникаются народы и сочувствуютъ имъ, такъ что можно надѣяться, что соціалистическія тенденціи восторжествуютъ надъ либеральными. Впрочемъ это и не мудрено, потому что соціализмъ не чуждъ народу. Въ главнѣйшихъ чертахъ взгляды русскаго народа на экономическій строй тѣ-же почти, что и у соціализма. Народъ болѣе сочувствуетъ общинѣ, которая въ настоящее время распадается, теряетъ общую нить подъ усиліями существующаго строя, народъ только за трудомъ признаетъ права на собственность, даже въ ущербъ понятію о наслѣдствѣ и т. д. У насъ, въ Россіи, политическія условія жизни таковы, что соціализмъ долженъ бороться еще и съ политическимъ строемъ. При этомъ существуютъ различныя умозаключенія: Легальный писатель склоненъ думать такъ, что сначала должно добиться экономической свободы, а политическая сама придетъ, нелегальный писатель можетъ думать какъ разъ наоборотъ, что впрочемъ не такъ интересно, какъ то, что изъ существующихъ партій, бьющихся за народное освобожденіе, партія «Народной Воли» признаетъ, что устраненіемъ политической и экономической несвободы можно добиться блага народа, т. е. она не раздѣляетъ ига политическаго отъ ига

экономическаго, не борется съ однимъ въ надеждѣ, что другое падетъ само собою, но старается бороться съ обоими вмѣстѣ, и мое личное впечатлѣніе таково, что въ послѣдніе годы борьба эта перешла на политическую почву исключительно, и партія говоритъ объ явномъ возстаніи, какъ объ единственномъ средствѣ достигнуть желаемаго, при чемъ ей нѣтъ до того дѣла—будетъ-ли сознана бунтующими, дерущимися на баррикадахъ экономическая цѣль борьбы; она и о политической не особенно сильно заботится—«политическое развитіе пріобрѣтается на баррикадахъ». Мое личное мнѣніе объ явномъ возстаніи таково, что возстаніе можетъ только измѣнить существующій политическій строй, вовсе не касаясь экономическаго, т. е. соціалистъ, проповѣдующій открытое возстаніе и добившійся его, не достигаетъ своей цѣли. Это уже показали и многочисленныя французскія революціи и германскіе бунты, особенно германскіе характерны (см. Іос. Шерръ. Комедія Всемірной Исторіи); то-же будетъ удѣломъ и русской всеобщей революціи при настоящемъ условіи дѣлъ, т. е. въ періодъ революціи будетъ какъ будто-бы торжествовать крестьянство, получится политическая свобода, а либеральное начало, вродѣ кулаковъ и иныхъ міроѣдовъ, расползется по щелямъ, проклиная революцію. Кончились кровавыя схватки, захотѣлось всѣмъ отдохнуть и посмотрѣть на плоды своихъ трудовъ, глядь, и Разуваевы, и оголтѣлые помѣщики полѣзли изъ щелей, воспользовались политической свободой, одѣлись прилично, свободомысліе допустили и закинули свои сѣти въ отдыхающій народъ. Вотъ и народился вамъ западно-европейскій буржуа, который тѣмъ вреднѣе, что носитъ медъ на языкѣ, во фракѣ ходитъ, о любви и свободѣ говоритъ. А народился буржуа—читай, значитъ, начинай сначала борьбу за соціалистическія тенденціи, а прежнія усилія почти прахомъ пошли, осязательной пользы не принесли. Однимъ словомъ, явное возстаніе, дающее больше свѣта въ политическомъ отношеніи, не служитъ совсѣмъ почти въ пользу нарождающемуся соціалистическому строю. Оно **можетъ** служить, но только тогда, когда предъ возстаніемъ, если не весь народъ, то народная интеллигенція — рабочіе, крестьяне, оторванные отъ деревень и ушедшіе на отхожіе промыслы и т. д.—имѣетъ уже точное и раздѣльное понятіе о соціалистическомъ строѣ, сочувствуетъ ему, въ силахъ противопоставить мелкой деревенской буржуазіи, крупной городской, помѣщикамъ, фабрикантамъ и т. д. свои требованія и сумѣетъ защитить ихъ, защитить разумно.

Намѣчу вкратцѣ тотъ путь, которымъ «Народная Воля» думаетъ совершить переворотъ: путемъ пропаганды она подготовляетъ массы къ перевороту, терроръ служитъ ей охраняющимъ пропаганду средствомъ, кромѣ того, терроръ убѣждаетъ народъ въ силѣ партіи, желающей переворота, указываетъ ему на партію, какъ на рѣшительнаго и смѣлаго предводителя, доставляетъ обаяніе знамени партіи и, наконецъ, служитъ активнымъ средствомъ для борьбы съ правительствомъ, въ отвѣтъ на его строгія мѣры противъ соціалистовъ. Наконецъ, когда пропаганда, вспоможествуемая терроромъ, составила достаточныя силы для открытой борьбы, то послѣдняя есть уже послѣдній шагъ къ перевороту. Такимъ представляю я себѣ путь, по которому стремится партія «Народной Воли» къ перевороту. Но врядъ-ли коснется онъ экономическаго строя при наличныхъ силахъ и при настоящихъ условіяхъ, если только путемъ мирной пропаганды не пріобрѣтетъ она себѣ большей гораздо массы послѣдователей. Путь вышенамѣченный разсчитываетъ на недовольство существующимъ

строемъ, на объединеніе этого недовольства не пропагандой,—«Народная Воля» отказывается отъ этого, указывая на невозможность объединить недовольство всѣхъ деревень довольно основательно,—но путемъ болѣе нагляднымъ—терроромъ и т. д. и путь этотъ уже изъ предыдущихъ революцій извѣстенъ, только террору не всегда отводилось такое широкое мѣсто. Путемъ этимъ шли и французы и добивались республикъ, всегда буржуазныхъ, шли имъ германцы и создали свою пресловутую конституцію и т. д., т. е. вся исторія бывшихъ до настоящаго времени революцій укажетъ, что намѣченный путь не новъ и приводитъ онъ къ расширенію политическихъ правъ, почти не касаясь экономическихъ отношеній. Поэтому я съ своей точки зрѣнія не вполнѣ согласенъ съ намѣченнымъ партіей путемъ, именно: мнѣ желательно, чтобы партія дала мирной пропагандѣ самый широкій просторъ, мѣсто же террору сузила бы до самаго возможнаго minimum'а. Признавая въ принципѣ полезность террора, т. е., считая справедливою ту логическую формулу, которая защищаетъ терроръ, я тѣмъ не менѣе не принадлежу къ числу лицъ, сердцемъ сочувствующихъ ему. А затѣмъ и наконецъ — баррикады, созданныя искусственно, приводятъ къ безформенному бунту, въ которомъ народъ — эта живая, разумная сила—превращается во что-то стадное, массовое, идущее съ закрытыми глазами и само не знающее куда: взадъ или впередъ. Избавь Богъ отъ такого бунта, а онъ возможенъ тогда, когда идея новой жизни не ясна для самихъ предводителей, въ данномъ случаѣ для народной интеллигенціи, и когда этихъ предводителей сравнительно незначительное количество.

Воспользуюсь всѣмъ вышесказаннымъ для того, чтобы съ психологической точки зрѣнія объяснить свое участіе въ покушеніи 1-го марта. Я думаю, что я достаточно своими показаніями опредѣлилъ мои отношенія къ партіи «Народной Воли». Я признаю эту партію за самую дѣятельную изъ всѣхъ, она умнѣе всѣхъ оріентировалась въ своемъ положеніи, скорѣе себѣ уяснила значеніе интеллигенціи для народа и ихъ взаимныя отношенія, наконецъ, съ большимъ успѣхомъ приложила къ своей агитаціонной дѣятельности формулу: «на народъ черезъ народъ». Раздѣляя ея взгляды на рабочее населеніе городовъ, на его передовую роль во всемъ народѣ и, наконецъ, на то, что агитація поведется успѣшно въ деревнѣ только чрезъ городскихъ рабочихъ, я примкнулъ къ партіи, обѣщавшей мнѣ въ лицѣ Желябова содѣйствіе и помощь при первыхъ моихъ шагахъ. Это содѣйствіе заключалось въ томъ, что мнѣ дадутъ нѣсколько знакомствъ изъ среды рабочихъ, чрезъ которыхъ я заведу собственныя и поведу самостоятельно дѣло. О личныхъ взглядахъ и убѣжденіяхъ даже и рѣчи не было, и я, какъ составившій свои собственные, частью изъ непосредственнаго наблюденія, частью изъ книгъ, и не интересовался взглядами партіи, не считалъ ее знаменемъ русской революціи. Поэтому въ моихъ дѣйствіяхъ и не могло быть партейности, которая въ данную минуту не позволила бы мнѣ критически относиться къ тенденціямъ «Народной Воли», что бы я долженъ былъ сдѣлать раньше. Не могло быть этой партейности и въ моихъ мотивахъ, побудившихъ меня на покушеніе. Если бы я мотивировалъ свое участіе въ покушеніи точно такъ же, какъ и «Народная Воля», то я имѣлъ бы право на названіе слѣпого орудія, увлеченнаго краснорѣчіемъ такого-то и т. д., что бы, пожалуй, уменьшало вину мою. Господинъ прокуроръ, допрашивавшій меня, и высказалъ именно такія мысли, предположивъ, что у меня, какъ у сознательно-дѣйствующаго, должны быть свои мо-

тивы, отличные отъ мотивовъ партіи. Мотивы партіи выскажетъ мой соподсудимый, потому что ему лучше ихъ знать, чѣмъ мнѣ, какъ человѣку, недавно только столкнувшемуся съ партіей, и то по дѣлу съ чисто-мирнымъ характеромъ. Мои же мотивы высказаны мною въ 4-мъ, кажется, протоколѣ, занесены вкратцѣ въ обвинительный актъ, наконецъ, я ихъ могу снова высказать и здѣсь.

1. Прекращеніе террорра, какъ весьма тяжелаго средства для достиженія цѣли, не вполнѣ прямой для соціалиста.

2. Мирная пропаганда въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и не съ узкой точки зрѣнія какой-либо партіи, но съ точки зрѣнія болѣе широкой, охватывающей міровоззрѣніе всего русскаго народа.

Когда я, еще будучи на свободѣ, размышлялъ о террорѣ, ни съ кѣмъ не дѣлясь своими мыслями, то я пришелъ къ тому заключенію, что Григорій Гольденбергъ, террористъ уже испытанный, заявившій о себѣ своими дѣлами, былъ правъ, перемѣнивъ свой образъ мыслей. Можно безошибочно сказать, что терроръ, выразившійся въ рядѣ покушеній на жизнь государя императора, отодвинулъ на десятки лѣтъ торжество соціалистическихъ тенденцій и, будучи дѣломъ одной только партіи, онъ затормозилъ не менѣе, если не болѣе, плодотворную дѣятельность другихъ революціонныхъ братствъ и дружинъ, дѣятельность чисто пропагаторскую. Я сочувствовалъ вполнѣ Гольденбергу и давалъ въ дѣйствіяхъ партіи террору самое минимальное значеніе, которое дѣйствительно было полезно и не только для партіи, но для всего общаго дѣла. На самомъ дѣлѣ для партіи было полезно пользоваться терроромъ въ очень широкихъ размѣрахъ, болѣе широкихъ, даже чѣмъ тѣ, которые она допускала въ своихъ цѣляхъ, но только нѣсколько видоизмѣнивъ намѣченный путь. Партія, чтобы въ скоромъ времени получить сочувствіе массы деревень и селъ, должна была перенести свои замыслы съ государя, хотя бы на время, и направить свои удары на лицъ прямо вредныхъ крестьянамъ; должна была сформировать деревенскій терроръ, контингентомъ для выбора лицъ для котораго служило почти все сельское населеніе, измученное настоящей голодовкой и оскорбленное во всемъ урядниками. Значитъ, ничего не стоило въ самомъ непродолжительномъ времени дать террору даже аграрное значеніе, и тогда по ужасности своей врядъ-ли что иное могло сравниться съ нимъ, потому что терроризовали бы крестьяне за себя, за свои животы, напримѣръ, въ извѣстныхъ дѣлахъ—великолицкомъ (Нелединскій), люторицкомъ (Бобринскій и Фишеръ)—разсерженной и разъяренной толпѣ не доставало только предводителя. Значитъ, почва для террора была самая удобная, ему ничто не мѣшало разрастаться, напротивъ—способствовало. Я говорю о правительственныхъ мѣропріятіяхъ противъ соціалистовъ-революціонеровъ, не достигавшихъ своей цѣли и ложившихся всей своей тяжестью на народъ. Напр., неоднократно уже мною упомянутый институтъ урядниковъ и т. д. Эти мѣропріятія и иныя стѣсненія народной жизни давали обильную пищу террору и, если бы его пересадили на эту почву, то онъ широко бы разросся и довелъ бы народъ, быть можетъ, до возстанія, потому что этимъ путемъ партія могла объединить недовольства отдѣльныхъ деревень, могла дать извѣстную окраску общему дѣлу, постоянно сталкиваясь съ селами, какъ истинный его защитникъ и объясняя факты защиты. Но за чѣмъ же дѣло стало? Ни за чѣмъ! Я уже писалъ о летучемъ отрядѣ. Какъ же теперь противодѣйствовать разрастанію террора, мо-

гущаго кончиться возстаніемъ, безформеннымъ, безъ ясно-понятой идеи—бунтомъ. А противодѣйствовать нужно не только мнѣ, человѣку, не сроднившемуся съ партіей, идеи которой не перешли въ кровь и плоть мою, но даже и человѣку, проникнутому до мозга костей партейностью, какъ это сдѣлалъ Гольденбергъ, нужно потому, что на наше нравственное «я» ляжетъ вся тяжесть борьбы, всѣ жертвы ея. Партія сознательно ведетъ народъ къ возстанію, о которомъ народъ вообще всякій, не только нашъ русскій, до возстанія и не помышляетъ. Велика должна быть отвѣтственность ведущихъ передъ судомъ исторіи, поэтому возстаніе безформенное, безъ точно-опредѣленной цѣли, какою, напримѣръ, кажется первая французская революція, должно устрашать партію, она должна всѣми средствами отклониться отъ него, а не желать, ради политическаго развитія массъ. Зная, что терроръ деревенскій не за горами, зная, чего можно имъ достигнуть, я думалъ о средствахъ къ его удаленію, т. е. думалъ о томъ, какъ можно вырвать почву изъ-подъ ногъ террора; нынѣ я вполнѣ сознаю, что это было необходимо, хотя шло въ разрѣзъ съ цѣлями партіи, но пусть лучше партія очутится въ худшемъ положеніи, пусть завѣтная ея мечта ускользаетъ отъ нея, и все это опять-таки во имя блага народа. Всѣ мои размышленія склонились къ одному новому, болѣе удачному покушенію на жизнь государя, всѣ остальные пути не могли радикально обезпочвить терроръ. Это зависѣло, какъ я доказалъ въ моихъ показаніяхъ, отъ личности государя, видѣвшаго въ соціалистахъ своихъ личныхъ враговъ, поэтому уже нельзя допустить, чтобы онъ отмѣнилъ тѣ мѣропріятія, которыя якобы были направлены противъ соціалистовъ и которыя, напротивъ, служили ихъ цѣлямъ гораздо лучше, чѣмъ всѣ усилія пропаганды. Исключительность такого положенія зависѣла отъ того, что борьба между двумя строями перешла въ личные счеты между партіей и верховной властью, чего не могутъ отрицать мои товарищи-революціонеры, не могутъ уже потому, что исключительно направили свой терроръ на государя, оставивъ въ сторонѣ всякій другой терроръ,—а первый больше вредилъ имъ, вредилъ дѣлу освобожденія народа, тогда какъ второй могъ доставить партіи «обаяніе». Я потому останавливаюсь на этомъ подробно, что даже товарищи мои могутъ упрекнуть меня въ измѣнѣ прежнимъ вѣрованіямъ, убѣжденіямъ. Но упрекъ этотъ будетъ вполнѣ неоснователенъ. Крѣпость только помогла мнѣ нѣсколько обновиться, усилила любовь мою къ народу, но не къ идеальному народу, а къ мужику, и заставила меня смотрѣть на мужика, какъ на такое существо, до котораго мнѣ, интеллигентному человѣку, должно возвыситься тяжелымъ и долгимъ путемъ испытаній, что даже, кажется, мнѣ невозможно, потому что ко мнѣ приложена 249 ст. уложенія о наказаніяхъ; крѣпость не измѣнила моихъ мыслей и убѣжденій, но очистила отъ входящей въ меня партейности.

Итакъ, я рѣшился на покушеніе 1-го марта, разсуждая такъ: перемѣна верховной власти повлечетъ за собой измѣненія въ политическомъ строѣ русской жизни. Общество и весь народъ получатъ многія льготы, которыя отнимутъ почву у террора. Вѣрность этихъ мыслей, по моему мнѣнію, опровергать нельзя, залогомъ тому служитъ то обстоятельство, что новый правитель всегда бываетъ либеральнѣе. Льготы эти могутъ и должны повести къ поднятію умственнаго развитія народа, а стало-быть, народъ будетъ воспріимчивѣе къ соціалистическимъ ученіямъ. Но вѣдь дѣйствительно странно надѣяться, чтобы «отношенія къ намѣченнымъ уже соціалистамъ», ну, напри-

мѣръ, къ членамъ партіи «Народной Воли» сдѣлались мягче. Но представьте себѣ, ради особой яркости, что партія благополучно переправилась чрезъ океанъ и попала въ С.-Ам. Соед. Штаты, программа ея осталась та же, что и была,—она тамъ рискуетъ попасть въ домъ умалишенныхъ. Я этимъ хочу сказать только то, что если партія была умѣстною при прежнихъ, строгихъ отношеніяхъ власти къ народу, отвѣчая терроромъ на бѣлый терроръ, то при измѣненіи, смягченіи этихъ условій, она, чтобы не представить изъ себя анахронета, должна, ради простой логики, измѣнить свою программу, именно часть, касающуюся боевыхъ дѣйствій. Если партія «Народной Воли» не будетъ терпима, то она должна ради того же блага, за которое борется теперь, измѣниться, сослуживъ свою службу. Партія тогда можетъ доставить своему знамени обаяніе, когда она будетъ строго слѣдить за своими шагами, когда каждый ея шагъ имѣетъ истинное объясненіе. Поэтому случись теперь повѣшеніе кого-либо изъ насъ, судящихся по дѣлу 1-го марта, партія не должна отвѣчать на это терроризованіемъ кого-либо изъ правительства, потому что она тогда ради личныхъ счетовъ, ради мщенія упускаетъ изъ виду общее благо и снова сведетъ борьбу за освобожденіе народа отъ ига экономическаго (предпочтительно), на борьбу политическую, старыхъ личныхъ счетовъ, ради которыхъ соціалистъ не долженъ, кажется, жертвовать ничѣмъ, а тѣмъ болѣе жизнью человѣка. При сведеніи личныхъ счетовъ, при мщеніи не можетъ быть рѣчи объ общемъ благѣ. Мнѣ кажется, что если это покушеніе положило конецъ временамъ непониманія другъ друга, если устранены причины, исходящія отъ правительства и могущія дать почву обширному террору, если народъ получилъ льготы, то новый терроръ партіи «Народной Воли» врядъ-ли объяснимъ съ точки зрѣнія общаго блага, врядъ-ли будетъ логиченъ.

Теперь еще нѣсколько заключительныхъ словъ, касающихся прямо русскихъ соціалистовъ. Послѣдній фактъ, навѣрное, снова оттолкнулъ общество и народъ отъ соціалистовъ. Навѣрное, въ данную минуту пропаганда остановилась за невозможностью найти слушателей, т. е. вообще для соціализма этотъ историческій моментъ принадлежитъ къ тяжелымъ. Но навсегда-ли? Если обратиться къ тому впечатлѣнію, которое производили предыдущія покушенія, то увидимъ, что и настоящее состояніе умовъ таково же, какъ и прежде, что подобные факты всегда отталкиваютъ слушателей, раздѣляютъ ихъ на два отдѣла, первый, который остается вѣренъ идеямъ партіи — меньшій, второй— большій, ускользающій отъ пропаганды въ подобное время или навсегда, или только на время, пока перейдетъ первое впечатлѣніе. Значитъ, нельзя сомнѣваться, чтобы и теперь не нашлось-бы лицъ, которыя въ будущее время, когда тяжелое впечатлѣніе отъ 1-го марта будетъ пережито, не служили бы нитями для пропаганды. Я говорю это съ увѣренностью про дружины, которыя ведутъ исключительно экономическую борьбу, терроръ въ програму которыхъ не входитъ, какъ одно изъ средствъ достиженія цѣли. Такимъ соціалистическимъ дружинамъ можно предвѣщать широкую дѣятельность и большой успѣхъ, если онѣ только сумѣютъ подойти къ народу, уничтожатъ всякую мысль о партейности, чѣмъ прекратится надобность мѣшать другъ другу. Руководясь этими вышеизложенными соображеніями, я поступалъ вполнѣ по чистой совѣсти и по лучшимъ побужденіямъ моей души и сердца, давая Желябову искреннее согласіе на участіе въ покушеніи 1-го марта. Меня не упрекала въ этомъ случаѣ совѣсть, потому что на фактъ этотъ я смотрю,

какъ на такой, который дастъ русской жизни новое теченіе, уничтожитъ терроръ, отвратитъ бѣдственный возможный народный бунтъ, расширитъ дѣятельность мирнаго соціалиста, заставитъ общество взглянуть на соціализмъ справедливо, при истинномъ освѣщеніи. А для этого можно и должно было жертвовать своею жизнію, жертвовать даже партіей, что я и сдѣлалъ, принявъ активное участіе въ покушеніи и разсуждая теперь съ партіей не въ конспиративной квартирѣ, а передъ судомъ. Я жду, что на меня посыплются упреки въ томъ, что объясненіемъ своимъ я скомпрометировалъ партію. Мнѣ кажется, что этого я сдѣлать не могъ, потому что былъ «добровольцемъ», приглашеннымъ партіей для дѣйствія и, стало быть, смѣющимъ имѣть свое сужденіе. Я бы скомпрометировалъ партію въ томъ случаѣ, если бы, пытаясь на судѣ и въ крѣпости привить къ себѣ партійные мотивы, я доказалъ бы суду, что въ данномъ случаѣ есть только слѣпое орудіе партіи.

Перейду теперь къ самой трудной части заявленія: къ фактической сторонѣ дѣла 1-го марта. [Сдѣлаю маленькую оговорку прежде. Въ данное время нравственное состояніе мое таково, что я не могу сосредоточиться на какой-либо одной мысли, не могу ясно, напр., нарисовать себѣ картину прошлаго. Въ моемъ мозгу встаютъ отдѣльные образы, сцены, но не связанные другъ съ другомъ. Я очень привыкъ курить табакъ, и онъ въ данномъ случаѣ могъ бы сослужить мнѣ ту службу, что далъ бы возможность сосредоточиться на одной мысли, связать всѣ образы, явленія въ одно цѣлое, многое припомнить, потому что табакъ дѣйствуетъ успокаивающимъ образомъ на нервы и, какъ наркотическое средство, поднимаетъ умственную дѣятельность. Если мнѣ законъ даетъ защитника, то онъ можетъ дать мнѣ возможность оріентироваться въ моемъ положеніи, т. е. нѣсколько обдуматься, успокоиться, и т. д., т. е. составить себѣ въ самомъ себѣ защиту, что мнѣ вполнѣ необходимо, потому что на судѣ, кромѣ защиты, или поясненія факта, я еще долженъ открыть незначительную борьбу съ партіей—задача для меня очень тяжелая, сверхъ-силъ, но необходимая для моей цѣли—вырвать почву изъ подъ террора. Я думаю, что законъ могъ бы разрѣшить мнѣ куреніе табаку, чтеніе нѣсколькихъ нумеровъ «Земли и Воли» и «Народной Воли», потому что въ бытность мою на свободѣ я почти не читалъ этихъ революціонныхъ изданій, зная и безъ нихъ мотивы борьбы. Теперь же, вступая въ полемику съ партіей въ лицѣ Желябова, моего «воспитателя», я необходимо долженъ, въ видахъ общей пользы, составить себѣ защиту и средство для нападенія изъ этихъ революціонныхъ органовъ. Прошу я разрѣшенія на чтеніе революціонныхъ органовъ для того, чтобы довести борьбу до конца. Первый актъ ея исполненъ, и предо мною другой открыть—это для устраненія террора—уяснить предъ судомъ, на сколько «Народная Воля», увлеченная политическою борьбою, отошла отъ соціалистическихъ тенденцій. Безъ этого уясненія я не сыграю той роли вполнѣ, которую взялъ на себя, принявъ участіе въ покушеніи 1-го марта. Затѣмъ покорнѣйше прошу вѣрить, что воскресенье 1-го марта представляется чѣмъ-то неяснымъ, шумящимъ, однимъ словомъ, хаосомъ, въ которомъ я не могу разобраться и, если припоминаю, то только по вопросамъ и намекамъ. Опять-таки прошу разрѣшить мнѣ курить табакъ, какъ средство для защиты, что дано мнѣ по закону].

Я отводилъ террору самое минимальное значеніе въ борьбѣ между двумя строями. Я признавалъ за полезное не только для партіи лично, но для всего

революціоннаго движенія, терроризированіе лицъ, назойливо преслѣдующихъ соціалистовъ и старающихся разстроить движеніе часто изъ-за корыстныхъ видовъ—шпіоновъ. Я признавалъ это, какъ признаю ту или другую алгебрагическую формулу, поэтому ничего не находилъ противъ вступленія моего въ только что сформированный террористическій отдѣлъ рабочей организаціи Андреемъ Желябовымъ, цѣль котораго была охрана рабочаго движенія отъ шпіоновъ. Группа эта была образована, насколько я могу припомнить, у меня на квартирѣ недѣли за двѣ, за три до покушенія. Въ нее входили Желябовъ, я, Котикъ, какой-то рабочій (не помню имени), еще кто-то изъ интеллигентныхъ и, кажется, Тимофей Михайловъ, если онъ не отрицаетъ этого. Найдя, что моя комната вовсе не удовлетворяетъ тѣмъ условіямъ, которыми должны быть окружены подобныя сходки, Желябовъ указалъ на конспиративную квартиру по Троицкому переулку, номера дома и квартиры не знаю, въ которой мы и собрались разъ или два, разсуждая о террорѣ среди рабочихъ; поднимались, напр. такіе вопросы: «какъ относиться къ мастерамъ вообще», при чемъ рѣшили, насколько помню, что вообще мастеръ не врагъ рабочаго. На другомъ собраніи обсуждались тоже, кажется, общіе вопросы, средства для исполненія цѣли и т. д. Это было очень незадолго до 1-го марта, за недѣлю, полторы. Около 10 ч. вечера пришелъ туда Желябовъ, который здѣсь кликнулъ кличъ, заявивъ, что рѣшено исполнительнымъ комитетомъ произвести новое покушеніе на жизнь государя, вызывая, значитъ, «добровольцевъ». Кажется, всѣ, кромѣ неизвѣстнаго мнѣ рабочаго и неизвѣстнаго интеллигентнаго, дали свое согласіе, въ томъ числѣ и я. Въ тотъ же вечеръ Желябовъ сказалъ, что эта квартира бросается, а поэтому меня не упрекаетъ совѣсть за то, что я ее назвалъ. Впускалъ насъ въ квартиру Котикъ, который для этого приходилъ въ нее за четверть часа раньше всѣхъ остальныхъ. Если бы его не было, то, только спросивъ Борисова, можно было проникнуть въ нее. Мы всегда собирались въ первой отъ дверей комнатѣ, такъ что ничего не знали о квартирѣ, или ея хозяевахъ, а также и о ея назначеніи. Желябовъ говорилъ со мной и раньше по поводу покушенія, до клича, при чемъ, очертивъ лицо, которое должно произвести покушеніе, въ числѣ условій онъ выставилъ революціонное прошлое, что и понятно, потому что только такой человѣкъ, сжившійся, сроднившійся съ партіей, можетъ дѣйствовать исключительно въ ея интересахъ, который страдалъ ея страданіями и радовался ея радостями, для котораго партія уже знамя, но не партія. Желябовъ же, какъ сказано и въ обвинительномъ актѣ, думалъ выработать изъ меня самостоятельнаго бойца; эта педагогическая задача исполнялась имъ, какъ мнѣ кажется, по ошибочно составленному плану. Если онъ думалъ пріобрѣсти бойца для партіи, то необходимо долженъ былъ озаботиться о томъ, чтобы за ученикомъ появилось революціонное прошлое, а затѣмъ, когда интересы партіи сдѣлались интересами ученика, то учитель можетъ вырабатывать у него и рѣшимость, и отвагу и пріучать его къ террористическимъ дѣламъ понемногу, чтобы самостоятельный боецъ имѣлъ за собой хорошій опытъ и знаніе. Но вырабатывать бойца, сразу ставя его въ опасность, это значитъ видѣть въ немъ только добровольца, который не считаетъ знамя «Народная Воля» своимъ, а потому нельзя и разсчитывать, чтобы такой доброволецъ имѣлъ тѣ же мотивы, что и партія. Пишу я это потому, чтобы не упрекнули меня мои товарищи по скамьѣ въ измѣнѣ имъ и лозунгу.

Послѣ этого вечера собрались мы въ какомъ-то трактирѣ «попить чайку» и потолковать о предстоящихъ дѣлахъ. Желябовъ не высказывалъ ничего опредѣленнаго, а такъ какъ свиданіе было непродолжительно, то мы услышали отъ него, что онъ представитъ добровольцевъ комитету, при чемъ мнѣ сказалъ, что я могу имѣть надежду быть выбраннымъ. Въ обвинительномъ актѣ указано число 47 человѣкъ, давшихъ свое согласіе на покушеніе. Это для меня совершенно служитъ новостью по причинамъ, указаннымъ прежде, а также и потому, что Желябовъ ничего не говорилъ со мной или съ нами по этому поводу. Онъ за эти собранія объяснилъ только, что нападеніе будетъ открытое, и только, о средствахъ, мѣстѣ и т. д. ничего сказано не было. Немного времени спустя онъ познакомилъ меня съ высокимъ молодымъ человѣкомъ, котораго назвалъ Михаиломъ и отрекомендовалъ, какъ товарища по дѣлу, но гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ—положительно не помню, можетъ быть, даже и на новой конспиративной квартирѣ, по Телѣжной улицѣ. Не помню затѣмъ, какимъ образомъ указанъ былъ адресъ новой конспиративной квартиры, только помню, что относительно ея Желябовъ выразился такъ: «она и нанята исключительно для этой цѣли, поэтому не говорите постороннимъ о ея существованіи».

Съ этого момента, т. е. съ того времени, когда конспиративная квартира была указана намъ, наступаетъ нѣчто вродѣ новаго періода, рѣзко отличающагося по своимъ свойствамъ отъ прежнихъ и длившагося не болѣе недѣли вплоть до 1-го марта. Этимъ періодомъ надлежитъ заняться серьезнѣе, чтобы съ своей стороны не утерять ни одного штриха, могущаго дополнить картину. Еще припоминаю, что въ началѣ этой зимы я, до поступленія моего въ рабочую организацію, при посредствѣ Желябова познакомился съ той блондинкой, которую вы называете Софьей Перовской, знакомство произошло въ Гостиномъ ряду, подъ арками со стороны Невскаго. Блондинка же познакомила меня съ 5—6 лицами, кажется, студентами, нѣкоторыхъ я зналъ по имени: Макаръ, напр.; въ числѣ ихъ была барышня—должно быть студентка, по имени Лиза (она куритъ папиросы), меня имъ отрекомендовали подъ именемъ Николая. Не помню, гдѣ собралась въ первый разъ эта группа, пришелъ туда Котикъ, что я совсѣмъ позабылъ за это время, блондинка и еще неизвѣстный мнѣ человѣкъ лѣтъ 35, который сказалъ намъ, что по примѣру прежнихъ лѣтъ нужно организовать слѣженіе за государемъ, при чемъ объяснилъ, что въ прежнее время дѣло велось такъ-то, какъ онъ рекомендуетъ дѣлать это и теперь, велось исключительно молодежью и изъ слѣженія видно было, существуетъ-ли періодичность въ выѣздахъ императора, имѣетъ-ли онъ постоянныя мѣста для прогулки что-ли и т. д. И въ этомъ году ему поручено было сорганизовать группу для слѣженія, что онъ и предлагаетъ намъ, добавивъ при этомъ, что слѣдятъ для произведенія нѣкоторыхъ дѣйствій. Согласіе было дано и слѣдить начали по набережной Невы, а затѣмъ наблюдали поѣздки въ манежъ. Время было разбито на очереди, и мы постоянно чередовались. Я слѣдилъ по $^1/_2$ ч. въ день или больше, по Дворцовой набережной преимущественно. Около манежа слѣдили въ воскресенье, но я этотъ день оставилъ свободнымъ для агитаціи, поэтому ни разу не пришлось быть у манежа, или, кажется, разъ былъ. Собирались для собранія полученныхъ свѣдѣній разъ въ недѣлю въ различныхъ мѣстахъ,—по комнатамъ слѣдящихъ, я при этомъ просилъ, чтобы моей памяти не утруждали запоминаніемъ адресовъ, а водили на квартиры, для чего я постоянно встрѣчался въ

5 или 1/2 5 вечера съ Арсеніемъ, или Аркадіемъ, молодымъ человѣкомъ, имени котораго точно не запомню, и онъ проводилъ меня на сходку, при чемъ я понятно, не могъ узнать улицы, что тогда не было и интересно впрочемъ. Чаще бывали на Петербургской сторонѣ, не помню, въ какой улицѣ. Что это истинно—можетъ подтвердить блондинка. Затѣмъ чего-либо относящагося до покушенія, я положительно припомнить не могу, а стало быть перейду къ послѣднему, подготовительному къ покушенію періоду.

Я, какъ доброволецъ, могу указать только тѣ приготовленія, которыя знакомили насъ, добровольцевъ, съ исполненіемъ покушенія. Эти приготовленія заключаются въ 1) избраніи средствъ къ достиженію покушенія: лекціи о снарядахъ, проба оныхъ подъ руководствомъ техника; 2) указаніе мѣста дѣйствія, планъ дѣйствія. При этомъ не былъ затронутъ вопросъ о силахъ дѣйствующихъ, которымъ добровольцы являлись пособниками.

1. Въ первый разъ собрались вечеромъ на квартирѣ по Телѣжной улицѣ мы, добровольцы, т. е. Котикъ, я, былъ кажется Тимофей Михайловъ, не помню, былъ-ли тутъ Михаилъ, или я съ нимъ познакомился иначе. Пришелъ Желябовъ и сказалъ, что придетъ еще одинъ человѣкъ, который объяснитъ намъ нѣкоторые снаряды, посредствомъ которыхъ возможно совершить покушеніе. Назвалъ человѣка этого техникомъ, который дѣйствительно вскорѣ явился. Мы сидѣли въ угловой комнатѣ, а техникъ раздѣлся въ первой отъ кухни, поэтому принесъ-ли онъ что съ собой, въ родѣ банокъ, пакетовъ или иныхъ значительныхъ вещей по объему, никто изъ насъ видѣть не могъ. Сейчасъ же онъ принялся за объясненіе устройства метательныхъ снарядовъ, что я описывалъ по памяти прежде. При объясненіи не было никакого снаряда, а техникъ пользовался чертежами, при чемъ производилъ незначительные опыты, показывающіе намъ, что вещества, заключенныя въ банкѣ, горятъ мгновенно, сжигая ихъ отдѣльно въ очень малыхъ количествахъ. По окончаніи лекціи зашелъ разговоръ о количествѣ гремучаго студня, при чемъ техникъ сказалъ, что готоваго имѣется не больше 20—25 ф., но, кажется, добавилъ, что можно приготовить и больше, потому что кто-то изъ присутствующихъ заявилъ желаніе имѣть малые снаряды для самозащиты. Очевидно, что изъ имѣющагося вещества можно было приготовить снарядовъ 4—5, если по 5—6 фунтовъ каждый. Затѣмъ Желябовъ торопился куда-то и посовѣтовалъ намъ расходиться поодиночкѣ. На квартирѣ мы условились, чтобы встрѣтиться гдѣ-либо, такъ какъ необходимо испробовать снарядъ на практикѣ. Назначена была для этого, помню, пятница, ресторанъ Детроа, куда бы мы собрались обѣдать, при чемъ техникъ просилъ, чтобы на пробу шло не больше 4 чел., считая его, чтобы не обратить вниманія многочисленностью лицъ; мѣсто пробы было не назначено, но предполагалось, что должно быть пустынное, поэтому необходимо возможно меньшее число пробующихъ. Пробовать пожелали Котикъ, Михайловъ и я. Въ пятницу, въ 1 ч. дня, собрались у Детроа и техникъ заявилъ, что пробный снарядъ не готовъ совершенно, а поэтому и пробовать не стоило, такъ какъ онъ не дастъ вѣрнаго представленія объ истинныхъ качествахъ снаряда. Рѣшили отложить пробу на субботу, техникъ указалъ мѣсто за Смольнымъ монастыремъ, перейдя рѣку, какъ удобное. Поэтому въ субботу утромъ, въ 9 час., по сдѣланному въ пятницу у Детроа условію, означенныя лица встрѣтились на углу Невскаго и Михайловской, сѣли въ конку, имѣя съ собой снарядъ, похожій на тѣ, которые были потомъ, но только вмѣсто студня былъ песокъ; нужно

было удостовѣриться только въ томъ, что ломаются-ли легко трубки при ударѣ и производитъ-ли сѣрная кислота желаемое дѣтствіе, т. е. выливается-ли она изъ сломанныхъ трубокъ. Пріѣхавъ до берега рѣки Невы, мы перешли ее, шли по противоположному берегу, удаляясь отъ рѣки довольно долго по дорогѣ, ведущей не знаю куда. Мѣсто мнѣ это совершенно незнакомо, поэтому точныхъ указаній дать не могу. Наконецъ, выбравъ по дорогѣ довольно пустынное мѣсто, заготовили снарядъ, и Тимофей Михайловъ бросилъ его на дорогу; произошелъ звукъ отъ взрыва гремучей ртути (около 1/2 золотника), отбросившаго крышку отъ банки. Затѣмъ вернулись по боковой дорогѣ въ городъ. Насколько я припоминаю теперь, мы пришли вновь на конспиративную квартиру для какихъ-то указаній отъ Желябова, и такъ какъ онъ долго не приходилъ, то я упрекнулъ его за это, а когда сказали, что онъ совсѣмъ не придетъ, то я сказалъ по этому поводу что-то, разсердившее окружающихъ, и кто-то, не Геся-ли Гельфманъ, сказала мнѣ, что если не придетъ, то, значитъ, занятъ.

Уходя, техникъ просилъ насъ не ходить въ такія мѣста, гдѣ можно быть арестованнымъ: «обыкновенно въ такія минуты аресты какъ-то возможнѣе», — пояснилъ онъ. Окончательно рѣшили прійти на квартиру въ воскресенье, 1-го марта, чтобы получить снаряды и необходимыя указанія. Болѣе ничего припомнить не могу, относящагося до подготовленія къ покушенію съ этой стороны.

2. Въ воскресенье утромъ я пришелъ на конспиративную квартиру около 9 ч. утра. Былъ-ли кто тамъ раньше—не помню. Въ скоромъ времени собрались и остальные, т.-е. Котикъ, Михайловъ и Михаилъ, насколько помню. Затѣмъ пришла Перовская, принеся съ собою довольно большой узелъ съ снарядами; сколько ихъ было, не знаю, однако, во всякомъ случаѣ, не больше 2-хъ, потому что они были достаточно тяжелы и притомъ нести большое количество было бы опасно—можно уронить, споткнуться и т. д. Она сказала, что ѣхала на извощикѣ, что еще болѣе подтверждаетъ мою мысль, потому что на колѣняхъ можно удержать въ безопасности только два такихъ. Она и сама указала, что снарядовъ не успѣли наготовить, хотя нѣсколько человѣкъ работали всю ночь, объяснила это внезапно происшедшимъ арестомъ Желябова, разстроившимъ ихъ дѣло. Это было для насъ новостью, нѣсколько смутившей насъ. Затѣмъ она принялась объяснять планъ дѣйствія, начертивъ при этомъ приблизительно мѣстность на конвертѣ. Государь, по ея объясненію, въ манежъ ѣздитъ по Невскому, Малой Садовой и Большой Итальянской. На Малой Садовой она кружкомъ означила пунктъ, гдѣ «его уже ждутъ», наша роль заключалась въ томъ, чтобы занять углы Мал. Садовой съ Невскимъ и Бол. Итальянской. По Невскому должны быть два человѣка, одинъ можетъ стоять у памятника Екатерины, а другой на противоположной сторонѣ проспекта на углу, который ближе къ адмиралтейству. Уголъ Садовой и Бол. Итальянской только одинъ, гдѣ позволяютъ стоять публикѣ, поэтому тамъ можно расположиться двумъ человѣкамъ, но стоять не вмѣстѣ. Когда государь будетъ въѣзжать на Садовую, то мы должны приближаться къ угламъ, но не входить въ нее. Если будетъ слышанъ звукъ отъ какого-то взрыва, то это будетъ служить сигналомъ, что-бы входить въ Малую Садовую. Означенныя мѣста она обозначила на конвертѣ кружками. Послѣ этого объясненія она предложила намъ самимъ разобрать мѣста стоянія, на что мы не согласились. Тогда она прибавила къ своимъ объясненіямъ еще слѣдующее: если взрывъ на М. Садовой будетъ

почему-либо неудаченъ, то больше основанія предполагать, что испуганный взрывомъ кучеръ императорской кареты поѣдетъ дальше, къ манежу. Поэтому пунктъ у манежа представляетъ больше опасностей. Остальное все высказалъ я въ протоколѣ отъ 12-го марта, и болѣе пока никакихъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ покушенію и относящихся къ самому покушенію, не припомню. Всему зачеркнутому и сверхнадписанному въ этомъ моемъ заявленіи прошу вѣрить. Мѣщанинъ Николай Ивановъ Рысаковъ.

13 марта 1881 года.

XII. 14 марта. Зовутъ меня Николай Ивановъ Рысаковъ. Предъявленную мнѣ сейчасъ личность, которую вы называете студентомъ с.-петербургскаго университета Аркадіемъ Владиміровымъ Тырковымъ, я знаю и признаю въ немъ того человѣка, котораго во вчерашнемъ моемъ показаніи назвалъ Арсеніемъ или Аркадіемъ, указывая на то, что, при слѣженіи за покойнымъ государемъ императоромъ, этотъ человѣкъ, встрѣчаясь со мной въ кондитерской Андреева вечеромъ, приводилъ меня въ тѣ студенческія, по моему мнѣнію, комнаты, гдѣ Софья Перовская отбирала у насъ указанія о проѣздахъ государя и, какъ видно было изъ его объясненій съ Перовской, что и онъ слѣдилъ одновременно со мной только въ другія очереди.

Предъявленную мнѣ также сейчасъ личность, которую вы называете Елизаветой Оловенниковой, я знаю; она извѣстна была мнѣ со словъ Перовской, которая познакомила меня съ этой барышней, подъ именемъ Лизы, фамиліи же ея я не зналъ. Она также, вмѣстѣ со мной, приходила на тѣ квартиры, гдѣ мы встрѣчали Перовскую, и отдавала также отчеты Перовской въ своемъ слѣженіи за поѣздками по городу покойнаго государя императора. Это было прошлой осенью и въ началѣ настоящей зимы, и я встрѣчалъ ее въ комнатахъ или ранѣе меня приходившей, или позже, раза 3 или 4. Въ началѣ января я встрѣчалъ ее въ меблированныхъ, комнатахъ по Гороховой улицѣ недалеко отъ Мойки. Судя по тому, что она была тамъ всегда прежде всѣхъ и дѣлала распоряженія о чаѣ, я заключаю, что меблированная комната принадлежала ей. Входъ въ домъ съ означенными комнатами былъ очень запутанъ, такъ что я, бывая въ ея комнатѣ нѣсколько разъ, въ настоящее время не прошелъ бы одинъ. Могу сказать только, что комнаты были во флигелѣ дома, во второмъ этажѣ, пройдя одну лѣстницу, налѣво. Дворъ, насколько помню, большой, проходной. Я входилъ съ Аркадіемъ съ Гороховой улицы. Приходилось идти, прежде всего, подъ длинной узкой аркой, на подобіе длиннаго корридора, въ которомъ въ концѣ помѣщается какой-то ларь, гдѣ продаются билеты, насколько я припоминаю теперь и догадываюсь, для прохода въ бани. По окончаніи длинной арки имѣется стѣна флигеля, поэтому нужно свернуть вправо; кажется, приходилось дѣлать еще поворотъ по двору и наконецъ, съ лѣвой стороны станетъ флигель съ подъѣздомъ, въ который и нужно взойти. Припоминая теперь больше дворъ, я могу сказать, что въ этомъ же дворѣ, должно быть, имѣются бани.

Предъявленныя мнѣ сейчасъ личности суть тѣ именно два рабочихъ Голубевскаго завода, Егоръ и Иванъ Осиповы, которымъ я осенью прошлаго года давалъ уроки ариѳметики, прекратившіеся весьма скоро, потому что Егоръ Осиповъ высказалъ свои опасенія по тому поводу, что къ нимъ ходитъ студентъ (имени и фамиліи моей они не знали) и что это можетъ на него навлечь

непріятности, почему онъ желаетъ переѣхать на другую квартиру. Одинъ изъ нихъ разсказывалъ мнѣ о стачкѣ на заводѣ Голубева и упомянулъ въ разсказѣ о какомъ-то «ярославцѣ», который больше другихъ ходатайствовалъ предъ начальствомъ о нуждахъ рабочихъ. Считаю своимъ долгомъ сказать, что въ моихъ разговорахъ съ ними я не касался общественныхъ вопросовъ, и кромѣ уроковъ ариѳметики однажды развилъ теорію электричества для объясненія грозы. Это были лица вполнѣ еще незнакомыя съ революціонной агитаціей.

Зачеркнутому и надписанному сверху прошу вѣрить. Мѣщанинъ Николай Ивановъ Рысаковъ.

При предъявленіи меня сего числа лицу, которое вы называете мѣщаниномъ Николаемъ Ивановымъ Рысаковымъ, я присутствовалъ и заявляю, что этого человѣка я не знаю. Студентъ с.-петербургскаго университета Аркадій Владиміровичъ Тырковъ.

При предъявленіи меня сего числа лицу, которое вы называете мѣщаниномъ Николаемъ Ивановымъ Рысаковымъ, я не знаю. Дочь губернскаго секретаря, дворянка Елизавета Оловенникова. Отдѣльнаго корпуса жандармовъ подполковникъ Никольскій. Товарищъ прокурора судебной палаты Добржинскій.

Мѣщанину Николаю Рысакову были предъявлены студентъ с.-петербургскаго университета Аркадій Тырковъ, дворянка Елизавета Оловенникова и крестьяне Иванъ и Егоръ Осиповы. Отдѣльнаго корпуса жандармовъ подполковникъ Никольскій.

XIII. 14 марта. Предъявленный мнѣ чертежъ на конвертѣ есть именно тотъ самый планъ, который чертила Софья Перовская въ воскресенье 1-го марта утромъ, объясняя покушеніе, что я показалъ въ одномъ изъ предыдущихъ моихъ показаній.

XIV. 18 марта. Рядъ моихъ показаній, которыя даны мною по настоящему дѣлу, вполнѣ выясняютъ тѣ мотивы, подъ вліяніемъ которыхъ я примкнулъ къ партіи, посягнувшей на жизнь государя императора. Въ показаніяхъ этихъ, помимо фактической стороны дѣла, заключается матеріалъ, указывающій, съ какого времени я примкнулъ къ революціонной партіи, какой программѣ ея дѣятельности я сочувствовалъ и какимъ образомъ я проникся мыслью о значеніи того преступленія, въ которомъ принялъ участіе 1-го сего марта. Все, что мною было показано по этому предмету, вполнѣ доказываетъ, что преступленіе мною было совершено при полномъ сознаніи и при томъ при такихъ условіяхъ, которыя исключаютъ какую-бы то ни было возможность предположенія о совершеніи мною этого преступленія въ болѣзненномъ состояніи. Защитникъ мой г. Унковскій указалъ на триперъ, которымъ былъ я боленъ, какъ на средство, смягчающее мою участь, какъ на единственное средство, которое можетъ спасти мнѣ жизнь. Я, вполнѣ не сочувствуя такому способу защиты, могущему даже скандализировать меня, утверждаю, что триперъ, полученный мною осенью 1880 года, былъ очень слабъ, такъ что не заставлялъ меня даже прибѣгать въ первое время къ помощи врача; только мой образъ жизни, не позволявшій мнѣ остаться нѣкоторое время дома для его излеченія, былъ причиною того, что триперъ сдѣлался хроническимъ, грозящимъ превратиться только года черезъ два отъ настоящаго времени въ за-

тяжной, который дѣйствительно можетъ влiять на умственныя отправленія, сдѣлать ихъ ненормальными, а слѣдовательно, въ данномъ случаѣ, служить средствомъ—и то очень слабымъ—для защиты. Слѣдовательно, даже самая форма трипера отрицаетъ влiяніе на психическую дѣятельность. Я, поэтому, вовсе не замѣчалъ его влiянія на мои умственныя способности, даже физически онъ мнѣ не мѣшалъ, и я никогда не испытывалъ состоянія меланхоліи. Вообще я пользуюсь весьма удовлетворительнымъ здоровьемъ и не помню, чтобы мнѣ когда-нибудь приходилось страдать серьезными болѣзнями. Поступивши въ 1879 г., въ сентябрѣ мѣсяцѣ, въ горный институтъ, я занимался съ полнымъ усердіемъ, выдержалъ экзаменъ съ 1-го курса во 2-ой и постоянно занимался до перехода моего въ нелегальное состояніе, что было послѣ Рождества этого года, приблизительно, въ январѣ мѣсяцѣ. Въ виду успѣшныхъ занятій моихъ въ институтѣ, начальство института выдавало мнѣ неоднократно пособія въ размѣрѣ отъ 30—50 р. на первомъ курсѣ, «не въ примѣръ прочимъ»,—какъ поясняло оно [1]).

XV. 20 марта [2]). Въ предъявленномъ мнѣ сейчасъ человѣкѣ, котораго вы называете Кибальчичемъ, я признаю того самаго техника, о которомъ я говорилъ въ моихъ предыдущихъ показаніяхъ; его я встрѣчалъ на Тележной улицѣ, въ конспиративной квартирѣ, а затѣмъ въ субботу, наканунѣ 1-го марта, онъ ѣздилъ съ нами для пробы дѣйствія снаряда. Кромѣ того я его, какъ уже показывалъ, встрѣчалъ въ ресторанѣ Детроа. Фамиліи и его клички я не зналъ, а былъ онъ мнѣ извѣстенъ, какъ техникъ.

XVI. 22 марта [3]). Въ настоящемъ своемъ показаніи, чтобы вполнѣ обрисовать ту драму, въ которой я принималъ активное участіе 1-го марта, которую я старался освѣтить, по возможности, правдиво во всѣхъ своихъ предыдущихъ показаніяхъ, я постараюсь дать истинные факты, касающіеся моей жизни—ея психологической стороны, постараюсь выяснить свои отношенія къ Желябову, Перовской, Котику и прочимъ революціонерамъ, потому что безъ этого для суда неясно будетъ мое участіе въ покушеніи съ психологической точки зрѣнія. Я—сынъ крайне небогатыхъ родителей, съ усиліемъ перебивавшихся, чтобы дать мнѣ воспитаніе. Отецъ мой, еще до моего рожденія, служилъ у лѣсопромышленника Громова, занимая такія должности, что жилъ или по заводамъ, или по деревнямъ. Благодаря его положенію, заводъ и

---

[1]) Рысаковъ 20 марта былъ подвергнутъ медицинскому освидѣтельствованію столичнымъ врачебнымъ инспекторомъ, барономъ П. А. Майделемъ и докторомъ медицины П. А. Дюновымъ. Въ протоколъ занесено слѣдующее заключеніе экспертовъ: «на основаніи сообщенныхъ намъ предварительныхъ свѣдѣній объ обстоятельствахъ и образѣ жизни обвиняемаго Николая Иванова Рысакова, собственнаго его разсказа объ этомъ, личнаго изслѣдованія физическаго и умственнаго состоянія его и разбора сдѣланныхъ имъ показаній по дѣлу, мы пришли къ заключенію, что Николай Ивановъ Рысаковъ наслѣдственнаго расположенія къ душевному, или нервному, заболѣванію не имѣетъ, никакого разстройства умственныхъ способностей не представляетъ,—эти способности развиты вообще хорошо и отправленія ихъ правильны. Что-же касается до хроническаго уретрита, который найденъ у Рысакова г-номъ профессоромъ Тарновскимъ, то болѣзнь эта никакого дурного вліянія на психическую сферу Рысакова не имѣла, какъ это объяснилъ и онъ самъ».

[2]) Показаніе дано маіору Ножину и Добржинскому. *Ред.*

[3]) Это показаніе извлечено нами изъ актовъ предварительнаго слѣдствія по т. н. „процессу 20", хранящихся въ сенатскомъ архивѣ. Въ этомъ дѣлѣ, кромѣ приводимаго нами, имѣется еще обширнѣйшее показаніе Рысакова, которое онъ давалъ въ теченіе трехъ дней 18, 19 и 20 марта—и сравнительно небольшія показанія 25 марта и 2 апрѣля. О послѣднемъ показаніи см. дальше, въ статьѣ: „Послѣднее признаніе Рысакова". *Ред.*

деревня были родны мнѣ съ перваго дня моего появленія въ жизнь. Городской мѣщанинъ, лавочникъ стоялъ выше меня въ общественномъ положеніи. Мои дѣтскія и отроческія впечатлѣнія были крайне неразнообразны и при томъ невеселы: я видѣлъ только нужду родителей, нужду крестьянъ, рабочихъ. Впечатлѣнія эти выработали изъ меня очень впечатлительнаго, но при томъ очень несообщительнаго мальчика, отразились на душѣ моей такимъ образомъ, что развили во мнѣ религіозность, а вмѣстѣ съ тѣмъ придали моимъ мыслямъ какой-то сѣрый, однообразный, поэтическій оттѣнокъ. Я упоминаю «поэтическій», потому что часто воспарялся и изливалъ свои мысли въ стихахъ до переѣзда въ С.-Петербургъ. Поступленіе и ученье въ реальномъ училищѣ, столкнувши меня съ высшими, неизвѣстными до тѣхъ поръ мнѣ общественными сферами, еще болѣе заставили меня замкнуться въ себѣ и еще болѣе развили во мнѣ мечтательность и стремленіе къ лучшей, новой жизни. Я почти все поэтизировалъ до 6-го класса реальнаго училища, гдѣ уже настолько развился, что каникулы дѣйствовали на меня, какъ ушатъ холодной воды, разбивали во мнѣ фантастическіе образы и приводили въ соприкосновеніе съ дѣйствительностью. Бывали минуты, когда я невыносимо и—даже для меня было видно—безпричинно мучился, но я боялся насмѣшки, цинизма, а поэтому ни съ кѣмъ не дѣлился своими муками. Наука, преимущественно математика, сильно поддерживала меня, а поэтому я очень усиленно учился, даже училъ дифференціальное исчисленіе, когда оно вовсе не было нужно. Въ первый разъ, перейдя въ 7-й классъ и проживая на каникулахъ съ отцомъ въ одномъ поселкѣ Ковжинская Запань, имѣя предъ глазами массу рабочихъ, около 300 человѣкъ, плотящихъ лѣсъ—работа невыносимо тяжелая—я сознательно, научно, такъ сказать, отнесся къ ихъ экономическому положенію. Въ то же время я имѣлъ случай познакомиться съ эксплуатаціей крестьянъ исправникомъ и помѣщикомъ, при чемъ я обѣщалъ крестьянамъ замолвить о нихъ слово печатно въ Питерѣ. Пріѣхавъ на послѣдній годъ въ Череповецъ, я исключительно предался изученію общественныхъ наукъ, прочелъ массу книгъ объ артеляхъ, трудѣ, капиталѣ, почти выучилъ Васильчикова и за это время былъ страстнымъ поклонникомъ идей Александра II, развитыхъ имъ въ шестидесятыхъ годахъ. Но я не могъ, по существу своей натуры, не дѣлиться своими знаніями съ тѣми, кому они полезны, поэтому я писалъ маленькія замѣтки объ артеляхъ для рабочихъ, объ общинѣ, самоуправленіи и т. д. для крестьянъ, разсуждалъ съ своими товарищами по этому поводу, но опять-таки, боясь цинизма, очень осторожно, потому что считалъ эти знанія истинно святыми и боялся къ нимъ нечистаго прикосновенія. Этотъ же годъ доставилъ мнѣ случай слышать, какъ судили агитатора Сергѣя Швецова, къ которому я воспылалъ любовью, но никакъ не могъ понять, за что его присудили къ тяжелому наказанію. Если бы мнѣ сказали, что если я буду пропагандировать свои идеи въ народѣ, то меня постигнетъ такая же участь, какъ и Швецова, то я бы не повѣрилъ и въ отвѣтъ разсмѣялся бы, но и только, потому что въ Череповецъ не проникло въ то время вѣяніе новой внутренней политики, и о ней я имѣлъ представленіе по книгѣ Васильчикова о самоуправленіи и землевладѣніи, стало быть, очень розовое. 20-ю статью германской конституціи: «Наука и ея ученіе свободны» я всецѣло, не сомнѣваясь, прилагалъ и у насъ. Такъ прошелъ цѣлый годъ; благодаря ему моя будущая общественная дѣятельность для меня вполнѣ опредѣлилась, я считалъ себя способнымъ агитировать,

но и только, и я убѣдился долгимъ размышленіемъ, смѣшаннымъ съ фантастическими образами, поэтическими картинами, что только этотъ родъ дѣятельности вполнѣ удовлетворитъ меня, сдѣлаетъ мою жизнь полной, дастъ свѣтлыя, чистыя минуты и т. д. Подъ впечатлѣніемъ такихъ размышленій, я на каникулахъ рѣшился не воспользоваться протекціей Волконскаго, не вступать въ горный институтъ, а сдѣлаться гдѣ-либо рабочимъ; чтобы не имѣть препятствія, я сослался на бѣдность моихъ родителей и могъ получить мѣсто подмастерья въ Колпино. Помню свое поэтическое настроеніе по этому поводу на каникулахъ. Я даже горячо молился, чтобы мечты осуществились, и даже свою будущую дѣятельность посвящалъ Николаю Чудотворцу. На каникулахъ я хотѣлъ читать публичныя лекціи рабочимъ на темы объ артеляхъ, объ отношеніи труда къ капиталу, о заработной платѣ и ея прогрессивномъ развитіи до участія рабочихъ въ прибыли фабриканта и т. д. Относительно политическихъ учрежденій я былъ вполнѣ индиферентенъ и вѣрилъ безусловно Комопанову, заявившему, что политическая свобода вполнѣ обусловливается экономической. Враждебнаго отношенія къ становому и исправнику не питалъ, а зло, приносимое ими, приписывалъ только ихъ личнымъ качествамъ, а не какимъ-либо политическимъ тенденціямъ или принципамъ, поэтому понятно, какъ казалась и, впрочемъ, кажется мнѣ эксцентричной идея уничтоженія правителей. По семейнымъ обстоятельствамъ я проживалъ каникулы исключительно въ городѣ, а поэтому снова учился, а также приготовлялся къ экзамену въ горный институтъ на случай, если бы не удалось найти мѣсто въ Колпино. Пріѣхавъ въ Питеръ, я на всякій случай выдержалъ экзаменъ въ институтъ, и тутъ пришла страстная мысль еще поучиться, развиться, т. е. подложить подъ свою агитацію научную подкладку, и я рѣшился пока остаться студентомъ. Студенчество высокимъ діапазономъ рѣчей о благѣ (квартира съ Долгоруковой, Марья Павловна Урсыновичъ и иные студенты) народа и, въ то же время, отношеніемъ къ мужу и рабочему свысока оттолкнуло меня отъ себя навсегда. Этимъ объясняется мое изолированное положеніе. Наконецъ, студенческая жизнь, не удовлетворяющая меня нисколько, сдѣлалась мнѣ невыносимой. Единственно, что сдѣлала она,—это разбила мои розовые очки, заставила понять, что и кафедральный соціализмъ строго воспрещается, а тѣмъ болѣе агитація среди рабочихъ. Это были времена слѣпого преслѣдованія мысли генераломъ Гурко, времена, когда Маковъ носился съ своимъ излюбленнымъ дѣтищемъ—институтомъ урядниковъ. Времена эти втолкнули и меня во внутреннюю политику, и я къ ней почувствовалъ отвращеніе. Дѣянія Гурко и Макова казались мнѣ верхомъ того отупѣнія, до котораго можетъ дойти ничѣмъ несдерживаемый, неразвитый солдатъ. Свѣтлыя иллюзіи о политическомъ устройствѣ русскаго народа исчезли подъ давленіемъ дворниковъ, и отъ прежнихъ реформъ осталось только впечатлѣніе. Я видѣлъ, что правительство поворачиваетъ назадъ, давитъ то, что сдѣлало прежде, а вмѣстѣ съ тѣмъ давитъ и разбиваетъ мое увлеченіе реформами, мою вѣру въ нихъ. Личность императора въ моихъ глазахъ приняла уже иную окраску. Это былъ не тотъ государь, который самостоятельно проводилъ либеральныя и благія учрежденія въ жизнь, а человѣкъ, позабывшій о благѣ народа, вступившій исключительно въ борьбу съ террористами, которыхъ не могъ уловить, а вмѣсто нихъ вымещалъ свою злобу на мирныхъ агитаторахъ. Въ началѣ академическаго года личность государя уже потеряла для меня обаяніе, я пересталъ смотрѣть на

него глазами того народа, изъ котораго вышелъ, получивъ новое понятіе, живущее въ студенческой средѣ. Понятно, что это обстоятельство не могло заставить отказаться отъ агитаціи, только мѣшало открытой, болѣе мнѣ желательной, а заставляло лгать, вывертываться, вообще конспирировать, что называется. Искренно вполнѣ говорю, что это обстоятельство не измѣнило моего взгляда (даже и понынѣ) на политическія формы жизни—полная индиферентность къ этому вопросу осталась та же, что и въ періодъ свѣтлыхъ иллюзій, и я въ настоящую минуту, положа руку на сердце, затрудняюсь отвѣтить на вопросъ, кто я—монархистъ или республиканецъ? Скажу только, что монархическая Англія болѣе свободна въ политическомъ отношеніи республиканской Франціи. Свобода зависитъ отъ централизаціи власти, въ какихъ бы рукахъ эта власть ни была, въ рукахъ ли монарха или республиканскаго правительства. Затѣмъ, выражаясь языкомъ революціонныхъ изданій, произволъ неограниченнаго монарха-деспота одинаково давитъ, какъ на неимущіе, такъ и на имущіе классы. Конституціонное же правительство или даже республиканское всегда находится въ союзѣ съ буржуазными элементами, а поэтому для соціалиста является почти такимъ же врагомъ, какъ и буржуазія—представительница либеральнаго строя. Теперь нужно установить, почему я себя называю соціалистомъ-революціонеромъ. Это названіе вполнѣ примѣняется къ каждому лицу, желающему переворота въ экономическомъ строѣ, при чемъ при этомъ не обращается вниманія на то, какъ этотъ переворотъ производится. Революція можетъ произойти и мирнымъ путемъ. Каждое пріобрѣтеніе, преимущественно въ области техники, производитъ революцію.

Прошло мѣсяца два, и я снова неудержимо рвался въ Колпино, сообщая объ этомъ желаніи отцу, только рѣшительности для переѣзда нужно было больше, потому что я терялъ возможность устроить личную жизнь, по возможности, тихо и спокойно, становясь невольно отъ себя въ враждебное отношеніе къ администраціи. Поэтому опять началось то религіозное состояніе, которое было и прежде, опять пошли молитвы и посвященія себя и своей дѣятельности Николаю Чудотворцу, кончившіяся тѣмъ, что я написалъ письмо въ Колпино, прося себѣ мѣста. Но тутъ меня задѣла внутренняя политика, натолкнувъ меня на Гончарную улицу, гдѣ я былъ арестованъ, приглашаемъ въ III отдѣленіе, гдѣ одинъ прокуроръ, назвавшійся моимъ землякомъ, должно быть, воспарившись любовью къ дѣлу и донельзя утрировавъ свое отношеніе къ нему, назвалъ меня не свидѣтелемъ, но обвиняемымъ по дѣлу Ширяева. Я просилъ его не публиковать моего имени, боясь повредить отцу, себѣ и своему будущему. Этотъ фактъ скомпрометировалъ въ моихъ глазахъ меня и закрылъ мнѣ дорогу въ Колпино подпиской о невыѣздѣ. Затѣмъ пронесся ураганъ, если можно такъ выразиться, покушеній. Каждое покушеніе тяжело ложилось на меня, и я даже чувствовалъ себя въ немъ виноватымъ. Я отъ всей души желалъ прекращенія террора, и террористы въ моихъ глазахъ получили очень мрачную окраску; бывали минуты, когда я ихъ ненавидѣлъ, какъ людей, ради мщенія за погибшихъ товарищей, производящихъ безцѣльную бойню и тѣмъ преграждающихъ всякую дорогу агитатору. Случай столкнулъ меня съ Коновкинымъ, который очень развитъ и, можно сказать, уменъ. Я съ нимъ быстро сошелся, потому что онъ былъ точно такая же жертва непониманія другъ друга. Эта честная, безхитростная натура, также не любящая студенчество, оказала на меня вліяніе тѣмъ, что заранѣе сумѣла оріентироваться въ подоб-

номъ, крайне тягостномъ положенiи, прiобрѣсти нѣкiй философскiй взглядъ на вещи, а поэтому производящая впечатлѣнiе чего-то успокаивающаго. Щедринъ былъ единственнымъ писателемъ, котораго мы читали и которому, подъ его влiянiемъ — это влiянiе ума—я началъ покланяться, тогда какъ въ немъ до этого, кромѣ циничности, ничего не находилъ. Каждый день мы съ нимъ встрѣчались и толковали обо всемъ, что только не касалось дѣла. Онъ видѣлъ во мнѣ мужика и поэтому любилъ меня и, какъ видно, остерегалъ отъ влiянiя студенчества, для чего самъ вышелъ изъ какого-то кружка, потому что въ него старались пригласить чрезъ него меня. Отрезвившись, я началъ прислушиваться къ толкамъ общества, избѣгая чтенiя газетъ, которыхъ я не могъ взять въ руки безъ недовольства: мнѣ претило ихъ глупое самодовольство, ихъ «мы», когда этого «мы» не существовало. Рядъ террористическихъ дѣйствiй какъ-то странно настроилъ публику. Публикѣ хотѣлось отдохнуть, освѣжиться, и я ясно читалъ послѣ взрыва во дворцѣ на лицахъ нѣкоторыхъ купцовъ даже мысль о томъ, что лучше бы прикончили. До каникулъ я успѣлъ убѣдиться въ томъ, что на наслѣдника одинаково смотрѣли почти всѣ, не исключая студенчества, какъ на человѣка, съ воцаренiемъ котораго эта буря сама собой прекратится. Можетъ быть, эта мысль и не истинна, но для меня она была единственной, такъ какъ вполнѣ отвѣчала моему нравственному настроенiю.

Кончился первый студенческiй годъ, сильно измѣнившiй своимъ давленiемъ мое мiросозерцанiе. Я отправился въ Боровичи, убѣжденный уже въ томъ, что безъ содѣйствiя какихъ-либо революцiонеровъ невозможна плодотворная агитацiонная дѣятельность. Я раздумывалъ о томъ, отъ кого могъ-бы получить содѣйствiе: братство «Чернаго Передѣла» выбито было также изъ своихъ позицiй терроризмомъ «Народной Воли», стало быть, находилось въ моемъ положенiи; оставалась одна партiя «Народной Воли», при содѣйствiи которой возможно дѣйствовать, дѣлать, а не обивать тротуаровъ, толкуя о высокихъ матерiяхъ высокимъ слогомъ, что мнѣ было не по душѣ, да и разговоровъ-то я вести не умѣю. Въ Боровичахъ, а потомъ въ олонецкой губернiи на пароходахъ, въ городахъ я уже слышалъ ясно формулированное желанiе: «заварили кашу, такъ ужъ дохлебывали-бы до конца». Говорили преимущественно лица, стоящiя въ близкомъ отношенiи къ промышленности. Времена, созданныя терроромъ, мѣшали общественной жизни, а жизнь требовала себѣ приличнаго мѣста и не мудрено, если обращалась къ наслѣднику съ своими задушевными желанiями, ожидая отъ него осуществленiя. Припомните: «Вотъ прiѣдетъ баринъ—баринъ насъ разсудитъ». Понятно, что, замѣчая эту новую черту въ общественной жизни, я ее понималъ и ей сочувствовалъ.

Каникулы дали мнѣ увидѣть новое тяжелое горе крестьянства и эксплуатацiю мужика начальствомъ и буржуазiей, благодаря этимъ тяжелымъ обстоятельствамъ, во всей ея отвратительной красѣ. Я говорю о сибирской язвѣ по Марiинской системѣ, о червячкѣ, поѣдающемъ начисто крестьянскiе посѣвы. Тутъ увидѣлъ я урядника и станового, и пристава, видѣлъ двухъ пререкающихся губернаторовъ, халатность при зарыванiи труповъ, обусловливающую эпидемiю на новый годъ, зарывались трупы, посыпались сверху могилы для отведенiя глазъ не смотрящей, однако, комиссiей. Зналъ я хорошо и внутреннюю политику, зналъ и то, что нынѣ правительство исключительно борется съ крамолой, борется не успѣшно, не обращая нисколько вниманiя на жизнь, дающую

обильную почву террору, который не есть привилегія партіи, а можетъ-быть отчаяннымъ стономъ, вырвавшимся у безчеловѣчно помыкаемаго и эксплуатируемаго «благонадежными» слоями крестьянства, умирающаго съ голоду въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Я не преувеличиваю картины, обратите вниманіе на то обстоятельство, что сельскіе запасные хлѣбные магазины, по словамъ легальныхъ газетъ, пусты. Нужда подготовлялась годами, проявлялась въ послѣдніе года, предвѣщала голодовку, а администрація занималась ловлей не вредныхъ агитаторовъ, которые, пожалуй, въ большинствѣ случаевъ, боялись оскорбить его величество, не принадлежа ни къ какой партіи, а, какъ народныя учительницы или учителя, развивая крестьянина. Были на каникулахъ минуты, когда я озлоблялся, слѣпо озлоблялся и думалъ терроризировать урядника, не разсуждая о послѣдствіяхъ. Подъ мнимымъ впечатлѣніемъ вышеприведенныхъ фактовъ, я снова пріѣхалъ въ С.-Петербургъ, рѣшивъ уже безповоротно вопросъ объ агитаціонной дѣятельности. Прошло мѣсяцъ или два, и я услышалъ, что революціонеры желаютъ свести со мной знакомство. Желаніе это объясняется нелѣпымъ слухомъ, пущеннымъ кѣмъ-то о томъ, что будто бы я когда-то сильно дѣйствовалъ среди рабочихъ по желѣзной дорогѣ. Я познакомился съ Желябовымъ, обѣщавшимъ мнѣ чрезъ содѣйствіе партіи самую широкую дѣятельность среди рабочихъ. Теперь я долженъ указать на свои отношенія къ Желябову и др. лицамъ и обрисовать то вліяніе, которое они оказывали на меня. Желябовъ мнѣ сразу понравился; я видѣлъ въ немъ крупнаго дѣятеля, и вслѣдствіе своеобразнаго представленія о террористахъ, рѣшилъ, что онъ не террористъ, потому что агитируетъ среди рабочихъ. Желябовъ говорилъ какъ-то особенно увлекательно, уничтожая всякую возможность отнестись къ нему критически, и въ то же время составить себѣ опредѣленное понятіе о сказанномъ. Оставалось впечатлѣніе чего то блестящаго, но и только. Онъ потомъ мнѣ признался, что не обращаетъ никакого вниманія на убѣжденія новичка въ дѣлѣ революціи, зная по опыту, что убѣжденія эти измѣняются при болѣе близкомъ знакомствѣ съ партіей—«нужно знать, что она выстрадала, а затѣмъ иронизировать относительно террора».

Получивъ возможность предаться исключительно агитаціонной дѣятельности, я все болѣе и болѣе тѣснѣе сближался съ Желябовымъ, который развивалъ во мнѣ боевое чувство. Я, подъ его вліяніемъ, понялъ то міросозерцаніе, которое въѣлось въ партію и которое террористическихъ фактовъ не позволяетъ относить къ области преступленій. Партія и правительство—два борящіеся лагеря. Если правительство изъ своихъ интересовъ дѣлаетъ поправку въ законѣ Божіемъ «не убій», то партія ради блага народа имѣетъ на это большее нравственное право—вотъ резюме міросозерцанія партіи, подкрѣпляемое закономъ историческої необходимости начатой борьбы. Съ логической стороны эти основанія были вполнѣ справедливы, какъ и то обстоятельство, что избіеніе шпіоновъ оживляетъ движеніе. Я вполнѣ согласенъ съ Желябовымъ, называющимъ себя моимъ воспитателемъ, онъ дѣйствительно правъ, утверждая свое вліяніе на меня. Теперь, смотря на себя и Желябова издали, я могу вполнѣ искренно сказать, что не могъ противиться его своеобразной логикѣ, не могъ критически относиться къ его рѣчамъ. Поэтому я, сочувствуя новому покушенію по зарапѣе высказаннымъ мотивамъ, былъ вполнѣ согласенъ принять въ немъ участіе, потому что видѣлъ въ немъ, т. е. въ участіи, возможность принести для народа и общества возможно-большую пользу, какой не принести самой

широкой агитаціей. Желябовъ очень искусно воспользовался моимъ настроеніемъ, созданнымъ каникулами, не далъ мнѣ возможности остыть, оріентироваться, не обратилъ никакого вниманія на заявленіе мое противъ террора, но напротивъ раздувалъ мои боевыя страсти. Понятно, что онъ умѣло въ своемъ намѣреніи придавалъ террору самую симпатичную окраску. Я по его приглашенію вступилъ въ террористическую группу, но все-таки своими нравственными силами врядъ-ли могъ «раздавить мелкое насѣкомое», «раздавить паразита» безъ кого-либо изъ террористовъ. Онъ не могъ побороть еще инстинктивнаго отвращенія къ крови. Прошу обратить вниманіе на то, что есть большая разница въ способахъ совершенія убійства. Задушить руками, возможно смакуя мученіе жертвы, точно также какъ вонзить кинжалъ, какъ именно этотъ цинизмъ проявился въ словахъ Перовской 1-го марта. Выстрѣлъ требуетъ уже меньше нравственнаго напряженія. Бросить снарядъ и не видѣть его дѣйствія можно уже почти безъ мужественной сердечной боли. Но если убійство выходитъ изъ ряду обыкновенныхъ преступленій, а имѣетъ за собой результатомъ какое-либо благо, особенно въ данномъ случаѣ вполнѣ мной прочувственное, то уже уничтожаетъ большую часть нравственныхъ мученій, а если притомъ совершается самымъ легкимъ средствомъ, то уничтоженіе этихъ мукъ гораздо полнѣе. Не трудно понять теперь, мнѣ кажется, то, что я «рвался» на цареубійство, если припомнить всѣ тѣ мотивы, которые оправдывали его въ моихъ глазахъ, если давать моей вѣрѣ въ новую, болѣе свѣтлую жизнь истинное значеніе. Прекращеніе террора, лучшая жизнь крестьянства и рабочихъ, т. е. истинное благо—вотъ результатъ новаго покушенія. Это такое благо, ради котораго возможно пожертвовать даже всей партіей, въ моихъ интересахъ, а не партіи. Затѣмъ прибавьте еще неотразимое впечатлѣніе отъ рѣчей Желябова, и моя наэлектризованность въ данномъ случаѣ весьма понятна. Я не считалъ покушенія даже убійствомъ, т. е. мнѣ ни разу не нарисовались въ головѣ кровь, страданія раненыхъ и т. д., но покушеніе рисовалось какимъ-то свѣтлымъ фактомъ, переносящимъ общество въ новую жизнь. Подъ вліяніемъ рѣчей Желябова я чувствовалъ себя участникомъ въ достиженіи этого блага и былъ даже счастливъ, принося себя въ жертву. Добавлю еще, что я не питалъ ненависти къ государю, даже бросая снарядъ. Очень трудно описывать мое нравственное состояніе за послѣднее время, оно и для меня не вполнѣ ясно. Туманъ, наэлектризованность, стремленіе къ покушенію вотъ только, что теперь ясно. Невозможно почти шагъ за шагомъ прослѣдить, какъ я доросъ до факта бросанія снаряда, невозможно это мнѣ, потому что я не смотрѣлъ на себя со стороны, не анализировалъ себя. Утверждаю только, что, не будь Желябова, я бы далекъ былъ отъ мысли принять участіе не только въ террористическихъ фактахъ, но и въ послѣднемъ покушеніи, лишенномъ для меня той окраски, которою окрашены прочія дѣйствія партіи. Отношенія къ другимъ лицамъ партіи въ данномъ вопросѣ вовсе безъинтересны: ни Перовская, ни Котикъ, никто изъ нихъ видимо на меня не вліялъ, никто изъ нихъ не могъ овладѣть настолько моими мыслями, чувствами и стремленіями, какъ Желябовъ. Для меня они вполнѣ безцвѣтныя личности, вмѣстѣ со мной группирующіяся около Желябова, который заправлялъ ихъ дѣяніями. Желябовъ даже могъ развить во мнѣ партійность, чего не могъ сдѣлать никто изъ прочихъ лицъ, сталкивающихся со мной, потому что онъ смотрѣлъ шире партіи и за ней видѣлъ свѣтъ, а эти лица безъ

партіи были ничто. Еще добавлю, что только вышеприведенные мотивы къ участію въ покушеніи, принадлежащіе лично мнѣ, исключаютъ истинность предположенія, что я былъ слѣпымъ орудіемъ Желябова. Предположеніе это было бы справедливо въ томъ случаѣ, если бы не было жизни на каникулахъ. Но я не отрицаю того, что возможно было года чрезъ два мое полное сліяніе съ партіей и, въ случаѣ вліянія Желябова, быть можетъ, съ ея террористическимъ отдѣломъ, на что безусловно надѣялся Желябовъ. Впрочемъ, послѣднее обстоятельство я готовъ отрицать, потому что фактъ послѣдняго покушенія, въ особенности Малая Садовая, положительно навсегда оттолкнула бы меня отъ участія въ терроризмѣ. Я еще теперь не могу переварить той массы страданій, той массы безвинно-загубленныхъ жертвъ при взрывѣ мины подъ каменной мостовой, при обрушеніи потолковъ. Этотъ подкопъ и то еще обусловливалъ неудачу при загубленныхъ-то жертвахъ. Если партія упрекала Александра II, повѣсившаго двухъ-трехъ невинныхъ соціалистовъ, въ каннибальствѣ, то этотъ упрекъ съ большимъ правомъ она можетъ отнести къ себѣ, проводя мину подъ Малую Садовую. Возможность еще терроризировать на словахъ, разгорячаемому пылкою рѣчью, въ уютной компатѣ, но терроризировать послѣ М. Садовой вполнѣ безчеловѣчно и безнравственно вести терроръ даже во имя блага народа при подобныхъ условіяхъ.

Возвращаясь опять къ фактической сторонѣ приготовленія и самаго совершенія покушенія 1-го марта, я припоминаю слѣдующее:

Перовская въ 20-тыхъ, 22—26 числахъ февраля, у Котика сообщила Желябову о томъ, что получала отъ кого-то свѣдѣнія—будто-бы полиція наткнулась въ 1-мъ участкѣ Спасской части на что-то, что давала громадныя тысячныя вознагражденія должностнымъ лицамъ. Высказала она свои опасенія, конспирируя предъ нами, а поэтому я ничего не знаю о томъ, чему грозила опасность, можетъ-быть, даже типографіи.

Въ послѣднихъ числахъ декабря Желябовъ сообщилъ мнѣ о томъ, что вся партія стоитъ на извѣстныхъ позиціяхъ, чтобы открыть перепалку съ правительствомъ—«да ужъ слѣдуетъ—долго молчали—силъ набирались»,—сообщилъ, указывая на силу партіи, что она нынѣ уже не будетъ задирать врага, а систематически наносить ему пораженія.

Въ первыхъ же числахъ января я услышалъ отъ него, что предпріятіе, стоющее многихъ трудовъ и тысячъ, террористическаго характера, лопнуло. Въ субботу 28-го февраля около 11-ти часовъ вечера Перовская ушла съ квартиры по Телѣжной улицѣ, уведя съ собой Тимофея Михайлова куда-то съ цѣлью сломать или выдернуть желѣзную палку и очистить квартиру или какое-то помѣщеніе. Утромъ въ воскресенье 1-го марта Михайловъ на вопросъ кого-то изъ присутствующихъ, исполнилъ-ли онъ вчерашнее порученіе, отвѣчалъ утвердительно, сказавъ что увезъ что-то въ какой-то паркъ (кажется, на Петербургской сторонѣ) и закопалъ въ снѣгъ, а Котикъ прибавилъ, что онъ также что-то бросилъ въ рѣку съ моста и смотрѣлъ, какъ будто не его дѣло. Котикъ въ субботу ушелъ раньше Перовской. Тимофей Михайловъ 22-го марта ѣхалъ съ вещами на извозчикѣ за большую цѣну. Въ воскресенье 1-го марта Перовская сказала, что если не придется дѣйствовать по указанному ею плану, то нужно послѣдить въ понедѣльникъ за государемъ по набережной Невы до Лѣтняго сада и дѣйствовать тамъ, не указывая на способъ дѣйствій—минами-ли или метательными снарядами исклю-

чительно, такъ какъ раньше было извѣстно изъ слѣженія за государемъ, что онъ проѣзжаетъ по набережной отъ дворца до Лѣтняго сада отъ 2—3 часовъ пополудни. Слѣдить она въ этотъ разъ поручила Гельфманъ.

Проходя съ Желябовымъ, я замѣтилъ, что онъ иногда проходилъ въ домъ по Почтамской улицѣ, гдѣ помѣщается трактиръ «Венеція».

Въ предъявленной мнѣ 4—5 марта личности, называющейся мѣщаниномъ Козыревымъ, настоящая фамилія его Орловъ, я признаю своего знакомаго, котораго узналъ чрезъ Желябова. Я зналъ его, какъ агитатора, но совмѣстныхъ дѣйствій не производилъ. Орловъ снабдилъ меня на время рукописями, касающимися с.-п.-бургскихъ заводовъ и рабочихъ, между которыми я видѣлъ рукопись о работахъ на Литейномъ мосту. Рукописи эти, очевидно, не всѣ принадлежали ему, потому что почерки ихъ весьма различны. Онъ приходилъ ко мнѣ на квартиру уголъ 9 и Мытнинской № 17, и моя бывшая хозяйка г-жа Ермолина должна знать его.

Въ предъявленной мнѣ сейчасъ карточкѣ личности, которую вы называете Вѣрой Филипповой, урожденной Фигнеръ, я признаю большее сходство съ неизвѣстной мнѣ брюнеткой, бывавшей по Телѣжной улицѣ въ д. № 5 и проходившей безъ снаряда по Невскому проспекту 1-го сего марта для наблюденія за покушеніемъ—въ числѣ лицъ гуляющихъ. Я говорю «большое сходство», потому что она измѣнилась нѣсколько, и только первый взглядъ на карточку позволяетъ сказать утвердительно, а при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи карточка моложе оригинала. Видѣлъ ее приходящей на квартиру по Телѣжной улицѣ въ субботу вечеромъ въ первый разъ, кажется, до прихода Перовской, а затѣмъ въ воскресенье, когда я сказалъ выше. Одѣвалась она очень просто: въ платкѣ (черномъ) и довольно старомъ простомъ пальто. Въ воскресенье предъ проѣздомъ государя она стояла у Екатерининскаго памятника, напротивъ той стороны Невскаго, у которой находилась лавка Кобозевыхъ. Всматриваясь хорошенько въ карточку, особенно въ глаза, я утверждаю, что карточка принадлежитъ именно этой брюнеткѣ, о которой я говорилъ.

На вопросъ, не была-ли означенная брюнетка m-me Кобозева, я ничего сказать не могу, потому что ни Кобозева, ни жены его не знаю. Но я думалъ, что это она, болѣе сильнымъ указаніемъ было то, что она, смотря на проѣздъ государя, старалась быть на противной сторонѣ Невскаго проспекта.

II.

Показанія и заявленія А. И. Желябова.

Первое показаніе было дано Желябовымъ подполковнику Никольскому и Добржинскому 27 февраля. Оно находилось въ актахъ т. н. процесса 20 (Александра Михайлова и др.), было извлечено отсюда и пріобщено къ актамъ процесса 1 марта. Оно напечатано нами на стр. 18—19 настоящей книги.

Второе показаніе было дано 1 марта тѣмъ же лицомъ «въ дополненіе показанія отъ 27 февраля». Вотъ оно:

«Признаю, что жилъ въ послѣднее время по 1-й ротѣ Измайловскаго полка, д. № 18, кв. 23 подъ именемъ Николая Ивановича Слотвинскаго, котораго я совершенно не знаю и который не имѣлъ никакого отношенія къ пользованію дубликатомъ его документа. Говорю это въ надеждѣ, что правдивыя во всѣхъ отношеніяхъ показанія мои избавятъ судебную власть отъ необходимости принять по отношенію къ Слотвинскому несправедливыя мѣры, а самого Слотвинскаго—отъ напрасныхъ страданій. Въ показаніяхъ своихъ отъ 27-го февраля я призналъ себя членомъ партіи «Народной Воли», программа которой рекомендуетъ, какъ одну изъ формъ активной борьбы, уничтоженіе правителей. Согласно этой программѣ и въ силу распоряженія исполнительнаго комитета, я принималъ извѣстное участіе въ покушеніи подъ г. Александровскомъ. Этимъ убѣжденіемъ я останусь вѣренъ и буду служить имъ до послѣдняго моего издыханія. Для таковыхъ предпріятій у меня имѣлся динамитъ въ коробкахъ, найденныхъ у меня на квартирѣ при осмотрѣ (протокола обыска я не читалъ и сужу о вещахъ, имъ обнаруженныхъ, по словесной передачѣ г. прокурора). Но употребленъ-ли хранившійся у меня динамитъ на предпріятіе, результатомъ коего были сегодняшнія событія, — не знаю, такъ какъ арестованъ раньше. Могу только заявить, что предпріятіе это въ духѣ программы партіи и въ этомъ смыслѣ я раздѣляю его вполнѣ.

Время цареубійства не было намѣчено заранѣе съ точностью, такъ какъ обусловливалось образомъ жизни объекта нападенія. Что касается зависимости времени совершенія отъ общественнаго настроенія и др. политическихъ условій, то партія имѣетъ на этотъ счетъ руки развязанными давно: нападеніе требовалось всѣми сочувствующими освобожденію страны, и упреки приходилось выслушивать лишь за промедленіе. Мѣсто дѣйствія находится еще въ большой зависимости отъ привычекъ объекта; о немъ (мѣстѣ) въ пятницу вечеромъ (27-го февраля) я могъ бы сказать лишь одно—по пути его слѣдованія. Участниками предпріятія могли быть лишь члены боевыхъ дружинъ исполнительнаго комитета; но кто именно участвовалъ въ сегодняшнемъ дѣлѣ, я не знаю, за исключеніемъ предъявленнаго мнѣ Рысакова, извѣстнаго мнѣ за въ

высшей степени преданнаго революціонному дѣлу дѣятеля. Лично мое участіе физическое не было лишь по причинѣ ареста; нравственное участіе полное. О метательныхъ снарядахъ въ идеѣ знаю давно; съ системами ихъ также знакомъ; но какая система была пущена сегодня въ дѣло, не знаю: это рѣшеніе совѣта техниковъ исполнительнаго комитета, состоявшееся послѣ моего ареста».

Вслѣдъ за этимъ допросомъ послѣдовало извѣстное заявленіе Желябова съ требованіемъ привлеченія его въ качествѣ обвиняемаго по дѣлу объ убійствѣ Александра II. Это заявленіе подписано 2-го марта, оно было столь необычно, что слѣдственная власть не сочла возможнымъ ограничиться простымъ пріобщеніемъ его къ дѣлу, и составила слѣдующій протоколъ осмотра документа, приводимый нами въ подлинномъ его видѣ.

Протоколъ № 61. 2) 1881 года марта 4-го дня, я отдѣльнаго корпуса жандармовъ маіоръ Бекъ, въ присутствіи товарища прокурора спб. судебной палаты Н. В. Муравьева и двухъ нижеподписавшихся понятыхъ, производилъ осмотръ приложеннаго къ дѣлу заявленія содержащагося обвиняемаго Андрея Желябова къ г. прокурору спб. судебной палаты, при чемъ оказалось: заявленіе написано на листѣ почтовой бумаги малаго формата, слѣдующаго содержанія:

«Если новый государь, получивъ скипетръ изъ рукъ революціи, намѣренъ держаться въ отношеніи цареубійцъ старой системы; если Рысакова намѣрены—казнить, было бы вопіющею несправедливостью сохранять жизнь мнѣ, многократно покушавшемуся на жизнь Александра II и не принявшему физическаго участія въ умерщвленіи его лишь по глупой случайности. Я требую пріобщенія себя къ дѣлу 1-го марта и, если нужно, сдѣлаю уличающія меня разоблаченія. Прошу дать ходъ моему заявленію. Андрей Желябовъ.

2 марта 1881 г. Д. пр. закл.

P. S. Меня безпокоитъ опасеніе, что правительство поставитъ внѣшнюю законность выше внутренней справедливости, украся корону новаго монарха трупомъ юнаго героя лишь по недостатку формальныхъ уликъ противъ меня, ветерана революціи. Я протестую противъ такого исхода всѣми силами души моей и требую для себя справедливости. Только трусостью правительства можно было бы объяснить о д н у висѣлицу, а н е д в ѣ. Андрей Желябовъ». На конвертѣ въ которомъ было прислано вышеизложенное письмо, находится слѣд. надпись: «Г-ну прокурору судебной палаты (о ч е н ь н у ж н о е)». Отд.корп. жандармовъ маіоръ Бекъ. Товарищъ прокур. палаты Муравьевъ. Подписи 2-хъ понятыхъ.

Затѣмъ послѣдовали допросы 2-го, 4-го и 6-го марта, изложенные въ нижеслѣдующихъ протоколахъ, воспроизводимыхъ буквально.

Протоколъ № 15. 1881 года. Марта 2-го дня, я отдѣльнаго корпуса жандармовъ капитанъ Подчайный на основаніи закона 19-го мая 1871 года, въ присутствіи прокурора палаты С. С. Плеве разспрашивалъ нижепоименованнаго, который показалъ: Зовутъ меня Андрей Ивановъ Желябовъ. Отъ роду имѣю 30 л., вѣроисповѣданія [1]). Званіе мое крестьянинъ. По поводу отношеній своихъ къ Рысакову заявляю, что согласенъ съ его показаніями, т. е. познакомился съ нимъ вслѣдствіе выраженнаго Рысаковымъ желанія приступить къ занятіямъ съ рабочими; сблизившись съ нимъ на этомъ дѣлѣ и опредѣливъ въ немъ способность къ дѣятельности боевой, террористической,

---

[1]) Пробѣлъ въ подлинникѣ. *Ред.*

[2]) Всѣ протоколы мы воспроизводимъ полностью. *Ред.*

я повелъ съ Рысаковымъ разговоръ о томъ, что рабочее дѣло станетъ прочно, лишь будучи охраняемо отъ шпіоновъ чрезъ устраненіе послѣднихъ. Оказалось, что Рысаковъ самостоятельно дошелъ до взглядовъ партіи на этотъ предметъ; признавая, что для такихъ дѣлъ нужна спеціальная боевая организація, оставалось предложить ему вступленіе въ боевую рабочую дружину, что и было принято Рысаковымъ. Первое знакомство наше, если не ошибаюсь, относится къ осени прошлаго года. Въ декабрѣ Рысаковъ былъ членомъ рабочей организаціи, а также «боевой рабочей дружины». Данная дружина, входя въ составъ боевыхъ силъ исполнительнаго комитета, имѣла цѣлью: 1) устраненіе шпіоновъ, дѣйствующихъ въ рабочей средѣ; 2) привлеченіе лучшихъ рабочихъ къ участію въ подобныхъ дѣлахъ; 3) собираніе опредѣлившихся лицъ въ группы для самостоятельнаго исполненія террористическихъ предпріятій, намѣченныхъ рабочей организаціей; 4) группы эти должны быть готовы принять на себя иниціативу инсуррекціоннаго движенія, которое партія считаетъ почти неизбѣжной переходной ступенью въ дѣятельности подготовительной ко всеобщей революціи; 5) наконецъ, боевая дружина служитъ школой для выработки изъ себя характеровъ, способныхъ къ самопожертвованію въ интересахъ общаго дѣла. Рысаковъ заявилъ себя съ первыхъ шаговъ прекраснымъ агитаторомъ среди рабочихъ. На мой взглядъ, въ немъ были большіе задатки спокойнаго, мужественнаго террориста. Все это, вмѣстѣ взятое, выдвигало, его какъ рѣдкую нравственную силу. Когда нападеніе на Александра II было поставлено исполнительнымъ комитетомъ ближайшей практической задачей приблизительно въ концѣ января, былъ сдѣланъ вызовъ добровольцевъ изъ боевыхъ комитетскихъ дружинъ. Въ числѣ прочихъ рвался на это дѣло и Рысаковъ. Я, будучи ближайшимъ агентомъ исполнительнаго комитета и въ то же время членомъ дружины рабочей, рекомендовалъ исполнительному комитету Рысакова съ наилучшей стороны. Рысаковъ былъ зачисленъ въ группу по данному предпріятію. Мнѣ было поручено исполнительнымъ комитетомъ дѣйствовать вмѣстѣ съ группой. Послѣдовалъ рядъ собраній для обсужденія плана нападенія: мѣста, времени, средствъ нападенія, распредѣленія силъ и т. д. Вызванные изъ разныхъ дружинъ, члены данной группы должны были ознакомиться между собой, сблизиться, возъимѣть довѣріе другъ къ другу. На это, впрочемъ, требовалось не много времени; больше времени уходило на ознакомленіе группы со средствами нападенія, въ частности, съ метательными снарядами. Съ этой цѣлью на собранія являлся техникъ; онъ подробно разбиралъ разныя системы снарядовъ; указывалъ всѣ за и противъ каждой системы; знакомилъ съ условіями пользованія ими. На нѣкоторыхъ изъ таковыхъ собраній былъ я; но на послѣднемъ не былъ; посему не знаю, на какой системѣ остановились въ концѣ концовъ. Арестъ оторвалъ меня отъ этого дѣла. Такимъ образомъ окончательный планъ (время, мѣсто, снаряды) и его исполнители были опредѣлены послѣ меня и мнѣ неизвѣстны. Остальныхъ членовъ группы по данному предпріятію я, само собою разумѣется, не назову.

Послѣднее собраніе группы, на которомъ присутствовалъ я, было, насколько помню, во вторникъ; на немъ не былъ поставленъ опредѣленный планъ дѣйствій. По вопросу объ организаціи. Организація партіи «Нар. В.» состоитъ изъ цѣлой сѣти тайныхъ кружковъ, группирующихся на началѣ централизаціи группъ младшаго порядка вокругъ группы порядка высшаго. Каждая группа высшаго порядка пополняется лучшими силами группъ порядка младшаго.

Вся организація стягивается къ единому центру—исполнительному комитету. Всѣ группы связаны между собой единствомъ програмы и плана практическихъ дѣйствій, общностью силъ и средствъ. Сношенія между группъ ведутся черезъ агента высшей группы, входящаго въ составъ младшей группы, какъ ея сочленъ. Интересы центра для каждаго члена стоятъ выше интересовъ его группы. Поэтому центръ вправѣ отзывать членовъ подгруппъ на извѣстныя ему нужды, не мотивируя отозванія передъ группой. Каждая группа въ веденіи своихъ дѣлъ самостоятельна и имѣетъ свой бюджетъ. Всѣ вопросы програмные, а также вопросы партійнной политики центръ отдаетъ на обсужденіе всей организаціи. Рѣшеніе по этимъ вопросамъ постановляетъ съѣздъ представителей мѣстныхъ центральныхъ группъ вмѣстѣ съ уполномоченными отъ и. к. — исп. к. слѣдитъ за точнымъ исполненіемъ предначертаній съѣзда и направляетъ сообразно нимъ всѣ силы организаціи. Взаимныя отношенія мѣстныхъ центральныхъ группъ между собою и къ исп. к-ту, ихъ кругъ вѣдѣнія опредѣляется особыми договорами. Такова организація по мѣсту. Въ большихъ центрахъ она дробится по предметамъ вѣдѣнія; такова: рабочая организація, военная, молодежи и т. д. на томъ же началѣ автономности кружковъ и централизаціи. Андрей Желябовъ. Отдѣльнаго корпуса жандармовъ капитанъ Подгайный. Прокуроръ судебной палаты Плеве.

Протоколъ № 60. 1881 года, марта 4 дня. Я отдѣльнаго корпуса жандармовъ маіоръ Бекъ, въ присутствіи товарища прокурора с.-петербург. судебной палаты Н. В. Муравьева, на основаніи закона 19 мая 1871 года, допрашивалъ нижепоименованнаго, который въ дополненіе къ прежнему его показанію, объяснилъ: Зовутъ меня Андрей Желябовъ. Въ прошлый разъ я говорилъ о задачахъ «рабочей боевой дружины», къ которой принадлежалъ вмѣстѣ съ Рысаковымъ. Теперь, слѣдуя приглашенію г. прокурора, заявляю, что у исп. комитета такихъ группъ много; однѣ изъ нихъ находятся въ провинціи, другія здѣсь, въ столицѣ; нѣкоторыя характера боевого общереволюціоннаго, другія боевыя спеціальныя, подобно рабочей дружинѣ, но приспособленныя къ иной средѣ. Отъ сообщеній подробностей уклоняюсь. Исп. комитетъ, поставивъ извѣстное нападеніе ближайшей практической задачей, сдѣлалъ, кажется, въ январѣ мѣсяцѣ, вызовъ добровольцевъ изъ всѣхъ боевыхъ дружинъ. Идти на самопожертвованіе вызвалось, въ итогѣ, 47 человѣкъ. Мнѣ было поручено съорганизовать предпріятіе (разумѣю нападеніе съ метательными снарядами). Я предложилъ участіе опредѣленному числу добровольцевъ, между прочимъ, Рысакову, руководствуясь личнымъ знаніемъ ихъ, а также нѣкоторыми другими соображеніеми. Отсюда видно, что, выпади честь—съорганизовать нападеніе, не мнѣ, а на долю иного агента исп. комитета, личный составъ дружины по данному предпріятію былъ-бы несомнѣнно другой. Слѣдуя тому же приглашенію г. прокурора, поясняю, что агентъ 3-й ст., каковымъ я состою, есть ближайшій агентъ и. комитета, лицо, пользующееся его полнымъ довѣріемъ. Объ агентахъ 1-й и 2-й ст. говорилось въ процессѣ 16-ти. Въ настоящемъ протоколѣ зачеркнуты слова: «же, изъ, если, въ, другое» и сверхъ строкъ прибавлены: «извѣстное, личный». Андрей Желябовъ. Отдѣльнаго корпуса жандармовъ маіоръ Бекъ. Товарищъ прокурора палаты Муравьевъ.

Протоколъ № 102. 1881 года марта 6 дня, я отдѣльнаго корпуса жандармовъ маіоръ Кузьминъ на основаніи закона 19-го мая 1871 года, въ присутствіи товарища прокурора с.-пб. окр. суда Мясоѣдова распрашивалъ нижепоименованнаго, который показалъ въ дополненіе данныхъ уже показаній.

Зовутъ меня Андрей Ивановъ Желябовъ отъ роду имѣю—Вѣроисповѣданія—званіе мое.—По поводу двухъ прочитанныхъ мнѣ 4 марта показаній Рысакова, заявляю, что (поскольку я ихъ припоминаю) показанія эти въ большей части своей согласны съ дѣйствительностью. Онъ познакомился со мной, какъ съ лицомъ, именующимся Захаромъ Тимофеевичемъ, ведущимъ дѣло съ рабочими. О сближеніи нашемъ разсказано мною въ показаніи 1 марта, въ существенномъ, согласно съ показаніями Рысакова. На цареубійство шелъ онъ сознательно и добровольно по моему приглашенію. Въ январѣ и февралѣ я не разъ велъ съ нимъ разговоръ о роли царей въ судьбахъ русскаго народа и, въ связи съ этимъ, о необходимости ихъ уничтоженія вообще, если русскіе цари пожелаютъ остаться при старой системѣ управленія. Рысакову виднѣе, было ли въ моихъ разсужденіяхъ что-либо новое, самимъ Рысаковымъ не надуманное, и въ какой мѣрѣ это новое повліяло на него. Пусть же объ этомъ говоритъ самъ Рысаковъ. Въ дѣлѣ 1 марта я отводилъ Рысакову лишь мѣсто пособника для выправки изъ него самостоятельнаго бойца на послѣдующее время, хотя, конечно, своихъ предположеній ему не высказывалъ, а заставлялъ переживать самыя серьезныя ожиданія въ интересахъ закала характера; истинная роль его въ событіи зависѣла уже не отъ меня, тогда арестованнаго, исполнилъ ее Рысаковъ, поскольку мнѣ извѣстно и въ чемъ я впередъ былъ увѣренъ, съ честью. Припоминаю невѣрность съ дѣйствительностью въ показаніяхъ Рысакова относительно роли Тимофея. Тутъ Рысаковъ видимо перепуталъ лично для него желательное съ предположеннымъ мною для Тимофея, и Тимофей вышелъ у него предполагавшимся участникомъ нападенія, что совершенно невѣрно. Не имѣя предъ собою показаній Рысакова и не желая возражать противъ собственныхъ недоразумѣній, прекращаю объясненія свои по поводу его показаній. Въ этомъ протоколѣ зачеркнуты слова: «мѣсяца за два до факта, въ связи съ, я отъ» и сверхъ строкъ надписаны: «двухъ, та, я» Андрей Ивановъ Желябовъ, маіоръ Кузьминъ, присутствовалъ товарищъ прокурора с.-петербургск. окр. суда Н. Мясоѣдовъ.

6 марта Желябовъ былъ допрошенъ еще и судебнымъ слѣдователемъ И. Ф. Книримомъ въ качествѣ обвиняемаго. Допросъ нашелъ мѣсто въ слѣдующемъ протоколѣ:

Протоколъ № 11. 1881 года марта 6 дня судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ при с.-петербургскомъ окружномъ судѣ И. Ф. Книримъ допрашивалъ нижепоименованнаго въ качествѣ обвиняемаго и онъ показалъ: Зовутъ меня Андрей Ивановъ Желябовъ, 30 лѣтъ отъ роду, о вѣроисповѣданіи своемъ я далъ уже подробное объясненіе при дознаніи, крестьянинъ Таврической губерніи, Ѳеодосійскаго уѣзда, села Николаевки, волости Петровскомъ, воспитывался въ Одесскомъ университетѣ по юридическому факультету, и былъ уволенъ съ 3-го курса за безпорядки въ 1871 году; женатъ, имѣю сына 5 лѣтъ. Подъ судомъ былъ по процессу 193-хъ и по суду оправданъ, подлежалъ административной высылкѣ, а потому скрылся и жилъ нелегально. Я признаю, что, по порученію исполнительнаго камитета, съорганизовалъ группу лицъ для нападенія съ метательными снарядами, намѣчалъ планъ дѣйствія, но окончательный планъ былъ избранъ послѣ моего ареста, 27 февраля с. г., каковое обстоятельство помѣшало мнѣ принять участіе лично въ нападеніи, что слѣдовало по плану. Рысакова, предъявленнаго мнѣ при дознаніи, признаю за одно изъ лицъ, привлеченныхъ мною къ этому предпріятію. О мертвомъ тѣлѣ лица, метавшаго снарядъ и погибшаго отъ взрыва, а также о другихъ членахъ дружины говорить

не желаю. Дружиной я называю группу лицъ для даннаго предпріятія. Зачеркнуто «себя». Андрей Ивановъ Желябовъ суд. слѣд. Книримъ.

Желябовъ былъ допрошенъ затѣмъ еще только одинъ разъ по частнымъ случаямъ.

Протоколъ № 27. 1881 года, марта 14 дня, я отдѣльнаго корпуса жандармовъ подполковникъ Никольскій, на основаніи закона 19-го мая 1871 года, въ присутствіи товарища прокурора спб. суд. палаты А. Ф. Добржинскаго, разспрашивалъ нижепоименованнаго, который въ дополненіе своихъ объясненій отъ...... показалъ:

Зовутъ меня крестьянинъ Андрей Ивановъ Желябовъ. Въ только что предъявленныхъ мнѣ свидѣтеляхъ Тимофеѣ и Марьѣ Бовенко признаю домовладѣльцевъ, у которыхъ я въ г. Александровскѣ, подготовляя покушеніе на царя (17 ноября 1879 г.), нанималъ квартиру. Зачеркнуто «Т» Андрей Желябовъ. По поводу предъявленнаго мнѣ снаряда заявляю, что, по внѣшнему своему виду и по внутреннему устройству, принадлежитъ къ одной изъ извѣстныхъ мнѣ системъ метательныхъ снарядовъ, изготовленныхъ для нападенія 1 марта. На вопросъ: «видалъ-ли я эти снаряды въ рукахъ кого либо изъ членовъ соц. рев. партіи?» заявляю: «да, видѣлъ; но въ чьихъ, объяснять не желаю». По поводу только что прочитанной мнѣ записки, которая, по вашимъ словамъ, взята у одного изъ арестованныхъ въ послѣднее время зашифрованною, заявляю, содержаніе ея мнѣ непонятно: не знаю ни лицъ такихъ фамилій, ни самыхъ фамилій, кличекъ и паролей. По поводу прочитаннаго не могу сдѣлать никакихъ объясненій, какъ о предметѣ мнѣ чуждомъ. Андрей Желябовъ. Отдѣльнаго корпуса жандармовъ подполковникъ Никольскій. Товарищъ прокурора судебной палаты Добржинскій.

Андрею Желябову были предъявлены: 1) одинъ изъ снарядовъ, найденныхъ при обыскѣ въ кв. № 5 д. № 5 по Телѣжной улицѣ и дешифрованный переводъ зашифрованной записки, найденной при Софьѣ Перовской. Отдѣльнаго корпуса жандармовъ подполковникъ Никольскій.

Вышеприведенными протоколами исчерпываются всѣ показанія, данныя Желябовымъ во время слѣдствія. Въ дѣлѣ находятся еще слѣдующія заявленія А. И. Желябова въ особое присутствіе правительствующаго сената первоприсутствующему:

I) Прошу васъ, г. первоприсутствующій, о вызовѣ въ качествѣ свидѣтелей:

1) Кошурникова (онъ же—Баранниковъ, Алафузовъ) и Колодкевича (Петровъ) для выясненія нижеслѣдующихъ показаній Гольденберга: «Совѣщанія лип. съѣзда привели къ рѣшенію предпринять цѣлый рядъ покушеній... и между прочимъ, произвести взрывъ... близъ г. Александр... По словамъ Гольденберга, въ двадцатыхъ числахъ сент. 79 г., въ г. Харьковъ прибыли нѣкто: Кошурниковъ и А. Прѣсняковъ... привезли... динамита и проволоку...; въ тоже время, въ г. Харьковѣ устраивались сходки для обсужденія... способ... осуществленія... Здѣсь Гольденбергъ и Желябовъ, доказывая на сходкахъ необходимость террор. обр. дѣйствій, подготовляли все нужное для приведенія въ исполненіе... умысла». Обвин. актъ, стр. 25. «Изъ числа лицъ, участвовавшихъ на сходкахъ, Жел—ву, Акимовой... Тихонову и Окладскому было поручено произвести взрывъ» и т. д. Обвин. актъ, стр. 26. Кошурниковъ и Колодкевичъ, участвовавшіе, по словамъ Гольденберга, на этихъ сходкахъ, суть единственные люди, которые въ настоящее время, за смертью Прѣснякова и лишеніемъ всѣхъ правъ сост. Тихапова и

Окладскаго, могутъ помочь г.г. судьямъ—отдѣлить въ показаніяхъ Гольденберга быль отъ его личнаго вымысла. Послѣднее важно не только въ отношеніи обвиненія, ложащагося на меня, но, что гораздо важнѣе, въ интересахъ лицъ, участвовавшихъ на этихъ сходкахъ и оставшихся необнаруженными пока

и 2) Михаила Тригони для выясненія обстоятельствъ моего ареста 27 ф. Важность показаній этого свидѣтеля доказывать излишне.

Всѣ трое—Кошурниковъ, Колодкевичъ и Тригони—содержатся подъ стражей въ мѣстахъ заключенія, извѣстныхъ прокур. надзору, въ Петербургѣ.

1881 г. 19 марта, крестьянинъ Андрей Желябовъ. Крѣпость.

Заявленіе Желябова было доложено въ распорядительномъ засѣданіи 21 марта и оставлено безъ послѣдствій.

II) Принимая во вниманіе:

во-первыхъ, что дѣйствія наши, отданныя царскимъ указомъ на разсмотрѣніе особаго присутствія сената, направлены исключительно противъ правительства и лишь ему одному въ ущербъ; что правительство, какъ сторона пострадавшая, должна быть признана заинтересованной въ этомъ дѣлѣ стороной и не можетъ быть судьей въ своемъ собственномъ дѣлѣ; что особое присутствіе, какъ состоящее изъ правительственныхъ чиновниковъ, обязано дѣйствовать въ интересахъ своего правительства, руководясь при этомъ не указаніями совѣсти, а правительственными распоряженіями, произвольно именуемыми законами,—дѣло наше неподсудно особому присутствію сената.

во вторыхъ, дѣйствія наши должны быть разсматриваемы, какъ одно изъ проявленій той открытой, всѣми признанной борьбы, которую русская соціально-революціонная партія много лѣтъ ведетъ за права народа и права человѣка противъ русскаго правительства, насильственно завладѣвшаго властью и насильственно удерживающаго ее въ своихъ рукахъ по сей день;

единственнымъ судьею въ дѣлѣ этой борьбы между соціально-революціонной партіей и правительствомъ можетъ быть лишь весь русскій народъ чрезъ непосредственное голосованіе или, что ближе, въ лицѣ своихъ законныхъ представителей въ учредительномъ собраніи, правильно избранномъ;

и въ третьихъ, такъ какъ эта форма суда (учредительное собраніе) въ отношеніи насъ лично неосуществима; такъ какъ судъ присяжныхъ въ значительной степени представляетъ собою общественную совѣсть и не связанъ въ дѣйствіяхъ своихъ присягой на вѣрную службу одной изъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ сторонъ;

на основаніяхъ вышеизложенныхъ я заявляю о неподсудности нашего дѣла особому присутствію правительствующаго сената и требую суда присяжныхъ въ глубокой увѣренности, что судъ общественной совѣсти не только вынесетъ намъ оправдательный приговоръ, какъ Вѣрѣ Засуличъ, но и выразитъ намъ признательность отечества за дѣятельность особенно полезную. 1881 г. 25 марта Андрей Желябовъ. Петропавловс. крѣпость.

Заслушавъ приведенное заявленіе Желябова въ распорядительномъ засѣданіи 26 марта, особое присутствіе нашло, что «заявленный подсудимымъ отводъ о неподсудности дѣла, по которой подсудимый Желябовъ преданъ суду особаго присутствія, за силою 2 п. 1031 ст. 4 ст. уст. уг. суд. 2 ч. XV т. св. зак. по прод. 1879 г. и 600 ст. того же устава, какъ лишенный всякаго законнаго основанія, не заслуживаетъ уваженія и оставило заявленіе безъ послѣдствій.

III.

Показанія С. Л. Перовской.

Первый допросъ съ С. Л. Перовской былъ снятъ въ присутствіи самого прокурора палаты В. К. Плеве подполковникомъ Никольскимъ 10 марта въ день ея ареста. С. Л. Перовская собственноручно записала въ протоколъ слѣдующее показаніе.

Зовутъ меня Софья Львовна Перовская. Отъ роду имѣю 27, вѣроисповѣданія православнаго. Званіе дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

На предлагаемые мнѣ вопросы отвѣчаю: Въ послѣднее время жила на квартирѣ по 1-й ротѣ, Измайловскаго полка, д. № 18, подъ именемъ Лидіи Войновой вмѣстѣ съ Андреемъ Желябовымъ подъ именемъ Николая Слотвинскаго. Признаю себя принадлежащей къ партіи «Народной Воли». Признаю свою прикосновенность къ покушенію на жизнь покойнаго государя 19 ноября 1879 г., подъ Москвою, подъ именемъ Марины Сухоруковой, такъ равно и въ участіи въ покушеніи 1-го марта, отъ котораго государь погибъ.

Подробныя показанія прошу отложить до завтраго. Зачеркнутому прошу вѣрить. Дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника Софья Перовская.

Допросъ былъ продолженъ на слѣдующій день, 11 марта. Въ этотъ С. Л. Перовская дала подполковнику Никольскому и А. Ф. Добржинскому слѣдующее обширное дополненіе.

Зовутъ меня [1]) Софья Львовна Перовская. Отъ роду имѣю 27 вѣроисповѣданія православнаго. Происхожденіе и народность изъ дворянъ,—русская. Званіе дочь дѣйствительнаго статскаго совѣтника, незамужемъ. Мѣсто рожденія и мѣсто постояннаго жительства родилась въ Петербургѣ, гдѣ и проживала почти безвыѣздно съ конца ноября 1879 г. Занятіе—революціонная дѣятельность. Средства къ жизни—частью изъ фонда партіи, частью работою по переводамъ и перепискѣ. Семейное положеніе—имѣю двухъ братьевъ, живущихъ въ Крыму, и сестру, находящуюся замужемъ за докторомъ Загорскимъ, который, кажется, служитъ въ саратовской губ. Экономич. полож. родителей отецъ Левъ Николаевичъ служитъ въ совѣтѣ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, мать моя Варвара Степановна живетъ въ Крыму. Мѣсто воспитанія и на чей счетъ воспитывался, воспитаніе получила домашнее на счетъ родителей. Причина неокончанія курса, въ случаѣ выхода изъ завед., съ указан. самаго завед.—Былъ ли за границей

---

[1]) Эти слова, равно какъ и дальше, напечатанныя въ разрядку, отпечатаны на протокольномъ бланкѣ. *Ред.*

где и когда именно заграницей была только въ дѣтствѣ въ 1865 г. **Привлекался ли ранѣе къ дознаніямъ, какимъ и чѣмъ они окончены** привлекалась къ процессу о 193 лицахъ, была оправдана, послѣ суда высылалась административно въ олонецкую губ. но по пути скрылась со станціи Волхово или Чудово николаевской желѣзной дороги. **На предложенные мнѣ вопросы отвѣчаю.** Участіе мое въ покушеніи 1-го марта на жизнь государя выразилось въ слѣдующемъ: окончательное рѣшеніе, дѣйствовать 1-го марта, было принято 28 февраля, вечеромъ; въ этомъ рѣшеніи участвовала и я. Затѣмъ 1-го марта утромъ я отнесла на Телѣжную улицу д. № 5 часть метательныхъ снарядовъ, предназначенныхъ для дѣйствія, именно два. На самомъ мѣстѣ дѣйствія я выслѣживала, куды направится государь изъ манежа, для этого я находилась на Большой Итальянской улицѣ и на Михайловской площади. Увидя, что государь направился въ Михайловскій дворецъ, я пошла по Михайловской улицѣ, гдѣ и подала знакъ, означавшій, что личности со снарядами должны направиться на Екатерининскій каналъ, какъ было заранѣе условлено; знакъ заключался въ томъ, что я должна была вынуть носовой платокъ при встрѣчѣ, не говоря ни слова. Подавъ знакъ, я направилась по Невскому, черезъ Казанскій мостъ на противуположную сторону Екатерининскаго канала, гдѣ и была во время обоихъ взрывовъ и вскорѣ послѣ нихъ удалилась оттуда. О томъ, что государь изъ Михайловскаго дворца направится по Екатерининскому каналу, знала я по цѣлому ряду наблюденій за нимъ, которыя я производила втеченіе послѣднихъ мѣсяцевъ. По Михайловской улицѣ встрѣтилась я съ нѣсколькими лицами, въ числѣ которыхъ находился Рысаковъ, другихъ же лицъ, кромѣ Рысакова, а также число ихъ указывать я не желаю. Въ Телѣжной улицѣ своихъ снарядовъ не было, но они были принесены туда утромъ 1-го марта мною и другими лицами, назвать которыхъ я не желаю, а также не желаю показывать, откуда они были принесены. 1-го марта утромъ на Телѣжной улицѣ было нѣсколько человѣкъ, нѣкоторые изъ которыхъ получили снаряды, въ числѣ послѣднихъ былъ Рысаковъ, другихъ же назвать не желаю. О назначеніи квартиры по Телѣжной улицѣ говорить не желаю, хозяевами же тамъ были застрѣлившійся при обыскѣ человѣкъ и Геся Гельфманъ. Фамилію того человѣка назвать не желаю. Давъ сигналъ, я направилась къ Екатерининскому каналу, чтобы присутствовать при фактѣ и удостовѣриться въ его послѣдствіяхъ, снаряда же не имѣла съ собою, такъ какъ на этотъ день для меня ихъ не достало. По Екатерининскому каналу должны были дѣйствовать нѣсколько лицъ, по сколько, я не желаю показывать, дѣйствія ихъ должны были заключаться въ бросаніи снарядовъ. По поводу предъявленной мнѣ фотографической карточки я не могу ничего сказать (предъявлялась карточка носившаго якобы кличку Котика, какъ мнѣ это было сказано при допросѣ). О подкопѣ по Малой Садовой улицѣ мнѣ было извѣстно, что онъ подготовлялся для покушенія на покойнаго государя, и если бы онъ проѣхалъ 1-го марта по Садовой, то, по всей вѣроятности, дѣйствіе состоялось бы. Я не желаю опредѣлять, съ какого момента знала я о подкопѣ по М. Садовой, и вообще по поводу этого подкопа отказываюсь давать какія-либо показанія, хотя вообще, какъ членъ партіи и агентъ исполнительнаго комитета, я знала о всемъ совершавшемся въ партіи въ этой отрасли дѣятельности и о предположеніяхъ; сама я въ лавкѣ Кобозева по М. Садовой не бывала. На вопросъ, съ какого момента возникла въ партіи

мысль о дѣйствіяхъ метательными снарядами, я отвѣчать не желаю. Я признаю, что на моей квартирѣ, гдѣ проживалъ и Желябовъ, былъ въ жестянкахъ динамитъ, но не желаю объяснять, куды онъ дѣвался и въ какомъ отношеніи онъ находился къ лавкѣ Кобозева. По поводу знакомства моего съ Кобозевыми и другими лицами я объясненій давать не желаю. Съ Рысаковымъ я познакомилась эту зиму; при какихъ обстоятельствахъ, показывать не желаю.

Относительно мотивовъ, подъ вліяніемъ которыхъ партія и я, какъ членъ партіи, начали террористическую дѣятельность, пояснить могу слѣдующее. Стремясь къ поднятію экономическаго благосостоянія народа и уровня его нравственнаго и умственнаго развитія, мы видѣли первый шагъ къ этому въ пробужденіи въ средѣ народа общественной жизни и сознанія своихъ гражданскихъ правъ. Ради этого мы стали селиться въ народѣ для пропаганды, для пробужденія его умственнаго сознанія. На это правительство отвѣтило страшными репрессаліями и рядомъ мѣръ, дѣлавшими почти невозможной дѣятельность въ народѣ. Такимъ образомъ правительство само заставило партію обратить преимущественное вниманіе на наши политическія формы, какъ на главное препятствіе народнаго развитія. Партія, придерживаясь соціалистическому ученію, долго колебалась перейти къ политической борьбѣ, и первые шаги по этому пути встрѣчали сильное порицаніе со стороны большинства партіи, какъ отступленіе отъ соціализма. Но рядъ висѣлицъ и другихъ мѣръ, показывавшій необходимость сильнаго отпора правительству, заставилъ партію перейти рѣшительно на путь борьбы съ правительствомъ, при которой террористическіе факты являлись однимъ изъ важныхъ средствъ. Упорство же въ посягательствахъ на жизнь покойнаго государя вызывалось и поддерживалось убѣжденіемъ, что онъ кореннымъ образомъ никогда не измѣнитъ своей политики, а будутъ только колебанія: одной ли висѣлицей больше или меньше, народъ же и общество будутъ оставаться въ прежнемъ вполнѣ безправномъ положеніи. Точно опредѣлить время зарожденія мысли о цареубійствѣ нѣтъ возможности, во время соловьевскаго покушенія единой всероссійской организаціи, строго говоря, не существовало, и мысль о покушеніи самостоятельно существовала въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ группахъ, но не у всѣхъ революціонныхъ дѣятелей. Начиная съ осени 1879 года отдѣльныя организаціи сплотились въ одну общую, и мысль о покушеніи на покойнаго государя была принята всей партіей. На Липецкомъ съѣздѣ я не была, впослѣдствіи знала о томъ, что онъ былъ, но свѣдѣній о немъ никакихъ сообщить не могу. Подъ вліяніемъ принятаго нами рѣшенія осенью 1879 года, я и поѣхала въ Москву, гдѣ подъ именемъ Марины Семеновны жены Сухорукова принимала участіе въ покупкѣ дома за Рогожской заставой, затѣмъ жила тамъ все время веденія подкопа подъ полотно желѣзной дороги, вплоть до 19-го ноября, вышла изъ дому послѣ взрыва, около 10 часовъ вечера. Въ моментъ взрыва я находилась въ домѣ на случай, если бы пришла полиція, то принять ее и отвлечь ея (вниманіе) подозрѣніе. Въ этотъ моментъ я находилась въ самомъ домѣ, а другое лицо въ сараѣ для смыканія батареи, назвать же это лицо я не желаю.

Въ 1869 году осенью я, вмѣстѣ съ родителями, пріѣхала въ Петербургъ, гдѣ поступила на женскіе курсы при 5-ой мужской гимназіи. Въ 1870 г. осенью, по семейнымъ обстоятельствамъ, я оставила родительскій домъ и начала жить самостоятельно, готовилась въ народныя учительницы, желая способствовать

развитію народа. Въ 1872 г. я держала въ Петербургѣ экзаменъ на народную учительницу; несмотря на то, что экзаменъ я выдержала, мнѣ все же, не объяснивъ причинъ, не выдали диплома. Тогда на зиму я отправилась въ тверскую губ., въ корчевской уѣздъ, село Едимоново, прожила тамъ всю зиму съ 72 на 73 г. въ качествѣ помощницы учительницы при народной школѣ. Въ 73 г. весною выдержала экзаменъ въ Твери и тутъ получила дипломъ. На лѣто вернулась въ Петербургъ и съ осени начала тутъ занятія съ рабочими. 5-го же января 1874 г. меня арестовали; лѣтомъ я была выпущена на поруки и уѣхала къ матери, въ Крымъ. Потерявъ возможность быть дальше народной учительницей, я начала изучать фельдшерство. Въ 1874 г. поступила въ симферопольскую земскую больницу, гдѣ и служила вплоть до вызова на судъ въ 1877 году въ августѣ мѣсяцѣ. Судомъ я была оправдана, и въ маѣ 1878 г. уѣхала опять къ матери, гдѣ была арестована въ августѣ для административной высылки въ олонецкую губ. Съ дороги я скрылась, и съ тѣхъ поръ жила нелегальной. Къ революціонному движенію я примкнула съ 1872 года. Подъ какими фамиліями я жила съ 19 ноября 1879 года до присвоенія себѣ имени Воиновой, сказать не желаю. Воиновой же я стала именоваться, кажется, съ іюня мѣсяца 1880 г., паспортъ этотъ подложный. Въ домѣ № 18 по 1-ой ротѣ я поселилась съ іюля мѣсяца 1880 г.; сначала со мной жила одна моя знакомая, имени которой я называть не желаю, жила же она подъ фамиліей Сапович. Въ сентябрѣ эта моя знакомая уѣхала отъ меня, и переселился ко мнѣ на квартиру Желябовъ. Гдѣ теперь находится называвшаяся Саповичъ, показывать я не желаю. За все время жительства моего въ домѣ № 18, по 1-ой ротѣ, я шить воротничковъ никому не давала, и никакая швея ко мнѣ не должна была приходить. Фамилія Чемодановой мнѣ знакома, она жена Синегуба, осужденнаго по процессу 193 на каторгу, во время суда мы съ нею жили вмѣстѣ, послѣ суда она добровольно послѣдовала за мужемъ въ Сибирь, имя и отчество ея Лариса Васильевна. Съ тѣхъ поръ я ее не видала. Въ 1876 г. я какъ-то видала ея сестру, имени ея точно не помню. На бывшемъ въ этомъ году студенческомъ балѣ я не была. Изъ числа предъявленныхъ мнѣ карточекъ мнѣ знакомы: Рысаковъ; Гесю Гельфманъ, Семена, Кота и Александра Михайлова и того, котораго мнѣ при допросѣ назвали Тетеркой, я, кажется, гдѣ-то видала. Подъ Семеномъ я называю того, котораго мнѣ назвали Баранниковымъ, а подъ Котомъ—Колодкевичемъ. Гдѣ и прикакихъ обстоятельствахъ, я объяснять не желаю. Того, котораго вы называете Тимофеемъ Михайловымъ и карточка котораго мнѣ семъ предъявляется—я не знаю. Объ участіи Семена въ московскомъ предпріятіи и подъ какимъ именемъ онъ жилъ—я показывать не желаю. Все отобранное у меня вчера при задержаніи принадлежитъ мнѣ, но разъяснять значеніе разныхъ замѣтокъ, найденныхъ въ моихъ бумагахъ и записной книжкѣ, я не желаю. По поводу чертежей, найденныхъ въ моей книжкѣ, могу только сказать, что это чертежъ квартиръ, но какихъ, разъяснить не желаю.

11-го марта была устроена очная ставка С. Л. Перовской и Геси Гельфманъ. Въ протоколѣ С. Л. записала: «Въ предъявленной мнѣ сейчасъ женщинѣ признаю Гесю Гельфманъ, о которой упоминала въ сегодняшнемъ показаніи». А Геся Гельфманъ собственноручно написала: «Предъявленную личность я знаю»[5].

Слѣдующій допросъ С. Л. Перовскій происходилъ 13 марта. Она показала подполковнику Никольскому и Добржинскому слѣдующее.

«Относительно квартиры по Троицкому пер., д. № 27 (рота), гдѣ проживало

лицо, подъ именемъ Николаева, я разъясненій (желать) давать не желаю. По поводу вопроса, предложеннаго мнѣ о планѣ, сдѣланномъ карандашемъ на оборотѣ конверта, я признаю, что планъ этотъ нарисованъ мною въ воскресенье 1-го марта утромъ, на квартирѣ по Телѣжной улицѣ, д. № 5. Планъ этотъ рисовала я для того, чтобы пояснить лицамъ, шедшимъ со снарядами, гдѣ они должны были находиться. Относительно же болѣе подробныхъ разъясненій этого плана, то я отказываюсь ихъ давать, а также и относительно кружковъ, находящихся на этомъ планѣ. Привезя на конспиративную квартиру снаряды, я пояснила, что ихъ меньше предполагавшагося количества, т. к. не успѣли приготовить всѣхъ, по короткости времени, потому что окончательное рѣшеніе дѣйствовать 1-го марта было принято въ субботу вечеромъ; по какимъ именно причинамъ, я отвѣчать не желаю, т. к. эта поспѣшность имѣла весьма много причинъ, разъяснять которыя я не желаю. Я въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ занималась слѣженіемъ за покойнымъ государемъ, но какъ и съ кѣмъ происходило это слѣженіе, разъяснять не желаю. По поводу шифрованной записки, найденной у меня, и якобы дешифрированной и прочтенной мнѣ сейчасъ, я никакихъ объясненій давать не желаю».

Воспроизводимъ и находящійся въ дѣлѣ разборъ шифрованнаго письма, отобраннаго у С. Л. Перовской при арестѣ.

Колыбин Егор Дьакон к обѣднѣ звонят Бобков
Василій Купец вот тебѣ на водку
Кузнецов Ефим Молоток Молоток прощай Ануфріев.
Василій Попадья Прасковья Попадья обѣдать сѣла.
Бызовъ [1]) Кирил Пила курица яйца несетъ.
Юшманов Григорій Орел высоко орлы летают.

Тихонов Ефим Павловскій Слесарь Старовѣр скоро выйдут Доронин Никанор Лебедь Дарья деньги прислала Кровельщик знает Питер он вѣроятно смѣнит Портнаго как Почталіон а Портной познакомит с Пѣтухом Горохом Шапкой Капустой Ярославцем Дьякон познакомит с Пилой или съ Попадьей, Пила подозрѣвается начальством Пахом или Портной познакомят с Молотком чрезъ котораго пойдет другая нить Петруха познакомит с Писарем Александром Дубровиным Щука Исаков Николай Александрович имѣет любовницу Анну Степановну на Звѣринской улицѣ дом тридцать второй квартира без номера Щука Александров женат и семейный живет на Звѣринской дом пятый квартира вторая оба бѣдны первый храбр второй труслив оба с женами занимаются портняжеством.

Порох. полиц. Ефим Иванов небольшого роста.

Въ Ивановѣ: Александр Зубков, учитель Алексѣй Осипов Капачинскій.

14-го марта С. Л. Перовская дала подполковнику Никольскому и Добржинскому слѣдующее дополненіе къ показаніямъ:

Предъявленный мнѣ сейчасъ снарядъ, именно жестяная банка съ крышкой, внутри которой помѣщены три трубки, соединенныя гуттаперчевой трубочкой, такой именно системы, какой нѣсколько экземпляровъ я принесла, какъ говорила уже, 1-го сего марта, утромъ, въ д. № 5, кв. № 5, по Телѣжной улицѣ и раздала лицамъ, долженствовавшимъ дѣйствовать этими снарядами

---

[1]) Или: сѣла бы—зов. (т. е. зоветъ:)?

въ покушеніи того же числа на жизнь покойнаго государя. Внутреннее устройство этого снаряда мнѣ было извѣстно, такъ какъ ранѣе 1-го марта я видѣла этотъ снарядъ въ не совсѣмъ готовомъ видѣ, гдѣ же именно, объяснять не желаю. На вопросъ, знаю ли я, что въ рукахъ партіи существовали и существуютъ метательные взрывчатые снаряды и другихъ системъ, кромѣ системы предъявленнаго мнѣ, я отвѣчать не желаю. Предъявленный мнѣ также теперь планъ, сдѣланный отъ руки карандашемъ на оборотной сторонѣ обыкновеннаго конверта, есть именно тотъ самый, который я начертила утромъ 1-го марта въ квартирѣ № 5, д. № 5, по Телѣжной улицѣ, съ цѣлью дать указаніе лицамъ, долженствовавшимъ дѣйствовать 1-го марта противъ жизни покойнаго государя, о мѣстѣ нахожденія каждаго изъ нихъ въ данный моментъ. О значеніи же кружковъ, начерченныхъ на этомъ планѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, я какъ заявила уже вчера, никакихъ разъясненій давать не желаю [1]).

---

[1]) Какъ видно изъ подписи подполк. Никольскаго на протоколѣ, С. Л. Перовской были предъявлены одинъ изъ снарядовъ, найденныхъ въ домѣ № 5, кв. № 5, по Телѣжной улицѣ и начерченный на конвертѣ карандашемъ планъ мѣстности, найденный въ той же квартирѣ.

IV.

Показанія Н. И. Кибальчича.

Показаній Н. И. Кибальчича въ слѣдственномъ производствѣ всего три. Онъ былъ допрошенъ подполк. Никольскимъ въ присутствіи А. Ф. Добржинскаго два раза 20 го марта и одинъ разъ 21-го марта [1]).

I. **20 марта.** Зовутъ меня [2]) Николай Ивановичъ Кибальчичъ. Отъ роду имѣю 27 лѣтъ, вѣроисповѣданія православнаго. Происхожденіе и народность сынъ священника, русскій. Званіе былъ студентомъ института инженеровъ путей сообщенія. Мѣсто рожденія и мѣсто постояннаго жительства, въ черниговской губерніи, кролевецкаго уѣзда, заштатномъ городѣ Коропъ. Занятіе литературный трудъ. Средства къ жизни заработки отъ литературнаго труда. Семейное положеніе холостъ, имѣю двухъ родныхъ братьевъ Степана и Федора и двухъ сестеръ Ольгу и Катерину. Братъ Федоръ находится, по всей вѣроятности, на мѣстѣ родины—въ гор. Коропѣ, а сестра Катерина, по всей вѣроятности, находится въ г. Козельцѣ, черниговской г., гдѣ она замужемъ за священникомъ; гдѣ же находятся остальные братъ и сестра—я не знаю. Экономическое положеніе родителей родителей нѣтъ въ живыхъ. Мѣсто воспитанія и на чей счетъ воспитывался сначала въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія, а затѣмъ въ медико - хирургической академіи, на собственный счетъ. Причина неокончанія курса, въ случаѣ выхода изъ заведенія, съ указаніемъ самого заведенія изъ медико - хирургической академіи вышелъ въ 1875 году вслѣдствіе привлеченія меня къ политическому дѣлу, а изъ института, въ которомъ пробылъ съ 1871 по 1873 годъ, перешелъ въ академію, пожелавъ перемѣнить спеціальность. Былъ-ли за-границей, гдѣ и когда именно не былъ. Привлекался ли ранѣе къ дознаніямъ, какимъ и чѣмъ они окончены состоялъ подъ слѣдствіемъ и судомъ за время отъ 1875 по 1878 годъ по обвиненію въ распространеніи недозволеннаго сочиненія и по приговору особаго присутствія сената, состоявшемуся 1-го мая 1878 года, былъ приговоренъ къ заключенію на 1 мѣсяцъ. На предложенные мнѣ вопросы отвѣчаю:

Я признаю себя принадлежащимъ къ русской соціально-революціонной партіи и, въ частности, къ обществу «Народной Воли». Общество «Народной

---

1) Мы опускаемъ совершенно незначительныя записи Кибальчича на протоколахъ предъявленія его коррипорнымъ и дворникамъ, которые удостовѣряли фактъ его проживанія въ домахъ и въ квартирахъ. *Ред.*

2) Слова, набранныя въ текстѣ съ разрядкой, отпечатаны на протокольномъ бланкѣ.

Воли» поставило себѣ цѣлью достиженіе тѣмъ или инымъ путемъ политическаго и экономическаго переворота, въ результатѣ котораго въ политическомъ отношеніи должно быть народоправство, а въ экономическомъ отношеніи—принадлежность земли и вообще главныхъ орудій производства народу. Для достиженія этой цѣли существуетъ нѣсколько путей, как: террористическая дѣятельность, пропаганда революціонныхъ идей въ разныхъ слояхъ населенія, особенно же среди городскаго и деревенскаго люда, наконецъ, организація революціонныхъ и даже только недовольныхъ элементовъ и пр. Я признаю всѣ эти пути одинаково необходимыми для достиженія сказанной цѣли, а слѣдовательно, и террористическую дѣятельность. На вопросъ объ участіи въ покушеніяхъ на жизнь императора въ ноябрѣ 1879 года подъ полотномъ московско-курской желѣзной дороги, въ Александровскѣ, екатеринославской губерніи, а также въ приготовленіяхъ, предпринимавшихся къ такому же покушенію въ Одессѣ, я поясняю слѣдующее: о всѣхъ замышлявшихся покушеніяхъ на жизнь императора осенью 1879 года я зналъ, но активное участіе принималъ только въ одесскомъ подготовленіи. Участіе мое въ послѣднемъ приготовленіи къ покушенію выразилось въ томъ, что я имѣлъ квартиру въ Одессѣ, по Екатерининской улицѣ, въ домѣ, номера котораго точно не помню, подъ фамиліей Иваницкаго, и хранилъ у себя вещи, необходимыя для совершенія взрыва. Я жилъ съ женщиной, настоящей фамиліи которой не знаю, называлъ же ее тѣмъ именемъ, которое было обозначено въ документѣ. Относительно соучастниковъ моихъ въ подготовленіи одесскаго взрыва я показывать не желаю.

Относительно событія 1-го марта 1881 года и подготовленій къ нему, я о своемъ участіи имѣю показать слѣдующее. Я признаю, что я сдѣлалъ всѣ части, какъ тѣхъ двухъ метательныхъ снарядовъ, которые были брошены подъ карету императора, такъ и тѣхъ, которые были впослѣдствіи захвачены въ Телѣжной улицѣ. Изобрѣтеніе устройства этихъ снарядовъ принадлежитъ мнѣ, точно такъ же, какъ всѣ части ихъ: ударное приспособленіе для передачи огня запалу и взрывчатое вещество—гремучій студень,—были сдѣланы мной однимъ, безъ участія какихъ-либо помощниковъ, на квартирѣ, которой я указать не желаю. Снарядовъ было сдѣлано мной четыре штуки; изъ нихъ два рѣшено было употребить въ дѣйствіе, а остальные два оставить, такъ сказать, въ резервѣ. До приготовленія ихъ мнѣ пришлось употребить много времени и труда прежде, чѣмъ я собралъ нужныя техническія свѣдѣнія и изобрѣлъ данное устройство снаряда. Нужно замѣтить, что я, среди своей партіи, былъ первымъ, взявшимся добыть нитроглицеринъ. Съ цѣлью ознакомиться съ предметомъ, я перечиталъ все, что могъ найти въ литературѣ на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Но для того, чтобы, во-1-хъ, производить собственными средствами приготовленіе динамита, и во-2-хъ, чтобы устроить вполнѣ удовлетворяющій цѣли метательный снарядъ съ динамитомъ, мнѣ приходилось придумывать много новыхъ, нигдѣ не употреблявшихся приспособленій. Я предлагалъ нѣсколько типовъ метательныхъ снарядовъ, отличающихся между собою по приспособленію для полученія огня, сообщающаго взрывъ динамиту, и только въ послѣднее время придумалъ данную форму снаряда. Сущность устройства его состоитъ въ томъ, что оловянный грузъ, надѣтый на стеклянную трубочку, наполненную сѣрной кислотой, въ моментъ удара метательнаго снаряда о какую-либо поверхность, разламываетъ трубочку вслѣдствіе силы инерціи, сѣрная кислота, вытекая изъ разбитой трубочки, зажи-

гаетъ прикрѣпленный къ трубочкѣ стопинъ особаго приготовленія (нитки, покрытыя смѣсью бертолетовой соли, сахара и сѣрнистой сюрьмы), огонь по стопину передается къ запалу съ гремучей ртутью, гремучая ртуть, взрываясь, сообщаетъ взрывъ патрону, состоящему изъ смѣси мучнистаго пироксилина и нитроглицерина, а отъ патрона взрывъ передается уже гремучему студню. Въ снарядъ помѣщены двѣ стеклянныя трубочки, продольная и поперечная, съ грузами на каждой, такъ что, какой-бы стороной ни упалъ снарядъ, во всякомъ случаѣ хоть одна трубочка должна разбиться. Огонь по стопину передается моментально и, слѣдовательно, взрывъ долженъ произойти въ то мгновеніе, какъ только снарядъ ударится о препятствіе. Только послѣ того, какъ выработана была эта форма снаряда и какъ на опытѣ подтвердилась годность въ немъ ударнаго приспособленія, я и мои товарищи сочли возможнымъ употребить ихъ для дѣйствія. Длинное время, потребовавшееся для окончательной выработки удовлетворительнаго во всѣхъ отношеніяхъ устройства метательныхъ снарядовъ, было одной изъ причинъ долгаго промежутка времени, въ теченіе котораго ничего не было принято для достиженія поставленной цѣли—совершить, во что бы то ни стало, удачное покушеніе на жизнь императора. Это впрочемъ была одна изъ незначительныхъ причинъ, такъ какъ я и мои товарищи не придавали большого значенія метательнымъ снарядамъ, на которые смотрѣли, какъ на резервъ въ случаѣ неудачи главнаго взрыва,—взрыва мины. А такъ какъ устроить мину въ какомъ-либо мѣстѣ не представлялось возможнымъ все время до совершенія подкопа подъ Малой Садовой улицей, то и вопросъ о покушеніи затянулся на долгое время. Только тогда, когда явилось возможнымъ занять подвальное помѣщеніе по Малой Садовой,—и было рѣшено подготовить взрывъ. Что касается до уличнаго подкопа, то я узналъ о немъ и принялъ въ немъ участіе своими техническими совѣтами только въ самое послѣднее время передъ 1 марта. Такимъ образомъ, я не участвовалъ ни въ обсужденіи вопроса о прискаціи помѣщенія для цѣлей подкопа, ни въ вопросѣ о томъ, кому занять мѣсто лавочниковъ въ помѣщеніи; я даже не зналъ и не знаю до сихъ поръ, какія лица играли роль торговцевъ въ сырной лавкѣ на Малой Садовой. Я не участвовалъ также въ работѣ рытья мины и ни разу не былъ въ самомъ помѣщеніи. Все мое участіе въ этомъ подкопѣ ограничивалось только тѣмъ, что я давалъ техническіе совѣты насчетъ количества динамита въ зарядѣ, а также устроилъ запалъ, который былъ приспособленъ уже не мной, а другимъ лицомъ, къ заряду динамита. Вообще все мое участіе во взрывѣ 1 марта ограничивалось исключительно научно-технической сферой, а именно: 1) я давалъ совѣты относительно того, какое количество динамита необходимо для того, чтобы взрывъ, во-первыхъ, достигъ цѣли, а во-вторыхъ,—не причинилъ вреда лицамъ, случившимся на тротуарѣ при проѣздѣ государя, а также прилежащимъ домамъ; во-2) придумалъ и приспособилъ, съ помощью двухъ другихъ лицъ, 4 метательныхъ снаряда; въ 3) ѣздилъ съ двумя лицами, взявшимися бросить два снаряда, на опытъ, на которомъ снарядъ съ ударнымъ приспособленіемъ и съ гремучей ртутью, но безъ динамита, былъ брошенъ, если не ошибаюсь, Рысаковымъ съ цѣлью убѣдить участниковъ взрыва въ годности устройства снаряда. Такимъ образомъ, въ вопросѣ о времени и мѣстѣ событія я не имѣлъ рѣшающаго голоса. Зналъ только, и то послѣднее лишь время передъ взрывомъ, что взрывъ долженъ произойти во время ѣзды императора въ манежъ и что лица, имѣющія мета-

тельные снаряды въ рукахъ, должны были стоять въ это время неподалеку отъ мины и, въ случаѣ неудачи, пустить въ дѣло снаряды. Поэтому для меня явилось неожиданностью то, что метательные снаряды были употреблены въ дѣйствіе безъ предварительнаго взрыва мины. Такимъ образомъ я, находясь на улицѣ въ то время, какъ императоръ проѣзжалъ въ манежъ и изъ манежа, ушелъ затѣмъ домой, а о подбросѣ метательныхъ снарядовъ узналъ лишь вечеромъ—изъ телеграммъ. Относительно метательныхъ снарядовъ я могу добавить еще то, что два изъ нихъ были доставлены мною утромъ 1-го марта въ Телѣжную улицу, а передъ этимъ мнѣ всю ночь пришлось проработать надъ ихъ окончаніемъ; два же другіе снаряда были доставлены туда-же г-жей Перовской. Прибавляю къ этому, что снаряды были изготовлены не въ моей квартирѣ, а на другой, которой я указывать не желаю. Дальнѣйшій мой допросъ прошу отложить до слѣдующаго раза.

Къ этому считаю нужнымъ добавить, что въ интересахъ разсмотрѣнія моего дѣла совмѣстно съ дѣломъ о лицахъ, обвиняющихся въ преступленіи 1-го марта и назначеннаго къ слушанію въ особомъ присутствіи сената на 26 сего марта, заявляю, что отказываюсь отъ того семидневнаго срока, который предоставленъ обвиняемымъ для вызова свидѣтелей и избранія себѣ защиты и вообще для ознакомленія съ дѣломъ. Въ случаѣ же, если я изберу себѣ защитника, и онъ пожелаетъ пользоваться семидневнымъ срокомъ, то я, въ такомъ случаѣ, откажусь отъ защиты въ интересахъ скорѣйшаго разсмотрѣнія дѣла.

II. 20 марта. Живя въ городѣ Одессѣ на Екатерининской улицѣ для участія въ подготовлявшемся покушеніи на жизнь императора, я счелъ нужнымъ отдать въ починку мастеру спираль Румкорфа, предназначавшуюся для взрыва. Съ этою цѣлью я отдалъ ее въ оптическій магазинъ Левенталя на Дерибасовской улицѣ; но неудовлетворенный починкой, я счелъ необходимымъ купить новую спираль, которую и купилъ въ магазинѣ Розенталя. Когда же сдѣлалось извѣстнымъ, что императоръ не поѣдетъ изъ Крыма черезъ Одессу, а слѣдовательно въ приготовленіяхъ къ покушенію около Одессы не было надобности, то я счелъ полезнымъ отвезти одну изъ спиралей въ Александровскъ, гдѣ, по моему мнѣнію, спираль была неудовлетворительна. По дорогѣ въ Александровскъ я встрѣтилъ Гольденберга, которому и сообщилъ свой одесскій адресъ. Въ Александровскѣ я оставался всего нѣсколько часовъ и затѣмъ возвратился снова въ Одессу, гдѣ прожилъ числа до 20 декабря. Послѣ того я уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и оставался до дня ареста. Всѣхъ квартиръ, гдѣ я жилъ въ Петербургѣ, я указывать не желаю, кромѣ слѣдующихъ: на Подольской улицѣ, въ домѣ № 11, гдѣ я жилъ подъ фамиліей Агатескулова, въ Сарапинской гостиницѣ, по Забалканскому проспекту, и на Невскомъ въ домѣ № 124, также подъ фамиліей Агатескулова, и на послѣдней моей квартирѣ—по Лиговкѣ, дома № 83,—подъ фамиліей Ланского, гдѣ я былъ арестованъ въ прошлый вторникъ, 17 сего марта. Квартира по Подольской улицѣ не служила ни для какихъ террористическихъ цѣлей, а предназначалась лишь для свиданій. По Подъяческой улицѣ въ домѣ подъ № 37 я бывалъ зимой, въ началѣ 1880 года, и тамъ занимался приготовленіемъ динамита. Обѣ квартиры—на Подольской и Подъяческой—я указываю потому, что дознанію онѣ были уже раньше извѣстны, точно такъ же, какъ и цѣли, для которыхъ онѣ служили. Вообще я участвовалъ всякій разъ въ приготовленіи динамита, когда это представлялось нужнымъ въ интересахъ

партіи, хотя и не всегда зналъ, въ какой формѣ должно совершиться замышлявшееся покушеніе: такъ, относительно покушенія 5 февраля я узналъ уже только изъ газетъ. Относительно событія 1 марта могу добавить еще слѣдующее. Зная заранѣе, что взрывъ долженъ произойти 1 марта, въ томъ случаѣ, если императоръ проѣдетъ по Малой Садовой, я вмѣстѣ со своими помощниками приложилъ всѣ усилія, чтобы къ утру 1 марта окончить приготовленіе метательныхъ снарядовъ. Принеся оба снаряда въ Телѣжную улицу утромъ 1-го марта, я засталъ тамъ двухъ лицъ, которыя должны были бросить снаряды, а именно: Рысакова и лицо, извѣстное мнѣ подъ именемъ «Котика»; тамъ же я увидѣлъ г-жу Перовскую, Гельфманъ и хозяина квартиры Саблина. Г-жа Перовская сообщала лицамъ, взявшимся бросить снаряды, гдѣ эти лица должны стоять во время проѣзда императора и при какихъ условіяхъ должны были бросить снаряды; при этомъ она рисовала планъ улицъ—Малой Садовой и набережной Екатерининскаго канала. Программа дѣйствій была такова: лица со снарядами должны были стоять по обоимъ концамъ Малой Садовой и въ то время, какъ на серединѣ ея произойдетъ главный ударъ и окажется неудачнымъ, то пустить въ дѣло снаряды. Въ Троицкомъ переулкѣ, въ домѣ подъ номеромъ 27, у проживавшей тамъ Гельфманъ я бывалъ нѣсколько разъ для свиданій съ разными лицами; но для какихъ цѣлей служила эта квартира, я показывать не желаю. Относительно Телѣжной улицы могу добавить, что до 1-го марта я тамъ былъ раза два съ цѣлью объяснить дѣйствія метательными снарядами. Относительно времени покушенія мнѣ извѣстно было то, что какъ только мина будетъ готова, то въ ближайшее же воскресенье рѣшено было произвести взрывъ. Но, повторяю, что я близко стоялъ только къ технической сторонѣ дѣла; относительно же другихъ сторонъ предпріятія я не имѣлъ рѣшающаго голоса. Съ Желябовымъ я познакомился лѣтомъ 1879 года, въ Петербургѣ, но у него на квартирѣ никогда не бывалъ.

Относительно настроенія, господствующаго среди нашей партіи послѣ катастрофы 1 марта, мнѣ извѣстно слѣдующее. Вопросъ о продолженіи террористической дѣятельности не рѣшается опредѣленно, а ставится въ связь съ послѣдующими событіями. Если правительство откажется рѣшительно отъ своей прежней политики, отречется отъ своей законодательной власти въ пользу учредительнаго собранія, образованнаго изъ народныхъ представителей, выбранныхъ путемъ всеобщей подачи голосовъ, при условіи полнѣйшей свободы слова, печати, сходокъ и избирательной агитаціи, то передъ такою властью партія «Народной Воли» сложитъ оружіе террористической борьбы и изберетъ тогда исключительно мирныя средства для проведенія своихъ идей. Въ такомъ именно смыслѣ проэктировано напечатать обращеніе къ императору Александру III, въ этомъ же обращеніи должна быть высказана та мысль, что первымъ шагомъ новаго направленія государственной политики должна быть всеобщая амнистія такъ называемыхъ государственныхъ преступниковъ; только такой мѣрой правительство могло бы, въ глазахъ партіи, доказать свое искреннее желаніе свернуть на совершенно иную дорогу государственной политики. Если же будутъ, попрежнему, происходить казни, если будетъ продолжаться прежняя политика преслѣдованія свободнаго слова, если не будетъ дарована широкая амнистія революціоннымъ дѣятелямъ, то продолженіе террористической дѣятельности со стороны партіи представляется совершенно неизбѣжнымъ. Къ этому партія располагаетъ всѣми средствами: у ней, во-первыхъ, найдутся всегда рѣшительные люди, готовые

жертвовать своею жизнью для террористическаго предпріятія, а во-вторыхъ, среди нея есть люди, умѣющіе доставить къ этому всѣ техническія средства. Итакъ, вопросъ о томъ, быть или не быть террору, всецѣло зависитъ отъ будущей политики правительства.

III. 21 марта. Прочитывая свое первое показаніе, я нашелъ въ немъ нѣкоторую неточность относительно доли своего участія въ техническихъ подготовленіяхъ. Тѣ два помощника, которые вмѣстѣ со мной занимались техническими приготовленіями, принимали также участіе въ обсужденіи идеи и практическаго приспособленія метательныхъ снарядовъ и мины; такимъ образомъ, всѣ техническія приспособленія являются результатомъ коллективной мысли и работы трехъ лицъ, а не одного только меня. Точно также считаю нужнымъ заявить, что идея устройства употребленныхъ въ дѣйствіе метательныхъ снарядовъ, именно ударное приспособленіе, основанное на разбиваніи стеклянной трубочки грузомъ, принадлежитъ не мнѣ; я только больше другихъ употребилъ времени на осуществленіе этой идеи снаряда. Изъ этого само собой разумѣется, что оставшіеся послѣ меня на свободѣ техники могутъ, если бы это понадобилось, выполнить техническія работы съ такимъ же успѣхомъ и безъ моего участія. На вопросъ, предложенный мнѣ на дознаніи,—какое количество времени нужно на изготовленіе метательнаго снаряда двумя лицами, я могу отвѣтить слѣдующее. Разъ выработана форма и всѣ детали снаряда, то приготовленіе его становится очень легкимъ, какъ это видно изъ самой простоты устройства снаряда. Стоитъ только заказать металлическую коробку, купить мѣдныхъ и стеклянныхъ трубокъ, отлить свинцовые грузы—и вотъ готовы всѣ части механическаго приспособленія; для того, чтобы приспособить всѣ эти части къ снаряду, совершенно достаточно одного дня. На приготовленіе другихъ частей снаряда — стопина, капсюля съ гремучей ртутью и гремучаго студня—тоже потребуется не много времени.

Еще будучи студентомъ медико-хирургической академіи, я составилъ себѣ соціалистическія убѣжденія на основаніи чтенія нецензурныхъ и нѣкоторыхъ цензурныхъ сочиненій; это было въ то время, когда въ Петербургъ начали проникать изъ-за границы соціально-революціонныя изданія журнала «Впередъ», статьи Бакунина и др. Впрочемъ эти изданія имѣли лишь значеніе только для выработки моихъ убѣжденій въ соціалистическомъ отношеніи; они возбудили у меня рядъ вопросовъ, для разрѣшенія которыхъ я долженъ былъ обратиться къ легальнымъ сочиненіямъ. Легальныя сочиненія дали мнѣ факты, которые подтвердили тѣ выводы относительно русской дѣйствительности, которые я встрѣтилъ въ соціалистической литературѣ. Что же касается до моей дѣятельности согласно съ моими убѣжденіями, то въ это время я не выработалъ еще себѣ опредѣленнаго плана. Я колебался между рѣшеніемъ бросить академію и уйти въ народъ для соціалистической пропаганды и желаніемъ остаться въ академіи и служить дѣлу партіи впослѣдствіи—въ качествѣ доктора. Но мои колебанія кончились арестомъ по обвиненію меня въ томъ, что я передалъ недозволенную книжку одному крестьянину въ мѣстечкѣ Торнищахъ, кіевской губ. Тюремное заключеніе, болѣе или менѣе продолжительное, оказываетъ всегда на неустановившихся людей одно изъ двухъ вліяній: однихъ лицъ—неустойчивыя и слабыя натуры—оно запугиваетъ и заставляетъ отречься отъ всякой дѣятельности въ будущемъ; другихъ же, наоборотъ, закаляетъ, заставляетъ стать въ серьезныя отношенія къ дѣлу, которое пред-

ставляется теперь въ ихъ глазахъ главною задачею жизни. Я принадлежалъ къ числу вторыхъ. Еще въ послѣдніе мѣсяцы моего заключенія, среди соціально-революціонной партіи начало все больше и больше развиваться то настроеніе, которое впослѣдствіи созрѣло въ цѣлую систему практической дѣятельности. Сначала я, какъ и другіе революціонеры, смотрѣлъ на террористическіе факты, какъ на дѣйствія самозащиты партіи противъ жестокостей правительства, какъ на выраженія мести за преслѣдованія соціалистовъ. Позднѣе террористическая дѣятельность въ глазахъ партіи, и въ томъ числѣ и меня, стала представляться не только какъ средство для наказанія начальствующихъ лицъ за ихъ преслѣдованія соціалистовъ, но и какъ орудіе борьбы для достиженія политическаго и экономическаго освобожденія народа. Такой взглядъ на террористическую дѣятельность можно считать окончательно установившимся лѣтомъ 1879 года. До этого времени я хотя и находился на свободѣ съ іюля 1878 года, но почти никакого активнаго участія въ дѣятельности партіи не принималъ; жилъ же по нелегальному документу, потому что не желалъ быть высланнымъ административнымъ порядкомъ, подобно другимъ лицамъ, привлекавшимся къ политическимъ дѣламъ. Мое неучастіе въ дѣятельности за это время происходило впрочемъ не вслѣдствіе моего нежеланія этого, а вслѣдствіе того, что, по выходѣ изъ тюрьмы, я, не имѣя раньше никакихъ связей съ наиболѣе дѣятельными членами партіи и не зарекомендовавъ себя ничѣмъ передъ ними съ революціонной стороны, не могъ попасть ни въ какую революціонную организацію. Только въ концѣ весны 1879 года, когда борьба между правительствомъ и партіей обострилась до крайней степени, я, сознавая, что въ такое время обязанностію каждаго, раздѣляющаго извѣстныя убѣжденія, является активное содѣйствіе партіи, предложилъ, черезъ Квятковскаго, свои услуги революціонной организаціи. Мое предложеніе было принято. Еще раньше этого времени, я, предвидя, что партіи, въ ея террористической борьбѣ, придется прибѣгнуть къ такимъ веществамъ, какъ динамитъ, рѣшилъ изучить приготовленіе и употребленіе этихъ веществъ. Съ этой цѣлью я предварительно занимался практически химіей, а затѣмъ перечиталъ по литературѣ взрывчатыхъ веществъ все, что могъ достать; послѣ этого, я у себя въ комнатѣ добылъ небольшое количество нитроглицерина и, такимъ образомъ, практически доказалъ возможность приготовлять нитроглицеринъ и динамитъ собственными средствами. О томъ, какъ я употребилъ въ дѣло пріобрѣтенныя мной техническія знанія,—мной было сказано раньше. На липецкомъ съѣздѣ я не былъ и узналъ о немъ лишь изъ процесса о 16 лицахъ, обвинявшихся въ государственныхъ преступленіяхъ.

V.

Показанія Геси Гельфманъ.

Геся Гельфманъ была крайне не многословна въ своихъ показаніяхъ. 3 марта она дала подполковнику Никольскому и товарищу прокурора палаты Н. В. Муравьеву первое показаніе [1]):

«Зовутъ меня Геся Миронова Гельфманъ. Отъ роду имѣю 26, вѣроисповѣданія іудейскаго. Званіе мое мѣщанка г. Мозыря, минской губерніи, незамужняя.

Ни на какіе вопросы, касающіеся лично меня, а также лица, застрѣлившагося сегодня ночью въ той квартирѣ, гдѣ я была арестована, и вещей, оказавшихся въ той квартирѣ, я отвѣчать не желаю. Предъявленная мнѣ сейчасъ фотографическая карточка—дѣйствительно моя».

5 марта подполковникъ Никольскій, въ присутствіи уже А. Ф. Добржинскаго, допрашивалъ вновь Гесю Гельфманъ, которая дополнила свое показаніе отъ 3 марта нижеслѣдующимъ, весьма краткимъ показаніемъ:

«Предъявленную мнѣ сейчасъ личность (былъ предъявленъ мѣщанинъ Николай Ивановъ Рысаковъ) я не знаю. Признаю, что я принадлежу къ русской соціальной-революціонной партіи, программы «Народной Воли», о своей же революціонной дѣятельности и вообще о своей жизни и занятіяхъ въ Петербургѣ я никакихъ отвѣтовъ давать не желаю. На Малой Садовой улицѣ въ Петербургѣ, ни въ квартирахъ жильцовъ, ни въ разныхъ торговыхъ помѣщеніяхъ я знакомыхъ не имѣла и не имѣю».

8 марта, въ присутствіи тѣхъ же лицъ, Геся Гельфманъ дополнила свои объясненія нижеслѣдующимъ, тоже весьма краткимъ показаніемъ:

«На всѣ вопросы, предлагаемые мнѣ, отвѣчать не желаю. На вопросъ, знала-ли я о подкопѣ на М. Садовой улицѣ, въ С.-Петербургѣ, изъ сырнаго магазина, заявляю, что участія въ этомъ подкопѣ я не принимала, а на вопросъ, знала-ли о существованіи этого подкопа—отвѣчать не желаю».

6 марта Геся Гельфманъ была допрошена слѣдователемъ Книримомъ. Этотъ допросъ изложенъ въ слѣдующемъ протоколѣ:

«1881 года марта 6 дня судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ при с.-петербургскомъ окружномъ судѣ И. Ф. Книримъ допрашивалъ нижепоименованную въ качествѣ обвиняемой и она показала: зовутъ меня Геся Миронова Гельфманъ, 26 лѣтъ отъ роду, вѣры еврейской, мѣщанка гор. Мозыря, дѣвица; воспитывалась въ Кіевѣ, проходила акушерскій курсъ при университетѣ Св. Владиміра; находилась подъ судомъ по политическому дѣлу и

---

[1]) Это и послѣдующія показанія Геси Гельфманъ записывались допрашивавшимъ, а ею только подписывались. *Ред.*

приговоромъ особаго присутствія правительствующаго сената была осуждена въ 1877 году въ рабочій домъ на два года. Я не признаю себя виновною въ соучастіи во взрывѣ, произведенномъ 1 марта 1881 года на набережной Екатерининскаго канала, послѣдствіемъ коего была смерть и поврежденіе здоровья нѣсколькихъ частныхъ лицъ. Рысакова я не знаю. Въ квартирѣ моей дѣйствительно были найдены двѣ банки съ динамитомъ и я знала, что это динамитъ. Откуда эти банки съ динамитомъ взялись, не желаю показать. По поводу квартиры и человѣка, застрѣлившагося въ ней, никакихъ отвѣтовъ дать не желаю. Человѣка, тяжело раненаго взрывомъ и умершаго въ больницѣ, проживавшаго подъ именемъ Ельникова, я не знаю. Зачеркнуто «особымъ». Исправленное «1877» вѣрно. Геся Гельфманъ. Суд. слѣд. Книримъ».

Нѣсколько подробнѣе были показанія, данныя Гесею Гельфманъ 12 марта подполковнику Никольскому и товарищу прокурора окружнаго суда В. Ф. Дейтриху. Эти показанія явились результатомъ предъявленія Геси Гельфманъ Усману Булатову, дворнику дома № 27/1 по Троицкому переулку, гдѣ жила Геся Гельфманъ подъ фамиліей Николаевой, вмѣстѣ съ Макаромъ Тетеркой (Николаевымъ по фамиліи). Подъ протоколомъ допроса дворника Булатова Гельфманъ собственноручно написала слѣдующее: «Геся Гельфманъ поповоду настоячего предъявленія прашу записовайт мои показани». Геся Гельфманъ показала слѣдующее:

«6 или 7 числа сентября прошлаго 1880 года я и личность подъ именемъ мѣщанина г. Москвы Андрея Иванова Николаева заняли кв. № 25 въ домѣ № 27/1 по Троицкому переулку. До этого времени я жила въ теченіе нѣсколькихъ дней въ меблированныхъ комнатахъ—комната № 4—въ домѣ, кажется, № 55/1, на углу Невскаго и Новой улицы, а гдѣ я до того жила въ Петербургѣ,—сказать не желаю. Въ меблированныхъ комнатахъ я была прописана, какъ равно и личность, называвшаяся моимъ мужемъ, Иваномъ Андреевымъ, жившимъ въ одной со мною комнатѣ, подъ именемъ Елисаветы Алексѣевны Николаевой. Нанявъ квартиру въ домѣ № 27/1 по Троицкому переулку я и называвшійся Николаевымъ меблировали ее, но старою или новою мебелью—не знаю, такъ какъ мебель привезъ Николаевъ. Служанки мы не имѣли, а ходила за провизіей и готовила кушанье я сама. Личность, жившую со мною подъ именемъ моего мужа Андрея Иванова Николаева—я называть не желаю. Въ этой квартирѣ у насъ бывали: Желябовъ, Перовская, личность, карточка съ трупа котораго мнѣ сейчасъ предъявлена (была предъявлена карточка трупа лица, умершаго отъ ранъ 1-го сего марта въ конюшенномъ госпиталѣ), фамилію котораго я хотя и знаю, но не желаю сказать, а говорю только, что знала эту личность также подъ именемъ Михаила Ивановича и подъ прозвищемъ «Котика». Бывали у насъ и другія лица, но кто они—сказать не желаю. Изъ дома № 27/1 по Троицкому переулку сожитель мой, называвшійся Николаевымъ, уѣхалъ въ началѣ февраля, не знаю куда «и былъ отозванъ по дѣлу», а къ половинѣ февраля переѣхала, вмѣстѣ съ личностью называвшагося также моимъ мужемъ Фесенко-Навроцкимъ, въ кв. № 5 дома № 5 по Телѣжной улицѣ. Называвшійся Фесенко-Навроцкимъ не одно лицо съ называвшимся Андреемъ Ивановичемъ Николаевымъ. Въ настоящее время я могу сказать, что подъ фамиліей Фесенко-Навроцкаго жилъ со мною Николай Алексѣевичъ Саблинъ, а я жила, какъ уже извѣстно, подъ именемъ его жены Елены Григорьевны. Саблинъ и Николай Рысаковъ никогда не бывали въ моей квартирѣ въ домѣ № 27/1 по Троицкому переулку. Въ этой квартирѣ

у меня и Николаева была типографія «Рабочей Газеты». Лицъ, завѣдывавшихъ литературной частью этой газеты, а также работавшихъ въ этой типографіи—я назвать не желаю, относительно же себя и Николаева могу только сказать, что я, какъ знающая наборную часть, была наборщицей и въ этомъ же помогалъ намъ Николаевъ. Желябовъ, Перовская и «Котикъ» не принимали участія собственно въ печатаніи названной газеты, а о ихъ дѣятельности по отношенію къ распространенію этой газеты я сказать ничего не желаю, кромѣ того, что, насколько я знаю, Желябовъ былъ сотрудникомъ въ названной газетѣ. Въ указанной моей квартирѣ, гдѣ была типографія, былъ отпечатанъ только 1-й номеръ названной газеты и «программы рабочихъ партіи Народной Воли». Недѣли за двѣ до отъѣзда моего изъ той квартиры, вскорѣ по отъѣздѣ Николаева, всѣ принадлежности этой типографіи были взяты изъ моей квартиры, но кѣмъ и куда перевезены—сказать не желаю. Я сама также раздавала номера названной газеты въ средѣ рабочихъ—но гдѣ именно, то-есть на какихъ фабрикахъ, заводахъ или въ квартирахъ, гдѣ бывали рабочіе—я сказать не желаю, а также не желаю назвать фамиліи тѣхъ рабочихъ, коимъ давала газету и названную выше програму. Со времени перехода моего на квартиру, гдѣ печатались названныя газета и программа, я начала покупать картонъ, изъ котораго приготовляла кассы типографскія; о сожителѣ же своемъ Николаевѣ говорила, что онъ служитъ въ какомъ-то мѣстѣ, названіе котораго теперь не упомню. Добавить что-либо къ настоящему показанію не имѣю, кромѣ того, что квартира въ домѣ № 27/1 по Троицкому переулку была «конспиративная».

Въ дѣлѣ сохранилось еще и слѣдующее заявленіе, полученное, какъ видно изъ помѣты, 30 марта, въ 10 ч. веч.

Г. Исполняющему обязанности Прокурора при Особомъ Присутствіи Правительствующаго Сената.

Приговоренной къ смертной казни Геси Мироновны Гельфманъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Въ виду приговора Особаго Присутствія Сената, о мнѣ состоявшагося, считаю нравственнымъ долгомъ заявить, что я беременна на четвертомъ мѣсяцѣ.—Подать это заявленіе довѣряю присяжному повѣренному Августу Антоновичу Герке.

Геся Гельфманъ.

Марта 1881.

Только 2 іюля послѣдовало высочайшее соизволеніе на замѣну смертной казни безсрочными каторжными работами.

Показанія Тимофея Михайлова.

Тимофей Михайловъ держался тактики запирательства и отъ показаній уклонялся. Въ слѣдственномъ дѣлѣ пять его показаній. Четыре даны жандармской власти, одно—судебному слѣдователю И. Ф. Книриму. Показанія его записывались допрашивавшимъ, а Михайловъ ихъ только подписывалъ. Первый допросъ былъ снятъ 3 марта подполк. Никольскимъ въ присутствіи тов. прок. палаты Н. В. Муравьева, второй—4 марта маіоромъ Бекомъ при Муравьевѣ же, третій—8 марта подполк. Никольскимъ и Добржинскимъ, и, наконецъ, четвертый—14 марта ими же. Вотъ текстъ показаній Тимофея Михайлова.

I. 3 марта. Зовутъ меня [1]), Тимофей Михайловъ, другой фамиліи нѣтъ. Отъ роду имѣю 21 г., вѣроисповѣданія православнаго. Проживаю на углу Дегтярной и 5 ул. Песковъ домъ 33/14, кв. 10, по паспорту на имя мѣщанина г. Чернигова Сергѣя Иванова Лапина. Средствами къ жизни служатъ заработанныя деньги мастерствомъ котельника. Званіе мое крестьянинъ смоленской губерніи, сычевскаго уѣзда, ивановской волости, дер. Гаврилово. Родился въ названной выше деревнѣ. Воспитаніе не получилъ.

Шесть лѣтъ тому назадъ я пріѣхалъ въ Петербургъ, съ цѣлью найти себѣ здѣсь работу, и въ теченіе этого времени работалъ на заводахъ Растеряева, Голубева, Петрова и Матверзена.

Съ послѣдняго завода я вышелъ назадъ тому мѣсяцъ, такъ какъ работа моя не достаточно оплачивалась. Во все время моей жизни въ Петербургѣ я два раза уѣзжалъ въ деревню не болѣе, какъ на два мѣсяца. Послѣдній разъ я возвратился изъ деревни въ мартѣ мѣсяцѣ 1880 г. Жилъ я здѣсь на разныхъ квартирахъ, но гдѣ именно, припомнить въ настоящее время не могу; на послѣдней квартирѣ я живу около мѣсяца. Сегодня утромъ я отправился въ ту квартиру, гдѣ былъ задержанъ, по слѣдующей причинѣ. Въ послѣдній годъ моей жизни въ Петербургѣ, но когда именно, сказать не желаю, я познакомился съ однимъ человѣкомъ, имя и фамилію коего назвать не желаю, котораго въ дальнѣйшемъ своемъ объясненіи буду называть своимъ товарищемъ. Равнымъ образомъ я не хочу сказать, при какихъ обстоятельствахъ съ нимъ познакомился. Однажды—когда именно не желаю опредѣлить даже приблизительно—этотъ товарищъ мой пригласилъ меня придти, какъ я понялъ, въ тотъ домъ, гдѣ сегодня я былъ задержанъ. Говорю «какъ я понялъ» потому, что товарищъ мой не назвалъ мнѣ номера дома, а равно

Слова, набранныя разрядкой, отпечатаны на бланкѣ протокола. *Ред.* (1

и улицу, а только сказалъ, чтобы я шелъ по Невскому проспекту и, пройдя Николаевскій вокзалъ и Александро-Невскую часть, повернулъ бы въ первую или вторую улицу направо, гдѣ около какого-то забора повернуть налѣво и войти въ третій домъ, гдѣ спросить кв. № 12-й. Словомъ, по тѣмъ указаніямъ, какія я получилъ отъ своего товарища, я вошелъ сегодня въ домъ, гдѣ былъ задержанъ. На просьбу мою дворнику дома указать мнѣ квартиру № 12-й, онъ отвѣтилъ, что квартира эта не занята, а стоявшій на лѣстницѣ подъ воротами городовой пригласилъ меня слѣдовать въ ту квартиру, гдѣ меня задержали; я отправился за городовымъ вверхъ по лѣстницѣ, такъ какъ товарищъ мой говорилъ мнѣ, что, войдя въ ворота дома, который онъ мнѣ указалъ, я долженъ войти въ дверь подъ воротами же на лѣстницу, но въ какой этажъ подняться, товарищъ мой не сказалъ, а только указалъ 12-й № квартиры. Войдя въ квартиру за городовымъ, я спросилъ встрѣтявшаго меня какого-то офицера: «здѣсь ли кучеръ Иванъ Андреевъ», но такъ-ли именно называется мой товарищъ—я отвѣчать не желаю. Офицеръ пригласилъ меня въ комнату и затѣмъ, когда онъ и городовые, бывшіе въ квартирѣ, начали меня обыскивать, я вынулъ изъ кармана своихъ брюкъ имѣвшійся у меня тотъ именно револьверъ, который мнѣ теперь предъявленъ, и сдѣлалъ изъ него всѣ шесть выстрѣловъ въ обыскивавшихъ меня. По какому поводу я сталъ стрѣлять—отвѣчать не желаю. Тотчасъ-же меня схватили и связали и я не замѣтилъ, ранилъ-ли я кого-либо изъ осматривавшихъ меня или нѣтъ. При осмотрѣ моего платья, у меня найдено все то, что предъявлено мнѣ, кромѣ уже револьвера, именно: а) экземпляръ печатный манифеста о восшествіи на престолъ нынѣ благополучно царствующаго государя императора; на оборотной сторонѣ этого экземпляра манифеста сдѣланы записи карандашемъ, но чьей рукой, сказать не желаю, именно: 1) кондитерская Иванова—уголъ Семеновскаго и Фонтанки, въ 2 часа; 2) по Фонтанкѣ отъ Невскаго до Семеновскаго моста, по правой сторонѣ, въ 3 часа и 3) у Исакова въ кондитерской на Невск. пр., противъ памятника Екатер., уг. Невск. и Мал. Садовой, въ 4 ч.—По какому поводу и съ какой цѣлью сдѣланы эти записи, сказать не желаю; б) билетъ за № 4233, на 1881 г., на право пользованія книгами изъ Публичной библіотеки; в) объявленіе отъ чайнаго магазина Жильцова; г) два ключа на ниткѣ и д) билетикъ портерной лавки по Невскому пр. д. № 82, на оборотѣ котораго адресъ карандашемъ: «у Измайловскаго моста д. № 107, кв. 46». Адресъ этотъ я нашелъ въ своей квартирѣ на комодѣ, и какимъ образомъ онъ попалъ туда, не знаю, а также почеркъ, какимъ написанъ адресъ и нѣсколько строкъ, неразобранныхъ, ниже адреса, мнѣ незнакомъ и е) кошелекъ съ 9 коп. мѣди.

Къ этому добавляю, что я имѣю отца Михаила Нефедова, мать Наталью Савельеву, сестеръ Маланью и Матрену и братьевъ Григорія и Степана, изъ коихъ отецъ и мать и братъ Степанъ живутъ на родинѣ, сестры замужемъ, недалеко отъ нашей деревни, въ селѣ, а братъ Григорій здѣсь служилъ мѣсяцъ тому назадъ на заводѣ Матверзена чернорабочимъ, а гдѣ въ настоящее время служитъ и живетъ, не знаю.

Я признаю себя принадлежащимъ къ русской соціально-революціонной партіи и «держусь террористическаго направленія». Выразилась-ли въ чемъ-либо моя активная дѣятельность революціонера-террориста и какъ я стоялъ по отношенію къ террористической дѣятельности партіи вообще и въ част-

ности къ событію 1-го марта сего года, именно къ покушенію на жизнь священной особы нынѣ почивающаго въ Бозѣ государя императора Александра Николаевича, я отвѣчать не желаю. Съ мѣсяцъ тому назадъ я сдѣлался нелегальнымъ, и отъ кого получилъ паспортъ на имя Лапина, а также о ... [1]) прежнихъ квартирахъ, ничего сказать не желаю [2]).

II. 4 марта. Я, Тимфей Михайловъ, въ предъявленномъ мнѣ сегодня человѣкѣ (Михайлову былъ предъявленъ Рысаковъ) никого изъ своихъ знакомыхъ не признаю, я его вовсе не знаю и никогда не видалъ.

Все, что въ предъявленномъ мнѣ вами показаніи Рысакова (было предъявлено показаніе отъ 4 марта) относится до меня,—ложно. Въ участіи въ соглашеніи на посягательство на жизнь государя императора я виновнымъ себя не признаю.

Среди рабочихъ дѣйствительно существовала, такъ называемая, боевая дружина, которую мы называли «терроръ», для защиты рабочихъ отъ ихъ враговъ, напр., для защиты отъ шпіоновъ, хотя-бы посредствомъ лишенія ихъ жизни, если они того заслуживаютъ, для избіенія тѣхъ мастеровъ, которые враги рабочихъ. О другихъ же назначеніяхъ дружины, а также о томъ, должна-ли была она стремиться къ совершенію насильственнаго переворота и къ цареубійству, я сказать не желаю. Къ этой рабочей дружинѣ принадлежалъ и я. Предъявленные мнѣ два листка бумаги съ замѣтками (Михайлову были предъявлены два листка, найденные по обыску у Козырева-Орлова) писаны моею рукою. Писалъ я ихъ, учась писать, и притомъ не списывая ихъ откуда-либо, а прямо изъ головы. Эти замѣтки должны были оставаться у меня на квартирѣ и какъ онѣ попали къ Орлову, я объяснить не могу. Никакого Орлова или Козырева я не знаю.

III. 8 марта. Отецъ мой жилъ въ Петербургѣ 20 лѣтъ и иногда назывался среди знакомыхъ приватной фамиліей «Махровъ», а потому нѣкоторыя лица, зная это, называли и меня «Махренкомъ».

Оставивъ работу на заводѣ Матверзена и получивъ изъ конторы завода свой паспортъ, я утерялъ оный за нѣсколько дней до полученія паспорта на имя Лапина. Кромѣ тѣхъ показаній, которыя мною даны уже, я никакихъ другихъ показаній давать не желаю. На вопросъ, зналъ-ли я что-либо о готовившемся покушеніи черезъ подкопъ сырнаго магазина на М. Садовой улицѣ въ Петербургѣ, отвѣчаю, что объ этомъ подкопѣ я ничего не зналъ и не знаю.

IV. 14 марта. Зовутъ меня Тимофей Михайловъ, по приватной фамиліи Махровъ.

Въ покушеніи 1-го марта сего года на жизнь покойнаго государя императора я не принималъ никакого участія, равно и въ подготовленіяхъ къ этому покушенію. Вообще на всѣ предлагаемые мнѣ вопросы по этому дѣлу я остаюсь при прежнихъ моихъ показаніяхъ и дальнѣйшихъ показаній давать не желаю.

V. Протоколъ № 13. 1881 года 6 дня. Судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ при с.-петербургскомъ окружномъ судѣ И. Ф. Кнеримъ допрашивалъ нижепоименованнаго, въ качествѣ обвиняемаго, и онъ показалъ:

---

[1]) Неразборчивое слово. *Ред.*

[2]) Подъ протоколомъ слѣдующая подпись: «Крестьянинъ Тимофей Михайловъ».

«зовутъ меня Тимофей Михайловъ, 21 лѣтъ отъ роду, православный, крестьянинъ смоленской губерніи, сычевскаго уѣзда, ивановской волости, деревни Гаврилковой; холостъ; воспитаніе получилъ домашнее; подъ слѣдствіемъ и судомъ не былъ; занимался котельною работою. Въ С.-Петербургѣ работалъ я на механическихъ и литейныхъ заводахъ акціонернаго общества Сампсоніевскаго, Петрова, Растеряева, Голубева. Въ вооруженномъ сопротивленіи чинамъ полиціи 3 сего марта я признаю себя виновнымъ. Когда меня начали обыскивать, то я, выхвативъ револьверъ, цѣлился въ старшаго помощника пристава, но меня схватили, и куда пуля полетѣла, не знаю. Другіе пять выстрѣловъ я выпустилъ изъ револьвера, не цѣлясь ни въ кого. Я не признаю себя виновнымъ въ соучастіи въ взрывѣ, произведенномъ 1-го марта с. г. на набережной Екатерининскаго канала, послѣдствіемъ коего была смерть и поврежденіе здоровья нѣсколькихъ частныхъ лицъ. Въ квартиру № 5 дома № 5 по Телѣжной улицѣ, пришелъ я при слѣдующихъ обстоятельствахъ: я не зналъ ни этой квартиры, ни лицъ, въ ней проживавшихъ. Какой-то знакомый мой, Андрей Ивановъ, личности котораго описать не желаю, сказалъ мнѣ, чтобы я пришелъ въ третій домъ отъ угла той улицы, которая идетъ налѣво отъ второй улицы направо отъ Невскаго, считая отъ Знаменской площади, и спросилъ бы квартиру № 12. Не знаю, куда онъ пригласилъ меня, къ себѣ ли или къ знакомымъ, и для чего. Отыскивая эту квартиру, я зашелъ въ домъ № 5 по Телѣжной улицѣ, спросилъ дворника, гдѣ квартира № 12, на что дворникъ отвѣтилъ, что эта квартира стоитъ пустая; и городовой позвалъ меня въ квартиру, въ которой я оказалъ сопротивленіе. Рысакова и Желябова я вовсе не знаю и нигдѣ съ ними не сходился. Въ приготовленіи динамитныхъ снарядовъ я не принималъ никакого участія. Я принадлежу къ русской соціально-революціонной партіи, къ террористической ея фракціи, называвшейся у насъ боевой дружиной, защищавшей среду рабочихъ». Затѣмъ обвиняемому были предъявлены относящіяся до него показанія свидѣтелей. «На вопросъ вашъ, что меня побудило оказать вооруженное сопротивленіе полиціи, я отвѣчать не желаю. Тимофей Михайловъ». Ѳуд. слѣд. Книримъ.

Послѣднее признаніе Рысакова.

Изъ напечатанныхъ въ настоящей книгѣ «Былого» докладовъ о ходѣ слѣдствія по дѣлу 1-го марта, представлявшихся прокуроромъ палаты и начальникомъ жандармскаго управленія, видно, что слѣдственныя власти, закончивъ слѣдствіе и предавъ Рысакова въ руки суда, не удовлетворились его признаніями, а продолжали свои допросы, домогаясь все новыхъ и новыхъ оговоровъ. Власти сознавали, что о самомъ событіи 1-го марта Рысаковъ открылъ все, что ему было извѣстно, и обратились къ мелочамъ,— постарались вывѣдать все, что можно, о знакомствахъ Рысакова въ студенческой средѣ и среди рабочихъ. Всѣ, кого онъ назвалъ, на кого намекнулъ, всѣ были схвачены и поплатились жестоко отъ тюрьмы до каторги. Эти его показанія не были присоединены къ производству первомартовскаго дѣла, а были оставлены въ процессѣ 20. Одно изъ этихъ показаній напечатано нами выше. Власти вселили въ Рысакова надежду на сохраненіе жизни и этой надеждой обольщали его, вынуждая оговоры и признанія. Но вотъ объявленъ приговоръ, и смертная казнь своимъ крыломъ осѣнила девятнадцатилѣтняго юношу. 30-го марта онъ пишетъ прошеніе царю:

«Ваше императорское величество всемилостивѣйшій государь!

«Вполнѣ сознавая весь ужасъ злодѣянія, совершеннаго мною подъ давленіемъ чужой злой воли, я рѣшаюсь всеподданнѣйше просить ваше величество даровать мнѣ жизнь единственно для того, чтобы я имѣлъ возможность тягчайшими муками хотя въ нѣкоторой степени искупить великій грѣхъ мой. Высшее судилище, на приговоръ котораго я не дерзаю подать кассаціонную жалобу, можетъ удостовѣрить, что, по убѣжденію самой обвинительной власти, я не былъ закоренѣлымъ извергомъ, но случайно вовлеченъ въ преступленіе, находясь подъ вліяніемъ другихъ лицъ, исключавшимъ всякую возможность сопротивленія съ моей стороны, какъ несовершеннолѣтняго юноши, не знавшаго ни людей, ни жизни.

«Умоляя о пощадѣ, ссылаюсь на Бога, въ котораго я всегда вѣровалъ и нынѣ вѣрую, что я вовсе не помышляю о мимолетномъ страданіи, сопряженномъ съ смертной казнью, съ мыслью о которомъ я свыкся почти въ теченіе мѣсяца моего заключенія, но боюсь лишь немедленно предстать на Страшный судъ Божій,

не очиствивъ моей души долгимъ покаяніемъ. Поэтому и прошу не о дарованіи мнѣ жизни, но объ отсрочкѣ моей смерти.

«Съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія имѣю счастіе именоваться до послѣднихъ минутъ моей жизни вашего императорскаго величества вѣрноподданнымъ Николай Рысаковъ».

Но прошеніе о помилованіи оставлено безъ послѣдствій. Мысль бьется надъ вопросомъ, какъ купить жизнь. Путь, извѣстно, одинъ: выдать, оговорить. Но вѣдь все ужъ сказано, всѣ оговорены. Вспомнить бы еще что-нибудь, кого-нибудь или очутиться на волѣ, измѣнить наружность, ходить по Невскому, въ мѣста сборищъ, выслѣживать тѣхъ, кого видѣлъ, но чьего имени не знаешь, и выдавать, предавать! Быть на волѣ и стать шпіономъ—но только бы не эшафотъ, не палачъ, не петля, не этотъ терроръ, обращенный на террористовъ.

Николай Ивановичъ Рысаковъ.

«Еще слава-ли Богу?»—жесткая и самоувѣренная реплика, которую Рысаковъ подалъ на слова подошедшаго Александра II: «Слава Богу, я уцѣлѣлъ, но вотъ»...

...Отдаюсь вамъ, возьмите меня; я товаръ, вы купцы; товаръ, который стоитъ покупки. Я еще вспомню, укажу — только выпустите на время. Слава Богу, вотъ и еще вспомнилъ про Исаева, и еще вспомню. Вотъ, слава Богу, вы и купите меня.

— Можетъ быть, и помилуемъ, но только выдай побольше, покрѣпче, вспомни все до тла, можетъ быть, и помилуемъ, память выверни на изнанку, скорѣе, скорѣе!

— Сейчасъ, сейчасъ все припомню. — И перо бѣжитъ по бумагѣ, и бисернымъ круглымъ почеркомъ девятнадцатилѣтній юноша исписываетъ страницу за страницей: вѣдь этимъ признаніемъ будетъ куплена жизнь, слава Богу, жизнь бросятъ, въ уплату за признаніе. Еще, слава-ли Богу!

«Но клянусь вамъ Богомъ, что и сегодня мнѣ честь дороже жизни, но клянусь и въ томъ, что призракъ террора меня пугаетъ, и я даже согласенъ покрыть свое имя несмываемымъ позоромъ, чтобы сдѣлать все, что могу, противъ террора».

Процессъ распыленія духовной личности человѣка еще не закончился. «Видитъ Богъ, не смотрю я на агентство цинично»—говоритъ Рысаковъ и стремится подвести подъ свои оговоры и при-

знанія идеологическое основаніе. Пронизанный, какъ остріемъ меча, мыслью о смерти, онъ незамѣтно сливаетъ въ одно понятіе тезу и антитезу: терроръ оказывается у него методомъ борьбы съ... терроромъ. Бросая бомбу, онъ именно и не хотѣлъ быть террористомъ—такъ онъ увѣряетъ себя и своихъ слѣдователей и на судѣ отрицаетъ свою принадлежность къ террористической фракціи.

Всѣ эти мысли о Рысаковѣ пришли мнѣ въ голову, когда я прочелъ схороненное въ дѣлѣ департамента полиціи признаніе, очевидно, послѣднее, написанное Рысаковымъ наканунѣ казни, 2-го апрѣля. Это—листъ писчей бумаги, сплошь исписанный. На немъ надпись, сдѣланная графомъ Лорисъ-Меликовымъ: «показаніе, данное генералу Баранову». Генералъ Барановъ, конечно, извѣстный «герой Весты», Н. М. Барановъ, который 9-го марта былъ назначенъ с.-петербургскимъ градоначальникомъ. Надо представлять себѣ дѣло такъ: послѣ того какъ въ теченіе мѣсяца Рысакова обрабатывали жандармскій офицеръ и чины прокурорскаго надзора, поле дѣятельности было открыто и для Баранова. Не повезетъ-ли ему, не посчастливится-ли ему добыть еще матеріаловъ отъ Рысакова! И, конечно, методъ Баранова былъ тотъ же,—обѣщать помилованіе: такъ можно заключить по содержанію послѣдняго заявленія Рысакова.

Заявленіе это—документъ единственный въ своемъ родѣ въ ряду человѣческихъ документовъ, документъ, цѣнный скорѣе для психолога, чѣмъ для историка.

Еще слава-ли Богу?—сказали власти, получивъ это признаніе Рысакова.

Въ то время, какъ Рысаковъ предлагалъ выпустить его и разыскать Исаева, Исаевъ уже былъ арестованъ. Надо было запротоколить все, что говорилъ о немъ Рысаковъ Добржинскому и Баранову. И вотъ 2-го апрѣля подполковникъ Никольскій съ неутомимымъ Добржинскимъ, наканунѣ смертной казни, успѣли снять еще одинъ допросъ, въ которомъ Рысаковъ доложилъ всѣ свои свѣдѣнія объ Исаевѣ; удостовѣрилъ личность предъявленнаго ему Исаева и попутно открылъ еще одну квартиру, въ которой Перовской отдавали отчетъ слѣдившіе за Александромъ II, и еще одного слѣдившаго—Тычинина.

Рысаковъ обнаружилъ свою полную ненужность для слѣдствія, и утромъ, 3-го апрѣля, былъ казненъ. Такъ и не достигло цѣли послѣднее заявленіе, которое мы и воспроизводимъ.

П. Щ.

Показаніе, данное генералу Баранову:

«Терроръ долженъ кончиться во что бы то ни стало.

Общество и народъ должны отдохнуть, осмотрѣться и вступить на мирный путь широкаго развитія гражданской жизни.

Къ этимъ мыслямъ меня привела тюрьма и агитаціонная практика.

Изъ насъ, шести преступниковъ, только я согласенъ словомъ и дѣломъ бороться противъ террора. Начало я уже положилъ, нужно продолжить и довести до конца, что я также, отчасти, а пожалуй и всецѣло, могу сдѣлать.

Тюрьма сильно отучаетъ отъ наивности и неопредѣленнаго стремленія къ добру. Она помогаетъ ясно и точно поставить вопросъ и опредѣлить способъ къ его разрѣшенію. До сегодняшняго дня я выдавалъ товарищей, имѣя въ виду истинное благо родины, а сегодня я товаръ, а вы купцы. Но клянусь вамъ Богомъ, что и сегодня мнѣ честь дороже жизни, но клянусь и въ томъ, что призракъ террора меня пугаетъ, и я даже согласенъ покрыть свое имя несмываемымъ позоромъ, чтобы сдѣлать все, что могу, противъ террора.

Въ С.-Петербургѣ, въ числѣ нелегальныхъ лицъ, живетъ нѣкто Григорій Исаевъ (карточка его извѣстна, но онъ измѣнился), адреса его не знаю. Этотъ человѣкъ познакомилъ меня съ Желябовымъ, раскрывшимъ предо мной широко дверь къ преступленію. Онъ—или наборщикъ въ типографіи «Народной Воли», или динамитныхъ дѣлъ мастеръ, потому что въ декабрѣ 80 г. руки его также были запачканы въ чемъ-то черномъ, какъ и Желябова, а это періодъ усиленнаго приготовленія динамита (прошу сообразоваться съ послѣднимъ показаніемъ, гдѣ Желябовъ мнѣ говорилъ, что всѣ позиціи заняты, а въ январѣ, что предпріятіе, стоющее тысячъ, лопнуло). По предложенію Григорія въ субботу, въ день бала у медиковъ-студентовъ, я вывезъ съ вокзала Николаевской желѣзной дороги извощика съ зеркалами, каждый по 4 пуда, въ которыхъ находился, какъ мнѣ онъ объяснилъ, типографскій станокъ.

Точно нумеръ ломового извощика не помню, но разыскать его могу вскорѣ. Довезъ станокъ по Садовой до Никольскаго рынка, гдѣ сдалъ Григорію. Если бы я воспроизвелъ нѣкоторыя сцены предъ извощикомъ, то онъ непремѣнно бы вспомнилъ, куда свезъ два ящика съ зеркалами.

Гдѣ живетъ Григорій, не знаю, но узнать, конечно, могу, особенно, если знаю, что ежедневно онъ проходитъ по Невскому съ правой, отъ Адмиралтейства, стороны. Если за нимъ прослѣдить, не торопясь его арестовать, то, нѣтъ сомнѣнія, можно сдѣлать весьма хорошія открытія: 1) найти типографію, 2) динамитную мастерскую, 3) нѣсколько «ветерановъ революціи».

Теперь я нѣсколько отвращусь отъ объясненій, а сдѣлаю нѣсколько такихъ замѣчаній: для моего помилованія я долженъ разсказать все, что знаю— обязанность съ соціально-революціонной точки зрѣнія шпіона. Я и согласенъ. Далѣе меня посадятъ въ централку — но она для меня лично мучительнѣе казни и для васъ не принесетъ никакой пользы, развѣ лишній расходъ на пищу. Я предлагаю такъ: дать мнѣ годъ или полтора свободы для того, чтобы дѣйствовать не оговоромъ, а выдачей изъ рукъ въ руки террористовъ. Мой же оговоръ настолько незначителенъ, знанія мои неясны, что ими я не заслужу помилованія. Для васъ же полезнѣе не содержать меня въ тюрьмѣ, а дать нѣкій срокъ свободы, чтобы я могъ приложить къ практикѣ мои конспиративныя способности, только въ иномъ направленіи, чѣмъ прежде. Повѣрьте, что я по опыту знаю негодность вашихъ агентовъ. Вѣдь Тележную-то улицу я назвалъ прокурору Добржинскому. По истеченіи этого срока умоляю о поселеніи на каторгѣ или на Сахалинѣ, или

въ Сибири. Убѣжать я отъ васъ не могу—настоящее мое имя получило всесвѣтную печальную извѣстность: партія довѣриться не можетъ и скрыть. Однимъ словомъ, въ случаѣ неустойки съ моей стороны, не больше какъ чрезъ недѣлю я снова въ вашихъ рукахъ. Намѣчу вамъ свой планъ:

1) По Невскому я встрѣчу чрезъ 3—4 дня слѣженія Григорія и прослѣжу за нимъ все, что возможно, записавъ свѣдѣнія и представивъ по начальству.

2) Коновкинъ, послѣ моего ареста перешедшій на нелегальное положеніе, дастъ мнѣ новую нить. Я его узнаю вскорѣ на Васильевскомъ острову, куда онъ часто ходитъ.

3) Кондитерская Кочкурова, Андреева, Исаева и т. п. столкнетъ меня съ Вѣрой Филипповой, урожденной Фигнеръ, и по ней я могу наткнуться на многія конспиративныя квартиры.

4) Прошу выпустить на свободу Евгенія Александровича Дубровина, знакомаго съ Григоріемъ, Александромъ Ивановичемъ и др. революціонерами.

5) Прошу не арестовать всѣхъ тѣхъ лицъ, которыхъ возможно арестовать теперь, если они только тѣмъ опасны, что нелегальны, напр. Коновкинъ.

6) Постоянныя прогулки и обѣды въ столовой на Казанской площади и у Тупицына, вечернее чаепитіе въ извѣстныхъ мнѣ трактирахъ, а также слѣженіе за квартирами общихъ знакомыхъ наведутъ меня на столкновенія съ лицами, извѣстными мнѣ только по наружности, какихъ я имѣю около 10-ти человѣкъ. Однимъ словомъ, возможно лично мнѣ въ теченіе мѣсяца—полуторыхъ открыть въ С.-Петербургѣ большую часть заговора, въ томъ числѣ навѣрное типографію и, пожалуй, двѣ—три квартиры. Вы представьте себѣ то, что вѣдь я имѣю массу рабочихъ, съ которыми совѣщается революціонная интеллигенція. При этомъ я обязуюсь каждый день являться въ ж. управленіе, но не въ секретное, и заранѣе уславливаюсь, что содержаніе лучше получать каждый день.

Затѣмъ я знаю способы отправленія газетъ, что впрочемъ значенія не имѣетъ, но важно то, что въ началѣ мая отпечатается совсѣмъ брошюра для раскольниковъ, которую повезетъ какой-то легальный человѣкъ, наружность котораго описать затрудняюсь, потому что встрѣтился всего одинъ разъ. Найти его можно иногда въ кухмистерской Васильева, противъ Публичной библіотеки, и въ читальнѣ Черкесова, а также и въ иныхъ мѣстахъ. Для упроченія этой связи прошу выпустить на свободу хорошаго его знакомаго, студента университета Иваницкаго. Оба они для васъ почти не интересны, но я могу съ вышеупомянутымъ человѣкомъ проѣхать въ Москву, гдѣ есть какая-то Марья Ивановна и учительница Марья Александровна, къ которой у меня ключъ «лампада». Обѣ теперь, кажется, нелегальныя, но стоятъ близко къ исполнительному комитету.

Фамилія учительницы Дубровина. Адресный столъ дастъ мнѣ ея точное отчество. Сама по себѣ она незначительна и арестовать ее—значитъ самому обрѣзать нить, которую держишь въ рукахъ, но я думалъ уѣхать въ Москву, и Желябовъ написалъ ей письмо, въ которомъ неопредѣленно упомянулъ о мнѣ, прося содѣйствія: она должна передать мнѣ шифрованную ключемъ «лампада» и за подписью «лампада» записку какой-то Марьи Ивановны, чрезъ которую мнѣ можно завести солидныя связи въ качествѣ уже революціонера; впрочемъ, это предоставляю на ваше усмотрѣніе.

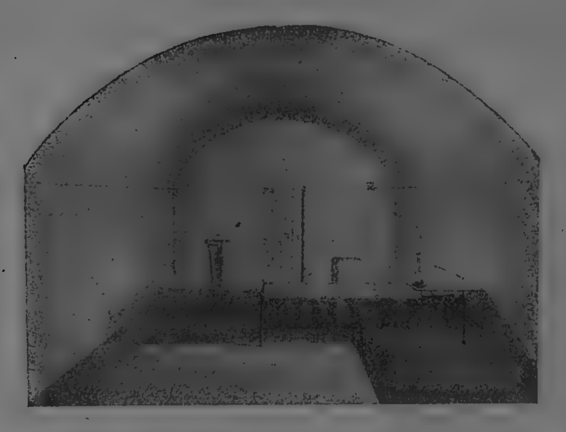
Далѣе я измѣняю наружность и навсегда фамилію.

Я думаю, я представилъ достаточно основательный планъ фактической борьбы съ терроромъ, что только и могъ сдѣлать. Это единственная и послѣдняя моя заслуга. Я думаю, мнѣ два выхода или $1^1/_2$ года агентства у правительства (что тоже можетъ кончиться смертью), а разсказать я ничего не могу, адресовъ никакихъ не знаю, развѣ могу оговорить моихъ бывшихъ товарищей-студентовъ, но это имъ не повредитъ.

Видитъ Богъ, что не смотрю я на агентство цинично. Я честно желаю его, надѣясь загладить свое преступленіе. Я могу искренно сказать, что мѣсяцъ заключенія сформировалъ меня, нравственно поднялъ, и это нравственное развитіе и совершенствованіе для меня возможнѣе теперь, чѣмъ прежде, когда я проникался гордостью и самомнѣніемъ.

Пусть правительство предоставитъ мнѣ возможность сдѣлать все, что я могу, для совершеннаго уничтоженія террора, и я честно исполню его желаніе, не осмѣливаясь даже и думать о какихъ-либо условіяхъ кромѣ тѣхъ, которыя бы способствовали въ агентствѣ. Себя вполнѣ предоставляю въ распоряженіе верховной власти и каждому ея рѣшенію съ благоговѣніемъ покорюсь».

Николай Рысаковъ.

Трубецкой бастіонъ.

Внутренность каземата при вечернемъ освѣщеніи.
Съ рис. Аксентовича.

Судъ и казнь первомартовцевъ.

Рисунки очевидца и офиціальный отчетъ.

29 марта 1881 года въ 6 ч. 20 м. особое присутствіе вынесло резолюцію, 30 марта въ 4 ч. дня былъ объявленъ приговоръ въ окончательной формѣ. 31 марта въ 5 ч. истекъ суточный срокъ, данный на обжалованіе приговора. Ни одинъ изъ осужденныхъ не подалъ кассаціонной жалобы. 30 марта Рысаковъ и Тимофей Михайловъ подали прошенія о помилованіи, которыя были оставлены безъ послѣдствій, а Геся Гельфманъ подала заявленіе о своей беременности. Приговоръ вступилъ въ законную силу въ 5 часовъ дня 31 марта, и 3 апрѣля былъ приведенъ въ исполненіе. Въ дѣлѣ особаго присутствія сохранился слѣдующій протоколъ объ исполненіи приговора:

«1881 года, апрѣля 3 дня, въ 9 часовъ утра, во исполненіе состоявшагося 26/29 марта 1881 г. и вошедшаго въ законную силу,— по воспослѣдованіи высочайшаго соизволенія на лишеніе осужденной Перовской всѣхъ правъ состоянія, — приговора особаго присутствія правительствующаго сената о государственныхъ преступникахъ Николаѣ Ивановѣ Рысаковѣ, Андреѣ Ивановѣ Желябовѣ, Николаѣ Ивановѣ Кибальчичѣ, Тимофеѣ Михайловѣ и Софьѣ Львовой Перовской — преступники сіи были доставлены на Семеновскій плацъ. Исполняющій обязанности прокурора при особомъ присутствіи правительствующаго сената, прокуроръ с.-петербургской судебной палаты, распоряжавшійся исполненіемъ приговора, поручилъ оберъ-секретарю особаго присутствія прочесть приговоръ во всеуслышаніе.

«Послѣ прочтенія приговора и по оказаніи преступникамъ послѣдняго напутствія чрезъ священнослужителей, преступники были возведены на эшафотъ палачемъ, который совершилъ надъ ними, послѣдовательно, смертную казнь черезъ повѣшеніе. Послѣ сего, по удостовѣреніи врачами смерти казненныхъ, прокуроръ объявилъ, что приговоръ особаго присутствія правительствующаго сената приведенъ въ исполненіе. Прокуроръ Плеве. Оберъ-секретарь А. Поповъ».

Въ залѣ суда и на мѣстѣ казни находился нѣкій зритель, владѣвшій карандашомъ. Уравновѣшенный и хладнокровный человѣкъ, онъ спокойно и методично зарисовывалъ въ свою книжку наброски суда, судей, подсудимыхъ, экспертовъ. Пользуясь привилегированнымъ званіемъ флигель-адъютанта, онъ

занялъ наиболѣе удобное мѣсто на Семеновскомъ плацу, около эшафота, гдѣ онъ могъ переброситься даже нѣсколькими словами съ палачемъ, и хладнокровно зарисовывалъ все, что было вокругъ него: и колесницу, и эшафотъ, и веревку, и палача, и самый процессъ повѣшенія въ разныхъ его фазахъ. По своимъ рисункамъ онъ нарисовалъ шесть акварелей, которыя бережно сохранились въ одномъ изъ лучшихъ нашихъ собраній гравюръ, рисунковъ и пр. Эти рисунки впервые воспроизводятся нами на страницахъ настоящей книги.

Редакція «Былого» имѣла въ своемъ распоряженіи эти рисунки еще въ 1906 году, но тогда изданіе ихъ, по цензурнымъ соображеніямъ, не представлялось возможнымъ. И только теперь мы воспроизводимъ эти акварели. На первой акварели изображены вещественные остатки взрыва на Екатерининскомъ каналѣ; вторая акварель изображаетъ скамью подсудимыхъ въ особомъ присутствіи и портреты подсудимыхъ; третья—даетъ сцену суда; остальныя три акварели переносятъ насъ на Семеновскій плацъ въ день 3 апрѣля 1881 года.

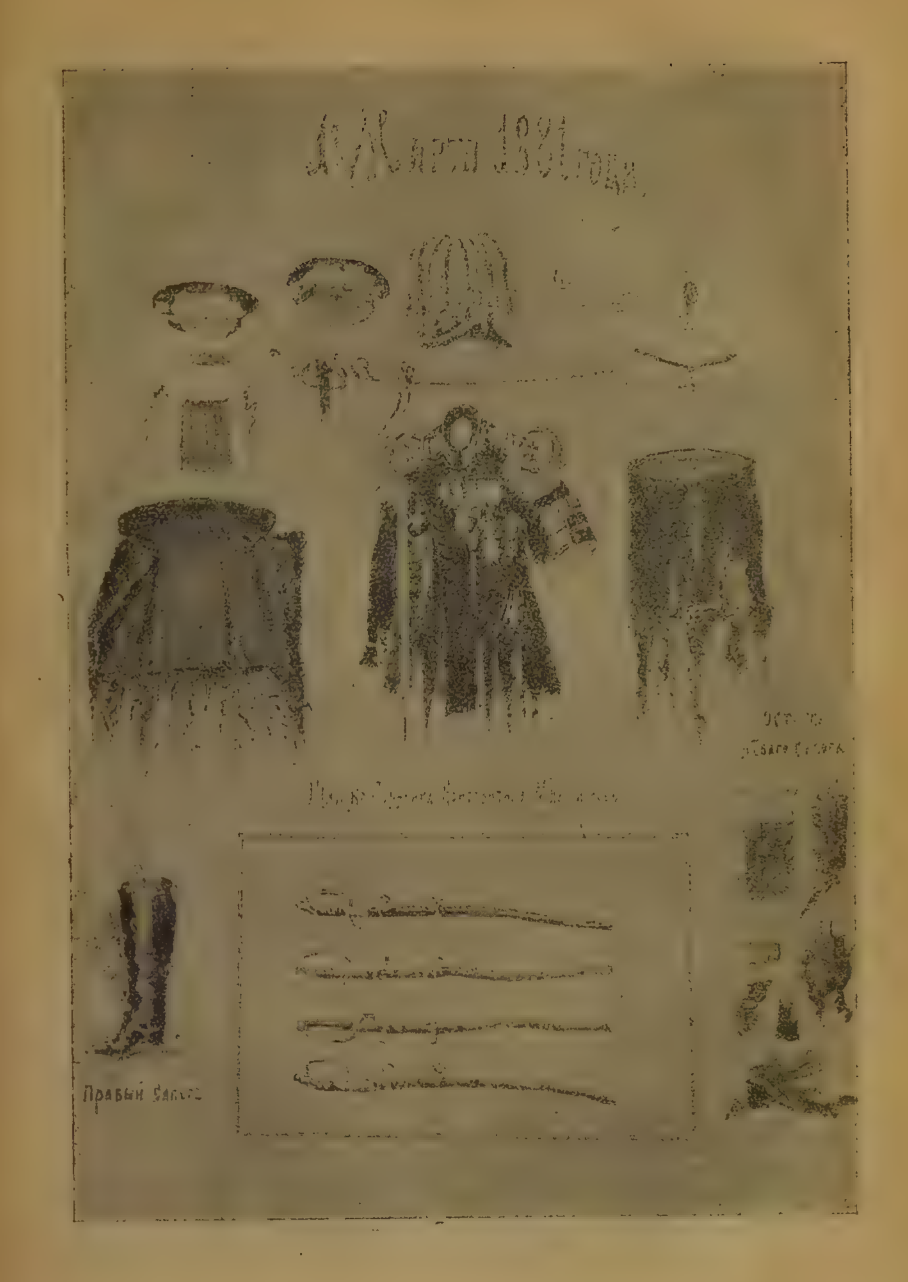
Рисунки сдѣланы довольно извѣстнымъ въ свое время любителемъ-рисовальщикомъ и фотографомъ, нынѣ покойнымъ А. А. Насвѣтевичемъ, и были въ свое время предоставлены въ наше распоряженіе владѣльцемъ рисунковъ, покойнымъ П. Я. Дашковымъ.

Эти рисунки должно дополнить официальнымъ отчетомъ о совершеніи смертной казни, который мы извлекаемъ изъ приложеннаго къ «Историческому Вѣстнику» «Дѣла о совершенномъ 1 марта 1881 года злодѣяніи, жертвою коего палъ въ Бозѣ почившій императоръ Александръ II» (СПБ. Тип. А. С. Суворина 1881, стр. 135—140).

«Въ пятницу, 3 апрѣля, въ 9 часовъ утра, на Семеновскомъ плацу, согласно произведенному заранѣе офиціально заявленію, была совершена казнь пяти цареубійцъ: Андрея Желябова, Софіи Перовской, Николая Кибальчича, Николая Рысакова и Тимофея Михайлова.

«Всѣ означенные преступники содержались въ домѣ предварительнаго заключенія и оттуда были отправлены на мѣсто казни, на Семеновскій плацъ. Подполковникъ Дубисса-Крачакъ принялъ преступниковъ изъ дома предварительнаго заключенія и сопровождалъ ихъ подъ конвоемъ до мѣста казни, по улицамъ: Шпалерной, Литейному проспекту, Кирочной, Надеждинской и Николаевской до Семеновскаго плаца. Въ распоряженіи его находились одиннадцать полицейскихъ чиновниковъ, нѣсколько околоточныхъ надзирателей, городовыхъ и, сверхъ того, мѣстная полиція 1-го, 2-го, 3-го и 4-го участковъ литейной части и 1-го и 2-го участковъ московской части. Конвой, сопровождавшій преступниковъ, состоялъ изъ двухъ эскадроновъ кавалеріи и двухъ ротъ пѣхоты.

«Наблюденіе за порядкомъ на Семеновскомъ плацу, на мѣстѣ казни, съ прилегающими къ нему улицами, было поручено полковнику Есипову, въ распоряженіи котораго находились шесть

Правый Сапог

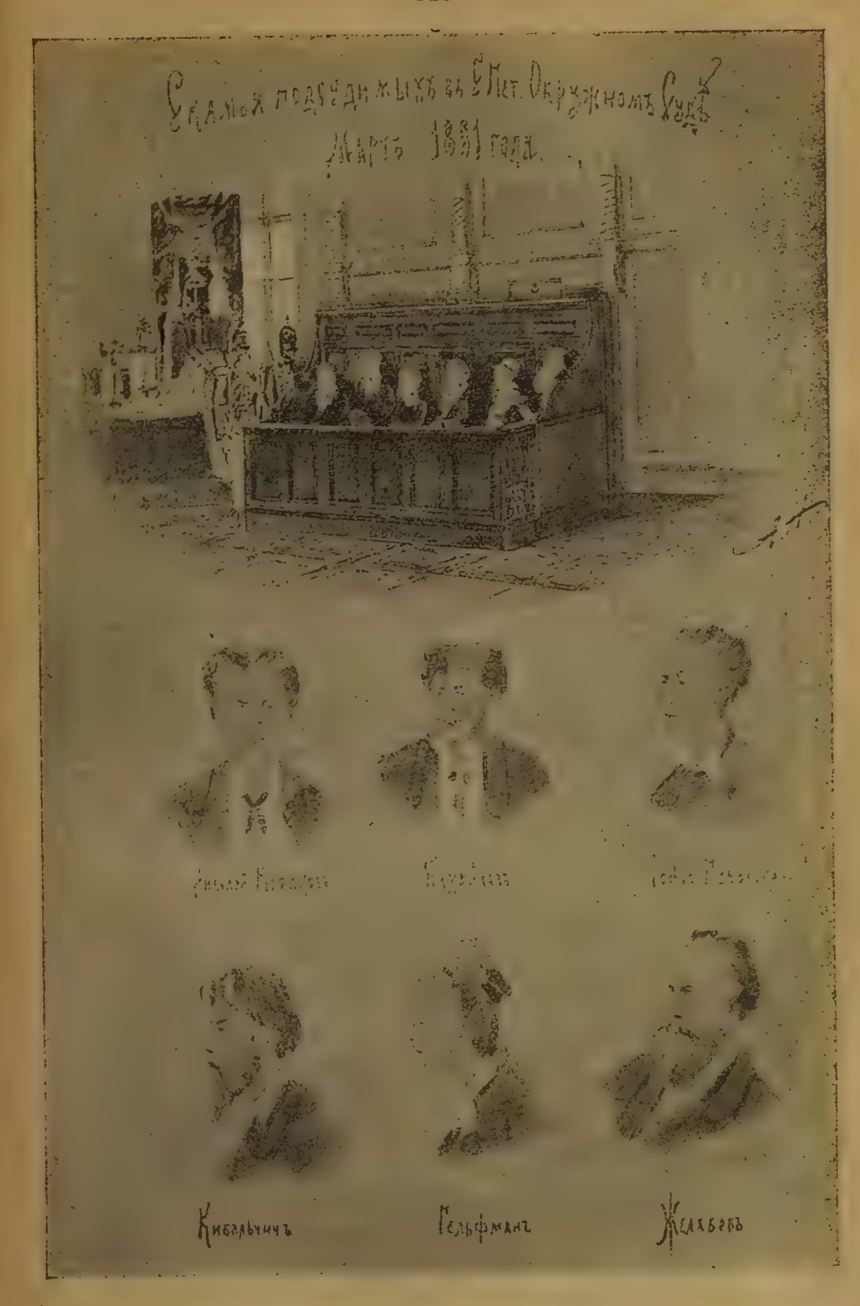
полицейскихъ чиновниковъ, много другихъ лицъ, а также мѣстная полиція 3-го и 4-го участковъ московской части и 3-го участка александро-невской части. У дома предварительнаго заключенія, по пути слѣдованія и на Семеновскомъ плацу, были, сверхъ того, усиленные наряды конныхъ жандармовъ.

«Въ помощь полиціи, по пути слѣдованія, отъ войскъ находились слѣдующія части: рота на Шпалерной улицѣ, у дома предварительнаго заключенія, рота на Литейномъ проспектѣ, со стороны арсенала, рота на углу Невскаго проспекта и Николаевской улицы, рота по Николаевской улицѣ, у мясного рынка. Въ распоряженіи полицеймейстера полковника Есипова находились: четыре роты и двѣ сотни казаковъ на Семеновскомъ плацу; двѣ роты у входа съ Николаевской улицы на плацъ; двѣ роты у входа съ Гороховой улицы на плацъ: одна рота у царскосельской желѣзной дороги и одна рота по Обводному каналу.

«Всѣми войсками на Семеновскомъ плацу командовалъ начальникъ 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи, генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ баронъ Дризенъ.

«Въ 7 часовъ 50 минутъ, ворота, выходящія изъ дома предварительнаго заключенія на Шпалерную улицу, отворились, и, спустя нѣсколько минутъ, изъ нихъ выѣхала первая позорная колесница, запряженная парою лошадей. На ней, съ привязанными къ сидѣнью руками, помѣщались два преступника: Желябовъ и Рысаковъ. Они были въ черныхъ, солдатскаго сукна, арестантскихъ шинеляхъ и такихъ же шапкахъ, безъ козырьковъ. На груди у каждаго висѣла черная доска, съ бѣлою надписью: «цареубійца». Юный Рысаковъ, ученикъ Желябова, казался очень взволнованнымъ и чрезвычайно блѣднымъ. Очутившись на Шпалерной улицѣ, онъ окинулъ взоромъ части сосредоточенныхъ войскъ и массу народа и поникъ головою. Не бодрѣе казался и учитель его, Желябовъ. Кто былъ на судѣ и видѣлъ его тамъ бравирующимъ, тотъ, конечно, съ трудомъ узналъ бы этого вожака цареубійцъ—такъ онъ измѣнился. Впрочемъ, этому отчасти способствовали перемѣна костюма, но только отчасти. Желябовъ, какъ тутъ, такъ и во всю дорогу не смотрѣлъ на своего сосѣда, Рысакова, и видимо избѣгалъ его взглядовъ.

«Вслѣдъ за первою, выѣхала изъ воротъ вторая позорная колесница, съ тремя преступниками: Кибальчичемъ, Перовской и Михайловымъ. Они также были одѣты въ черномъ арестантскомъ одѣяніи. Софія Перовская помѣщалась въ срединѣ, между Кибальчичемъ и Михайловымъ. Всѣ они были блѣдны, но особенно Михайловъ. Кибальчичъ и Перовская казались бодрѣе другихъ. На лицѣ Перовской можно было замѣтить легкій румянецъ, вспыхнувшій мгновенно при выѣздѣ на Шпалерную улицу. Перовская имѣла на головѣ черную повязку, въ родѣ капора. На груди у всѣхъ также висѣли доски, съ надписью: «цареубійца». Какъ ни былъ блѣденъ Михайловъ, какъ ни казался онъ потерявшимъ присутствіе духа, но, при выѣздѣ на улицу,

Скамья подсудимыхъ въ С.Пет. Окружномъ Судѣ
Марта 1881 года.
Кибальчичъ
Гельфманъ
Желябовъ

онъ нѣсколько разъ что-то крикнулъ. Что именно—разобрать было довольно трудно, такъ какъ въ это самое время забили барабаны. Михайловъ дѣлалъ подобные возгласы и по пути слѣдованія, зачастую кланяясь на ту и другую сторону собравшейся по всему пути сплошной массѣ народа.

«Слѣдомъ за преступниками ѣхали три кареты съ пятью православными священниками, облаченными въ траурныя ризы, съ крестами въ рукахъ. На козлахъ этихъ каретъ помѣщались церковно-служители. Эти пять православныхъ священниковъ, для напутствованія осужденныхъ, прибыли въ домъ предварительнаго заключенія еще наканунѣ вечеромъ, въ началѣ восьмого часа.

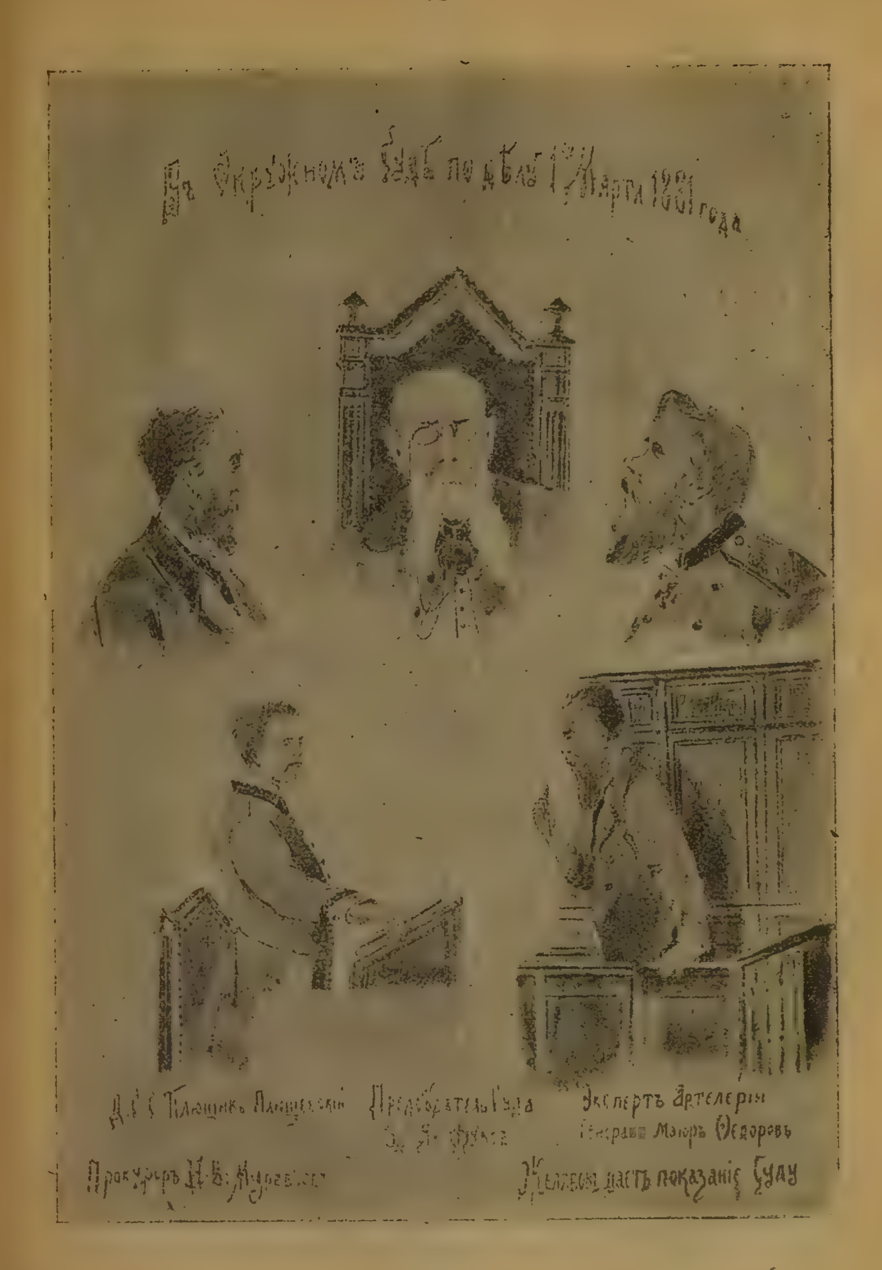
«Рысаковъ охотно принялъ священника, долго бесѣдовалъ съ нимъ, исповѣдался и пріобщился св. таинъ. 2-го апрѣля Рысакова видѣли плачущимъ: прежде, онъ зачастую въ заключеніи читалъ св. евангеліе. Михайловъ также принялъ священника, довольно продолжительно говорилъ съ нимъ, исповѣдался, но не причащался св. таинъ. Кибальчичъ два раза диспутировалъ со священникомъ, отъ исповѣди и причастія отказался: въ концѣ концовъ, онъ попросилъ священника оставить его. Желябовъ и Софья Перовская категорически отказались принять духовника.

«Ночь со 2-го на 3-ье апрѣля, для нихъ послѣднюю, преступники провели разно. Перовская легла въ постель въ исходѣ одиннадцатаго часа вечера, Кибальчичъ нѣсколько позже — онъ былъ занятъ письмомъ къ своему брату, который въ настоящее время, говорятъ, находится въ Петербургѣ. Михайловъ тоже написалъ письмо къ своимъ родителямъ, въ смоленскую губернію. Письмо это написано совершенно безграмотно и ничѣмъ не отличается отъ писемъ русскихъ простолюдиновъ къ своимъ роднымъ. Перовская еще нѣсколько дней назадъ отправила письмо къ своей матери. Желябовъ написалъ письмо къ своимъ роднымъ, потомъ раздѣлся и легъ спать въ исходѣ одиннадцатаго часа ночи. По нѣкоторымъ признакамъ, Рысаковъ провелъ ночь тревожно. Спокойнѣе всѣхъ казались Перовская и Кибальчичъ...

«Въ 6 часовъ утра, всѣхъ преступниковъ, за исключеніемъ Геси Гельфманъ, разбудили. Имъ предложили чай. Послѣ чая, ихъ поодиночкѣ призывали въ управленіе дома предварительнаго заключенія, гдѣ, въ особой комнатѣ, переодѣвали въ казенную одежду: бѣлье, сѣрые штаны, полушубки, поверхъ которыхъ арестантскій черный армякъ, сапоги и фуражку съ наушниками. На Перовскую надѣли платье тиковое съ мелкими полосками, полушубокъ и также черную арестантскую шинель.

«Какъ только оканчивалось переодѣванье, ихъ выводили на дворъ. На дворѣ стояли уже двѣ позорныя колесницы. Палачъ Фроловъ, съ своимъ помощникомъ изъ тюремнаго замка, усаживалъ ихъ на колесницу. Руки, ноги и туловище преступника прикрѣплялись ремнями къ сидѣнью.

«Палачъ Фроловъ еще наканунѣ вечеромъ, около 10-ти часовъ, прибылъ въ домъ предварительнаго заключенія, гдѣ и про-

Въ Окружномъ Судѣ по дѣлу 1 Марта 1881 года
Предсѣдатель Суда
Экспертъ Артелеріи
Маіоръ Өедоровъ
даетъ показаніе Суду

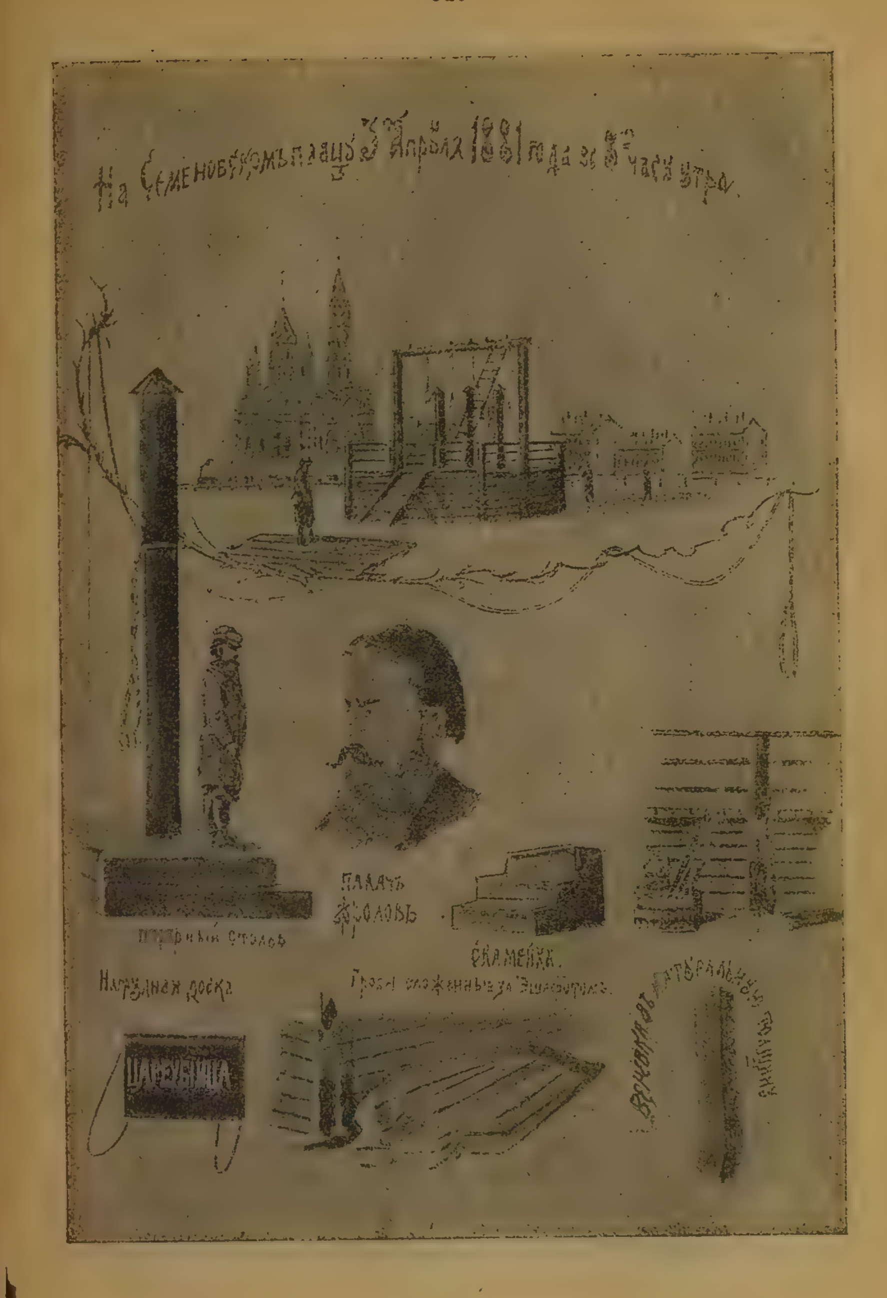
велъ ночь. Покончивъ операцію усаживанія преступниковъ на колесницы, Фроловъ со своимъ помощникомъ отправился въ каретѣ, въ сопровожденіи полицейскихъ, къ мѣсту казни, а вслѣдъ за нимъ двѣ позорныя колесницы выѣхали за ворота дома предварительнаго заключенія на Шпалерную улицу.

«Позорный кортежъ слѣдовалъ по улицамъ, перечисленнымъ выше. Высокія колесницы, тяжело громыхая по мостовымъ, производили тяжелое впечатлѣніе своимъ видомъ. Преступники сидѣли сажени двѣ надъ мостовою, тяжело покачиваясь на каждомъ ухабѣ. Позорныя колесницы были окружены войсками. Улицы, по которымъ везли преступниковъ, были полны народомъ.

«Этому отчасти способствовали какъ поздній часъ казни, такъ и теплая весенняя погода. Начиная съ восьми часовъ утра, солнце ярко обливало своими лучами громадный Семеновскій плацъ, покрытый еще снѣгомъ съ большими тающими мѣстами и лужами. Несмѣтное число зрителей обоего пола и всѣхъ сословій наполняло обширное мѣсто казни, толпясь тѣсною, непроницаемою стѣною за шпалерами войска. На плацу господствовала замѣчательная тишина. Плацъ былъ мѣстами окруженъ цѣпью казаковъ и кавалеріи. Ближе къ эшафоту были расположены въ квадратѣ сперва конные жандармы и казаки, а ближе къ эшафоту, на разстояніи двухъ-трехъ саженъ отъ висѣлицы, пѣхота лейбъ-гвардіи измайловскаго полка.

«Въ началѣ девятаго часа, пріѣхалъ на плацъ градоначальникъ, генералъ-маіоръ Барановъ, а вскорѣ послѣ него судебныя власти и лица прокуратуры: прокуроръ судебной палаты Плеве, исполняющій должность прокурора окружнаго суда Плющикъ-Плющевскій и товарищи прокурора Постовскій и Мясоѣдовъ, оберъ-секретарь Семякинъ.

«Вотъ описаніе эшафота: черный, почти квадратный, помостъ, двухъ аршинъ вышины, обнесенъ небольшими, выкрашенными черною краскою, перилами. Длина помоста 12 аршинъ, ширина $9^1/_2$. На этотъ помостъ вели шесть ступеней. Противъ единственнаго входа, въ углубленіи, возвышались три позорные столба, съ цѣпями на нихъ и наручниками. У этихъ столбовъ было небольшое возвышеніе, на которое вели двѣ ступени. По срединѣ общей платформы была необходимая въ этихъ случаяхъ подставка для казненныхъ. По бокамъ платформы возвышались два высокіе столба, на которыхъ положена была перекладина, съ шестью на ней желѣзными кольцами для веревокъ. На боковыхъ столбахъ также были ввинчены по три желѣзныя кольца. Два боковые столба и перекладина на нихъ изображали букву П. Это и была общая висѣлица для пяти цареубійцъ. Позади эшафота находились пять черныхъ деревянныхъ гробовъ, со стружками въ нихъ и парусинными саванами для преступниковъ, приговоренныхъ къ смерти. Тамъ же лежала деревянная, простая подставная лѣстница. У эшафота, еще задолго до прибытія палача, находились четыре арестанта, въ нагольныхъ тулупахъ—помощники Фролова.

На Семеновскомъ плацу 3 Апрѣля 1881 года въ 8 часу утра.
Палачъ Фроловъ
Скамейка.
Нагрудная доска
Гробы сложенные за эшафотомъ.

«За эшафотомъ стояли два арестантскіе фургона, въ которыхъ были привезены изъ тюремнаго замка палачъ и его помощники, а также двѣ ломовыя телѣги, съ пятью черными гробами.

«Вскорѣ послѣ прибытія на плацъ градоначальника, палачъ Фроловъ, стоя на новой деревянной некрашенной лѣстницѣ, сталъ прикрѣплять къ пяти крюкамъ веревки съ петлями. Палачъ былъ одѣтъ въ синюю поддевку, также и два его помощника. Казнь надъ преступниками была совершена Фроловымъ, съ помощью четырехъ солдатъ арестантскихъ ротъ, одѣтыхъ въ сѣрыя арестантскія фуражки и нагольные тулупы.

«Небольшая платформа для лицъ судебнаго и полицейскаго вѣдомствъ была расположена на 1—1½ сажени отъ эшафота. На этой платформѣ находились, во время совершенія казни, представители высшаго военнаго и судебнаго міра, а также представители русскихъ и иностранныхъ газетъ, военный агентъ итальянскаго посольства и нѣкоторые младшіе члены посольскихъ миссій. За платформою, по лѣвую сторону эшафота, расположился кружокъ военныхъ разныхъ оружій.

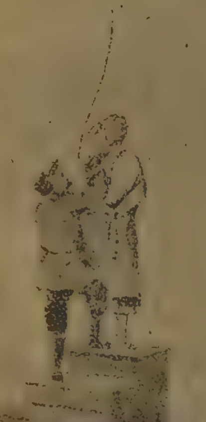
«Начиная съ того мѣста, гдѣ оканчивается Николаевская улица, на плацу, вплоть до самаго эшафота, были расположены въ двѣ шпалеры казаки, между которыми слѣдовали черезъ плацъ къ эшафоту позорныя колесницы на мѣсто казни.

«Колесницы съ осужденными прибыли на плацу въ 8 часовъ 50 минутъ. При появленіи на плацъ преступниковъ, подъ сильнымъ конвоемъ казаковъ и жандармовъ, густая толпа народу замѣтно заколыхалась. Послышался глухой и продолжительный гулъ, который прекратился лишь тогда, когда двѣ позорныя колесницы подъѣхали къ самому эшафоту и остановились, одна за другой, между подмостками, гдѣ была сооружена висѣлица и платформа, на которой находились власти. Нѣсколько ранѣе прибытія преступниковъ, подъѣхали къ эшафоту кареты съ пятью священниками.

«По прибытіи колесницъ, власти и члены прокуратуры заняли свои мѣста на платформѣ. Когда колесницы остановились, палачъ Фроловъ влѣзъ на первую колесницу, гдѣ сидѣли вмѣстѣ рядомъ связанные Желябовъ и Рысаковъ. Отвязавъ сперва Желябова, потомъ Рысакова, помощники палача ввели ихъ подъ руки по ступенькамъ на эшафотъ, гдѣ поставили рядомъ. Тѣмъ же порядкомъ были сняты со второй колесницы Кибальчичъ, Перовская и Михайловъ и введены на эшафотъ. Къ тремъ позорнымъ столбамъ были поставлены: Желябовъ, Перовская и Михайловъ; Рысаковъ и Кибальчичъ остались стоять крайними близъ перилъ эшафота, рядомъ съ другими цареубійцами. Осужденные преступники казались довольно спокойными, особенно Перовская, Кибальчичъ и Желябовъ, менѣе Рысаковъ и Михайловъ: они были смертельно блѣдны. Особенно выдѣлялась апатичная и безжизненная, точно окаменѣлая физіономія Михайлова.

3го Апрѣля Пятница 1881 года 9ть часовъ утра

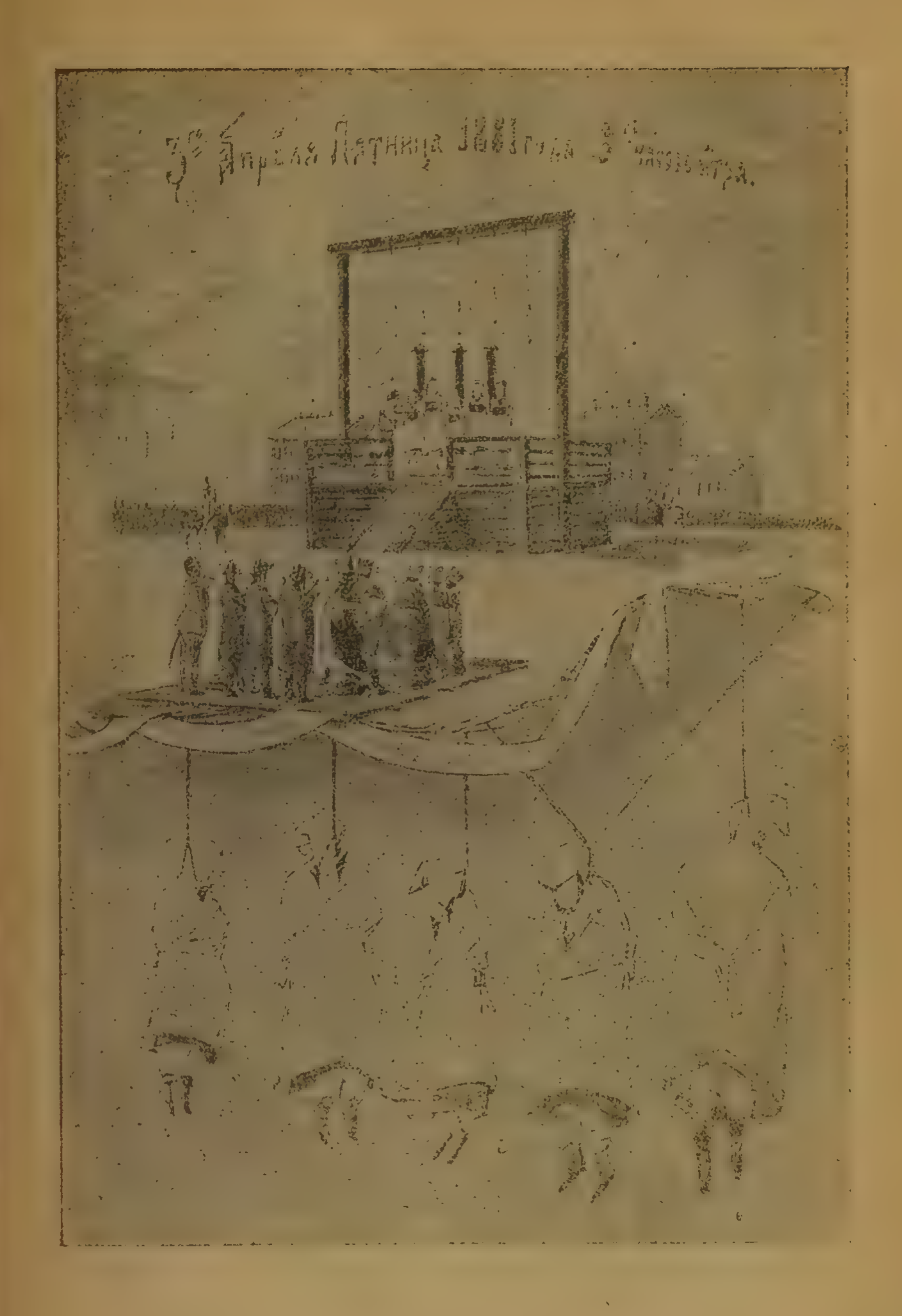
Невозмутимое спокойствіе и душевная покорность отражались на лицѣ Кибальчича. Желябовъ казался нервнымъ, шевелилъ руками и часто поворачивалъ голову въ сторону Перовской, стоя перрядомъ съ нею, и раза два къ Рысакову, находясь между первой и вторымъ. На спокойномъ, желтовато-блѣдномъ лицѣ Перовской блуждалъ легкій румянецъ; когда она подъѣхала къ эшафоту, глаза ея блуждали, лихорадочно скользя по толпѣ и тогда, когда она, не шевеля ни однимъ мускуломъ лица, пристально глядѣла на платформу, стоя у позорнаго столба. Когда Рысакова подвели ближе къ эшафоту, онъ обернулся лицомъ къ висѣлицѣ и сдѣлалъ непріятную гримасу, которая искривила на мгновенье его широкій ротъ. Свѣтлорыжеватые, длинные волосы преступника развѣвались по его широкому полному лицу, выбиваясь изъ-подъ плоской черной арестантской шапки. Всѣ преступники были одѣты въ длинные арестантскіе черные халаты.

«Во время восхожденія на эшафотъ преступниковъ, толпа безмолствовала, ожидая съ напряженіемъ совершенія казни.

«Вскорѣ послѣ того, какъ преступники были привязаны къ позорнымъ столбамъ, раздалась военная команда «на караулъ», послѣ чего градоначальникъ извѣстилъ прокурора судебной палаты, г. Плеве, что все готово къ совершенію послѣдняго акта земного правосудія.

«Палачъ и его два помощника остались на эшафотѣ, стоя у перилъ, пока оберъ-секретарь Поповъ читалъ приговоръ. Чтеніе краткаго приговора продолжалось нѣсколько минутъ. Всѣ присутствующіе обнажили головы. По прочтеніи приговора, забили мелкою дробью барабаны: барабанщики размѣстились въ двѣ линіи передъ эшафотомъ, лицомъ къ присужденнымъ, образовавъ живую стѣну между эшафотомъ и платформою, на которой стоялъ прокуроръ, градоначальникъ и другія должностныя лица. Во время чтенія приговора, взоры всѣхъ преступниковъ были обращены на г. Попова, ясно прочитавшаго приговоръ. Легкая улыбка отразилась на лицѣ Желябова, когда, по окончаніи чтенія приговора, палачъ подошелъ къ Кибальчичу, давая дорогу священникамъ, которые, въ полномъ облаченіи, съ крестами въ рукахъ, взошли на эшафотъ. Осужденные почти одновременно подошли къ священникамъ и поцѣловали крестъ, послѣ чего они были отведены палачами, каждый къ своей веревкѣ. Священники, осѣнивъ осужденныхъ крестнымъ знаменіемъ, сошли съ эшафота. Когда одинъ изъ священниковъ далъ Желябову поцѣловать крестъ и осѣнилъ его крестнымъ знаменіемъ, Желябовъ что-то шепнулъ священнику, поцѣловавъ горячо крестъ, тряхнулъ головою и улыбнулся.

«Бодрость не покидала Желябова, Перовской, а особенно Кибальчича до минуты надѣванія бѣлаго савана съ башлыкомъ. До этой процедуры, Желябовъ и Михайловъ, приблизившись на на шагъ къ Перовской, поцѣлуемъ простились съ нею. Рысаковъ стоялъ неподвижно и смотрѣлъ на Желябова все время, пока

3го Апреля Пятница 1881 года

палачъ надѣвалъ на его сотоварищей ужаснаго преступленія роковой длинный саванъ висѣльниковъ.

«Палачъ Фроловъ, снявъ поддевку и оставшись въ красной рубашкѣ, «началъ» съ Кибальчича. Надѣвъ на него саванъ и наложивъ вокругъ шеи петлю, онъ притянулъ ее крѣпко веревкою, завязавъ конецъ веревки къ правому столбу висѣлицы. Потомъ онъ приступилъ къ Михайлову, Перовской и Желябову.

«Желябовъ и Перовская, стоя въ саванѣ, потряхивали неоднократно головами. Послѣдній по очереди былъ Рысаковъ, который, увидавъ другихъ облаченными вполнѣ въ саваны и готовыми къ казни, замѣтно пошатнулся; у него подкосились колѣни, когда палачъ быстрымъ движеніемъ накинулъ на него саванъ и башлыкъ. Во время этой процедуры барабаны, не переставая, били мелкую, но громкую дробь.

«Въ 9 часовъ 20 минутъ, палачъ Фроловъ, окончивъ всѣ приготовленія къ казни, подошелъ къ Кибальчичу и подвелъ его на высокую черную скамью, помогая войти на двѣ ступеньки. Палачъ отдернулъ скамейку и преступникъ повисъ на воздухѣ. Смерть постигла Кибальчича мгновенно; по крайней мѣрѣ, его тѣло, сдѣлавъ нѣсколько слабыхъ кружковъ въ воздухѣ, вскорѣ повисло, безъ всякихъ движеній и конвульсій. Преступники, стоя въ одинъ рядъ, въ бѣлыхъ саванахъ, производили тяжелое впечатлѣніе. Выше всѣхъ ростомъ оказался Михайловъ.

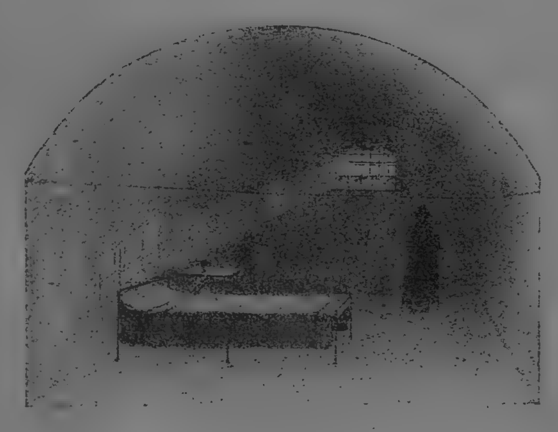
«Послѣ казни Кибальчича, вторымъ былъ казненъ Михайловъ, за нимъ слѣдовала Перовская, которая, сильно упавъ на воздухѣ со скамьи, вскорѣ повисла без движенія, какъ трупы Михайлова и Кибальчича. Четвертымъ былъ казненъ Желябовъ, послѣднимъ—Рысаковъ, который, будучи сталкиваемъ палачомъ со скамьи, нѣсколько минутъ старался ногами придержаться къ скамьѣ. Помощники палача, видя отчаянныя движенія Рысакова, быстро стали отдергивать изъ-подъ его ногъ скамью, а палачъ Фроловъ далъ тѣлу преступника сильный толчокъ впередъ. Тѣло Рысакова, сдѣлавъ нѣсколько медленныхъ оборотовъ, повисло также спокойно, рядомъ съ трупомъ Желябова и другими казненными.

«Въ 9 часовъ 30 минутъ казнь окончилась; Фроловъ и его помощники сошли съ эшафота и стали налѣво, у лѣстницы, ведущей къ эшафоту. Барабаны перестали бить. Начался шумный говоръ толпы. Къ эшафоту подъѣхали сзади двѣ ломовыя телѣги, покрытыя брезентами. Трупы казненныхъ висѣли не болѣе 20 минутъ. Затѣмъ на эшафотъ были внесены пять черныхъ гробовъ, которые помощники палача подставили подъ каждый трупъ. Гробы были въ изголовьяхъ наполнены стружками. На эшафотъ вошелъ потомъ военный врачъ, который, въ присутствіи двухъ членовъ прокуратуры, освидѣтельствовалъ снятые и положенные въ гробъ трупы казненныхъ. Первымъ былъ снятъ съ висѣлицы и положенъ въ гробъ Кибальчичъ, а затѣмъ другіе казненные. Всѣ трупы были сняты въ 9 часовъ 50 минутъ. По освидѣтель-

ствованія труповъ, гробы были немедленно накрыты крышками и заколочены. Гробы были помѣщены на ломовыя телѣги съ ящиками и отвезены подъ сильнымъ конвоемъ на станцію желѣзной дороги, для преданія тѣлъ казненныхъ землѣ на Преображенскомъ кладбищѣ.

«Вся процедура окончилась въ 9 часовъ 58 минутъ. Въ 10 часовъ градоначальникъ далъ приказъ къ разбору эшафота, что и было немедленно исполнено тутъ же находившимися плотниками, послѣ того, какъ палачъ Фроловъ, или, какъ онъ себя называетъ, «заплечныхъ дѣлъ мастеръ», такъ и его помощники были отвезены въ арестантскихъ «хозяйственныхъ фургонахъ тюремнаго вѣдомства» въ Литовскій замокъ.

«Въ началѣ одиннадцатаго часа, войска отправились въ казармы; толпа начала расходиться. Конные жандармы и казаки, образовавъ летучую цѣпь, обвивали мѣстность, гдѣ стоялъ эшафотъ, не допуская къ нему подходить черни и безбилетной публики. Болѣе привилегированные зрители этой казни толпились около эшафота, желая удовлетворить своему суевѣрію— добыть «кусокъ веревки», на которой были повѣшены преступники».

Трубецкой бастіонъ.

Внутренность каземата при дневномъ освѣщеніи.
Съ рис. Аксентовича.

Судьба первомартовцевъ.

Справка.

37 лѣтъ прошло съ 1 марта 1881 года, а изъ участниковъ въ дѣлѣ 1 марта остались въ настоящее время въ живыхъ только пять человѣкъ: Анна Васильевна Якимова (хозяйка сырной лавки—«Кобозева»), Аркадій Владимировичъ Тырковъ (членъ набюдательнаго отряда), члены исполнительнаго комитета «Народной Воли» Михаилъ Федоровичъ Фроленко, принимавшій участіе въ подкопѣ на Садовой улицѣ, Вѣра Николаевна Фигнеръ, въ квартирѣ которой были изготовлены бомбы, брошенныя 1 марта, и Прасковья Семеновна Ивановская-Волошенко, жившая вмѣстѣ съ М. Ф. Грачевскимъ на конспиративной квартирѣ, гдѣ хранился динамитъ, использованный 1 марта (уг. Подольской ул. и Мал. Царскосельскаго пр.). Всѣ остальные первомартовцы погибли или на эшафотѣ, или въ тюрьмахъ; громадное большинство умерло еще въ восьмидесятыхъ годахъ, и только Михаилъ Николаевичъ Тригони, переживъ Шлиссельбургъ и ссылку на Сахалинъ, умеръ въ маѣ 1917 г., въ Крыму, да не такъ давно умеръ въ Хабаровскѣ металыщикъ И. П. Емельяновъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ умеръ и предатель по этому дѣлу—Василій Меркуловъ.

Кромѣ того, неизвѣстна до сихъ поръ судьба еще двухъ участниковъ 1 марта: студента С., о которомъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ А. В. Тырковъ, (онъ былъ участникомъ наблюденій за выѣздами Александра II), и того лица, которому поручено было исполнительнымъ комитетомъ взорвать мину на М. Садовой улицѣ; фамилія его до сихъ поръ еще не обнародована...

Первымъ погибъ металыщикъ Игнатій Акимовичъ Гриневицкій. Отъ бомбы, брошенной имъ, погибъ Александръ II и онъ самъ. Вторымъ погибъ Н. А. Саблинъ, застрѣлившійся въ ночь на 3 марта въ конспиративной квартирѣ на Телѣжной улицѣ.

3 апрѣля 1881 года на эшафотѣ погибли организаторы дѣла 1 марта С. Л. Перовская и А. И. Желябовъ; техникъ Н. И. Кибальчичъ, металыщики Н. И. Рысаковъ и Тимофей Михайловъ.

Кромѣ Кибальчича, техникой были заняты Исаевъ, Сухановъ и Грачевскій. Ихъ судьба:

Лейтенантъ Николай Евгеньевичъ Сухановъ, судившійся по «процессу 20», былъ казненъ 19 марта 1882 г., въ Кронштадтѣ, въ присутствіи сборныхъ матросскихъ командъ.

Григорій Прокофьевичъ Исаевъ судился по тому же процессу; смертная казнь замѣнена была ему безсрочной каторгой, а затѣмъ онъ былъ заточенъ сначала въ Алексѣевскій равелинъ, а потомъ перевезенъ изъ него, 3 августа 1884 г., въ Шлиссельбургъ, гдѣ и умеръ отъ чахотки.

Михаилъ Федоровичъ Грачевскій приговоренъ былъ особымъ присутствіемъ правительствующаго сената 5 апрѣля 1883 г. къ смертной казни, замѣненной 28 мая безсрочной каторгой. Его тоже сначала заточили въ Алексѣевскомъ равелинѣ, а затѣмъ перевезли въ Шлиссельбургъ, гдѣ онъ и умеръ 26 октября 1887 г. отъ «обжоговъ». Начальникъ шлиссельбургскаго жандармскаго управленія полковникъ Покрошинскій въ донесеніи своемъ говоритъ объ этомъ событіи: «арестантъ Михаилъ Грачевскій 26 числа сего октября въ 45 минутъ восьмого вечера, обливъ портянки керосиномъ изъ горѣвшей у него лампы, положилъ таковыя на спину и грудь и зажегъ, вслѣдствіе чего получилъ обширные ожоги и задохнулся въ дыму, хотя медицинское пособіе и было оказано немедленно, но безуспѣшно». За годъ до этого Грачевскій голодалъ, требуя права прогулокъ съ товарищами попеременно, по выбору. Голодовка эта цѣли не достигла.

Кромѣ того, помогала снаряжать снаряды Татьяна Ивановна Лебедева. Она осуждена была по «процессу 20» на 20 лѣтъ каторжныхъ работъ, сослана затѣмъ на Кару, гдѣ и умерла отъ чахотки въ 1886 г.

Судьба И. П. Емельянова, одного изъ четырехъ метальщиковъ, оставшагося въ живыхъ, была такова: смертная казнь замѣнена ему была безсрочной каторгой, которую онъ и отбывалъ на Карѣ до 1889 г.; вскорѣ послѣ наказанія розгами Н. К. Сигиды и послѣдовавшихъ вслѣдъ за тѣмъ репрессій, онъ, въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ, такъ называемыхъ «колонистовъ», подалъ прошеніе о помилованіи и былъ немедленно освобожденъ изъ тюрьмы и, какъ всѣ другіе «колонисты», поселенъ на Дальнемъ Востокѣ. Онъ попалъ въ г. Хабаровскъ, гдѣ сначала былъ учителемъ у милліонера П. Пьянкова, (тоже сосланнаго ранѣе на Лену, по дѣлу «Чернаго Передѣла»), а потомъ и управляющимъ его дѣлами. Умеръ онъ года два назадъ.

На конспиративной квартирѣ на Телѣжной улицѣ, на которой метальщики получили снаряды, проживали Н. Саблинъ и Геся Мироновна Гельфманъ.

Гесѣ Мироновнѣ Гельфманъ суждено было прожить еще нѣсколько тяжелыхъ и трагическихъ мѣсяцевъ...

Она судилась съ первомартовцами и присуждена была къ смертной казни, которая была отсрочена въ виду того, что Гельфманъ вскорѣ должна была стать матерью. Можно представить, что должна была переживать будущая мать въ ожиданіи ребенка, зная, что, давъ ему жизнь, ему суждено попасть во вражескія руки, такъ какъ ей, его матери, предстоитъ казнь...

Затѣмъ, въ виду общественнаго мнѣнія Европы и Америки,

жизнь была ей дарована de jure, но фактически, путемъ издѣвательствъ надъ чувствами матери и человѣка, жизнь эта была все-таки отнята, а ребенокъ отданъ въ Воспитательный Домъ, какъ дочь «неизвѣстныхъ родителей», и дальнѣйшая ея судьба неизвѣстна... Геся Гельфманъ умерла 2 февраля 1882 года.

Участниковъ «наблюдательнаго отряда» тоже ждала трагическая участь.

Елизавета Николаевна Оловенникова, содержавшаяся въ домѣ предварительнаго заключенія, весьма быстро впала въ психозъ. Къ ней допущена была въ качествѣ сидѣлки ея родная сестра Наталья Николаевна, вѣроятно, для того, чтобы помочь Оловенниковой выздоровѣть ко времени суда. Но результаты получились обратные. Елизавета Николаевна по цѣлымъ днямъ твердила сестрѣ одну и ту же мольбу: «возьми меня отсюда, я больше не могу»... Сестра не могла вынести этой пытки, она тоже стала ненормальной, и ихъ обѣихъ отправили въ Казань; здѣсь онѣ пробыли долгіе годы и лишь въ 90-хъ г.г. привезены были на родину, въ г. Орелъ, обѣ въ состояніи тихаго неизлѣчимаго сумасшествія. Онѣ еще долго жили чисто растительной жизнью. Теперь обѣ сестры уже умерли.

Аркадій Владимировичъ Тырковъ, пережившій при арестѣ также и личную драму, вскорѣ заболѣлъ нервнымъ разстройствомъ и былъ отправленъ тоже въ Казань. Онъ выздоровѣлъ въ 1883 г., уже послѣ процесса 20, въ которомъ долженъ былъ судиться, и его сослали административнымъ порядкомъ въ г. Минусинскъ безъ срока. Послѣ коронаціи Николая II ему былъ, наконецъ, назначенъ срокъ двадцатилѣтній (административно!) Отбывъ его, онъ вернулся въ европейскую Россію и въ настоящее время проживаетъ въ Вергежѣ, новгородской губ.

П. Е. Тычининъ не дожилъ до суда; онъ покончилъ съ собою, бросившись съ верхней галлереи дома предварительнаго заключенія, и разбился на смерть...

«Извозчикъ»—Макаръ Васильевичъ Тетерка, осужденъ на безсрочную каторгу, умеръ въ Алексѣевскомъ равелинѣ 9 августа 1883 года.

Изъ участниковъ подкопа на М. Садовой—Ю. Н. Богдановичъ—хозяинъ сырной лавки—«Кобозевъ»—арестованъ былъ въ мартѣ 1882 г., въ Москвѣ, и приговоренъ былъ 5 апрѣля 1883 г. по «процессу 17» къ смертной казни, замѣненной 15 мая безсрочной каторгой. Богдановичъ заключенъ былъ сначала въ Алексѣевскій равелинъ, а затѣмъ въ Шлиссельбургъ, гдѣ и умеръ отъ чахотки, въ концѣ іюля 1888 года.

Хозяйка сырной лавки Анна Васильевна Якимова («Баска») присуждена была по «процессу 20» къ смертной казни, замѣненной затѣмъ безсрочной каторгой; она отбывала ее на Карѣ. Вскорѣ послѣ перевода мужской тюрьмы въ Акатуй, Якимова была выпущена въ вольную команду, а на поселеніе она вышла въ концѣ 90-хъ г.г.

Въ 1904 г. Анна Васильевна скрылась изъ г. Читы, и, будучи кооптирована въ центральный комитетъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ, принимала дѣятельное участіе въ дѣлахъ партіи и въ частности въ боевой ея организаціи, совмѣстно съ бѣжавшей тоже изъ Сибири Прасковьей Семеновной Ивановской-Волошенко; по доносу провокатора Н. Ю. Татарова, Якимова была арестована въ августѣ 1905 г. и вновь сослана въ Забайкальскую область.

Въ настоящее время А. В. Якимова вновь вернулась въ Европейскую Россію и находится въ г. Москвѣ.

Николай Николаевичъ Колодкевичъ, смертная казнь которому замѣнена была безсрочной каторгой, заточенъ былъ въ Алексѣевскій равелинъ и предназначался къ заключенію въ Шлиссельбургѣ, но 24 іюля 1884 г. умеръ въ равелинѣ отъ цынги.

О судьбѣ Н. Е. Суханова и М. Н. Тригони было уже сказано выше.

М. Ф. Фроленко, осужденный на смертную казнь, замѣненную безсрочной каторгой, пережилъ Алексѣевскій равелинъ и Шлиссельбургъ, вышелъ изъ него по амнистіи 1905 г. и до сихъ поръ живетъ на югѣ, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ.

А. И. Баранниковъ, осужденный на безсрочную каторгу, умеръ отъ чахотки въ Алексѣевскомъ равелинѣ 6 августа 1883 г.

Мартынъ Рудольфовичъ Лангансъ, также присужденный къ безсрочнымъ каторжнымъ работамъ, умеръ тамъ же, 11 сентября 1883 года.

Лейтенантъ баронъ Александръ Павловичъ Штромбергъ былъ сначала сосланъ административно въ г. Верхоленскъ, ирк. губ., а затѣмъ, вслѣдствіе оговора С. Дегаева, привезенъ былъ обратно, въ Петербургъ, и приговоренъ по процессу В. Н. Фигнеръ къ смертной казни. Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе въ Шлиссельбургѣ, 10 октября 1884 г.

Т.

Событіе 1 марта и Владиміръ Соловьевъ.

Новые документы.

Событіе 1 марта 1881 года повлекло неожиданныя послѣдствія въ жизни нашего философа Владиміра Сергѣевича Соловьева. Оно положило конецъ его профессорской дѣятельности [1]). 28 марта—въ тотъ день, когда заканчивался судъ надъ первомартовцами—Соловьевъ выступилъ въ залѣ кредитнаго общества съ лекціей: «Критика современнаго просвѣщенія и кризисъ міроваго процесса». Свою рѣчь Соловьевъ закончилъ призывомъ къ амнистіи цареубійцъ, заявленіемъ увѣренности, что царь, въ силу высшей правды, долженъ простить убійцъ своего отца. Содержаніе лекціи Вл. Соловьева было приведено нами по записи, сдѣланной одной изъ слушательницъ въ мартовской книгѣ «Былого» за 1906 годъ [2]). Вотъ заключительная часть рѣчи Соловьева по изложеніи этой записи:

«Пока идеалъ Божественной абсолютной правды еще не осуществился, пока всѣ люди не стали Христами и всѣ женщины Богородицами, народъ признаетъ внѣшнія формы образованія (внутренняго міра), внѣшнюю среду, живетъ въ государствѣ. Но онъ никогда не признавалъ и никогда не признаетъ этой внѣшней среды, какъ нѣчто самостоятельное. Для народа всѣ земныя формы являются какъ подчиненная среда для осуществленія идеала.

«И въ представителѣ государства, въ своемъ политическомъ вождѣ народъ видитъ не представителя внѣшняго закона, какъ чего-то самостоятельнаго, а носителя своего духовнаго идеала. Въ прошлое воскресеніе на этомъ самомъ мѣстѣ вы слышали краснорѣчивое изложеніе идеи царя по народному воззрѣнію. Я съ нимъ согласенъ (иначе я бы и не указывалъ на него). Скажу только, что то, что говорилось, не было доведено до конца. Истинная мысль не была досказана. Беру на себя смѣлость ее досказать.

---

[1]) См. Э. Л. Радловъ. Владиміръ Соловьевъ. Жизнь и ученіе. Спб. 1913, 17 и раньше въ біогр. очеркѣ, приложенномъ къ т. IX перваго изданія „Собранія сочиненій В. С. Соловьева“. Спб. 1907, IX и С. М. Соловьевъ: „Біографія В. С. Соловьева“, приложенная къ 6-му изданію „Стихотвореній Владиміра Соловьева“. М. 1915, стр. 11.

[2]) „Событіе 1 марта и В. С. Соловьевъ“—„Былое“, 1906, мартъ, 48—55.

«Несомнѣнно для народа царь не есть представитель внѣшняго закона. Да, народъ видитъ въ немъ носителя и выразителя всей своей жизни, личное средоточіе всего своего существа. Царь не есть—распорядитель грубою физическою силою для осуществленія внѣшняго закона. Но если царь дѣйствительно есть личное выраженіе всего народнаго существа, и прежде всего, конечно, существа духовнаго, то онъ долженъ стать твердо на идеальныхъ началахъ народной жизни: то, что народъ считаетъ верховной нормой жизни и дѣятельности, то и царь долженъ ставить верховнымъ началомъ жизни.

«Настоящая минута представляетъ небывалый дотолѣ случай для государственной власти оправдать на дѣлѣ свои притязанія на верховное водительство народа. Сегодня судятся и, вѣроятно, будутъ осуждены убійцы царя на смерть. Царь можетъ простить ихъ, и если онъ дѣйствительно чувствуетъ свою связь съ народомъ, онъ долженъ простить. Народъ русскій не признаетъ двухъ правдъ. Если онъ признаетъ правду Божію за правду, то другой для него нѣтъ, а правда Божія говоритъ: «Не убій». Если можно допускать смерть, какъ уклоненіе отъ недостижимаго идеала, убійство для самообороны, для защиты, то убійство холодное надъ безоружнымъ претитъ душѣ народа. Вотъ великая минута самоосужденія и самооправданія. Пусть царь и самодержецъ Россіи заявитъ на дѣлѣ, что онъ прежде всего христіанинъ, а какъ вождь христіанскаго народа, онъ долженъ, онъ обязанъ быть христіаниномъ».

Въ нашей статьѣ приведено восторженное воспоминаніе одной изъ слушательницъ Владимира Соловьева — г-жи Бодуэнъ-де-Куртенэ. Воспоминаніе очень живо и красочно, но оно вѣрнѣе передаетъ настроенія, но не факты. Разсказъ г-жи Бодуэнъ-де-Куртенэ вызвалъ существенныя возраженія и исправленія со стороны Л. З. Слонимскаго [1]). Очень точный и скупой на подробности, Л. З. Слонимскій даетъ сжатый очеркъ содержанія лекціи и впечатлѣнія, ею произведеннаго.

«Я присутствовалъ на этой лекціи отъ начала до конца и видѣлъ Соловьева при его уходѣ, когда его окружали восторженныя лица молодежи. Содержаніе его рѣчи было вполнѣ опредѣленное: онъ говорилъ на этотъ разъ не о Богородицѣ, а о народно-христіанскомъ идеалѣ царя, о высшемъ нравственномъ значеніи царской власти и объ ея обязательныхъ качествахъ и условіяхъ. Упомянувъ о краснорѣчивомъ изложеніи идеи царя въ недавней лекціи Ивана Аксакова, пріѣзжавшаго изъ Москвы для пропаганды своихъ взглядовъ, Вл. Соловьевъ ярко изобразилъ предъ нами тѣ возвышенныя свойства, которыми долженъ обладать монархъ, чтобы соотвѣтствовать своему назначенію. Онъ нарисовалъ такой идеально-высокій образъ царя, какого не могло существовать въ дѣйствительности, и затѣмъ прямо перешелъ къ

---

[1]) Письмо въ редакцію—„Былое“, 1907, мартъ, 306—307.

волновавшему всѣхъ процессу цареубійцъ. Онъ говорилъ медленно, отчеканивая отдѣльныя слова и фразы, съ короткими паузами, во время которыхъ онъ стоялъ неподвижно, опустивъ свои удивительные глаза съ длинными рѣсницами. «Царь может ъ ихъ простить»,—сказалъ онъ съ удареніемъ на словѣ «можетъ», и послѣ недолгой остановки продолжалъ, возвысивъ голосъ: «Царь долженъ ихъ простить». Особая напряженная тишина господствовала въ залѣ, и никому не приходило въ голову прерывать ее рукоплесканіями [1]). Никакихъ возгласовъ не было; никто не поднимался передъ эстрадой съ угрожающими словами, никто не кричалъ: «Тебя перваго казнить, измѣнникъ! Тебя перваго вѣшать, злодѣй!» Это было бы совершенно немыслимо при общемъ тогдашнемъ настроеніи. Не было также криковъ: «Ты нашъ вождь! Ты насъ веди!» Соловьеву была устроена овація только по окончаніи лекціи, когда онъ сходилъ съ каѳедры и направлялся потомъ къ выходу мимо взволнованной публики; и если къ нему «протягивались десятки трепетныхъ рукъ», преимущественно курсистокъ, то вовсе не для того, чтобы качать его «высоко» надъ головами толпы. Разсказъ о томъ, какъ «тѣ же руки бережно несутъ свою ношу съ эстрады въ залъ» и «два или три раза обносятъ его кругомъ» составляетъ, очевидно, плодъ галлюцинаціи. Ничего подобнаго не было и быть не могло».

Разсказъ Л. З. Слонимскаго мы можемъ подкрѣпить еще однимъ свидѣтельствомъ, современнымъ событію, въ печати еще не оглашеннымъ, да и предназначавшимся не для печати, а для властей предержащихъ. Это—доносъ на Соловьева, поданный въ числѣ нѣсколькихъ другихъ с.-петербургскому градоначальнику генералъ-маіору Н. М. Баранову нѣкіимъ генеральнаго штаба полковникомъ Андреевымъ. Этотъ «генеральнаго штаба полковникъ» не особенно грамотенъ: онъ упорно именуетъ Соловьева «Проффесоромъ». Вотъ его доносъ [2]):

«28 марта 1881 года состоялась въ залѣ кредитнаго общества вторая *публичная лекція* Проффесора Соловьева о ходѣ просвѣщенія въ Россіи въ настоящемъ столѣтіи.

«Заключительное слово лекціи Проффесора Соловьева состояло въ томъ, что указавъ на необычайное событіе 1 марта, онъ напомнилъ аудиторіи, состоявшей изъ самой разнообразной публики, въ общемъ свыше 1.000 человѣкъ, что:

въ настоящую минуту (10 часовъ вечера 28 марта) судъ уже осудилъ совершителей событія 1 марта и вѣроятно уже приговорилъ ихъ къ

---

[1]) Утвержденія, фактическую достовѣрность которыхъ дальше опровергаетъ Л. З. Слонимскій, принадлежатъ г-жѣ Бодуэнъ-де-Куртенэ.

[2]) Этотъ доносъ и всѣ приводимые дальше документы, въ печати не появлявшіеся, извлечены изъ „Дѣла по канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ о воспрещеніи профессору императорскаго с.-петербургскаго университета Соловьеву на нѣкоторое время чтенія публичныхъ лекцій". Началось 30 марта, рѣшено 31 марта 1881 года, на 12 листахъ.

смертной казни, но царь русскаго народа, какъ водитель его и носитель божественной искры, лежащей въ основѣ духовной жизни русскаго народа, царь русскій, какъ царь и христіанинъ, *долженъ помиловать осужденныхъ*.

«Выраженія, помѣщенныя въ скобкахъ, [1]) составляютъ смыслъ заключенія лекціи г. Соловьева, изложенный мною возможно ближе къ тому, какъ это было сказано.

Генеральнаго штаба полковникъ Андреевъ.

29 марта 1881 г. С.-Петербургъ. Троицкій переулокъ д. № 3, кв. 14

Понятно, инцидентъ на лекціи Вл. Соловьева не могъ пройти незамѣченнымъ и остаться безъ послѣдствій. На основаніи неизвѣстныхъ ранѣе документовъ мы можемъ теперь разсказать въ подробностяхъ исторію конца профессорской дѣятельности Соловьева, разыгравшуюся въ теченіе 29—31 марта 1881 года.

На другой же послѣ лекціи день Соловьевъ былъ вызванъ къ с.-петербургскому градоначальнику Баранову, далъ ему устныя объясненія и, очевидно, по его настоянію изложилъ ихъ письменно, въ формѣ слѣдующаго письма:

«Ваше превосходительство.

«Когда я просилъ о разрѣшеніи мнѣ лекцій, я заявилъ, что не буду говорить о политикѣ. И я не говорилъ о политикѣ. Объ самомъ событіи 1 марта я не сказалъ ни слова, а о прощеніи преступниковъ говорилъ только въ смыслѣ заявленія со стороны государя, что онъ стоитъ на христіанскомъ началѣ всепрощенія, составляющемъ нравственный идеалъ русскаго народа. Заключеніе моей лекціи было приблизительно слѣдующее: «рѣшеніе этого дѣла не отъ насъ зависитъ и не намъ судить царей. Но мы (общество) должны сказать себѣ и громко заявить, что мы стоимъ подъ знаменемъ Христовымъ и служимъ единому Богу—Богу Любви. Тогда мы возможемъ духовно возсоединиться съ нашимъ народомъ—тогда онъ узнаетъ въ нашей мысли свою душу, и увидитъ свою жизнь въ нашемъ свѣтѣ».

«Изъ 800 слушателей, разумѣется, многіе могли невѣрно понять и криво перетолковать мои слова. Я же съ своей стороны могу сослаться на многихъ извѣстныхъ и почтенныхъ лицъ, которыя, какъ я знаю, вѣрно поняли смыслъ моей рѣчи и могутъ подтвердить это мое показаніе.

«Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть вашего превосходительства покорный слуга Влад. Соловьевъ.

«Послѣ лекціи одинъ неизвѣстный мнѣ господинъ настоятельно требовалъ, чтобы я заявилъ свое мнѣніе о смертной казни, въ отвѣтъ на что я и сказалъ, взойдя на эстраду, что смертная казнь

---

[1]) Возраженія, помѣщенныя въ скобкахъ, т. е. въ кавычкахъ, набраны у насъ разрядкой; курсивомъ набраны слова, подчеркнутыя авторомъ доноса.

вообще, согласно изложеннымъ принципамъ, есть дѣло непростительное и въ христіанскомъ государствѣ должна быть отмѣнена».

30 марта генералъ Барановъ (по канцеляріи с.-петербургскаго градоначальника, № 6943) представилъ графу Лорисъ-Меликову, министру внутреннихъ дѣлъ, слѣдующій докладъ:

«На дняхъ, въ залѣ кредитнаго общества, состоялись двѣ публичныя лекціи профессора с.-петербургскаго университета Соловьева о ходѣ просвѣщенія въ Россіи въ настоящемъ столѣтіи. Предъ началомъ лекцій г. Соловьевъ далъ мнѣ честное слово нисколько не касаться событій послѣднихъ дней царствованія въ Бозѣ почившаго государя императора Александра Николаевича, между тѣмъ, по дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ, онъ, читая 28 сего марта вторую лекцію, не только упомянулъ, вопреки данному слову, о событіи 1 марта, но и вдался въ весьма неумѣстныя разсужденія относительно значенія и смысла смертнаго приговора надъ участниками преступленія 1 марта.

«Г. Соловьевъ былъ мною вызванъ и подалъ мнѣ письменное объясненіе.

«Находя поступокъ Соловьева крайне грустнымъ, такъ какъ своею безтактностью онъ вызвалъ манифестаціи, хотя и незначительныя, со стороны нѣсколькихъ слушателей, а главное слушательницъ, я считаю своимъ долгомъ упомянутое объясненіе, а также заявленіе полковника генеральнаго штаба Андреева, одно изъ нѣсколькихъ, сдѣланныхъ мнѣ, представить на усмотрѣніе вашего сіятельства».

«Поступокъ» Владимира Соловьева представлялся столь серьезнымъ и необычнымъ, что даже и всемогущій министръ графъ Лорисъ-Меликовъ не осмѣлился рѣшить дѣло самостоятельно, а передалъ «поступокъ» на сужденіе Александра III. Изложивъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ фактическую сторону дѣла (словами донесенія градоначальника), гр. Лорисъ-Меликовъ указывалъ сразу на ту максимальную кару, которой былъ достоинъ Соловьевъ: лишеніе профессорскаго званія, воспрещеніе публичныхъ чтеній, удаленіе изъ Петербурга.

Но такая кара, сообразная съ «поступкомъ», графу Лорисъ-Меликову казалась черезчуръ суровой. Онъ привелъ въ докладѣ рядъ обстоятельствъ, которыя могли бы смягчить отношеніе Александра III къ поступку. Во-первыхъ, Соловьевъ — сынъ недавно скончавшагося знаменитаго ученаго; во-вторыхъ, отличается строго-аскетическимъ образомъ жизни; въ - третьихъ, и великій князь Владимиръ Александровичъ, и министръ народнаго просвѣщенія Сабуровъ находятъ излишней чрезмѣрно строгую кару.

Приводимъ докладъ графа Лорисъ-Меликова, датированный 31 марта—2 апрѣля 1881 года:

«Профессору императорскаго с.-петербургскаго университета Соловьеву, съ разрѣшенія с.-петербургскаго градоначальника, до-

зволено было прочесть въ залѣ городского кредитнаго общества двѣ публичныхъ лекціи о ходѣ просвѣщенія въ Россіи въ настоящемъ столѣтіи. Передъ началомъ лекцій профессоръ Соловьевъ обязался генералъ-маіору Баранову честнымъ словомъ отнюдь не касаться современныхъ событій, между тѣмъ, читая 28 марта вторую лекцію, онъ, вопреки данному слову, не только упомянулъ о злодѣйскомъ преступленіи 1 марта, но и вдался въ неумѣстныя разсужденія относительно значенія и смысла смертнаго приговора надъ участниками означеннаго злодѣянія.

«Вызванный градоначальникомъ, профессоръ Соловьевъ представилъ ему письменное объясненіе, копію съ котораго долгомъ считаю представить на высочайшее вашего императорскаго величества благовоззрѣніе.

«Принимая во вниманіе, что профессоръ Соловьевъ дозволилъ себѣ, въ публичномъ чтеніи, допустить крайне неумѣстныя, при настоящихъ обстоятельствахъ, разсужденія, вызвавшія, хотя и незначительныя, манифестаціи со стороны нѣсколькихъ слушателей, а главное слушательницъ, чѣмъ возбудилъ въ средѣ ихъ превратныя толкованія, онъ долженъ былъ бы подлежать строгому взысканію, заключающемуся не только въ лишеніи носимаго имъ профессорскаго званія и воспрещеніи публичныхъ чтеній, но и въ удаленіи изъ Петербурга.

«Но имѣя въ виду, что Соловьевъ—сынъ недавно умершаго знаменитаго ученаго и, по отзыву свѣдующихъ лицъ, отличается строго-аскетическимъ образомъ жизни и склада убѣжденій, мнѣ казалось бы возможнымъ, на первый разъ, ограничиться строгимъ ему внушеніемъ, съ воспрещеніемъ на нѣкоторое время дальнѣйшаго чтенія публичныхъ лекцій.

«При этомъ обязываюсь присовокупить, что его императорское высочество государь великій князь Владиміръ Александровичъ и министръ народнаго просвѣщенія, съ которыми я имѣлъ случай объясняться по настоящему дѣлу 29 сего марта, не находятъ нужнымъ принятіе противу профессора Соловьева строгихъ мѣръ взысканія. Всеподданнѣйше представляя изложенныя обстоятельства на высочайшее вашего императорскаго величества благоусмотрѣніе, испрашиваю высочайшихъ вашихъ по сему предмету указаній».

Въ то же время самъ Соловьевъ счелъ нужнымъ, уступая, быть можетъ, чьему-либо совѣту, обратиться съ личнымъ письмомъ къ Александру III. Мы не знаемъ пути, какимъ оно попало въ царскія руки. Но Александръ III, очевидно, имѣлъ передъ собой и письмо Соловьева при соображеніи его участи и затѣмъ передалъ его графу Лорисъ-Меликову. Оно хранится нынѣ въ томъ дѣлѣ, изъ котораго мы брали всѣ приводимые нами документы. Письмо было напечатано нами въ 1906 году по списку, полученному отъ г-жи Хитрово. Въ виду нѣкоторыхъ, незначительныхъ, правда, отличій списка отъ подлинника, воспроизводимъ вновь текстъ письма со всѣми особенностями подлинника.

Ваше Императорское Величество

Всемилостивѣйшiй Государь!

До слуха Вашего Величества безъ сомнѣнiя дошли свѣдѣнiя о рѣчи, сказанной мною 28 марта, вѣроятно въ искаженномъ и во всякомъ случаѣ въ преувеличенномъ видѣ. Поэтому считаю своимъ долгомъ передать Вашему Величеству дѣло какъ оно было.

Вѣруя, что только духовная сила Христовой истины можетъ побѣдить силу зла и разрушенiя, проявляемую нынѣ въ такихъ небывалыхъ размѣрахъ, вѣруя также, что русскiй народъ въ цѣлости своей живетъ и движется духомъ Христовымъ, вѣруя наконецъ что Царь Россiи есть представитель и выразитель народнаго духа, носитель всѣхъ лучшихъ силъ народа я рѣшился съ публичной каѳедры исповѣдать эту свою вѣру.

Я сказалъ въ концѣ своей рѣчи, что настоящее тягостное время дастъ русскому Царю небывалую прежде возможность заявить силу христiанскаго начала всепрощенiя и тѣмъ совершить величайшiй нравственный подвигъ, который подниметъ власть Его на недосягаемую высоту и на незыблемомъ основанiи утвердитъ Его державу. Милуя враговъ своей власти вопреки всѣмъ естественнымъ чувствамъ человѣческаго сердца, всѣмъ расчетамъ и соображенiямъ земной мудрости, Царь станетъ на высоту сверхчеловѣческую и самымъ дѣломъ покажетъ божественное значенiе Царской власти, покажетъ, что въ Немъ живетъ высшая духовная сила всего русскаго народа, потому что во всемъ этомъ народѣ не найдется ни одного человѣка, который могъ бы совершить больше этого подвига.

Вотъ въ чемъ заключалась сущность моей рѣчи, и что къ крайнему моему прискорбiю было истолковано не только несогласно съ моими намѣренiями, но и въ прямомъ противорѣчiи съ ними.

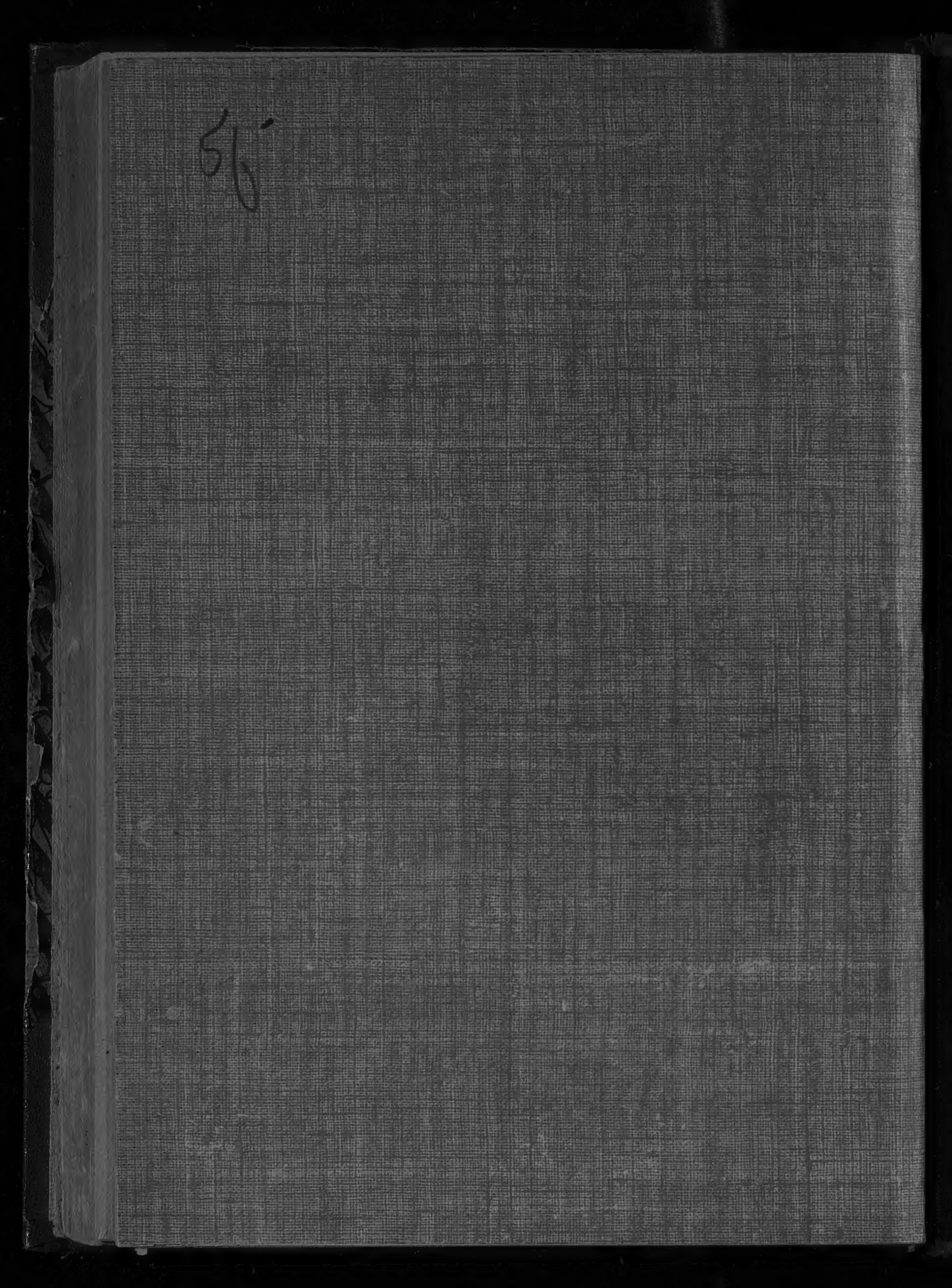
Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный

Владимiръ Соловьевъ

4 апрѣля, послѣ казни цареубiйцъ, дѣло о поступкѣ Соловьева было закончено. Этимъ числомъ датирована слѣдующая запись, сдѣланная графомъ Лорисъ-Меликовымъ на представленномъ имъ, приведенномъ выше докладѣ:

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ, чтобы г. Соловьеву, чрезъ посредство Министра Народнаго Просвѣщенiя, сдѣлано было внушенiе за неумѣстныя сужденiя, высказанныя имъ въ публичной лекцiи по поводу преступленiя 1 марта, и, независимо отъ сего, предложено было воздержаться на нѣкоторое время, по усмотрѣнiю того же Министра, отъ публичныхъ чтенiй.

П. Щеголевъ.

56

